

СОБРАНИЕ КНИГЪ

Омд. №

Виктора Ильича
ЧЕРНОПЯТОВА.

Harvard College
Library

BOUGHT FROM THE
GIFT OF
Charles Richard Crane
OF NEW YORK
1938

1750-2

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ РУССКОМУ ВЪСТНИКУ.

ИЗЪ ПЕЩЕРЪ И ДЕБРЕЙ ИНДОСТАНА

Ч. I

ПИСЬМА НА РОДИНУ

РАДДА-БАЙ

Bematsky

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1883.

PRINTED IN RUSSIA

Digitized by Google

Ind 2008.83.9

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE GIFT OF
CHARLES EDWARD CRANE
APRIL 29, 1938

ИЗЪ ПЕЩЕРЪ И ДЕБРЕЙ ИНДОСТАНА *

I.

Поздно вечеромъ, 16 февраля 1879 года, послѣ тяжелаго тридцати-двухъ-дневнаго плаванія изъ Ливерпуля, раздалась съ пассажирской палубы радостныя восклицанія: „Маякъ, Бомбейскій маякъ“!.. И вотъ всѣ кто ни былъ чѣмъ занятъ побросали карты, книги, музыку и кинулись на верхъ. Луна еще не всходила, и, не взирая на звѣздное тропическое небо, на верхней палубѣ было совершенно темно. Звѣзды блистали такъ ярко что трудно было сразу разглядѣть между ними земной огонекъ: точно громадные глазища на выкатѣ моргали онѣ на насъ съ чернаго неба, на склонѣ котораго тихо сіялъ Южный Крестъ... Но вотъ наконецъ еще ниже на далекомъ горизонтѣ заблесталъ и маякъ, ныряя огненною точкой въ волнахъ словно изъ растопленного фосфора. Горячо привѣтствовали измученные путешественники давно желанное явленіе. Всѣ развеселились...

Не долго пришлось намъ однако любоваться маякомъ; раздался звонокъ, и въ главной каютѣ потушили огни. Было десять часовъ вечера, и въ пріятныхъ мечтахъ о будущемъ днѣ всѣ разошлись по каютамъ. За то въ эту ночь никто не ложился спать. Всѣ суетливо укладывались, приготовляясь на другое утро какъ можно ранѣе распротиться съ

* Письма эти, принадлежащія перу нашей соотечественницы, печатались въ разное время въ *Моск. Вѣд.* за подписью *Радда-Бай* и будутъ продолжаться въ *Русскомъ Вѣстникѣ*,

нашею дырявою, заливаемою водою кадушкой, величаемою „океанскимъ стимеромъ“ Ливерпульскаго общества и съ ея вѣчно пьянымъ, грубымъ капитаномъ, который, между прочимъ, чуть было не утопилъ насъ, а по воскреснымъ днямъ запрещалъ пассажирамъ не только что играть въ карты или шашки, но даже заниматься музыкой.

Къ четыремъ часамъ утра всѣ пассажиры были уже на палубѣ, даже дамы. Такое раннее появленіе прекраснаго пола не входило въ расчетъ группы англо-индійскихъ офицеровъ и очень было ихъ переконфузило. Одна партія бравыхъ воиновъ, при помощи матросовъ, весело обливалась водою подъ лалубною помпой въ то время какъ товарищи ихъ, ожидая очереди, расхаживали кругомъ въ національныхъ костюмахъ Индусовъ, то-есть безо всякаго костюма. Но скромныя леди тоже *возвращались*, а не ѣхали въ Индію. Видимо успѣвъ уже полривыкнуть къ подобной пластической обстановкѣ, онѣ остались совершенно хладнокровными, тѣмъ болѣе что теперь вся развѣща заключалась въ одномъ колоритѣ. Къ тому же едва свѣтало...

Но что это было за разсвѣтъ!.. Пароходъ ужъ болѣе не качало... Подъ искуснымъ управленіемъ только-что прибывшаго туземнаго лоцмана въ костюмѣ Геркулеса, бронзовый слугуэтъ котораго рѣзко отдѣлялся на блѣдномъ небѣ, наш стимеръ, тяжело лыхтя испорченною машиной, тихо скользилъ по спокойнымъ прозрачнымъ водамъ Индійскаго Океана прямо по направленію къ гавани. Приближались къ залу, и до Бомбея оставалось всего нѣсколько миль; и тому кто подобно намъ за четыре недѣли до того дрожалъ отъ пронзительнаго холода и свѣжной бури застигнутой насъ у входа во много воспѣваемый поэтами, но еще болѣе проклинаемый моряками Бискайскій заливъ, окружавшая насъ обстановка казалась просто волшебнымъ сномъ!.. Послѣ тропическихъ ночей на Красномъ Морѣ и невѣроятно знойныхъ дней, промучившихъ всѣхъ отъ самаго Адена, на насъ, Сѣверянъ, вѣяло чѣмъ-то непривычнымъ, тяжело обаятельнымъ въ этой чудно-мягкой, предразсвѣтной свѣжести воздуха. Ни одного облачка не видѣлось на густо усѣянномъ потухавшими звѣздами небѣ... Догорающій свѣтъ луны, дотоль серебряною пеленой застилавшій небеса, сталъ теперь мало-по-малу исчезать; и по мѣрѣ того какъ прямо предъ нами, на востокъ, надъ далекимъ островомъ постепенно загоралось первое

зареву разсвѣта, послѣднее лунное сіяніе все болѣе и болѣе сосредоточивалось на западѣ, обрызгивая золотыми искрами прорываемую кильватеромъ и далеко оставляемую за нами темную водную полосу: словно съ нами, людьми изъ Америки, прощались сіяніе запада и свѣтъ востока привѣтствовали пришельцевъ изъ далекихъ странъ. Все сильнѣе голубѣло небо, быстро поглощая одну за другою послѣднія еле-мерцавшія звѣзды; и чудилось нѣчто трогательное въ кроткомъ достоинствѣ съ какимъ царица ночи передавала свои верховныя права могучему узурпатору. Наконецъ она стала тихо погружаться въ волны и—исчезла... И вдругъ, почти безъ малѣйшаго перехода отъ тьмы ко свѣту, багрово-огненный шаръ, вынырнувъ съ противоположной стороны изъ-за мыса, уперся на нѣсколько мгновеній золотымъ подбородкомъ въ нижній ярусъ скалъ острова и, какъ бы оглядывая насъ, на мигу пріостановился... Затѣмъ однимъ могучимъ взмахомъ очутилось дневное свѣтило высоко надъ моремъ, и побѣдосно поплыло вверхъ по тролѣ своей, мгновенно разсѣвая мракъ и разомъ захватывая въ пламенные объятія и посинѣвшія воды залива, и прибрежныя дачи, и острова съ ихъ скалами и лѣсами кокосовыхъ пальмъ... Не забыли золотые лучи поласкать и толпу благочестивыхъ поклонниковъ своихъ, Парсовъ-Гебровъ, простиравшихъ руки съ берега моря къ могучему „Оку Ормузда“. Картина была до того великолѣпна что на мигу все примокло на палубѣ; даже красноносый, старый матросъ, суетившійся возлѣ насъ съ канатомъ, пріостановилъ работу, и крикнувъ, одобрительно кивнулъ солнцу головой.

Пробираясь тихо и осторожно вдоль столь же предестнаго какъ и коварнаго залива, мы имѣли еще довольно времени любоваться его окрестностями. Направо отъ насъ видѣлась группа острововъ, во главѣ которой высится головообразный *Гхарипури* или „Элефанта“ со своимъ глубокой древности храмомъ. „Гхарипури“ въ переводѣ означаетъ „городъ пещеръ“—по мнѣнію ориенталистовъ, „городъ очищенія“—когда вѣрять туземнымъ санскритологамъ. Этотъ высѣченный неизвѣстною рукой въ самой сердцевиѣ скалы храмъ изъ камня, похожаго на порфиръ, давно уже служить аблокомъ раздора для археологовъ, изъ коихъ ни одинъ не былъ доселѣ въ состояніи опредѣлить даже приблизительно его древность. Высоко вздымается скалистое чело Элефанта; густо обросло

оно вѣковымъ кактусомъ, а подъ челою, у самаго подножія скалы, высѣчены два придѣла и главный храмъ... Словно сказочный Зміи-Горынычъ широко разинулъ онъ черную зіяющую пасть, какъ бы готовясь проглотить дерзновеннаго, пришедшаго вывѣдать сокровенную тайну Титана; и скалится онъ на пришельца два удѣлѣвшіе, потемнѣвшіе отъ времени длинные зуба,—два громадныхъ колонны, поддерживающія при входѣ нѣбо чудовища...

Сколько поколѣній Индусовъ, сколько расъ простиралось во прахъ предъ *Тримурти*, тройнымъ божествомъ твоимъ, о, Элефанта!.. Сколько вѣковъ понадобилось слабому человечеству дабы прорыть въ порфирномъ чревѣ твоемъ весь этотъ городъ пещерныхъ храмовъ и мраморныхъ лагодъ и изваять твои гигантскіе идолы? Кто можетъ это знать теперь! Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ видѣлись мы съ тобою въ послѣдній разъ, древній и таинственный храмъ! А все тѣ же безлокойныя мысли, тѣ же неотвязные вопросы волнуютъ меня теперь какъ и тогда, и остаются столь же безотвѣтными... Черезъ нѣсколько дней опять увидимся мы съ тобою; снова взгляну я на твое суровое изображеніе, на твой гранитный тройной ликъ въ 19 футовъ вышины, чувствуя столь же мало надежды когда-либо проникнуть тайну бытія твоего!... Эта тайна попала въ вѣрныя руки еще за три вѣка до нашего столѣтія. Не даромъ старый португальскій лѣтописецъ домъ-Діего де-Кута похваляется (8 декада, книга III, глава XI) тѣмъ что „большой квадратный камень вдѣланный надъ аркой лагоды съ четкою и крупною на немъ надписью былъ выломанъ и посланъ королю домъ-Жуану III, а затѣмъ таинственно исчезъ... и добавляетъ далѣе: „Возлѣ этой большой лагоды стояла другая... и даже третья... самое изумительное строеніе на островѣ какъ по красотѣ, такъ и по немовѣрно громаднымъ размѣрамъ своимъ и богатству матеріала. Всѣ эти лагоды и пещеры были выстроены царями *Канадскими* (?), главнымъ изъ коихъ былъ одинъ, по имени Боназуръ, и нѣ эти-то постройки Сатаны наши (португальскіе) солдаты накинудись съ такою яростью что въ нѣсколько лѣтъ не осталось отъ нихъ камня на камнѣ.“

А главное, не осталось надписей кои могли бы дать ключъ ко многому. Благодаря этому фанатизму португальскихъ вандаловъ, хронологія пещерныхъ храмовъ Индіи должна остаться для археологическаго міра на вѣки загадкой, начинаая отъ

браминовъ, которые увѣраютъ туристовъ будто Элефантскому храму 374.000 лѣтъ, и кончая Фэргессономъ, доказывающимъ что этотъ храмъ былъ высѣченъ чуть ли не въ XII вѣкѣ по Р. Х. * Куда ни загляни въ исторію, всюду одна гипотезы, мракъ. И однакоже, о Гхарилури упоминается въ эпической повѣсти *Маххабхарата*, написанной, по мнѣнію Кольбрука и Уильсона, задолго до царствованія Кира. Въ другой древней легендѣ говорится будто храмъ Тримурти на Элефантѣ построенъ еще сыновьями *Панду*, изгнанными по окончаніи войны воспитанъ въ *Маххабхаратѣ*—между династіями Солнца и Луны—восторжествовавшей расой Солнца: Раджпуты (потомки послѣдней) воспитываютъ еще до сей поры побѣду свою надъ врагами. Но и въ ихъ народныхъ лѣсняхъ нѣтъ ничего положительнаго. Прошли и еще пройдутъ столѣтія, а вѣковая тайна такъ и умретъ въ скалистой груди пещеры...

Налѣво, какъ разъ противъ Элефанты, черезъ заливъ и какъ бы въ контрастъ всей этой древности и величію, рѣзнулся Малабарскій холмъ, жилище современныхъ Европейцевъ и богачей туземцевъ. Ихъ ярко расписанныя бѣлоу утопаютъ въ зелени индійской смоквы, баньяновыхъ и другихъ деревьевъ; а прямыя, высокіе стволы кокосовыхъ пальмъ покрываютъ бахромой верхушекъ своихъ весь гребень холмистаго мыса. Вонъ, на самой юго-западной оконечности скалы, окруженной съ трехъ сторонъ океаномъ, возвышается прозрачное, словно кружевное строеніе правительственнаго дома (Government House). Это самое прохладное и удобное мѣсто Бомбея, обвѣваемое съ трехъ сторонъ морскими вѣтрами: это резиденція сэръ-Ричарда Темпла, губернатора и повелителя Бомбейскаго президентства. ** Развѣвующійся на высокой мачтѣ флагъ оловѣщаетъ правовѣрныхъ какъ и невѣрныхъ что его высокопревосходительство находится въ то время „у себя“. Мѣсто столь же прелестное какъ и подходящее

* *Rock-cut Temples of India.*

** Увы! нѣсколько мѣсяцевъ позже сей грозный повелитель Махратовъ, на совѣсти коего лежитъ погибель полутора милліона душъ умеренныхъ и въ время послѣдняго голода, благодаря его глупости,—воспылалъ желаніемъ сдѣлаться членомъ парламента. Бросивъ губернаторство, онъ послѣдовалъ въ Англію на выборы, гдѣ и получилъ должное вознагражденіе. При первомъ случаѣ избиратели забросали его гаванскими ядами и обратили въ постыдное бѣгство.

для досточтимаго баронета сильно страдающаго, между прочимъ, отъ разгоряченнаго воображенія. Только прохлада омаго спасаетъ его отъ постоянно угрожающаго ему удара вслѣдствіе мучительной мономаніи, центральная точка коей „русскіе шлюны“ и коварная „русская интрига“...

Островъ Бомбей, называемый туземцами „Мамбе“, получилъ свое названіе отъ богини „Мамба“ — на маратскомъ языкѣ Mahima, или „амба“, „мама“ и „амма“, смотря по діалекту — слово означающее буквально: „Великая Матерь“. Едва сто лѣтъ назадъ, тамъ гдѣ теперь городская эспланада, стоялъ храмъ посвященный „Мамбѣ Девы“. Съ невѣроятными затрудненіями и издержками перенесли его ближе къ берегу, близъ крѣпости, и поставили противъ храма „Болешвара“, *Владыки Невинныхъ*, — одно изъ названій бога Сивы или върѣе „Шивы“. Бомбей составляетъ часть значительной группы острововъ; самые замѣчательные изъ нихъ своими древностями: Сальсетта „перевазанная“ съ Бомбеемъ плотиною; Элефанта, такъ названная Португальцами вслѣдствіе громадной на островѣ скалы высѣченной на подобіе слова въ 35 футовъ длины, и третьихъ, островъ Тромбай, одинокая скала коего возвышается на 900 футовъ надъ моремъ. Бомбей, похожій на картатъ на большаго морскаго рака, расположенъ впереди всѣхъ другихъ острововъ. Далеко, протянувъ въ море обѣ клешни, онъ какъ бы стоитъ несмѣннымъ часовымъ и стережетъ меньшихъ, менѣе защищенныхъ братьевъ... Межъ имъ и материкомъ немного узкій при входѣ рукавъ рѣки постоянно расширяется; затѣмъ, снова сужаясь, далеко вливается между вогнутыми боками обоихъ береговъ, составляя такимъ образомъ безподобнѣйшую въ мірѣ гавань. Не даромъ изгнанные Англичанами Португальцы прозвали ее „Вуон Bahia“, то-есть хорошимъ заливомъ.

Въ припадкѣ туристскаго восторга, нѣкоторые путешественники сравнивали Бомбейскій портъ съ Неаполитанскимъ. Но оба, въ сущности, столь же похожи другъ на друга какъ *лазарони* похожъ на *кули*; все сходство между послѣдними въ цвѣтѣ кожи, а между портами — въ водѣ. Въ Бомбей какъ и въ его гавани все оригинально и самобытно, ничто не напоминаетъ даже южной Европы. Взгляните на эти каботажныя суда и рыбацкія лодки: оба построены наподобіе птицы, и обоимъ служила моделью морская птица *самъ*, нѣчто въ

родѣ рыболова. Такая лодка, особенно на ходу, олицетвореніе граціи съ ея длиннымъ, совершенно наподобіе птичьяго, носомъ и тулою округленною кормой; въ движеніи она словно плыветъ задомъ, а странной формы косою трехъугольный (латинскій) парусъ прикрѣпленъ къ высокому шесту острою вершиной вверхъ словно два птичьи крыла. Съ широко раздутыми на обѣ стороны крыльями такое туземное судно, при попутномъ вѣтрѣ и, пригнувшись носомъ почти въ уровень съ водой, летитъ съ изумительною быстротою. Но оно не прорѣзаетъ волны какъ наши лодки, а ныряетъ по нимъ какъ чайка, представляя собою совершенное подобіе морскаго рыболова...

Окрестности залива перенесли въ то утро наше воображеніе въ одну изъ волшебныхъ странъ *Арабскихъ сказокъ*. Далеко тянулась вдоль восточной стороны города горная цѣль Гхатъ, съ перемежающимися ея почти столь же высокими холмами. Отъ подножія до скалистыхъ, фантастически торчащихъ верхушекъ своихъ, эти холмы обросли дремучимъ лѣсомъ и непроходимыми *джонгалами*, гдѣ живутъ хищныя звѣри; а народное воображеніе одарило каждую скалу своею особенною легендой. Весь скатъ усыпанъ лагодами, минаретами и храмами всевозможныхъ сектъ. Тамъ и сямъ, горячо обливаемая утреннимъ солнцемъ, торчала древняя крѣпость, когда-то грозная и неприступная, теперь же полуразрушенная и обросшая непроницаемымъ кактусомъ. Что ни шагъ, то чья-либо святыня. Здѣсь—далеко уходящая внутрь горы „вихара“, келья буддійскаго *бикшу*; тамъ скала оживенная символомъ бога *Шивы*; далѣе—капище Джаиновъ; заросшія тивою священныя *танкы*—пруды наполненные благословенною браминомъ и поэтому очищающею ото всякаго грѣха водой—непрерывная принадлежность каждой лагоды. Вся окрестности, вся страна усыяна символами боговъ и богинь; каждое изъ 33 милліоновъ божествъ индійскаго Пантеона имѣетъ въ чемъ-нибудь своего представителя или что-нибудь посвященное себѣ; кусокъ камня, цвѣтокъ, дерево, птицу. Вотъ на западной сторонѣ Малабарскаго холма выгладываетъ „Валукашвара“, храмъ *Владыки изъ Песку*. Толпы Индусовъ обоюго пола, блистая на солнцѣ золотыми кольцами на пальцахъ ногъ и рукъ, браслетами отъ кисти рукъ до локтей и отъ щиколки до икоръ ногъ, со свѣже-разрисованными красною, желтою и бѣлою красками священными сектантами знаками

на лбахъ, въ аркахъ турбанахъ и бѣлосѣжныхъ одѣяніяхъ, тянутся длинною веревницей къ знаменитому храму. Преданіе гласитъ что Рáма, на пути изъ *Айодды* (Аудъ) въ Ланку (Цейлонъ) за женою своею Ситою, похищенною злымъ царемъ Рáваной, провелъ тутъ ночь. Братъ его Лáкшманъ, на коемъ лежала обязанность снабжать Рáму каждый вечеръ новымъ *лингою* изъ Бенáреса, залоздалъ въ тотъ день присылкой. Въ припадкѣ нетерпѣнія, Рáма соорудилъ себѣ *лингамъ* изъ песку. Когда наконецъ явился символъ изъ Бенáреса, то его поставили во храмъ, а Лингамъ сооруженный Рáмой остался на берегу. Тутъ онъ пребывалъ въ продолженіе долгихъ столѣтій; но съ прибытіемъ Португальцевъ „Владыка изъ песку“ почувствовалъ такое сильное отвращеніе къ *фориени* (чужестранцамъ) что прыгнулъ въ море и уже не появлялся болѣе. Далѣе—прекрасный бассейнъ (танкъ) называемый *Ванатирата* или „Прудъ Стрѣлы“. Здѣсь Рáма (любимый герой обоготворенный Индусами) пожелалъ налиться и, не находя воды подъ рукою, выстрѣлилъ изъ лука въ землю. И вотъ на этомъ мѣстѣ тотчасъ же появилась прудъ, хрустальныя воды коего обнесли высокою стѣною, выстроили ведущую внизъ каменную лѣстницу, окружили рядомъ бѣлокаменныхъ мраморныхъ пагодъ и обителями *девиджа* (*дваждырожденныя*) Браминовъ...

Индія—страна легендъ и таинственныхъ уголковъ. Нѣтъ въ ней развалины, нѣтъ памятника или лѣска чтобы не было у него своей исторіи. А главное, какъ обыкновенно ли олутана послѣдняя лагуиной народою фантазіи все гуще свиваемой съ каждымъ послѣдующимъ поколѣніемъ, но трудно однако указать хоть на одну такую которая не была бы основана на какомъ-нибудь историческомъ фактѣ. Съ терпѣніемъ, а главное съ помощью ученыхъ браминовъ, разъ войдя въ ихъ довѣріе и дружбу, всегда возможно докопаться до истины. Но ужъ конечно не Англичанамъ, съ ихъ высокоуміемъ и явно выказываемымъ презрѣніемъ къ „любѣжденной расѣ“ ожидать чего-либо подобнаго. Поэтому-то между *официально* разслѣдованною Индіей и (если дозволено такъ выразиться) *подземною*, настоящею Индіей, такая же разница какъ между Россіей въ романахъ Дюма-рѣге и настоящею *русскою* Россіей.

Еще далѣе, по той же дорогѣ стоитъ Парсійскій храмъ огнепоклонниковъ. У алтара его горитъ неугасаемый огонь, ежедневно пожирающій луды сандальнаго дерева и ароматическихъ

травъ. Зажженный триста лѣтъ тому назадъ священный огонь еще ни разу не потухалъ, не взирая на безпорядки, сектантскія распри, ни даже на войну. Парсиды весьма гордятся этимъ храмомъ *Зартушты*, какъ они называютъ Зороастра. Рядомъ съ этимъ, храмы Индусовъ разукрашены какъ красная писанка. То каллища, чаще всего посвященные Хануману, богу обезьянъ и вѣрному союзнику бога Рамы, или же какому другому божеству, какъ напримѣръ словоголовому Гавешъ (богъ тайной мудрости), или одной изъ *Девы*. Подобные храмы встрѣчаются на всѣхъ улицахъ. Предъ каждымъ рядъ столбчатыхъ пилалъ (*Ficus religiosa*), безъ которыхъ не обойдется ни одинъ храмъ, такъ какъ эти деревья служатъ любимымъ жилищемъ для стихійныхъ духовъ и грѣшныхъ душъ. Все это перемѣшано, слутано и разбросано, являясь предъ глазами внезапно, какъ картина во снѣ... Тридцать столѣтій оставили своихъ представителей на этихъ островахъ. Природная лѣвь и сильно ярусное Индїи чувство консерватизма сохранили еще до европейскаго вторженія эти памятники буддистовъ и другихъ неприязненныхъ браминамъ сектъ даже отъ разрушительнаго мщенія фанатиковъ. По природѣ Индусъ не способенъ на бессмысленный вандализмъ, и френологъ напрасно отыскивалъ бы на его черепѣ шипку разрушенія. Если столько древностей и незамѣнимыхъ памятниковъ старины, пощаженныхъ рукой времени, теперь искажены, разрушены и даже совсѣмъ полпорчены, то разрушителями ихъ постоянно являлись если не мусульмане, то Португальцы, подъ руководствомъ іезуитовъ.

Красота Бомбейскаго залива далеко однако не искушаетъ, со стратегической точки зрѣнія, слабостей его порта. Эта слабость, которую впрочемъ никто кромѣ спеціалиста никогда бы и не замѣтилъ, странно указывается самими же Англичанами. И съ чужестранцами толкуютъ они о ней, и разсуждаютъ объ этомъ въ газетахъ, и даже горько жалуются на нее въ своихъ „гидахъ“. Такъ напримѣръ, въ *Дорожномъ Индїи (Hand-Book of India, 1858, by Captain E. Eastwick)* авторъ пускается въ длинное разсужденіе объ опасности угрожающей Англїи въ случаѣ непріятельскаго вторженія въ Бомбей со стороны моря. Этотъ изъяснъ, давно замѣченный ревнивыми обладателями страны, словно мѣшаетъ имъ спать. Неужели же то самое, что продѣлалъ съ Португальцами могольскій адмиралъ Сиди въ 1690 году, взявшій у нихъ

Бомбейскую крѣпость въ нѣсколько часовъ, можетъ еще повториться въ 1880? И ей ли великой, *необходимой* націи, съ болѣе чѣмъ тысячею пушками на Адмиралтейскомъ бастионѣ, на Мандави-Бандарской и другихъ батареяхъ, лгаться вторженія? И однако, если судить по собственному сознанію ея сыновъ и по ихъ пріемамъ, то они не только горюють, но и постоянно трусятъ чего-то. „Что у кого бѣдѣть тотъ о томъ и говорить.“ Поэтому должно полагать что эта завоза крѣпко зашла и таки побаливаетъ въ бедра Великобританскаго льва. Не угодно ли послушать что они сами разказываютъ. Не отъѣхали мы ста миль отъ Ливерпуля какъ уже были посвящены, за общимъ столомъ, во всѣ слабости Бомбейскаго порта. „Фортъ нашъ со стороны материка можетъ быть и силенъ“, разсуждалъ одинъ капитанъ, „только вотъ со стороны моря онъ совсѣмъ подгулялъ. Беззащитнѣе этого форта трудно себѣ что и представить... Къ тому же, проливъ своею узковатостью способенъ затруднить непріятельскій флотъ развѣ что въ самомъ устьѣ; а замокъ форта *Сентъ-Джорджа*, построенный еще Португальцами, напоминаетъ одностѣнные, плоскіе замки на оперной сценѣ: на немъ не имѣется даже порядочнаго парашета. Самая же крѣпость (коммерческая часть города) не защищена даже и простою стѣной. За то она загромождена до самаго берега старыми, полусгнившими фабриками, заводами и на скорую руку построенными амбарами и частными жилищами... При первомъ пушечномъ выстрѣлѣ нашъ знаменитый фортъ развалится какъ картонный домъ“ и проч.

А теперь заглянемъ въ *Hand-Book* и посмотримъ что объ этомъ говоритъ Истникъ, посвящая книгу брату своему капитану Бомбейской арміи. „Еслибы“, пишетъ онъ, „наша злополучная крѣпость даже когда и изъявила претензію на защиту, то непріятелю не стоило бы обращать на нее вниманія. Ему слѣдовало бы только, совсѣмъ не заходя въ гавань, обогнуть островъ и высадить войска съ сѣверной, совершенно не защищенной стороны его. Только во время *монсуна* (сезона дождей) Бекъ-бей бываетъ опасенъ своими бурями, а главное—подводными скалами, которыми такъ густо устлано все пространство кругомъ Пронгскаго маяка (Prong). Во всѣ же остальные восемь мѣсяцевъ пароходы могутъ съ полною безопасностью бросать якорь внѣ залива.“

Не правда ли какъ откровенно? Поэтому и злорадное замѣчаніе одного извѣстнаго англо-индійскаго писателя,

валоминающаго что въ случаѣ либо войны, либо затѣвшаго вторженія, „Бекъ-бей представляетъ *столь же заманчивую сколько и коварно-опасную приманку* угрожающему непріятелю“—терлетъ все свое значеніе. Эта опасность, какъ намъ объявляетъ и „Guide-Book“, существуетъ лишь во время четырехмѣсячнаго *монсуна*, а въ остальные времена года—милости просимъ!

А между тѣмъ описывая такъ подробно свои слабѣйшіе пункты, Англо-Индійцы видятъ въ каждомъ невинномъ туристѣ изъ другихъ государствъ—шпіона. Проѣхала здѣсь, года два назадъ, русская артистка, пианистка Mlle Olga Duboin, и пожелала прокатиться по Индіи; двадцать сыщиковъ тайной полиціи какъ тѣни слѣдили за нею по пятамъ. Явился Нѣмецъ-живописецъ, уроженецъ Петербурга, но еде говорящій по-русски (г. Орасъ фанъ-Руитъ) изучать типы Индостана; шпіоны переодѣваются и являются къ нему предлагая себя въ модели. Приѣхала партія состоящая изъ американскаго полковника, чистѣйшаго Янки, двухъ Англичанъ изъ Лондона—арыхъ патриотовъ, но либераловъ, и американской гражданки, хотя и *русской* по рожденію, и вотъ национальность послѣдней подымаетъ на ноги всю полицію! Напрасно было бы доказывать что эти туристы единственно заняты метафизическими спекуляціями о мірахъ невѣдомыхъ и что они не только не интересуются политикою земнаго міра, но что ихъ русская слугица даже и „аза въ ней не смыслить.“ „Коварство Россіи давно вошло въ пословицу“, отвѣчаютъ ей. „Россіи де мы Афганистанскою войной отрѣзали дорогу чрезъ Гималайскія горы; вотъ она и пошла лисать съ другой стороны... Подружилась съ Китайцами, а теперь наусыкиваетъ ихъ идти на Индію чрезъ Рангунъ. Поэтому намъ и необходимо завладѣть Бурмой.“ * Уже и Китайцевъ стали теперь бояться съ ихъ горшками со смердящею жидкостью! Ну и владѣйте на здоровье коли никто не

* И поэтому тоже бирманскій посолъ присланный въ настоящее лѣто (1882) въ Симу для переговоровъ и подписи новаго трактата такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ. Всѣ газеты возстали противъ „нахааныхъ“ претензій Бирмы, все нахаанство кофѣ состояло въ томъ что она требовала права сноситься прямо съ Англійскимъ кабинетомъ помимо Калькуттскаго правительства и ограниченія правъ англо-индійскихъ чиновниковъ обращаться съ королемъ Бирмы какъ съ простымъ кули—поддачнымъ королевы. *Позднѣйшее примѣч.* автора.

иѣшаеть—благо что предлогъ нашелся. Только зачѣмъ же, спрашивается, нести такой сумбуръ про Россію?

Эта національная черта Англичанъ кричать „караулъ, рѣжутъ“ когда ихъ никто и не думаетъ трогать—отвратительна. Она въ нихъ особенно развилась со времени Беконсфилдскаго премьерства. Но если эта черта замѣчательна даже въ Англіи, то съ чѣмъ же сравнить ее въ Индіи? Здѣсь подозрительность перешла въ момоманію: Англо-Индіицы готовы видѣть шпіоновъ Россіи даже въ собственныхъ салюгахъ, и они уливаются этою идеей до чортиковъ.

— А что, спрашиваетъ одинъ американскій полковникъ у главнаго полицейскаго надзирателя одной изъ сѣверо-западныхъ провинцій:—возможно ли по вашему повтореніе сипайскаго возмущенія 1857 года? Какъ вы полагаете, усмирены Индусы?

— Пшоу!.. Боятся подобнаго возмущенія было бы столько же основательно какъ и паденія луны намъ на голову! получаютъ оны гордо въ отвѣтъ.

А между тѣмъ этотъ же калитанъ тутъ же разказываетъ за завтракомъ о превосходствѣ полицейской организаціи въ ихъ провинціяхъ: ни одинъ Индусъ не прибудеть изъ деревни въ городъ даже на одинъ часъ безъ того чтобы тотчасъ же не узнали объ этомъ въ тайной полиціи. Слѣдятъ за каждымъ новоприбывшимъ изъ одной провинціи въ другую, даже еслибы то былъ и Англичанинъ. У народа не только отняли всякое оружіе, но даже лишили послѣдняго толора и ножа. Крестьянину нечѣмъ ни дровъ нарубить, ни защититься отъ тигра. Но Англичане все еще дрожатъ. Правда что ихъ здѣсь всего 60.000, въ то время какъ туземнаго населенія, насчитываютъ до 245 милліоновъ. Да и система ихъ, перенятая ими отъ искусныхъ укротителей звѣрей, хороша лишь доколѣ звѣрь не почуветъ что его укротитель въ свѣю очередь трусить... Тогда горе ему! Во всякомъ случаѣ подобное постоянное выказываніе хроническаго страха обнаруживаетъ лишь сознаніе собственной слабости.

Наконецъ мы бросили якорь, и въ одну минуту сотни тощихъ, голыхъ Индусовъ, Могулей, Парсійцевъ и другихъ народовъ атаковали какъ нашъ багажъ, такъ и насъ самихъ. Вся эта ватага мгновенно выскочила какъ бы со дна морскаго; защебетала, зачирикала, залопотала и стала голосить какъ умѣютъ голосить одни азіатскіе народы. Чтобы скорѣе

избавиться отъ подобнаго Вавилонскаго столпотворенія грозившаго оглушить насъ на вѣки, мы бросились въ первый попавшійся бундеръ-ботъ и отчалили.

Когда мы пріѣхали въ заранѣе заготовленный для насъ бѣнгалю, первое чтó насъ поразило въ Бомбей были милліоны воронъ и коршунѡвъ. Черныя — мусорщички города, и убивать ихъ не только воспрещено полиціей, но и весьма опасно, такъ какъ это навлекло бы на убійцу серьезное возмездіе со стороны Индусовъ, всегда готовыхъ предложить собственную жизнь за воронью. Души грѣшныхъ прадѡвъ ихъ переселяются въ воронъ: убивать эту птицу значитъ мѣшать закону возмездія, а затѣмъ обречать душу на что-нибудь еще худшее. Въ этомъ не только Индусы, но и не менѣе ихъ суевѣрные Парсы (даже самые образованные между ними) влонавъ увѣрены. Странныя пошадки индійскихъ воронъ (о которыхъ будетъ упомянуто далѣе) до нѣкоторой степени оправдываютъ такое повѣрье. А коршуны, всегдашніе могильщички Парсовъ, находятъ подъ прямымъ покровительствомъ *Фараардани*, ангела смерти, который паритъ надъ „Башней Молчанія“ руковода занятіями пернатыхъ работниковъ. Но и объ этомъ послѣ. Ужасное карканье воронъ, не прерывающееся даже и по ночамъ, поражаетъ вновь прибывшаго своею странностью, но затѣмъ объясняется весьма просто. Всякое дерево изъ безчисленнаго множества кокосовыхъ лѣсовъ окружающихъ Бомбей на откулѣ у правительства, и на верху каждаго привязана тыква въ которую стекаетъ сокъ превращающійся по броженію въ крилчайшій напитокъ, называемый здѣсь „тодди“. Совершенно голые „тодди-вала“ (обыкновенно Португальцы), скромно украшенные впрочемъ коралловымъ ожерельемъ, какъ бѣлки лазятъ по два раза въ день на вершину полутораста-футовыхъ стволовъ собирая этотъ напитокъ. Воронъ вьютъ гнѣзда лишь на этихъ деревьяхъ и постоянно ѣдятъ изъ этихъ открытыхъ тыквъ. Въ результатѣ является хроническое ольявленіе этихъ крикуновъ.

Едва успѣли мы войти въ густой, заросшій садъ нашего будущаго жилища, какъ съ каждаго дерева послетала съ провзительнымъ карканьемъ стая воронъ; птицы эти окружали насъ, прыгая на одной ногѣ. Чудилось нѣчто положительно *человѣческое* въ позѣ хитро склоненной на-бокъ головы *пьяной* птицы, и чисто дьявольское выраженіе свѣтилось въ лукавомъ глазѣ оглядывавшемъ насъ снизу вверхъ...

II.

Мы занимали три маленькія *бэнгалу*, утопающія какъ гѣзда въ зелени сада, съ крышами буквально покрытыми розами растущими на трехсаженныхъ кустахъ, и съ окнами затянутыми кисеей вмѣсто обычныхъ рамъ и стеколъ. Эти *бэнгалу* находились въ туземномъ кварталѣ. Такимъ образомъ мы были разомъ перенесены въ настоящую Индію: мы жили въ Индіи, и отнюдь не какъ Англичане, лишь издали *окруженные* Индіей; мы могли изучать ея нравы, обычаи, религію, суевѣрія и обряды, знакомиться съ ея преданіями, словомъ, жить въ одномъ кругу съ Индусами, въ кругу заколдованномъ и недоступномъ Англичанамъ какъ вслѣдствіе вѣковыхъ предразсудковъ туземцевъ, такъ и по собственно высокомѣрію англо-саксонской расы.

Все въ Индіи, страхи слона и ядовитой кобры, тигра и неудачнаго англійскаго миссіонера, все своеобразно, странно; все кидается въ глаза чѣмъ-то непривычнымъ и неожиданнымъ даже и для того кто побывалъ въ Турціи, Египтѣ, Дамаскѣ и Палестинѣ. Въ этихъ тролическихъ странахъ условія природы до того разнообразны что дѣлается понятнымъ почему всѣ формы бытія въ животномъ и растительномъ царствахъ должны развиться отъ тѣхъ же формъ къ которымъ мы такъ привыкли въ Европѣ. Взгляните: вотъ идутъ женщины къ колодцу черезъ частный, но всегдѣ открытый садъ, гдѣ пасутся чьи-то коровы. Кому не случилось встрѣчать женщинъ, видѣть коровъ и любоваться садомъ? Кажется вещи самыя обычныя; но стоить лишь взглянуть въ нихъ внимательнѣе чтобы тотчасъ же сообразить всю громадную разницу между этими самыми предметами въ Европѣ и Индіи. Нигдѣ человекъ не чувствуетъ такъ своего ничтожества, своей слабости какъ предъ этою величественною природою тропиковъ. Прямые какъ стрѣлы, стволы кокосовыхъ пальмъ достигаютъ иногда 200 футовъ вышины; эти „принцы растительнаго царства“, какъ называлъ ихъ Линдлей, увѣчанные короной длинныхъ вѣтвей—кормильцы и благодѣтели бѣднаго народа: пальмы доставляютъ ему и пищу, и одежду, и кровъ. Самыя высокія наши деревья показались бы карликами предъ баньяномъ и особенно предъ кокосовыми и

другими пальцами. Наша европейская корова, принявъ индусскую свою сестру сперва за теленка, тотчасъ же отказалась бы отъ родства съ нею, такъ какъ ни мышинный цвѣтъ шероти, ни прамые какъ у козла рога, ни большой на спинѣ ея горбъ (напоминающій американскаго бизона, но безъ его гривы) не дозволялъ бы ей впасть въ подобную ошибку. Что же касается женщинъ, то хотя каждая изъ нихъ способна привести любого художника въ восторгъ своими движениями, костюмомъ, граціей; тѣмъ не менѣе отъ нашей румяной и дебелий какой-нибудь Анны Ивановны ни одна изъ красавицъ Индостана не дождалась бы ни лапки, ни привѣта: „Вѣдь экая срамота, прости Господи, глядишь: баба-то совсѣмъ голая!“ Мысли нашей русской женщины 1879 года вполне согласовались бы на этотъ счетъ съ таковымъ же мысліемъ знаменитаго русскаго странника XV столѣтія, „грѣшнаго раба Божія Аѳанасія, сына Никитина, изъ Твери“. Совершивъ „грѣшное странствованіе“ свое по тремъ морямъ: морю Дербентскому, сирѣчь „Дорьи Хвалиской“, морю Индіи, „Дорьи Гондустанской“, Морю Черному или „Дорьи Стамбульской“ (Стамбуль)—Аѳанасій Никитинъ прибылъ въ Чаулъ * (или, какъ онъ называетъ его, *Чемль*) въ 1470 году и описываетъ Индію въ слѣдующихъ словахъ: „Сія есть земля Индѣйская. Люди въ ней ходятъ голые, съ непокрытыми головами и голыми грудями; съ волосами заплетенными въ одну косу. Жены здѣсь ражаютъ дѣтей каждый годъ и ребятъ у нихъ много; мужи и жены черные: Ихъ *вмѣстѣ* носить одну фату на головѣ, а другую обматываетъ промежь ногъ; бояре носить ее на плечахъ (т.-е. брамины носящіе шарфъ черезъ плечо), а калгини—на плечахъ и вокругъ поясицы; но всѣ босые. Жены прохаживаются простоволосыя и съ голыми грудями. Мальчики и дѣвочки ходятъ до семи лѣтъ совершенно наги и стыда своего не скрываютъ...“ ** Все это описаніе совершенно вѣрно; только относительно ихъ *безкостюмн* Аѳанасій Никитинъ не совсѣмъ-то правъ: описаніе его можетъ относиться лишь къ низшимъ и бѣднѣйшимъ кастамъ.

* Въ 30 миляхъ отъ Бомбея. Чаулъ былъ при Португальцахъ цвѣтущимъ и богатымъ городомъ.

** За неизмѣненіемъ въ рукахъ подлинника, съ англійскаго перевода графа Вильгореккаго, въ *India in the XV century*, by R. F. Major, London, 1859, part. III, p. 8 & 9.

Эти дѣйствительно прохаживаются въ одной „фатѣ“, да и *фата*-то эта до того бѣдна что часто представляетъ себѣ лишь тесемку. Но у женщинъ она состоитъ изъ куска матеріи иногда до 15 аршинъ длины; одинъ конецъ служитъ короткими шароварами; а другимъ прикрывается грудь и голова на улицѣ, хотя лица всегда открыты; прическа же напоминаетъ греческій шиньонъ. Ноги выше коленъ, руки до плечъ и поясница всегда голыя. Да и ни одна здѣсь честная женщина не согласится надѣть башмаки; послѣдніе составляютъ принадлежность и отличительную черту только „вечестныхъ“ туземокъ. Въ южной Индіи, напротивъ, башмаки дозволены лишь женамъ и дочерямъ браминовъ. Когда не такъ еще давно жена мадрасскаго губернатора задумала подъ влияніемъ миссіонеровъ хлопотать въ пользу закона обязующаго женщинъ покрывать грудь, то дѣло дошло почти до революціи: ни одна женщина на это не согласилась, такъ какъ верхнее платье здѣсь носятъ лишь публичныя танцовщицы. Проектъ, къ великому горю миссіонеровъ и благородныхъ леди, провалился: правительство скоро пошло все неблагоразуміе возстановлять противъ себя женщинъ (которыя въ иныхъ случаяхъ гораздо опаснѣе своихъ мужей и братьевъ) покушеніемъ уничтожить обычай предписанный закономъ Ману и освященный трехтысячелѣтнею давностью.

Въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ до нашего выѣзда изъ Америки, мы находились въ постоянномъ перепискѣ съ однимъ ученымъ, извѣстнымъ даже въ Европѣ, браминомъ, слава котораго гремитъ въ настоящее время по всей Индіи. Этотъ браминъ, подъ руководствомъ котораго мы пріѣхали изучать древнюю страну Аріевъ, „Веды“ и трудный языкъ ея, пандитъ Дайанаандъ Сарасвати, суами*. Онъ считается величайшимъ санскритологомъ современной Индіи. Пандитъ этотъ составляетъ для всѣхъ непроницаемую загадку: выступивъ лѣтъ пять тому назадъ на арену реформаторства, онъ, какъ древніе „гимнософисты“ (уломяемые греческими и римскими писателями), жилъ до того времени отшельникомъ въ „джонглѣ“, а затѣмъ,

* Суами (Swami) называются здѣсь ученые анахореты, посвященные въ таинства своей религіи недоступныя остальнымъ смертнымъ; это безбрачные монахи, отщипные отъ „мищенствующей“ братіи, отъ такъ-называемыхъ *Саньязи* и *Гессейновъ*.

подъ руководствомъ мистиковъ и анахоретовъ, * изучала главныя философскія системы „Ариварты“ и тайный смыслъ „Ведь“. Съ первыхъ дней своего подвѣженія она поразивъ всѣхъ, и ово тотчасъ прозвала Лютеромъ Индіи. Странствуя изъ одного города въ другой, сегодня на югъ, завтра на сѣверъ, переносясь съ невѣроятною быстротою съ одного конца страны на другой, она исходила весь полуостровъ отъ Коморинскаго мыса до Гималая и отъ Калькутты до Бомбея, проповѣдая *единство божества* и доказывая съ „Ведами“ въ рукахъ что въ этихъ древнихъ писаніяхъ нѣтъ ни одного слова могущаго быть перетолкованнымъ въ смыслѣ политеизма. Гремя противъ идолопоклонства, великій ораторъ возстаетъ всеми силами противъ кастъ, раннаго брака и суевѣрія. Карая все это зло привитое къ Индіи столѣтіями фальшивой кавустики и жетокованіемъ „Ведь“, она прямо и безстрашно укоряетъ въ немъ браминовъ, обвиняя ихъ предъ массою народа въ униженіи родины, когда-то великой и независимой, теперь павшей и поращенной. Но Великобританія имѣетъ въ немъ не врага, а пожалуй даже и защитника. Она не только не подстрекаетъ народъ къ бунту, но, напротивъ, говоритъ ему прямо: „Прогоните Англичанъ, и завтра и вы, и я, и всѣ мы, возстающіе противъ идолопоклонства браминовъ и зломъ мусульманскаго деспотизма, будемъ перерѣзаны какъ бараны. Мусульмане сильнѣе идолопоклонниковъ, но послѣдніе сильнѣе насъ...“ И однакоже Англичане такъ мало понимаютъ свою выгоду что два года тому назадъ, въ Пунаѣ, гдѣ народъ раздѣлился на двѣ партіи: реформаторовъ и идолопоклонниковъ-консервативовъ, когда партія первыхъ развозила своего проповѣдника съ торжествомъ и ликованиями на слонѣ, а другая бросала въ него камнями и грязью, то вмѣсто того чтобы защищать Дайанада, она выгнала его изъ города, запретивъ ему впредъ являться туда.

* Между Индусами укоренилось древнее повѣрье что на Бхарилатскихъ выстахъ (22.000 футовъ надъ уровнемъ моря) существуютъ пространныя подземныя жилища обитаемыя этими анахоретами уже нѣсколько тысячъ лѣтъ. *Бхарилатами* (въ сѣверномъ Индостанѣ на правомъ берегу рѣки Вашегунга) знаменитъ своимъ храмомъ Вишну, построеннымъ въ самомъ центрѣ города; внутри храма бьютъ нѣсколько горячихъ минеральныхъ источниковъ. Около 50.000 пилигримовъ ежегодно посѣщаютъ это мѣсто: воды источника очищаютъ ихъ отъ грѣховъ.

Много горячихъ диспутовъ держалъ павдить съ браминами, этими коварными врагами народа, и всегда выходилъ побѣдителемъ. Въ Бенаресѣ къ нему подослали убійцъ; но преступленіе не удалось. Въ одномъ мѣстечкѣ Бенгаліи, гдѣ онъ особенно рѣзко нападалъ на фетишизмъ, какой-то фанатикъ ловко бросилъ ему на голыя ноги огромную змѣю кобра-ди-капелла, укушеніе которой причиняетъ въ три минуты смерть и отъ котораго медицина до сихъ поръ не знаетъ спасенія. „Да рѣшить нашъ споръ самъ богъ *Vasuki*!“* воскликнулъ поклонникъ Шивы, увѣренный что его воспитанная и дрессированная для таинствъ пагоды змѣя тутъ же покончитъ съ оскорбителемъ ея святыни. „Да“, спокойно отвѣтила Дай-анандъ, страхнувъ сильнымъ движеніемъ ноги обвившуюся вокругъ нее кобру, „только твой богъ слишкомъ медлитъ; споръ рѣшаю я...“ И быстрымъ, могучимъ движеніемъ латки раздавилъ голову змѣи. „Идите“, добавилъ онъ, обращаясь къ народу, „и повѣдайте всѣмъ какъ легко погибають фальшивые боги!“

Благодаря превосходному знанію санскритскаго языка, павдить оказываетъ великую заслугу какъ народу, разсвѣщая его невѣжество насчетъ монотеизма Ведъ, такъ и наукѣ, указывая что такое именно брамины, единственная каста въ Индіи, имѣвшая въ продолженіе столѣтій право изучать санскритскую литературу и толковать „Веды“ и воспользовавшаяся этимъ правомъ лишь для собственнаго интереса. Задолго еще до появленія такихъ ученыхъ ориенталистовъ какъ Бюркюфъ, Колебрукъ и Максъ Мюллеръ, было не мало туземныхъ реформаторовъ, старавшихся доказать чистый монотеизмъ ученія „Ведъ“. Являлись и основатели новыхъ религій, отрицавшіе откровеніе этихъ писаній, какъ напримѣръ раджа Рамохунъ Рой, а за нимъ Бабу Кешубъ-Чендеръ-Севъ, оба калькуттскіе Бенгальцы. ** Но ни тѣ, ни другіе не имѣли положитель-

* „*Vasuki*“—змѣя обвивающая на идолахъ шею бога Шивы и обоготворенная мифологіей браминовъ также какъ и змѣи „Ананда“, на которомъ изображенъ лежа богъ Вишну. Въ концѣ іюля, когда совершается празднество *Наге* или змѣй, на всѣхъ площадяхъ и улицахъ приготовлены сосуды съ молокомъ, и змѣи сотнями приносятся профессиональными „закапателями“ во всѣ города и деревни. Въ этотъ день Индія откармливаетъ своихъ пресмыкающихся „боговъ“, а Европейцы боятся выйти изъ дому.

** Въ настоящее время этотъ послѣдній совершенно сошелъ съ ума, сдѣлался какимъ-то плашущимъ дровишемъ, и сидитъ въ грязномъ

наго успѣха, они только къ безчисленному множеству другихъ сектъ Индіи прибавили новыя. Рамохунъ-Роѣ умеръ въ Англіи, не успѣвъ ничего сдѣлать, а преемникъ его, Кешубъ-Чендеръ-Сенъ, установивъ „церковь Брам-Самадж“, въ которой исповѣдуются религія извлеченная изъ глубины собственнаго воображенія Бабу, бросился въ самый отвѣщенный мистицизмъ и теперь оказывается „одного поля ягода“ со спиритами, которые его считаютъ за медиума и провозглашаютъ калькуттскимъ Сведенборгомъ.

Такимъ образомъ, всѣ попытки возобновить чистый первобытный монотеизмъ арійской Индіи оставались до сей поры болѣе или менѣе тщетными. Онѣ разбивались какъ волны о неприступную скалу браманизма и вѣками вкоренившихся предрасудковъ. Но вотъ неожиданно-негаданно являється мандить Дайанадъ. Никто даже изъ самыхъ приближенныхъ къ нему учениковъ не знаетъ: кто онъ и откуда онъ. И самъ онъ откровенно сознается предъ народомъ что даже имя подъ которымъ они его знаютъ ему не принадлежитъ, а дано ему при посвященіи его въ *йоги* *. Знаютъ одно: такого ученаго санскритолога, глубокаго метафизика, удивительнаго оратора и безстрашнаго карателя всякаго зла, Индія не видала со времени „Санкарачаріи“, знаменитаго основателя

бассейнъ, прославляетъ Чайтанью, Коранъ и Будду, а себя называетъ пророкомъ; пляшетъ мистическій танецъ со своими послѣдователями, переодѣтый въ женское платье во имя „бога-женщины“, называя этого бога „матерью, отцомъ и старшимъ братомъ!“

* *Патанджали*, основатель одной изъ шести главныхъ философскихъ системъ древней Индіи, учредилъ мистическую школу подъ названіемъ „школа *йоговъ*“. Думаютъ что и нео-платоники Александрійской второй и третьей школы были послѣдователями индійскихъ *йоговъ*, особенно ихъ еегурги вывезенной, по преданію, изъ Индіи Пинеагоромъ. Есть еще и въ настоящее время сотни *йоговъ* въ Индіи усердно сѣдующихъ системѣ Патанджали и—когда вѣрять имъ—имѣющихъ общеніе съ *Брамой*. Однако большая часть ихъ тупеядды, и хотя „мудре“ по призыванію, но плуты вслѣдствіе немаслятой жажды Индусовъ къ чудесному. *Настоящіе* же *йоги* не являютя публично, но живутъ въ полномъ уединеніи и проводятъ всю жизнь въ ученьи, кромѣ особыхъ случаевъ необходимости какому покорился Дайанадъ, явившійся „спасать свою страну“.

философіи *Веданты*, самой метафизической изъ всѣхъ системъ Индіи, вѣща пантеистическаго ученія. Къ тому же наружность Дайананда поразительная: громадный ростъ, блѣдная (скорѣе европейская нежели индійская) смуглость лица, большіе черные искрометные глаза и длинныя черныя съ просѣдью волосы. * Голосъ у него чистый, звучный, способный передавать оттѣнки всякаго внутренняго чувства, переходящій отъ вѣжнаго, почти женскаго шепота, увѣщанія, до громолоподобныхъ раскатовъ гнѣва противъ злоупотребленій и ажи пресрѣннаго жречества. Все это взятое вмѣстѣ неотразимо вліяетъ на нервнаго, мечтательнаго Индуса. Всюду гдѣ бы ни появилась суами Дайанандъ, толпы падаютъ предъ нимъ ницъ и простираются во прахъ ногъ его. Но онъ не проповѣдуетъ имъ, какъ налримѣръ Бабу-Кешубъ-Чендеръ-Севъ, новой религіи, не учитъ ихъ новымъ догматамъ; онъ только проситъ ихъ обратиться къ санскритскому, почти забытому языку, и сравнивъ ученіе праотцевъ ихъ, арійской Индіи, съ ученіями Индіи браминовъ—вернуться къ чистымъ возрѣніямъ на божество первобытныхъ Риси (Risis): Агни, Вайю, Адити и Ангүры.** Онъ даже не учитъ какъ другіе что „Веды“ были де получены откровеніемъ свыше; онъ учитъ что „всякое слово въ „Ведахъ“ принадлежитъ къ высшему разряду божественнаго вдохновенія *возможнаго* человѣку на этой землѣ,—вдохновенію, повторяющемуся въ исторіи всего человечества, въ случаѣ надобности, и между другими народами...“

Въ эти послѣднія пять лѣтъ у суами Дайананда насчитываютъ около двухъ милліоновъ новообращенныхъ, большею частью изъ высшихъ кастъ. Послѣдніе, повидимому, готовы положить за него все до одного и жизнь, и душу, и даже самое состояніе, что для Индуса часто бываетъ драгоценнѣе самой души. Но Дайанандъ, какъ истый *йоги*, до денегъ не дотрогивается, денежныя дѣла презираетъ и остается довольнымъ нѣсколькими горстами рису въ день. Словно закоддована жизнь этого удивительнаго Индуса, такъ безлечно играетъ онъ самыми худшими человѣческими страстями, возбуждая во врагахъ

* Йоги и дикшаты („посвященныя“) носятъ волосы длинныя, не обрѣзая ни бороды, ни усы.

** По преданію, четыре книги „Ведъ“ были переданы людямъ этии четырьмя патріархами.

своихъ самый бѣшеный и столь опасный въ Индіи гнѣвъ. Мраморное изваяніе не оставалось бы спокойнѣе Дайанагда въ минуты самой ужасной опасности. Мы одинъ разъ видѣли его на дѣлѣ: отославъ всѣхъ приверженцевъ своихъ и запретивъ имъ слѣдовать за нимъ либо заступаться за него, онъ остановился одинъ предъ разъяренною толпою и спокойно смотрѣлъ въ глаза чудовищу готовому прыгнуть и разорвать его на куски... Два года тому назадъ онъ началъ переводить съ собственными, совершенно новыми комментаріями „Веды“ съ санскритскаго, на языкъ *Хинди*—самый распространенный здѣсь діалектъ. Его *Veda-Basis* * служитъ неисчерпаемымъ источникомъ учености самого Макса Мюллера, въ переводахъ нѣмецкаго санскритолога, который постоянно переписывается и совѣтуется съ Дайанагдомъ. Ему также многимъ обязано другое свѣтило по части ориентализма—Монье Уильямсъ, профессоръ въ Оксфордѣ, который побывавъ въ Индіи, лично познакомился съ пандитомъ Дайанагдомъ и его учениками **.

Но здѣсь необходимо небольшое отступленіе.

Лѣтъ пять тому назадъ въ Нью-Йоркѣ образовалось общество образованныхъ, энергическихъ, рѣшительныхъ людей. Одинъ остроумный ученый прозвалъ этихъ людей „членами Общества des Malcontents du Spiritisme“. Основатели этого клуба были люди вѣрившіе въ феномены *спиритуализма* какъ и въ возможность всякихъ другихъ феноменовъ въ природѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отвергавшіе теорію „о духахъ“.

* Издается и выходитъ ежемѣсячно въ Бомбей; подписная плата идетъ на устройство школъ и библіотекъ для *Arii-Samadhis*, Бомбея. *Arii-Samadhis* — буквально „общество“ или скорѣе „братство Аріевъ“. Этихъ школъ и библіотекъ учреждено теперь пандитомъ Дайанагдомъ болѣе 60 во всей Индіи. Всѣ онѣ содержатся на собственные средства; санскритскій языкъ въ нихъ обязателенъ.

** Въ продолженіе двухлѣтняго своего пребыванія въ Индіи Уильямсъ усилленно искалъ себѣ помощника для переводовъ съ санскритскаго. Ему наконецъ удалось привлечь лучшаго изъ учениковъ Дайанагда, молодого пандита Шамджи Кришнаварму. Юный Индусъ недавно уже отправился въ Оксфордъ пожинать лавры для ученаго англійскаго санскритолога. Въ настоящее время онъ сдѣлался оксфордскою знаменитостію. Въ два года изучилъ превосходно латинскій и греческій языки и сдалъ блестящею трудный экзаменъ, оставивъ далеко позади себя всѣхъ юныхъ лордовъ. О немъ говорятъ постоянно англійскіе журналы.

Люди эти взирали на современную психологию какъ на науку стоящую еще на самой первоначальной ступени развитія, находящуюся въ совершенномъ невѣдѣніи относительно „духовнаго человѣка“ и, притомъ, отвергающую въ лицѣ многихъ своихъ представителей все то чего она сама не можетъ разомъ объяснить по-своему.

Съ первыхъ же дней основанія этого Общества (Теософическаго), къ нему примкнули многіе изъ самыхъ ученыхъ людей Америки. Члены эти разнились въ своихъ понятіяхъ и взглядахъ не менѣе членовъ любого географическаго или археологическаго общества, столько лѣтъ ссорившихся, напримеръ, изъ-за истоковъ Нила или египетскихъ іероглифовъ. Но какъ въ отношеніи къ устьямъ и іероглифамъ всѣ единодушно соглашались что разъ какъ существуютъ воды Нила и пирамиды, то гдѣ-нибудь да находятся и эти истоки, и ключъ къ іероглифамъ; такъ точно и въ отношеніи къ феноменамъ *спиритизма* и *магнетизма*. Феномены ждали лишь своего Шамлоліона, а Розетскій Камень сдѣлало искать не въ Америкѣ или Европѣ, а въ странахъ гдѣ еще вѣрятъ въ магію, гдѣ мѣстнымъ жречествомъ производятся „чудеса“ (въ которыя общество не вѣрило) и куда еще не проникалъ холодный матеріализмъ науки, словомъ— на Востокъ. „Ламо-буддисты“, разсуждалъ совѣтъ Общества, „не вѣрятъ ни въ Бога, ни въ личную индивидуальность человѣческой души, но они славятся своими феноменами; а „месмеризмъ“ извѣстенъ и практикуется въ Китаѣ подъ названіемъ *йина* и *айна* уже много тысячъ лѣтъ. Въ Индіи боятся и ненавидятъ столь уважаемыхъ спиритами духовъ; но ихъ простые, невѣжественные факиры производятъ „чудеса“ ставяція втуликъ самыхъ ученыхъ изслѣдователей и приводяція въ отчаяніе извѣстѣйшихъ въ Европѣ фокусниковъ. Многіе изъ членовъ Теософическаго Общества бывали въ Индіи, многіе родились тамъ и самолично неоднократно присутствовали при „колдовствахъ“ ея браминовъ. Основатели этого клуба, глядя на современное невѣжество относительно духовной стороны человѣка, разсуждали что долженъ же когда-нибудь методъ сравнительной анатоміи Кювье быть допущеннымъ и въ метафизикѣ и перейти изъ области *физической* въ область *психологической* науки и на такихъ же дедуктивныхъ и индуктивныхъ началахъ какъ и въ первомъ случаѣ; иначе психіатрія не сдѣлаетъ ни одного шага

впередъ и залпрудить даже и другія науки естествознанія. Мы уже видимъ какъ физиологія мало-по-малу захватываетъ не принадлежащія ей права окотиться во владѣніяхъ чисто метафизическихъ, абстрактныхъ знаній, притомъ дѣлая все время видъ будто бы и знать ничего не хочетъ о послѣднихъ, и, втѣснивъ ихъ въ мелоддающееея ея стараніямъ Прокустово доже естествовѣднія, старается подвести психологію подъ итогъ *точныхъ наукъ*.

Въ скоромъ времени Теософическое Общество стало считать своихъ членовъ не сотнями, а тысячами. Всѣ „*malcontente*“ спиритуализма въ Америкѣ (а тамъ считается спиритуалистовъ 12 милліоновъ) присоединились къ помянутому Обществу. Между тѣмъ установились коллатеральныя вѣтви его въ Лондонѣ, Корфу, Австраліи, Испаніи, Кубѣ, Калифорніи и проч. * Производились эксперименты, и все болѣе приходили къ убѣжденію что *не одни эсе „духи“ производятъ феномены*.

Наконецъ основалась вѣтвь Теософическаго Общества и въ самой Индіи, и на Цейлонѣ. ** Въ числѣ членовъ Общества постепенно стало оказываться больше буддистовъ и брамаистовъ нежели Европейцевъ. Составился союзъ, и къ имени Общества было добавлено названіе „*Brotherhood of Humanity*“ (братство человечества). Вступивъ въ дѣятельную переписку съ вождями религиозныхъ и реформаторскихъ партій *Арги Самадѣси* (то-есть Общества Аріидцевъ), основанной суами Дайанандомъ, всѣ слились съ Теософическимъ Обществамъ. Затѣмъ главный совѣтъ Нью-Йоркскаго Общества рѣшилъ отправить въ Индію делегацію съ цѣлію изученія на мѣстѣ, подъ руководствомъ санскритологовъ, древняго языка „Ведъ“, рукописи и „чудесъ“ *іогизма*. Для этого избраны президентъ Нью-Йоркскаго Общества, два секретаря

* Въ Теософическихъ Обществахъ Лондона насчитываютъ не мѣнѣ семи членовъ Королевскаго Общества межъ сотней другихъ извѣстныхъ въ области науки и литературы людей. Къ F. R. S. (Fellow Royal Society) прибавляютъ F. T. S. (Fellow Theosophical Society). Сынъ одного извѣстнаго члена парламента—президентъ Лондонскаго Общества, а президентъ „*Eclectic Theosophical Society*“ Сумамъ бывшій министръ (Secretary for India) А. О. Юмъ.

** Теперь, въ 1882 году, въ Индіи 36, а въ Цейлонѣ 8 теософическихъ обществъ основанныхъ нашимъ Американскимъ Обществомъ. *Аст.*

и два совѣтника. И вотъ 17 декабря 1878 года „миссія“ отплыла изъ Нью-Йорка въ Лондонъ и затѣмъ въ Бомбей, куда и прибыла въ февралѣ 1879 года.

Понятно что при такихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ члены помянутой миссии въ состояніи изучать страну и производить изслѣдованія тщательнѣе нежели кто-либо другой не принадлежащій къ Обществу. На нихъ взираютъ какъ на „братьевъ“ и имъ помогаютъ самые вліятельные туземцы Индіи. Они имѣютъ членовъ между лавитами Бенареса и Калькутты, между первосвященниками буддистскихъ *визарэ* Дэйлона (ученый „Сумангала“, между прочимъ, глава лагоды на Adam's Peak, о которомъ уломинаетъ г. Минаевъ въ своемъ путешествіи), среди ламъ Тибета, въ Бурмѣ, Траванкортъ и т. д. Членовъ миссии допускаютъ во святилища гдѣ еще не была нога Европейца; поэтому они смѣло могутъ надѣяться что несмотря на неохоту представителей *точныя* науки и ихъ недоброжелательство къ нимъ, вѣрующимъ, они будутъ въ состояніи оказать болѣе одной услуги міру и наукѣ.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Бомбей мы намѣревались ѣхать лично знакомиться съ Дайванандомъ и поэтому не медля отправили къ нему телеграмму. Въ отвѣтъ оный насъ извѣстилъ что ему необходимо ѣхать въ Хардваръ (Hardwar), куда стекалось въ этотъ годъ нѣсколько сотъ тысячъ пилигримовъ. Оный просилъ насъ вмѣстѣ съ тѣмъ не пріѣзжать въ Хардваръ, такъ какъ тамъ непременно должна появиться холера, и назначилъ намъ чрезъ мѣсяць мѣстомъ свиданія мѣстечко у подножія Гиммалаи, въ Пенджабѣ. * Такимъ образомъ

* Увы! это было написано въ 1879 году, а съ тѣхъ поръ много воды утекло. Суами Дайванандъ измѣнился—и изъ союзника и друга превратился въ заклятого врага Теософическаго Общества и его двухъ основателей—полковника Олкотта и автора этихъ писемъ. Дѣло въ томъ что входя въ „наступательный и оборонительный“ союзъ съ Теософическимъ Обществомъ Суами питалъ надежду что *все* члены — христіане, брамины и буддисты—признаютъ его своимъ верховнымъ вождемъ и учителемъ и перейдутъ въ „арианизмъ“. Само собою разумѣется, послѣднее оказалось невозможнымъ. Теософическое Общество основано на строжайшихъ правилахъ *незлншательства* въ религиозныя вѣрованія его членовъ. Вѣротерпимость доведена въ немъ до послѣднихъ предѣловъ, такъ какъ Общество это преслѣдуетъ чисто философскія цѣли, проповѣдуя *братство* всего человечества не взирая на касты,

намъ оставалось довольно времени осмотрѣть всѣ достопримѣчательности Бомбея и его окрестностей.

Рѣшивъ наскоро осмотрѣть первый, мы согласились вѣхать потомъ, не теряя времени, въ Декканъ, на большой храмовой праздникъ въ *Карли*,* старинный пещерный храмъ буддистовъ, по увѣренію однихъ,—браминовъ, какъ доказываютъ другіе. Затѣмъ, посѣтивъ Тавну, на островѣ Сальсеттѣ, и храмъ Каннари, мы намѣрены были отправиться въ столь прославленный Аэнасіемъ Никитинымъ Чаудъ.

А пока поднимаемся на вершины Малабарскаго холма, къ „Башнѣ Молчанія“, послѣднему жилищу каждаго изъ сыновъ Зороастра.

„Башня Молчанія“, какъ сказано, кладбище Парсовъ. Тутъ богатый и убогій, *набавъ* и *кули*, мужчины, женщины и дѣти—всѣ кладутся рядомъ, и отъ каждаго изъ нихъ *черезъ нѣсколько минутъ* остаются лишь одни скелеты... Страшное, тяжелое впечатлѣніе производятъ на иностранца эти „башни“, гдѣ дѣйствительно цѣлые вѣка царствуетъ гробовое молчаніе. Подобныя строенія разсѣяны повсюду гдѣ только живутъ и умираютъ Парсы, особенно въ Суратѣ. Но въ Бомбей изъ шести такихъ башенъ самая большая выстроена

вѣру и цвѣтъ кожи (то-есть національность), а до частныхъ религій ему кѣтъ дѣла. Это не понравилось Суами. Онъ потребовалъ чтобы *есть члены* или подчинились ему, или же были исключены изъ Общества. Понятно что на это не могли согласиться ни президентъ ни совѣтъ. Англичане, какъ христіане, какъ и вольнодумцы, буддисты и особенно брамины взбунтовались и потребовали расторженія союза. Тогда Суами, видя что власть ускользаетъ изъ его рукъ, предалъ Общество *анаемлю*, а его агенты предали оное поруганію на всѣхъ перекресткахъ. Кончилось тѣмъ что вся *интеллигенція* Арьи Самаджъ перешла въ Теософическое Общество и порвала всѣ сношенія съ Суами-фанатикомъ, а Суами обзываетъ Общество „*кварными Ферингали*.“ *Аст.*

* Эти религиозныя сборища (*мелла*) назначаются по очереди въ разныхъ пунктахъ Индіи и всегда въ городахъ исторія коихъ связана съ какимъ-либо особенно священнымъ преданіемъ. Въ Хардварѣ подобная „мелла“ назначается каждыя 12 лѣтъ. На эту религиозную *ярмарку* стекаются представители всевозможныхъ сектъ и держать диспуты, послѣ ученыхъ диссертаций, каждый въ защиту своей особенной секты. Однихъ *саньязи*—„монашествующихъ нащихъ“—было тамъ въ этомъ году до 35.000. Холера дѣйствительно появилась.

250 лѣтъ тому назадъ, а слѣдующая за ней по величинѣ даже очень недавно. Это круглыя, иногда и четырехугольныя строения безъ крышъ, безъ оконъ, безъ дверей, отъ 20 до 40 футовъ вышины и съ однимъ лишь закрытымъ кустами отверстіемъ на востокъ, состоящимъ изъ толстой желѣзной дверцы. Первый трулъ принесенный въ новую *даккму* (такъ называются эти башни) долженъ быть труломъ невиннаго ребенка и непремѣнно дитяти „мобеда“ (жреца). Къ этимъ башнямъ, построеннымъ въ сторонѣ, на холмѣ и среди уединеннаго сада, никому не дозволяется подходить, даже главному зрителю и сторожамъ ближе какъ на тридцать шаговъ разстоянія. Одни *нассалары* * (носильщики труловъ), ремесло коихъ наследственное и которымъ законъ строго воспрещаетъ заговаривать съ живыми, дотрогиваться или даже подходить къ нимъ, входить и выходить изъ „Башни Молчанія“. Входя, они вносятъ трулъ, безразлично богатаго или бѣднаго человѣка, завернутый въ бѣлыя и самыя старыя тряпки; раздѣвъ его до нага, они кладутъ его въ тотъ или другой изъ трехъ круговъ и, не произнося ни слова, выходятъ въ такомъ же молчаніи изъ башни, запирая ее до слѣдующаго покойника, а саванъ—тряпки—тотчасъ же сжигаютъ.

Смерть у огнелоклонниковъ лишена всего своего величія, и трулъ возбуждаетъ въ нихъ лишь одно омерзѣніе. Коль скоро замѣчаютъ что наступаетъ послѣдній часъ больнаго, всѣ домашніе отдѣляются отъ него какъ для того чтобъ не помѣшать душѣ освободиться отъ тѣла, такъ и затѣмъ чтобы живому не оскверниться прикосновеніемъ къ мертвому. Одинъ *мобедъ* шепчетъ на ухо умирающему налутственное изъ Зендъ-Авесты наставленіе: „Ашемъ-Вѳух“ и „Ято-ахуварь“ и удаляется пока отходящій еще живъ. Затѣмъ приводятъ собаку и заставляютъ ее смотрѣть въ лицо умирающему. Эта церемонія называется *сасъ-дидъ* (собачій взглядъ), такъ какъ собака единственное изъ живыхъ существъ взгляда котораго боится *друкъсъ-насу* (злой демонъ), сторожащій

* Положеніе этихъ несчастныхъ людей гораздо хуже положенія нашихъ палачей. Жива совершенно отдѣльно отъ свѣта, въ глазахъ котораго они верхъ всего осквернительнаго, они никогда не сообщаются съ остальнымъ міромъ. Не смѣя ничего покупать на базарѣ, они обязаны доставать себѣ пищу какъ знаютъ. Они рождаются, женятся и умираютъ въ отчужденіи отъ прочихъ, проходя черезъ улицы города лишь за покойникомъ или на пути съ нимъ въ башню.

умирающихъ дабы завладѣть ихъ тѣломъ... Слѣдуетъ однако остерегаться чтобы чья-нибудь тѣнь не легла между мертвымъ и собакой; иначе пропадаетъ вся сила собачьяго взгляда, и демонъ воспользуется благоприятною минутой. Гдѣ бы ни умеръ Парсъ, тамъ онъ и остается пока за нимъ не явятся *нассесалары*, съ руками погруженными до плечъ въ старыя мѣшки. Положивъ покойника въ желѣзный закрытый гробъ (одинъ для всѣхъ), его относятъ въ *дакхму*. Еслибъ отвесенный даже въ *дакхму* ожилъ (что нерѣдко случается), онъ ужъ не выйдетъ болѣе на Божій свѣтъ: *нассесалары* въ такомъ случаѣ убиваютъ его. Кто разъ осквернился прикосновеніемъ къ мертвымъ тѣламъ и побывалъ въ „башнѣ“, тому возвращаться въ міръ живыхъ уже невозможно: онъ осквернилъ бы все общество. * Родные слѣдуютъ за гробомъ издали и останавливаются въ 90 шагахъ отъ „башни“. У отверстія послѣ последней молитвы, повторяемой хоромъ носильщиками возлѣ тѣла, а *лобедомъ* издали, еще разъ повторяется церемонія съ собакой. Въ Бомбей нарочно для этого дрессированная собака держится на цѣли у дверей башни. Затѣмъ *нассесалары* вносятъ тѣло внутрь и, вынувъ его изъ гроба, кладутъ на отведенное трупу, смотря по полу или возрасту, мѣсто.

Мы два раза присутствовали при церемоніи „умирая“ и одинъ разъ при „погребеніи“, если позволено употребить подобное не подходящее къ дѣлу выраженіе. На этотъ счетъ Парсы гораздо снисходительнѣе Индусовъ, считающихъ присутствіе Европейца оскверненіемъ ихъ религіозныхъ обрядовъ. Хоронили какую-то богатую женщину, и нашъ знакомый смотритель башни, Н. Байранжи, пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ. Такимъ образомъ мы присутствовали при всѣхъ обрядахъ, находясь шагахъ въ сорока отъ башни, на верандѣ *бэнглоу* нашего любезнаго хозяина. Самъ онъ, хотя уже

* Вслѣдствіе нѣсколькихъ такихъ несчастныхъ случаевъ, Парсы хлопочутъ о новомъ законѣ который бы, во первыхъ, призналъ за оживающими право вернуться въ міръ живыхъ и, во вторыхъ, обязалъ *нассесаларовъ* оставлять единственную дверь башни не запертою на ключъ, дабы дать средство несчастному эксъ-мертвецю спастись бѣгствомъ. Странно что коршуны, пожирающіе немедленно покойника, никогда не тронуть мнимого мертвеца и съ крикомъ отлетаютъ въ сторону. *Лет.*

много дѣтъ служилъ при „башнѣ“, въ нее никогда не входилъ и даже близко не подходилъ. Пока собака гляѣла на покойника, мы, признаться, съ тайнымъ чувствомъ отвращенія гляѣли въ свою очередь на огромную стаю коршуновъ летавшихъ надъ *дакмою*. Коршумы влетали въ нее и снова вылетали съ кусками окровавленнаго человѣческаго мяса въ клювъ... Эти птицы, которыя нынѣ сотнями свали себѣ гнѣзда надъ „Башней Молчанія“, привезены нарочно съ этою цѣлью изъ Персіи, такъ какъ коршумы Индіи оказались и не довольно хищными и слишкомъ слабыми чтобы справляться съ окоченѣвшими трупами со скоростью требуемою закономъ Зороастра. Говорятъ будто процессъ совершеннаго очищенія костей отъ мяса требуетъ не болѣе нѣсколькихъ минутъ...

По окончаніи обряда насъ повели въ другое зданіе, гдѣ на небольшомъ столѣ стояла превосходная деревянная модель *дакмы* съ ея внутреннимъ устройствомъ. Такимъ образомъ мы могли легко сообразить что въ эту минуту происходило въ башнѣ. Представьте себѣ дымовую четвероугольную трубу, стоящую на землѣ, и вы получите вѣрное понятіе объ устройствѣ пустой „башни“. Въ гранитномъ помостѣ, въ самомъ центрѣ, черпаетъ глубокій, безводный колодець покрытый, какъ водостокъ, желѣзною рѣшеткой. Вокругъ, на постоянно возвышающейся къ стѣнѣ покатости, окружая колодець тройнымъ кольцомъ, прорыты три широкіе круга; въ каждомъ изъ нихъ, отдѣленные одно отъ другаго тонкимъ простѣнкомъ въ два вершка вышины, находятся гробообразныя мѣста для тѣлъ. Такихъ мѣстъ 365. Въ первый кругъ или выбой (2 фута ширины) у колодца кладутся дѣти; въ средній (въ 4 фута)—женщины; въ третій (5 футовъ ширины) расположенный у самой стѣны—мужчины. Этотъ тройной кругъ служитъ типомъ трехъ кардинальныхъ у Зороастра добродѣтелей: „добрыхъ дѣлъ, ласковыхъ словъ и чистыхъ помышленій“. Послѣдній кругъ принадлежитъ дѣтямъ, первый мужчинамъ.

Благодаря сталямъ голодныхъ коршуновъ, менѣе нежели въ часъ времени кости всегда обглоданы до послѣдняго атома, а чрезъ двѣ-три недѣли тропическое солнце сушитъ скелеты до такой хрупкости что они при малѣйшемъ прикосновеніи обращаются въ прахъ, а затѣмъ ихъ уже сваливаютъ

въ колодець. Ни малѣйшаго запаха, ни малѣйшаго предлога для чумы или другой эпидеміи. Способъ этотъ, пожалуй, еще вѣрнѣе тѣлосожиганія, которое все-таки оставляетъ за собой въ атмосферѣ *Гота** хотя слабый, но дурной запахъ. Въмѣсто того чтобы кормить „мать сырую землю“ ладаью, Парсы отдаютъ *Армасти* (земля)** лишь совершенно очищенный прахъ. Почитаніе земли, предписанное имъ Зороастремъ, такъ велико у нихъ что они принимаютъ всякія мѣры предосторожности дабы не осквернить „Коровы-Кормилицы“ даращей ихъ „стократъ золотымъ зерномъ за всякое зерно“. Во время муссона, когда дождь льетъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ ливнемъ и конечно смываетъ всѣ оставленныя коршунами около труповъ нечистоты въ колодезь, вода, стекая въ него, всасывается въ землю уже фильтрованная: все дно колодца, стѣнки котораго выложены гранитными плитами, покрыто съ этою цѣлью водоочищенія песчаникомъ и углемъ.

Менѣе мрачно и гораздо любопытнѣе зрѣлище *Пинѣрана*, бомбейскаго „госпитала для престарѣлыхъ животныхъ“, существующаго впрочемъ въ каждомъ городѣ гдѣ только живутъ *джайны*, о которыхъ кстати здѣсь сказать нѣскольکو словъ. По своей безспорной древности эта секта здѣсь одна изъ самыхъ интересныхъ; она много древнѣе буддизма (появившагося около 543—477, до Р. Х.). *Джайны* похваляются тѣмъ что религія Будды есть не что иное какъ ересь джайнизма, такъ какъ Гаутама, основатель буддизма, былъ ученикомъ и послѣдователемъ одного изъ ихъ главныхъ *гуру* и святыхъ. Обычай, обрядность и философскія воззрѣнія *джайновъ* ставятъ ихъ чѣмъ-то среднимъ между браминами и буддистами; въ общественномъ отношеніи они походятъ на первыхъ, въ религіозномъ склоняются болѣе къ буддистамъ. Какъ и брамины, они придерживаются кастъ, никогда не ѣдятъ мяса и не почитаютъ тѣлъ святыхъ; но вмѣстѣ съ буддистами они отвергаютъ „Веды“ и боговъ Индусовъ, вмѣсто которыхъ поклоняются своимъ двадцати четыремъ *тиртанкарамъ* (Tirthankara) или *джайнамъ*, причтеннымъ къ аску

* *Гота*—мѣсто отведенное на берегу моря или рѣки для сожиганія тѣлъ Индусовъ.

** *Армасти*—буквально „Корова-Кормилица“. Зороастръ учитъ что земледѣіе самое благородное и Богомъ любимое занятіе. *Дена* (гамма).

„блаженныхъ“. Опять какъ у буддистовъ: духовенство у джайновъ сохраняетъ безбрачiе и живетъ въ уединенныхъ *вигарахъ* (кельяхъ) и монастыряхъ, выбирая себѣ преемниковъ во всѣхъ классахъ общества. Считая священнымъ и употребляя въ духовной литературѣ лишь языкъ *Пали* (какъ и на островѣ Цейлонѣ), они имѣютъ съ буддистами одну общую традиціональную хронологию, также не бѣдятъ послѣ заката солнечнаго и тщательно подметають мѣсто прежде чѣмъ сѣсть на него, боясь раздавить и малѣйшую букашку. Обѣ системы или скорѣе философскія школы, слѣдуя въ этомъ древней школѣ атомиста Канады, защищаютъ теорiю вѣчныхъ атомовъ или элементовъ и неразрушимости матерiи. По ихъ понятiямъ, миръ никогда не имѣлъ начала и никогда не будетъ имѣть конца. „Все въ мирѣ одна иллюзiя, *Маia*“, говорятъ ведантисты, буддисты и джайны. Но въ то время какъ послѣдователи Санкарачарiи проповѣдаютъ *Парабраму* (божество безъ воли, пониманiя и безъ дѣйствiя) * и исходящаго отъ онаго *Ишвару*, джайны вѣстѣ съ буддистами отрицають создателя мира и учатъ лишь о существованiи *свабагата*, пластическаго, вѣчнаго и самосозданнаго принципа въ природѣ. За то твердо вѣрують, какъ и всѣ прочiя секты въ Индiи, въ переселенiе душъ; ихъ страхъ лишить жизни животное или насѣкомое, и этимъ совершить быть-можетъ отцеубiйство, доводитъ ихъ любовь ко всему животному царству и попеченiе о немъ до невѣроятнаго аффектированныхъ крайностей. Не только въ каждомъ городѣ и деревнѣ устроены больницы и прiюты для всѣхъ искалѣченныхъ и старыхъ животныхъ, но ихъ жрецы ходять не иначе какъ съ кисейнымъ „намордникомъ“ (да престать они мнѣ это непочтительное выраженiе), прикрывающимъ имъ ротъ и ноздри, дабы дыханiемъ своимъ нечаянно не истребить какой-нибудь мошки. Поэтому они и воду пьютъ не иначе какъ фильтрованную. Джайновъ считаютъ нѣсколько миллiоновъ; они разсѣяны въ Гуджератѣ, Бомбей, Конканѣ и другихъ мѣстностяхъ.

Бомбейскiй *Пиндэсрапалъ* занимаетъ цѣлый большой кварталъ, раздѣленный на дворы и дворики, на лужайки и рощицы съ прудами, большими клѣтками для опасныхъ животныхъ

* Брамъ—безъ пониманiя, ума и воли, „ибо Брамъ само есть абсолютное пониманiе, умъ и воля...“ учить *Веданта*.

и загородками для болѣе ручныхъ. Заведеніе это могло бы служить моделью для Ноева ковчега. На первомъ дворѣ, вмѣсто животныхъ, мы увидѣли нѣсколько сотъ человѣческихъ живыхъ скелетовъ: стариковъ, женщинъ и дѣтей. То были уцѣлѣвшіе жители изъ такъ - называемыхъ famine-districts (голодающихъ уѣздовъ), приползшіе въ Бомбей молить о кускѣ хлѣба. Отечественное правительство, ловя гавъ ихъ изъ поблѣднихъ лачужекъ за недоимки податей взимающихся во время голоднаго мора также какъ и въ самые урожайные годы, * довершило свое христолубивое полечительство о язычникахъ, отвѣда имъ мѣсто при больницѣ животныхъ. Въ то время какъ нѣсколько постоянно находящихся при этой странной богадѣльнѣ ветеринаровъ перевязывали перебитыя лапы у шакаловъ, терли мазью опрокаженныя слюны чесоточныхъ собакъ и приправляли деревянные костыли хромымъ журавлямъ, тамъ, въ двухъ шагахъ, на другомъ дворѣ, умирали отъ голода старики, женщины и дѣти. Ихъ кормили пока на счетъ благотворителей животныхъ, а животныхъ голодающихъ къ счастью было въ то время менѣе обыкновеннаго. Наверное многіе изъ этихъ страдальцевъ съ радостью согласились бы, не теряя времени, трансмигрировать въ любого изъ звѣрей, такъ спокойно доканчивающихъ жизненное лодрище въ больницѣ...

Но и въ Пинжралалѣ розы не безъ шиповъ. Если травоядные „субъекты“ ничего лучшаго не могутъ себѣ пожелать, то сомнѣваюсь чтобы плотоядные, какъ налримѣръ, тигры, гиены, шакалы и волки, оставилась вполнѣ довольны какъ постановленіями, такъ и насильно предписанною имъ діетой. Такъ какъ сами джайны не употребляютъ мясной пищи и съ ужасомъ отворачиваются даже отъ яицъ и рыбы, то и всѣ находящіяся на ихъ леченіи животныя обязаны поститься. При насъ кормили стараго, подстрѣленнаго англійскою пулей тигра. Повнюхавъ рисовую похлебку, онъ замахалъ хвостомъ и, свирѣло скаля желтые клыки свои, глухо зарычалъ и отошелъ отъ непривычной пищи, все время косясь на толстаго надсмотрщика который ласково уговаривалъ его „покушать“. Одна рѣшетка сласала джайна отъ протеста этого ветерана

* Нѣсколько лѣтъ тому назадъ подати взимались съ крестьянъ натурой, но теперь крестьяне должны вносить ихъ наличными, не взирая ни на что.

дѣловъ „дѣйствіемъ“. Гіена, съ окровавленною, повязанною головою и отодраннымъ ухомъ, безцеремонно и видимо въ знакъ своего презрѣнія къ этому для нея спартавскому соусу, сперва сѣла въ лапавъ съ похлебкой, а затѣмъ опрокинула ее; волю же и нѣсколько сотъ собакъ подыали такой оглушающій вой что привлекли вниманіе двухъ неразлучныхъ друзей, Кастора и Поллукса заведенія, стараго слона съ переднею ногою на деревьяшкѣ и исхудалаго вола съ зеленымъ зонтомъ надъ большими глазами. Слово, по своей благородной природѣ думая лишь о пріятелѣ, покровительственно обвилъ хоботомъ шею вола, и оба, подыавъ головы, съ неудовольствіемъ замычали. За то, полугаи, журавли, голуби, фламинги, королюки, все пернатое царство ликовало заливаясь на всѣ тоны надъ завтракомъ. Охотню отдавали ему честь и обезьяны, прибѣжавшія первыми на зовъ. Намъ также указали на *святаго* кормившаго въ углу насѣкомыхъ собственною кровью. Совершенно нагой, онъ неподвижно и съ закрытыми глазами лежалъ на солнцѣ. Все тѣло его было *буквально* покрыто мухами, комарами, муравьями и клопами...

— Всѣ, всѣ они наши братья! умиленно повторалъ директоръ госпитали указывая рукою на сотни насѣкомыхъ и животныхъ.—Какъ можете вы, Европейцы, убивать и даже поводить ихъ?

— А что, спрашиваю,—сдѣлали бы вы въ случаѣ еслибы вотъ эта змѣя подползла къ вамъ и попыталась укусить васъ? Отъ ея укушенія вѣдъ неминуемая смерть. Неужели вы бы не убили ея еслибъ услѣли?

— Ни за что на свѣтѣ! Я бы старался осторожно поймать ее, а затѣмъ отвесъ бы за городъ въ пустое мѣсто и пустил бы ее на свободу.

— А еслибъ она все-таки укусила васъ?

— Тогда бы я процнесъ „мантру“. * А еслибъ и мантра не помогла, то я счелъ бы это за опредѣленіе судьбы, и спокойно оставилъ бы это тѣло чтобы перейти въ другое.

Это намъ говорилъ человекъ по-своему образованный и даже весьма начитанный. На наше возраженіе что ничего не дается природою напрасно, и что если устройство зубовъ у человека плотоядное, то стало-быть ему опредѣлено самою

* Мантра—молитва въ стихахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заговоръ противъ всякой немочи. Въ Индіи всѣ гаубоко вѣратъ въ силу мантры.

судьбой литаться мясомъ, онъ отвѣчалъ намъ чуть ли не цѣлыми главами изъ Дарвиновской *Теоріи естественнаго подбора и Происхожденія видовъ*. „Это все неправда будто первобытные люди родились съ глазами зубами“, разсуждалъ онъ. „Лишь въ послѣдствіи, съ развращеніемъ рода человѣческаго и когда въ немъ стала развиваться страсть къ плотоядной пищѣ, то и челюсти, покоряясь новой потребности, стали измѣняться, пока мало-по-малу совершенно не измѣнили своей первобытной формы“...

Подумаешь: *où la science va-t-elle se fourrer?...*

III.

Въ тотъ же день вечеромъ, въ театрѣ Эльфинстона давалось въ честь „Американской миссіи“ (какъ насъ здѣсь величаютъ) необычайное представленіе. Туземные актеры играли на гуджератскомъ языкѣ древнюю волшебную драму *Ситта - Рѣма*, передѣланную изъ *Рамаяны*, извѣстной эпической поэмы Вальмики. Драма состояла изъ 14 актовъ и несчетнаго множества картинъ съ превращеніями. Всѣ женскія роли игрались по обыкновенію мальчиками и, вѣрные историческому и національному костюму, всѣ актеры были голые и босые. За то богатство костюмовъ—какіе требовались—декораціи, машины, превращенія, были по истинѣ изумительны. Трудно было бы даже на сценѣ большихъ столичныхъ театровъ представить лучше и вѣрнѣе природѣ, напримѣръ, армию союзниковъ Рѣмы — обезьянъ, подъ предводительствомъ ихъ знаменитаго въ исторіи (Индіи, в. в. р.) полководца Ханумана: воина, государственнаго мужа, бога, поэта и драматурга. Древнѣйшая и лучшая изъ всѣхъ санскритскихъ драмъ *Хануманъ-наттекъ* (драма) приписывается это, му нашему талаптивому праотцу... Увы! прошли тѣ времена когда гордые сознаемъ своей *блгоу*, быть-можетъ, аргѣс tout только *вышмаишей* подъ сѣвернымъ небомъ кожи, мы взирали на Индусовъ и другихъ черномазыхъ народовъ съ подобающимъ нашему величію презрѣніемъ! Крѣпко огорчался мягкосердечный сэръ-Вилліамсъ-Джонсъ перевода съ санскритскаго такія, напримѣръ, удивительныя для европейскаго самолюбія рѣчи что „Хануманъ былъ де нашимъ прародителемъ.“ Коли вѣрнѣе легендъ, то за оказанное храброю

обезьяньей арміей пособіе, Рама, герои и полубогъ, даровалъ въ супружество каждому изъ холостяковъ этой арміи одну изъ дочерей великановъ острова Ланки (Цейлона), *Бакшазасосъ*, назначивъ этимъ „Дравидскимъ“ красавицамъ въ приданое всѣ *западныя* части свѣта... Тогда, послѣ величайшаго въ мірѣ торжества бракосочетанія, обезьяны-воины, соорудивъ изъ собственныхъ хвостовъ висячій мостъ, перекинули его изъ Ланки въ Европу и благополучно перебравшись съ супругами на другой берегъ, зажили счастливо и наплодили кучу дѣтей. Эти дѣти—мы, Европейцы. Найденные въ языкахъ Западной Европы (какъ въ нарѣчій Басковъ, напр.) чисто дравидскія слова привели браминовъ въ восторгъ; въ благодарность за это важное открытіе такъ неожиданно подтверждающее ихъ древнее сказаніе, они чуть было не возвели филологовъ въ самъ боговъ. Дарвинъ увѣнчалъ дѣло. Съ распространеніемъ въ Индіи западнаго образованія и ея научной литературы, въ народѣ болѣе чѣмъ когда-либо утвердилось убѣжденіе что мы потомки ихъ Ханумана, и что притомъ каждый Европеецъ (если только поискать) украшенъ *хвостомъ*: узкіе панталоны и длинныя юбки пришлецовъ съ запада много споспосбствуютъ къ укорененію этого крайне неместнаго для насъ мнѣнія... Что жь? ужъ если развѣ наука въ лицѣ Дарвина поддерживаетъ въ этомъ мудрость древнихъ Аріевъ, то намъ остается лишь покориться. И право, въ такомъ случаѣ гораздо пріятнѣе имѣть Ханумана-лопта, героя и бога праотцемъ чѣмъ какую-либо другую „Макашку“, хотя бы даже и безхвостую...

Но *Ситта-Рама* — піеса представленная въ тотъ вечеръ—принадлежитъ къ мифологическимъ драмамъ-мистеріямъ въ родѣ Эсхиловыхъ. Глядя на это классическое произведеніе отдаленнѣйшей древности, зритель невольно переносится въ тѣ времена когда боги, сходя на землю, принимали живое участіе во вседневной жизни смертныхъ: ничто не напоминало намъ современную драму, хотя внѣшняя форма сохранилась почти та же. „Отъ великаго до смѣшнаго (и наоборотъ) всего одинъ шагъ“: отъ козла (τρίτος ὄδι) избираемаго въ жертвоприношеніе Бахусу міръ получилъ трагедію; предсмертное блеваніе и боданіе четвероногой жертвы древности вышлифованы рукой времени и цивилизаціи: въ итогѣ является предсмертный шепотъ Рашели во образѣ Адриенны Лекувреръ и ужасъ наводящее, реалистическое

„брыканіе“ современной Круазеттъ въ сценѣ отравленія въ *Сфинксы*... Но въ то время какъ потомки Эмистокла, въ продолженіе многихъ лѣтъ рабства какъ и независимости, принимали и продолжаютъ съ восторгомъ принимать всѣ измѣненія, а по современнымъ воззрѣніямъ и „улучшенія“ Запада какъ вновь исправленное и дополненное изданіе гевія Эсхила,—Индусы, къ счастью археологовъ и любителей древностей (вѣроятно всею со времени нашего незабвеннаго прародителя Ханумана), такъ и застыли на одномъ мѣстѣ...

Съ живымъ любопытствомъ готовились мы слѣдить за представленіемъ *Ситта-Рамы*. Кромѣ зданія самаго театра, да развѣ насъ самихъ, все было здѣсь туземное и ни что не напоминало намъ нашу западную обстановку. Объ оркестрѣ не было и помину: вся наличная музыка должна была раздаваться за кулисами или же на самой сценѣ. Наконецъ взвился занавѣсъ... Тишина, замѣтная даже въ антрактахъ при такомъ наплывѣ зрителей обоюго пола, стала еще замѣтнѣе. Видно было что въ глазахъ публики, по большей части локловниковъ Вишну, * шла не обыкновенная пьеса, а религіозная мистерія представляющая жизнь и приключенія ихъ любимыхъ и самыхъ уважаемыхъ боговъ.

Прологъ. *Эпоха* (ранѣ которой еще ни одинъ драматургъ не рискнулъ выбрать для своего сюжета) *предъ сотвореніемъ*, или скорѣе предъ послѣднимъ появленіемъ *міра*: ** въ то время какъ *Пралая* приходитъ къ концу, Парабрама просыпается; вмѣстѣ съ его пробужденіемъ вся вселенная покоящаяся въ божествѣ, то-есть безслѣдно исчезнувшая съ предыдущаго разрушенія міра въ субъективной эссенціи онаго, отдѣляется вновь отъ божественнаго принципа и дѣлается видимою. Всѣ боги умершіе вмѣстѣ со вселенною начинаютъ медленно возвращаться къ жизни. Одинъ „Невидимый“ духъ,

* Рамы—одно изъ воплощеній Вишну.

** По единодушному соглашенію философскихъ системъ всѣхъ сектъ Индіи (кромѣ мусульманъ), вселенная существовала всегда. Индусы раздѣляютъ эти періодическія проявленія и исчезновенія міра на *дни* и *ночи* Браммы. Ночи или отсутствіе объективнаго міра—называются *Пралая*, а эпохи новаго пробужденія къ жизни и свѣту—звуются *Манвантарамы* и *Югамы* или „вѣками боговъ“. Эти періоды также называются „вдыханіями“ и „выдыханіями“ Браммы.

„вѣчный, безжизненный“, ибо онъ есть безусловная *самобет-
ная жизнь*—парить, окруженный безбрежнымъ хаосомъ. Священное „присутствіе“ невидимо: оно проявляется лишь въ правильномъ, періодическомъ колыханіи хаоса, представляемаго темною массой водъ затягивающею всю сцену. Эти воды еще не отдѣлены отъ суши, ибо Брама, творческій духъ Нараяна, еще самъ не отдѣлился отъ Вѣчнаго. Но вотъ колыхнулась вся масса, и воды начинаютъ свѣтлѣть: отъ золотого яйца лежащаго подъ водами хаоса пробиваются лучи; оживотворенное духомъ Нараяны яйцо лопается, и проснувшійся Брама подвигается надъ поверхностью водъ подъ видомъ огромнаго лотоса. Являются легкія облачка; сперва прозрачныя и бѣлыя какъ лагуна, они слачиваются и мало-по-малу превращаются въ „Праджанати“—десять олицетворенныхъ творческихъ силъ Брамы, владыки всѣхъ тварей поющихъ хвалебный гимнъ Творцу. Вѣяло чѣмъ-то наивоплотическимъ отъ этой непривычной нашему уху странной мелодіи, безъ оркестра, въ унисонъ. Пробилъ часъ общаго пробужденія; конецъ *Пралайты*: все ликуетъ возвращаясь къ жизни. На отдѣлившемся отъ водъ небѣ являются *азуры* и *Гандгарбы*. * Индра, Яма, Варуна и Кувера,—духи завѣдующіе четырьмя странами свѣта. Изъ четырехъ стихій, воды, огня, воздуха и земли, брызжутъ дождемъ атомы и за-рождаютъ змія *Аманду*. Чудовище вслываетъ на поверхность воды и согнувъ лебединую шею дугой является лодкой на которой покоится Вишну; въ ногахъ бога сидитъ Лакшми—богиня красоты, его сулруга. „Сватха! Сватха! Сватха!“ ** восклицаютъ хоромъ небесные пѣвцы пріивѣтствуя божество. Вишну въ одномъ изъ своихъ будущихъ воплощеній (*аватаръ*) будетъ Рамою, сыномъ великаго цара, а Лакшми воплотится въ Ситтѣ. Вся лозма Рамаяны вкратцѣ прольѣта небесными хористами. *Кама*, богъ любви, освяляетъ божественную чету, и отъ этого вмигъ загорѣвшася въ ихъ сердцахъ пламени плодятся и размножаются весь міръ...***

* Небесные музыканты и пѣвцы—херувимы.

** Святъ, Святъ, Святъ!

*** Вишну—одно изъ трехъ лицъ *Тримурти* (буквально: три лица; *мурти* означаетъ священныя лица или идола), триады Индусовъ, *сохранитель* всего живущаго, какъ Брама *творецъ*, а Шива—*разрушитель* оного.

Далѣе идутъ 14 дѣйствиі хорошо всѣмъ извѣстной поэмы, въ коей принимаютъ участіе нѣсколько сотъ лицъ. Подъ конецъ *пролога*, собравшіеся боги, по примѣру лицъ древнихъ драмъ, подходятъ къ рамлѣ и знакомятъ вкратцѣ публику съ сюжетомъ и развязкой предстоящей пьесы, прося снисхожденія зрителей. Слово оставивъ свои ниши во храмахъ, сошли съ нихъ знакомыя намъ божества изъ раскрашеннаго гранита и мрамора чтобы напомнить смертнымъ о дѣлахъ...

...., давно миновавшихъ дней,
Преданьяхъ старины глубокой....“

Зала была биткомъ набита туземцами. Кромѣ насъ четырехъ, не было ни одного Европейца. Въ креслахъ разстилась какъ огромный цвѣтникъ масса женщинъ въ яркихъ цвѣтныхъ покрывалахъ. Между прекрасными бронзовыми лицами выглядывали красивыя, иногда матовобѣлыя личики парсійскихъ женщинъ, очень напоминающихъ красотой Грузинокъ. Всѣ первые ряды были заняты женщинами. Отъ огнелоклонницъ съ ихъ чистыми лицами и волосами покрытыми бѣлою косынкой подъ цвѣтнымъ покрываломъ, ихъ сестры Индіянки отличались непокрытою головою, роскошью своихъ блестящихъ черныхъ косъ закрученныхъ греческимъ шнуркомъ на затылкѣ, расписаннымъ красками лбомъ * и кольцами въ одной ноздрѣ. Въ этомъ состоитъ вся разница ихъ костюма. ** Какъ тѣ, такъ и другія страстно любятъ яркія, но

* Въ Индіи всегда легко различить какъ исповѣдуемую вѣру, такъ и секту и даже касту къ которой кто-либо принадлежитъ по знакамъ расписаннымъ на лбахъ сектантовъ обоего пола, а также дѣвушку отъ замужней и вдовы.

** По истребленіи Александромъ Македонскимъ священныхъ книгъ Гебровъ, ихъ секта была постоянно притѣсняема идоолоклонниками. Царь Ардширъ-Бабѣханъ возстановилъ огнелоклонничество въ 229—243 годахъ по Р. Х. Послѣ этого ихъ опять преслѣдовали до царствованія одного изъ трехъ царей Шахлуровъ, II, IX и XI изъ Сассанидовъ; но до котораго именно не извѣстно, хотя одинъ изъ нихъ сильно покровительствовалъ ученію Зартушты. Вслѣдствіе пораженія Іездежурда, огнелоклонники эмигрировали на островъ Оромаздъ; а 15 лѣтъ поздѣе, отыскавъ древнюю книгу пророчества Зороастра, много столѣтій было затерянную, вслѣдствіе одного изъ пророчествъ они бѣжали массою въ Индостанъ. Послѣ долгихъ странствованій, отъ 1000 до 1200 лѣтъ тому назадъ, они

однообразныя матеріи, покрываютъ голыя руки до локтей браслетами и носятъ одинаковыя *сары* (покрывала). За нами, въ лартерѣ волновалось цѣлое море самыхъ оригинальныхъ, выгдѣ кромѣ Индіи не встрѣчающихся тюрбановъ. Тутъ были и длинноволосые *Раджпуты* съ ихъ прямыми, чисто греческими чертами лица, съ раздѣленною на подбородкѣ бородой, концы которой закручиваются за уши, въ *підери*, тюрбанѣ состоящемъ изъ двадцати аршинъ бѣлой тонкой кисеи, обкрученной веревкой вокругъ головы, въ серьгахъ и ожерельяхъ; тутъ были *Маратскіе брамины*, съ гладкою выбритою (кромѣ центральной длинной космы волосъ) головой прикрытой громаднымъ, блюдообразнымъ тюрбаномъ ослабительно краснаго цвѣта съ золотымъ, выгибающимся впередъ словно рогъ изобилія украшеніемъ на верху онаго. Затѣмъ *Баніи*, въ трехконечныхъ съ золотомъ шлемахъ и съ краснымъ пѣтушинымъ гребешкомъ; *Каччи* въ головныхъ уборахъ на подобіе римскихъ шлемовъ; *Бхилли* съ границъ Раджистана, въ бѣлыхъ пирамидальныхъ тюрбанахъ, концы которыхъ троекратно обматываютъ имъ подбородокъ и щеки, заставляя невиннаго туриста предполагать что всѣ они вѣчно страдаютъ зубною болью; *Бенгалцы* и *Калькуттскіе бабу*, простоволосые во всѣ времена года, на улицѣ какъ и дома, восяціе волосы какъ древніе Аѳиняне на статуяхъ и картинахъ и гордо дралирующіеся въ бѣлыя покрывала, совершенное подобіе римскихъ сенаторскихъ тогъ. *Парсы*—въ черныхъ (архіерейскихъ) митрахъ. *Сикки*—послѣдователи Нанаки, монотеисты и мистики, въ бѣлыхъ какъ и Бхилли тюрбанахъ, но съ длинными до пояса волосами, и сотни другихъ племенъ. Задавшись было долгомъ сосчитать сколько разныхъ формъ тюрбановъ въ одномъ Бомбей, мы уже черезъ двѣ недѣли объявили себя любѣжденными: легче сосчитать звѣзды на небѣ. Каждая каста, ремесло, секта, каждое изъ тысячи подраздѣленій общественной іерархіи имѣеть свой

появился на территоріи Махарани Джаядевы, принца подвластнаго Раджпутскому царю Чампакира, который и дозволялъ имъ поселиться на его земляхъ съ условіемъ чтобъ они сложили оружіе, заимѣли персидскій языкъ языкомъ *Хинди*, а ихъ женщины свой національный костюмъ—костюмомъ женщинъ Индіи и приняли бы всѣ обычаи страны, дозволивъ имъ, впрочемъ, ходить обутыми, такъ какъ это строго приказано Зороастромъ. Съ тѣхъ поръ произошли измѣненія, но весьма незначительныя.

отличительный, блестящій пурпуромъ и золотомъ головной уборъ; золото снимается только въ случаѣ траура. Но за то всё, даже богачи совѣтники муниципалитета, купцы, брамины, *рао багадурь* и пожалованные правительствомъ баронеты — всё до одного ходятъ босые, голые до коленъ и въ бѣлосвѣжыхъ *балахонахъ*: этой полурубашки-полукафтана нельзя сравнить ни съ чѣмъ другимъ. Сидитъ министръ, либо раджа какой на словъ* — видали мы ихъ въ Бародѣ даже на жирафахъ изъ конюшни звѣринца Гайквара,** въ торжественные дни ихъ праздниковъ — сидитъ и жуетъ *пансонари* (бетель). Голова у него такъ и клонится внизъ подъ тяжестью драгоценныхъ на турбанѣ камней; всё пальцы на рукахъ и на ногахъ украшены перстнями, а ноги браслетами. Въ тотъ вечеръ въ залѣ не было ни слововъ, ни жирафовъ, но за то были и раджи, и министры. Съ нами прѣвхалъ красавецъ-посоль и бывший воспитатель юнаго Махарани Удейпурскаго (*Oodeypore*), раджа-пандита, Мохулалъ-Вишнулалъ-Пандія, въ бѣдно-розовомъ, маленькомъ турбанѣ съ брилліантами, въ розовыхъ же барежевыхъ панталонахъ и бѣлой газовой кофтѣ. Длинные, черные какъ вороново крыло волосы подали на янтарную шею, украшенную ожерельемъ способнымъ свести съ ума Парижанку. Бѣдному Раджлуту ужасно хотѣлось спать; но онъ геройски выдерживалъ роль и, задумчиво пощипывая бородку, водилъ насъ по безысходному лабиринту метафизическихъ залутанностей Рамаяны.

Въ антрактахъ насъ подчивали кофе, шербетамъ и палиросами которыя мы и курили во все время представленія, сидя напротивъ сцены, въ первомъ ярусѣ. Насъ какъ цдоловъ обвѣшали длинными гирляндами изъ жасмина, а самъ директоръ, дебелиый Индусъ въ рогообразномъ малиновомъ турбанѣ и бѣлой прозрачной кисеѣ на смугломъ тѣлѣ, нѣсколько разъ окропаялъ насъ розовою водою.

Представленіе, начавшееся въ 8 часовъ вечера, дошло до 9го акта только въ два съ половиною часа пополудни.

* Словы въ Бомбей, подъ предлогомъ что они пугаютъ лошадей Англичанъ, теперь запрещены, но во всѣхъ другихъ городахъ провинціи ихъ очень много.

** Гайкваръ—общее имя или титулъ владѣтельныхъ князей Бароды.

Не взирая на стоявшаго позади каждаго изъ насъ силая съ гигантскою *пэнкой* (вѣеромъ), жара была нестерпимая. Чувствуя себя не въ силахъ выдержать долѣе, мы отпросились домой. Въслѣдствіе этого произошелъ перенолохъ на сценѣ, какъ и въ самой залѣ: воздушная колесница на которой залой царь Раваа увозилъ Ситту остановилась на воздухѣ и застряла надъ скалами; царь Наговъ (змѣй) пересталъ изрыгать пламя; обезьяны-воины какъ были, такъ и повисли на вѣтвяхъ, а богъ Рама, въ голубомъ покровѣ и съ миниатюрною остроконечною лагодой на головѣ, вышелъ на сцену и произнесъ намъ на чистомъ англійскомъ языкѣ благодарственный сличъ за сдѣланную нашимъ посѣщеніемъ честь. Опять букеты, *пансопари* и окропленіе розовою водою, и мы наконецъ добрались домой въ четыре часа полонучи... На другой день мы узнали что представленіе окончилось въ половинѣ седьмага утра.

IV.

Раннее утро послѣднихъ мартовскихъ дней; свѣтлое, безоблачное небо. Вѣтерокъ вѣжно ласкающій бархатною рукою заспанныя лица пилигримовъ; по дорогѣ опьяняющій запахъ туберозъ и жасмина въ цвѣту, перемѣшанный съ острыми запахами базара. Толпы головогихъ браминокъ, стрѣйныхъ и величавыхъ, въ цвѣтвыхъ *сары*, съ блестящими какъ золото мѣдными *лотти* (кувшинами) на головкахъ, направляющихся, какъ библейская Рахиль, къ колодезю. Наполненные тивистою водою священныя *танки* (пруды), на ступеняхъ которыхъ Индусы, обоихъ половъ совершаютъ свое утреннее религиозное омовеніе. Подъ заборомъ сада, подъ самыми скалами Малабарскаго холма, чей-то ручной *манеуотъ*, величиной съ сурка, пожираетъ голову пойманной имъ *кобры*; обезглавленное туловище змѣи судорожно, но ужь безвредно обвивается вокругъ и хлещетъ худоцаваго звѣрка, съ видимымъ наслажденіемъ взирающаго на эту операцію. Возлѣ группы животныхъ грулла Индусовъ. Совершенно нагой *мали* (садовникъ), стоя у безобразнаго каменнаго цдола Шивы, сыплетъ ему привошеніе соли и бетели, дабы отвратить гнѣвъ „Разрушителя“ за убіеніе одного изъ подвластныхъ ему боговъ, оласной змѣи кобры. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ желѣзнодорожной станціи мы встрѣчаемъ скромную католиче-

окою процессію изъ новообращенныхъ паріевъ и туземныхъ Португальцевъ. Подъ балдахиномъ, на носилкахъ, раскачивается коричневая мадонна въ одѣяніи туземныхъ богинь и съ кольцомъ въ носу (sic). На рукахъ у нея младенецъ въ желтыхъ *пиджамахъ* и красномъ тюрбанѣ брамина. „*Га́ри! Га́ри десаки!*“ (слава, слава дѣвѣ богинѣ!) восклицаютъ новообращенные, не признавая ни малѣйшей разницы между *Деваки*, матерью Кришны, и мадонной и сознавая лишь тотъ фактъ что изгнанные браминами изъ пагодъ вслѣдствіе своей низкой касты, или скорѣе за несостояніемъ въ какой-либо кастѣ, они теперь, благодаря *падри*, * впускаются иногда въ христіанскую пагоду. Надо сказать вдобавокъ что дабы угождать какому-нибудь новообращенному (въ католичество, либо протестантство, но никакъ не въ христіанство) брамину, католическіе, какъ и протестантскіе миссіонеры весьма часто не допускаютъ обращенныхъ *парій* въ церковь „дабы сразу и нарасно не оскорблять чувства *касты* высокороденныхъ браминовъ“. **

Наконецъ наши *гарри*, туземныя двухколесныя таратайки, съ запряженными въ нихъ двумя сильными волами съ громадными прямыми рогами, подкатываютъ къ крыльцу станціи. Чивованики - Англичане таращатъ въ изумленіи глаза при видѣ Европейцевъ въ *туземныхъ* позолоченныхъ колесницахъ... Но мы Американцы; мы пріѣхали знакомиться съ Индіей, а не съ Европой и ея произведеніями на здѣшней почвѣ.

Если туристъ потрудится бросить взглядъ на берегъ противоположный Бомбейской пристани, то онъ увидитъ предъ собою темно-синюю массу возвышающуюся словно стѣна между нимъ и горизонтомъ. То Парбуль, плоскоголовая гора въ 2.250 футовъ высоты. Правый склонъ ея крѣпко прижался къ двумъ остроконечнымъ скаламъ, доверху покрытымъ густымъ боромъ; самая высокая изъ нихъ *Матаранъ*, цѣль нашей поѣздки. Отъ Бомбея до Нареля, станціи у самаго подножія этой горы, четыре часа ѣзды по желѣзной дорогѣ, хотя по прямой горизонтальной линіи (отъ пристани до Мата-

* Такъ зовутся безразлично здѣсь всѣ миссіонеры, вѣроятно отъ первыхъ католическихъ португальскихъ миссіонеровъ—*padre*.

** Отвѣтъ одного миссіонера въ Мадрасѣ, напечатанный въ *New York Herald*.

рана) какъ рукой подать, всего 12 миль. Полотно желѣзной дороги разстилается у подножія предѣстѣйшихъ холмовъ, пересѣкаетъ сотни озерковъ и пронизываетъ слишкомъ двадцатью тоннелями самую сердцевицу скалистыхъ *Гэотъ*.

Мы ѣхали съ тремя знакомыми Индусами. Двое изъ нихъ когда-то высокой касты, нынѣ исключены изъ нея и „отлучены“ отъ лагоды за сообщничество и сношенія съ нами, презрѣнными иностранцами. На станціи къ намъ присоединились еще двое пріятелей изъ туземцевъ, съ которыми мы переписывались изъ Америки уже нѣсколько лѣтъ. Всѣ они члены нашего Общества, реформаторы юной Индіи и враги браминовъ, кастъ и предрасудковъ, сговорились отправиться вмѣстѣ съ нами на годичную ярмарку храмоваго праздника въ пещерахъ *Карли*, посѣтивъ сперва Матаранъ и Кхандалы. Одинъ изъ нихъ былъ браминъ изъ Пуны, другой *мудельаръ*—помѣщикъ изъ Мадраса, третій *Сингалезецъ* изъ Кеггаллы, четвертый *земиндаръ*—землевладѣлецъ изъ Бенгала, пятый — громаднаго роста Раджпутъ, независимый *Такуръ* изъ провинціи Раджистана, * котораго мы давно знали подъ именемъ Гулабъ-Лалль-Синга, а звали просто Гулабъ-Сингъ. Распространяюсь о немъ болѣе нежели о другихъ потому что объ этомъ странномъ человѣкѣ шли самые удивительные и разнообразныя толки. Ходила молва будто онъ принадлежитъ къ сектѣ *радѣжъ-іоговъ*, посвященныхъ въ таинство магіи, алхиміи и разныхъ другихъ сокровенныхъ наукъ Индіи. Онъ былъ человѣкъ богатый и независимый, и молва не смѣла заподозрить его въ обманѣ, тѣмъ болѣе что если онъ и занимался этими науками, то старательно скрывалъ свои познанія ото всѣхъ кромѣ самыхъ близкихъ ему друзей.

Такуры почти всѣ ведутъ свой родъ отъ *Суріи* (солнца) и потому называются *Сурьяваншами*, потомками солнца, въ гордости не уступая никому. По ихъ выраженію, „земная грязь не можетъ пристать къ лучамъ солнца“, то-есть къ Раджпутамъ; поэтому они не презираютъ никакой касты кромѣ браминовъ, отдавая почести лишь однимъ бардамъ воспитывающимъ ихъ военныя доблести, которыми они такъ

* Это имя означаетъ буквально „обитель или земля царей“, отъ двухъ словъ: *радѣба*, царь или принцъ, и *станъ*—земля, обитель и владѣніе.

справедливо гордятся. * Англичане страшно боятся ихъ и не рѣшились ихъ обезоружить какъ другіе народы Индіи. Гулабъ-Сингъ пріѣхалъ со слугами и щитоносцами.

Владѣя неистощимымъ заласомъ легендъ и, какъ видно, хорошо знакомый съ древностями своей страны, Гулабъ-Сингъ оказался самымъ интереснымъ изъ всѣхъ нашихъ собесѣдниковъ.

— Въѣвъ тамъ на лазоревомъ фонѣ неба, разказывалъ намъ Гулабъ-Лалль-Сингъ,—рисуется вдали величественный *Бгао-Маллинь*; то бывшая обитель святаго отшельника, куда теперь ежегодно стекаются толпы пилигримовъ и гдѣ, по глупому народному преданію (прибавилъ онъ улыбаясь), происходятъ разныя чудодѣйныя дѣла... На верху горы въ 2.000 футовъ высоты—платформа крѣпости, а позади ея еще другая скала въ 270 футовъ; на самой ея остроконечной верхушкѣ находится развалина другой, еще болѣе древней крѣпости, служившей въ продолженіе семидесяти пяти лѣтъ обителью одному святому. Чѣмъ отшельникъ питался, останется навсегда неразгаданною тайной; вѣроятно кореньями, которыхъ впрочемъ на голой скалѣ никогда не бывало. Единственный доступъ къ этому отвѣсному возвышенію, это выстѣпныя въ скалѣ углубленія для носка ноги и веревочныя перила. Казалось бы однимъ только акробатамъ да обезьянамъ и лазить по ней! И однакоже фанатизмъ придаетъ

* Замѣчая о невѣжествѣ Европы въ отношеніи Индіи, поаковникъ Тоддъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Великолѣпіе и роскошь при дворахъ раджпутскихъ владѣній въ ранніе періоды исторіи несомнѣнно были изумительны, не взирая на политическія вольности и преувеличенія ихъ бардовъ. Сѣверная Индія была съ самыхъ раннихъ временъ богата и въ ней-то находились богатѣйшія сатрапіи Дарія. Во всякомъ случаѣ страна эта изобиловала самыми поразительными событіями, могущими служить богатымъ матеріаломъ для исторіи. Нѣтъ того незначительнаго въ Раджистанѣ княжества которое не имѣло бы своихъ Фермопилъ, или городка не породившаго своего Леонида. Но покровъ вѣковъ завѣсилъ отъ погоста то что перо историка могло бы завѣщать безконечному удивленію народовъ: Сомнасъ явился бы тогда соперникомъ Дельфъ; сокровища Хинда поссорили бы съ богатствами Ливійскаго цѣля, и въ сравненіи съ арміей братьевъ Панду—армія Ксеркса стала бы незначительною горстью людей и отодвинулась бы на задній планъ.“
(*Хроники и Древности Раджистана*. Пбск. Тоддъ.)

Индусамъ, повидимому, крылья: ни съ однимъ изъ нихъ ни когда не было еще несчастнаго случая. Какъ на бѣду, дѣтъ сорокъ тому назадъ, нѣсколько человекъ Англичанъ задумали было полѣзть туда для осмотра разваливъ. Поднялся вѣтеръ и сильнымъ порывомъ ихъ свесло въ бездну. Тогда генералъ Диккинсонъ приказалъ разрушить доступъ къ верхней крѣпости. А нижняя крѣпость (осада коей стоила Бомбейской арміи, въ первыя времена ихъ нашествія, столько крови и потерь) теперь совершенно брошена и служить договищемъ тиграмъ и орламъ...

Между тѣмъ Англичанинъ съ длинными рыжими усами и повидимому въ весьма разгоряченномъ состояніи ввалился въ нашу карету, распространяя сильный запахъ водки. Онъ потянулъ носомъ воздухъ, оглядѣлъ насъ всѣхъ испытующимъ и немного презрительнымъ взоромъ, приостановился, подумалъ, и вышелъ изъ кареты.

— Гей, кондукторъ! раздался его хриплый голосъ съ лодожки вагона.—Гей! развѣ нѣтъ здѣсь другой кареты, гдѣ бы можно было сидѣть одному безъ „этихъ негровъ“?..

И гордо пошатываясь, пьяный представитель „высшей расы“ отправился въ другой вагонъ.

— Пьяная свинья! брякнулъ ему вслѣдъ Американецъ.

Англичане похваляются и весьма гордятся предъ свѣтомъ цивилизаціей внесенною ими будто бы въ страну и образованіемъ предоставленнымъ ими „молодой Индіи“. Между тѣмъ они устроили все это такимъ образомъ что ни то, ни другое неидетъ Индіи въ прокъ. Индусъ, будь онъ семи падей во лбу и принадлежи онъ къ высшей кастѣ, не смѣетъ, напримеръ, брать билетъ въ первомъ классѣ желѣзныхъ дорогъ; всякій Англичанинъ предоставляетъ себѣ право вытурить самымъ безцеремоннымъ образомъ не повравившагося ему туземца, сидящаго даже во второмъ классѣ, а управленіе желѣзной дороги въ свою очередь удерживаетъ всю плату за второй классъ въ то время какъ оно заставляетъ его ѣхать въ третьемъ. Не такъ давно какой-то офицеръ приказалъ богато одѣтому туземцу выйти изъ кареты II класса, такъ какъ офицеру „хотѣлось спать“. Индусъ—служившій судьей въ одной изъ высшихъ инстанцій—учтиво отказался, предъъявляя билетъ и замѣчая что имѣетъ на свое мѣсто полное право. Офицеръ позвалъ кондукторовъ, и судью-Индуса вытолкали. Онъ жаловался, но дѣла замали. Дѣтъ недѣлю тому

назадъ случилось то же. Редакторъ одной калькуттокой газеты былъ такимъ же образомъ изгнанъ изъ кареты. *Might is right* (право сильнаго) вошло здѣсь въ поговорку. „*Kali Jug!*“ * восклицаютъ съ мрачнымъ отчаяніемъ старыя Индусы-консервативы: „Противъ Кали-Юга (чернаго вѣка) не бойтесь!“ Такимъ образомъ, вкоренившійся въ нихъ фатализмъ и увѣренность что во все продолженіе этого вѣка ничего хорошаго нельзя ожидать, и что даже самъ могучій богъ Шива не въ состояніи ни являться, ни помочь имъ до конца Кали-Юга, оправдываетъ въ ихъ глазахъ даже самую кровавую обиду. А молодое поколѣніе Индусовъ, получая свое образованіе въ университетахъ и лучшихъ высшихъ заведеніяхъ, заучивъ на память Герберта Спенсера, Джона Стюарта Милля, Дарвина, а въ добавокъ и всѣхъ нѣмецкихъ философовъ, теряетъ вѣру не только въ собственную религію, но и во всякую. Молодые и „образованные“ Индусы всѣ почти безъ исключенія матеріалисты, часто владающіе въ самый крайній атеизмъ. Вплоть увѣренные что, несмотря на весь свой умъ и высшее образованіе, рѣдко кто-либо изъ нихъ пойдетъ выше „старшаго помощника младшаго каерка“, они дѣлаются либо сикофантами, омерзительно пресмыкаясь у ногъ своихъ властелиновъ, либо (что еще хуже, или по крайней мѣрѣ глупѣе) начинаютъ издавать либеральную газету, мало-по-малу переходящую въ революціонный органъ, пока наконецъ редакторъ оной не очутится въ тюрьмѣ, счастливый еще если не окончитъ въ ней своего поприща...

Но все это лишь къ слову. Предъ таинственнымъ и грандіознымъ *прошлымъ* Индіи, древней *Ариартамы*, ея *настоящею* естественная тушовка; черная тѣнь на свѣтломъ фонѣ картины, необходимое зло въ циклѣ каждой націи. Индія

* Система Индусовъ заключаетъ въ себѣ *кальму* или великій періодъ времени, состоящій изъ 4.320.000.000 лѣтъ, который они дѣлятъ на четыре меньшія *юга* (*yug*), распредѣляя ихъ слѣдующимъ образомъ:

1й Сатя югъ	состоящій изъ	1.728.000 лѣтъ.
2й Третя югъ	„ „	1.296.000 „
3й Двала югъ	„ „	864.000 „
4й Кали югъ	„ „	432.000 „
		Итого 4.320.000 лѣтъ.

Все это вмѣстѣ составляетъ одинъ божественный вѣкъ — *Маха-югъ*.

одрахлава и упала какъ падаютъ громадныя памятники древности разбившись въ дребезги; но за то каждый изъ мельчайшихъ кусковъ этихъ обломковъ останется на вѣки драгоценностью для археолога и артиста, и даже со временемъ можетъ послужить ключомъ для философа какъ и для психолога. „Древніе Индусы строили какъ гиганты и заканчивали работу какъ ювелиры“, восклицаетъ въ восторгѣ епископъ Геберъ въ книгѣ своихъ путешествій по Индіи. Описывая „Таджъ-Махалъ“ въ Агрѣ, * это по истинѣ восьмое чудо свѣта, онъ называетъ его „дѣлою поэмой изъ мрамора“. Но онъ могъ бы также добавить что трудно найти въ Индіи хотя сколько-нибудь сохранившуюся развалину которая бы не повѣствовала краснорѣчивѣе дѣлыхъ томовъ о прошломъ Индіи, о ея религиозныхъ стремленіяхъ, вѣрованіяхъ и надеждахъ.

Нигдѣ въ мірѣ древности, не исключая даже фараонскаго Египта, переходъ отъ субъективнаго идеала къ демонстраціи оного объективнымъ символомъ не выраженъ болѣе отчетливо, искусно и вмѣстѣ артистически какъ въ Индіи. Весь пантеизмъ Ведантъ заключается въ символѣ двулопаго божества *Арданари*. Онъ окруженъ двойнымъ треугольникомъ, известнымъ въ Индіи подъ именемъ „знака Вишну“; возлѣ него лежитъ левъ, быкъ, орелъ; въ рукѣ у него полный мѣсяцъ отражающійся въ водѣ у ногъ его. Веданта учитъ нѣсколько тысячъ лѣтъ уже тому что нѣкоторые нѣмецкіе философы проповѣдывали въ прошломъ и въ настоящемъ столѣтіяхъ, а именно что все объективное въ мірѣ, какъ и самъ міръ, не болѣе какъ иллюзія, *Maia*, призракъ нашего воображенія, заключающій въ себѣ столь же мало дѣйствительности какъ отраженіе луны въ водѣ; какъ феноменальный міръ, такъ и наша субъективная концепція объ *ego*—одна греза. Истинный мудрецъ никогда не поддастся обольщеніямъ иллюзіи. Онъ знаетъ что человекъ познаетъ самого себя и становится настоящимъ. *Ego* лишь ло окончательномъ сліяніи собственной частички съ дѣлымъ, содѣлавшись неизмѣннымъ,

* Таджъ-Махалъ — громадный памятникъ - мавзолей, построенный императоромъ Акбаромъ надъ могилой любимой жены. Его тѣло лежитъ теперь рядомъ съ нею, въ Агрѣ, на правомъ берегу рѣки Юмны. Это зданіе, которое будетъ описано мною далѣе, замечательно своею красотой и не имѣетъ соперниковъ во всемъ свѣтѣ.

вѣчнымъ, всемірнымъ *Брамой*, и повтому весь циклъ рожденія, жизни, дряхлости и смерти въ его глазахъ одинъ фантазмъ воображенія..

Вообще говоря, философія Индіи, раздробленная на безчисленное множество метафизическихъ ученій, имѣеть въ связи съ ея онтологическими доктринами столь развитую логику и такой замѣчательной утонченности психологію что можетъ поспорить въ этомъ со всѣми древними и современными школами, какъ идеалистовъ, такъ и позитивистовъ, и любить каждую поодиночкѣ. Позитивизмъ мистера Луиса (Lewes), подымающій дыбомъ отъ ужаса каждый волосокъ на головѣ оксфордскихъ богослововъ, является какою-то карикатурною игрешкой предъ ученіемъ атомистической школы Войсешики, съ ея міромъ раздѣленнымъ какъ шахматная доска на шесть категорій вѣчныхъ атомовъ, 9 веществъ, 24 качества и 5 движеній. И какъ ни труднымъ и даже невозможнымъ кажется вѣрное представленіе всѣхъ этихъ абстрактныхъ идей, идеалистическихъ, пантеистическихъ и даже чисто матеріалистическихъ въ сжатой формѣ аллегорическихъ символовъ, однакожь Индія сумѣла болѣе или менѣе успѣшно выразить всѣ эти ученія. Она обезсмертила ихъ въ уродливыхъ о четырехъ головахъ кумирахъ, въ геометрическихъ формахъ своихъ замысловатыхъ храмовъ и памятниковъ и даже въ залутанныхъ линіяхъ и знакахъ на лбахъ своихъ сектантовъ.

Обо всемъ этомъ и о другомъ разсуждали мы съ нашими спутниками - Индусами. Присѣвшій къ намъ на одной изъ станцій католическій *падре*, учитель изъ іезуитской коллегіи Св. Ксаверія въ Бомбей, не выдержалъ и вмѣшался въ разговоръ. Улыбаясь и потирая руки, онъ полюбопытствовалъ узнать въ силу какихъ софизмовъ могъ бы нашъ спутникъ доказать что-либо подходящее къ философскому объясненію, напримѣръ, „въ основной идеѣ четырехъ лицъ этого удивительнаго змѣями, уродливаго Шивы, чтò торчитъ тамъ при входѣ лагоды“, заключилъ онъ, тыкая по направленію идола лальцемъ.

— Очень просто, отвѣчалъ бенгальскій *бабу*.—Вы видите что эти четыре лика направлены къ четыремъ странамъ свѣта—къ югу, къ сѣверу, западу и востоку?... Но эти лица на одномъ туловищѣ и принадлежать одному богу...

— Вы прежде объясните намъ философскую идею четырехъ лицъ и восьми рукъ вашего Шивы, замѣтилъ онъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ... Считаая нашего великаго Рудру * *ведьтоуцимъ*, мы изображаемъ его съ лицомъ повернутымъ въ одно и то же время во всѣ четыре стороны, восемь рукъ указываютъ на его всемогущество, а одно туловище наломиваетъ что хотя онъ вездѣ и всюду и никто не можетъ избѣжать какъ его всевидящаго ока, такъ и карающей его длани, но все же онъ единъ...

Падре хотѣлъ было что-то сказать, но повѣздъ остановился: мы пріѣхали въ Нарель.

V.

Прошло едва 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ Матеранъ,—громкая масса различныхъ родовъ трапа, большею частью сильно кристаллизованнаго,—былъ впервые поправъ ногой бѣлаго человѣка. Подъ самымъ бокомъ Бомбея, всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Кхандады (лѣтней резиденціи Европейцевъ), грозныя вершины этого великана долго считались совершенно неприступными. Къ сѣверу, его гладкая и почти перпендикулярная стѣна возвышается на 2.450 футовъ надъ долиной рѣки Пенъ; а еще выше возносятся до облаковъ безчисленныя вершины отдѣльныхъ скалъ, холмы покрытые дремучимъ боромъ и пересѣченные долинами и проластами. Въ 1854 году, желѣзная дорога пронизала одинъ изъ боковъ Матерана, и теперь доходить до подножія послѣдней горы, останавливаясь въ Нарель, котловинѣ, гдѣ еще недавно была одна только проласть. Оттуда до верхней площадки остается около 8 миль, и туристу приходится выбирать между пою и палаткиномъ, закрытымъ либо открытымъ, смотря по вкусу. Такъ какъ мы пріѣхали въ Нарель только къ шести часамъ полудни, то послѣдній способъ представлялъ маленкое неудобство: цивилизація одолѣла неодушевленную природу, но до сихъ поръ еще, не взирая на весь деспотизмъ властелиновъ, не могла преодолѣть ни тигровъ, ни змѣй. Если первые удалились въ болѣе непроходимыя трупцы, за то змѣи всевозможныхъ родовъ, особенно кобры и *коралилло*, живущія предпочтительно на деревьяхъ, царству-

* Имя Бога въ „Ведахъ“.

ють въ Матеранскихъ лѣсахъ какъ и во времена оныя, и ведутъ противъ узурпаторовъ настоящую герильясскую войну. Горе залоздавшему лѣшеходу или даже всаднику проѣзжающему подъ деревомъ на которомъ засѣла такая змѣя! Кобры и другія пресмыкающіяся по землѣ породы рѣдко нападаютъ на человѣка, развѣ только въ случаѣ если неосторожная нога наступитъ на нихъ; вообще же онѣ бѣгутъ и прячутся отъ людей. Но эти лѣсные герильясы, *tree serpent*, кустарныя змѣи, выжидаютъ жертвъ. Едва голова человѣка поравняется съ вѣтвію дерева на которомъ приютился „врагъ человѣчества“, какъ укрѣпясь за вѣтку хвостомъ, змѣя ныряетъ всею длиною туловища въ пространство и жалитъ человѣка *съ лобъ*. Этотъ любопытный фактъ, долго считавшійся вымысломъ, теперь провѣренъ и принадлежитъ къ фактамъ естественной исторіи Индіи. Въ подобныхъ случаяхъ туземцы видятъ въ змѣѣ посланника смерти и исполнителя воли кровожадной Кали, супруги Шивы.

Но вечеръ послѣ знойнаго дня былъ такъ обаятеленъ, а лѣсъ манилъ насъ издалека такою прохладою что мы рѣшились рискнуть. Среди этой дивной природы, гдѣ такъ и тянетъ страхнуть съ себя земныя оковы, обобщиться съ нею жизнью безпреградною, и самая смерть въ Индіи является *привлекательною*.

Къ тому же послѣ восьми часовъ вечера всходила полная луна, и намъ предстояло трехчасовое путешествіе въ гору, въ одну изъ тѣхъ лунныхъ троллическихъ ночей за которыми туристы готовы приносить всевозможныя жертвы и которыя одни только истинные, великіе художники и способны описать. Молва начинаетъ громко произносить имя нашего В. В. Верецагина какъ одного изъ тѣхъ немногихъ художниковъ которые сумѣли передать на полотнѣ всю прелесть лунной ночи въ Индіи...

Пообѣдавъ на скорую руку въ *дак-бэнглоу* (почтовой станціи), мы потребовали наши кресла-носилки. Нахлобучивъ pokrѣпче на лбы наши *топи* съ ихъ широкими, крышей спускающимися на глаза и затылокъ полями, мы отправились въ 8 часовъ вечера въ путь. Восемь *кули*, одѣтыхъ по обыкновенію въ „виноградные листья“ изъ тряпокъ, подхватили каждое кресло и съ гикомъ и крикомъ, безсмысленными слухами Индусовъ, пустились въ гору. За каждымъ кресломъ бѣжали по восьми человѣкъ перемѣнныхъ носильщиковъ,

итого, не считая Индусовъ со слугами верхомъ, 64 человекъ: армія способная слугнуть любаго, забредшаго изъ джонглей леопарда или тигра, словомъ всякаго звѣря, исключая только нашихъ безстрашныхъ „кузеновъ“ по прадѣдушкѣ Хануману. Едва мы повернули изъ аллеи въ лѣсокъ у подножія горы, какъ нѣсколько десятковъ этихъ родственниковъ присоединились къ нашему шествію. Благодаря заслугамъ союзника Рамы, обезьяны считаются въ Индіи священными, почти неприкосновенными. Правительство, слѣдуя въ этомъ старинной мудрости Остъ - Индской Компаніи, запрещаетъ трогать ихъ или даже проговать ихъ изъ городскихъ садовъ, а тѣмъ менѣе изъ принадлежащихъ имъ по праву лѣсовъ. Перескакивая съ одной вѣтки на другую, стрекоча какъ сороки и дѣлая страшнѣйшія рожи, онѣ какъ ночныя кикиморы преслѣдовали насъ почти во всю дорогу. Облитыя свѣтомъ полной луны, онѣ висли какъ русалки на деревьяхъ и далеко забѣгая впередъ, поджидали насъ на поворотахъ дороги, словно указывая намъ путь. Одинъ младенецъ-макатка такъ и свалился ко мнѣ въ ноги, на носики. Въ одно мгновеніе ока родительница его, безцеремонно перескакивая по плечамъ носильщиковъ, явилась тутъ же, и прицѣпивъ младенца къ груди скорчила мнѣ самую богопротивную гримасу... и была такова.

— *Бандры* (обезьяны) всегда приносятъ своимъ присутствіемъ счастье, замѣтилъ мнѣ въ утѣшеніе за изматую толпу одинъ изъ Индусовъ.— Къ тому же, если мы видимъ ихъ здѣсь ночью, то можемъ оставаться совершенно спокойными: навѣрное на десять миль кругомъ нѣтъ ни одного тигра...

Все выше и выше подымались мы по крутой, извилистой тропѣ; а лѣсъ становился все гуще, темнѣе и непроходимѣе... Подъ чащей иногда становилось темно какъ въ могилѣ; пробираясь подъ вѣковыми баньянами невозможно было различить въ двухъ верхкахъ собственный палецъ. Мнѣ казалось непонятнымъ чтобы люди шли тутъ иначе какъ ощупью; но *кули* даже ни разу не слоткнулись, а напротивъ прибавили шагу. Всѣ, какъ бы сговорясь, молчали въ такія минуты; среди этого тяжелаго, окутывающаго насъ какъ флеромъ мрака, слышалось лишь короткое, прерывистое дыханіе носильщиковъ, да мѣрная, мелко выбиваемая дробь нервныхъ шажковъ ихъ босыхъ ногъ по каменистому грунту тропинки... Дѣлалось больно, стыдно за человѣчество, или скорѣе

за ту часть человѣчества которая способна была превратить другую во выючныхъ животныхъ. И эти несчастные, съ одного конца года до другаго, получаютъ за подобную работу по 4 *анны* въ день на человѣка: 4 *анны*, то-есть менѣе 8 коп. въ сутки за совершеніе путешествія вверхъ и внизъ на 8 миль въ конецъ, не менѣе двухъ разъ или четырехъ концовъ, что составляетъ 32 мили на возвышенности 1.500 футовъ и къ тому же съ ношею на шеяхъ въ 6 пудовъ!... Впрочемъ, въ Индіи, странѣ застывшей въ вѣковыхъ обычаяхъ, гдѣ все идетъ по одному шаблону, 4 *анны*—законная плата за день какой угодно работы. Призовите искуснаго лоденьщика-ювелира, и онъ сядетъ поджавъ ноги на полъ, безо всякихъ инструментовъ кромѣ щипцовъ и крошечной желѣзной печи, и создастъ вамъ, изъ вашего золота и по данному рисунку, украшеніе достойное мастерской феи. За это, то-есть за 10 часовъ работы, онъ потребуеъ 4 *анны*...

Но вотъ чаще и чаще стали попадаться просѣки и открытыя площадки, гдѣ становилось свѣтло какъ днемъ. Милліоны кузнечиковъ трещали по лѣсу, наполняя воздухъ металлическимъ звукомъ валомывающимъ гудѣніе губной гармоникки; гоготали совы, и стаи испугавшихъ полугаевъ метались съ одного дерева на другое. По временамъ доносилось до насъ издалека, изъ глубины поросшей дремучимъ лѣсомъ пропасти, долгое, громолоподобное рычаніе тигра, могучій ревъ котораго, по словамъ *шикари* (охотниковъ), можно слышать въ тихую ночь за много миль. Освѣщенная словно бенгальскимъ огнемъ панорама измѣнялась при каждомъ поворотѣ. Рѣки, поля, лѣса и скалы, разстилааясь у ногъ нашихъ на необозримомъ пространствѣ, волновались, дрожали облитые серебрянымъ свѣтомъ, переливались какъ волны марева... Фантастичность этой картины просто захватывала духъ; кружилась голова когда заглядывали мы въ эти глубины на 2.000 фут. внизъ, при невѣрномъ свѣтѣ луны; а бездна такъ и танула въ себѣ... Одинъ изъ нашихъ спутниковъ (Американецъ), хватшій верхокъ, принужденъ былъ сойти съ лошади и лойти лѣшкомъ, боясь невольню поддаться влеченію и нырнуть въ бездну головой внизъ. Нѣсколько разъ мы встрѣчали слускавшихъ съ Матерана совершенно одинокихъ мушницъ и даже молодыхъ женщинъ, возвращавшихся съ поденной работы на горѣ въ свои села. Но случается нерѣдко что ушедшій накачунъ человѣкъ не возвращается болѣе и пропадаетъ безъ

вѣсти. Полиція хладнокровно рѣшаетъ что его унесъ тигръ или убила змѣя, и исчезновеніе предается тутъ же забвенію: что можетъ значить одною личностію болѣе или менѣе среди 240 милліоновъ народонаселенія Индіи? Но странно повѣрье существующее между племенами Деккана, сгруппированными вокругъ этой таинственной и доселѣ во многихъ мѣстахъ еще не изслѣдованной горы. Поселане увѣряютъ будто, несмотря на число погибающихъ въ горахъ, никогда еще не было найдено въ лѣсу ни одного скелета: покойникъ, будь онъ цѣлымъ или обглоданнымъ тиграми, тотчасъ же переходитъ во владѣніе обезьявъ; онѣ собираютъ кости и хоронятъ ихъ въ глубокихъ ямахъ, зарывая такъ искусно что не остается и малѣйшаго сѣда. Англичане смѣются надъ этимъ повѣрьемъ, но полиція не отрицаетъ безслѣднаго исчезновенія тѣлъ. При прорытіи горы для желѣзной дороги, найдено, на удивительной глубинѣ, нѣсколько скелетовъ сохранившихся какъ бы измятые зубами звѣрей и переломанные браслеты и серебряныя украшенія на рукахъ, ногахъ и шеехъ. Эти украшенія доказывали что ихъ владѣльцевъ зарывали не люди, такъ какъ ни религія Индусовъ, ни жадность ихъ не допустила бы ихъ до этого... Неужели же въ царствѣ животныхъ, какъ и между людьми, рука руку моетъ?

Переночевавъ въ Португальской гостиницѣ, свитой какъ орлиное гнѣздо изъ бамбука и прилипшей къ почти перпендикулярно обрывающемуся боку скалы, мы встали съ разсвѣтомъ и обойдя всѣ знаменитые красотой *points de vue*, тотчасъ же собрались въ обратный путь. Двѣ лаворама являлась еще великолѣпнѣе: недостаточно цѣлыхъ томовъ для ея описанія. Не будь горизонтъ замкнутъ съ трехъ сторонъ истерзанными гребнями горныхъ хребтовъ — все плато Деккана явилось бы предъ глазами. Бомбей—какъ на ладони; лиманъ отдѣляющій городъ отъ Сальсеты кажется тонкою серебристою струйкой. Какъ змѣя извивается онъ кольцами по направленію къ гавамъ, окружаетъ Канери и другіе острова разбросанные словно горошинки по свѣтлой скатерти водъ, пока наконецъ не сливается нестерпимо блестящею линіей съ далекимъ горизонтомъ Индійскаго Океана. Съ другой стороны, сѣверный Конканъ замыкаемый хребтомъ Таль-Гхатъ; иглообразныя верхушки скалъ Джано-Мадли, и наконецъ, зубчатый край Фунелля, грозный силуэтъ котораго, словно замокъ сказочнаго великана, обрисовываетъ свои

темныя ливни на далекой, дымчатой синевѣ неба. Далѣе, плоско-головый Парбель—сѣдалище боговъ, съ котораго Вишну во времена оныя переговаривался, по преданію, со смертными. А тамъ, внизу, гдѣ ущелье расширяется въ долину всю испещренную громадными иглами отдѣльныхъ скалъ, изъ коихъ каждая полна историческихъ и мифологическихъ легендъ, синѣетъ другая цѣль еще болѣе высокыхъ и странныхъ формою горъ. То Кхандала, надъ которою нависла громадина извѣстная подъ именемъ „Герцогскаго Носа“. На противоположной сторонѣ, подъ самую макушку горы — „Карли“ или *Курли*, по мнѣнію археологовъ самый древній и лучше всѣхъ другихъ сохранившійся пещерный храмъ Индіи.

Тому кто совершалъ нѣсколько разъ перевалъ черезъ Кавказскія горы и слѣдилъ за громомъ и молніей подъ ногами съ Крестовой горы, кто лобывалъ на Альпахъ и посѣтилъ Риги, знакомъ съ Андами и Кордильерами и обходилъ всѣ утѣы Катскильскихъ горъ въ Соединенныхъ Штатахъ,—тому, надѣюсь, будетъ дозволено выразить свое скромное на этотъ счетъ мнѣніе. Быть-можетъ Кавказскія горы и величественнѣе и въ отношеніи красоты нѣсколько не уступаютъ *гатамъ* Индіи, но то красота чисто условная, классическая, если можно такъ выразиться; она внушаетъ восторгъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страхъ: человекъ чувствуетъ себя пигмеемъ предъ этими Титанами природы. Но въ Индіи, за исключеніемъ Гималай, чувство возбуждаемое горными видами совершенно другаго рода. Самыя высокія вершины на горной равнинѣ Деккана, какъ и трехъугольной цѣли обрамляющей сѣверный Индостанъ и даже восточныхъ *гатахъ*, не превышаютъ 3.000 фут. Въ однихъ только западныхъ гатахъ, разстилающихся вдоль всего Малабарскаго берега отъ мыса Коморина до рѣки Сурата, найдутся вершины въ 7.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Поэтому, не съ бѣлымъ какъ лунъ дѣдушкой Эльборусомъ, или Казбекомъ, вышиной въ 15—16.000 футовъ мы позволимъ себѣ сравнить горы Индостана. Главная и совершенно своеобразная предѣсть послѣднихъ состоитъ въ изумительно прихотливой ихъ формѣ. Эти горы или скорѣе отдѣльныя вулканическія скалы, иногда тѣсно прижатые другъ ко другу, тянутся хребтами; но чаще всего, къ великому затрудненію геологовъ, разбросаны безо всякой видимой причины въ самыхъ неподходящихъ къ нимъ по грунту мѣстностяхъ. На каждомъ шагу пространныя долины

замкнутыя какъ стѣной высокими скалами, по краю которыхъ часто пролегаетъ желѣзная дорога. Взгляните внизъ, вамъ померещится будто предъ вами мастерская прихотливаго Титана-ваятеля, наполненная разбросанными полуоконченными груллами, статуями, памятниками... Вотъ невиданная лгца, распустивъ крылья и разинувъ пасть дракона, сидитъ на головѣ чудовища въ 600 футовъ вышины; возлѣ нея бюстъ человѣка въ зубчатомъ, какъ стѣна феодальнаго замка, шлемѣ; далѣ сказочныя, пожирающія другъ друга животныя, безрукія статуи, шары наваленные кучами, одинокія стѣны съ бойницами, переломлемые мосты и башни. Все это перелутано, разбросано; все съ каждымъ новымъ шагомъ измѣняетъ форму какъ призрчныя видѣнія во время лихорадочнаго сна... А главное, вѣтъ здѣсь ничего искусственнаго; все это чистая игра природы, которою при случаѣ и пользовались древніе строители. Человѣческое искусство въ Индіи слѣдуетъ чаще искать *внутри* чѣмъ *на поверхности* земли. Какъ бы стыдѣсь или считая грѣхомъ соперничать съ изваяніями природы, Индусы рѣдко строили свои древніе храмы иначе какъ въ вѣдрахъ земли. Выбравъ, напримѣръ, пирамидально заостренную скалу или куполообразный холмъ, какъ въ Элефантѣ и Карли, они выдабливали ихъ, по преданію Пурамъ, въ продолженіе вѣковъ, по планамъ грандіозности которыхъ превышаетъ всѣ понятія современной архитектуры и теперь совершенно ей недоступна. Баски (?) о циклопахъ оправдываются въ Индостанѣ еще болѣе нежели въ Египтѣ.

Изъ Нареля проѣздъ въ Кхандалы совершается по желѣзной дорогѣ наломивающей своею удивительною постройкой такую же дорогу изъ Генуи вверхъ чрезъ Алленинскія горы. Это путешествіе скорѣе можно назвать „воздушнымъ“ нежели сухопутнымъ. Дорога проходитъ на возвышеніи 1.400 футовъ надъ Конканомъ, и въ иныхъ мѣстахъ одна сторона рельсовъ проложена на острыхъ гребняхъ скалъ въ то время какъ другая опирается на своды арокъ; одинъ виадукъ въ Мали-Кхиндѣ возвышается на 163 фута. Въ продолженіе двухъ часовъ мы летѣли между небомъ и землею, окруженные съ обѣихъ сторонъ пропастями, густо заросшими цвѣтущими манговыми деревьями и бананами. Надо отдать справедливость англійскимъ инженерамъ: они строятъ великолѣпно.

Переѣздъ черезъ Бхоръ-гхатъ совершенъ благополучно, и мы въ Кхандалахъ. Нашъ *бэнглоу* построенъ на окраинѣ

пропасти, глубину которой тщательно скрыла природа самою роскошною растительностью. Все въ цвѣту, и одной этой бездонной ямы стало бы на всю жизнь ботаника. Пальмы исчезли; онѣ растутъ лишь на морскихъ берегахъ, и ихъ замѣнили баньяны, манго, *пипаль* (*Ficus religiosa*), смоковницы и тысячи другихъ деревьевъ и кустарниковъ, порода для насъ, префрановъ, невѣдомыхъ. Флора Индіи бывала не разъ оклеветана: ее обвиняли въ томъ что цвѣты ея прекрасны, но безъ запаха. Быть-можетъ въ извѣстные сезоны замѣчаніе окажется справедливымъ; но пока цвѣтеть жасминъ и различнымъ родоу бальзамины, бѣлая тубероза и золотистая *чалма*—царь по величинѣ межъ цвѣтущими деревьями, то это совершенная несправедливость. Отъ одного запаха *чалмы*, растущей обыкновенно на гористыхъ мѣстностяхъ и цвѣтущей какъ алоэ одинъ разъ каждыя сто лѣтъ, можетъ закружиться голова; а въ этотъ годъ сотни такихъ деревьевъ цвѣли на Материкѣ и въ Кхандалахъ.

Сидя въ тотъ вечеръ на верандѣ отеля надъ пропастью и невольно залюбовавшись окружающими насъ видами, мы заговорились почти до полуночи. Подсѣвшій было къ намъ Англичанинъ, старый отставной капитанъ, замѣтивъ что мы не дѣлаемъ никакой разницы въ нашемъ обращеніи между имъ и Индусами и не воскуриваемъ ему, какъ представителю „высшей расы“, ни малѣйшаго ениіама, холодно раскланялся и ушелъ. Все вокругъ насъ спало, и мы остались одни съ нашими спутниками, говорившими по-англійски не хуже любого оксфордскаго профессора. Кхандала, большая деревня построенная на гладкой ровной возвышенности одной изъ горъ хребта Сахадры (около 2.200 футовъ надъ моремъ), окружена изолированными холмами такой же странной формы какъ и прочіе. Одинъ изъ нихъ, прямо предъ нами на противоположной сторонѣ пропасти, представлялъ совершенное подобіе длиннаго одноэтажнаго строения съ плоскою крышею и зубчатымъ паралетомъ. Индусы клялись что въ окрестностяхъ этого холма существуетъ потайной входъ, ведущій въ пространныя залы подъ холмомъ—цѣлый подземный дворецъ, и что есть еще люди владычущіе тайной этой подземной обители. Святой отшельникъ, іоги и магъ, „обитающій уже много столѣтій“ въ подземельѣ, открылъ тайну онаго знаменитому махратскому вождю Сиваджи. Въ этой таинственной обители непобѣдимый герой, какъ Тангейзеръ въ

оперѣ Вагнера, провелъ семь лѣтъ своей юности; тамъ онъ и приобрѣлъ свою необычайную силу и храбрость.

Сиваджи—декканскій Илья Муромецъ XVII столѣтія, вождь и царь Махратовъ, основатель ихъ весьма недолгой имперіи. Ему одному Индія обязана ослабленіемъ, если не совершеннымъ уничтоженіемъ мусульманскаго ига. Маленькаго какъ женщина роста, съ рукой какъ у ребенка, онъ однакоже владелъ необычайною силой, которую, конечно, соотечественники его приписываютъ колдовству. До сихъ поръ его сохраняющаяся въ музеѣ сабля приводитъ всѣхъ въ изумленіе своею величиной и тяжестью, въ то время какъ развѣ только десятилѣтній ребенокъ въ состояніи просунуть руку въ узкую рукоятку. Основаніемъ славы нашего героя, сына бѣднаго офицера на службѣ у Могольского императора, послужило умерщвленіе этимъ новымъ Давидомъ мусульманскаго Голиафа—Афзаль-хана. Но онъ убилъ его не пращей, а страшнымъ махратскимъ орудіемъ *вагонакхъ*, состоящимъ изъ пяти длинныхъ стальныхъ, заостренныхъ какъ иглы и крѣпкихъ какъ желѣзо когтей, которые публичные бойцы надѣваютъ на пальцы правой руки и затѣмъ рвутъ другъ друга какъ дикіе звѣри на куски. Декканъ полонъ преданіями о Сиваджи, и даже англійскіе историки упоминаютъ о немъ съ большимъ уваженіемъ. Какъ въ легендѣ о Карлѣ Великомъ, одно изъ мѣстныхъ преданій увѣряетъ что онъ не умеръ, а обитаетъ до поры до времени въ одномъ изъ многихъ подземелій горныхъ хребтовъ Сахядры. Когда пробьетъ часъ освобожденія (по исчисленію астрологовъ онъ не далекъ), Сиваджи явится и снова освободитъ свою любимую родину.

Хитрые и ученые брамины, настоящіе іезуиты Индіи, пользуются этими глубоко вкоренившимися въ народѣ преданіями чтобы выманивать у нихъ деньги, часто даже послѣднюю корову, кормилицу цѣлыхъ семей. Привожу куріозный примѣръ случившагося всего мѣсяца два тому назадъ происшествія. Въ послѣднихъ числахъ іюля 1879 года появилось посланіе, таинственно ходившее по рукамъ въ Бомбей. Перевожу буквально съ мараттскаго оригинала*.

„Шри“! (Привѣтствіе—непереводимое.)

* Оригиналъ былъ переведенъ на всѣ діалекты Индостана (которыхъ 273!!).

„Да будетъ всёмъ извѣстно что это посланіе, начертанное на оригиналѣ золотыми буквами, свизошло въ присутствіи святыхъ браминовъ съ „Индра-Лока“ (небо Индры) на алтарь храма Вишвешвара, что во святомъ градѣ Бенаресѣ.

„Внимайте и помните, народы Индостана, Раджистана, Пѣнджаба и проч. и проч. Въ субботу, на второй день первой половины мѣсяца *Магха* *, эры Шаливагана 1809 года (то-есть 1887 года), ровно черезъ восемь лѣтъ, во время Ашвини Накшатра **, когда солнце войдетъ въ знакъ Козерога, а время дня станетъ приближаться къ созвѣздію рыбъ, то-есть ровно одинъ часъ и 36 минутъ по восходѣ солнца, пробьетъ конецъ Кали-Югу и возстановится столь желанный Сатія-Югъ ***. На этотъ разъ, Сатія-Югъ продлится 1.100 лѣтъ. Во все продолженіе этого періода срокомъ человѣческой жизни будетъ 128 лѣтъ. Дни удлиннятся и будутъ состоять изъ 20 часовъ 48 минутъ, а ночи изъ 13 часовъ и 12 минутъ, то-есть сутки станутъ длиться ровно 34 часа и 1 минуту. Въ тотъ знаменательный для насъ первый день Сатія-Юга, въ четыре часа и 24 минуты послѣ восхода солнца, къ намъ прибудетъ съ далекаго сѣвера новый царь, съ бѣлымъ лицомъ и золатыми кудрями. Онъ сдѣлается самодержавнымъ владыкой Индіи. *Майя* (иллюзія) человѣческаго невѣрія со всёми ей подвластными ересями будетъ низвергнута въ Паталь ****, а *Майя* достойныхъ и благочестивыхъ людей поселится съ ними и поможетъ имъ наслаждаться жизнью въ *Мрѣтинъ-Лока* †. Дабудетъ также всёмъ и каждому извѣстно что тому кто поможетъ въ распространеніи сей божественной рукописи, за каждую отпустится столько грѣховъ сколько обыкновенно отпускается набожному человѣку за пожертвованіе брамину ста коровъ. Что же касается невѣрующихъ и непомогающихъ намъ, то они будутъ отправлены въ *Нарака* (адъ).

„Передано и перелисано работою бога Вишну, во храмѣ Вишвешвара, въ Бенаресѣ—Мадлау Шрирамъ, въ субботу, 7го

* *Магха*—11й мѣсяць, по лѣточисленію эры Шаливагана.

** Ашвини Накшатра—первое изъ 27 созвѣздій на пути луны.

*** То-есть придетъ конецъ Маха-Юга—великаго цикла обнимающаго всё четыре юга.

**** *Паталь*—въ одно и то же время преисподняя (адъ) и антиподы.

† *Мрѣта*—наша земля; „*Мрѣтинъ-Лока*“—мѣсто нашей земли.

днѣ, первой половины Шравана * 1801 года, зря Шаливагана...“ (то-есть 26 іюля 1879 года).

Дальнѣйшая судьба этого невѣжественно-хитраго посланія мнѣ неизвѣстна, остановила ли полиція распространеніе онаго или нѣтъ—дѣло мудрыхъ правителей. Но оно превосходитъ характеризуетъ какъ легковѣріе погрязшаго въ фанатизмѣ народа, такъ и безсовѣтность браминовъ эксплуатарующихъ свою несчастную ластву.

Чрезвычайно интересно въ отношеніи названія *Паталя*, буквально означающаго „преисподняя“, одно открытіе сдѣланное санскритскимъ ученымъ (Суами Дайанандомъ Сарасвати, о которомъ мы говорили во второмъ письмѣ), особенно если оно подтвердится филологами, какъ это обѣщано фактами. Дайанандъ доказываетъ что древніе Аріицы знали и даже посѣщали Америку, которая и называется въ древнихъ рукописяхъ Паталемъ—преисподнею страной, изъ имени которой позднѣе народная фантазія создала адъ въ родѣ греческаго *ѳѳс*. Онъ подтверждаетъ свое открытіе изобильными цитатами изъ старѣйшихъ писаній, особенно изъ легендъ о Кришнѣ и его любимомъ ученикѣ Аржунѣ. Въ исторіи о послѣднемъ говорится что Арджуна, одинъ изъ пяти *Пандавъ*, потомковъ династіи луны, отправившись путешествовать посѣтилъ Паталя, гдѣ и женился на вдовствующей дочери царя „Нагуала“, по имени *Илмунь*. Сравнивъ эти имена отца и дочери мы находимъ слѣдующіе выводы сильно говорящіе въ пользу предположенія Суами Дайананда.

1) *Нагуалами* зовутся до сей поры колдуны мексиканскихъ Индійцевъ, аборигеновъ Америки. Какъ асирійскіе и халдейскіе *Наргалы*—главы маговъ, такъ *Нагуалы* Мексики соединяетъ въ своей особѣ должности священника и колдуна, держащаго при себѣ демона въ видѣ какого-либо животнаго, обыкновенно змѣи или крокодила. Они считаются потомками *Нагуа*, царя змѣй. Аббатъ Брассеръ де-Бурбургъ въ своемъ сочиненіи о Мексикѣ очень распространяется о нихъ, называя *Нагуаловъ* слугами нечистой силы, которая въ свою очередь служить имъ до поры до времени. На санскритскомъ языкѣ змѣя тоже называется *Нага* (Пада) и „Царь-Нагъ“ играетъ большую роль въ исторіи Будды и Пуранахъ.

* Шраванъ—пятый мѣсяцъ индусскаго года.

По преданію, самъ Арджуна ввелъ это покловеніе змѣямъ въ Паталѣ. Стеченіе обстоятельствъ и тождественность именъ до того поразительны, особенно когда мы находимъ ихъ въ двухъ совершенно противоположныхъ странахъ свѣта, что право стоило бы нашимъ ученымъ обратить на это вниманіе.

2) Имя жены Арджуны *Иллуль* чисто древне-мексиканское и если мы отбросимъ въ сторону гипотезу Суами, то станетъ совершенно невозможнымъ объяснить себѣ присутствіе подобнаго названія въ санскритскихъ рукописяхъ задолго до христіанскихъ временъ. Изъ всѣхъ древнихъ языковъ и диалектовъ только между языками аборигеновъ Америки постоянно встрѣчаются подобныя комбинаціи согласныхъ буквъ какъ *тль*, *нль* и т. д. Особенно изобилуетъ ими языкъ Тольтековъ (или Нахуатль), въ то время какъ ни въ санскритскомъ, ни въ древне-греческомъ языкахъ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Слова „Атласъ“ и „Атланта“ не представляютъ удовлетворяющей этимологіи ни на какомъ языкѣ Европы; откуда бы Платонъ ни взялъ его, сочинилъ названіе Атланты не онъ. А на языкѣ Тольтековъ мы находимъ коренной слогъ *а*, *атль* — означающій воду и войну: къ тому же, по открытіи Колумбомъ Америки, былъ найденъ, у входа въ заливъ Урага, городъ по имени *Атлама*. * Въ одной только Америкѣ мы встрѣчаемъ такіа названія какъ Итцкоатль, Цемлоатекатль и Полокателетль. Приходится требовать ужь слишкомъ много отъ сѣлаго случая чтобы найти въ немъ такіа странныя совпаденія. Вслѣдствіе этого, до удовлетворительнаго опроверженія наукой этого предположенія, котораго она пока не въ состояніи намъ предъявить, мы позволяемъ себѣ принять гипотезу Дайананда Суами какъ самую благоразумную, хотя бы вслѣдствіе аксіомы что „одна гипотеза равняется другой“. Дайанандъ указываетъ, между прочимъ, на Сибирь и Беринговъ проливъ какъ на путь пройденный Арджуной 5.000 лѣтъ тому назадъ и приведшій его въ Америку.

Далеко за полночь просидѣли бы мы слушая подобныя легенды еслибы содержатель гостиницы не прислалъ предупредить насъ объ опасностяхъ угрожающихъ намъ на балконѣ,

* Нынѣ—бѣдная деревушка рыбаковъ *Агло*. См. также *Le Mexique* Брассеръ-де-Бурбурга и Baldwin, *Prehistoric Nations*, p. 179.

ночью, особенно въ *лунныя* ночи. Программа этихъ опасностей состояла изъ трехъ отдѣленій: 1) змѣи; 2) дикіе звѣри; 3) Дакоты. Кромѣ кобры и „скалистой змѣи“, здѣшнія горы изобилуютъ породой маленькихъ горныхъ змѣй извѣстныхъ подъ именемъ *фурзэнъ*, самой опасной изъ всѣхъ породъ; укушеніе ихъ убиваетъ человѣка съ быстротой молніи. Луна привлекаетъ ихъ, и цѣлыя компаніи этихъ непрошенныхъ гостей залѣзаютъ на веранды домовъ „грѣться“; имъ тутъ, во всякомъ случаѣ, теплѣе нежели на землѣ. Цвѣтущая же и благоуханная пропасть у подножія веранды оказывалась любимымъ мѣстомъ прогулки тигровъ и леопардовъ приходящихъ туда по ночамъ „напиться“ у протекающаго внизу широкаго ручья, и бродящихъ иногда до самаго разсвѣта подъ окнами бѣяглоу. Наконецъ шальные Дакоты, притоны которыхъ разсыяны по этимъ неприступнымъ для полиціи горамъ, часто стрѣляютъ въ Европейцевъ изъ одного лишь удовольствія отправить къ праотцамъ ненавистнаго имъ *белляти* (иностранца). За три дня до нашего прѣзда жена одного браминна была унесена тигромъ въ пропасть, а двѣ любимыя собаки коменданта, спавшія на дворѣ, были убиты змѣяи. Не дожидаясь дальѣйшихъ объясненій, мы немедленно разошлись по своимъ комнатамъ. На разсвѣтъ намъ предстояло ѣхать за 6 миль въ Карли.

VI.

Въ пять часовъ утра мы уже были у подножія горы, доѣхавъ въ нашей колымагѣ на волахъ до послѣднихъ предѣловъ не только экилажнаго, но и верховаго тракта. Последнюю подмилю мы ѣхали по настоящему взбаламученному морю камней, а теперь оставалось лишь взлѣзть или скорѣе карабкаться на четверенькахъ по тропѣ идущей зигзагами вверхъ по перпендикулярному почти склону въ 900 футовъ высоты. Совершенно растерявшись посматривали мы на эту историческую громадину, не зная что дѣлать далѣе. Почти на самомъ верху горы, подъ далеко нависшими скалами, зяло съ дюжину черныхъ отверстій; сотни пилигримовъ въ праздничныхъ одеждахъ ползли по склону какъ разноцвѣтные муравьи. Но тутъ выручили насъ наши преданные друзья Индусы. Одинъ изъ нихъ, приложивъ ладонь ко

рту, закричалъ громкимъ, пронзительнымъ не то крикомъ, не то свистомъ. По первому зову раздался отвѣтный сигналъ сверху; вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько полуголыхъ браминовъ—наслѣдственные сторожа храма, съ быстротой и ловкостью дикихъ кошекъ, запрыгали по скаламъ сверху внизъ. Въ пять минутъ они уже были около насъ, опутали насъ ремнями и затѣмъ скорѣе поволокли нежели повели вверхъ. Черезъ полчаса, измученные, но цѣлые, мы уже стояли предъ входнымъ портикомъ главнаго храма, до той поры сокрытаго со всѣхъ сторонъ гигантскими лилами и кактусами.

Белочественный, весь покрытый скульптурой портикъ храма (въ 52 фута ширины), на четырехъ массивныхъ колоннахъ образующихъ четырехугольникъ, покрытъ въѣжковымъ мохомъ. Впереди портика стоитъ „колонна льва,“ такъ названная отъ четырехъ изваянныхъ въ натуральную величину львовъ, сидящихъ спиной къ спинѣ на четырехъ сторонахъ капители. Надъ главною дверью проведена огромная арка, а стѣны по обѣ стороны фасадной двери покрыты изваяніями мужскихъ и женскихъ фигуръ гигантскихъ размѣровъ; впереди этихъ фигуръ далеко выдвигаются изъ стѣны три колоссальные слона *en relief* съ головами и хоботами. Самый храмъ овальной формы въ 128 футовъ длины и 46 ширины; среднее его пространство отдѣлено отъ праваго и лѣваго крыла 42 колоннами, поддерживающими круглый куполообразный потолокъ; за нимъ, отдѣленный отъ перваго алтаремъ, находится другой куполь ломенѣ надъ комнатою въ родѣ лотаеннаго святилища, служившаго внутреннимъ алтаремъ для древнихъ первосвященниковъ арійскаго племени. Оба ведущіе къ ней боковые коридора, не доходя до главнаго алтаря, обрываются, заставляя предполагать что въ древности здѣсь были или двери, или стѣны, которыхъ теперь уже не существуетъ. Всѣ 42 колонны на высокихъ подножіяхъ, восьмиугольныхъ стержняхъ и богатой лѣдной работы на капителяхъ, изображающей на каждой двухъ колѣнопреклоненныхъ слоновъ съ двумя сидящими на нихъ фигурами, бога и богини, „самой изящной работы“, говоритъ Фергусонъ. По его мнѣнію, храмъ этотъ, или *чаитья*, сохранился лучше всѣхъ другихъ и древнѣе прочихъ. Онъ можетъ быть отнесенъ къ эпохѣ за 200 лѣтъ до Р. Х., такъ какъ надпись разобранныя Принсепомъ на колоннѣ Си-

ластамбы * гласить что колонна льва есть жертвоприношеніе храму отъ Аджитры Указа, сына Сахы Равизобхоти, а другая надпись указываетъ на посвященіе храма Датгамои Харой (онъ же и Датгагачини) царемъ Цейлонскимъ на 20 году его царствованія, то-есть 163 года до нашей эры. Dr. Стивенсонъ ** почему-то въ этомъ случаѣ настаиваетъ на 70 годахъ до Р. Х., увѣряя будто Карленъ (Карли) построены императоромъ Девобхоти, подъ надзоромъ Ксенократа (Дханукаката). Но какъ могло бы это быть въ виду предыдущей и, какъ доказано, совершенно подлинной надписи? Даже Фергусонъ, этотъ извѣстный защитникъ египетскихъ древностей и врагъ древностей Индіи, положительно доказываетъ что Карли принадлежитъ къ постройкамъ III вѣка до Р. Х., добавляя притомъ что „расположеніе отдѣльныхъ частей архитектуры его совершенно тождественно съ архитектурой хоровъ готическаго крутлага, или со многоугольными апсидами собора“.

Поперекъ фасада и надъ главнымъ входомъ находится галерея наклоняющаяся вполнѣ хоры, гдѣ въ католическихъ церквахъ стоитъ органъ. Съ палерти, кромѣ главныхъ дверей, двѣ другія двери ведутъ въ боковые отдѣлы, а надъ галереей одно, во всю ширину средняго пространства, окно въ видѣ подковы. Такимъ образомъ, весь свѣтъ падаетъ сверху на даггону (алтарь), оставляя оба крыла густо заслоненными колоннадой и въ полумракѣ, который все усиливается по мѣрѣ приближенія къ задней части зданія. Для зрителя стоящаго у дверей храма даггона должна была такимъ образомъ казаться окруженною сіяніемъ, за которою чернѣла непроницаемая тьма, куда не допускался никто изъ непосвященныхъ. Фигура на даггонѣ, съ возвышенія которой „раджа-первосвященнику“ судили въ древнія времена народъ, носить названіе „Дхармы Раджи“, индостанскаго Мивоса. Надъ главнымъ храмомъ еще два выдолбленные въ скалѣ друсъ; въ каждомъ изъ нихъ открытая во всю ширину галерея съ толстыми рѣзными колоннами, а изъ галереи идутъ внутрь горы большія залы-кельи и внезапно оканчивающіеся подвижному глухою стѣной корридоры, иногда очень длинныя, но теперь безполезныя. Сторожа и хранители святилища либе

* *Journal of the Asiatic Society*, Vol. VI.

** *Bombay, Asiatic Society's journal*, Vol. V.

сами утратили тайну входовъ ведущихъ далѣе, либо ревниво скрываютъ ее отъ Европейцевъ. Старикъ браминъ и его два сына горько жаловались что теперь правительство даетъ имъ всего 600 рупій субсидіи на расходы двухъ храмовыхъ праздниковъ Шивы, тогда какъ Остъ-Индская компанія давала имъ 2.000. Сочувствуя ихъ горю, мы не могли однакоже не удивиться такому *великодушію*: христіане-правители выдающіе субсидіи на азычскія празднества и поклоненіе идоламъ! Черта рѣдкая! Только, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же тратить милліоны на миссіонеровъ вмѣсто того чтобъ обращаться въ христіанство своихъ же многочисленныхъ *нехристей* у себя дома?..

Кромѣ главной есть множество меньшихъ *вилларъ*, или храмовъ-монастырей, еще древнѣе первой, какъ полагаютъ археологи, разбѣянныхъ по склону горы; но какому именно вѣку или эпохѣ принадлежать онѣ, о томъ не знаетъ никто, кромѣ немногихъ браминовъ, да и тѣ молчатъ. Вообще говоря, положеніе археологовъ въ Индіи весьма грустное: массы народа, погруженные въ невѣжество, не могутъ конечно оказать имъ какой-либо помощи, а ученые брамины, посвященные во всѣ тайны потаенныхъ библіотекъ въ лагодахъ, молчатъ и стараются всѣми силами прелятствовать разысканіямъ археологовъ. Да и трудно и даже несправедливо было бы обвинять въ этомъ браминовъ послѣ всего случившагося. Горькій опытъ въ продолженіе долгихъ столѣтій научилъ ихъ что ихъ единственное спасеніе—въ осторожности и недовѣрчивости, иначе и національная исторія и драгоценнѣйшія ихъ святыни давно пропали бы безслѣдно. Политическіе перевороты и мусульманскія нашествія столько вѣковъ терзавшія Индію и потрясшія эту страну до самаго основанія, всеразрушающій фанатизмъ мусульманскихъ Вавдаловъ, католическіе *падри* пускающіеся на всякія хитрости лишь бы завладѣть рукописами, а затѣмъ уничтожить ихъ, все это болѣе чѣмъ оправдываетъ браминовъ. Несмотря однакоже на вѣковыя разрушенія, до сихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ Индіи имѣются обширныя библіотеки, доступъ куда пролилъ бы яркій свѣтъ не только на древнюю исторію самой страны, но и на самыя темныя гипотезы всемірной исторіи. Нѣкоторыя изъ этихъ наполненныхъ драгоценными рукописами библіотекъ находятся во владѣніи туземныхъ принцевъ и подвластныхъ имъ лагодъ; но большая часть въ

рукахъ джайновъ (самой древней секты) и такуровъ Раджлутаны, * старинные, наследственные замки которыхъ разбросаны по всему Раджистану, какъ орлиныя гнѣзда, на вершинахъ скалъ. Знаменитыя коллекции въ Джассульмерѣ и Патанѣ извѣстны, но недоступны правительству. Рукописи написаны на древнемъ и давно забытомъ языкѣ, понятномъ лишь великому первосвященнику и его посвященнымъ библиотекарямъ. Одинъ толстый фолиантъ считается до того священнымъ и неприкосновеннымъ что онъ повѣшенъ на тяжелой золотой цѣли среди храма Чинтамуна въ Джессульмерѣ (столицѣ Раджлутанской лустыни) и снимается только для обчистки и новаго переплета съ каждымъ востшествіемъ новаго понтифа. Это сочиненіе извѣстнаго въ исторіи Сомадити Суру Ачарьи, великаго первосвященника до мусульманскаго нашествія. Мантия его сохраняется до сихъ поръ во храмѣ и въ нее облачается при посвященіи каждый новый первосвященникъ. Тодъ, жившій столько лѣтъ въ Индіи и приобрѣтшій любовь народа и браминовъ какой ни одинъ Англичанинъ не добился и не добьется, человѣкъ привязавшійся къ этому народу всѣми силами души и написавшій объ Индіи единственную правдивую исторію, ** не могъ получить дозволенія даже дотронуться до фолианта. Молва идетъ что ему предложили принять вѣру этой секты, обѣщая въ такомъ случаѣ посвятить его во всѣ таинства. Страстный археологъ, онъ чуть было не

* *Такуры* играютъ въ Индіи ту же роль какую играли въ Европѣ средневѣковые бароны феодаальныхъ временъ. Номинально они подвластны или своему владѣтельному принцу, или же Британскому правительству; но *de facto* они ни отъ кого не зависятъ. Построенные на неприступныхъ скалахъ, ихъ замки, кромѣ явнаго затрудненія добраться до нихъ имаче какъ по одному человѣку, гуськомъ, представляютъ еще ту выгоду что каждый изъ нихъ сообщается съ подземными ходами, тайна которыхъ переходитъ лишь наследственно, отъ отца къ сыну. Мы посетили два изъ такихъ подземныхъ покоевъ; одинъ изъ нихъ способенъ помѣстить въ своихъ обширныхъ залахъ цѣлую деревню. Одни йоги (кромѣ владѣльцевъ) и посвященные адепты имѣютъ свободный къ нимъ доступъ. Хорошо извѣстно что никакая попытка, тѣмъ болѣе что они саморучно и ежедневно прибѣгаютъ къ попыткамъ сами, не въ состояніи заставить ихъ выдать тайну.

** *The Annals and Antiquities of Rajast'han. By Colonel James Tod.*

рѣшилъ на это, но принужденный по болѣзни вѣхать въ Англію, умеръ не успѣвъ вернуться въ свое второе отечество. Такимъ образомъ тайна этого новаго тома Сивиллы остается доселѣ неразгаданною.

То же разказываютъ и о Карли, его бібліотекахъ и подземныхъ ходахъ. А между тѣмъ археологи даже не въ состояніи опредѣлить къмъ построенъ этотъ древній храмъ, буддистами или браминами. Огромная *дагхона* (алтарь), закрывающая отъ взоровъ прихожанъ находящееся за нею святилище, похожая на низкій минаретъ съ куполомъ, освѣнена грибообразною крышей, называемою археологами зонтикомъ, какъ фигуры Будды и китайскихъ мудрецовъ. Но шиваиты, во владѣніи коихъ находится теперь Карли, увѣряютъ будто это приземистое зданіе, похожее на барабанъ съ куполомъ, есть *лингалъ* Шивы. Къ тому же и лѣльная работа, и вырѣзанныя въ скалѣ изваянія боговъ и богинь не допускаютъ мысли что этотъ храмъ есть произведеніе буддистовъ.

„Мое замѣчаніе что пещеры *чаити* какъ бы мгновенно достигли высшаго совершенства въ архитектурномъ и въ скульптурномъ смыслѣ относится въ особенности къ этому пещерному храму (Карли)“, пишетъ Фергусонъ. „Возьмемъ ли мы нашимъ путеводителемъ Махаванзо или надпись царя Азоки, какъ тотъ, такъ и другой выборъ приводитъ насъ къ одному и тому же результату. Очевидно что эта страна (Декканъ) подъ именемъ Махараштраны (въ рукописяхъ Махаванзо; а въ надписяхъ—Питеники) есть та самая необращенная земля куда Азока на десятомъ году своего царствованія посылалъ миссіонеровъ Будды; поэтому, если допустить это исчисленіе, то между обращеніемъ страны и сооружеиіемъ этого великолѣпнаго памятника прошло не болѣе одного вѣка. Въ *сигарахъ* Карли, какъ и въ другихъ такихъ же принадлежащихъ къ той же элохѣ, нѣтъ ничего такого что не могло бы быть изваяно изъ натуральной пещеры того же времени; но во храмѣ Карли мы видимъ такое смѣшеніе стилей и такое совершенство работы что находимся болѣе чѣмъ когда-либо въ затрудненіи. Что такое этотъ памятникъ древности? Храмъ ли то браминовъ или буддистовъ? Выстроенъ ли онъ по плану начертанному послѣ смерти Сакіи Синги, или это есть принадлежность еще болѣе древней религіи? Наконецъ, если мы правы, полагая что рытье пещеръ началось только послѣ царствованія Азоки

(въ III вѣкѣ до Р. Х.) *, то для чего же, въ то время какъ другія *висары* (за исключеніемъ впрочемъ десятковъ иныхъ, какъ Элефанта, Аджунта, Каннери и проч., которыя Фергусонъ старается придвинуть по возможности ближе къ нашимъ временамъ) такъ малы и ничтожны, былъ предпринять подобный громадный трудъ прорытія скалы и сооруженія именно *этого* храма?"

„That is the question“. Если Фергусонъ, вынужденный фактическими доказательствами надписей допустить древность Карли, все-таки станетъ утверждать что Элефанта гораздо современнѣе, то ему едва ли когда-либо удастся выпутаться изъ этой дилеммы, такъ какъ стиль архитектуры тотъ же, а скульптурная работа еще грандіознѣе. Приписывать храмы Элефанты и Каннери буддистамъ, а затѣмъ относить ихъ постройку къ IV и V, а другую къ X столѣтіямъ нашей эры, значитъ навязывать исторіи странной и ни на чемъ не основанный анахронизмъ. Послѣ I вѣка по Р. Х. въ Индіи не оставалось ни одного вліятельнаго буддиста; разбитые и преслѣдуемые браминами, они бѣжали тысячами на Цейлонъ и за Гиммалаи. Со смертію царя Азоки буддизмъ сталъ быстро распадаться, и въ Индіи его совершенно вытѣснилъ теократическій браманизмъ. Гипотеза Фергусона что выношенные съ материка послѣдователи Санкии Сивги вѣроятно искали убѣжища на окружающихъ Бомбей островахъ также едва ли можетъ выдержать критическій анализъ. Элефанта и Сальсета подъ бокомъ Бомбея (всего въ двухъ и пяти миляхъ) наполнены древними храмами Индусовъ. Возможно ли предположить чтобы брамины, болѣе чѣмъ когда-либо въ силѣ предъ періодомъ предшествовавшимъ мусульманскому нашествію, фанатики и смертельные въ ту эпоху враги буддистовъ, дозволили ненавистнымъ имъ еретикамъ строить буддистскія лагоды не только въ своихъ владѣніяхъ вообще, но въ „Харилури“ въ особенности, на островѣ ихъ священнаго „города пещерныхъ храмовъ“? Не нужно быть ни-спеціалистомъ-архитекторомъ, ни великимъ археологомъ, чтобы съ перваго же взгляда убѣдиться въ томъ что храмъ Элефанты, напримѣръ, есть работа циклоповъ, требующая столѣтій, а не годовъ. Въ то время какъ въ Карли все выстроено и высѣчено по строго обдуманному плану, въ Элефантѣ какъ бы

* Умеръ въ 222 до Р. Х.

тысячи разныхъ рукъ, задаваясь каждая своимъ планомъ и слѣдуя собственной идеѣ, создали каждая въ свое время. Всѣ три пещеры, напримѣръ, выдолблены внутри твердой порфировой скалы: какъ средній большой, такъ и два боковые храма. Первый храмъ, почти квадратный (130¹/₂ ф. длины и 130 ширины), имѣетъ 26 толстѣйшихъ колоннъ и 16 пиластровъ. Нѣкоторыя колонны отстоятъ другъ отъ друга на 12, другія на 16 футовъ, на 15 и три вершка, на 13 и два вершка и такъ далѣе. Такую же разницу мы находимъ въ пьедесталахъ колоннъ, гдѣ каждая разнится украшеніями и чистотой работы отъ другой. Такъ почему же, спрашивается, не обратить вниманія на объясненія браминовъ? Они говорятъ что храмъ былъ задуманъ и начатъ сыновьями Панду, послѣ „великой войны“ *Махабхарата*, и что они завѣщали всѣмъ вѣрующимъ продолжать работу по своему усмотрѣнію. Затѣмъ храмъ строился цѣлые три вѣка. Желаящій искупить свои грѣхи приносилъ рѣзецъ и работалъ; часто многіе изъ членовъ царскихъ фамилій и сами цари лично принимали участіе въ трудѣ... * Если храмъ былъ мало-по-малу заброшенъ, то это потому что люди предыдущихъ и нынѣшняго поколѣнія сдѣлались слишкомъ недостойными посвящать подобное святилище.

Что касается Каннери (или Канхари) и многихъ другихъ пещерныхъ храмовъ, то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію что всѣ они сооружены буддистами. Во многихъ найдены превосходно сохранившіяся надписи, и стиль ничѣмъ не напоминаетъ символическія постройки браминовъ. Епископъ Геберъ относитъ древность Каннери къ I или II вѣку до Р. Х. Но Элефанта гораздо древнѣе и принадлежитъ къ доисторическимъ памятникамъ, то-есть къ эпохѣ слѣдовавшей

* По правую сторону храма коническій камень, называемый „лингъ“ или „лингамъ“ (эмблема Шивы въ его роли оплодотворяющей силы природы), стоитъ посреди небольшой четырехугольной капеллы съ четырьмя дверями. Вокругъ этой капеллы расположено много огромныхъ человѣческихъ фигуръ; то, по словамъ браминовъ, портреты-статуи самихъ ваятелей, изображающіе придверниковъ святыхъ, Индусовъ самой высокой касты. Каждая изъ большихъ фигуръ опирается на карлика—изображеніе низшихъ кастъ, но которыхъ народная фантазія произвела въ „демоновъ“ (*низача*). Храмъ полонъ изваяній созданныхъ неискусными руками.

непосредственно за „великою войною“ *Махабхарата*—время которой именитый и ученый Dr. Мартынъ Хауэ отодвигаетъ чуть ли не до Потопа, а столь же именитый и не менѣе ученый Максъ Мюллеръ придвигаетъ почти къ первому вѣку христіанства.

VII.

Ярмарка была въ самомъ разгарѣ, когда мы, окончивъ наши визиты въ кельц, облазивъ всѣ ярусы и осмотрѣвъ знаменитую „заду бойцовъ“, спустились внизъ не по лѣстницамъ, отъ которыхъ не осталось и слѣда, а какъ спускаются ведра въ колодцы—на веревкахъ. До трехъ тысячъ народа собралось изъ сосѣднихъ селъ и городовъ. Женщины украшенныя до пояса, въ блестящихъ *сарі*, съ кольцами въ ноздряхъ, ушахъ, губахъ и всюду гдѣ только можно было ихъ прицѣпить, съ гладко зачесанными назадъ блестящими отъ кокосоваго масла волосами, цвѣта воронова крыла, съ синимъ оттѣнкомъ, косы коихъ были украшены пурпуровыми цвѣтами, посвященными Шивъ и Бавану, женской половѣ бога. Предъ храмомъ образовались ряды лавочекъ и лалатокъ, гдѣ продавались всѣ принадлежности обычныхъ жертвоприношеній: ладонъ, ароматическія травы, сандалное дерево, рисъ и *гулабъ*, красная краска въ порошокъ, которымъ они мажутъ идоловъ и затѣмъ собственныя фізіономіи. Факіры, байраги, госсейны, весь штатъ нищенствующей братіи прохаживались въ толлѣ; обвитые четками, съ обмазанными синевагою сажей лицами и тѣломъ, съ ихъ длинными, всклокоченными волосами, собранными на макушкѣ въ чисто женскій пиньонъ, они со своими бородами фізіономіями представляли пресмѣшное подобіе голыхъ обезьянъ. Нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе самобичеванія, были страшно изранены. Были тутъ и *буни*—змѣе-чародви, съ цѣлыми десятками кобръ, фурзеновъ и змѣй вокругъ пояса, шеи, рукъ и ногъ—модель достойная кисти художника желающаго изобразить мужскую „фурію“. Особенно отличался между ними одинъ *джадугаръ* (колдунъ), обвинившій себѣ голову кобрами какъ чаймой: раздувъ капюшоны и поднявъ свои зеленыя, листообразныя головы, кобры безостановочно шилѣли—шилѣніемъ наломающимъ тяжелое дыханіе умирающаго; оно слышно за сто шаговъ. Быстро высовывая тонкое

жало *, онѣ сверкали маленькими, злыми глазками на всѣхъ проходящихъ... Между прочимъ вотъ что случилось: передаю фактъ такъ точно какъ происходилъ, безо всякихъ объясненій и собственныхъ гипотезъ, а прямо предоставляя разгадку проблемы натуралистамъ.

Надѣясь вѣроятно на заработокъ, *буни* въ змѣиной чалмѣ прислалъ къ намъ мальчика, предлагая показать какъ онъ очаровываетъ змѣй. Не желая терять случая, мы согласились, съ условіемъ установить прежде всего между нами и его питомцами то что Дизраэли назвалъ бы „ученою границей“; поэтому съ начала представленія мы сидѣли шагахъ въ лятнадцати отъ „магическаго круга“. Не стану распространяться обо всѣхъ штукахъ и фокусахъ какіе намъ удалось видѣть; перейду прямо ко главному факту. Вынувъ *сагуду* (родъ дудки изъ бамбука), *буни* сперва погрузилъ змѣй въ каталептическій сонъ. Наигрываемая имъ мелодія, тихая, медленная и чрезвычайно оригинальная, усылила было и насъ самихъ: по крайней мѣрѣ всѣхъ насъ вдругъ стало непреодолимо клонить ко сну безо всякой видимой причины. Изъ этого полудетаргическаго состоянія мы были вырваны нашимъ пріителемъ Гудабъ-Сингомъ, который, нарвавъ какой-то травы, совѣтовалъ намъ натереть ею крѣпко виски и вѣки. Затѣмъ *буни* вынулъ изъ грязнаго мѣшка что-то вродѣ круглаго камешка похожаго на рыбій глазъ или черный ониксъ съ бѣлою крапинкой по срединѣ, величиной съ нашъ гривенникъ. Онъ увѣрялъ что кто купитъ этотъ камень, тотъ „очаруетъ“ имъ какую угодно кобру (на другихъ змѣй камень не дѣйствуетъ), мигомъ парализуя и подъ конецъ усыливая ее; къ тому же это единственное, по его словамъ, спасеніе противъ укушенія кобры; слѣдуетъ только немедленно приложить этотъ талисманъ къ ранѣ къ

* Выраженіе, общепринятое на всѣхъ азыкахъ, „ужаеніе“ змѣй чрезвычайно невѣрно передаетъ фактъ *укушенія*. Жало змѣи (или ея азыкъ) совершенно безвредно. Для того чтобъ ядъ перешелъ въ кровь человѣка или животнаго, змѣѣ надо „прокусить“ тѣло зубами, а не уколотъ жаломъ, чего никакая змѣя не дѣлаетъ. Тонкіе какъ иглы глазные зубы ея сообщаются съ мѣшечкомъ (железкой наполненною ядомъ и находящеюся подъ кожей); если у кобры вырвать этотъ мѣшечекъ, то она послѣ того живетъ не болѣе двухъ, трехъ дней. Поэтому завладеніе нѣкоторыхъ скелтиковъ что *буни* „вырываютъ“ эти мѣшечки или железку у своихъ змѣй несправедливо.

которой онъ тутъ же и пристанетъ такъ крѣпко что его нельзя будетъ оторвать; затѣмъ, высосавъ весь ядъ, камень отпадаетъ самъ собою, и тогда минуетъ всякая опасность...

Зная какую большую премію правительство назначило за подобное средство, премію впрочемъ еще нѣкѣмъ не полученную, мы, при видѣ этого удивительнаго талисмана, не изъявили слишкомъ неблагоразумнаго восторга. Бунн между тѣмъ сталъ дразнить своихъ змѣй. Выбравъ громадную кобру, футовъ въ 8 длины, онъ раздражилъ ее до бѣшенства: обвивъ хвостомъ левъ, она поднялась на дыбы и стала страшно шипѣть. * Наконецъ она укусила бунн за палецъ, на которомъ скорѣе показалось нѣсколько капель крови. У толпы вырвался единодушный крикъ ужаса. Но бунн не торопясь приклеилъ къ пальцу свой камешекъ, который и присталъ къ нему какъ плавка, и затѣмъ сталъ продолжать свои представленія. „У змѣи мѣшокъ вырѣзанъ“, замѣтилъ полковникъ изъ Нью-Йорка; „это просто фарсъ...“ Какъ бы повявъ замѣчаніе, бунн, послѣ небольшой борьбы въ ловкости, поймалъ кобру за шею одною рукою, а другою всунулъ ей въ ротъ сломанную спичку, установивъ ее перпендикулярно между двумя челюстями такъ что онѣ остались разинутыми; затѣмъ онъ сталъ подносить змѣю къ намъ поочередно, указывая на убійственную железку съ ядомъ. Но полковникъ сдвинулся не сразу. „Мѣшокъ тамъ, а яду быть-можетъ и нѣтъ. Почему мы знаемъ?“ Привесли живую курицу и связавъ ей ноги положили возлѣ змѣи. Но та отвернулась отъ жертвы и грозно шипѣла на бунн. Тогда, просунувъ между связанныхъ лапъ курицы палку, бунн сталъ снова дразнить кобру, пока та наконецъ не укусила несчастную птицу. Слабо закудахтала жертва, встрепенулась разъ, другою и окончила. Смерть была мгновенная...

Вслѣдъ за этимъ произошло нѣчто столь странное что можно быть заранѣе увѣреннымъ что мой разказъ возстановитъ противъ себя всѣхъ петербургскихъ и московскихъ анти-спиритовъ и критиковъ. Но фактъ, даже вслѣдствіе самой убійственной критики, не могутъ перейти въ область факціи, а такъ и останутся фактами. Змѣя мало-по-малу

* „Шипѣть“ также неправильное выраженіе. Змѣя (кобра по крайней мѣрѣ) не шипитъ, а скорѣе „хрипитъ“; тяжелое и громкое дыханіе раздуваетъ все тѣло ея какъ грудь у человека.

дошла до такого изступленія что видно было какъ самому *дусадугару* становилось опасно приблизиться къ ней. Какъ бы приклеенная хвостомъ ко льну, она металась во все стороны переднимъ тѣломъ, стараясь укусить что ни попадало. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ показалась собака, и на него теперь *буми* устремилъ все свое вниманіе. Скорчившись на землѣ, на благоразумномъ разстояніи отъ бѣсновашейся кобры, онъ влериалъ въ собаку неподвижный, стеклянный взоръ и сталъ напѣвать что-то сквозь зубы. Собака сразу обнарудила признаки безпокойства: поджавъ хвостъ, она было подусбернулась чтобъ уйти, но осталась какъ бы прикованною къ землѣ. Черезъ нѣсколько секундъ собака стала ползти на животъ по направленію къ *буми*, все ближе и ближе, слабо визжа и не свода отъ него глазъ словно очарованная... Я поняла мысль чародѣя, и мнѣ стало ужасно жаль бѣдной собаки; мнѣ хотѣлось какъ-нибудь сласти ее, разрушить это влияніе. Но къ ужасу моему я почувствовала что у меня самой языкъ какъ бы прилипъ къ гортани и что мнѣ невозможно было не только встать, но и пошевеливать пальцемъ. Эта дьявольская сцена продолжалась къ счастью недолго. Медленно полза, собака уже была на поларшина отъ кобры: въ одно мгновеніе со страшнымъ шипѣніемъ змѣя кинулась на нее и укусила въ голову... Съ жалобнымъ визгомъ животное упало на спину, задрогало ногами и мѣнѣ чѣмъ въ минуту издохло. Сомнѣваться въ присутствіи яда въ мѣшечкѣ становилось долѣе невозможнымъ. Между тѣмъ камешекъ отпалъ отъ ранки, и кодаумъ сталъ всѣмъ показывать свой зажившій палецъ на которомъ чуть краснѣлъ уколъ не болѣе какъ въ булавочную головку. Поставивъ всѣхъ своихъ змѣй на хвосты и держа камешекъ между большимъ и указательнымъ пальцами, онъ сталъ показывать влияніе на нихъ своего талисмана. По мѣрѣ приближенія пальцевъ къ головкамъ змѣй, тѣ подавались всѣмъ тѣломъ назадъ; упершись глазами въ камень, онъ дрожали, наклонялись все ниже и ниже, пока наконецъ не падали на земь усыпавенныя... Затѣмъ онъ предложилъ скептическому полковнику сдѣлать лично опытъ. Несмотря на наши предостереженія, этотъ немедленно согласился, выбравъ для перваго эксперимента большую кобру. Вооруженный *камнемъ*, полковникъ храбро подошелъ къ ней и поднесъ его къ головѣ змѣи. Сперва, раздувъ калюшонъ, она сдѣлала движеніе чтобы кинуться на него, но

вдругъ остановилась какъ бы вколпая и, закинувъ голову назадъ, вперла глаза въ камешекъ, которымъ тотъ медленно водилъ по всѣмъ малправленіямъ, приближая ея постепенно ко лбу змѣи и заставляя ее крутиться на хвостъ. Отъ страха мы положительно не смѣли двигаться. Когда же камень, а вмѣстѣ съ нимъ и пальцы полковника приблизились на полвершка отъ головы змѣи, она вдругъ зашаталась всѣмъ тѣломъ и во всѣ стороны, какъ львая; шилъные дѣлалось все слабѣе, капюшонъ повисъ по обѣимъ сторонамъ шеи; глаза стали закрываться. Склоняясь все ниже и ниже, змѣя наконецъ упала на земь какъ надломленный сучокъ дерева и въ свою очередь заснула....

Только тогда мы вздохнули свободно. Отведя колдуна въ сторону, мы пожелали купить у него камень, на что онъ, къ нашему удивленію, тотчасъ же согласился, запросивъ двѣ рупіи. Талисманъ перешелъ въ мою собственность и въ настоящее время находится у меня въ сохранности. *Бун*и увѣряетъ (а нашъ пріятель *Индусъ* подтверждаетъ) что это не камень, а наростъ. Его находятъ въ нѣбѣ у кобры, у одной изъ ста, между костью верхней челюсти и кожей покрывающею нѣбо. Камешекъ этотъ не прикрѣпленъ къ черепу, а виситъ отдѣльно на жилкѣ и можетъ быть вынутъ посредствомъ простаго надрѣза кожи; но вслѣдъ за этою операциею кобра умираетъ. По словамъ *Бишу-Натха* (имя нашего колдуна), подобный во рту наростъ дѣлаетъ изъ владѣющей имъ змѣи нѣчто въ родѣ царя между кобрами. „Такая кобра все равно что браминъ, дважды рожденный браминъ между шудрами * (говорилъ *бун*и) и другія кобры ловинуются ей. Эти наросты находятся иногда и у одной ядовитой породы жабъ, но ихъ дѣйствіе гораздо слабѣе. Отъ укушенія кобры найденный въ жабѣ камень необходимо приложить къ ранкѣ не позднѣе какъ *черезъ двѣ минуты*; камень же кобры дѣйствуетъ до послѣдней минуты: пока сердце не перестало биться онъ всегда спасетъ.“ Въ подтвержденіе своихъ словъ, *бун*и предложилъ поймать другую собаку, что и было сдѣлано: змѣя укусила ее, а онъ приложилъ къ ранкѣ камень;

* *Шудры*—низшая изъ четырехъ главныхъ кастъ: 1) брамины, 2) кшатрія (воины), 3) ваишья (купеческое сословіе) и 4) шудры (земледѣльцы, слуги). Эти четыре касты подраздѣляются на безчисленное множество другихъ.

собака даже и не замѣтила укушенія, оставаясь очень спокойною пока онъ не отяжелъ камня отъ раны. Прощаясь съ нами, *бун* совѣтовалъ держать „талисманъ“ въ сухомъ мѣстѣ и остерегаться оставлять его по близости мертвѣго тѣла, или же оставлять при свѣтѣ во время солнечнаго и луннаго затменія, иначе онъ теряетъ силу. Затѣмъ, въ случаѣ укушенія бѣшеною собакой, стоило только положить „камень“ въ стаканъ съ водою и оставить его въ ней на ночь; на другой же день дать больному выпить эту воду, и онъ выздоровѣетъ.

— Это чортъ, а не человѣкъ! воскликнулъ подковникъ, когда *бун* ушелъ въ направленіи къ святилищу Шивы, куда насъ впрочемъ не пустили.

— Такой же смертный какъ и мы съ вами, замѣтилъ улыбаясь *радженутъ*, — и даже очень невѣжественный. Только, какъ почти всѣ эти *serpent charmers*, онъ воспитанъ браминами во храмѣ Шивы, великаго патрона всѣхъ змѣй; тамъ ихъ учатъ разнымъ „месмерическимъ фокусамъ“ *практически*, не объясняя имъ ровно ничего, съ цѣлью чтобъ они вѣрили что все это производится Шивой, которому они конечно и приписываютъ всю честь своихъ чудесъ.

— Но вѣдь правительство давно уже предлагаетъ премію въ нѣсколько тысячъ рупій за противодіе отъ укушенія кобры. Почему же они не являются за преміей, когда каждый годъ погибаетъ столько народу?*

— Браминны никогда не допустятъ ихъ до этого. Еслибы правительство потрудилося выикнуть серіознѣе въ статистику смертныхъ случаевъ отъ укушенія змѣй, то оно нашло бы что *ни одинъ Индусъ изъ секты Шивы не умираетъ еще отъ кобры*. Умираютъ люди другихъ сектъ; а своихъ они спасаютъ.

— Но вѣдь вотъ же онъ намъ, незнакомымъ, и въ добавокъ иностранцамъ, открылъ секретъ. Почему же Англичанамъ не воспользоваться имъ?

— Потому что для Европейцевъ онъ совершенно безполезенъ. Индусы и не скрываютъ этого противодія, ибо знаютъ что безъ нихъ никто не въ состояніи имъ

* Въ Индіи ежегодно умираетъ отъ *двухъ до трехъ тысячъ* человѣкъ отъ укушенія змѣями. Въ прошломъ году погибло отъ тигровъ и змѣй до 15.000 народу.

воспользоваться. „Камень“ сохраняетъ свою силу лишь при условіи быть вынутымъ изъ *живой* кобры. Чтобы поймать эту змѣю живою, необходимо сперва погрузить ее въ летаргическій сонъ или, какъ это называется, „очаровать“ ее. Кто изъ иностранцевъ способенъ на это? Даже между Индусами, за исключеніемъ воспитанниковъ шиваитскихъ браминовъ, не найдется ни одного во всей Индіи человѣка владѣющаго этимъ секретомъ древности. Одни брамины Шивы, да и то далеко не всѣ, а только исключительно принадлежащіе къ школѣ лже-Патаңжали, къ школѣ такъ-называемыхъ аскетовъ *баутовъ* (демоновъ), имѣють монополію. Во всей странѣ осталось лишь съ полдюжины такихъ школъ-пагодъ, разсыянныхъ по всѣмъ пунктамъ Индіи; а ихъ обитатели скорѣе расстанутся съ жизнью чѣмъ выдадутъ тайну.

— Мы заплатили двѣ рупіи за камень который въ рукахъ полковника оказалъ такое же вліяніе какъ и въ рукахъ *буми*. Развѣ такъ трудно скупать запасы подобныхъ камней?

Нашъ пріятель засмѣялся.

— Черезъ нѣсколько дней талисманъ въ вашихъ неопытныхъ рукахъ потеряетъ всю свою цѣлительную силу. Онъ оттого-то такъ дешево и продалъ вамъ его, и въ эту минуту вѣроятно приноситъ свой ловкій обманъ въ жертву предъ алтаремъ своего божества. За одну недѣлю цѣлительнаго свойства вашей покулки ручаюсь; затѣмъ вы можете его смѣло выбросить за окно.

Мы скоро убѣдились въ истинѣ сказанныхъ словъ на дѣлѣ. Укушенная на другой же день зеленымъ скорліономъ дѣвочка казалась въ послѣднихъ судорогахъ. Какъ только мы приложили къ ранѣ камень, ребенокъ получилъ немедленное облегченіе, а черезъ часъ уже весело игралъ, тогда какъ въ случаѣ укушенія даже простымъ, чернымъ скорліономъ люди болятъ по двѣ недѣли. Но когда дней *черезъ десять* послѣ того въ Аллахабадѣ мы пожелали испробовать силу „камня“ надъ бѣднымъ кули котораго только-что ужалила змѣя (тутъ же убитая кобра), талисманъ нашъ даже и не присталъ къ ранѣ, а черезъ часъ несчастный умеръ.

Я не берусь ни объяснять, ни защищать свойство „камня“; я просто заявляю фактъ, оставляя его дальнѣйшую судьбу на произволь судьбы и господъ скелтиковъ. Но и въ этомъ мнѣ легко найти много живыхъ свидѣтелей въ Индіи. Когда Др. Файреръ, только-что издавшій въ свѣтъ свое извѣстное

во всей Европѣ сочиненіе о змѣяхъ Индіи *Thanatophidia*, категорически заявилъ въ немъ о своемъ невѣрїи во всѣ эти пресловутыя средства „фокусниковъ“ Индіи, то случилось слѣдующее. Его поваръ чрезъ недѣлю или двѣ по появленіи его ученаго сочиненія между Амгло-Индійцами былъ укушенъ коброй. Проходившій мимо дома *буни* вызвался спасти несчастнаго. Именитый натуралистъ уже приготовился было приказать вытолкать *буни* за порогъ, какъ майоръ Келлей и другіе офицеры упросили его „попробовать“. Презрительно махнувъ рукой и объявивъ что чрезъ часъ его повара все-таки не станетъ, докторъ согласился. *Черезъ часъ* поваръ страдалъ почтенному ученому и его гостямъ обѣдъ на кухнѣ, а самъ профессоръ чуть было не кинулъ свое новое сочиненіе въ огонь...

День становился страшно знойнымъ; солнце накалило скалы до такой степени что онѣ жгли ноги даже сквозь толстыя подошвы; къ тому же любопытство возбужденное нашимъ появленіемъ и вѣроливое преслѣдованіе начинали надобѣдать намъ. Мы рѣшились уйти домой, то-есть въ нашу прохладную пещеру находившуюся шагахъ въ шестистахъ отъ большаго храма; тамъ мы собирались провести вечеръ и ночь. Не дожидаясь нашихъ слугниковъ Индусовъ, которые отправились на армарку, мы пустились въ путь одни.

VIII.

Пройдя лортикъ у главнаго входа, мы замѣтили стоящаго отдѣльно отъ толпы молодаго человѣка, поразившаго насъ своею идеальною красотой. То былъ членъ изъ секты *saddu*, „кандидатъ во святаго“, какъ выразился одинъ изъ нашей компаніи.

Эти *saddu* отличаются отъ прочихъ сектантовъ. Они не ходятъ нагими, не покрываютъ тѣла мокрою золою, не носятъ отличительныхъ знаковъ на лицѣ и лбу и не поклоняются идоламъ. Принадлежа къ строгой сектѣ Адвайта школы Ведапты, они признаютъ лишь Парабраму (великаго духа). Одѣтый въ довольно приличную, свѣтло-желтую кисейную рубашку безъ рукавовъ, съ длинными распущенными волосами, *saddu* стоялъ съ непокрытою головою, опершись локтемъ на корову, съ выросшею у ней изъ горба „лятою

ногой". Это удивительное произведеніе природы обмахивалось своею латою ногой словно рукой, чеша голову копытцомъ и хлопая имъ по ней мухъ. Принявъ сперва этотъ запасный членъ за фокусъ, мы очень недоувѣрчиво смотрѣли какъ на него, такъ и на красиваго обладателя коровы; но подойдя ближе, мы убѣдились что то дѣйствительно была игра шаловливой природы, а не хитрость человѣка. Мы узнали отъ хозяина что это животное было подарено ему магараджѣ Холькаромъ и уже два года кормило его своимъ молокомъ, единственною его пищею.

Saddu—ученики и послѣдователи *раддъ-юга* обыкновенно секты ведантистовъ (какъ уже сказано выше), то-есть посвященныхъ мистиковъ совершенно отрѣшившихся отъ свѣта и ведущихъ цѣломудренную жизнь монаховъ; они и не отличаются какимъ-либо особеннымъ костюмомъ, кромѣ бѣлаго тюбана и длинныхъ волосъ. Между *saddu* и *буми* (учениковъ шиваитовъ) существуетъ смертельная вражда, выражающаяся съ одной стороны молчаливымъ презрѣніемъ, а съ другой—неудачными со стороны *буми* попытками стереть *saddu* съ лица земли. Эта непріязнь наломываетъ антагонизмъ „свѣта и тьмы“, вѣчто въ родѣ дуализма Ахура-Мазды и Аримана у послѣдователей Зороастра. На первыхъ народъ взираетъ какъ на маговъ, сыновъ солнца и божественнаго начала; на вторыхъ—какъ на опасныхъ колдуновъ. Наслышавшись о репутаціи первыхъ и ихъ „чудоудѣльных“ способностяхъ, старая любопытствомъ увидѣть на дѣлѣ приписываемыя имъ (даже многими Англичанами) *чудеса*, мы очень просили *saddu* навѣстить насъ вечеромъ въ нашей вихарѣ. Но красивый аскетъ наотрѣвъ отказался, подъ предлогомъ что мы поселились во храмѣ идолопоклонниковъ, одна атмосфера которыхъ дѣйствуетъ на нихъ непріязненно. Видя его непреклонность, мы было попробовали предложить ему денегъ, но онъ рѣшительно отъ нихъ отказался, и мы ушли.

Тропинка, или скорѣе выемъ на почти перпендикулярной стѣнѣ скалы къ нашей вихарѣ, ведетъ отъ главной пещеры вдоль обрыва, въ 900 футовъ глубины. Требуется вѣрный глазъ, твердая лопушь и очень крѣпкая голова чтобы при малѣйшемъ неосторожномъ шагѣ не скатиться въ пропасть; тутъ посторонняя помощь почти бесполезна, такъ какъ по этому выему (около двухъ футовъ ширины) идти двумъ особамъ рядомъ положительно невозможно. Пришлось

пробираться гуськомъ, призывая на помощь все имѣющееея лицо присутствіе духа; у нѣкоторыхъ же изъ насъ этотъ духъ находился въ безсрочномъ отлуску. Особенно неприятно было положеніе нашего американскаго полковника, весьма полнаго, близорукаго почти до слѣпоты и, вслѣдствіе этого, страдающаго головокруженіемъ. Въ видѣ слабаго утѣшенія, мы было затанули хоромъ дуэть изъ *Нормы* „могіам іпізіете“... и для вящей увѣренности что смерть либо минуетъ всѣхъ, либо мы всѣ четверо „умремъ вмѣстѣ“, крѣпко держали другъ друга за руки—гуськомъ; однако полковникъ насъ заставилъ—таки сильно перетрусить за него. Мы были уже на подорогѣ какъ вдругъ онъ, оступившись, зашатался, внезапно вырвалъ руку изъ моей руки и—покатился внизъ... Держась всѣ трое одною рукой за кусты и скалы, мы даже не успѣли поддержать его другою. Вырвавшійся у насъ единокорный крикъ ужаса замеръ съ первой секунды когда, обернувшись лицомъ къ пропасти, мы увидѣли какъ наткнувшись по склону шагахъ въ шести подъ нами на дерево, онъ повисъ на немъ обѣими руками и ногами. Къ счастью, мы знали его за хорошаго гимнаста, владѣющаго къ тому же замѣчательнымъ хладнокровіемъ. Но минута была критическая: тонкій стволъ могъ каждую минуту сломаться и нашъ полковникъ полетѣть въ бездну. Мы уже стали было кричать о помощи какъ вдругъ, будто выросши изъ нѣдръ горы, намъ предсталъ таинственный *saddu* со своею коровою...

Оба шли футахъ въ двадцати подъ нашими ногами, по невидимымъ выступамъ скалъ, гдѣ казалось негдѣ было укрѣпить и дѣтской ногой—шли также безлечно и увѣренно какъ еслибы вмѣсто отвѣсной скалы они шли по широкой шоссеиной дорогѣ. Поднявъ голову, *saddu* закричалъ висѣвшему надъ его головой полковнику держаться крѣпче, а намъ не трогаться съ мѣста. Ласково потрепавъ „пятиную“ по шеѣ, онъ снялъ съ нея веревку, все время тихо напѣвая что-то въ родѣ „мантры“; затѣмъ, взявъ ее обѣими руками за голову, направилъ ее въ нашу сторону, и защелкавъ языкомъ, спокойно сказалъ ей: „чалъ!“ (иди!) Въ одно мгновеніе, запрыгавъ словно дикая коза вверхъ по скаламъ, корова очутилась немногимъ впереди насъ, гдѣ и стала на тропинкѣ какъ вкопанная. Самъ же *saddu*, повидимому, съ такою же ловкостью полѣзъ къ дереву, и обмотавъ полковника веревкой за поясъ, сперва поставилъ его на ноги, а затѣмъ, поднявшись выше

на тропинку, однимъ взмахомъ сильной руки всталилъ его за собою, немного блѣднаго и потерявшаго лишь свой *pinse-nez*, но отнюдь не присутствіе духа.

Происшествіе грозившее было окончиться трагедіей заключилось комедіей.

— Ну, какъ тутъ быть? закричали мы всѣ.—Мы васъ не пустимъ одного далѣе...

Солнце уже склонялось къ западу и становилось опаснѣе чѣмъ когда-либо терять время. „Черезъ нѣсколько минутъ станетъ темно, и тогда мы всѣ погибнемъ“, замѣтилъ секретарь полковника, Эдвардъ У***. Между тѣмъ нашъ *saddu*, не понимавшій повидимому ни слова по-англійски, опутавъ снова шею своей коровы веревкой, стоялъ неподвижно на поворотѣ тропинки. Его высокая, тонкая фигура, возвышаясь надъ пропастью, словно висѣла на воздухѣ; одни развѣивающіеся по вѣтру длинные черные волосы заставляли думать что предъ нами стоитъ живой человекъ, а не великолѣпное бронзовое изваяніе. Забывъ только что миновавшую опасность и наше положеніе, миссъ Б., художница по призванію и страстная почитательница всего артистическаго, громко воскликнула: „Вы только взгляните на этотъ чисто греческій, величественный профиль!... Посмотрите на лозу этого человека... Какъ онъ весь отдѣляется на золотисто-голубомъ фонѣ неба. Это греческій Адонисъ, а не Индусъ“... Но „Адонисъ“ первый прервалъ этотъ восторгъ. Онъ медленно повернулся къ намъ, взглянувъ мелькомъ, не то кротко-насмѣшливымъ, не то презрительнымъ взоромъ на вылучившую на него глаза миссъ Б*** и произнесъ своимъ тихимъ лѣвучимъ голосомъ на языкѣ хинди:

— Маха-саибъ (великій саибъ, господинъ) не можетъ идти далѣе безъ помощи чужихъ глазъ; его глаза—враги саиба. Пусть саибъ сядетъ на мою корову; она никогда не оступится...

— Чтобъ я сѣлъ верхомъ на корову, да еще вдобавокъ и пятногую? никогда! воскликнулъ блѣдный полковникъ съ такимъ растеряннымъ видомъ что мы всѣ покатались со смѣху.

— Лучше саибу сидѣть на коровѣ нежели лежать на *читта*,* серьезно и также кротко замѣтилъ *saddu*.—Зачѣмъ приближать часъ который еще не пробилъ?

Дѣлать было нечего, и мы наконецъ уломали полковника. Осторожно и ловко посадивъ его на корову и посовѣтовавъ

* „Читта“—костеръ на которомъ сожигаютъ покойниковъ.

держаться покрѣпче за ея латую ногу, Иадусъ повелъ ее на веревкѣ впередъ, а за нимъ поплелась и мы.

Черезъ минуты двѣ мы уже стояли на крытомъ крыльцѣ или—по-здѣшнему—верандѣ, идущей глубоко внутрь скалы вихары, гдѣ и нашли нашихъ вернувшихся другою тропинкой Иадусовъ. Разказавъ имъ о происшествіи, мы повернулись ища глазами *saddu*. Но онъ уже успѣлъ исчезнуть со своею короной..

— Не ищите его, онъ ушелъ другою, одному ему извѣстною дорогою, небрежно замѣтилъ Гулабъ-Сингъ.—Въ вашей благодарности онъ вполне увѣренъ, а денегъ вашихъ ему не нужно. Онъ *saddu*, а не *буни*, добавилъ онъ съ гордостью.

Мы вспомнили что нашъ гордый пріятель самъ принадлежитъ къ сектѣ *Saddu*.*

— Кто знаетъ, шепнулъ мнѣ полковникъ,—быть-можетъ и правда что о немъ говорятъ?

Въ главной залѣ вихары, въ трехъ стѣнахъ которой были прорыты двери въ 12 меньшихъ келій, находилось высѣченное въ скалѣ въ натуральный ростъ изображеніе „Б'авани“ (богини Шивы). Изъ утробы „деваки“ струились чистыя, прохладныя воды горнаго родника падавшія въ бассейнъ у ногъ ея. Кругомъ лежали кучи жертвоприношеній: цвѣты, рисъ, бетель и ладанъ. Тамъ было такъ сыро что мы предпочли остаться ночевать на воздухѣ. Такимъ образомъ мы провели эту ночь на верандѣ, вися, можно сказать, между небомъ и землей, освѣщаемые снизу огнями пылавшихъ костровъ зажженныхъ слугами Гулабъ-Синга на страхъ дикимъ звѣрямъ, а сверху—свѣтомъ полной луны. Эта обстановка, ужинъ въ чисто восточномъ вкусѣ, на полу, на разостланныхъ коврахъ и на толстыхъ банановыхъ листьяхъ вмѣсто тарелокъ; скользкіе неслышными шагами, какъ нѣмыя тѣни, босые служители въ бѣлыхъ кисейныхъ драпировкахъ и красныхъ тюрбанахъ; предъ нами безпредѣльная глубь теряющаяся въ волнахъ луннаго сіянія, а за нами темныя своды вѣковыхъ пещеръ вырытыхъ неизвѣстною расой, въ невѣдомыя времена и невѣдомо въ честь какой доисторической религіи,—все это переносило насъ въ непривычный міръ, въ другія далекія

* „*Saddu*-Нанака не слѣдуетъ смѣшивать съ сектой Сикковъ послѣдователей „Гуру-Нанака“: первые—Ведангисты „Адвайты“; послѣдніе—монотеисты. *Адвайты* признаютъ лишь „Парабраму“, безличное божество. *Аст.*

эпохи... Вотъ предъ нами сидятъ пять представителей пяти различныхъ народовъ, пяти совершенно разныхъ типовъ и въ пяти разнообразныхъ костюмахъ. Всѣ пятеро извѣстны въ этнографіи подъ генерическимъ названіемъ *Индусовъ*, въ родѣ того какъ орлы, грифы, ястреба, коршуны и совы извѣстны въ орнитологіи за „хищныхъ“, но представляютъ между собою такую же разницу. Каждый изъ этихъ пяти собесѣдниковъ—Раджпутъ, Бенгалецъ, Мадрасецъ, Сингалезецъ и Махратъ—потомокъ расы, о началахъ и происхожденіи которыхъ европейскіе ученые спорятъ уже болѣе полувѣка не приходя ровно ни къ какому между собою соглашенію. * Несмотря ни на что, показанія самихъ народовъ отвергаемы по большей части потому только что они не гармонируютъ съ предвзятыми

* *Раджпуты*, напримѣръ, называютъ „Индусами“ и причисляютъ ихъ къ арійскому племени, тогда какъ сами они называютъ себя *Сурьяванза*, т.-е. потомки *Сурьи* (солнца), а брамины ведутъ свой родъ отъ *Инду* (луны) и называются *Индуванза* (*Инду*, *Сель*, *Чандра*, по-санскритски—луна). Если первые Аріицы появившіеся въ прологѣ всемірной исторіи—брамины, т.-е. тотъ народъ который по рѣшенію Макса Мюллера переваливъ черезъ Гиммалаи покорилъ страну „Пяти рѣкъ“, то Раджпуты не Аріицы; а если Аріицы, то не брамины, такъ какъ всѣ ихъ родословныя и священные книги *Пураны* показываютъ что они гораздо древнѣе браминовъ; и въ такомъ случаѣ племена арійскія существовали въ другихъ странахъ свѣта, кромѣ знаменитаго *Оксуса* (*Охис*), колыбели *Ньмцевъ*, прародителей *Арианъ* и *Индусовъ* по фантасіи упомянутого ученаго и его нѣмецкой школы. „Лунная“ линія начинается *Пурурвой* (по родословной составленной полковникомъ Тодомъ съ рукописей „Пуранъ“ въ архивахъ Уйдепура), т.-е. за 2.200 лѣтъ до Р. X. и гораздо позднѣе *Икшваку* (*Ichswasa*), прародителя *Сурьяванзъ*. Четвертый сынъ *Пурурвы*, *Рехъ*, стоитъ во главѣ линіи луннаго племени и только въ 15 колѣнъ послѣ него является *Харита*, основавшій „*Каузику-Готру*“ или „*племя браминовъ*“. Послѣднихъ Раджпуты не терпятъ: „*Дѣти Солнца* и *Рамы* не имѣютъ ничего общаго съ дѣтми *Луны* и *Кришны*“, говорятъ они; Бенгальцы же, по ихъ преданіямъ и исторіи, аборигены. А Мадрасцы и Сингалезцы—*Дравиды*, которыхъ по очереди причисляли къ Семитамъ, Хамитамъ, Аріицамъ и, наконецъ, предали волю Божіей, заключивъ что по крайней мѣрѣ Сингалезцы должны быть Монголы или туранскаго племени. Махраты—аборигены западной Индіи какъ Бенгальцы восточной. Но къ какой группѣ племенъ принадлежатъ эти двѣ народности, за это не поручится ни одинъ этнографъ, кромѣ развѣ *Нѣмца*.

понятіями; смыслъ древнихъ рукописей ихъ перековеркаетъ и фактъ отданъ въ жертву фукціи, кода скоро послѣдняя исходитъ изъ устъ вѣжкихъ излюбленныхъ оракуловъ. Невѣжественный народъ часто обвиняется въ суевѣріи по той лишь причинѣ что создаетъ себѣ вымышленныхъ идоловъ въ мірѣ духовномъ; а между тѣмъ образованный міръ міръ жаждущій познаній, міръ просвѣщенный, поступаетъ въ отношеніи къ своимъ авторитетамъ еще глуше обвиняемого имъ народа. Предоставивъ подлюживъ увѣнчанныхъ лаврами ученыхъ право извращать факты по своему, выводить собственные заключенія по личному усмотрѣнію, онъ побиваетъ камнями каждаго кто осмѣлится возстать противъ резолюціи этихъ якобы нелогичныхъ специалистовъ, называя его невѣждой и глупцомъ. Вспомнимъ, напримѣръ, случай съ Луи Жакодіо, прожившимъ двадцать лѣтъ въ Индіи, изучившимъ въ совершенствѣ языкъ и страну и смѣшаннымъ однакоже съ грязью Максомъ Мюллеромъ, чья нога никогда не была въ Индіи.

Самые древніе народы Европы являются ребятами еле вышедшими изъ пеленокъ въ сравненіи съ племенами Азіи, особенно въ Индіи. И, Боже мой, какъ жалки и бѣдны кажутся генеалогіи самыхъ старинныхъ европейскихъ фамилій сравнительно съ генеалогіей нѣкоторыхъ раджпутскихъ семействъ! По мнѣнію полковника Тода, болѣе двадцати лѣтъ изучавшаго ихъ на мѣстѣ въ Раджпостанѣ, эти родословныя, ведущія свои записи отъ 1.000 до 2.200 лѣтъ до Р. X. и подтверждаемыя во множествѣ случаевъ греческими писателями, являются самыми совершенными и самыми безошибочными между родословными всѣхъ древнихъ народовъ. Послѣ долгихъ и тщательныхъ разысканій и сравненій съ ними *Пуранъ* и разнообразныхъ на памятникахъ надписей, Тодъ пришелъ къ заключенію что въ однихъ рукописяхъ Уддипурскаго архива (нынѣ уже кѣмъ-то припрятанныхъ) найдется ключъ не только къ исторіи Индіи, но и ко всемірной древней исторіи. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ онъ по этому поводу: „Дабы отыскать этотъ ключъ, мы не должны сѣдывать легковѣрному примѣру многихъ археологовъ незнакомыхъ съ Индіей и потому воображающихъ будто исторіи Рамы, Махабхараты, Кришны и пяти братьевъ Панду суть одна лишь „аллегоріи“. Тотъ кто пожелаетъ серьезно выискать въ ихъ легенды, очень скоро убѣдится что эти

такъ-называемыя „басни“ всё до одной основаны на фактахъ исторіи, доказательствомъ чему служатъ потомки ихъ герои, племена, древніе города и до сей поры существующія монеты. Разберемъ сперва надписи на колоннахъ *Индя-Престамъ*, *Пуррага* и *Мевара*, на скалахъ *Джунагура* въ Биджоліи, на *Арасули* и въ древнихъ, разсѣянныхъ по всей Индіи джайнскихъ храмахъ, гдѣ мы находимъ, столько надписей на языкѣ до сей поры намъ неизвѣстномъ, языкѣ въ сравненіи съ которымъ самыя іероглифы являются игрушкой,—и только тогда мы получимъ право выразить наше окончательное мнѣніе.“

А между тѣмъ профессоръ Максъ Мюллеръ, который, какъ сказано выше, никогда и не заглядывалъ въ Индію, судить и рѣдить и устанавливаетъ для нея хронологическія таблицы по собственному усмотрѣнію. Европа, принимая его слово за слово оракула, безпрекословно подчиняется его рѣшеніямъ. Et c'est ainsi que s'écrit l'histoire... Говоря о хронологіи почтеннаго нѣмецкаго санскритолога, не могу утерпѣть чтобы не показать (хоть бы Россіи) на какихъ хрупкихъ началахъ основаны всё его ученые доводы и какъ мало мы можемъ придавать вѣры его исчисленіямъ когда дѣло идетъ о давности той или другой рукописи. Быть-можетъ что въ этомъ поверхностномъ описаніи Индіи, не имѣющемъ ни малѣйшей претензіи на ученость, сказанное мною покажется неудущимъ къ дѣлу; но въ Россіи, какъ впрочемъ и во всей Европѣ, объ этомъ филологическомъ свѣтилѣ судятъ лишь по звукамъ восклицанія и одобренія его подобострастныхъ послѣдователей, а *Веды Башии*, напримѣръ, * суами Дайвананда не читаютъ, да можетъ никогда и не слышали объ этомъ сочиненіи, чтѣ профессору Максу Мюллеру, конечно, весьма на руку. Постараюсь передать суть дѣла какъ можно короче.

Въ своемъ санскритскомъ сочиненіи *Sahitya Grantha* профессоръ Максъ Мюллеръ, указывая что Аріійское племя въ Индіи приобрѣло свои понятія о Богѣ постепенно и чрезвычайно медленно, желаетъ этимъ доказать что *Веды* совсѣмъ не такое древнее писаніе какъ это утверждаютъ нѣкоторые изъ его коллегъ. Представивъ затѣмъ болѣе или менѣе вѣскія доказательства въ подтвержденіе этой новой теоріи, онъ заключаетъ ихъ неопровержимымъ, по его мнѣнію, фактомъ

* Переводъ *Ведъ* на языкъ хинди съ комментаріями и объясненіями. Это первый полный переводъ.

указывая въ *Мантрахъ* на слово *hirannya-garbha*, которое онъ переводитъ словомъ „золото“, и при этомъ добавляетъ что такъ какъ отдѣлъ *Ведъ* называемый *Chanda* появился 3.100 лѣтъ тому назадъ *, то отдѣлъ *Мантръ* не могъ быть написанъ ранѣе 2.900 лѣтъ. При этомъ онъ разсѣкаетъ филологически и хронологически *Мантру* („*Agnihî Roogwebhihi*“ etc.), въ которой онъ находитъ выраженiе *hirannya-garbha* и затѣмъ торжественно уличаетъ оное въ анахронизмъ: „о *золотѣ* древнiе народы не имѣли никакого понятiя (говоритъ онъ), стало-быть, если въ *Мантрѣ* говорится о *золотѣ*, то эта *Мантра* сочинена въ эпоху сравнительно современную“ и проч.

Но тутъ именитый санскритологъ сильно обрывается. Су-ами Дайванандъ доказываетъ, а за нимъ и другiе ученые пандиты и даже самые ему непрiязненные подтверждаютъ что Максъ Мюллеръ совершенно не понималъ значенiя термина „*Hirannya*“. Первоначально оно вовсе не означало, а въ соединенiи со словомъ *garbha* и теперь не означаетъ „золота“ — слова современного и не существующаго на старомъ санскритскомъ языкѣ *Ведъ*. Такимъ образомъ, всѣ блестящiе доводы профессора такъ и пропадають даромъ; слово *Hirannya* въ этой *Мантрѣ* должно переводить: „божественный свѣтъ“, символъ познанiя (въ мистическомъ смыслѣ), подобно тому какъ у алхимиковъ „свѣтъ“ назывался *сублимированнымъ золотомъ*, изъ лучей котораго они надѣялись составить объективный металлъ. А въ соединенiи со вторымъ словомъ — *Hirannya-garbha* (буквально *септозарное чрево*) означаетъ въ *Ведахъ* первоначальный принципъ, въ утробѣ коего (какъ золото въ утробѣ земной) покоится свѣтъ божественнаго познанiя и истины, эссенция освобожденной отъ грѣховнаго мира души. Въ *Мантрахъ* какъ и въ *Чандахъ* постоянно слѣдуетъ искать двойкаго смысла: 1) чисто-метафизическаго и отвлеченнаго и 2) чисто-физическаго, такъ какъ все земное или существующее на землѣ тѣсно связано съ миромъ духовнымъ, изъ котораго исходить и которымъ снова поглощается. Напримѣръ, *Индра* богъ грома, *Сурья*—богъ солнца, *Уаю*—богъ вѣтра и *Агни*—богъ огня;

* *Веды* раздѣляются на двѣ части: на *Чанды* (стопы, стихи и проч.), и на *Мантры* (молитвы, риемическiе гимны и вѣсть съ тѣмъ закауванiя въ ихъ прижнненiю бѣлою магией).

всѣ четверо, подвластные этому первоначальному божественному принципу, исходятъ, по ученію *Мантры*, изъ утробы *Hirannya-garbha*. Въ этомъ случаѣ они (боги), подвластные единому принципу, суть духи или олицетворенныя силы природы. Но посвященные въ таинство адепты *Индіи* весьма хорошо понимаютъ что вмѣстѣ съ этимъ богъ *Индра*, напримеръ, просто звукъ происходящій отъ столкновения электрическихъ силъ или, вѣрнѣе, само электричество; *Сурья* не богъ солнца, а центръ огня въ нашей системѣ—эссенція того изъ чего простекають огонь, тепло, свѣтъ и т. д., то есть именно то чего никто, даже изъ нашихъ великихъ ученыхъ, лавирующихъ между *Тиндаллемъ* и *Шрёлферомъ*, не умѣлъ еще опредѣлить... Этого-то тайнаго смысла профессоръ *Мюллеръ* и не сумѣлъ доискаться, вслѣдствіе чего онъ и рубить сплеча, придерживаясь одной мертвой буквы. Какимъ же образомъ позволяетъ онъ себѣ опредѣлять давность *Ведъ* по собственнымъ выводамъ и заключеніямъ, когда онъ еще такъ несовершенно понимаетъ языкъ этого древняго писанія?..

Вотъ сущность отвѣта суами къ которому мы и отсылаемъ гг. санскритологовъ, если они только потрудились заглянуть въ его *Rigvedādi Bhāshya Bhōotika* (книга 4, стр. 76). *

Въ эту ночь всѣ мои спутники, кромѣ меня, спали какъ убитые. Свернувшись возлѣ догорающихъ костровъ, они ни мало не обращали вниманія ни на гулъ доносившихся съ ярмарки тысячи голосовъ, ни на продолжительный, глухой, словно раскаты далекаго грома, ревъ тигровъ поднимавшійся изъ долины, ни даже на громкое моленіе пилигримовъ, шествіе которыхъ по узкому карнизу скалы, съ котораго мы чуть было не слетѣли днемъ, продолжалось взадъ и впередъ всю ночь. Они приходили партіями по два, по три человѣка; иногда шли одинокія женщины. Такъ какъ имъ не было доступа въ большую вихару, на верандѣ которой мы лежали, то, поворчавъ, они отпраплялись въ боковую келью, нѣчто въ родѣ часовенки, съ изображеніемъ *Деваки-Мата* (богини матери) и съ наполненнымъ водою *танкомъ*. Подойдя къ дверямъ, пилигримъ простирался на землѣ, клалъ приниженіе у ногъ богини, и затѣмъ или окунался въ „святой водѣ очищенія“, или же зачерпнувъ рукой воды изъ *танка* мочилъ

* Это періодическое ежемѣсячное изданіе вѣроятно получается въ Россіи, въ С.-Петербургской Академіи.

себѣ лобъ, щеки, грудь; потомъ снова простирался и шелъ уже навздъ, сливой къ дверямъ, гдѣ опять простирался, пока съ послѣднимъ воззваніемъ къ „мата, маха мата!“ (матери, великой матери!) окончательно не исчезалъ въ темнотѣ. Двое слугъ Гулабъ-Синга, съ традиціонными кольями и щитами изъ носорожьей кожи, получивъ приказаніе охранять насъ отъ дикихъ звѣрей до разсвѣта, сидѣли на ступенькѣ надъ пропастью. Не въ состояніи будучи уснуть, я слѣдила за всѣмъ окружающимъ съ возрастающимъ любопытствомъ. Не спалъ въ ту ночь и Такуръ. Каждый разъ какъ я полуоткрывала отяжелѣвшія отъ усталости вѣки, мнѣ бросалась въ глаза гигантская фигура нашего таинственнаго друга...

Помѣстясь по восточному (съ ногами) на одной изъ высочайшихъ въ скалѣ скамеекѣ, у самой окраины веранды, онъ сидѣлъ неподвижно обвивъ обѣими руками приподнятыя колѣна и вперивъ глаза въ серебристую даль. Раджпутъ сидѣлъ такъ близко къ краю что малѣйшее неосторожное движеніе, казалось, должно было свергнуть его въ зияющую у ногъ его пропасть. Но онъ двигался не болѣе стоявшей наискось отъ него гранитной бегини Бхавани. Обливавшее все впереди его сіяніе мѣсяца было такъ сильно что черная тѣнь лодъ нависшею надъ нимъ скалою дѣлалась еще непроницаемѣе, оставляя его лицо совершенно во мракѣ. Только вспыхивавшее по временамъ яркое пламя догорающихъ костровъ, обливая темно-бронзовое лицо горячимъ отсвѣтомъ, позволяло порой разглядѣть неподвижныя черты сфинксо-подобнаго лица, да какъ угли свѣтащіяся, такіе же неподвижныя глаза.

Что это? спитъ ли онъ или замеръ? Замеръ, какъ замираютъ посвященные *радхъ-йоги* о которыхъ онъ намъ разказывалъ утромъ... О Боже мой! хоть бы заснуть!.. Вдругъ громкое продолжительное шилънѣе раздавшееся у самаго уха, какъ бы изъ-подъ сѣна на которомъ мы свернулись, заставило меня внезапно вскочить съ какими-то неясно опредѣленными воспоминаніями о „кобрѣ“. Затѣмъ пробило разъ, другой... То былъ нашъ американскій дорожный будильникъ, какъ-то нечаянно полавшій подъ сѣно. Сдѣлалось и смѣшно, и стыдно за невольный испугъ.

Но ни шилънѣе, ни громкій бой часовъ, ни мое быстрое движеніе, заставившее миссъ Б*** сопливо приподнять голову, не пробудили Гулабъ-Синга, который все также висѣлъ надъ пропастью какъ и прежде. Прошло еще съ полчаса.

Несмотря на долетавшій издалека гулъ празднества, все кругомъ было тихо и неподвижно; сонъ бѣжалъ отъ меня все болѣе и болѣе. Подулъ свѣжій предрасвѣтлый и довольно сильный вѣтеръ, разомъ зашелестившій листьями и вскорѣ заколачившій кругомъ насъ вершинами торчавшихъ изъ бездны деревьевъ. Все мое вниманіе было теперь сосредоточено на группѣ трехъ сидѣвшихъ предо мною Раджлутовъ: на двухъ щитокосцахъ и ихъ господинѣ. Не знаю почему, но оно было особенно привлечено въ эту минуту длинными развѣвавшимися по вѣтру волосами слугъ сидѣвшихъ съ боку веранды и болѣе защищенныхъ отъ вѣтра нежели ихъ *самбъ*. При взглядѣ въ его сторону, мнѣ показалось будто вся кровь у меня застыла въ жилахъ: висѣвшую возлѣ него и крѣпко привязанную къ колоннѣ кисейную вауаль (*топи*) хлестало со всѣхъ сторонъ вѣтромъ; длинные же волосы *самба* лежали неподвижно словно приклеенные къ плечамъ: ни одинъ волосъ не шевелился, ни малѣйшаго движенія въ легкихъ складкахъ обвивавшей его бѣлой кисеи; изваянная статуя не можетъ казаться неподвижнаѣе...

Да что жь это такое? Бредъ, галлюцинація или изумительная, непонятная дѣйствительность? Крѣпко зажмуривъ глаза, я было рѣшилась не глядѣть долѣе. Въ эту минуту что-то захрустѣло въ двухъ шагахъ отъ ступени, и длинный, черный силуэтъ—не то собаки, не то дикой кошки—ясно очертился на свѣтломъ фонѣ неба. Животное стояло на краю обрыва бокомъ, и высокій, трубою, хвостъ то подымался, то опускался въ воздухъ... Оба Раджлута быстро, но неслышно встали и повернули голову къ Гулабъ-Сингу, какъ бы ожидая приказаній... Да гдѣ же самъ Гулабъ-Сингъ? На мѣстѣ гдѣ за минуту до того онъ такъ неподвижно сидѣлъ, никого не оказалось; лежала лишь одна сорванная вѣтромъ *топи*... Страшный, продолжительный ревъ вдругъ оглушилъ меня, заставивъ вскочить на ноги; ревъ этотъ, проникавъ въ вихару, казалось, разомъ пробудилъ уснувшее эхо и отозвался глухими раскатами вдоль всего обрыва. Господи... тигръ! Не услѣла эта мысль еще ясно сложиться въ умѣ моемъ какъ захрустѣли деревья, и словно чье-то тяжелое тѣло покатилося въ пропасть. Всѣ мгновенно вскочили; мушкетеры схватились за ружья и револьверы; произошла страшная суматоха...

— Что съ вами? раздался спокойный голосъ Гулабъ-Синга со скамьи гдѣ онъ снова сидѣлъ какъ ни въ чемъ не бывало.—Что это васъ, всѣхъ испугало?

— Тигръ! Вѣдь это былъ тигръ? посылались вопросы Европейцевъ и Индусовъ. Миссъ Б*** дрожала какъ въ лихорадкѣ.

— Тигръ или что другое, теперь это для насъ очень мало значить. Что бы оно ни было, теперь оно лежитъ на днѣ пропасти, отвѣчалъ зѣвая Раджлутъ.—Вы, кажется, особенно встревожены? добавилъ онъ съ легкою провѣй въ голосъ обращаясь къ истерически рыдавшей Англичанкѣ, которая видимо колебалась упасть ли ей въ обморокъ или нѣтъ.

— И почему это правительство не уничтожить всѣхъ этихъ ужасныхъ звѣрей? всхлипывала наша миссъ, вполнѣ вѣровавшая во всемогущество своего правительства.

— Вѣроятно потому что наши повелители приберегаютъ порохъ на насъ самихъ, дѣлая намъ честь считать насъ опаснѣе тигровъ, отрѣзалъ Гулабъ-Сингъ.

Чѣмъ-то грознымъ и вмѣстѣ насмѣшливымъ звучало это слово „повелители“ въ устахъ Раджлута.

— Но какимъ же образомъ вы отдѣлались отъ „полосатого“? допытывался полковникъ.—Развѣ кто стрѣлялъ?

— Огнестрѣльное оружіе только у васъ, Европейцевъ, считается *единственнымъ* или по крайней мѣрѣ *самымъ вѣрнымъ* способомъ одолевать дикихъ звѣрей. У насъ, дикарей, есть и другія средства, даже болѣе опасныя, пояснилъ *бабу* Нарендро Дасъ-Сенъ. — Вотъ, когда вы прѣдете къ намъ въ Бенгалию, то будете имѣть хорошій случай познакомиться съ тиграми; они приходятъ къ намъ непрошеные и днемъ и ночью, даже въ городахъ...

Начинало свѣтать, и Гулабъ-Сингъ предложилъ спуститься внизъ и до первыхъ жаровъ осмотрѣть другія пещеры и развалины крѣпости. Въ пять минутъ все было готово къ завтраку, и въ половинѣ четвертаго мы отправились другою, болѣе покатою дорогою въ долину, на этотъ разъ безъ особенныхъ приключеній. Только Махратъ, не говоря ни слова, отсталъ отъ насъ и исчезъ.

IX.

Осмотрѣвъ Логархъ, крѣпость взятую Сиваджи въ 1670 году у Моголовъ, и нынѣ разрушенныя локои гдѣ вдова Нана Фарнависы * подъ предлогомъ протекціи и 12.000

* Нана Фарнависа былъ первымъ министромъ пешвы, молодого Махадео Рао, котораго онъ такъ строго держалъ въ рукахъ что тотъ, послѣ публично полученнаго отъ него выговора, утромъ 25 октября 1796, бросился внизъ съ террасы своего замка, въ Пунъ, и умеръ.

руліи пенсін со стороны Англіи, сдѣлалась *de facto* пѣнницей генерала Уеллеса (Wellesley) въ 1804 году, мы поѣхали въ богатую и когда-то укрѣпленную деревню Варгаонъ. Тамъ мы рѣшили переждать знойные часы (отъ 9 утра до 4 пополудни) и потомъ ѣхать въ исторически знаменитыя пещеры Бирзы и Бадкахъ, миляхъ въ трехъ отъ Карли.

Варгаонъ знаменитъ двумя постыдными для Англичанъ историческими событіями. Значительной силы войско было тамъ побито горстью Махратовъ 12 и 13 января 1779 года. Тогда бомбейскій губернаторъ Горнби, сговорившись съ бывшимъ лешвой, Рахунатомъ Рао, утвердить его регентомъ въ Пуиъ съ четырьмятысячами войска, изъ которыхъ 600 человекъ были Англичане, послалъ привести въ силу этотъ договоръ президента совѣта Карнака, который осрамилъ и свое отечество и честь Остъ-Индской компаніи, измѣнивъ и регенту, и своему правительству. Испуганный небольшою арміею Махратовъ, подъ начальствомъ Наны Фарнависы, Синдіи и Тукаджи Холькара, Карнакъ сперва приказалъ отступать, а потомъ вошелъ съ торжествующими Махратами въ самую постыдную сдѣлку, измѣнивъ этимъ лешвѣ и заранѣе приготовляясь измѣнить и своимъ новымъ союзникамъ. Окруженный непріателемъ, онъ побросалъ въ озеро пушки, аммуницію, и приказалъ людямъ *спасаться* еще до боя, оставляя свой арріергардъ на произволь атаковавшихъ его Махратовъ: 15 англійскихъ офицеровъ была убиты въ тотъ день. Полковникъ Кокбѣръ, рѣшивъ что сраженіе проиграно и сами они во власти непріателя, первый посовѣтовалъ Карнаку сдаться. Тогда Карнакъ послалъ офицера калитулировать, и по словамъ Грантъ Дѣфа (*Mahrathas*, Vol. II, p. 363) „не постыдился послать бомбейскому губернатору письмо, въ которомъ утѣшалъ его тѣмъ что всѣ уступки и обѣщанія сдѣланныя въ тотъ день Махратамъ были сдѣланы съ тайныя между Англичанами соглашеніемъ не приводить ихъ въ исполненіе“. Поэтому, какъ только доблестный комитетъ дипломатовъ перевалилъ черезъ горы и увидѣлъ себя въ безопасности, всѣ обѣщанія, которымъ Махраты повѣрили безъ колебанія, полетѣли тотчасъ же на вѣтеръ. Остановленная было вспомогательная армія была призвана изъ Бенгаліи; Синдія не получила ни гроша изъ обѣщанной суммы, и многіе изъ заложниковъ были преданы смерти. Люди „избранной высшей расы“ еще разъ доказали превосходство

своихъ цивилизованныхъ понятій о чести надъ предразудками коричневыхъ „дикарей“. *

Часа въ два полудни, когда, обвѣваемые огромными протянутыми чрезъ всю длину комнаты *pānkami*, мы несмотря на то сильно охали отъ жары, неожиданно предсталъ намъ исчезнувшій съ дороги пріятель нашъ, махратскій браминъ. Сопровождаемый подюжиной Дакки (жителей Декканскаго плато), онъ тихо ѣхалъ верхомъ, сидя почти на ухахъ лошади, которая фыркала и очень неохотно шла; когда же онъ подѣхалъ ко крыльцу веранды и спрыгнулъ съ коня, мы увидали въ чемъ дѣло: полперекъ сѣдла лежалъ, волоча по землѣ хвостъ, громадный тигръ. Изъ полуоткрытой пасти висѣла кусками залякшаяся черная кровь. Его сжали и положили у порога.

Неужели это нашъ ночной посѣтитель? мелькнуло у меня въ умѣ. Я взглянула на Гулабъ-Синга. Онъ лежалъ въ углу на коврѣ, опершись головой на руку и читалъ; брови его слегка нахмурились, но онъ не произнесъ ни слова. Молчалъ и браминъ привезшій тигра, тихо отдавая приказаніе, словно

* Одинъ изъ посажденныхъ въ этомъ родѣ политико-дипломатическихъ фокусовъ, но одинъ изъ самыхъ неблагоприятныхъ, іудокредательскихъ, былъ совершенно нашими друзьями Англичанами въ 1857 году, во время мятежа. Изъ всѣхъ независимыхъ и опасныхъ для нихъ принцевъ, махараджа Синдіа оставался наиболѣе преданнымъ и вѣрнымъ Англичанамъ. Понадобилась имъ, — въ виду собственной безопасности отъ силъ Синдіи, которыхъ хотъ насладу сдерживалъ, — известная своею силой и неприступностью крѣпость расположенная на горѣ почти надъ самымъ дворцомъ махараджи. Эту крѣпость Англичане никогда не успѣвали взять, да и не пытались. Пользуясь багорасположеніемъ Синдіи и его искреннимъ желаніемъ помочь союзникамъ, они выпросили крѣпость у него на время, поклявшись честнымъ словомъ очистить ее тотчасъ же по подавленіи мятежа. Синдіа — истый Махратъ, то-есть жестокой и неутомимый со врагомъ, но готовый пожертвовать жизнію дабы исполнить разъ данное союзнику и другу слово. Онъ согласился. Англичане овладѣли знаменитою крѣпостью въ которую ихъ ввелъ самъ махараджа: мятежъ усмиривъ, а чрезъ годъ онъ сталъ просить правительство отдать ему назадъ крѣпость. Но вотъ уже прошло 22 года, а Англичане, подъ разными предлогами, все еще не „сдали квартиры“, откуда имъ такъ удобно наблюдать за ихъ любезнымъ союзникомъ. А теперь, какъ известно, затѣваютъ даже уничтожить и армию Синдіи.

онъ приготовлялся къ торжественному таинству. По народному суевѣрію, то было дѣйствительно „таинствомъ“, какъ мы это скоро узнали...

Клочокъ шерсти тигра убитаго *не* пулей или какимъ-либо холоднымъ оружіемъ, а *словомъ*, считается самымъ вѣрнымъ таинствомъ противъ нападенія ему подобныхъ. „Такіе случаи чрезвычайно рѣдки, говорилъ намъ Маратъ, такъ какъ чрезвычайно трудно встрѣтить человѣка обладающаго этимъ *словомъ*. Отшельники *юги* и *садду* не убиваютъ ихъ, считая убіеніе даже тигра и кобры грѣхомъ, а просто *отстраняютъ* отъ себя звѣрей. Есть только одно *братство* въ Индіи, члены коего обладаютъ всеми секретами и для которыхъ нѣтъ въ природѣ тайнъ... А что тигръ былъ убитъ не вслѣдствіе паденія со скалы (они никогда не оступаются), не пулей и не какимъ-либо другимъ орудіемъ, а просто *словомъ* Гулаба Лалла Синга, то въ этомъ намъ порукой тѣло самого звѣря“. „Я нашелъ его очень скоро“, продолжалъ разказывать браминъ, „въ кустахъ, гдѣ онъ лежалъ, прямо подъ нашею вихарой, и у подножія скалы съ которой онъ скатился внизъ уже мертвымъ... Гулабъ Лаллъ Сингъ, ты—радъж-іогъ, и я тебѣ кланяюсь!“ добавилъ гордый браминъ, присоединяя дѣло къ слову и простираясь предъ Такуромъ на землю.

— Не говори пустаго, Кришнарао! перебилъ его Гулабъ Сингъ,—вставай и не представляй изъ себя *шудръ*... Тигръ просто свалился со скалы и сломалъ себѣ при паденіи шею. Иначе намъ пришлось бы употребить въ дѣло оружіе, а не *слова*.

— Повинуюсь тебѣ, саибъ, но... прости что вѣрю все-таки *въ свое*... Ни одинъ *радъж-іогъ* еще не сознавался что онъ принадлежитъ къ *братству* съ тѣхъ поръ какъ существуетъ гора Абу.

Онъ сталъ одѣвать насъ клочками шерсти вырываемой имъ у мертваго звѣря. Всѣ молчали. Со страннымъ чувствомъ любопытства я стала наблюдать надъ группой моихъ слугъ. Полковникъ (президентъ нашего общества) сидѣлъ потуливъ глаза въ землю и очень блѣдный; секретарь его, мистеръ У***, курилъ сигару и лежалъ навзничъ, вперивъ холодные, ничего не выражающіе глаза въ потолокъ. Онъ молча принялъ клочокъ шерсти и спряталъ его въ портмоне. Индусы стояли надъ тигромъ, а Сингалезецъ чертилъ какіе-то кабалистическіе знаки на лбу у звѣря. Одинъ

Гулабъ-Сингъ продолжалъ лежать, спокойно читая въ углу. Миссъ Б*** тихо предложила мнѣ вопросъ: „Знаете ли *наше* правительство о существованіи этого *братства*, и дружелюбно ли расположены *радждъ-йоги* къ Англичанамъ?“

— О, чрезвычайно дружелюбно! серьезно отвѣчалъ радждъ-путь прежде чѣмъ я успѣла раскрыть ротъ,—если они только существуютъ: одни радждъ-йоги мѣшали до сей поры Индусамъ перерѣзать всѣмъ вашимъ соотечественникамъ горло, удерживая ихъ... *словами*.

Англичанка не поняла.

Наши психологическія изслѣдованія въ Индіи начинались, повидимому, хорошо, обѣщая столь же богатую нашему обществу жатву какъ и археологическія.

Пещера Бирзы—около шести миль на юго-западъ отъ Варгаона, вырыта по тому же плану какъ и Карли. Сводообразный потолокъ храма поддерживается двадцатью шестью колоннами, 18 футовъ вышины, а портикъ—четырьмя въ 28 футовъ, надъ коими выставлена замѣчательной красоты группа лошадей, быковъ и слоновъ. Зала „посвященія“, огромная овальная комната съ колоннами и одиннадцатью кельями падающими внутрь скалы. Пещеры Баджа древнѣе и красивѣе. Тамъ сохранились надписи доказывающія что всѣ эти храмы были выставлены буддистами или скорѣе джайнами. Нынѣшніе буддисты признаютъ, какъ извѣстно, лишь *одного* Будду—Гаутаму, принца Калилавасту (VI вѣка до Р. X.), а джайны считаютъ и признаютъ за Будду каждаго изъ своихъ двадцати четырехъ (*Тиртанкара*) божественныхъ учителей, изъ коихъ послѣдній былъ учителемъ (*gourou*) Гаутамы. Это разногласіе чрезвычайно мѣшаетъ вѣрному опредѣленію древности нѣкоторыхъ вихаръ или *чаитій*. Секта джайновъ неизвѣстной и глубокой древности; поэтому имя *Будды* упоминаемое на надписяхъ и таблицахъ можетъ относиться какъ къ послѣднему, такъ и къ первому Буддѣ жившему (по генеалогіи составленной Тодомъ) гораздо ранѣе 2.200 лѣтъ до Р. X. Первая надпись, напримѣръ, въ пещерѣ Беирѣ (гвоздеобразная) гласитъ такъ:

„Аскетомъ изъ Назики, улодобленному очищенному отъ грѣховъ *святому* Буддѣ, первобытному, небесному и великому.“

Рѣшаютъ что эта пещера вырыта буддистами.

Вторая надпись въ той же пещерѣ, надъ другою кельей, содержитъ въ себѣ слѣдующее:

„Благоугодный даръ небольшого приношенія движущейся силъ (жизни), умственному принципу (душѣ), многояблобимому вещественному тѣлу, плоду Ману, бездѣльной драгоцѣнности, высшему и присутствующему здѣсь Небесному.“

Выходитъ что постройка принадлежитъ не буддистамъ, а браминамъ признающимъ Ману.

Или вотъ еще эти двѣ надписи (изъ пещеры Баджа):

1) „Благоугодный даръ символа и колесницы (вмѣстителя) грѣхоочищеннаго Сака-Сака.“ 2) „Даръ вмѣстителя Радды (жены Кришны, символъ совершенства) Сугатѣ на вѣки ушедшему“...

Сугата опять одно изъ именъ Будды. Опять противорѣчіе! Здѣсь, возлѣ Варгаона, послѣ сраженія Кхирхи, Мараты схватили капитана Вогана (Vaughan) и брата его, которыхъ и повѣсили.

На другой день мы поѣхали въ Чинчоръ, или по здѣшнему Чинчводъ. Это мѣсто знаменито въ религіозныхъ записяхъ Деккана, такъ какъ здѣсь въ миниатюрѣ повторяется то же что совершается на большую ногу въ Ляссѣ, въ Тибетѣ: какъ Будда воплощается въ каждого новаго Далай-Ламу, такъ здѣсь Шива дозволяетъ сыну своему *Гѣнпати* (богу мудрости, съ головой и хоботомъ слона) воплощаться въ старшаго сына того или другаго браминскаго семейства. Тутъ ему выстроили богатый храмъ, и болѣе двухсотъ лѣтъ въ немъ живутъ и принимаютъ поклоненія *аватары* (воплощенія) *Гѣнпати*. Дѣло было такъ:

Около 250 лѣтъ тому назадъ, бѣдная чета браминовъ получила во снѣ отъ бога мудрости обѣщаніе что онъ воплотится въ ихъ старшаго сына. Мальчикъ былъ названъ въ честь бога *Маробой* (одинъ изъ его титуловъ). Мароба выросъ, женился и нажилъ нѣсколько сыновей. Затѣмъ богъ повелѣлъ ему во снѣ оставить свѣтъ и поселиться въ пустынь. Тамъ, въ продолженіе 22 лѣтъ, Мароба творилъ, по преданіямъ, удивительныя вещи, и слава его стала расти. Онъ поселился въ непроходимой *джонглѣ*, въ углу дремучаго лѣса покрывавшаго въ тѣ времена Чинчводъ. *Гѣнпати* явился ему еще разъ и обѣщаль вселяться въ его потомковъ въ продолженіе семи поколѣній. Чудесамъ его нѣтъ границъ; его стали наконецъ боготворить, и народъ построилъ ему этотъ великолѣпный храмъ. Наконецъ Мароба приказалъ похоронить себя живаго, въ сидячемъ положеніи и съ книгой въ рукѣ,

строго заставляя никогда не открывать его гробницы, гроя ужаснымъ проклятіемъ ослушнику. Послѣ лохоронъ Маробы, *Гѣнпати* воластлася въ его старшаго сына; тотъ, въ свою очередь, сталъ также кудесить. Такимъ образомъ Мароба Део (богъ) I былъ замѣщенъ Чинтамономъ Део I. У этого бога было восемь женъ и восемь сыновей; старшій изъ нихъ, Нараянъ Део, производилъ такіе фокусы что слава его дошла до императора Адамгира. Дабы испробовать мѣру его „божества“, Адамгиръ послалъ ему въ давнъ кусокъ коровьяго хвоста (самое грѣховное прикосновеніе для Индуса), завернутаго въ богатѣйшія матеріи и платья. Когда послѣднія были развернуты, Нараянъ окропилъ ихъ водою, и вмѣсто грѣховнаго хвоста, въ узлѣ нашли букетъ жасмина. Императоръ былъ такъ доволенъ этимъ превращеніемъ что даровалъ богу на вѣчныя времена восемь деревень для его содержанія. Нараяну наследовалъ Чинтамонъ Део II, а ему Дармадхаръ и наконецъ Нараянъ II. Послѣдній навязекъ на себя проклятіе *Гѣнпати*, разрывъ могилу Маробы. Поэтому сынъ его (послѣдній изъ боговъ) и умираетъ теперь безъ наследника... Мы увидѣли сидящаго на возвышеніи старика лѣтъ девяноста. Его голова тряслась, а глаза, вслѣдствіе постоянного употребленія опиума, безмысленно устремлены были на насъ, ничего не вида. Въ ушахъ, на шеѣ и на пальцахъ ногъ, блестѣли драгоценныя камни, а кругомъ валялись жертвоприношенія. Насъ заставили снять обувь прежде чѣмъ подойти къ этой разрушающейсѣ святынь.

Въ тотъ же вечеръ мы вернулись въ Бомбей. Черезъ два дня мы готовились лутиться въ наше далекое лутешествіе въ сѣверо-западные провинціи, и нашъ маршрутъ казался самымъ привлекательнымъ. Мы приготовлялись увидать Насикъ, одинъ изъ немногихъ городовъ упоминаемыхъ греческими историками, его пещеры и башню Рамы; посѣтить Алахабадъ, доисторическую столицу Лунной династіи; древнюю Праягу, построенную при слияніи священнаго Гангеса и Джумны; Бенаресъ, городъ 5.000 храмовъ и столькожъ же обезьявъ; Каунпуръ, прославленный кровавымъ мщеніемъ Нама Сауба, и развалины города Солнца разрушеннаго, по мнѣнію Кольбрука, около 6.000 лѣтъ тому назадъ; Агру и Дельхи, и затѣмъ, объѣхавъ весь Раджистанъ съ его тысячами такурскихъ укрѣпленныхъ замковъ, крѣпостей, разру-

шенныхъ городовъ и легендъ, намѣревались проѣхать въ Лахоръ, столицу Пенджаба, и остановиться наконецъ въ Амрутсирѣ. Тамъ, въ Золотомъ Храмѣ построенномъ посреди озера „Безсмертія“ должна была состояться первая встрѣча членовъ нашего „Общества“—браминовъ, буддистовъ, Сикковъ, словомъ, представителей тысячи и одной секты двухсотъ сорока лѣтъ миллионной Индіи, которые всѣ, болѣе или менѣе, сочувствовали нашему теософическому *Обществу братства со всѣмъ человечествомъ*.

X.

Бенаресъ, Праяга (нынѣ Аллахабадъ), Насикъ, Хардваръ, Бадринатъ, Матура, вотъ тѣ священнѣйшія мѣста древней доисторической Индіи которыя одно за другимъ мы собирались посѣтить, но, конечно, не такъ какъ ихъ обыкновенно посѣщаютъ туристы à vol d'oiseau, съ дешевымъ *гидомъ* въ карманѣ и лодъ командой сбивающаго васъ и съ ногъ, и съ толку чичероне. Нѣтъ, мы хорошо знали что вокругъ всѣхъ этихъ мѣстъ, словно плющъ на развалинахъ старыхъ замковъ, обвилось преданіе вѣками выросли, сорныя травы фантази, пока наконецъ, по примѣру этихъ паразитныхъ растеній, постоянно сдавливая въ своихъ холодныхъ объятіяхъ стѣны, онѣ совсѣмъ не разрушили первобытной формы зданія, и археологу такъ же трудно по обезображеннымъ, усыпавшимъ окрестности остаткамъ судить объ архитектурѣ когда-то цѣлаго зданія, какъ и для насъ, изъ этой массы легендъ отдѣлать лавеллы отъ настоящаго зерна. Тутъ не помогутъ ни гиды, ни чичероне. Они способны развѣ указать намъ на мѣста гдѣ во времена бывшая возвышались крѣпость, замокъ, храмъ, священный лѣсъ или знаменитый городъ, да повторять сложившіяся ужъ при мусульманахъ преданія. До неискаженной истины, до первоначальной исторіи каждой интересующей насъ мѣстности намъ конечно придется доискиваться самимъ, слѣдуя собственнымъ соображеніямъ.

Современная Индія не представляетъ и блѣдной тѣни не только древней, то-есть Индіи дохристіанской эры, но даже и Индостана лодъ владычествомъ Аурунгзеба, Акбара, Шахъ-Джехана. Словно кровавыми, окаменѣлыми слезами усыяны кругамъ красноватымъ булыжникомъ окрестности

каждаго многократно истерзаннаго города, каждой разрушенной деревушки. Но не по природнымъ камешкамъ, не по дровамъ, израицкая себѣ нога, приближается вы къ высокимъ окованнымъ желѣзомъ воротамъ старинныхъ укрѣпленныхъ городовъ, а по гранитнымъ еще древнѣйшимъ обломкамъ, подъ которыми часто покоятся развалины третьяго еще болѣе древняго города. Нынѣшнія названія даны имъ мусульманами которые обыкновенно строили свои города на пелелущахъ побѣжденныхъ, взятыхъ приступомъ городовъ; названія послѣднихъ кое-какъ еще упоминаются въ преданіяхъ, но названія ихъ предшественниковъ исчезли изъ памяти людской еще до мусульманскаго вторженія. Кому когда удастся проникнуть въ эти вѣковыя тайны?..

Зная все это заранее, мы рѣшились не терять времени, и даже, еслибы того потребовали обстоятельства, посвятить цѣлые годы на частыя экскурсіи въ одни и тѣ же мѣста, пока не добьемся болѣе вѣрныхъ историческихъ данныхъ, нежели исковерканныхъ фактовъ нежели добытые нашими предшественниками. Послѣдніе должны были довольствоваться наборомъ дикихъ вымысловъ съ трудомъ вызываемыхъ изъ устъ напуганнаго, неохотно отвѣчающаго дикаря, или же враждебнаго, нарочно искажающаго истину брамана. Намъ же помогаетъ цѣлое общество образованныхъ, заинтересованныхъ тѣми же вопросами какъ и мы Индусовъ; мы уже имѣемъ положительное обѣщаніе быть допущенными хотя въ нѣкоторыя тайны древнихъ хранителей ихъ, *магамтоовъ*, слышать не преданіе, а вѣрный переводъ старинныхъ, чудомъ уцѣлѣвшихъ хроникъ и грамотъ о нѣкоторыхъ городахъ.

Исторія Индіи давно исчезла изъ памяти ея сыновъ, она совершенно неизвѣстна ея завоевателямъ; но она несомнѣнно существуетъ, хотя быть-можетъ и въ растерзанныхъ частяхъ, въ тщательно оберегаемыхъ отъ европейскаго глаза рукописяхъ. Не даромъ брамины, въ рѣдкія минуты дружескихъ цѣлѣній, иногда проговаривались. Такъ не разъ уже упомянутому мною Англичанину Тоду старый *магамтъ* (настоятель) нѣкоего древняго храма-монастыря разъ замѣтилъ: „не теряй времени, саабъ, въ напрасныхъ розыскахъ: Индія *беллати* (Индія иностранцевъ, Англичанъ) предъ тобою, *гулта* Индію (то-есть тайную) ты никогда не увидишь; мы, хранители ея тайны, скорѣе отрѣжемъ языкъ другъ у друга.“

И однакоже Тодъ много кой-чего узналъ. Правда, ни одинъ Англичанинъ не былъ такъ любимъ туземцами какъ этотъ старый, храбрый другъ Махарани Уйделурскаго; но за то и онъ любилъ туземцевъ и никогда не показывалъ презрѣнія даже къ бѣднѣйшему изъ нихъ. Онъ писалъ до періода полнаго развитія современной этнологіи, и книга его до сей поры считается авторитетомъ во всемъ касающемся Раджистана. Хотя, по собственной скромной оцѣнкѣ ея автора, она представляетъ „лишь сводъ добросовѣстно собранныхъ матеріаловъ для будущаго историка,“ но въ ней найдется, кромѣ того, много такого чего ни одинъ еще великобританскій чиновникъ не добился до него, да не добьется и послѣ.

Такъ пусть же недовѣрчиво улыбаются наши друзья и наши недоброжелатели, даже смѣются надъ нашею претензіей „проникнуть въ міровыя тайны Аріаварты“, какъ выразился недавно одинъ критикъ. Смотри съ самой лессимистской точки зрѣнія, наши заключенія если даже и не окажутся достовѣрнѣе заключеній и доводовъ Фергюсона, Вильсона, Уиллера и прочихъ археологовъ и санскритологовъ трактовавшихъ объ Индіи, то во всякомъ ужь случаѣ не будутъ бездоказательнѣе прочихъ. Намъ замѣчаютъ что мы неблагоразумно затѣяли то предъ чѣмъ ежедневно отступаютъ археологи и историки, которымъ споспосбствуетъ здѣшнее правительство съ его вліяніемъ и неистощимою казною; что мы взялись де за работу оказавшуюся не подъ силу даже Азіатскому Королевскому Обществу...

Пусть такъ. Но у всѣхъ свѣжо въ памяти, а у насъ тѣмъ болѣе, какъ бѣдный Венгерець, не только безъ средствъ, но почти нищій, отправился лѣшкомъ въ Тибетъ, чрезъ страны неизвѣданныя, опасныя, увлекаемый лишь любознательностью да желаніемъ пролить свѣтъ на историческое начало своего народа. Въ результатъ вышло то что были внезапно открыты неисчерпаемые рудники литературныхъ сокровищъ. Филологія, дотолѣ бродившая въ египетскихъ потемкахъ безвыходнаго лабиринта этимологій и уже важно предлагавшая ученому міру помириться съ самыми фантастическими теоріями, вдругъ неожиданно напала на нить Аріадны. Она открыла, наконецъ, что санскритскій языкъ если не протеець, то все же „старшій братъ“ всѣхъ другихъ древнихъ языковъ, по выраженію Макса Мюллера. Въ Тибетѣ найдена неисчерпаемая литература на языкѣ о письменности

котораго не было ничего извѣстно. Благодаря необыкновенному рвенію Александра Ксомо де-Кёррѣшъ, она имъ частью переведена, а частью анализована и выяснена. Переводъ же его доказалъ всему ученому міру что, вопервыхъ, подлинники *Зендъ-Авесты*—солнцелоклонниковъ, *Тринитакъ*—буддистовъ, и *Айтареи-Браманамъ*—брамановъ, были въ оригиналахъ своихъ написаны на томъ же древнесанскритскомъ языкѣ; вовторыхъ, что всѣ три языка, то-есть зендскій, пелліійскій и современный или браманосанскритскій—болѣе или менѣе діалекты перваго; втретьихъ, что отъ санскритскаго произошли всѣ менѣе древніе индо-европейскіе и современные языки и діалекты Европы; вчетвертыхъ, что три самыя значительныя религіи язычества: зороастризмъ, буддизмъ и браманизмъ хотя только ереси монотеистическаго ученія *Ведъ*, но что это не мѣшаетъ имъ быть всѣмъ тремъ древними религіями, а вовсе не современными подлогами.

Мораль вышесказаннаго очевидна. То чего не могли бы добиться цѣлыя поколѣнія ученыхъ, то-есть проникнуть въ *ламазеріи* Тибета и получить доступъ къ священной литературѣ этого вполне изолированнаго народа, того добился бѣдный странникъ, безъ средствъ и безъ протекціи; быть-можетъ и даже вѣроятно только потому что смотрѣлъ на дикихъ Монголовъ и Тибетянъ какъ на *братій* своихъ, а не какъ на *низшую* расу. И стыдно становится подумать, стыдно за человечество вообще, а за науку въ особенности, что первый добывшій такіе драгоценныя для науки результаты, сѣтель столь обильной для нея жатвы, оставался почти до самой смерти тѣмъ же непризнаннымъ бѣднымъ труженникомъ. Достигнувъ Калькутты по возвращеніи изъ Тибета *пшикомъ*, безъ гроша денегъ, онъ сдѣлаемъ извѣстенъ и его имя стало громко произноситься съ почестями и хвалою лишь въ то время какъ, вслѣдствіе безкорыстной любви своей къ наукѣ, Ксомо де-Кёррѣшъ умиралъ въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ Калькутты и, больной, на обратномъ пути лѣшкомъ черезъ Сиккимъ въ Тибетъ умеръ въ Даржелингѣ, гдѣ и похороненъ.

Само собою разумѣется что въ предѣлахъ обыкновенныхъ газетныхъ листеиъ нельзя серьезно начинать что-либо подобное затѣваемому нами. Мы можемъ лишь надѣяться что заложимъ первый камень зданія, дальнѣйшую постройку коего

можетъ взять на себя развѣ будущее поколѣніе. Чтобъ успѣшно опровергнуть установленныя цѣлыми двумя поколѣніями индѣанствовъ мнѣнія о древностяхъ Индіи, требуется не менѣе полувѣка упорной работы. А для того чтобы замѣнить эти мнѣнія другими, необходимо заручиться фактами основанными не на хронологіи и желоказаніяхъ лукавыхъ брамановъ, заинтересованныхъ въ невѣжествѣ европейскіихъ санскритистовъ (какъ то испытали, къ своему горю, лейтенантъ Вильфордъ, а за нимъ Луи Жакольйо), а на неопровержимыхъ доказательствахъ древнѣйшихъ, доселѣ неразобранныхъ надписей, ключа къ которымъ Европейцы еще не нашли, ибо овъ, какъ не разъ уже указано, хранится въ *не менѣе древнихъ*, почти недоступныхъ рукописяхъ. Да если даже наши надежды и осуществятся и мы получимъ этотъ ключъ, то и тогда явится другая необходимость: начать систематическое опроверженіе, страница за страницей, каждаго изъ многихъ десятковъ фоліантовъ доселѣ опубликованныхъ Королевскимъ Азіятскимъ Обществомъ *гипотезъ*. А на это потребовались бы дюжины постоянно занятыхъ ученыхъ санскритистовъ, которые даже въ Индіи рѣдки какъ бѣлые слоны. *

Поэтому при описаніи посвященныхъ нами лещеръ и другихъ памятниковъ архаической эпохи я ограничусь простымъ указаніемъ наиболѣе распространенныхъ идей и общепринятыхъ между археологами мнѣній касательно этихъ мѣстностей. Требую во всякомъ случаѣ привилегіи указывать также и на разногласіи между почтенными учеными, на ихъ противорѣчивыя показанія и теоріи, доказывающія какъ дважды два четыре какъ мало права они еще имѣютъ, не взирая на весь ихъ авторитетъ, требовать для вышесказанныхъ своихъ теорій чего-либо сверхъ простаго къ нимъ вниманія. Я надѣюсь доказать неопровержимыми фактами какъ мало успѣли еще придти къ какому-либо правдоподобному заключенію гг. археологи касательно хотя бы лещерныхъ храмовъ Насика.

* Благодаря частнымъ капиталамъ и усердію нѣкоторыхъ образованныхъ патриотовъ - Индусовъ, два даровые класса языковъ санскритскаго и *нали* уже были открыты: одинъ въ Бомбей — Теософическимъ Обществомъ, другой, въ Бенаресѣ, — подъ предсѣдательствомъ ученаго Рамы Мисры Шастри; а теперь въ 1882 году первое имѣеть уже 14 школъ на Цейлонѣ и въ Индіи.

Сильно занятые подобными мыслями, мы, то-есть одинъ Американецъ, три Европейца и три туземца, заняли цѣлый вагонъ *Great Indian Peninsular Railroad*, и отправились въ Насикъ, одинъ изъ древнѣйшихъ, какъ уже упоминаю мною, городовъ Индіи, и самый священный въ глазахъ обитателей западнаго президентства. Насикъ заимствуетъ свое имя отъ санскритскаго слова *nasika*, то-есть „носъ“, вслѣдствіе элической легенды увѣряющей будто Лакшманъ, старшій братъ обоготвореннаго царя Рамы, отрѣзалъ на этомъ самомъ мѣстѣ носъ великанши „Сарлваки“, сестры царя Раваны, похитителя Ситты (троянской Елены Индусовъ).

Поездъ желѣзной дороги останавливается въ шести миляхъ отъ самаго города, и мы пріѣхали въ ночь; поэтому намъ пришлось отправиться далѣе въ часъ полночи въ шести золоченыхъ двухколесныхъ таратайкахъ, называемыхъ *акка*, и на волахъ. Даже не взирая на поздній часъ ночи, рога этихъ животныхъ были вызолочены и украшены гирляндами цвѣтовъ, а на ногахъ звенѣли мѣдныя браслеты. Дорога пролегала неровными, ухабистыми оврагами, густо заросшими джѣнгомъ, въ которомъ, по пріятному показанію нашихъ возницъ, постоянно играли въ прятки тигры и другіе четвероногіе мизантропы дѣсовъ. Съ тиграми въ эту ночь мы не знакомились, но за то въ продолженіе всей дороги были угощаемы концертомъ цѣлаго общества шакаловъ. Неотвязно слѣдовали они за нами, разрывая уши своимъ воллемъ, дикимъ хохотомъ и лаемъ. Эти милыя животныя здѣсь до того дерзки и вмѣстѣ съ тѣмъ трусливы что хотя они въ ту ночь бѣгали вокругъ стаями достаточно сильными чтобы легко поуживать не только всѣмъ намъ, но и нашими заторогами волами, ни одно изъ нихъ однако не осмѣлилось подойти ближе нѣсколькихъ шаговъ. Достаточно было стегнуть одного изъ нихъ длиннымъ кнутомъ, которымъ мы запаслись отъ змѣй, чтобы вся стая съ невообразимымъ визгомъ далеко отбѣгала прочь. И однакоже погонщики не пренебрегли ни однимъ изъ своихъ суевѣрныхъ средствъ противъ нападѣнія тигровъ. Они хоромъ пѣли заклинательныя молитвы „мантры“, сылали бетелемъ по дорогѣ въ знакъ своего уваженія къ дѣсному „раджи“, и послѣ каждаго куллета заставляли воловъ становиться на переднія колѣна и низко наклонять въ честь вышнихъ боговъ голову, причемъ легкая, какъ орѣховая скорлупа, *акка* грозила каждый

разъ, вмѣстѣ съ сѣдокомъ, перекинуться вверхъ дномъ черезъ рога животныхъ. Это пріятное путешествіе въ темную ночь длилось пять часовъ. Мы достигли „гостиницы пилигримовъ“ лишь въ шесть часовъ утра.

Настоящая причина святости Насика, какъ мы узнали, не въ отрѣзанномъ хоботѣ великанши, а въ мѣстоположеніи города на Годавари, вблизи источниковъ этой рѣки, называемыхъ почему-то туземцами *Гангой* (Гангесъ). Этому магическому имени, вѣроятно, городъ и обязанъ своими многочисленными, богатыми храмами и отборнымъ классомъ брамановъ поселившихся на берегахъ рѣки. Два раза въ годъ пилигримы собираются сюда молиться, и число странниковъ превышаетъ въ такіе торжественные дни даже населеніе Насика (35.000). Чрезвычайно живописны, но столь же и грязны дома богатыхъ брамановъ, построенные вдоль спуска, отъ центра города до самыхъ береговъ Годавари, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся цѣлые лѣса узкихъ пирамидальныхъ храмовъ. Всѣ эти лагоды выстроены на развалинахъ старыхъ, до тла разоренныхъ фанатизмомъ мусульманъ. Легенда повѣствуетъ будто большая часть ихъ возникла изъ атомовъ пепла обожженного хвоста бога-обезьяны, Хаумана. Удирая по воздуху изъ Ланки, гдѣ этому храброму герою Равана поджегъ хвостъ, предварительно натеревъ его какимъ-то горючимъ веществомъ, Хауманъ однимъ скачкомъ по воздуху очутился надъ своею родиной Насикомъ. Тутъ сіе благородное украшеніе обезьяньей спины, по дорогѣ совсѣмъ обуглившееся, стало рассыпаться въ прахъ. И вотъ по мѣрѣ того какъ хвостъ испепелялся, изъ каждаго священнаго, падавшего на землю атома возникалъ храмъ... И дѣйствительно, съ горы это собраніе безчисленныхъ лагодъ, разбросанныхъ въ самомъ странномъ, анти-архитектурномъ безпорядкѣ, представляется такъ какъ будто ими кто посыпалъ съ неба на землю. Не только берега и всѣ окрестности покрыты храмами, но даже островки на рѣкѣ и торчачія изъ воды скалы... И что ни храмъ, то легенда, которую каждый браманъ изъ массы этихъ наследственныхъ жуликовъ разказываетъ на свой манеръ, въ надеждѣ конечно на приличное вознагражденіе.

Здѣсь, какъ и всюду въ Индіи, брамавы раздѣлились на двѣ секты: поклонниковъ Шивы и поклонниковъ Вишну, между коими идутъ вѣковыя распри. Хотя окрестности

Годавари украшены двойнымъ ореоломъ славы, какъ родины Ханума и театра первыхъ и славныхъ дѣйствій Рамы, * воплощеннаго Вишну, противъ Раваы, царя цейлонскаго, но въ нихъ находится столько же, если не болѣе, храмовъ посвященныхъ Шивѣ какъ и Вишну. Бóльшая часть лагодъ выстроены первому изъ чернаго базальта. Вотъ этотъ-то цвѣтъ, какъ цвѣтъ обожженнаго хвоста союзника Рамы, и служить яблокомъ раздора. Съ самаго начала своего владычества Англичане получили въ наслѣдство нескончаемыя тяжбы между воюющими сектантами, — тяжбы, рѣшаемыя обыкновенно лишь для того только чтобы немедленно переходить въ другую инстанцію, и всегда возникающія по поводу этого самаго злополучнаго *хвоста* съ его претензіями. Этотъ хвостъ является таинственнымъ *deus ex machina* направляющимъ всѣ помыслы насикскихъ брамановъ pro и contra. Объ этомъ *хвостѣ* было исписано болѣе бумагъ и прошеній нежели въ ссорѣ о гусѣ между Иванъ Ивановичемъ и Иванъ Никифоровичемъ, и пролито болѣе чернилъ и желчи нежели имѣлось грязи въ Миргородѣ съ сотворенія міра. Свинья, такъ благополучно рѣшившая пресловутый Гоголевскій споръ, была бы неодоленнымъ благодѣяніемъ въ Насикѣ по этому щекотливому дѣлу. Къ сожалѣнію, даже „свинья“, если она только „русская“, немыслима въ Индіи: Англичане тотчасъ же залодозрили бы ее и арестовали бы какъ *русскую шпионку*...

Въ Насикѣ показываютъ ванну Рамы; лепелъ набожныхъ Индусовъ привозится сюда издалека дабы быть брошеннымъ въ священныя воды Годавари и смѣшаться на вѣки съ *Гамголемъ*. Въ одной древней рукописи упоминается указъ главнаго изъ полководцевъ Рамы, о которомъ впрочемъ не упоминается въ *Рамаянѣ*. Въ этомъ указѣ говорится о рѣкѣ Годавари какъ о пограничной линіи между царствами Рамы, царя *Ашоды* (Аудъ), и Раваы, царя Ланки. Легенды же и поэма Рамаяны указываютъ на это мѣсто какъ на то гдѣ Рама, увидѣвъ на охотѣ прелестную антилопу и старая желаніемъ поднести шкуру ея своей возлюбленной Ситѣ, впервые перешелъ границу собственнаго царства и вступилъ въ область неизвѣстнаго сосѣда. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію что и Рама, и Раваа, и даже быть-можетъ

* См. *Asiatic Journal* 1827, vol. XXIII, p. 353.

Хануманъ, произведенный почему-то въ обезьяну, историческія, когда-то дѣйствительно существовавшія личности. Ходили глухіе толки, лѣтъ 50 тому назадъ, о томъ что у брамамовъ находится въ рукахъ много чрезвычайно цѣнныхъ рукописей. Говорили что одна изъ нихъ цѣлкомъ относится къ той до-исторической эпохѣ когда Аріиды, впервые вторглись въ страну, затѣвали бесконечную войну съ темными аборигенами Южной Индіи. Эти толки заставили было одного изъ „коллекторовъ“, нѣчто въ родѣ уѣздныхъ начальниковъ (сколько я понимаю), совѣтовать правительству „заставить брамамовъ силой выдавать всѣ подобныя рукописи; тщательно обыскать всѣ углы пагодъ, ворваться въ ихъ тайники и, не взирая на протесты суевѣрныхъ фанатиковъ, доказать имъ что Англичане властелины, а они рабы. Къ счастью властелиновъ и быть-можетъ къ несчастью рабовъ, они этой глупости не сдѣлали. Фанатизмъ въ дѣлѣ религіи есть единственное звено крѣпко связующее всѣ эти враждующія секты и касты. Англичане хорошо понимаютъ это и потому никогда не оскорбятъ своихъ рабовъ въ вопросахъ чисто религіозныхъ. Если не самые брамамы, то ихъ храмы и алтари безусловно неприкосновенны.

Самое однакоже интересное въ Насикѣ—пещерные храмы, расположенные въ пяти миляхъ отъ города. Отправляясь осматривать на другой день нашего пріѣзда, мнѣ и не смѣлось что „хвостъ“ станетъ снова играть значительную роль въ нашемъ визитѣ въ Насикъ; что на этотъ разъ онъ положительно спасетъ меня, если не отъ смерти, то отъ очень нежелательныхъ и быть-можетъ опасныхъ ушибовъ. Вотъ какъ это случилось.

Такъ какъ приходилось долго ѣхать въ крутую гору, то мы рѣшились отправиться на слонахъ. Намъ привели лучшую парочку въ городѣ, самца и самку, на которыхъ, по увѣренію хозяина, „ѣздилъ самъ принцъ Вельскій и остался доволенъ“. За все удовольствіе туда и назадъ на цѣлый день мы сторговались по двѣ рупіи за слона, ударили по рукамъ и стали приготовляться.

Наши товарищи-гуземцы, съ малолѣтства привыкшіе джигитовать на слонахъ, мигомъ очутились на сплнѣ у своего. Какъ мухи облѣпли они его, преспокойно разсѣвшись гдѣ ни попало, цѣпляясь за разныя веревочки сидѣній гораздо болѣе пальцами ногъ нежели рукъ и вообще представляя

картину полного довольства и комфорта. Подъ насъ, Европѣецъ, какъ самую смарную изъ двухъ, приготовили слонику, на спинѣ которой прикрѣпили вѣчто въ родѣ двухъ скамеечекъ, на сидѣньѣхъ покатоми на обоихъ бокахъ и безъ малѣйшей опоры для спиць. Недовѣрчиво поглядывали мы на это „усовершенствованное“ сидѣнье, но дѣлать было нечего. Нашъ вожакъ (махуть) помѣстился между ушами громаднаго животнаго (о ростѣ котораго несчастные подростки показываемые въ странствующихъ циркахъ Европы даютъ весьма слабое понятіе), а мы съ постыднымъ чувствомъ мурашекъ по всему тѣлу кое-какъ вѣзди по лѣсенкѣ на спинѣ слоника, ставшей по приказанію *махута* на колѣна. Она носила потическое названіе *чанчули-пери* (въ переводѣ „дѣятельная пери“) и была дѣйствительно самая послушная и веселая изъ всѣхъ когда-либо видѣнныхъ мною представительницъ своей породы. Крѣпко цѣпляясь другъ за друга, мы наконецъ подали сигналъ, и *махуть*, вооруженный желѣзнымъ дротикомъ, ткнулъ животное остриемъ оного въ правое ухо. Установясь сперва на переднія ноги, отъ чего насъ отбросило назадъ, слоника тяжело приподнялась затѣмъ на заднія, и мы, едва удержавшись отъ паденія, шарахнулись впередъ чуть было не сбивъ *махута* съ мѣста. Но этимъ не окончилось еще наше испытаніе. При первыхъ шагахъ *Пери* мы всѣ четверо развалились въ разныя стороны словно комки киселя...

Пришлось остановиться. Насъ кое-какъ подобрали, причемъ добродушная *Пери* много помогала намъ хоботомъ. Мы отправились далѣе. Съ ужасомъ подумывая о предстоящихъ намъ пяти миляхъ подобнаго путешествія и совѣстясь отказаться отъ поѣздки, мы однако съ гнѣвомъ отвергли постыдное предложеніе хотавшихъ товарищей привязать насъ къ сидѣнью... Чуть не пришлось мнѣ горько раскаяться въ своемъ самолюбіи. Этотъ непривычный намъ способъ локомоціи являлся чѣмъ-то невообразимо фантастическимъ и вмѣстѣ глупымъ. Рысью бѣжавшая возлѣ важно шагавшей слоника лошадь съ багажемъ казалась намъ съ непривычной высоты какимъ-то малымъ осленкомъ. Каждый шагъ *Пери* превращалъ насъ въ акробатовъ, заставляя выкидывать самыя неожиданныя штуки. Шагнетъ она правою ногою—и мы ныряемъ впередъ; лѣвою—мы какъ снопы валимся назадъ, все время въ добавокъ перетрахаемые съ одного ея бока на

другой. Это ощущеніе, особенно подъ палящимъ солнцемъ, стало вскорѣ переходить въ лихорадочный бредъ: оно являлось чѣмъ-то среднимъ между морскою болѣзью и кошмаромъ во снѣ. Къ довершенію удовольствія, только-что мы стали подниматься по каменистой, извилистой тропинкѣ, на окраинѣ глубокаго оврага, въ гору, какъ вдругъ наша *Пери* тяжело оступилась. Этотъ неожиданный толчокъ заставлялъ меня окончательно потерять равновѣсіе: сидя на задней части спины слоники, на почетномъ мѣстѣ экипажа, я неудержимо покатила внизъ, и въ слѣдующую затѣмъ секунду непремѣнно очутилась бы съ неприятнымъ для своей особы изъяномъ на днѣ оврага, еслибы не удивительный инстинктъ и ловяливость умнаго животнаго. Слониха задержала мое паденіе со своей „покатоности“, буквально поймавъ меня на лету *хвостомъ*. Чувствуя вѣроятно что я падаю, она крѣпко и ловко обвила хвостъ вокругъ моего туловища и тутъ же остановясь какъ вколчаная стала опускаться на колѣна. Но природная тяжесть моя дала себя вѣроятно знать и оказалась не подъ силу тонкому хвосту добраго животнаго. Хотя *Пери* и не выронила меня, но за то быстро опустилась на землю и тутъ же тихо и жалобно замычала, вѣроятно размышляя что чуть было не поплатилась за свое великодушіе собственнымъ хвостомъ. Такъ по крайней мѣрѣ заявилъ соскочившій мигомъ съ ея головы *жагутъ*, бросившійся на помощь мнѣ и принявшійся осматривать якобы „поврежденный“ хвостъ слоники. И тутъ произошла сцена какъ нельзя лучше характеризующая грубое лукавство, хитрость, жадность къ живѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ трусость низшаго класса Индусовъ, „безкастниковъ“ (*outcastes*), какъ ихъ здѣсь называютъ.

Сперва хладнокровно осмотрѣвъ хвостъ и для вящей провѣрки крѣпко дернувъ его нѣсколько разъ, онъ уже собирався возвратиться на свое мѣсто, но услыжавъ мое неосторожное соболѣзнованіе о хвостѣ *Пери*, онъ внезапно и самымъ неожиданнымъ образомъ перемѣнилъ тактику. Бросившись плашмя на земь, онъ вдругъ сталъ кататься по ней, испуская все время ужасные, дикіе волац. Рыдая на всю долину, онъ сталъ приговаривать и причитать какъ надъ локойникомъ, стараясь увѣрить лублику, будто „Мамъ-Саабъ“ *

* Т.-е Madame Sahib. Слово Сахибъ, произносимое Саабъ, приклеивается здѣсь къ каждому титулу, чину, имени. Такъ напримѣръ говорятъ Captain-Saab, Colonel-Saab, Мамъ-Саабъ и т. д.

оторвала у его *Пери* хвостъ. „*Пери* на вѣки осрамлена (палакася онъ). Ея супругъ, свидѣтель позора ея, гордый *Айравати*, прямой потомокъ любимаго слона бога *Индры*, теперь отвергнетъ ее, и ей остается лишь умереть“...

Такъ голосилъ *магутъ*, не взирая на всѣ увѣщанія сѣжавшихся нашихъ товарищей. Напрасно было доказывать ему что „гордый *Айравати*“ не показывалъ ни малѣйшаго пополазновенія поступить такъ жестоко со своею супругой, добродушною *Чанчули-Пери*, о бока которой онъ даже въ эту критическую минуту преспокойно чесалъ свой хоботъ, и что у самой *Пери* хвостъ былъ цѣлъ и на мѣстѣ. Ничего не помогало! Тогда выведенный изъ терпѣннн нашъ пріятель *Нараянъ*, извѣстный силачъ, прибѣгъ къ весьма оригинальному средству. Бросивъ одною рукою на землю серебряную рупію, онъ приподнялъ другую щедрую фигурку *магута* за его *дотти* * и преспокойно швырнулъ его прямо носомъ на млету. Не взирая на окровавленную физиономію и даже не обращая вниманія на нее, *магутъ* бросился на рупію съ жадностью дикаго звѣря на добычу. Много разъ простершись во прахъ предъ нами, съ нескончаемыми „салаамами“ въ знакъ благодарности, онъ сталъ безъ малѣйшаго перехода изъяслять такую же безумную радость какое за минуту до того выказывалъ горе. Въ заключеніе спектакля и въ знакъ того что хвостъ былъ дѣйствительно цѣлъ „молитвами *сааба*“, онъ повисъ на немъ какъ виснеть звонарь на колокольной веревкѣ, пока его силой не оторвали и не заставили вернуться на свое мѣсто.

— Неужели все это за одну несчастную рупію? воскликнули мы въ изумленіи и дружнымъ хоромъ.

— Изумленіе ваше логично, объявили намъ *Индусы*.—Трудно, особенно намъ, не чувствовать стыда и отвращенія при видѣ подобнаго униженія и жадности. Но не забудьте что этотъ несчастный *магутъ*, у котораго есть жена и вѣроятно дѣти, получаетъ отъ своего хозяина номинально 12 рупій въ годъ безъ содержанія, а *фактически* послѣдній съ нимъ чаще расслачивается пивками чѣмъ деньгами. Вспомните также долгіе вѣка угнетенія отъ своихъ же брамановъ, отъ фанатиковъ мусульманъ, видящихъ въ *Индусѣ* лишь нечистую

* *Дотти*—длинный кусокъ матеріи, которымъ обвиваютъ себя *Индусы* верхнюю часть ногъ и поясащу. У простаго народа это единственная одежда, за исключеніемъ такой же тряпки на головѣ.

гадину, наконецъ отъ нашихъ настоящихъ, высокообразованныхъ, *гулманныхъ* властителей, Англичанъ, и вы, вмѣсто отвращенія, почувствуете быть-можетъ глубокое сожалѣніе къ этой каррикатурѣ рода человѣческаго.

Но „каррикатура“ рода человѣческаго видимо считала себя счастливою, не чувствуя ни малѣйшаго униженія. Сидя поджавъ ноги на широкой макушкѣ *Пери*, онъ ей разказывалъ про свое неожиданное богатство, и напоминая ей что она „божья“ слониха, заставлялъ кланяться *сабамъ* хоботомъ. *Пери*, въ превосходномъ расположеніи духа, вслѣдствіе пожертвованнаго ей мною цѣлаго стебля сахарнаго тростника, забрасывала хоботомъ назадъ и игриво дула намъ черезъ него въ лицо...

XI.

Изъ міра современныхъ пигмеевъ, житейскихъ дразгъ и Индіи столь ладшей и униженной, мы опять въ мірѣ глубокой древности, въ мірѣ Индіи невѣдомой, великой и таинственной...

Главные пещеры Насика, высѣченныя на горѣ называемой туземцами *Панду Дена*, опять-таки этимъ именемъ указываютъ на невымирающее, упорно переживающее вѣка преданіе, относящее всѣ подобныя циклопическія постройки къ Панду, пяти мнѣческимъ (?) братьямъ доисторической эпохи. Единодушное мнѣніе археологовъ приписываетъ имъ чуть ли не болѣе интереса и важности нежели пещерамъ Элефанты и Карла взатымъ вмѣстѣ. И однакоже, странное дѣло! за исключеніемъ почтеннаго и ученаго доктора Уильсона, любившаго немного „рубить съ плеча“, выдавая людскія предположенія за непогрѣшимыя аксіомы, ни одинъ изъ археологовъ еще не рискнулъ рѣшить ни къ какой эпохѣ принадлежать эти пещеры, ни кѣмъ онѣ сооружены, ни даже къ какой именно изъ трехъ главныхъ религій древности принадлежали ея таинственные зодчіе.

Пещеры Насика очевидно вырывались не однимъ локопніемъ, какъ и не одною сектой. Первое что въ нихъ поражаетъ—это грубость первоначальной работы, громадные размѣры и дряхлость скульптуры на капитальныхъ стѣнахъ, въ то время какъ рѣзба и изваянія на шести кодоссахъ поддерживающихъ главную пещеру во второмъ этажѣ велико-

дѣльно сохранились и чрезвычайно изящны. Это обстоятельство заставляетъ думать что пещера была начата за много вѣковъ до своего окончанія. Но когда же хоть приблизительно? Одна изъ переведенныхъ санскритскихъ надписей находящихъся на работахъ гораздо позднѣйшей эпохи (на подножіи одного изъ колоссовъ) прямо указываетъ на 453 годъ до Р. X. какъ на годъ этихъ построекъ. Такъ по крайней мѣрѣ доказываютъ по астрономическимъ даннымъ на этой надписи Гибсонъ, Бёрдъ, Стивенсонъ, Ривзъ и нѣсколько ученыхъ воспитанныхъ на западѣ, стало-быть не предубѣжденныхъ какъ туземные пандиты. Да впрочемъ дата, по соединенію планетъ, очевидна; она обозначаетъ или 453 годъ до Р. X., или 1734 нашей эры, или же 2640 лѣтъ до Р. X., что невозможно, такъ какъ въ надписи говорится о Буддѣ и буддистскихъ монастыряхъ. Перевожу главныя и самыя интересныя фразы изъ оной по переводу сдѣланному сперва докторомъ Стивенсономъ и переправленному въ коллегіи санскритскихъ правительственныхъ пандитовъ въ Бенаресѣ:

„Совершеннѣйшему и высшему. Да окажется сіе благопріятнымъ ему! сыномъ царя Кшаладаты, властелина племени Кшатриі (то-есть воиновъ) и покровителя людей, владыкой Дивика, лучезарнымъ какъ заря, приносится сей даръ сто тысячъ коровъ пасущихся на рѣкѣ Баназѣ вмѣстѣ съ рѣкой, а также даръ золота, имъ, строителемъ сего святаго приютища боговъ и мѣста для укрощенія страстей брамановъ. Нѣтъ болѣе желаннаго мѣста нежеди это мѣсто и даже въ Прабхазѣ, куда стекаются сотни тысячъ брамановъ, повторя священныи стихъ; ни въ святомъ градѣ Гайѣ, ни на Крутой горѣ возлѣ Дазатуры, ни на Зминомъ полѣ въ Говардханѣ, ни во градѣ Шратисраи, гдѣ монастырь буддистовъ, ни даже въ зданіи воздвигнутомъ Деланакарой на берегу пртсмоводнаго моря (?). Это мѣсто доставляющее несравненныя милости, пріятное и во всѣхъ отношеніяхъ полезное для пятнистой оленьей шкуры (?) аскета *. Безопасная лодка присланая въ даръ также имъ, строителемъ бесплатнаго ларема, ежедневно перевозитъ къ хорошо охраняемому берегу. Имъ также, строителемъ зданія для лутяиковъ и публичнаго резервуара воды, значенный левъ былъ поставленъ у постоянно осаждаемыхъ толлою воротъ этой Говардханы; также другой (левъ) у перевоза, а еще другой у Раматирты. Для тощаго стада всегда найдется здѣсь разныхъ родовъ кормъ; для такого стада болѣе ста родовъ травъ и тысячи

* Аскеты Индіи и въ наши времена покрываются à la Геркулесъ шкурой дикихъ звѣрей, обыкновенно тигра. Ас.

горныхъ кореньевъ припасены этимъ щедрымъ дарителемъ. Въ этой же самой *Говардхатъ*, въ лучезарной горѣ, сія вторая пещера была вырыта по приказанію той самой благотворительной особы, *въ тотъ самый годъ, когда почитаемые людьми, Солнце, Сукра и Рагу* * были въ полномъ ликованіи своего восхода; въ этотъ-то годъ и были дары поднесены. *Лакшми, Индра и Яма*, ** освятивъ ихъ, отправились назадъ съ кликами торжества на свою колесницу поддерживаемую заклинательными мантрами, на безпрелютвенномъ лугу; *** когда всѣ они (бога) уѣхали, то полилъ проливной дождь и т. д. "

Первыя пещеры вырыты на конусообразномъ холмѣ саженахъ въ сорока отъ подножія. Въ главной, въ 45 квадратныхъ шаговъ, стоятъ три фигуры Будды; въ боковыхъ—лингамъ; затѣмъ два джайнскіе идола, а въ верхней пещерѣ находится идола или скорѣе статуя *Дхармы Раджу*, или *Юдиштиры*, старшаго Панду, котораго здѣсь обоготовили и которому поклоняются въ собственномъ, въ честь его воздвигнутомъ между Пентомъ и Насикомъ храмѣ. Затѣмъ цѣлый лабиринтъ келій очевидно буддистскихъ отшельниковъ, громадная статуя Будды въ лежачей позѣ; другая такихъ же колоссальныхъ размѣровъ и окруженная колоннами съ капителями украшенными фигурами различныхъ звѣрей. Стили всѣхъ эпохъ какъ и всѣхъ сектъ перемѣшаны и перепутаны какъ разнородныя деревья въ лѣсу.

Весьма замѣчательно то обстоятельство что почти всѣ безъ исключенія пещерныя храмы Индіи вырыты въ конусообразныхъ скалахъ и горахъ, словно древніе строители нарочно отыскивали такія природныя пирамиды. О странной и необычайной, нигдѣ невиданной мною, кромѣ Индіи, формѣ уже замѣчено при описаніи поѣздки въ Карли. Случай ли это, или же одно изъ правилъ религіознаго зодчества тѣхъ далекихъ временъ? И кто тутъ подражатель? Зодчіе ли египетскихъ пирамидъ, или же неизвѣстные строители подземныхъ храмовъ Индіи? Какъ въ пирамидахъ, такъ и въ храмахъ все кажется геометрически разчитаннымъ и, подобно пирамидамъ, входъ во храмы находится не внизу, но на извѣст-

* *Рагу* и *Кехетти*—двѣ неподвижныя звѣзды составляющія голову и хвостъ созвѣздія Дракона; *Рагу* также одна изъ девяти планетъ.

** То-есть созвѣздія—*Дввы*, *Водолея* и *Тельца*, которыя подвластны и посвящены этимъ тремъ изъ двѣнадцати высшихъ боговъ.

*** На небесномъ лугу.

номъ разстояніи отъ подножія горы. Природа, какъ извѣстно, никогда не подражаетъ искусству, а напротивъ, послѣднее всегда старается воспроизвести формы природы. И если даже въ этомъ сходствѣ между символами Египта и Индіи не найдется ничего кромѣ случайности, то остается только сознаться что игра случая бываетъ иногда необъяснима. Далѣе намъ придется, быть-можетъ, представить болѣе вѣскія доказательства тому что Египеть заимствовалъ многое у Индіи. Не забудемъ что начала царства фараоновъ совершенно неизвѣстны наукѣ; а то малое что мы успѣли узнать не только не противорѣчитъ этой теоріи, но даже указываетъ на Индію какъ на колыбель и первобытную родину Египтянъ. Такъ въ своей *Исторіи Индіи*, Каллука-Батта писалъ еще во дни глубокой древности слѣдующее:

„Во время царствованія Висвамитры, перваго царя Сомангской династіи, вслѣдствіе пятидневнаго сраженія, Ману-Вена, наслѣдникъ древнихъ царей, покинутый браманами, эмигрировалъ со всею арміею и, пройдя страну Аріи и Барріи, дошелъ наконецъ до береговъ *Масры*...“ *

А если намъ отвѣтять что „Каллука-Батта“ историкъ до того древній что санскритологи до сей поры спорятъ изъ-за него, затрудняясь придать ему какую-либо правдоподобную эпоху и поэтому благоразумно колеблются между 2.000 лѣтъ до Р. X. и эпохой императора Акбара (т.-е. какъ разъ во времена Іоанна Грознаго), то вотъ что говоритъ историкъ болѣе современный и всю жизнь свою изучавшій Египеть (не въ Лондонѣ или Берлинѣ, по примѣру многихъ его коллегъ, а въ самомъ Египтѣ) прямо съ надписей древнѣйшихъ саркофаговъ и палирусовъ, словомъ Генрихъ Брюгшъ-бей.

„...Повторяю, это мое непоколебимое убѣжденіе, что Египтяне пришли изъ Азіи задолго до историческаго періода и, перейдя этотъ мостъ всѣхъ націй—Суэзскій перешеекъ, нашли новое отечество на берегахъ Нила.“ Есть доказательства что во времена одиннадцатой династіи Египтяне вели торговлю съ Аравіей и берегами Индійскаго Океана—кто знаетъ съ какихъ незаламатныхъ временъ? А надпись найденная на скалѣ Хаммамата гласитъ что *Санкара*, послѣдній

* *Арія*—Иранъ (Персія); *Баррія*—древнее имя Аравіи; а *Масра* или *Масра* имя чисто египетское. „Масромъ“ мусульмане еще зовутъ Каиръ, коверкая имя въ *Мисро*, *Мусро* и т.д.

царь одиннадцатой династии, послалъ вельможу Ханну въ Пунтъ или Пейтъ (?): „Я былъ посланъ везти корабли „въ страну Пунта, дабы привезти домой душистой камеди събираемой принцами Красной Земли,“ сказано въ надписи. Комментируя эту надпись, Брюгшъ-бей объясняетъ что „подъ именемъ Пунта древніе жители *Кели* (Египта) подразумевали дальнюю страну омываемую большимъ океаномъ, страну полную горъ и долинъ, изобилующую чернымъ деревомъ и другимъ дорогимъ лѣсомъ, бальзамомъ, ладаномъ, драгоценными металлами и камнями; страну богатую, изобилующую дикими звѣрями, жирафами, леопардами, пантерами, большими обезьянами и длиннохвостыми макашками.“ Даже названіе обезьяны на древне-египетскомъ языкѣ *Кафъ*, *Кафи* (у Израильтянъ *Кобфъ*), чисто санскритское—*Капи*.

Этому „Пунту“ (очевидно Индія) легендарныя сказанія уже весьма древняго Египта придавали весьма священный характеръ; ибо Пунтъ (или Пейтъ)* былъ „первобытною обителью боговъ, которые именно отсюда, подъ предводительствомъ *А-Мона* (Ману-Вена, Каллуки-Батта?), *Хора* и *Хаторъ* отправились по направленію долины Нила и благополучно прибыли въ *Кели*.“ **

Не даромъ Хануманъ имѣеть такое родственное сходство съ египетскимъ священнымъ кивокефаломъ (*Cynocephalus*), а эмблемы *Озириса* и *Шивы* одні и тѣ же. *Qui vivra terra!*...

Обратный путь въ городъ на *Пери* оказался пріятнѣе. Мы приоровились къ ея шагу и въѣзжая въ *Насикъ* почувствовали себя безлодобными наѣздниками. За то въ продолженіе цѣлой недѣли мы едва могли ходить отъ боли въ поясницѣ.

ХІІ.

На вопросъ—кто бы что предпочелъ еслибы пришлось выбирать между слѣпотой и глухотой—девятъ изъ десяти всегда скорѣе помирятся съ послѣднею. А кому пришлось хоть разъ заглянуть въ одинъ изъ волшебныхъ

* *Пейтъ*—отъ Па-путеръ „священная земля“ или Египетская—„страна боговъ“.

** Съ памяткика 11й династии (См. *Исторія Египта во времена фараоновъ, написанная единственно съ десяти ея палаткиковъ*.) Г. Брюгшъ-бей. Томъ I, стр. 114.

уголковъ Индіи часто напоминающей важъ самая фантастическія и казалось бы въ природѣ невозможныя декораціи Большой Парижской оперы,—этой страны мраморныхъ кружевныхъ дворцовъ и закодovanýchъ садовъ,—тогъ въ до-
 бавокъ ко глухотѣ рѣшился бы скорѣе захромать на обѣ ноги нежели лишиться подобныхъ зрѣлищъ.

Разказываютъ что великій поэтъ Саади разъ горько жаловался на равнодушіе друзей которымъ будто бы надѣдали его безконечныя, восторженныя похвалы своей возлюбленной. „Еслибы, замѣчалъ онъ имъ, вы получили хотя одинъ разъ возможность и счастье, подобно мнѣ, увидать ея дивную красу, вы вполнѣ поняли бы мои стихи непрестанно вослѣвующіе—увы! такъ слабо и такъ блѣдно—то чарующее душу чувство которое она внушаетъ всякому хотя издали увидавшему ее!..“ Я вполнѣ понимаю положеніе влюбленнаго поэта, но не виню и друзей его не выдавшихъ его возлюбленной. Поэтому я дрожу отъ боязни какъ бы мои постоянныя восторженныя ралсодіи объ Индіи не нагнали на читателей скуки друзей Саади. Но чтъ же дѣлать бѣдному повѣствователю если на каждомъ шагу онъ открываетъ въ своей „милой“ все новыя и самыя диковинныя предести! Самыя темныя ея стороны, отвратительныя, безправственныя, а подъ часъ и глубоко ужасающія черты—и тѣ полны чего-то столь дико-нравственнаго, незауряднаго, чего никогда не встрѣтишь ни въ какой другой странѣ. Нерѣдко мѣстныя сцены заставляють непривычнаго Европейца содрагаться; но въ то же время, какъ ночной призракъ, онѣ притягиваютъ его, приковываютъ къ себѣ вниманіе, и отъ нихъ невозможно глазъ оторвать....

Всего этого мы насмотрѣлись вдоволь въ продолженіе многихъ дней нашей *école buissonière*. Дни эти мы провели вдаль отъ линіи желѣзной дороги, этого проблеска цивилизаціи, которая столь же къ лицу Индіи какъ модная шляпка на головѣ полуголой Перувьянки, „дѣвы солнца“ Кортесовскихъ временъ.

Ежедневно бродили мы черезъ рѣчки и джонглы, по селамъ и развалинамъ старыхъ крѣпостей, по проселочнымъ дорогамъ, между Насикомъ и Джепельпуромъ; двемъ, переѣзжая изъ одной деревни въ другую, частью въ арбахъ на волахъ, иногда на слонахъ, а не то такъ и въ *палькахъ* (въ лапачинахъ) и верхомъ, а ночью—обыкновенно разбивая лалатку

гдѣ ни попало. Въ эти дни мы имѣли случай убѣдиться насколько человѣкъ, въ силу одной привычки, можетъ сдѣлаться властелиномъ, хоть и пассивнымъ, надъ непобѣдимыми для всѣхъ другихъ и смертельно опасными климатическими условіями. Въ то время какъ мы „бѣлые“, не взирая на толстѣйшія пробочныя *топи* на головахъ и защиту наѣвса, чуть не падали въ обморокъ и положительно *тлѣли* подъ нестерпимо палящими лучами солнца, и когда даже туземцы-слутники обвивали лишнимъ кускомъ кисеи голову, нашъ пріятель, бенгальскій *бабу*, проѣзжалъ верхомъ цѣлыя мили, подъ вертикально стрѣляющимъ въ него солнцемъ, съ обнаженною головой!... У него даже не было съ собой и простаго *пэггри*, куска легкой матеріи для тюрбана, не только шляпы. Спокойно вѣхалъ онъ цѣлые часы съ непокрытою ничемъ кромѣ собственныхъ густыхъ волосъ макушкой, и надъ его бенгальскимъ черепомъ солнце оказывалось совершенно безсильнымъ. Этотъ народъ никогда не покрываетъ головы, кромѣ торжественныхъ случаевъ, когда тюрбанъ надѣвается лишь какъ принятое украшеніе, какъ цвѣты на балѣ, во время *дурбара*, свадьбы или лира.

Бенгальскіе *бабу*, занимающіе почти всѣ низшія гражданскія и особенно писарскія должности, наводятъ всѣ желѣзнодорожныя и телеграфныя станціи, канцеляріи, почтамты и правительственныя присутственныя мѣста. Закинувъ черезъ плечо бѣлыя кисейныя мантии на подобіе римской *тоги*, съ голыми отъ колѣвъ ногами и всегда простоволосяе, они гордо расхаживаютъ на платформахъ станцій и предъ дверьми своихъ конторъ, съ презрѣніемъ поглядывая на женственныя украшенія Махратовъ, съ ихъ кольцами на пальцахъ ногъ и рукъ и огромными серьгами въ верхней части праваго уха... Они не носятъ сектарныхъ знаковъ на лбахъ, какъ прочіе Индусы, и позволяютъ себѣ лишь дорогія *колье*, да и то рѣдко. И однакоже, въ то время какъ страстно преданные женоподобнымъ украшеніямъ Махраты справедливо считаются однимъ изъ храбрѣйшихъ народовъ Индіи (не разъ уже заявивъ себя очень непріятно съ этой стороны Англичанамъ) и долгими вѣками войны выказали себя превосходными и храбрѣйшими воинами, Бенгалія, исконокъ вѣка, изъ *шестидесяти пяти милліоновъ своихъ жителей не произвела еще на свѣтъ ни одного солдата*: среди туземныхъ войскъ англійской арміи никогда не было и

нѣтъ ни одного Бенгальца. Это страннѣйшій, но тѣмъ не менѣе неопровержимый *фактъ*, которому мы долго не могли вѣрять, но должны были наконецъ сдаться предъ подтвержденіями многихъ англійскихъ офицеровъ и самихъ Бенгальцевъ. И со всѣмъ этимъ, однако, ихъ нельзя назвать трусами. Если *бабу* и высшіе классы раджей изнѣжены, то ихъ *землѣдѣльцы* (землевладѣльцы) и поселяне несомнѣнно храбры. Обезоруженный правительствомъ Бенгалецъ идетъ на тигра своей родины, самаго свирѣлаго изо всѣхъ тигровъ Индіи, также спокойно съ дубиной какъ въ прежнія времена шелъ на него съ винтовкой и ятаганомъ.

Много глухихъ тропинокъ, на которыя быть-можетъ съ начала міра не ступала нога бѣлаго, еще болѣе чудомъ удѣлѣвшихъ рощъ прошли и посѣтили мы въ эти короткіе дни. И всюду мы встрѣчали привѣтъ, благодаря магическому вліянію Гулабъ-Лалъ Синга, который за отсутствіемъ своимъ послалъ провожать насъ и руководить нами въ дорогѣ своего довѣреннаго слугу. И если бѣдные, голые крестьяне дичились и часто запирали предъ нами двери, за то всѣ браманы являлись къ нашимъ услугамъ.

Прелестны мѣстоположенія въ окрестностяхъ Кандеша, по дорогѣ въ Тхальнеръ и Мхау, но много украшена здѣсь природа и искусствомъ человѣческимъ, и это искусство проявляется болѣе всего на мусульманскихъ кладбищахъ. Теперь всѣ они болѣею частью полуразрушены и заброшены вслѣдствіе изгнанія изъ этихъ мѣстностей мусульманскихъ принцевъ и хановъ и большинства индусскаго населенія. Когда-то владычицы почти всей Индіи, мусульмане теперь въ загонѣ и въ тысячу разъ болѣе унижены чѣмъ Индусы. Но много они оставили по себѣ несокрушимыхъ памятниковъ, между прочимъ свои кладбища. Эта неискоренимая вѣрность мусульманина своимъ покойникамъ — одна изъ самыхъ трогательныхъ чертъ въ характерѣ сыновъ Пророка. Ихъ посмертная преданность, всегда горячѣе выказываемая ими нежели ихъ любовь къ семейству при жизни, какъ бы вся сосредоточивается на послѣднихъ жилищахъ тѣхъ кто отошли до нихъ въ лучшій міръ. Насколько ихъ попятія о раѣ обѣщанномъ Магометомъ грубы и матеріальны, настолько поэтична обстановка ихъ кладбищъ, особенно въ Индіи. Въ этихъ тѣнистыхъ, прелестныхъ садахъ, съ

рядами бѣлыхъ гробницъ увѣнчанныхъ чалмами, покрытыхъ сверху до низу розами и жасминомъ, съ кипарисами вокругъ, невольно можно засиживаться по цѣлымъ часамъ. Въ нихъ мы обыкновенно совершали привалы, обѣдали, часто и ночевали. Особенно предивно кладбище возлѣ городка Тхальнеръ. Изъ нѣсколькихъ удѣавшихъ историческихъ мавзолеевъ великолѣпенъ памятникъ семейства Киладара, повѣшеннаго на городской башнѣ въ 1818 году генераломъ Гислопомъ, который между прочимъ разстрѣлялъ въ тотъ же день всѣхъ солдатъ сдавагося гарнизона, подъ предлогомъ будто тѣ составили противъ него заговоръ. Кромѣ памятника этому повѣшенному злополучному Киладару, есть четыре другіе мавзолея, изъ коихъ одинъ славится на всю Индію. Восьмиугольной формы, весь изъ бѣлаго мрамора, онъ покрытъ сверху до низу рѣзьбой какой не найти и на *Pere Lachaise*. Персидская надпись на подвожіи гласитъ что онъ стоилъ 100.000 рупій. Двѣмъ залитымъ горячимъ солнцемъ, этотъ высокій, минаретообразный мавзолей отдѣляется на синевѣ безоблачнаго неба блестя какъ пирамидальная ледяная глыба; ночью, при томъ особенномъ фосфорическомъ свѣтѣ луны въ Индіи который приводитъ въ восторгъ всѣхъ путешественниковъ и артистовъ, онъ еще ослѣпительнѣе и поэтичнѣе. Будто вновь выпавшимъ легкимъ снѣгомъ покрыты его вершины; возвышая надъ темною зеленью кустовъ свой тонкій профиль, онъ кажется какимъ-то полуночнымъ чистымъ видѣніемъ, витающимъ надъ этою безмолвною обителью разрушенія и смерти и оплакивающимъ невозвратное прошлое...

А рядомъ съ такими кладбищами, обыкновенно на берегу рѣкъ, возвышаются *гхоты* Индусовъ... Есть дѣйствительно нѣчто величественное въ этомъ обрядѣ сожженія мертвыхъ,— а въ очень недалекомъ прошломъ и сожженія живыхъ,—но только въ теоріи, а не на практикѣ. Слѣдя за церемоніей и вида какъ въ какой-нибудь часъ времени послѣ смерти отъ покойника остается лишь нѣсколько пригоршней пелла, который тутъ же рукой посвященнаго брамана, жреца смерти, и разбѣвается на всѣ четыре стороны по вѣтру, надъ рѣчкой, дабы пепелъ на вѣки смѣшался со священною водою, зритель невольно пораженъ глубокою философіей основной мысли подобнаго обряда. Разбрасывая горсть того что вѣкогда жило и чувствовало, любило и ненавидѣло, радовалось и плакало, браманъ поручаетъ пепелъ всего этого четыремъ стихіямъ:

земль, изъ которой оно мало-по-малу развилось и сформировалось въ человѣка и которая такъ долго питала его; *огню*, эмблемѣ чистоты, похравшему его тѣло, дабы духъ его также былъ очищенъ ото всего грѣховнаго и могъ свободно вращаться въ той новой сферѣ загробнаго существованія гдѣ каждый грѣхъ является камнемъ преткновенія на пути души человѣческой къ „Мокші“ или вѣчному блаженству; *воздуху* которымъ онъ дышалъ и тѣмъ самымъ жилъ, и *водѣ* которая очищала его физически, какъ и духовно, пошла его и теперь принимаетъ его пелелъ въ *чистое* лоне свое...“ (Мантра XII.)

„Чистое“, какъ прилагательное, является здѣсь только въ фигуральномъ смыслѣ „мантры“. Говоря вообще, рѣки въ Индіи, начиная съ трижды священнаго Гангеса, невообразимо грязны, особенно близъ городовъ и селеній. Двѣсти милліоновъ человѣкъ круглымъ счетомъ омываются въ нихъ отъ трояческаго лота и грязи по нѣскольку разъ въ день; а *касты* недостойныя сожженія, какъ шудры, ларіи, мѣнги и проч., бросаютъ въ нихъ вдобавокъ всѣхъ своихъ покойниковъ. Даже всѣ касты, до браманъ включительно, бросаютъ туда же дѣтей умершихъ ранѣе трехлѣтняго возраста.

Пройдемся вдоль береговъ любой рѣки, но только поздно вечеромъ, чтобы провести тамъ ночь и дождаться разсвѣта. Вечеромъ хоронятъ лишь богатыхъ или принадлежавшихъ къ высшимъ кастамъ. Только для таковыхъ зажигаются послѣ заката солнечнаго высокіе костры изъ сандалнаго дерева вдоль священныхъ водъ; для нихъ однихъ произносятся мантры и заклинанія богамъ, а для простыхъ смертныхъ, для бѣдныхъ *безкастниковъ*, нѣтъ не только костра, но и простой молитвы: *шудра* недостойны слышать даже послѣ смерти божественныя слова изъ священной книги откровенія, продиктованнаго въ началѣ міра четырьмя Риши Ведъ-Вьязъ, великому богослову Арямарты. Какъ не допускался онъ ближе семи шаговъ къ ступенямъ храма при жизни, такъ не допустится онъ и въ загробной жизни стать наряду съ „дважды рожденными“.

Ярко горятъ костры, проталиваясь по берегу рѣки длиною огненною змѣей. Черныя силуэты страшныхъ, дико-фантастическихъ фигуръ тихо двигаются среди огней, то подымая тонкія руки къ небу какъ бы въ молитвѣ, то подбавляя дровъ къ костру, то мѣшая огонь длинными видообразными

кочергами, пока потухающее пламя не вслыхнетъ слова, треща и вѣясь и брызгая во всѣ стороны растопленнымъ человѣчьимъ жиромъ, да выпаливая подъ облака цѣлый дождь золотыхъ искорокъ тотчасъ же исчезающихъ въ густомъ облакѣ черной колоты. Это на правомъ берегу; перейдемъ на лѣвый...

Въ тотъ самый предрасвѣтный часъ, когда красные огни костровъ, черные облака мѣзмовъ и тощія фигуры факировъ-прислужниковъ, отразившись въ послѣдній разъ въ темномъ зеркалѣ рѣки, одни потухаютъ, другіе расходятся, а мѣзмы съ ихъ залахомъ пригорѣлаго мяса разсѣваются утреннимъ вѣтеркомъ и все на *свотахъ* погружается въ тишину до слѣдующаго вечера,—въ тотъ самый часъ, на противоположномъ берегу, начинается процессія другаго рода...

Печальною, безмолвною вереницей, то короткою, то длиною, смотря по смертности въ городѣ и окрестностяхъ, тянутся Индусы обоего пола. Они подходятъ къ рѣкѣ отдѣльными группами, безъ плача, безо всякихъ обрядовъ. Вотъ двое привесли на плечахъ что-то дажное, тонкое, завернутое въ красную тряпку. Раскачавъ его за ноги и за голову, носильщики хладнокровою кидаютъ ношу въ желто-грязныя воды рѣки. При паденіи, красная тряпка слетаетъ въ сторону, и темнозеленое лицо молодой женщины показывается на одинъ лишь мигъ чтобы тотчасъ же исчезнуть въ мутныхъ волнахъ. Далѣе другая группа. Старикъ и двѣ молодыя женщины; одна изъ нихъ дѣвочка лѣтъ десяти, низенькая, худая, далеко еще не развитая, рыдаетъ съ причитаньемъ: то *мать жертваго ребенка*, котораго она тотчасъ же броситъ въ холодныя воды грязной рѣки. Слабый голосъ ея монотонно раздастся по берегу, а дрожація руки словно не находятъ силы кинуть бѣдную, маленькую фигурку, скорѣе похожую на темнокоричневаго котенка нежели на младенца. Старикъ ее уговариваетъ, затѣмъ беретъ мертвое тѣло изъ ея рукъ и, войдя въ воду по поясъ, кидаетъ его на средину рѣки. За нимъ входятъ обѣ женщины, въ чемъ стоятъ, то-есть одѣтыя или скорѣе полунагія, по обыкновенію и, погружившись семь разъ сряду въ воду, для очищенія послѣ мертваго тѣла, выходятъ на берегъ и даже не отряхнувшись идутъ домой. Между тѣмъ коршуны, вороны и другія хищныя птицы, цѣлый день кружащіяся надъ рѣкой въ ожиданіи добычи, собираются черною тучей надъ тѣлами и долго задерживаютъ

ихъ путь внизъ по теченію. Иногда такое обглоданное тѣло, зацѣплясь за прибрежный троствикъ или полавъ межъ двухъ камней, безпомощно торчитъ изъ-подъ мелкой воды, пока наконецъ однимъ изъ прибрежныхъ *лѣнговъ*, несчастное безкастное существо, доля котораго всю жизнь со дня рожденія до послѣдняго вздоха возитъ за подобною *нечистой* работой, не придетъ вооруженный своимъ длиннымъ шестомъ, и, зацѣпивъ застрявшій скелетъ между реберъ, не выковырнетъ его изъ-подъ камней или троствика чтобы снова толкнуть по теченію—по дорогѣ къ синему Океану...

Но встанемъ теперь съ песчанаго и, несмотря на раннюю пору, уже накаленного берега. Простимся съ водянымъ кладбищемъ бѣдныхъ. Встанемъ и пойдемъ далѣе... Тяжелы, и омерзительны для Европейца подобныя картины, и невольно при этомъ переносишься быстрокрылою мечтой туда, на далекій Сѣверъ, на тѣ мирныя сельскія кладбища, гдѣ вмѣсто рѣзныхъ мраморныхъ съ высокими чалмами гробницъ, коствокъ изъ сандаловаго дерева, да грязной рѣпки вмѣсто послѣдняго ложа, стоятъ кресты осѣненные старыми березами. Какъ мирно спать подъ высокою сочною травой наши *покойнички*. Не видалъ никто изъ нихъ, сердечныхъ, лавя внизъ по теченію, ни гигантскихъ пальмъ, ни дворцовъ мраморныхъ, ни лагодъ крытыхъ чистымъ золотомъ. Но за то надъ ихъ бѣдными курганами цвѣтутъ и фіалки, и бѣлые ландыши, да весной заливаются соловей на старой березѣ...

Для насъ соловьи уже давно не поютъ ни въ сосѣднихъ рощахъ, ни на душѣ. Этого-то ужъ тутъ всего меньше. Но пойдемъ вдоль высокой стѣны изъ краснаго песчаника, ведущей къ крѣпости когда-то знаменитой и залитой кровью. теперь же безвредной и полуразрушенной какъ и прочія Стаи зеленыхъ попугаевъ, испуганные нашимъ приближеніемъ, выпархиваютъ изъ каждой полуразваленной ниши стѣны, сверкая на солнцѣ крыльями, словно летающіе изумруды. Мы на „проклятой“ Англичанами территоріи, въ странѣ Чандвада, гдѣ во время силайскаго чматежа, Бхили, ринувшіеся изъ своихъ засадъ какъ неудержимый горный потокъ въ долины, перерѣзали нѣсколько дюжинъ своихъ властелиновъ, а вмѣстѣ съ другими и калитана Гэврѣ, возлѣ Шивара, въ двадцати миляхъ отъ Насика. *Tatvā*, древняя книга Индуосовъ, разсуждающая о географіи времени царя Азоки (250—300 до Р. X.), учитъ насъ что земля Махратовъ оканчивается у стѣны

города Чандвадъ или Чандоръ, а что Кандешъ за рѣкой. Но Англичане не признающіе ни Татъ, ни другихъ какихъ авторитетовъ кромѣ себя, приказываютъ намъ вѣрить что Кандешъ начинается у Чандорскихъ холмовъ. Поэтому выше-сказанную „крѣпость“, одну изъ самыхъ неприступныхъ, по словамъ полковника Уоллеса, „по причинѣ ея природнаго съ трехъ сторонъ укрѣпленія“, Англичанамъ пришлось брать въ 1804 году у не отдававшихъ имъ оную „матежниковъ“ Махратовъ съ большимъ трудомъ и таковымъ же урономъ. Да и не взять бы ея имъ никогда, и ни въ какіе вѣки, когда бы не мусульмане, заклятые враги вѣчно бывало побивавшихъ ихъ Махратовъ. Они открыли наконецъ полковнику Уоллесу тайну нѣкоего прохода подъ воротами крѣпости. Тогда, ворвавшись чрезъ этотъ проходъ ночью, Англичане побѣдили крѣпко спавшихъ Махратовъ, чѣмъ прамного и хвалились въ послѣдствіи. Чрезъ нѣсколько времени, въ неосторожную минуту щедрости, они возвратили крѣпость Холькару, съ тѣмъ чтобъ *она содержала* въ ней англійскихъ солдатъ, но чтобы солдаты впрочемъ считались *не на его* службѣ. Затѣмъ рассказали даже и въ этой милости, и въ 1818 году, видя что Холькаръ не отдастъ имъ крѣпости назадъ безъ боя, послали туда чуть ли не цѣлую армію, подъ предводительствомъ сэръ-Томаса Гислона, и такимъ образомъ отняли назадъ дарованное.

XIII.

Въ двѣнадцати миляхъ на юго-восточной сторонѣ Чандвада на ходится цѣлый городъ пещерныхъ храмовъ извѣстныхъ подъ именемъ *Енкай-Тэнкай*. Опять, какъ и въ прочихъ пещерахъ, храмы на высотѣ ста футовъ надъ подножіемъ, а холмъ пирамидальный. Описывать ихъ здѣсь въ подробности невозможно, такъ какъ предметъ этотъ требуетъ совершенно иной разработки нежели допускаемая въ журнальной статьѣ. Поэтому лишь бѣгло замѣчу что и въ этомъ случаѣ всѣ статуи, идолы и работа на колоннахъ приписываются *буддистскимъ* аскетамъ первыхъ вѣковъ по смерти Будды. На томъ бы и можно покончить еслибы здѣсь неожиданно не являлось для гг. археологовъ новое и гораздо болѣе серіозное затрудненіе нежели всѣ затрудненія вмѣстѣ взятая касательно другихъ спорныхъ

пунктовъ. Въ этихъ пещерахъ находится болѣе идоловъ называемыхъ *буддами* нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Они покрываютъ главныя входныя двери, густо посажены вдоль каменныхъ балконовъ, занимаютъ заднія стѣны всѣхъ келій, стоятъ на часахъ какъ чудовища-великаны у входовъ, и наконецъ двѣ такія фигуры сидятъ въ главномъ *танъ* (бассейнѣ), гдѣ столѣтіе за столѣтіемъ ключевая вода оmyваетъ ихъ по поясъ безъ малѣйшаго видимаго ущерба для ихъ гранитныхъ тѣлъ. Между этими *буддами* есть прилично одѣтые, съ пирамидальными, многоярусными пагодами на головахъ, есть и голые; нѣкоторые въ сидячемъ положеніи, другіе представляемы стоя; есть между ними колоссальной величины идолы, есть и маленькіе, найдутся и средніе. Все бы это еще ничего, хотя мы знаемъ что реформа затѣянная Гаутомой или Сиддартой-Буддой именно въ томъ и состояла чтобы вести ожесточенную войну противъ брамановъ и искоренить на вѣки идолопоклонство. Эта религія сохранялась чистою, безъ малѣйшей примеси идолопоклонства цѣлые вѣка, пока наконецъ, попавъ въ руки Тибетскихъ ламъ, Китайцевъ, Бурміяцевъ и Сіамцевъ, она не совратилась и не исказилась ересями. Затѣмъ, изгоняемая изъ Индіи, преслѣдуемая ожесточенными и въ свою очередь торжествующими браманами, она нашла послѣднее убѣжище на островѣ Цейлонѣ. Тамъ теперь она и процвѣтаетъ подобно тому легендарному алою что цвѣтетъ будто бы лишь одинъ разъ въ жизни и цвѣтъ коего убиваетъ главный корень, а сѣмена цвѣтотъ, пуская въ свою очередь отпрыски, производить сорную траву. Но главное затрудненіе для археологовъ состоитъ не въ идолахъ приписываемыхъ буддистамъ, а въ физономіяхъ, въ *типѣ* всѣхъ этихъ *Енкай-Тѣнкайскихъ буддъ*. Всѣ они до единого, отъ малаго до большаго—Негры: приплюснутые носы, толстѣйшія губы, профили подъ угломъ 45° и курчавыя волосы! Ни малѣйшаго сходства между этою физономіей чистокровныхъ Негровъ и какимъ-либо изъ буддъ даже въ Сіамѣ или въ Тибетѣ, гдѣ, при монгольскихъ лицахъ съ широкими скулами и такими же широкими носами, у всѣхъ этихъ идоловъ, однако, гладкіе, совершенно *прямые* волосы. Этотъ неожиданный и нигдѣ не находимый въ Индіи африканскій тѣлъ приводитъ антикваріевъ въ полное смущеніе. Не даромъ археологи избѣгаютъ говорить объ этихъ замѣча-

тельныхъ пещерахъ, такъ какъ послѣ Насикскихъ пещеры Бнкай-Тѣнкайскія для современныхъ антикваріевъ настоящія Чермолилы.

Мы проѣхали Малеганъ и Чикалвалъ, гдѣ осматривали чрезвычайно любопытный и весьма древній храмъ Джаинговъ, снаружѣ построенный безъ малѣйшаго цемента изъ сложенныхъ квадратныхъ, такъ аккуратно и тѣсно прилаженныхъ камней что даже тонкое лезвее ножа не проходитъ между ними; внутри храмъ украшенъ великолѣпною рѣзбой. Вернувшись въ Тхальверъ, мы отправились прямо въ Гхару. Тамъ, для того чтобы посѣтить великолѣпныя развалины стариннаго, когда-то укрѣпленнаго города *Māndu*, находящагося въ двадцати миляхъ къ сѣверу-востоку, намъ пришлось опять нанимать слоновъ. На этотъ разъ мы доѣхали благополучно и скоро. Упоминаю объ этомъ мѣстѣ, такъ какъ оно связано въ моихъ воспоминаніяхъ съ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, когда-либо виданныхъ мною зрѣлищъ относящихся къ той вѣтви многочисленныхъ сектъ Индіи, что обыкновенно называютъ „чортопоклонствомъ“.

Мāнду расположенъ на хребтѣ горъ Виндіи около 2.000 футовъ надъ уровнемъ моря. По увѣренію Малькольма, этотъ городъ былъ построенъ въ IV вѣкѣ по Р. X. (въ 313 году) и долго былъ столицей индусскихъ раджей Дхары. Историкъ Фиринтахъ указываетъ на Мāнду какъ на резиденцію Диливара хана Гхури, перваго царя Маалвы, процвѣтавшаго отъ 1387 до 1405 года. Въ 1526 году городъ былъ взятъ приступомъ Багадуръ-шахомъ, царемъ Гуджератскимъ и затѣмъ снова взятъ обратно въ 1570 году Акбаромъ, имя коего и годъ его посѣщенія, вырѣзаны на мраморной доскѣ надъ главными воротами.

Странное чувство, должно-быть схожее съ тѣмъ которое овладѣваетъ иными особами при ихъ первомъ посѣщеніи Помпей, охватило насъ при самомъ входѣ въ этотъ огромный, пустынный, называемый туземцами „мертвый“ городъ. По всему видно что нѣкогда Мāнду былъ однимъ изъ самыхъ обширныхъ городовъ Индіи. Городская стѣна — *тридцать семь* миль въ окружности, по измѣренію сдѣланному въ 1852 году. Въ этомъ безконечномъ пространствѣ тянутся улицы на цѣлыя мили; по обѣимъ сторонамъ стоятъ разрушенные дворцы, валяются мраморныя колонны. Изъ-за развалившихся гранитныхъ стѣнъ зяютъ провалы подземныхъ

покоевъ, въ прохладномъ полумракѣ которыхъ проводили жаркіе дни султанши. Далѣе, разбитыя ступени, засохшіе тапки, безводные резервуары, безконечно длинныя дворы, мраморомъ выложенныя помосты и поломанныя арки величественныхъ портиковъ. Все это заросло вьющимися растеніями и кустами нынѣ скрывающими берлоги дикихъ звѣрей. Высоко надъ развалинами торчатъ тамъ и сямъ полуудлившія стѣны мраморныхъ и гранитныхъ дворцовъ, лустыя окна которыхъ, широко тараща безглазые владѣны подъ густою бахромой вѣковыхъ чужезднхъ растений, какъ бы хмурятся на назоливыхъ, нарушившихъ ихъ покой пришецовъ. А еще далѣе, тамъ, въ самомъ центрѣ развалинъ, изъ разбитаго сердца олочистаго города, изъ широкой богатирской груди, въ которой когда-то бушевало столько страстей, столько жизни, выросла цѣлая кипарисовая роща...

Казалось просто невѣроятнымъ чтобы городъ, который еще въ 1570 году назывался *Шадіабадъ*, „обителью счастья“, и въ несчетный разъ описанный и уломинаемый францисканскими миссіонерами: Адольфомъ Акуавива, Амтаріо де-Монсеротти, Эрикесомъ и другими лицами посольства отправленнаго въ тотъ самый годъ изъ Гоа къ Могульскому правительству за разными привилегіями, одинъ изъ величайшихъ городовъ того времени въ цѣломъ свѣтѣ, съ великолѣпными улицами и роскошью удивлявшею даже самыя роскошныя дворцы того періода въ Индіи,—чтобы тотъ городъ былъ этими самыми развалинами на которыхъ мы на силу могли отыскать чистое мѣсто для лалатки. Наконецъ, изъ опасенія дикихъ звѣрей, мы рѣшились разбить ее въ единственномъ почти неповрежденномъ зданіи Джамі-Масжидъ или „Соборной мечети“, возвышающемся на гранитной платформѣ, ступеней на двадцать пять выше площади. Ведущая сюда лѣстница, мраморная какъ и все прочее, широка и мало повреждена временемъ; но за то крыша совершенно исчезла, и надъ нами сіялъ бы цѣлую ночь небесный сводъ еслибы не случилось одного обстоятельства, о которомъ—ниже. Кругомъ главнаго строенія, стоящаго на квадратной площадкѣ, съ четырехъ сторонъ идетъ низкая галлерей, поддерживаемая нѣсколькими рядами огромныхъ столбовъ. Издали, не взирая на свою немного неуклюжую непропорціональную величину, это зданіе очень напоминаетъ Акрополь въ Афинахъ. Со ступеней, гдѣ мы расположились,

видѣлся мавзолей Гушанга - Гури, царя Мальвы, доведшаго городъ до высшей стелени блеска и роскоши. Массивное, величественное строеніе изъ цѣльнаго бѣлаго мрамора, съ крытою галлереей на превосходно украшенныхъ рѣзбой колоннахъ, когда-то ведшею прямо въ одинъ изъ его дворцовъ, теперь же обрамляющею глубокой оврагъ, который заваленъ камнями и заросъ кактусомъ. Внутри мавзолея просторная комната съ потолкомъ и стѣнами изъ широкихъ квадратныхъ плитъ покрытыхъ сверху до низу изреченіями изъ Корана, писанными золотыми буквами, а посреди комнаты саркофагъ самого султана. Не подалеку отъ этого жилища смерти дворецъ Базъ-Бахадура—въ мелкихъ кускахъ, въ пыли и заросшіи деревьями..

Усталые и изнемогая отъ жажды и голода, прохолодивъ весь день по развалинамъ, и съ тремя убитыми зѣвками перекинутыми черезъ лалки какъ военный трофей, мы вернулись за нѣсколько времени до солнечнаго заката и усѣлись пить чай и уживать у входа нашей палатки уже расположенной внутри мечети. Мы нашли у себя нежданныхъ гостей: *Паталъ*—официальное лицо, нѣчто среднее между сборщикомъ податей и мировымъ судьей—сосѣдней деревни и два землевладельца (*земиндары*) пріѣхали верхами засвидѣтельствовать намъ свое почтеніе и умолять какъ насъ самихъ, такъ и нашихъ слугниковъ-Индусовъ, съ которыми были давно знакомы, принять ихъ приглашеніе и ѣхать съ нами. Услыхавъ что мы намѣрены ночевать въ „мертвомъ городѣ“, они горячо возстали противъ этого плана. По ихъ увѣреніямъ, мы затѣали опасное и совершенно несмысленное дѣло. Черезъ два часа развалины оживятся и изъ-подъ каждаго куста, изъ подземныхъ комнатъ каждаго дома, начнутъ выдѣзать для ночнаго разбоя гіены, *читты* и тигры, не говоря о нѣсколькихъ тысячахъ шакаловъ и дикихъ кошекъ. Наши слова или убѣгутъ, или же будутъ обезсилены и сѣдены. Слѣдуетъ не теряя времени собраться въ путь и, оставивъ какъ можно скорѣе за собою развалины, ѣхать въ ихъ деревню, которая отсюда всего на полчаса разстоянія. Тамъ у нихъ уже все приготовлено, и нашъ *бабу* ожидаетъ насъ.

Только въ эту минуту замѣтили мы что нашъ простодушный и осторожный другъ блещетъ своимъ отсутствіемъ. Какъ видно, еще за три часа до того онъ спустился въ долину къ своимъ знакомымъ и послалъ ихъ за нами.

Вечеръ былъ такъ хорошъ и мы такъ было славно устроились что мысль перевернуть всѣ наши планы на утро вовсе не улыбалась намъ. Къ тому же казалось просто смѣшнымъ чтобы развалины, гдѣ мы спокойно проходили цѣлый день не встрѣтивъ ничего опаснѣе трехъ убитыхъ нами змѣй, были наполнены дикими звѣрями. Мы продолжали благодарить и отпѣиваться.

— Но вамъ положительно невозможно оставаться здѣсь, настаивалъ толстый *пателъ*.—Если случится несчастіе, то я одинъ долженъ буду отвѣчать предъ правительствомъ. Неужели вамъ пріятно будетъ провести ночь безъ сна и въ рукопашной схваткѣ съ шакалами, если не хуже того?.. Вы не вѣрите что окружены дикими звѣрями, невидимыми до заката солнца, но тѣмъ не менѣе опасными? Такъ повѣрьте же цѣлостности словъ которые не трусливѣ насъ, но пожалуй умнѣе. Взгляните что они продѣлываютъ!..

Дѣйствительно, съ нашими важными, напоминающими фидосифовъ словами происходило въ эту минуту нѣчто необыкновенное. Высоко задравъ вопросительнымъ знакомъ хоботъ къ верху, они солѣли и съ безпокойствомъ топтались на одномъ мѣстѣ. Еще минута, и одинъ изъ нихъ, перервавъ толстую, привязывавшую его къ сломанной колонкѣ веревку какъ гнилую нитку, повернулся въ одинъ пріемъ всѣмъ тяжелымъ тѣломъ и сталъ напротивъ вѣтра. Крѣпко тянулъ онъ хоботомъ воздухъ, поднявъ правую ногу и какъ бы собираясь бѣжать... Онъ очевидно чувалъ опаснаго звѣря.

Полковникъ поглядѣлъ на него чрезъ очки и продолжительно свистнулъ.

— Дѣло дѣйствительно выходитъ серіозное, замѣтилъ онъ.—Ну, а какъ въ самомъ дѣлѣ на насъ нападутъ тигры..

Да, подумалось мнѣ, а Такура-то Гулабъ-Лалъ-Синга, съ нами и нѣтъ!..

Оба наши Индуса, поджавъ ноги, сидѣли на коврѣ и спокойно жевали бетель. На вопросъ объ ихъ мнѣніи они хладнокровно отвѣчали что это до нихъ не касается: что мы рѣшимъ тому они и послѣдуютъ. Но остальные наши спутники, Англичане, уже перелугались и послѣдшне собирались убраться. Чрезъ пять минутъ мы всѣ сидѣли на слонахъ, а чрезъ четверть часа, и въ тотъ самый моментъ какъ солнце заходило за гору и мигомъ распространились сумерки, мы

выѣзжали изъ Акбаровскихъ воротъ и начинали спускаться въ долину.

Но не отѣхали мы и десяти шаговъ какъ позади насъ, не болѣе какъ въ полуверстѣ разстоянія и какъ бы изъ только-что оставленной нами киларисовой роцци, поднялся вой и лай шакаловъ, а вслѣдъ за этимъ, какъ ревъ обманутаго ожиданія, послышалось такое продолжительное, громкое, вдругъ потрясшее воздухъ рычаніе, что насъ всѣхъ бросило въ холодный потъ. Нашъ слонъ рванулся впередъ и чуть было не сбилъ съ ногъ ѣхавшихъ впереди верховыхъ. Но на этотъ разъ собственно мы, наѣздики, находились въ безопасности: мы сидѣли въ крѣпкой *хаудъ*, въ плотно залертой какъ карета башнѣ.

— Вовремя же мы убрались, замѣтилъ полковникъ, рассматривая изъ окна какъ верховые, человекъ двадцать приведенной *пателемъ* прислуги, зажигали факелы.

Черезъ часъ мы остановились у воротъ довольно большаго бѣнглоу, и насъ встрѣчалъ улыбаясь нашъ простоволосый слутникъ Бенгалецъ. Введя всю нашу компанію во дворъ и подъ веранду, онъ объяснилъ намъ что зная напередъ что наше „американское“ упрямство возстанетъ противъ всякаго предостереженія, онъ пошелъ на хитрость которая къ счастью и удалась.

— А теперь отправимся умыться и за ужинъ...

И онъ добавилъ наклоняясь ко мнѣ:—Вы давно желали присутствовать на чисто индусскомъ обѣдѣ или ужинѣ. Ваше желаніе теперь исполняется. Нашъ хозяинъ браминъ, и вы первые Европейцы переступающие порогъ его *семейнаго*, жилого дома...

XIV.

Кому когда-либо приходило въ Европѣ въ голову что есть на бѣломъ свѣтѣ такая страна гдѣ каждый шагъ въ жизни человека, малѣйшій его поступокъ, особенно въ домашнемъ быту, самое незначительное дѣйствіе, связаны съ религиозными постановленіями и *не могутъ* быть иначе совершены какъ по извѣстной программѣ? Въ этой странѣ не только всѣ крупныя эпизоды жизни, всѣ главныя выдающіяся черты ея, какъ-то: зачатіе, рожденіе, переходъ изъ одного періода жизни въ другой, женитьба, родительское званіе, старость и

наконецъ смерть, но даже всѣ ежедневныя отправленія, функціи физическія и физиологическія, какъ напримѣръ утреннія омовенія, туалетъ, *вѣда et tout ce qui s'en suit*, со дня рожденія до послѣдняго вздоха,—все это должно быть исполнено по установленному браманами шаблону, *подъ опасеніемъ отлученія отъ касты*. Брамановъ можно улодобить музыкантами оркестра, въ которомъ разнохарактерныя инструменты представляютъ безчисленныя секты этой страны. Всѣ оны различной формы, разнятся и въ звукахъ; тѣмъ не менѣе всѣ подчинены одному и тому же капельмейстеру.

Насколько бы эти секты ни отличались одна отъ другой въ толкованіи своихъ священныя текстовъ, и какъ бы враждебно ни относились онѣ другъ къ другу, стараясь выставить впередъ и возвысить надъ прочими каждая свое божество, но всѣ онѣ и каждая изъ нихъ, слѣло повинясь вѣками установленнымъ обычаемъ, обязаны слѣдовать, какъ музыканты, одному дирижерскому жезлу—законамъ Ману. На одномъ этомъ пунктѣ онѣ сходятся и составляютъ единадушную, единомыслящую общину, крѣпко, неразрывно связанную массу. И горе тому кто въ этой общей симфоніи произвольно или даже нечаянно сфальшивить! Старшины (должность у Индусовъ наследственная) и выбираемый пожизненно верховный совѣтъ каждой касты или даже суб-касты (коихъ множество) держатъ членовъ своей общины что называется въ „ежовыхъ рукавицахъ“. Ихъ рѣшенія безапелляционны, и поэтому-то исключеніе или, по принятому выраженію, „отлученіе“ отъ касты является однимъ изъ самыхъ страшныхъ наказаній, влекущимъ за собою ужасныя послѣдствія. „Отлученный“ хуже прокаженнаго, такъ какъ солидарность между кастами, особенно въ этомъ отношеніи, вѣчто феноменальное и можетъ сравниться развѣ лишь съ солидарностью сыновъ Лойолы. Если, при самомъ строгомъ соблюденіи всѣхъ требованій, члены двухъ разныхъ кастъ, хотя бы и связанные самыми горячими чувствами взаимнаго уваженія и дружбы, не могутъ не только вступать между собою въ бракъ или вмѣстѣ обѣдать, но даже и выпить, принять стаканъ воды другъ у друга, или же выкурить вмѣстѣ кальянъ, то понятно насколько строже соблюдаются подобныя запрещенія касательно „отлученнаго“. Несчастный въ полномъ смыслѣ слова *умираетъ* для всѣхъ: для своихъ,

столько же какъ и для чужихъ. Даже собственное семейство: отецъ, мать, жена, дѣти обязаны или отвернуться отъ него, или же быть въ свою очередь отлученными. Нѣтъ надежды на замужество его дочерей, на женитьбу сыновей, какъ бы ни были дѣти неповинны въ наказуемомъ грѣхѣ...

Съ минуты „отлученія“ Индусъ какъ бы исчезаетъ для всѣхъ любившихъ и знавшихъ его. Его мать, жена, дѣти, не смѣютъ накормить его, ни даже позволить напиться изъ домашняго колодца. Никто изъ прежней касты, тѣмъ менѣе изъ другихъ, ни за какія деньги не осмѣлится ни продать ему, ни приготовить для него пищу. Ему буквально приходится или умереть съ голоду, или же еще болѣе *осквернить* себя, покупая необходимое у *безкастниковъ* или у Европейцевъ. Во времена браманской власти приказывалось обманывать и обворовывать „отлученнаго“, даже убивать его, такъ какъ онъ былъ *вне* закона. Теперь онъ, конечно, безопасенъ отъ послѣдняго; но теперь, какъ и тогда, если по волѣ судебъ ему случается умереть *до* своего прощенія и возвращенія въ касту, для него нѣтъ ни священнаго костра, ни обрядовъ очищенія: „мѣнги“ бросаютъ его въ кусты или въ воду какъ дохлое животное...

Понятно что противъ такой силы—она тѣмъ страшнѣе въ своей пассивности что противъ послѣдней законъ совершенно безсилезъ—не помогутъ ни западное воспитаніе, ни англійское вліяніе. Остается одно: каяться и подчиняться всевозможнымъ униженіямъ, а благодаря алчности брамановъ иногда и полному разоренію. Я знаю лично нѣсколько браминновъ, кончившихъ самымъ блестящимъ образомъ курсъ въ англійскихъ университетахъ, которые, вернувшись на родину, вынуждены были подвергнуться всѣмъ отвратительнымъ требованіямъ „очищенія“, а именно: сбривать половину усовъ и бровей, ползать голыми на животѣ вокругъ лагодъ, держаться по часамъ за хвостъ *священной* коровы читая молитвы, и наконецъ, ѣсть испраженія этой коровы! * Путешествіе за море (*каланани*, то-есть за „черную воду“) считается самымъ тяжкимъ изъ грѣховъ и требуетъ, вслѣдствіе этого, самыхъ строгихъ очищеній. На совершившаго такой поступокъ взираютъ какъ на человѣка

* Называется *панчъ-вайя*, дословно „пять коровьихъ“ (принадлежностей): смѣсь изъ молока, масла, сыворотки, мочи и экскрементовъ...

который отъ самой минуты отъѣзда на корабль *беллати* (иностранцевъ) до минуты возвращенія осквернился постоянно... Всего нѣсколько дней тому назадъ, одинъ нашъ знакомый, докторъ юриспруденціи, блистательно окончившій курсъ въ Англіи, вынужденъ былъ пройти чрезъ подобное „чистилище“ и чуть съ ума не сошелъ. На наше замѣчаніе для чего же ему подчиняться всему этому если, по собственному сознанію, онъ давно пересталъ вѣрить въ браманизмъ и сдѣлался ярымъ „материалистомъ“, онъ намъ привелъ причины противъ которыхъ возражать было невозможно. „У меня въ домѣ двѣ дочери (говорилъ онъ), одна пяти, другая шести лѣтъ; если я ихъ не выдамъ замужъ, особенно старшую, въ продолженіе этого года, то ихъ станутъ считать перезрѣлыми и на нихъ уже никто не женится. Долустивъ чтобы меня отлучили, я ихъ этимъ обезпечу, поставлю въ невозможность найти мужей и сдѣлаю ихъ на вѣки несчастными. Затѣмъ старуха мать до того суевѣрна что, вслѣдствіе такого семейнаго позора, непременно кончить съ собою: она уже не разъ грозила мнѣ самоубійствомъ“... Но, быть-можетъ, замѣтятъ намъ: почему бы ему, человѣку образованному, разомъ не разорвать всякую связь съ браманизмомъ и кастой? Почему бы не соединиться съ другими товарищами въ подобномъ ему положеніи? Забравъ семейство и всѣхъ ему близкихъ—не перейти цѣлою колоніей на сторону цивилизаціи, присоединиться къ Европейцамъ?

Вопросъ весьма естественный, но и отвѣтъ на него далеко не затруднителенъ. Какъ въ знаменитомъ отвѣтѣ одного маршала Наполеону, изъ тридцати двухъ приведенныхъ имъ причинъ почему нельзя было атаковать нѣкоей крѣпости, первою причиною являлось отсутствіе пороха, такъ что о другихъ причинахъ и спрашивать было нечего, такъ и изъ многихъ причинъ почему для Индуса немислимо *обевропеиться*—первая должна оказаться совершенно достаточною и конечно не потребуетъ указанія остальныхъ. Разрубивъ Гордіевъ узелъ, Индусъ не только не помогъ бы горю, но попалъ бы прямо изъ огня да въ полымя. Будь у него семь лядей во лбу, будь онъ въ наукѣ соперникомъ какого-нибудь Тиндала, въ политикѣ равенъ Дизраэли и Бисмарку, принадлежи онъ къ знатнѣйшему роду,—какъ только онъ отрекается отъ своей касты и соотчичей, такъ разомъ становится въ положеніе

гроба Магомета: говоря метафорически, онъ повиснетъ между небомъ и землею!...

Мудрая поговорка: „отъ своихъ отсталъ, а къ чужимъ не присталъ“, кажется, сложена нарочно для этого злополучнаго народа. Напрасно воображаютъ будто отстраненіе какъ Индійцевъ-магометанъ, такъ и Индусовъ * отъ гражданской службы есть лишь результатъ несправедливой, трусливой политики боящейся привлеченія своихъ заклятыхъ враговъ къ управленію страной. Общественный остракизмъ и совершенно откровенно выказываемое со стороны Англичанъ враждебно-презрительное чувство „вышей“ къ „низшей“ (по англійскимъ понятіямъ) расъ играетъ въ этомъ вопросѣ гораздо болѣе серьезную роль нежели предполагаютъ даже въ Англіи. Это незаслуженное презрѣніе выказываемое при всякомъ случаѣ туземцамъ (включая тутъ и мусульманъ) съ каждымъ годомъ расширяетъ между двумя націями пропасть, которой имъ вѣками не засылать. Приведу два примѣра.

Мы гостили у одного весьма вліятельнаго здѣсь лица, редактора англійской газеты, и имѣли случай познакомиться съ однимъ чрезвычайно замѣчательнымъ мусульманиномъ молодымъ человѣкомъ изъ высшей туземной аристократіи, Сеидомъ М. Что туземецъ принятъ въ домъ посѣщаемомъ всѣмъ мѣстнымъ англійскимъ beau monde объясняетъ двумя причинами: во первыхъ, мистеръ С*** далеко не заурядный Англичанинъ, а джентльменъ въ полномъ смыслѣ этого слова; во вторыхъ, этотъ куріозъ, какъ намъ кажется, можно отчасти объяснить тѣмъ что Сеидъ М., не въ примѣръ прочимъ, носитъ европейское платье, воспитывался въ Англіи и человѣкъ не только талантливый, но въ добавокъ сумѣвшій заставить даже Англичанъ уважать его. Горячій патріотъ, онъ бросилъ адвокатуру, обѣщавшую ему громкое имя и еще большее состояніе, и перешелъ въ гражданскую службу, принявъ мѣсто судьи въ незначительномъ округѣ изъ-за одной надежды, по его словамъ, „хоть сколько-нибудь улучшить политическое и общественное положеніе туземцевъ“. Единственный бытъ - можетъ примѣръ между индійскими

* Европейцы весьма часто впадаютъ въ ошибку, смѣшивая индійскихъ мусульманъ съ *Индусами*. Первые даже оскорбляются этимъ названіемъ и зовутъ себя индійскими *Моголами*. Тѣ—Семиты, а Индусы Арійскаго племени и разнятся отъ нихъ во всемъ.

мусульманами, онъ не дѣлаетъ разницы между Могулами и Индусами и одинаково горячо защищаетъ интересы обѣихъ расъ. Его любовь къ Индусамъ даже чуть ли не горячѣе привязанности къ одовѣрцамъ: мать Сеида была перешедшею въ мусульманство браминькой..

— Всѣ мы, туземцы, дѣти одной и той же несчастной матери нашей, Индіи, говорилъ онъ намъ недавно, выражаясь привычнымъ ему восточнымъ и весьма поэтическимъ слогомъ.— Сыны одной горькой участи, мы должны дружно нести ее, а не растревлять наболѣвшія язвы распри между двумя фанатическими религіями.

Это говорилось вслѣдствіе только что происшедшаго публичнаго въ Бенаресѣ лобовища между Могулами и Индусами во время и по случаю религиозныхъ празднествъ у первыхъ.

Сеидъ М.^{***} заѣзжалъ къ намъ каждый день и обыкновенно тотчасъ же заводилъ бесѣду о „болячкахъ“ Индіи, какъ онъ ихъ называлъ, и по дѣлымъ часамъ бывало спорили—С. оставая Англичанъ, М. доказывая угнетенное положеніе туземцевъ, несправедливость къ нимъ англо-индійскаго общества и невыносимое высокомеріе Британцевъ въ Индіи. Разъ у нихъ зашелъ споръ горячѣе обыкновеннаго, по поводу только что вышедшихъ въ Калькуттѣ новыхъ гражданскихъ служебныхъ постановленій. М. спрашивалъ почему, на примѣръ, изъ двухъ чиновниковъ, Англичанина и туземца, въ совершенно равныхъ чинахъ и занимающихъ совершенно одинаковыя должности (окружнаго судьи на примѣръ), Англичанинъ получаетъ на 35, а иногда съ разными напѣжками и на 60 процентовъ болѣе годоваго оклада нежели полагается на той же должности туземцу? Первому выдаются для лѣтней кочевки экстренныя суммы, такъ-называемыя „лагерныя“, каждый годъ „вспомогательныя“, а туземцу *ничего* кромѣ жалованья? „И вѣдь все это изъ денегъ Индіи (добавилъ онъ), то-есть изъ кроваваго лота несчастной дойной коровы Англичанъ, коровы уже до того передоенной что слѣдуетъ только удивляться какъ у ней до сихъ поръ не отвалилось вымя“...

Припертый такимъ образомъ къ стѣнѣ, С., блестящій писатель и такой же ораторъ, знакомый съ политическимъ направленіемъ Калькуттскаго кабинета какъ съ собственнымъ карманомъ, не напелся что на это отвѣтить и сказалъ парадоксальную глупость: „Не забудемъ (пробормоталъ онъ) что

мы въ этой странѣ *изгнанники*; что вы, Индійцы, по вашему же собственному сознанію, нуждаетесь въ насъ, и что *было бы несправедливостью заставлять насъ служить вашей странѣ безъ хорошаго вознагражденія*. Вы, туземцы, обязаны платить намъ; наши нужды, наконецъ, болѣе вашихъ“...

У М. отъ изумленія даже опустели руки.

— „Изгнанники?“... воскликнулъ онъ наконецъ. — Вы изгнанники? Да кто же васъ просилъ пріѣзжать сюда изъ-за морей спасать насъ! Неужели...

Но онъ не докончилъ. Подъ перестрѣльнымъ огнемъ нашихъ изумленныхъ взглядовъ, при этой комической выходкѣ, самъ С. расхохотался надъ самимъ собою... Онъ видимо старался замаять этотъ щекотливо-политическій разговоръ. Но М. не унимался; очевидно у него сильно накопѣло на сердцѣ, и онъ черезъ нѣсколько минутъ снова повелъ атаку.

— Вотъ, замѣтилъ онъ, — мы съ вами старые друзья, и вы принимаете меня какъ равнаго. Но вѣдь это не потому что мои прадѣды были въ продолженіе столькихъ вѣковъ первыми сановниками Могульской имперіи, или что мы ведемъ свой родъ прямо отъ дочери Магомета... А просто отъ того что я въ Англіи сдѣлался болѣе или менѣе похожимъ на *джентльмена*, что я ношу черный фракъ и, при случаѣ, даже ладьяны перчатки. Иначе, и въ туземномъ костюмѣ, хотя онъ красивѣе вашихъ черныхъ мѣшковъ, вы стыдились бы принимать меня, тѣмъ болѣе сажать за свой столъ.

И на горячій протестъ хозяевъ онъ прибавилъ:

— Не спорьте, С.; а главное, не отвѣчайте за другихъ, такъ какъ я вамъ сейчасъ же докажу что вы не правы и что есть между вами лица въ глазахъ которыхъ даже мой черный фракъ не спасаетъ меня. Вчера, напрямѣрь, леди К. не приняла моего визита. Это бы еще ничего. Но знаете ли что она приказала сказать мнѣ, черезъ секретаря лорда К., ея супруга? Фраза знаменательная, уже облетѣвшая весь городъ и обрисовывающая въ нѣсколькихъ штрихахъ наше политическое и социальное положеніе. Она приказала мнѣ передать свое „удивленіе“... Я долженъ былъ знать что лордъ К., ея высокородный супругъ и мой начальникъ, три дня тому назадъ уѣхалъ изъ города, а что „жены“ сановниковъ ни въ Англіи, ни въ Индіи, не имѣютъ обыкновенія принимать визиты „по службѣ“. Иными словами, что ей и въ голову не могло придти чтобы туземецъ „осмѣлился“ сдѣлать англій-

скому семейству визитъ наравнѣ съ другими смертными, кромѣ развѣ по *служебнымъ обязанностямъ*.

— Лэди К. этимъ показала только свою природную глупость, вслѣхвуда мистриссъ С.—Никто кромѣ нея не сдѣлалъ бы вамъ подобной дерзости.

— Совсѣмъ вѣтъ, отвѣчалъ повидимому спокойно мусульманинъ.—Дѣлали мнѣ весьма часто и другія ваши дамы, и даже ихъ мужья, мои собственные сослуживцы, такія же ничѣмъ не вызванныя дерзости.—И онъ назвалъ нѣсколько именъ.—А если я, въ моемъ исключительномъ для туземца положеніи, подверженъ таковымъ, то чего же приходится ожидать другимъ, менѣе фаворизованнымъ судьбой и правительствомъ туземцамъ?

Онъ сидѣлъ нагнувшись надъ чашкой и говорилъ тихо, повидимому сохраняя полное хладнокровіе. Только ложечка, которою онъ машинально постукивалъ о блюдечко, слегка дрожала въ его рукѣ, да черные глаза налились кровью и лытели...

— За Англію, которая меня воспитала, продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ,—за правительство, которому я присягалъ въ вѣрности и которому служу, я готовъ отдать, ради моей же возлюбленной Индіи, жизнь. Мы, какъ народъ, неспособны теперь управлять страной безъ чужой помощи, это я знаю, хотя худо ли, хорошо ли, а управляли ею вѣками, и страна была и богаче и счастливѣе. Но я сознаю что теперь, за послѣднее столѣтіе, мы выродились и что помощь Англіи намъ необходима. Но если я присягалъ въ вѣрности правительству, то не дѣлалъ еще ничего подобнаго въ отношеніи къ обществу и частнымъ лицамъ... и я *ненавижу ихъ!*... Помните мои слова: если Англіи когда-нибудь снова придется бороться съ мятежомъ, то этому виной будетъ единственно англійское же общество; и случится это вслѣдствіе до бѣшенства доводящаго туземцевъ презрительнаго высокомерія посылаемыхъ сюда вашихъ чиновниковъ. Намъ все твердятъ о тиранинн и деспотизмѣ Россіи; насъ пугаютъ жестокостью ея правительства. Да знаете ли вы что на это отвѣчаютъ хоть бы наши мусульмане, потомки султановъ, сердарей, героевъ и величайшихъ государственныхъ людей прошлыхъ вѣковъ? Они говорятъ слѣдующее: да; быть-можетъ администраторы Россіи и жестоки и ея правительству не сравниться съ „благодущнымъ“ правительствомъ ея величества императрицы

Индіи. Но когда мы читаемъ и слышимъ со всѣхъ сторонъ что въ Россіи такой-то генералъ—*мусульманинъ*, другой—Армянинъ и, несмотря на это, главнокомандующій цѣлою арміею, между тѣмъ какъ у насъ послѣдній англійскій солдатъ скорѣе дезертируетъ нежели согласится повиноваться и признать начальникомъ *туземца*, будь послѣдній хоть принцъ крови, то сравнивая нашу горькую участь съ судьбой и надеждами каждаго вѣрнаго Россіи ивообрца и иволеменника, у насъ вевольво шевелится на душѣ вопросъ: чѣмъ же это мы одни заслужили подобныя униженія? Почему это только насъ однихъ держатъ въ черномъ тѣлѣ? И, въ безмолвномъ отчаяніи созная всю безвыходность нашего положенія, вельзя намъ подчасъ и не позавидовать положенію нашего брата мусульманина—въ такъ-называемой вами *деспотической Россіи*!..

Второй примѣръ. Семейство одного извѣстнаго и очень ученаго доктора медицины въ Бомбей, уроженца Гоа, по фамиліи Португальца. Уже болѣе трехъ поколѣній они христіане-католики, но правды какъ мужа такъ и жены были чистокровными высокорожденными браманами. И мужъ, и жена воспитывались за границей и получили превосходное образованіе. Мужъ—кавалеръ нѣсколькихъ почетныхъ орденовъ, членъ многихъ ученыхъ обществъ и находится на хорошемъ счету въ Азіатскомъ Королевскомъ Обществѣ. Жена—молодая двадцатилѣтняя женщина, превосходно образованная, обладаетъ восхитительнымъ голосомъ. *Ни тотъ, ни другая въ общество не примытѣ*. На ихъ музыкальныхъ вечерахъ по вторникамъ, кромѣ нѣсколькихъ журналистовъ изъ европейской *богеми*, не найдется ни одного лавочника-Англичанина; изъ дамъ положительно ни одной. „*Помилуйте*“, заволатъ либеральнымъ барыни и барышни, юность которыхъ, быть-можетъ, протекла въ какой-нибудь задней лавкѣ Оксфордской улицы, „*помилуйте! Кто же водитъ знакомство съ подобными неграми?*“..

Чѣмъ-то страннымъ, чудовищно невѣроятнымъ покажется нашимъ русскимъ читателямъ слѣдующій замѣчательный фактъ: главною преградой между этимъ экзотическимъ семействомъ и чваннымъ англо-индійскимъ обществомъ является ихъ *обращеніе въ христіанство*, хотя и насильственное, какъ всѣ такія обращенія послѣднихъ двухъ вѣковъ въ португальской Гоа, гдѣ ихъ крестили между тюрьмой и иквизиціей съ ея рафинированными пытками. Не

потому что они католики, а просто по той причинѣ что они *никогда были Индусами*, и что въ нихъ, какъ презираемыхъ мулатахъ Америки, течетъ, по выразительной терминологіи здѣшняго высоко-образованнаго общества, „хамова кровь“; потому что они потомки „низшей“ расы (halfcastes) и наравнѣ съ „Юразіями“ (Eurasians, то-есть евр-азіаты, имя образовавшееся изъ сліянія Европы и Азіи) равно презираемы какъ туземцами такъ и христианами-Европейцами. Будь они чистые идолопоклонники Индусы, Парсіицы или сыновья Пророка магометане, то раза два въ годъ они еще имѣли бы шансъ быть приглашенными на одинъ изъ тѣхъ балаганныхъ баловъ въ „правительственномъ домѣ“ когда этотъ домъ, какъ боченокъ съ сельдами, набивается многими тысячами туземцевъ, которые наравнѣ со стѣнными украшеніями ставятся кругомъ въ нѣсколько рядовъ и затѣмъ забываются.

Ради яснѣйшаго понятія о туземцахъ Индіи, мы здѣсь распространились объ этомъ вопросѣ быть-можетъ болѣе нежели слѣдовало; какъ бы то ни было, но злополучные Индусы, въ виду всего этого, предпочитаютъ временное униженіе и всѣ страданія „очищенія“, какъ физическія такъ и нравственныя, подобной перспективѣ общаго презрѣнія до самой смерти.

Множество подобныхъ вопросовъ занимало насъ въ продолженіе тѣхъ двухъ часовъ которые намъ пришлось высидѣть до обѣда съ браманами. Это, какъ казалось съ перваго взгляда, опасное, почти невозможное ототупленіе отъ предписаній Ману—обѣдъ съ иностранцами и людьми другихъ кастъ—объяснялось на этотъ разъ просто. Вопервыхъ, толстый *пателъ* былъ *главою* своей касты, поэтому не боялся отлученія; вовторыхъ, онъ заранѣе принялъ всѣ предосторожности и предписанныя законамъ мѣры, дабы не *оскверниться* нашимъ присутствіемъ; а третьихъ, либераль въ душѣ и пріятель Гулабъ-Лалъ-Синга, онъ обѣщаль ему показать нашему обществу на дѣлѣ сколько софизма и тонкихъ уловокъ придумано хитрыми браманами дабы, сохраняя на видъ мертвую букву закона, въ то же время ловко вывертываться при экстренныхъ случаяхъ изъ-подъ его желѣзной руки. Къ тому же, онъ сильно желалъ, нашъ добродушный жирный хозяинъ, получить дипломъ отъ нашего общества и присоединиться къ числу членовъ онаго. Онъ слышалъ что полковникъ О., главный „коллекторъ“ (сборщикъ податей) его округа,

принадлежалъ къ „американскому обществу“, и поэтому искалъ, быть-можетъ, прислужиться намъ.

Таковы были, во всякомъ случаѣ, объясненія нашего *бабу* въ отвѣтъ на выраженное нами удивленіе. Намъ оставалось, стало-быть, только возрадоваться рѣдкому случаю и не угустить онаго. Кто разъ былъ допущенъ не только раздѣлать, но даже присутствовать при обѣдѣ брамана, тотъ становится какъ бы священнымъ въ его глазахъ. Не только самъ хозяинъ, но даже всѣ члены касты его взираютъ на такого счастливца какъ бы на принадлежащаго по крайней мѣрѣ *de jure* къ ихъ кастѣ. Но за то какъ рѣдки, почти невозможны такіе случаи!...

XV.

Индусы ѣдятъ всего два раза въ день (мы говоримъ о богатыхъ), утромъ въ десять и вечеромъ въ девять часовъ; оба раза трапеза сопровождается сложными обрядами и церемоніями. Въ остальное время дня никто, даже дѣти не ѣдятъ ничего, такъ какъ ѣсть безъ предписываемыхъ религіей заклинаній считается грѣхомъ. Тысячи образованныхъ Индусовъ давно перестали вѣрить въ эти суевѣрные обряды—остатки глубокой старины, но не взирая на это обязаны подчиняться имъ.

Нашъ хозяинъ Шамрад Бахунатджи принадлежалъ къ древней кастѣ „Патарскихъ Прабху“ (*Pátáres Prabhus*) и весьма гордился своимъ происхожденіемъ. Прабху (то-есть лорды, господа)—потомки кшатріевъ (воиновъ), родоначальникомъ коихъ былъ Ашвалати (700 лѣтъ до Р. X.), происходившій по прямой линіи отъ Рамы и Притту, которые, по мѣстной хронологіи, управляли Индіей въ *Двана* и *Третья Югахъ*. * Для нихъ однихъ браманы обязаны исполнять чисто-ведическіе обряды извѣстные подъ названіемъ „обрядовъ кшатріевъ“. Теперь ихъ зовутъ *Патанами* вмѣсто Патаровъ (то-есть

* То-есть по лѣточисленію Индусовъ въ *последнемъ* до настоящаго *Кали-Юга* и въ *предшествующемъ* тому *Югъ*, такъ какъ они дѣлятъ *Маха-Югъ* или „большой періодъ“ на четыре меньшіе періода (*Юга*), или по чисто арифметическому исчисленію около двухъ милліоновъ лѣтъ тому назадъ!!

„ладшіе“), и этимъ несчастіемъ они также обязаны родоначальнику своему царю Ашвалати. Разъ, раздавая милостыню святымъ отшельникамъ, онъ вчаянно обошелъ великаго Бригу. Оскорбленный этимъ, пророкъ и ясновидецъ проклялъ его, пригрозивъ что его царствованію скоро придетъ конецъ, а все потомство погибнетъ. Тогда царь бросившись къ его ногамъ сталъ умолять о прощеніи. Бригу наконецъ согласился простить его, но проклятiе святаго уже пустило корни, и все что онъ самъ могъ сдѣлать для поправленія дѣла было обѣщаніе не допустить его родъ до окончательной гибели. Вслѣдствіе этого Патары вскорѣ потеряли престолъ и даже всякую власть. Съ тѣхъ поръ имъ приходилось жить „перомъ“ и службой разнымъ правительствомъ, перемѣнить има Патаровъ на Патановъ (ладшихъ) и жить бѣдѣе нежели многіе изъ милліоновъ бывшихъ ихъ подданныхъ. Къ счастью, еще правды нашего словоохотливаго амфитріона перешли въ браманство, то-есть пролѣзли черезъ золотую корову...

Выраженіе „жить перомъ“, какъ мы узнали, относилось къ тому что со временемъ англійскаго владычества, почти всѣ должности писарей и мелкихъ чиновниковъ въ Бомбейскомъ президентствѣ заняты Патанами, какъ въ сѣверозападныхъ провинціяхъ ихъ занимаютъ бенгалійскіе бабу. Въ одномъ Бомбей ихъ насчитываютъ до 5.000. Они смуглые конканскихъ брамановъ, но за то и гораздо красивѣе и умнѣе. А таинственное выраженіе „пролѣзть черезъ золотую корову“ означало слѣдующее: Въ исключительныхъ случаяхъ и при готовности затратить большую сумму денегъ, не только кшатри, но даже презрѣнные шудры могутъ преобразоваться, такъ-сказать, въ „побочныхъ“ брамановъ. Настоящіе браманы, отъ которыхъ исключительно зависитъ эта метаморфоза, заставляютъ ихъ локупать это право за нѣсколько сотъ, а иногда и тысячъ коровъ. Затѣмъ, выливъ изъ чистаго золота корову которая освящается при разныхъ мистическихъ церемоніяхъ, кандидата заставляютъ пролѣзть три раза черезъ ея пустое отверстіе, и тогда подвергшійся такому искусу тотчасъ же перерождается въ брамана. Нынѣшній Траванкорскій махараджа и даже великій, недавно умершій махараджа Бенареса—оба шудры и нѣкогда купили себѣ подобнымъ образомъ желаемое право.

Всѣ эти свѣдѣнія какъ и исторически-легендарная хроника о Патарахъ были переданы намъ съ большою любезностью

нашимъ хозяиномъ. Попросивъ насъ готовиться къ ужину и обѣщавъ вернуться за нами чрезъ полчаса, почтенный Шамрао исчезъ, уводя съ собою и нашихъ кавалеровъ. Оставшись одинъ и пользуясь отсутствіемъ мушья, миссъ Б*** и я отправилась разсматривать лустой, какъ намъ казалось, домъ, захвативъ съ собою одного лишь простоволосаго бабу для объясненій. Бабу, какъ истый, современный Бенгадіецъ, презиралъ редигозныя приготовленія къ столу и поэтому находилъ лишнимъ „готовиться“. Онъ пошелъ съ нами.

„Прабху“, если ихъ нѣсколько братьевъ, всѣ живутъ въ одномъ бѣнглоу, и у каждаго женатаго брата непрѣменно своя особенная комната (если не отдѣльное помѣщеніе во дворѣ) и свой слуга. Домъ нашего хозяина былъ обширный, окруженный мевъшими пристройками занимаемыми его братьями, тогда какъ главное зданіе служило для гостей и заключало въ себѣ общую столовую, моленную или кумарню, комнату для родильницъ, другую для покойниковъ и т. д. Какъ и всѣ туземные бѣнглоу, весь нижній этажъ былъ окруженъ верандой (крытою галлереей) съ которой входы съ арками и безъ дверей вели въ большую, занимавшую весь нижній этажъ залу. Вокругъ этой комнаты, со всѣхъ ея четырехъ сторонъ шли деревянныя съ великолѣпною рѣзбой колонны поддерживавшія потолокъ верхняго этажа и замѣнявшія въ этомъ случаѣ стѣны. Мнѣ почему-то показалось что эти колонны когда-то должны были украшать одинъ изъ дворцовъ „мертвого города“. Рѣзба была совсѣмъ не индусскаго характера, и вмѣсто боговъ, баснословныхъ чудовищъ и звѣрей, колонны были покрыты арабесками съ изящно вырѣзанными цвѣтами и листьями. Колонны поставлены вблизи одна отъ другой, но редьефная работа не позволяла имъ однако составлять одну сплошную стѣну, вслѣдствіе чего вентиляція оказывалась немногo форсированною: во время нашего сидѣнія посреди столовой, насъ продувалъ изъ-за каждой колонны сильный сквозной вѣтеръ и со всѣхъ четырехъ сторонъ жужжали миниатюрные ураганы, буда всѣ уснувшія было въ климатѣ Индіи ревматизмы и зубную боль. Весь фасадъ дома былъ покрытъ прибитыми къ стѣнамъ и надъ окнами желѣзными подковами—вѣрнѣйшее средство противъ злыхъ духовъ и отъ глазу. Къ правой сторонѣ фасада была прилѣплена пристройка—высокая комната, называемая „озри“; изъ этой „озри“ во всѣхъ туземныхъ домахъ ведетъ на верхъ (рѣзной работы какъ

и все прочее) лѣстница, у подножія которой на большой височей безъ ножекъ кровати, спускающейся съ потолка на желѣзныхъ цѣпахъ, лежалъ въ натуральную величину идолъ, котораго я сперва приняла за слящаго Индуса и даже готовилась было ретироваться. Узнавъ однако нашего стараго друга Ханумана, я расхрабрилась и стала его разсматривать... Увы! отъ когда-то цѣлаго бога оставалась одна лишь голова; остальное, долженствующее представлять тѣло, оказалось старыми тряпками... Налѣво отъ веранды находился еще рядъ пристроенныхъ комнатъ; каждая изъ нихъ имѣла особенное назначеніе. Такъ одна служила комнатою для родильницъ; другая—для злополучныхъ вдовъ; третья—для покойниковъ и, наконецъ, большая комната называемая „ваттаъ“. Это комната для прекраснаго пола который хотя и не обязанъ прятаться подъ вуалью какъ мусульманки и проводить жизнь въ гаремахъ, имѣетъ однако весьма мало общенія съ мужчинами и держится совершенно особнякомъ. Здѣсь женщины только готовятъ лицу для мужчинъ, но не обѣдаютъ вмѣстѣ съ ними; онѣ часто пользуются уваженіемъ и даже иногда робкою почтительностью со стороны мужа; но тѣмъ не менѣе не осмѣлятся съ нимъ заговорить не только при постороннемъ лицѣ, но даже при его сестрахъ и матери. Что же касается вдовы въ Индіи, то это самое несчастное существо въ мірѣ. Какъ только умираетъ мужъ, ей сбиваютъ волосы и брови навсегда. Всѣ ея украшенія снимаются: и серги изъ ушей, и кольца изъ носу, браслеты съ рукъ и ногъ, и перстни со всѣхъ двадцати пальцевъ. Она буквально *умираетъ* для своего семейства какъ и для свѣта, и даже „мѣягъ“ не женится на ней, такъ какъ самое легкое къ ней прикосновеніе оскверняетъ мужчину и онъ долженъ тутъ же бѣжать „очищаться“. На ея долю выпадаетъ самая черная работа въ домѣ, и ей не позволено вѣсть вмѣстѣ съ замужними женщинами или дѣтьми. Самосожженіе вдовъ („сутти“) запрещено, но брамавы взяли свое: всѣ вдовы жалѣютъ о кострѣ.

Наконецъ, осмотрѣвъ послѣднюю комнату—святилище Индусовъ, „кумирню“ наполненную идолами, предъ которыми стояли цвѣты, горѣли лампы, свѣчи и курился енимамъ въ богатой бронзовой вазѣ, а полъ былъ густо усыпанъ *тульзи* и другими ароматическими травами, мы отправились одѣваться. Послѣ умыванія насъ заставили снять обувь: таковъ

обычай, и намъ оставалось лишь подчиниться или отказаться отъ браманскаго ужина. Но насъ ожидалъ еще болѣе неожиданный сюрпризъ. Войдя въ столовую, мы просто остолбѣли: оба наши европейскіе кавалера были одѣты или скорѣе раздѣты... Индусами!

Изъ приличія на нихъ оставили нѣчто въ родѣ безрукавыхъ фуфаякъ, они были босы, съ обмотанными вокругъ бедеръ снѣжной бѣлизны *дотти* и представляли нѣчто среднее между бѣлыми Индусами и константинопольскими *gagons de bains*. Оба были невыразимо смѣшны, и я не знаю ничего уморительнѣе Европейца въ подобномъ костюмѣ. Къ великому смущенію мушьянъ и, какъ полагаю, скандалу серьезныхъ хозяекъ, я расхохоталась на весь домъ. Сорокапятилѣтняя миссъ Б*** старалась покраснѣть, но тутъ же послѣдовала моему примѣру. Худшее совершилось; посмотрѣть что далѣе..

Церемоніи и обряды о которыхъ только-что шла рѣчь достигаютъ у Индусовъ полнаго алогейя предъ каждымъ обѣдомъ и ужиномъ. За четверть часа до того какъ садиться за ѣду, каждый Индусъ отъ мала до велика обязанъ совершить *пуджу* предъ богами. Онъ не перемѣняетъ бѣлья, но снимаетъ даже то малое чѣмъ прикрывается во время дня. Выкупавшись у колодца, то-есть умывъ себѣ руки, ноги и лицо, онъ распускаетъ длинную прядь волосъ на макушкѣ бритой головы и остается простоволосымъ; * обѣдать одѣтымъ или съ покрытою головой считается у Индусовъ грѣхомъ. Обмотавъ бедра бѣлою *шелковою дотти* (шелкъ обладаетъ свойствомъ отгонять злыхъ духовъ обитающихъ въ магнетическихъ токахъ атмосферы, говоритъ Мантра, книга V, стихъ 23), они идутъ поклониться идоламъ и затѣмъ уже садятся за трапезу.

За симъ, позволю себѣ еще разъ сдѣлать маленькое отступление, хотя бы ради невольна являющагося вопроса: не таится

* Одни *Бенгалійцы* носятъ короткіе волосы не сбывая на головѣ ничего; *Пенджабы* также не брѣютъ волосъ, но носятъ ихъ во всю вырастающую длину и никогда не стригутъ ихъ, пряча ихъ только днемъ подъ бѣлую чалму. *Раджпуты* тоже сохраняютъ длинные волосы, подбирая ихъ на затылкѣ. Но *Маораты* и *Декканцы* носятъ волосы на подобіе Ирокезцевъ оставляя одинъ длинный чубъ, какъ то бывало дѣлали Запорожскіе казаки.

ли за этимъ кажущимся суевѣрїемъ о духахъ и шелкѣ чего-либо болѣе глубокаго. Уже давно, хотя изрѣдка и съ видимымъ нежеланїемъ разстаться съ излюбленною учеными идеей что всѣ обычаи древности и язычества основаны де на одномъ лишь *невѣжествѣ* и грубомъ *суевѣрїи*,—уже давно, говорю я, стали открывать что нѣкоторые изъ этихъ обычаевъ, казавшихся столь недѣльными съ перваго взгляда, возникли изъ чисто научнаго принципа. Почему же не предположить скорѣе что древнїе ввели подобный обычай хорошо зная свойства и благотѣльное вліанїе электричества въ соприкосновенїи съ голымъ тѣломъ человѣка на органы пищеваженїя? Тѣ которые изучали древнюю философію Индіи, съ твердымъ намѣренїемъ проникнуть въ тайный смыслъ ея афоризмовъ, въ большинствѣ случаевъ убѣдились что съ самыхъ древнихъ временъ свойства электричества были въ значительной долѣ извѣстны такимъ философамъ какъ напримѣръ Патанжаліи. Чарака и Шущрутъ изложили систему Гиппократа еще за нѣсколько вѣковъ до того кого на Западѣ такъ долго называли „отцомъ медицины“. Исчисленїя Сурьи-Сидхенты доказывающїя что онъ зналъ и исчислилъ силу паровъ, вѣка тому назадъ, неизгладимо начертаны на камнѣ что хранится въ Бедринатскомъ храмѣ Вишну. Древнїе Индусы первые вычислили скорость свѣта и опредѣляли законы которымъ онъ слѣдуетъ въ своемъ отраженїи; а Пиагорова таблица и его знаменитая теорема о свойствѣ квадрата гипотенузы находится въ древнихъ книгахъ Джіотіши (*Geotishā*). Еще недавно западные математики указывали на Гилларха Никейскаго какъ на отца тригонометріи, хотя все что они когда-либо могли узнать о немъ почерпнуто ими со словъ его же ученика Птоломея; а теперь здѣсь найдена древняя рукопись доказывающая что „уравненїе центра“ (*équation du centre*) было извѣстно Индусамъ задолго до Р. X. Даже въ наши времена (въ 1880 году живетъ въ Индіи и коптитъ на должности помощникомъ судьи въ какомъ-то захолустѣ нѣкій Диванаеъ Атмарамъ Дальви (*M. A. L. L. B.*, то-есть магистръ наукъ и бакалавръ юриспруденціи), величайшїй, быть-можетъ, математическїй гевїй въ мірѣ. По свидѣтельству самого директора народнаго просвѣщенїя въ Индіи—Пэйла—онъ, Дальви, доказалъ (три года тому назадъ) что великїй Ньютонъ въ своей „*Rule for Imaginary Roots*“ *ошибался съ начала до конца*, и что примѣненїе сего Ньютоновскаго правила совершенно не дости-

гаетъ цѣли. Тотъ же Дальви разбилъ нѣкоторыя теоремы одного изъ величайшихъ англійскихъ математиковъ профессора Сильвестра въ пухъ и прахъ... *

Все это дозволяетъ намъ предполагать что древнiе Ариѳцы, устанавливая этотъ страшный обычай носить во время *вды шелковые* „дотти“, имѣли въ виду нѣчто серьезнѣе нежели отводъ отъ „демоновъ“. Хотя странно что даже въ нашъ просвѣщенный вѣкъ есть ученые доктора спиритуалисты которые (какъ Dr. Евгенийъ Кроуэлъ, въ Нью-Йоркѣ) лишутъ цѣлымъ ученымъ диссертациі доказывая что такъ-называемымъ „медіумамъ“ одно спасеніе отъ злыхъ духовъ-кикиморъ—носить на головѣ и груди плотно завязанные *шелковые* платки, и хотя почтенный Кроуэлъ еще не совсемъ ясно доказалъ ученому міру что кикиморы вообще (американскія въ особенности) дрожатъ предъ произведеніемъ шелковичныхъ червей, за то онъ совершенно ясно и логично объясняетъ роль шелковой матеріи въ отношеніи къ электричеству. А поэтому...

За нами явился хозяинъ, и мы отправились въ столовую.

Войдя въ „тралезную“, мы тотчасъ же увидали въ чемъ состоятъ предохранительныя мѣры Индусовъ отъ оскверненія. Каменный полъ залы былъ раздѣленъ на двѣ равныя половины чертой нарисованною мѣломъ со странными кабалистическими знаками по коврамъ. Одна половина предназначалась для хозяевъ и однокостиковъ, другая — для насъ. Въ сторонѣ находился еще третій квадратъ для нашихъ туземныхъ слугачиковъ другой касты. За исключеніемъ этого легкаго барьера, обѣ половины были

* Въ случаѣ (и этотъ случай непременно случится), кто-нибудь изъ нашихъ русскихъ математиковъ, поклонниковъ серж-Исаака Ньютона, „воссерчаетъ“ на такое бездоказательное (пока) кощунство противъ великаго математика и усумнится въ моемъ заявленіи, я предлагаю каждому до *любви* недозволенныхъ включительно—обратиться въ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей* съ просьбой дать мнѣ знать по моему адресу о такомъ сомнѣніи. Я не медля вышлю, въ помянутую редакцію нѣсколько брошюръ Атиарама Дальви въ коиъ онъ пространно и (по сознанію лучшихъ профессоровъ) неопровержимо доказываетъ въ чемъ состоятъ ошибки Ньютона. Брошюры будутъ высланы мною *бесплатно*, изъ одной любви къ справедливости и дружбы къ автору, гениі котораго напрасно пропадаетъ въ неизвестномъ захолустьи Индіи. Брошюры напечатаны по-англійски. (Аст.)

одинаковы. Вдоль двухъ противоположныхъ стѣнъ узкіе ковры съ подушками и низенькими скамеечками для сидѣній, по числу ужинавшихъ; а предъ каждымъ сидѣніемъ на голомъ полу продолговатый квадратъ раздѣленный какъ шахматная доска на меньшіе квадратики—тоже мѣломъ, предназначаемые для различныхъ блюдъ и тарелокъ. Послѣднія замѣнялись толстыми и крѣпкими листьями остъ-индскаго дерева „така“ (*Butea frondosa*): большія блюда—изъ нѣсколькихъ листьевъ скотытыхъ вмѣстѣ шилами, блюдечки—изъ одного закругленнаго по бокамъ листа. Весь ужинъ былъ налицо и стоялъ предъ каждою скамейкой; мы сосчитали сорокъ восемь такихъ блюдечекъ изъ малыхъ листьевъ на которыхъ лежало по *глотку* яствъ—сорока восьми сортовъ! Всѣ эти кушанья являлись намъ матеріаломъ изъ terra incognita, нѣкоторыя оказались чрезвычайно вкусными, а ужинъ состоялъ изъ строго растительной пищи; говядина, птицы, яйца, рыба были изгнаны изъ этого мѣста. Тутъ были и *чати* маринаванья въ меду и уксуѣ, фрукты и овощи; и *панчалритъ*—смѣсь изъ лампелло (ягоды), тамаринда, кокосоваго молока, патоки и прованскаго масла; и *кушмеръ* изъ редисокъ, меда и муки; и прожигающія насквозь ротъ пикули, и пряности, и т. д. Все это довершалось горою великолѣпно изготовленнаго риса и другою горой *чанати*—лелешекъ въ родѣ грузинскихъ „чурековъ“. Блюда стояли въ четыре ряда, по 12 въ рядѣ, а между каждымъ рядомъ дымилось по три курительныхъ ароматныхъ палочки, величиной съ копѣечную церковную свѣчу. Вдоль всего нашего отдѣленія ярко горѣли красныя и зеленыя свѣчи въ семи огромныхъ, странной формы канделябрахъ представляющихъ каждый семиглавую кобру, обвившую хвостомъ древесный левъ и поднимающую во всѣ стороны головы. Изъ семи ртовъ ея подымались семь тонкихъ, завитыхъ штопоромъ красныхъ и зеленыхъ восковыхъ свѣчей. Дующій изъ-за всѣхъ колоннъ сквозной вѣтеръ развѣвалъ во всѣ стороны желтое пламя, наполняя нашу высокую трапезную фантастически прыгающими тѣнями и оставляя сильно чихать нашихъ „легко одѣтыхъ“ господъ. Оставляя темные силуэты Индусовъ еще болѣе въ тѣни, этотъ невѣрный свѣтъ тѣмъ рѣзче выбрасывалъ яркимъ блѣнымъ пятномъ этихъ двухъ Европейцевъ, какъ бы дразня и глумясь надъ ними...

Одинъ за другимъ входили родственники и однокастники хозяевъ. Всѣ они были нагими до пояса, со священнымъ

„тройнымъ“ шнуркомъ брамамовъ черезъ плечо, босые, съ распушенными волосами и всѣ въ бѣлыхъ шелковыхъ „дотти“. За каждымъ „саабомъ“ шель слуга несшій его чашку, два серебряные или даже золотые рукомыника и полотенеце. Всѣ они, поклонившись хозяину, подходили къ намъ поочередно и, сложивъ вмѣстѣ ладони, прикладывали руки ко лбу, ко груди и наконецъ нагибаясь дотрогивались ими до земли, проговоривъ: Рамъ-Рамъ и *намасте*. * Затѣмъ они поджавъ ноги молча садились на свои мѣста, напоминая мнѣ что этотъ древній обычай привѣтствовать другъ друга вдвойнѣ произносимымъ именемъ прародителя существуетъ съ доисторическихъ временъ.

Когда мы всѣ размѣстились, Индусы спокойные и величавые, какъ бы собираясь совершать таинство, мы, чувствуя себя не совсемъ ловко, не зная что дѣлать съ собою далѣе и боясь совершить, въ невинности души, какую-нибудь глупость и тѣмъ оскорбить хозяевъ, вдругъ раздалось изъ темнаго угла тихое лѣвнѣ нѣсколькихъ женскихъ голосовъ. Полдюжины „вотчей“ (лѣвицы и танцовщицы лагодъ) затановали въ унисонъ гимны и восхваленія богамъ. Тогда подъ этотъ шумокъ, проголодавшіяся и усталыя, мы принялись за ристъ который, по наученію и благодаря бабу, мы принялись ѣсть правой рукой, такъ какъ иначе еслибы мы стали ѣсть его лѣвою, то разомъ привлекли бы на пиръ цѣлую стаю *ракшаговъ* (демоновъ) и выгнали бы въ ужасъ всѣхъ туземцевъ. О ножахъ, вилкахъ и ложкахъ не было конечно и помину. Страхась провиниться невольно и по разсѣянности, я всунула лѣвую руку въ карманъ, крѣпко держась во все остальное время пиршества за носовой платокъ...

За исключеніемъ тихаго лѣвнѣ продолжавшагося всего нѣсколько минутъ, пиршество оказалось изъ самыхъ молчаливыхъ. Былъ лѣведѣльникъ—день постный, и правило гробоваго молчанія за лицей соблюдалось у нихъ въ тотъ день еще строже. Обыкновенно, когда при случаяхъ неизбѣжной необходимости случится кому проговорить хоть одно слово, то онъ слѣвшитъ, омочивъ средній палецъ дотолѣ спрятанной за спиною лѣвой руки въ воду, увлажить себѣ онымъ обѣ вѣки. Но дѣйствительно набожный человекъ не удоволь-

* Первое—имя обоготвореннаго ими героя; второе, въ буквальномъ переводѣ съ санскритскаго—„преклоняюсь предъ вами“.

отсутствіи такихъ символическихъ признаковъ молчаніе, онъ обязанъ тотчасъ же встать, умытья и уже въ тотъ день не допрашиваться до лица.

Благодаря подобному гробовому молчанію, мнѣ представлялась возможность наблюдать за всеми происходившими съ восточнѣйшими индусами. Нѣсколько разъ впрямую взглянуть на полковника и мистера У^{...} уместившихъ риезъ пригорившимъ, мнѣ стоило величайшихъ усилій чтобъ слезть не расхохотаться. Мною невольно овладѣвалъ неудержимый смѣхъ. Оба сидѣли съ невозмутимою важностію и невольно работали и лектали и руками. У одного вся борода была уложена словно ивеемъ рисовыми зернами; у другого вся нижняя часть лица испачкана жидкимъ шафраномъ; а по груди и неуклюже поджатыми колѣнами текли зеленые ручейки микудей. Но я счастливо удержалась и устремляла все свое вниманіе на необычайную процедуру Индуовъ. Постаралась отыскать любопытные детали изъ манеры обѣдать и ужинать.

Каждый изъ нихъ усѣвшись съ поджатыми ногами на дѣрка въ лѣвой рукѣ принесенный слугою кувшинъ, наливалъ себѣ изъ него воды сперва въ чашку, а затѣмъ въ горсть правой руки. Потомъ онъ медленно и долго кропалъ изъ оной вокругъ стоявшаго отдѣльно отъ другихъ кувшинъ люта съ животами (какъ мы узнали для боговъ и духовъ) и во все время этой церемоніи напѣвалъ „мантру“ изъ Ведъ. Набралъ воды этого въ правую пригоршню рису, онъ леторалъ нѣсколько другихъ двустаянй съ прищипомъ, и отложивъ ладъ щепотокъ на правую сторону своей тарелки, снова умывалъ руку (отъ главу); снова кропалъ водой вокругъ этой тарелки, и наливъ ожегчательно нѣсколько капель въ горсть правой руки выливалъ оную. Потомъ проглатывалъ другія шесть щепотокъ рису, одну за другою, борюча все время молитвы и обмывуя въ чашку съ водою средній палецъ лѣвой руки дотрогивался имъ до обеихъ глазъ. Въ заключеніе онъ пряталъ лѣвую руку за спину и тогда только начиналъ свой ужинъ правой. Все это совершалось въ нѣсколько секундъ, но съ большою торжественностію. Эти Индуовъ наклонялись впередъ туловищомъ впередъ и подбрасывая рукойъ лицу въ ротъ съ локкостію аномонихе джогабровъ, но проглатывъ ни одного зернушка, ни проглатывъ ни одной капельки изъ разныхъ жидкобѣговъ. Изъ уваженія къ хозяевамъ и вѣроятно желая оказать этимъ честь Индіи,

наше ладоники видимо старалась подражать имъ въ каждаго движеніи. Она такія была склоннаа дажно вперевдъ всѣмъ туловищемъ, но увы!—почтенное бромже оказалась серьезною лоніхой. Потерявъ разговора она чуть было не повалилася со своей окамески лицомъ прямо въ лѣтва, счастливо отхлѣвавшись на этотъ разъ одними очками, котора полетѣли въ кислое молоко съ чеснокомъ. Послѣ такого неслучнаго опыта храбрый Американецъ разсѣвъ отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ „надуизироваться“ и успокоился.

Всѣ кончили ужина по обыкновенію расомъ приправленными сахаромъ, толчеными горохомъ, ошпиковымъ масломъ, чеснокомъ и гранатами. Это послѣднее лакомое блюдо они всегда ѣдятъ лоснншно, нервно, погладывая на осѣдей и какъ бы въ жергонку. Каждый изъ нихъ смертельно боится оледать и комчить послѣ другаго, такъ какъ это чрезвычайно дурная примѣта. Предъ самымъ концомъ они снова забираютъ воды въ горсть и, пощелтавъ надъ нею заклинанія, проглатываютъ ее заломъ. Горе тому кто повернется при этомъ! Ему залѣвъ въ горао *блуть* (демонъ, духъ умершаго) и онъ долженъ бѣжать очищаться предъ алтаремъ. Эти злые духи людей умершихъ отъ неудовлетворенными желаніями и земными отрастами въ полномъ ихъ разгарѣ (другихъ благокойныхъ покойниковъ они не признаютъ) сильно тревожатъ бѣдныхъ Индуосвъ. Индійскіе духи, если вѣрять показаніямъ всѣхъ и каждаго, толкутся вокрутъ смертныхъ, стараась насытиться ихъ ртами и удовлетворить всѣмъ своимъ вѣчестивымъ земнымъ желаніямъ по-редетвомъ на время завоеванныхъ органовъ у живыхъ. Ихъ боится и проклинаютъ на всю Индію, не пренебрегая никакими средствами дабы отвѣтаться отъ нихъ и уснокоить расходившихся *блутосъ*. Понятія, идеи и выводы Индуосвъ диаметрально противорѣчатъ аспираціямъ и надеждамъ западныхъ спиритовъ: „Добрый и чистый духъ, говорятъ они, на землю ужъ душу свою не пуститъ, коли та душа была также чиста. Онъ радъ умереть и соединить свой духъ (*атма*) съ Бромой, жить на *саргахъ* (небесахъ) жизнью вѣчною и брататься съ прелестными *сандарелами* (моніи ангелы или херувимы), подъ небесную плось конхъ онъ дремлетъ вѣчна вѣчности, въ то время какъ душа (*джива*) продолжаетъ очищаться отъ земной грази въ тѣхъ болѣе чистомъ и болѣе

совершенномъ чѣмъ только-что оставленное ею.* Но не то ждетъ злая душа. Душа не услѣвшая до смерти тѣла совершенно очиститься отъ земныхъ помысловъ и вѣжливо подѣлаться подъ бременемъ грѣховъ и вместо того чтобы слѣдуя по законамъ жетемсихоза тотчасъ же воплотиться въ другую форму, она остается безплотною, осужденная бродить на землѣ. Она дѣлается *блутомъ* и страдая сама причиняетъ иногда невыразимыя мученія своимъ же родственникамъ. Вотъ почему Индусъ боится болѣе всего на свѣтѣ остаться *безплотнымъ* послѣ смерти.

— Лучше перейти по смерти въ тѣло тигра, собаки, даже желтогогаго астреба, говорилъ мнѣ недавно одинъ старикъ Индусъ,—нежели сдѣлаться *блутомъ*! Каждый звѣрь, какой бы онъ ни былъ, имѣетъ свое собственное *законное* тѣло и право честно имъ пользоваться. А *блуты* на вѣкъ обреченные *дакоты*, разбойники, воры, вѣчно на сторожѣ какъ бы жить чужимъ добромъ. Это самое ужасное, невообразимо страшное состояніе; это и есть *адъ* по нашимъ понятіямъ. Чѣмъ это за спиритизмъ такой на Западѣ? Неужели умные и образованные Англичане и Американцы сошли совершенно съ ума?

И онъ такъ и не повѣрилъ чтобы могли быть довольно безумные люди чтобы любить *блуты* и даже *приглашать ихъ къ себѣ на землю*.

Послѣ ужина мужчины всѣ отправились во дворъ, къ колодезю, и умывшись снова одѣлись. Обыкновенно они къ ночи надѣваютъ чистыя *малмамы*, родъ узкихъ, длинныхъ баузовъ, изъ тонкаго жаконета, тюрбаны и деревянные сандалии съ лугевкой, которую они захватываютъ между пальцами ноги, но оставляютъ обувь всегда у дверей дома. Вернувшись въ пріемную, они разсаживаются возлѣ стѣны на коврахъ и *лодушкахъ* жуютъ бетель, курятъ трубки или *индійскія*

* По ихъ понятіямъ, *духъ*, „атма“, частица цѣлаго, или Парабрама, не можетъ быть наказуемъ за грѣхи къ которымъ онъ никогда не причастенъ. То *Манасъ*, животный разумъ (*animal intelligence*), и *животная душа*—*душа*, „живъ“, полуматеріальная цалузіа или *Майя*, грѣшитъ и страдаетъ и переходитъ изъ одного тѣла въ другое, пока не очистится. Духъ только обидаетъ ее земными страстованиями. Когда *Его* свѣтъ очистился, то это *Его* или душа окончательно соединилась со своимъ *атмю*, духомъ, и мало-по-малу оба погружаются въ Парабраму и исчезаютъ въ неѣ.

сагары и слушают священное чтение или смотрят на танцы „потчей“.

Это въ обыкновенные дни. Въ этотъ же вечеръ (вѣроятно въ нашу честь) всё одѣлано очень богато. На многихъ были *дари*—изъ богатой атласной шелковой матеріи, и по нѣскольку золотыхъ браслетъ, золотыя украшенныя брилліантами и изумрудами *кольца*, золотыя часы, *дѣлочки* и *бѣныя*, тонкія какъ дымки съ золотыми полосами *дубанем*—брамавскіе шарфы черезъ плечо. Толстые пальцы нашего хозяина и правое ухо такъ и сіяли брилліантами..

Прислуживавшія намъ женщины—хозяйки, исчезнувшія тотчасъ послѣ ужина, вернулись къ намъ чрезъ полчаса разодѣтыя и были теперь формально намъ представлены. Ихъ было пять: хозяйка, жена толстяка, женщина лѣтъ двѣнадцати шести или семи; двѣ женщины помоложе, изъ которыхъ одна, къ нашему удивленію, оказалась ея дочерью, съ ребенкомъ на рукахъ; старуха—мать хозяина, наконецъ жена брата его, *самилитилла* дѣвочка. Такимъ образомъ хозяйка оказалась бабушкой, а дѣвочка которая должна была поступить въ полное владѣніе мужа года черезъ два, много три, могла въ свою очередь сдѣлаться матерью задолго до двѣнадцати лѣтъ. Всѣ онѣ были босыя, съ перстнями на пальцахъ ногъ, и всѣ, кромѣ старухи, носили *гирланды* на шеѣ и *вѣнки* изъ натуральныхъ цвѣтовъ вокругъ черныхъ какъ вороново крыло косъ. Ихъ костюмы состояли изъ платно облагающихъ шею и грудь вышитыхъ золотомъ короткихъ корсажей (*чалы*). Надѣтые на голое тѣло, они не доходили на цѣлую четверть до *сары*—юлки-покрывала (если можно назвать юлкой эти короткіе штаны, верхняя часть которыхъ служитъ покрываломъ для головы и вышѣ *малътимой*) и храбро открывали смуглую, блестящую при огнѣ, словно вылитый изъ бронзы станъ красавицы женщины. Ихъ прекрасныя руки были покрыты выше локтей дорогими браслетами также какъ и щиколки ногъ. При малѣйшемъ движеніи они звякали, а маленькая невѣстка, похожая на большую куклу на пружинахъ, еле могла двигаться подъ ихъ тяжестью. У молодой хозяйки, „бабушки“, носовое кольцо продевнутое чрезъ лѣвую ноздрю опускалось ниже подбородка и оттягивало ноздрю. Только когда она села его, чтобъ удоубить и пить чай, мы разсмотрѣли всю ея удивительную красоту.

Начались танцы „ночней“, изъ коихъ двѣ были очень красивы. Пляска состояла изъ болѣе или менѣе выразительной жимики глазъ, ушей, носа, головы и вообще всей верхней части туловища. Ноги же семеняли на одномъ мѣстѣ, почти не двигаясь, или же двигаясь такъ быстро что исчезали въ туманѣ...

Я заснулъ своимъ правдынькѣ.

XVI.

Пріятно послѣ столькихъ проведенныхъ на голомъ полу палатки ночей выспаться на кровати, хотя бы и висячей,— особенно когда это сопровождается сознаніемъ что спишь на дождѣ „бога“. Последнее обстоятельство впрочемъ было мною открыто только поутру, когда сходя съ лѣстницы я нашла что божественнаго генералъ-аъ-шефа (Ханумана) лишили висячаго трона, а его самого, вмѣстѣ съ трапичнымъ тѣломъ, бросили подъ лѣстницу... Положительно, Индусы XIX столѣтія вырождаются и кощунствуютъ!

Оказалось что, за исключеніемъ стараго дивана, это была единственная кровать въ домѣ. Наши два кавалера провели ночь хуже насъ: они оба спали въ старой лустой башнѣ, бывшей *гопаромъ* (алтарь) древней разрушенной лагоды за домомъ, куда ихъ положили съ благимъ намѣреніемъ спасти отъ шакаловъ, забирающихся по ночамъ во всѣ нижніе этажи, гдѣ вмѣсто оконъ и дверей существуютъ одни отверстія. Кромѣ неизмѣннаго ночнаго концерта, шакалы на этотъ разъ не безлокопили ихъ своимъ присутствіемъ. Зато мистеру У*** и полковнику пришлось воевать цѣлую ночь съ неотвязнымъ *сампиромъ*, который оказался не только летучею мышью, но и „духомъ“, какъ они это позднее узнали къ своему горю. Вотъ какъ это случилось:

Безо всякаго шума влеталъ въ башню вампирь, и помахавъ своими холодными, липкими крыльями, садился то на одного, то на другаго изъ спящихъ, очевидно рѣшившись полакомиться европейскою кровью. Разъ десять они просыпались и прогоняли его, но каждый разъ безуспѣшно; только что они было соберутся задремать какъ снова почувствуютъ его легкое, почти несмынное прикосновеніе на плечахъ,

догакъ, груди. Наконецъ У*** излохотился: онъ лопкалъ его за крыло и свернулъ ему шею...

Къ утру, похажывая въ невѣдомости души этимъ подвигомъ предъ хозяиномъ дома, они, казалось, наделили на себя всѣ громы небесныя. Дворъ былъ лодомъ народа, а предъ дверьми башни стояли понуривъ голову всѣ домашніе: старуха мать рвала на себѣ волосы и заживала, приговаривая и причитывая что-то на всѣхъ языцѣхъ Индіи. Что жъ такое случилось? Происшествіе ужасное, узнавъ о которомъ мы пришли въ величайшее смущеніе: по особеннымъ, извѣстнымъ только одному домашнему браману примѣтамъ, въ этого крвожаднаго вампира, со дня своей смерти, *переселился* старшій братъ хозяина, а неистовствовавшей старухи—сынъ. Ужъ девять лѣтъ какъ покойникъ жилъ подъ этимъ новымъ видомъ, отбывая всѣ повинности метемпсихозы. Днемъ, зацѣпляясь когтями за вѣтку стараго дилала что предъ башней (ислоконъ вѣка жилище духовъ) и повиснувъ головою внизъ, онъ проводилъ въ глубокомъ снѣ часы между восходомъ и заходомъ солнца; ночью постигалъ старую башню, гдѣ ловилъ забравшихся туда на ночной покой наѣзкомыхъ. И такъ жилъ этотъ вампиръ отмаливая лотихоньку старые грѣхи, совершенные имъ когда онъ былъ еще прабхускимъ „патамомъ“. А теперь? Его бездыханное тѣло валялось у входа въ башню, и одно крыло уже отгрызли крысы... Старуха заливалась слезами, бросая яростныя взгляды изъ-подъ покрывала своей бритой головы на У***, который въ качествѣ убійцы имѣлъ видъ отвратительно равнодушный.

Но дѣло запутывалось и становилось трагическимъ. Весь комизмъ онаго исчезалъ предъ искренностью ея неподдѣльнаго горя. Толпа стояла вокругъ, молчаливая и серьезная, очевидно не смѣя высказать свои настоящія чувства англійскимъ „саабамъ“, но поглядывая на насъ не особенно привѣтливо изъ подлбья. Возлѣ старухи стоялъ семейный жрецъ и астрологъ, съ книгой *Шастры* подъ мышкой и съ жезломъ въ рукѣ, приготавливаясь начать надъ башней церемонію очищенія. Онъ уже распорядился покрыть кускомъ новой холстины лодуобѣденный, облѣпленный муравьями трупъ отвратительнаго вампира, лежавшаго предъ нимъ съ широко распростертыми крыльями...

У*** попрежнему стоялъ, хладнокровно посвистывая и съ заложеными въ оба кармана руками. Подошедшая миссъ

Б^{***}, не отвѣщая присутствію хоремо говорившаго лонгангійска хозяина, громко ораторствовала (совершенно à l'anglaise) о грубости, невѣжественомъ сужденіи этой „падшей расы“. У^{***} не отвѣчалъ, но весьма пренебрежительно улыбался. Тогда нашъ хозяинъ съ низкимъ „салаамомъ“ подошелъ къ лодковнику и учтиво попросилъ его выждать со мною на „нѣсколько минутъ разговора“...

„Ну, подумалось мнѣ, выгонять!...“

Но мы, какъ видно, не цѣбрили еще сердца Индусовъ до полноты ихъ метафизической глубины.

Онъ началъ съ того что сочинилъ экспромптомъ весьма кудрявое вступленіе. Въ немъ напоминалось что онъ, хозяинъ, человекъ образованный, получившій *замадное* воспитаніе. Вълѣдствіе этого онъ де не совершенно еще увѣренъ въ томъ что въ тѣлѣ вампира дѣйствительно обрѣтается духъ покойнаго брата. Дарвинъ и другіе великіе натуралисты Запада, однако, какъ бы сами вѣрять въ переселеніе душъ, но, какъ онъ понимаетъ, въ *обратномъ* смыслѣ; то-есть родись у него въ минуту несчастной смерти вампира сынъ, то, по самымъ послѣднимъ научнымъ соображеніямъ, въ этомъ сынѣ, вслѣдствіе разлагающихся по близости атомовъ вампира, явилось бы по всей вѣроятности много вампировскаго. „Такъ ли онъ помялъ Дарвина и его школу?“ спрашивалъ онъ насъ.

Мы скромно отвѣчали что вслѣдствіе непрерывныхъ путешествій за послѣдній годъ, мы немного отстали отъ современной науки и о такомъ ея послѣднемъ заключеніи еще не слыхивали.

— А я слѣдилъ за нею, немного напыщенно произвесь добродушный Шамрао,—и повтому полагаю что вполне лопалъ и оцѣнилъ ея послѣдніе выводы. Я даже только-что кончилъ превосходную *Антропогенію* Геккеля и много думалъ надъ его логическимъ, научнымъ объясненіемъ объ образованіи человека изъ болѣе низшихъ животныхъ формъ путемъ трансформациі. А что такое *трансформациі* какъ не *трансмиграціі* древнихъ и современныхъ Индусовъ — *метемпсихоза* Грековъ?

Мы ничего не нашии сказать противъ тождества, и даже замѣтили что по Геккелю оно дѣйствительно какъ бы выходитъ такъ.

— Ну вотъ видите ли! восклицалъ онъ обрадовавшись.— Стало-быть наши возрѣнія не такъ слупы и оуебѣрамъ какъ

объ этомъ пишутъ, и говорятъ пѣквары красавицы Ману. Великій Ману, между тѣмъ, предупредилъ и Дарвина, и Геккеля. Судите сами: послѣдній ведетъ генеалогію или семью человека отъ группы „пангоновъ“, отъ слизистаго домера; этотъ „мереръ“ чрезъ *алаба*, а затѣмъ *зиналебіа*, *асидій* и наконецъ безголоватаго и безсердечнаго *албѣиска*, на восьмой стадіи трансигрируетъ въ мимоту—превращается наконецъ въ позвоночнаго *алніота*, въ промамаію, оумчатое животное, а къ отряду левомочныхъ принадлежитъ и *садинеръ*... Вы, конечно, какъ люди образованные, противъ этого спорить не станете?..

Мы и не споримъ.

— Такъ прошу васъ, свидѣте за мной..

Мы, безъ сомнѣнія, свидѣли съ большимъ вниманіемъ, только ужъ рѣшительно не понимали куда отъ насъ заводить.

— Дарвинъ, продолжалъ онъ,—ведетъ свое ученіе о происхожденіи видовъ, слѣдуя почти слово въ слово „паннѣгетическому“ ученію нашего Ману. Въ этомъ я вполнѣ убѣдился и готовъ это доказать съ книгами въ рукахъ. Древній законодатель говоритъ, напримѣръ, вкратцѣ слѣдующее: „Великій Парабрама повелѣлъ дабы отъ зародившагося въ тѣнѣ глубокихъ морей червя земнаго, пройдя чрезъ всѣ стадіи животнаго творенія, явился въ мірѣ наконецъ человекъ. Червь одѣлаася змѣею, змій рыбой, рыба преобразовалась во млекопитающее и т. д.“ Не эта ли самая основная идея заключается въ Дарвиновской теоріи происхожденія органическихъ формъ посредствомъ постепеннаго перехода изъ простѣйшихъ видовъ въ болѣе сложныя, изъ безструктурной протоплазмы въ тѣнѣ силурійскаго и лаврентійскаго періода (тѣмъ морей Ману) въ антропоида, а за тѣмъ въ человекъ?..

Мы согласимся что дѣйствительно представлялось такое сходство.

— Но, несмотря на все мое искреннее уваженіе къ Дарвину и его послѣдователю Геккелю, я не могу съ ними согласиться въ ихъ окончательныхъ заключеніяхъ, особенно въ выводахъ послѣдняго, продолжалъ ораторствовать Шамро.— Этотъ вспыльчивый и желчный Нѣмецъ, такъ вѣрно копирующий амбріологию нашего Ману и всѣ метаморфозы нашихъ предковъ, теряетъ изъ вида эволюцію *души человеческой*, которая, по ученію Ману, слѣдуетъ рука объ руку съ эволюціей *матеріи* во всѣхъ ея измѣненіяхъ... Смыслъ Смыс-

албумъ („массетвереннаго“) говорить такъ: „Каждое твореніе въ ряду своихъ персонныхъ приобрѣтаетъ, въ дополненіе къ качествамъ всѣхъ предыдущихъ формъ, нова, такъ-образно что чѣмъ ближе оно подходитъ къ высшему земному тану, человѣку, тѣмъ ярче въ немъ разгорается божественная искра“, и добавляетъ: „Но разъ одѣвшись Браймой на землѣ (то-есть достигнувъ въ образѣ человека высшей точки цикла трансмиграцій), человекъ воплываетъ въ рядъ трансмиграцій *осознательныхъ*.“ Другими словами, его будущія превращенія будутъ зависеть не отъ сѣшняго закона постепеннаго развитія, но отъ поступковъ его на землѣ, за милѣйшій изъ коихъ онъ будетъ или награжденъ, или наказанъ. Поэтому въ волѣ человека и отъ него самого зависитъ пойдетъ ли онъ выше по дорогѣ къ *моуни* (въ высшему блаженству), перехода изъ *лока* въ *локу**, пока не дойдетъ до *Браймалокъ*, или же, вслѣдствіе грѣховъ, снова не оттолкнется закономъ возмездія назадъ. Въ такомъ случаѣ онъ будетъ обязанъ возвратиться къ прежнимъ уже разъ безосознательно пройденнымъ животнымъ формамъ. Но если и Дарвинъ и Геккель, какъ физики, оба терпятъ изъ вида этотъ, такъ-сказать, *второй томъ* ихъ неполной теоріи, такъ остроумно „дополненной“ въ ученіи Маму, то все же они взгляды въ своихъ сочиненіяхъ и не отвергаютъ оного. Не такъ ли?..

— Кажется что не отвергаютъ.

— Такъ почему же, вдругъ неожиданно накинулся онъ на насъ,—почему же меня, вполнѣ изучившаго самымъ современнымъ и послѣдніа идеи западной науки, меня, вѣрующаго въ ея представителей, которые въ свою очередь буквально

* Такихъ *лока* въ религіи Индусовъ семь *завенаетъ* и множество *демокъ* *значительныхъ*. „Лока“ значитъ — страна, мѣсто. Локи вообще—очистительные міры, и нѣкоторыя секты видятъ ихъ въ дѣядахъ. Души не очень грѣшныя и освобожденныя отъ земныхъ переселеній отправляются въ эти міры, постепенно переходя отъ одного въ другой, но всегда въ образѣ человека, хотя этотъ образъ растетъ и совершенствуется съ каждымъ новымъ „докомъ“. Такіе освобожденные отъ земной матеріи духи дѣлаются, по понятіямъ Индусовъ, *нирисами* и *девами*, которыми покланяются и приносятъ жертвы подъ названіемъ „душъ предковъ“ (*pūris*). Послѣдніа соответствуютъ описаннымъ средневѣковыми кабалистами *элементарнымъ духамъ*. (См. *Heinrich Knroth Amphitheatrum etc. Сочъ Пандельма* и др.).

подтверждаютъ научными выводами по крайней мѣрѣ *первую* *плоскостную* (эволюцію физическаго мира) теорію Ману... почему мила, спрашивая я, почтенная миссъ Б^{***} притискаетъ къ повѣствованіямъ и грубость Индусамъ, называя наши до-
полнимыя научныя теоріи „суеувѣріемъ“, а насъ самихъ сы-
нами „низшей низшей расы“?...

И у бѣднаго Шамрао даже навернулось на глазахъ слезы при воспоминаніи о незаслуженномъ оскорбленіи со стороны безтактной Англичанки. А мы отсталы, оскенфуженные, не зная что сказать.

— Видь я же не возможно въсхъ этихъ нашихъ народныхъ вѣрованій въ „непреложные догматы“. Я взираю на нѣкъ лука какъ на простыя теоріи, стараюсь слить въ одно, за-
ставить древнюю науку гармонировать съ современною; я просто „гаipotезирую“, какъ и Дарвинъ и Геккель. Къ тому же, какъ я самъхалъ, миссъ Б^{***} спиритка: она вѣритъ въ ду-
ховъ, въ *блуту*. А если „бхуть“, но ея понатіямъ, въ со-
стояніи вѣшать въ тѣла медіумовъ и овладѣвать на долгіе
часы и даже дни ихъ организмами, то почему же невозможно не только *блуту*, но и менѣе грѣшмой душѣ войти въ тѣло
вампира?...

На подобную, черезчуръ уже „сжатую“ логику мы, при-
знаюсь, не нашлись что отвѣтить, а предпочли, не затрога-
вая этого деликатнаго метафизическаго вопроса, извиниться
предъ нимъ за грубость миссъ Б^{***}: „Она Англичанка (го-
ворили мы), и ея не передѣлаешь: она не желала никого
оскорблять, а просто высказала необдуманно клевету о суе-
увѣріяхъ“ и т. д.

Хозяинъ мало-по-малу успокоился. Онъ еще съ большимъ
рвеніемъ принялся было доказывать намъ почему, вслѣдствіе
глубоко обдуманнаго имъ закона „атавизма“, или насасѣд-
ственной передачи свойствъ прыжками черезъ лѣтаго на деся-
таго (какъ говорится) предка, онъ дошелъ до настоящей не-
обходимости полуувѣровать въ тождество покойнаго брата
его съ покойнымъ вампиромъ... Но вдругъ У^{***} чуть было
не испортилъ всего дѣла:

— Старуха совсѣмъ рехнулась!.. закричалъ онъ намъ че-
резъ весь дворъ.—Она проклинаетъ насъ, утверждая что убій-
ство вампира лишь начало цѣлаго ряда несчастій навле-
ченныиъ сыномъ на ихъ домъ—нами, Шамрао... грубо про-
должалъ онъ, обращаясь къ послѣдователю Геккеля.—Она

говорить что вы осквернили вашу браманскую святыню — пригласивъ насъ, *белатти*, ужинать съ вами и провести ночь въ нашемъ домѣ... Посылайте за слонами, псакошниками, не то насъ выгонять, коли еще не хуже.

— Но, помилуйте! говорилъ въ свою очередь растерянный браманъ:—Что же мнѣ дѣлать? Она старая женщина, быть-можетъ съ предрасудками; но она мать моя.. Вы люди образованные, люди ученые; скажите же мнѣ и научите какъ помочь всему этому несчастію? Что бы мы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?..

— Что бы я сдѣлалъ, сэръ? воскликнулъ разсерженный глупостью положенія У***.—Будь я на вашемъ мѣстѣ и вѣрь я въ то во что вы вѣрите, а бы не задумался ни на минуту, а взявъ револьверъ, перестрѣлалъ бы: вонерыхъ, всѣхъ сосѣднихъ вампировъ, хотя бы для того чтобы разомъ освободить всѣхъ моихъ родственниковъ отъ отвратительныхъ тѣлъ этихъ животныхъ; вѣтъ же я прикладомъ револьвера разбилъ бы голову вонъ тому мошеннику браману который сочинилъ подобную глупость. Вотъ что бы я сдѣлалъ, сэръ!..

Но этотъ совѣтъ не удовлетворилъ бѣднаго потомка Рамы, и долго бы онъ бѣгалъ въ недоумѣніи отъ одного къ другому, колеблясь между священнымъ чувствомъ гостеприимства, врожденнымъ страхомъ къ браману и собственнымъ суевѣріемъ, еслибы всѣхъ насъ не выручилъ находчивый Бабу. Услыхавъ что мы въ свою очередь разсердились и послали въ деревню за слонами чтобы тотчасъ же уѣхать, Бабу уговорилъ насъ подождать хоть одинъ часъ, заявивъ намъ что подобный поступокъ былъ бы величайшимъ оскорбленіемъ хозяину, который отнюдь не повиненъ во всей этой исторіи. А что касается глупой старухи, то онъ общалъ ее уговорить очень скоро; у него уже и планъ де готовъ.

Съ эту цѣлью онъ попросилъ насъ отправиться на большую дорогу осмотрѣть развалины старой крѣпости и ждать тамъ до его прихода. Мы повиновались, но чрезвычайно заинтересованные его „планомъ“ шли тихо и нехотя. Мушкетеры зашлись; миссъ Б*** ораторствовала, а Нараянъ, невозмутимо хладнокровный какъ и всегда, поддразнивалъ Англичанку „духами“ въ которыхъ она вѣровала. Проходя за домомъ, мы увидали Бабу шедшаго вдоль стѣны съ фамильнымъ жрецомъ и горячо о чемъ-то съ нимъ спорившаго. Бригадъ голова жреца кивала на всѣ стороны, дашикое желтое платье

развивалась, а руки высоко подымались къ бабѣ, какъ бы прорывавъ беготъ во свидѣтели его словъ...

— Ничего онъ не подымаетъ съ этимъ фанатикомъ, замѣтилъ полковникъ, закуривая трубку.

Не успѣли мы досаѣ этого замѣчанія отойти и на это шаговъ, какъ увидѣли Бабу бѣжавшаго за нами и дѣлавшаго намъ знакъ остановиться.

— Все благополучно кончилось, кричалъ онъ намъ еще издали, размахивая руками и отъ смѣха насилу выговаривая слова.— Вамъ предстоитъ благодаренія. Вы являетесь спасителями и благожелателями покойнаго *баута*... Вы...

И онъ упавъ на камень держась обѣими руками за узкую, западавшуюся грудь и хотѣлъ до того что заразить своимъ смѣхомъ всѣхъ насъ, еще даже не понимавшихъ въ чемъ дѣло.

— Подумайте только, разказывалъ онъ,—вѣдь всего десять рупій стоило; предлагалъ пять, но онъ заупрямился, а десять взялъ.

И онъ опять катался со смѣху.

Наконецъ онъ объяснилъ намъ сѣдующую, дающую отчетливое понятіе о святости брамановъ, придуманную имъ хитрость. Онъ зналъ что вообще всѣ *метемпсихозы* шайбовъ (поклонниковъ Шивы) зависятъ отъ воображенія фамиліальныхъ „гуру“, которые и получаютъ за эти наставленія отъ каждаго семейства отъ 100 до 150 рупій въ годъ. Такіе браманы въ то же время и астрологи, и распорядители всѣхъ установленныхъ религиозныхъ въ семействѣ обычаевъ. Всѣ обряды сопряжены съ расходами, которые поступаютъ въ карманы немалыхъ домашнихъ брамановъ, причемъ обряды въ честь какого-нибудь счастливаго событія оплачиваются гораздо лучше чѣмъ тѣ которые совершаются вслѣдствіе несчаствія. Зная все это, Бабу приступилъ прямо къ дѣлу: онъ предложилъ браману пять рупій, если тотъ разыграетъ фальшивую *самадди*, то-есть притворится вдохновеннымъ и заговоривъ какъ бы отъ имени умершаго сына—объявить матери что тотъ самъ искалъ смерти въ тѣлѣ вампира; что онъ съ цѣлью отвратиться отъ этой трансмиграціи и перейти въ *асоому*—парочко покаялъ смерти; что ему теперь лучше, и что онъ благодаритъ „саба“ освободившаго его отъ отвратительнаго образа. Къ тому же онъ, Бабу, слышалъ что браманъ желаетъ продать ожидаемый на даякъ плодъ своей

бухвалицы, а Шамрао отказывался отъ покупки. Что же лучше? Пусть только преподобный отецъ гуру объявитъ (подъ вліяніемъ той же омажды) что освобожденный духъ матери ревь теперь поселится въ тѣлѣ будущаго бухвалицы, и мать, конечно, заставитъ Шамрао купить это новое воплощеніе ея старшаго сына. Пойдутъ уверевленія, новые обряды, и почтенному браману выпадеть изрядная, по этому случаю, доля рупій.

Сначала, боясь быть изобличеннымъ, гуру отказывался и призывалъ небо и боговъ во свидѣтели что въ вилларѣ дѣйствительно проживалъ сынъ дома; но потомъ, когда Бабу (самъ глубоко изучившій всѣ штуки брамаковъ) доказалъ ему что его выдумка не въ состояніи была выдержать критику, такъ какъ подобной трансмиграціи въ *Шаотриакъ* не находится,—онъ поддался, потребовавъ только 10 рупій и молчанія... Такимъ образомъ дѣло было сажено, и старуха услекомалась.

Когда мы подходили къ высокимъ воротамъ дома, Шамрао вышелъ къ намъ на встрѣчу съ оіяющимъ лицомъ... Боясь насмѣшекъ, или же не находя ни въ современныхъ положительныхъ наукахъ вообще, ни въ Геккелѣ въ частности чего-либо положительнаго, на что бы сослаться въ вопросѣ объ этой новой трансмиграціи, онъ намъ не объяснилъ почему вдругъ все переменялось къ лучшему. Онъ только довольно неловко замѣтилъ что старуха мать, вслѣдствіе ея одной извѣстныхъ таинственныхъ и новыхъ соображеній, успокоилась за судьбу сына; а затѣмъ, не дождался болѣе на эту маленькую неприятность. За то она сдѣлалась еще приветливѣе и веселѣе и уговаривала насъ „въ чистой любви къ наукѣ“ отправиться съ кимъ въ этотъ вечеръ на религіозную *тамашу*. Извѣстная на всѣхъ околотокъ *дѣвадуалла* (заклинательница, колдунья) находилась въ то время подъ вліяніемъ *семъ богинь*, семи сестеръ, которыя всѣ поочередно овладѣвали ею и пророчествовали ея устами...

Мы съ радостью согласились и стали съ нетерпѣніемъ ожидать вечера.

XVII.

Чтобы разсѣять неприятное впечатлѣніе утренней исторіи, Шамрао предложилъ намъ между тѣмъ сидѣть у открытой двери и наблюдать какъ она будетъ совершать свои

утренніе обряды, поклоненіе богамъ. Для дашей любознательности ничего не могло быть пріятнѣе этого, и мы, усѣвшіеся на верандѣ, стали наблюдать за нимъ въ широкое, закрывающее дверь, отверстіе...

Было девять часовъ утра, обыкновенный часъ утренней молитвы туземцевъ. Шамрад пошелъ къ колодезю пригото- виться и „одѣться“, какъ онъ выражался, тогда какъ заше- лыки скакали бы: „раздѣться“. Черезъ нѣсколько минутъ, вернувшись въ одномъ *дотти*, какъ въ столомъ, и съ непокры- той головой, онъ направился прямо къ кумирнѣ. Въ то самое время какъ онъ входилъ туда, раздался громкій ударъ прива- заннаго къ потолку молебни колокола, который и не пере- ставалъ звонить во все время обрядовъ. Звонарь оставался невидимымъ; но Бабу сообщилъ намъ что то звонить маль- чикъ съ крыши...

Шамрад пошелъ правою ногою и очень медленно. Затѣмъ онъ подошелъ къ алтарю и сѣлъ поджавъ и скрестивъ ноги на низенькую, стоявшую предъ нимъ скамеечку. Во глубинѣ комнаты на алтарѣ, похожемъ на модную этажерку, стояли расположенные на покрытыхъ краснымъ бархатомъ полу- круглымъ полкахъ домашніе боги. Идолы были изъ золота, серебра, мѣди и мрамора, смотря по достоинству и заслугамъ. Такъ *Махадева* (Шива) былъ золотой, Гѣнпати или „Гамеша“ (сынъ Шивы, богъ со слоновою головой) былъ серебряный; Вишну—въ образѣ *Шалигранна*, чернаго круглаго камня изъ рѣки Гандаки въ Непалѣ (Вишну въ этой формѣ называется Лакшми-Нараѣянъ); другія неизвѣстныя божества находились тамъ подъ видомъ большихъ раковинъ извѣстныхъ подъ названіемъ *Чакра*; богъ солнца, *Сурья*, и другіе боги и богини (*кулады*, домашніе боги), стояли на заднемъ планѣ. Самъ алтарь находился подъ куполообразною бесѣдкою изъ сандальнаго съ великолѣпною рѣзбой дерева; а по мочамъ эти боги и приношенія покрывались огромнымъ стекляннымъ косякомъ отъ крысь. На стѣнахъ молебни висѣло много образовъ представлавшихъ главные эпизоды въ жизни вы- сшихъ боговъ.

Пока мы съ любопытствомъ разсматривали все это, Шам- радъ, бормоча все время молитвы, наполнялъ золой горсть лѣвой руки и закрывъ ее на минуту правой, вынулъ изъ нее воды и растеревъ золу между ладонями, сталъ проводить большими пальцемъ правой руки линию отъ кончика носа до

средней лба; а оттуда къ уху правого виска; а потомъ назадъ, отъ правого къ лѣвому. Совершивъ эту релаксацию своей физиономіи, онъ сталъ по порядку нагарагъ темъ же мокрою водою носъ, животъ, лѣвую руку, грудь, правую руку, плечи, спину, уши, глаза и голову; послѣ этого, надрывась въ уголъ комнаты къ освѣщенному фонтану, онъ трижды окунулся съ головой, какъ былъ въ догнѣ, въ огромной юной водою бронзовой кулеи, откуда и вымарнулъ избржаяя собою меусльвагае высехнута на освѣтъ толстаго тритона. Встряхнувъ распущенною прядью, онъ свернулъ ее на манеръ того что ютаріану русскими горничными называлось *куделькой* и забравъ опять воды въ правую ладонь, сталъ ею водить вокругъ головы. Эта операція завершила первое дѣйствіе.

Дѣйствіе второе началось молитвами *сандл*—религіозною медитаціей и *мантрами* которыя набожные люди повторяютъ по три раза въ день, утромъ съ восходомъ солнечнымъ, въ полдень и на закатѣ солнца. Онъ громко произносилъ имена 24 боговъ, и каждое имя сопровождалось ударомъ колокола. Кончивъ, онъ сперва закрылъ глаза, зажалъ уши ватой, а двумя пальцами правой руки лѣвую ноздрю, и шумно вытнулъ воздухъ правою, захватилъ большимъ пальцемъ и другую ноздрю, крѣпко сжалъ губы чтобы не дышать. Въ этомъ положеніи всякій благочестивый Индусъ долженъ мысленно повторить нѣкій стихъ съ метромъ *Гай-агри*: то священныя и непроносимыя слова которыя ни одинъ Индусъ не осмѣлится повторить громко, и даже читающихъ *меленно* удерживаетъ насильственнымъ образомъ дыханіе чтобы не докучать въ это время чего-либо нечистаго. Давъ честное слово не повторять всего стиха, я могу однако привести отрывочныя фразы; молитва начинается такъ: „Омъ!... Земля!... Небо! да освѣтитъ меня обожаемый свѣтъ... (этого имени нельзя произносить)... Твое солнце, о, *Единый*, да освѣтитъ меня, недостойнаго... я закрываю глаза, зажимаю уши, не дышу... дабы видѣть, самнать, дышать одними тобою... Да оваритъ наши мысли (слова тайное имя)“.

Любопытно сравнить съ этою медитаціей Декартовскую молитву, „*Méditation III*“ въ его „*L'Existence de Dieu*“ (1.641). Если читатели помнятъ, въ ней говорится слѣдующее: „Я теперь закрою глаза, закрою уши, отдамъ все чувство отъ себя... и остановлюсь надъ одною мыслию о Боге,

зодушить надъ сою кочевникомъ и стлану-старикею отъ красному стоей чудной сътежириванью*...

Кочивъ эту молитву и держа между двумя пальцами священнаго браманскаго амулета, Индусъ читаетъ, тихо и про себя, другія молитвы. Потомъ, сѣвшавъ немного расу и сандалнаго перошка, онъ беретъ стелцидъ на аатарѣ кушлявъ съ водой, и отмывъ старая патла нагнѣливаетъ на него свѣжа изъ только что сфабрикованнаго имъ твота. За этимъ слѣдуетъ церемонія „уможеніе боговъ“:

Сидящая ихъ одного за другимъ, по чину, онъ опускаетъ ихъ сперва въ купель съ водой, а затѣмъ купаетъ въ малюкѣ, въ другой бронзовой купели у аатара. Молоко перемишано съ просокованшей, масломъ, меденъ и сахаромъ; такъ что вмѣсто купающа выходитъ лачкатня. Но все это смывается въ третій разъ въ первой купели и вытирается досуха чистымъ полотенцемъ. Поставивъ идеоловъ на мѣсто, Индусъ расуетъ на нихъ кольцою съ лѣвой руки сектарнаго знаки, употребляя для *Димеи* бѣлый сандалъ, а для *Гиванте* и *Сурьи*—красный. Потомъ онъ ихъ окропляетъ разными душистыми маслами, посылаетъ цвѣтами лангоса каждый день свѣжѣе, и оканчиваетъ длинную церемонію звономъ изъ всей силы цолоамъ подъ-носъ посредствомъ маленькаго колекольчика—„дабы разбудить ихъ“, говорятъ браманна; вѣроятіе полагаю не безъ основанія что боги въ это время все со скуки уснули. Забывавъ или же воображая (что иногда одно и то же) что боги проснулись, онъ начинаетъ имъ подносить свои жертвы: зажигаетъ курительный свѣци, лампады и раскуриваетъ ихъ кадильницею еуміамъ, по временамъ щелкая предъ ихъ физиономіями пальцами чтобы, какъ надѣе полагать, они „сметрѣли въ оба“. Покуривъ во все стороны ладонемъ и камфорой и набравъ въ руки цвѣтовъ,* онъ обмыляетъ ихъ снова, становится за скамейку и произноса послѣднія молитвы, проводитъ ладони обѣихъ рукъ надъ пламенемъ свѣчей и лажитъ, третъ себя руками лицо, и обходя три раза вокругъ аатара, кладетъ трижды земной поклоны и удалается, лицомъ къ аатарю и цда задомъ.

Въ то время какъ хозяинъ кончаетъ свой утренній образъ, въ молельню входятъ женщины и обѣе на разнакіа приле-

* У каждаго божества и богини свой любимый, привагерированный цвѣтокъ.

сенная ими скамейки, начинаютъ перебирать четки и молиться. Четки здѣсь играютъ не малую роль какъ и у буддистовъ. У каждаго бога свои особенныя четки, и факиры покрываются оными.*

Оставивъ женщинъ молиться на свободѣ, мы послѣдовали за Шамрадъ въ коровье стойло. Въ лицѣ этого животнаго поклоняются „кормилицѣ землѣ“, природѣ. Отперевъ дверь, онъ сѣлъ возлѣ коровы и сталъ обмывать ей ноги, сперва ея же молокомъ, затѣмъ водой. Потомъ онъ покормилъ ее рисомъ и сахаромъ изъ горсти, вылачкалъ ей голову сандаловымъ и другими порошками, украсивъ рога и всѣ четыре ноги гирляндами изъ цвѣтовъ; покадивъ лодъ морду ладаномъ и покрутивъ надъ головой зажженною лампой, онъ обошелъ ее трижды и сѣлъ отдохнуть. Есть такіе Индусы что обходятъ вокругъ священной коровы до ста восьми разъ съ четками въ рукахъ. Но нашъ Шамрадъ былъ человѣкъ съ маленькою тенденціей повольнодумничать и слишкомъ вѣрился Геккея. Отдохнувъ, онъ наполнилъ кружку водой, обмакнулъ въ нее хвостъ коровы и—выпизалъ!...

Такимъ же образомъ онъ исполнилъ обрядъ поклоненія священикому растенію *тульси*** (женѣ Кришны) и Солнцу, съ тою только разницею что такъ какъ онъ не могъ исполнить надъ этимъ божествомъ обряда омовенія, то ставъ предъ свѣтиломъ два на одной ногѣ и набравъ въ ротъ воды, онъ прыснулъ на *Сурью* три раза, обрызгавъ, вмѣсто солнца, всѣхъ насъ.

Причина страннаго поклоненія растенію *тульси* до сихъ поръ еще остается для насъ загадкою. Знаю только одно что хотя въ сентябрѣ каждаго года совершается брачная церемонія этого растенія съ богомъ Вишну, но *тульси* называется женой Кришны быть-можетъ потому что Кришна вълощеніе Вишну. Въ этотъ день всѣ Индусы (у которыхъ нѣтъ ни одного дома безъ горшка съ этимъ растеніемъ) разрисовываютъ и украшаютъ мшурою горшки въ

* Эти четки, называемыя *мала*, имѣютъ сто восемь зеренъ; ихъ дѣлаютъ или изъ черныхъ агодъ въ родѣ шиповника—*рудракиа*, или же изъ свѣтлаго дерева *тульси*. Повторяя молитвы съ четками, набожныя Индусы часто прячутъ руки въ особенной формы мѣшокъ который они зовутъ „коровьимъ ртомъ“ (*гамукли*).

** Царскій *Basilicum*, попросту базиликъ.

которыхъ растеть тульси, затѣмъ горшокъ ставовится въ садъ и вокругъ него чертятъ мѣломъ какой-то магическій квадратъ; браманъ беретъ идола Вишну въ обѣ руки, и ставъ предъ растеніемъ начинаетъ вѣнчаніе: послѣднее состоитъ въ томъ что двое женатыхъ берутъ шаль и раскрывъ ее держатъ между цвѣткомъ и идоломъ въ родѣ ширмы, пока браманъ бормочетъ мантры, а женщины и дѣвушки (особенно поклоняющіася *тульсъ*) бросаютъ на растеніе и бога рисъ и шафранъ. По совершеніи брачной церемоніи, шаль дарится браману, идола ставятъ подъ тѣнь его жены, всѣ Индусы хлопаютъ въ ладоши, дерутъ уши тамъ-тамомъ, пускаютъ ракеты, дарятъ другъ друга кусочками сахарнаго тростника, и всячески веселятся до утра...

Въ прошломъ сентябрѣ, мы были случайно очевидцами этого вѣнчанія въ собственномъ саду, гдѣ нашъ *Мам* (садовникъ, фанатичный Индусъ) не согласился бы ни за какія дѣньги дозволить иностранцамъ осквернить своимъ присутствіемъ его священный *tête-a-tête* съ богами.

Но вотъ настала вечеръ, и мы опять на слонахъ, и снова собираемся въ путь; но это не надолго. До логовица старой колдуньи (лиціи Индостана) всего пять миль, и дорога хотя и пролегаетъ черезъ густой джонглъ, но гладкая и ровная. Даже и джонглъ съ его свирѣпыми обитателями ужъ не пугаетъ насъ. Прежніе трусливые слоны отосланы домой, и мы сидимъ на другихъ, присланныхъ намъ сосѣднимъ раджей. Они не разъ охотились за тиграми, и ревъ всѣхъ звѣрей въ околоткѣ не услугаетъ этихъ старыхъ патріарховъ лѣсовъ; словно два темные холма стали они предъ верандой... Итакъ въ дорогу!... Красноватое пламя факеловъ ослѣпляетъ глаза, усугубляя мракъ окружающаго насъ со всѣхъ сторонъ лѣса. Отъ этого яркаго освѣщенія онъ кажется еще чернѣе, еще таинственнѣе...

Есть что-то невыразимо заманчивое, почти торжественное въ подобныхъ ночныхъ путешествіяхъ по Индіи. Тихо и глухо всюду: все слить кругомъ, внизу и надъ головами. Одинъ тяжелый мѣрный звукъ гигантскихъ шаговъ слона глухо раздается въ тиши ночью, словно удары молота по наковальи въ подземной кузницѣ Вулкана. По временамъ разносятся по лѣсу странные голоса и звуки, будто кто-то тихо востъ межъ разбросанными скалами руинъ: „то вѣтеръ завываетъ“, говоримъ мы; „удивительный феноменъ акустики“...—

„Бхута! бхута!“ шелчуть испуганные факельщики, трижды потрясають вокругъ себя зажженными факелами, и быстро крутятся на одной ногѣ, щелкая пальцами чтобы отогнать расходившихся духовъ. Жалобный вой замолкъ, и снова слышится одно металлическое трещанье ночныхъ сверчковъ, заунывное кваканье древесной лягушки, да мелко выбиваемая дробь кузнечика. Временами все это умолкаетъ чтобы чрезъ минуту снова наполнить лѣсъ стройнымъ хоромъ... Боже мой! сколько бытiя, сколько жизненной силы скрывается подъ каждымъ листикомъ, подъ малѣйшею травкой этихъ тропическихъ лѣсовъ! Мириадами горять звѣзды на темной синевѣ неба, и словно блѣдное отраженiе далекихъ свѣтилъ, такими же мириадами свѣтятся фосфорическiя искры свѣтляковъ и огненныхъ мушекъ, со всѣхъ сторонъ мигая намъ на еще темнѣйшей зелени кустовъ, точно указывая и освѣщая нашъ путь...

XVIII.

Выѣхавъ изъ темнаго бора, мы очутились на довольно ровномъ мѣстѣ, въ котловинѣ окруженной съ трехъ сторонъ стѣной того же непроходимаго лѣса, гдѣ вѣроятно и въ полдень лежатъ ночныя тѣни. Мы находились теперь на высотѣ около 2.000 футовъ надъ подошвой Виндической цѣли, такъ какъ прямо надъ нашими головами видѣлись высокiя развалины стѣны Манду.

Неожиданно подулъ довольно холодный вѣтеръ, и чуть не погасилъ всѣ наши факелы. Поймаанный въ лабиринтъ скалъ и кустарника, онъ вдругъ завывалъ, яростно потрясъ зелеными перьями цвѣтущей моринги, вырвался и, пронесшись вихремъ кругомъ котловины, полетѣлъ по ущелью воля и заливаясь, точно всѣ лѣсные духи выли похоронныя лѣсныя по вѣдымамъ горѣ...

— Мы прiѣхали! объявилъ Шамрад, слѣзая съ лошади: — вотъ деревня, а дальше вѣхать нельзя.

— Куда прiѣхали?.. И гдѣ же деревня... здѣсь одинъ лѣсъ!

— Деревни и домовъ вы ночью не увидите. Землянки всѣ скрыты межъ кустарниковъ, а многiя, вырубленныя въ скалахъ, мало отличаются отъ нихъ и днемъ. Огня же никто здѣсь не зажигаетъ послѣ заката солнца.... боятся духовъ, пояснилъ онъ.

— А гдѣ же ваша вѣдьма? Неужели намъ придется глядѣть на нее въ темнотѣ?

Шамрад пугливо оглянулся кругомъ, и голосъ его замѣтно дрожалъ во время отвѣта намъ:

— Прошу васъ и умоляю, не называйте ее *dakkini* (вѣдьмой)... Она можетъ услышать васъ... Теперь намъ не далеко до нея, хотя вамъ и придется идти лѣшкомъ... съ подмилы. Туда къ ней и лошадь, не только что словъ, не пройдетъ. У ней мы найдемъ огонь....

Сюрпризъ выходилъ довольно неприятный. Идти ночью, подмилы, въ Индию, пролѣзая сквозь чащу кактусовъ въ дремучемъ лѣсу полномъ звѣрей! Миссъ Б*** рѣшительно протестовала и объявила что не пойдетъ, а останется ожидать васъ, не слѣзая со слона, въ *гаудъ*, гдѣ можетъ спокойно заснуть. Она такъ и сдѣлала.

Нараявъ, протестовавшій противъ этой *partie de plaisir* съ самаго начала, хотя и не объясняя намъ почему, замѣтилъ ей что она очень благоразумно поступаетъ въ этомъ случаѣ.

— Вы ничего не теряете, отказавшись отъ свиданья съ *dakkini*... И я очень бы желалъ чтобы вашему примѣру послѣдовали и другіе...

— Но какой же вредъ можетъ выйти отъ этого? настаивалъ Шамрад, немного огорченнымъ голосомъ, такъ какъ онъ первый затѣялъ эту поѣздку.— Не говоря ужь о томъ что наши гости будутъ имѣть случай увидѣть чрезвычайно любопытное зрѣлище „воплощенія боговъ“, зрѣлище рѣдкое и которое не всякому Европейцу удастся видѣть, „Кангалдими“—женщина святая... Она пророчица, и ея благословеніе, хотя она и азычица, не можетъ никому повредить... Я настаивалъ на этой поѣздкѣ изъ чистаго патриотизма...

— Если вашъ патриотизмъ, саабъ, состоитъ въ томъ чтобы хвастаться предъ иностранцами мерзвѣйшими язвами нашей безъ того униженной, почти задохшейся въ грязи родины, то почему же вамъ скорѣе не пришло въ голову собрать властью *Патала* всѣхъ прокаженныхъ въ вашемъ околоткѣ и похвастаться предъ вашими гостями ими? отвѣчалъ со странною горечью Нараявъ.

Болсъ ссоры между Индусами, полковникъ замѣтилъ что теперь ужь поздно каяться. Къ тому же, хотя онъ самъ въ „воплощенія боговъ“ не очень вѣритъ, но знаетъ что такъ-называемое на Западѣ *бъснованіе* есть фактъ. Судъ недавно

свершившіяся въ Россіи надъ Тахвинскими крестьянами, которые сожгли Аграфену-вѣдму, доказательство дѣйствительнаго существованія странной и таинственной болѣзни называемой на Западѣ „медіумством“, а въ Россіи „кликушествомъ“. Полковникъ желалъ изучать всякія такія психическія явленія, гдѣ бы и подъ какимъ бы видомъ они ни являлись, съ научной точки зрѣнія...

Странное зрѣлище представилось бы глазамъ нашихъ американскихъ и европейскихъ друзей еслибы они могли увидать насъ среди этого ночнаго шествія! Дорога шла узкою тропой въ гору, и по ней нельзя было пройти болѣе чѣмъ по два въ рядъ, а насъ было тридцать человекъ съ факельщиками. Въ полковникѣ вѣроятно проснулось воспоминаніе о его ночныхъ вылазкахъ противъ конфедератовъ, и онъ тотчасъ же принялъ на себя команду надъ нашею экспедиціей. Эта команда, впрочемъ, ограничилась весьма немногимъ. Зарядивъ револьверы и ружье, онъ послалъ трехъ факельщиковъ впередъ освѣщать дорогу, что бы они сдѣлали и сами—и скомандовалъ: маршъ! Теперь намъ нечего бояться конфедераціи тигровъ, и мы можемъ идти спокойно. Извиваясь огненнымъ змѣемъ по лѣсу, наша процессія медленно ползла вверхъ по тропинкѣ.

Нельзя сказать чтобы явившееся полчаса поздне въ берлогу пророчицы Манду общество отличалось особенною свѣжестью или изяществомъ туалетовъ. У полковника и У*** дорожныя блузы были въ лохмотьяхъ какъ и мое платье. Кактусы собрали съ насъ посильную дань по дорогѣ; а во взъерошенныхъ волосахъ Бабу колошилась цѣлая колонія свѣтляковъ и длинноногихъ трещетокъ-сверчковъ, неотразимо привлекаемыхъ къ его головѣ вѣроятно всего залахомъ кокосоваго масла. Толстый Шамрад пыталъ какъ паровая машина. Одинъ Нараянъ, высказавъ свое мнѣніе, вернулся къ своему невозмутимому хладнокровію, походя во всякое время дня и ночи, а теперь въ особенности, на бронзовую статую Геркулеса съ палицей.

При послѣднемъ поворотѣ, гдѣ намъ пришлось лѣзть вверхъ по огромнымъ обломкамъ скалъ, мы очутились на тропинкѣ которая вела далѣе по ровной окраинѣ густаго лѣска. Когда это послѣднее прелатствіе было побѣждено, наши глаза были неожиданно и несмотря на наши факелы ослѣплены необычайнымъ свѣтомъ, а слухъ пораженъ самыми непривычными звуками.

Предъ нами открылась другая котловина, входъ въ которую, чрезъ пройденное нами ущелье, маскировалась только что ободеннымъ лѣсомъ. Какъ мы потомъ сообразили, можно было ходить вокругъ этого заколдованнаго лѣска недѣлю, и даже не подозрѣвать о котловинѣ въ глубинѣ которой мы увидѣли жилище знаменитой *Кангалиммы*—колдуньи и оракула всего околотка.

„Логовище“ оказалось довольно хорошо сохранившаюся развалиной древняго индусскаго храма; вѣроятно же всего, онъ былъ построенъ гораздо ранѣе „мертваго города“, гдѣ не дозволялось язычникамъ имѣть своихъ храмовъ,—такъ какъ эта полуразвалина находится какъ разъ подъ тѣмъ что было нѣкогда городскою стѣною, и въ линіи послѣдней. Булолы двухъ боковыхъ, небольшихъ пагодъ провалились, и изъ алтарей храмовъ повыросли огромные кусты, въ тотъ вечеръ исчезавшіе подъ разноцвѣтными трапками, горшечками и другими талисманами народнаго суевѣрія, которое даже въ нихъ видить нѣчто божественное... „Развѣ не выросли они на священномъ мѣстѣ? Въ ихъ фибрахъ не течетъ развѣ сокъ весь пропитанный еміамомъ жертвоприношеній и испареніями святыхъ отшельниковъ, нѣкогда жившихъ и дышавшихъ здѣсь?“ отвѣчалъ намъ въ видѣ вопросовъ на наши замѣчанія ученый, но суевѣрный Шамрадъ.

За то средній храмъ, выстроенный изъ краснаго гранита, былъ еще крѣпокъ, и сквозь его четыре толстыя колонны червѣло бы, еслибы не мѣшала дверь, глубокое отверстіе прорытое подъ горой. Чтѣ было за дверью, никто не зналъ. По увѣренію Шамрада, еще ни одна нога живаго существа, изъ трехъ послѣднихъ поколѣній, не переступала за эту толстую, обитую желѣзомъ дверь, ведущую вовнутренность подгорнаго храма. Кангалимма жила тамъ одна, и въ памяти старѣйшихъ обитателей *всегда* жила тамъ. Одни говорили что ей 300 лѣтъ; другіе увѣрали будто одинъ древній старецъ сознался предъ смертью сыну что старуха — *его родной дядя!* Послѣдній удалился въ пещеру спастись и прокладываетъ себѣ дорогу къ *Моктѣ*, еще въ тѣ времена когда „мертвый городъ“ считалъ нѣсколько сотъ послѣднихъ своихъ обитателей. Пустынякъ не принималъ никого, и чѣмъ и какъ онъ жилъ, никто того не зналъ и не знаетъ. Но вотъ давно, очень давно, еще въ тѣ дни когда *Беллати* не владѣли этими горами, старый отшельникъ внезапно превратился въ старую

отшельницу; и съ тѣхъ поръ она продолжая его занятія говорить его голосомъ и часто его именовъ, и только стала принимать поклонниковъ, чего ея предмѣстникъ никогда не дѣлалъ.

Мы видно прїѣхали рано, и людеи еще не выходила. Но площадь предъ храмомъ была полна людей, и весьма дикую, хотя и живописную картину представлялъ этотъ народъ. Громадный костеръ пылалъ на средивъ двора, и вокругъ него колошились, словно черные гномы, голые дикари, подбрасывая въ него цѣлыя вѣтви посвященныхъ „семи сестрамъ богинямъ“ деревь. Медленно и мѣрно подсакивали они съ одной ноги на другую, повторяя хоромъ монотонную фразу, все одну и ту же, и на тотъ же налѣвъ, подъ аккомпаниментъ нѣсколькихъ туземныхъ бубновъ и барабана. Глухо раздавалась однообразная трель послѣдняго, и ей вторило лишь дѣсное эхо да истерическія всхлипыванья двухъ дѣвочекъ лежавшихъ подъ кучей листьевъ возлѣ костра. Ихъ привели матери, надѣясь что „богини“ скажутся надъ ними и выгонятъ овладѣвшихъ ими двухъ злыхъ духовъ. Обѣ онѣ, еще молодыя женщины, сидѣли надъ дѣтми на корточкахъ, подгорюившись и туло смотрѣли на огонь. При нашемъ появленіи никто изъ присутствовавшихъ даже не шевельнулся. Да и во все время пребыванія нашего съ ними, всѣ они дѣйствовали какъ бы не видя насъ. Еслибы на насъ была надѣта шапка-невидимка, то и тогда врядъ ли кто изъ нихъ могъ постулатъ страннѣе.

— Это они всѣ чувствуютъ приближеніе боговъ... Вся атмосфера полна ихъ эманациями, таинственно объяснялъ намъ Шамрадъ, благоговѣнно озираясь на тѣхъ кого его возлюбленный Геккель могъ бы съ полною справедливостью принять за „недостойное звено“—за чадъ своего „*Batibiusa Gekkelii*“.

— Они просто подъ влияніемъ *тодди* и опиума, срѣзалъ его непочтительный Бабу.

И дѣйствительно, какъ сонныя тѣни двигались тѣ изъ нихъ которые не принимали прямого участія въ „представленіи“, а принимавшіе наломинали намъ одержимыхъ пляскою Св. Вита, въ грулль Пэджа. Одинъ изъ нихъ, длинный, бѣлый какъ лунь и худой какъ скелеть старикъ, отдѣлившись, при нашемъ приближеніи, изъ толпы, распустивъ руки крыльями, сталъ вдругъ крутиться на одной ногѣ, громко скрежеща

желтыми и длинными какъ у стараго волка зубами. На него было страшно, отвратительно смотрѣть! Онъ скоро улягъ, и безмолвно, почти механически его откатили *ногами* (!) въ сторону, къ большимъ дѣвочкамъ. Но то ли еще ожидало насъ! Вѣдь сказка наша впереди...

Въ ожиданіи „примадонны“ этой лѣсной оперы, мы ушли какъ могли на лѣвъ стараго уланшаго дуба, у самаго портика храма, приготовляясь забросать нашего свиско-дительнаго хозяина вопросами. Но не успѣли мы съѣсть какъ съ нервнымъ чувствомъ неподдѣльнаго изумленія и даже отчасти ужаса я быстро откинулась назадъ...

Передо мною стоялъ остовъ чудовищной головы звѣря, подобнаго которому я ничего не находила въ моихъ зоологическихъ воспоминаніяхъ.

Эта голова была гораздо болѣе головы слоновьяго скелета... То былъ однако словъ, если судить по искусно придѣланному хоботу, конецъ котораго изгибался гигантскою черною лѣвкой почти у моихъ ногъ. Но у слона нѣтъ роговъ, а у этого дѣлалъ четыре! Передняя пара, на плоскомъ лбу, торчала слегка закручиваясь впередъ и раздаваясь въ обѣ стороны какъ рога быка, а за ними другіе два, массивные, съ широкою какъ у оленя перелонкою у корня, которая постепенно суживалась почти до середины рога, откуда они развѣтвлялись въ обѣ стороны, на такую гигантскую вышину что могли бы казаться украсить головы десяти обыкновенныхъ оленей. Въ лустыхъ впадинахъ черепа были вдѣланы два подобія глазъ, изъ выдѣланной желтой и прозрачной какъ янтарь кожи носорога; * а за этимъ подобіемъ глазъ горѣли двѣ зажженные лампочки, что придавало головѣ еще болѣе ужасный, просто дьявольскій видъ.

— Да что жъ это такое, наконецъ! послышалось общее восклицаніе. Даже полковникъ не встрѣчалъ ничего подобнаго и не могъ узнать звѣря.

— *Сиватеріумъ*, отвѣчалъ Нараянъ.—Развѣ вы не видали остововъ этихъ допотопныхъ звѣрей въ европейскихъ музеумахъ?.. Странно; въ Гималайскихъ горахъ ихъ находятъ въ большомъ количествѣ, хотя и въ раздробленномъ состояніи... Они такъ названы въ честь бога Шивы.

* Въ Раджистанѣ изъ такой кожи дѣлаютъ щиты. Они очень дорого стоятъ и носятя только богатыми классомъ Раджпотовъ.

Признаюсь, мнѣ въ первый разъ доводилось видѣть это святилище, которое Сенковскій позабылъ представить намъ въ своемъ допотопномъ романѣ, на ряду съ спласующимъ влюбленную чету мамонтомъ. Но лучше поздно чѣмъ никогда. И вотъ, мы теперь стояли лицомъ къ лицу съ этимъ интереснымъ чудовищемъ.

— Если коллекторъ (collector) когда узнаетъ о существованіи этого остова у вашей вѣдьмы, вставилъ слово Бабу,— то не долго оны станутъ украшать сіе святилище...

Возлѣ остова и разсыпанные на полу портика лежали кучи бѣлыхъ цвѣтовъ, если не совсемъ допотопныхъ, то по крайней мѣрѣ неизвѣстной намъ, профанамъ въ ботаникѣ, породы. Они были величиной съ большую розу и посыпанные краснымъ порошкомъ „даль“— неизмѣнно принадлежностью всѣхъ религиозныхъ церемоній сей страны. Далѣе валялись кокосовые орѣхи, стояли мѣдныя блюда съ рисомъ, въ которыхъ горѣли воткнутыя въ рисъ разныхъ цвѣтовъ свѣчи, а посреди портика курилась, окруженная высокими въ большихъ мѣдныхъ канделябрахъ свѣчами, странной формы жаровня, на которую мальчикъ въ бѣломъ одѣяніи и такой же бѣлой *péggari* на головѣ то и дѣло подбрасывалъ ладонь и другіе порошки.

— Эти люди, разказывалъ намъ Шамрад,— хотя и поклонаются Кангалитѣ какъ воплощенію богини, не принадлежатъ ни къ ея, ни къ его сектѣ. Они чертопоклонники, и индусскихъ боговъ не признаютъ, а живутъ, разбросанные на маленькія общины, въ горахъ и принадлежатъ къ одной изъ многочисленныхъ въ Индіи расѣ извѣстныхъ подъ именемъ „холмовыхъ“ или „горныхъ племенъ“, *hill-tribes*. Они не употребляютъ, какъ то дѣлаютъ Шанары въ южномъ Траванкорѣ и Тивеллаи, кровь приносимыхъ ими въ жертву чертамъ животныхъ и звѣрей; не строятъ особенныхъ храмовъ этимъ *бхутамъ*, * храмовъ которые они называютъ *Пі-Косиль* или „чортовъ домъ“; но почему-то воображаютъ что богиня Кали, супруга Шивы, съ незапамятныхъ временъ литаетъ къ нимъ злобу, и поэтому посылаетъ своихъ избранныхъ служящихъ ей замъ духовъ мучить ихъ. За этою разницей, они вѣрятъ въ то же во что' вѣрятъ и Шанары.

* Эти „черты“, по понятіямъ Шанаръ, не особенные духи, а просто души умершихъ замъ людей.

Они не признаютъ Бога и взираютъ даже на Шиву какъ на простаго духа. Но главная ихъ вѣра въ души умершихъ людей. Эти души, какъ бы омы добры и честны ни были при живи, тотчасъ же послѣ смерти дѣлаются злыми чертами, радуясь и чувствуя себя счастливыми когда могутъ мучить людей и скоть. Въ этомъ-то и состоитъ награда ихъ добродѣтельныхъ земныхъ подвиговъ; и, напротивъ, если человѣкъ былъ очень злымъ на землѣ, то омы, дѣлаясь пожеловѣ добрыми „чортомъ“, мучится своимъ безсиліемъ и дѣлается весьма несчастнымъ. Результаты этой странной логики все не дурны, однако. Эти дикари и чертопоклонники—добрейшее и честнѣйшее изъ всѣхъ холмовыхъ племенъ въ Индіи, такъ какъ они стараются воими силами заслужить величайшую посмертную награду—быть произведенными въ злѣйшихъ чертей.

И, развеселенный собственнымъ остроуміемъ, Шамрадъ, разказывая намъ это, держалъ себя за бока отъ сдерживаемаго изъ уваженія къ святости мѣста хохота.

— Я вѣдалъ въ прошломъ году по дѣламъ въ Тивенелли, продолжалъ омы,—и живя у одного пріятели моего Шамара, былъ допущенъ видѣть одну изъ такихъ церемоній въ честь чертей. Изъ Европейцевъ, несмотря на хвастанье миссіонеромъ, еще пока ни одинъ не былъ допущенъ на подобный обрядъ, хотя между обращенными въ христіанство Шамарамъ есть и описывавшіе имъ эти церемоніи. Пріятель мой былъ богатый человѣкъ, и черти на него должно-быть особенно за это взѣлись.. Они мучили его семейство, отравляли скоть, портили посѣвы, заставляли гнить кофейное дерево и истязали его многочисленную родню, посылая на своихъ жертвъ солнечные удары, безуміе и эпидецію, каковыми болѣзнями они особенно завѣдуютъ. Эти злющіе черти поселились во всѣхъ углахъ его обширныхъ владѣній: въ дѣсахъ, въ развалинахъ и даже въ его хлѣвахъ. Поэтому омы покрылъ всю свою землю храмами,—пирамидами изъ глины, вымазалъ и выбѣлилъ ихъ, и украсивъ каждую портретомъ одного изъ чертей... то-есть не портретомъ, а только абрисомъ человѣческой головы, сталъ молиться, покорнѣйше прося омы каждого собственноручно изобразить свой портретъ въ абрисѣ, такъ чтобъ его можно было узнать, общая послѣ этого поклоняться оному и чтить узнаемое лицо духа какъ полнаго хозяина той пирамиды на которой,

онъ начертитъ свою физиономію... И что жъ вы думаете? На другое же утро всѣ лустыя мѣста были найдены зарисованными! На каждомъ былъ изображенъ до нефротіа похожій портретъ одного изъ мѣстныхъ покойниковъ. Почти всѣ были узнаваемы моимъ пріятелемъ; между прочими, онъ нашелъ портретъ и своего отца!

— И что жъ?... Радъ онъ былъ этому?..

— Конечно, онъ остался доволенъ. По крайности могъ всегда знать затѣмъ какъ угодить чорту-покойнику. Объ отцѣ то онъ не очень безлокоился, потому что старикъ былъ при жизни крутаго характера... разъ чуть не сломалъ сыну обѣихъ ногъ, треснувъ его изо всей силы желѣзною перекладной... Ну, стало-быть и не могъ быть очень опаснымъ чортомъ. А вотъ, другой портретъ, найденный на самой удобной и красивой изъ пирамидъ, такъ очень поразилъ моего пріятеля и заставилъ его сильно струсить... Весь околотокъ узналъ въ немъ одного задолго до того умершаго англійскаго офицера,—капитана Полъ (Pole)*, добрыйшаго при жизни джентльмена!..

— Какъ?... Неужели же онъ и ему сталъ поклоняться?

— А какъ же? Мистеръ Полъ былъ такимъ достойнымъ, справедливымъ и честнымъ чиновникомъ что разомъ долженъ былъ заслужить послѣ смерти одно изъ высшихъ мѣстъ въ сомѣ шанарскихъ чертей. Онъ такъ и остался предсѣдающимъ демономъ всей этой деревни, и когда я пріѣхалъ, жители всего околотка поклонялись ему. Посвященный ему *пѣ-ковиль* стоитъ рядомъ съ *пѣ-ковильемъ Бхадракали* (Гекаты Шанаровъ), мѣсто которой на томъ свѣтѣ недавно получила жена нѣкоего нѣмецкаго миссіонера—тоже прекрасная при жизни леди и поэтому чрезвычайно опасная теперь... какъ женскаго пола чортъ.

— А какъ же имъ поклоняются? разкажите въ чемъ состоитъ ихъ обрядъ?

— Обрядъ этотъ заключается главное въ пляскѣ, пѣсняхъ и жертвоприношеніяхъ. Шанары не имѣютъ кастъ, и священныя обычаи Индусовъ ими не соблюдаются. Они ѣдятъ всякое мясо... Народъ собирается возлѣ назначеннаго жрецомъ *пѣ-ковилья*, начинаетъ бить въ барабаны и рѣзать домашнюю птицу, барановъ, козловъ. Поклоняясь мистеру Полу, въ

* Исторически извѣстный вошъ въ Индію фактъ. Капитанъ Полъ до сихъ поръ у нихъ главный демонъ.

знакъ особеннаго уваженія къ нему самому, его вкусахъ при жизни и особенно національности, всегда рѣзали быка или корову... Въ тотъ вечеръ обряды совершались главнымъ жрецомъ. Онъ явился съ ногами покрытыми до коленъ звенящими браслетами, съ покрытымъ колокольчиками жезломъ, съ распущенными волосами, въ черной мантии вышитой фигурами разныхъ страшнѣйшихъ чертей и съ красными и бѣлыми цвѣтами на шеѣ. При звукахъ роговъ, барабаннаго бѣя и глубокаго тона „чортова смычка“, секретъ фабрикаціи котораго сохраняется между одними шамарскими жрецами,—онъ вышелъ, и подождавъ минуту, пока мистеру Полу угодно будетъ вселиться въ его недостойное тѣло, онъ вдругъ высоко подпрыгнувъ на мѣстѣ, приблизился къ жертвенной коровѣ и закололъ ее на мѣстѣ. Налитшись горячей крови, онъ сталъ плясать... Но что это была за пляска! Вы знаете, я далеко не суевѣренъ... (я возрадовалась въ душѣ что миссъ Б*** спокойно спитъ за полмили отъ насъ на слонѣ!), но когда я увидѣла этого, словно вдохновляемаго всѣми демонами *нарака* (ада) жреца, вертающагося съ поразительною быстротою волчка на одномъ мѣстѣ, со мною чуть не сдѣлалось душно. Вдругъ, при бѣшевыхъ крикахъ и воѣ толпы, онъ сталъ наносить себѣ окровавленнымъ жертвеннымъ ножомъ глубокія раны по всему тѣлу. Видѣть его какъ онъ съ лѣнящимся ртомъ и развѣвающимися волосами куляется въ крови закланной жертвы, смѣшивая ее съ собственною, стало наконецъ выше силъ моихъ. Со мною стало происходить нѣчто въ родѣ галлюцинаціи. Мнѣ представлялось будто то я самъ вернусь. И вотъ все быстрѣе и быстрѣе...

Шамрао вдругъ прервалъ свой разказъ и разомъ оцѣмѣлъ на мѣстѣ.

Предъ нами стояла Кангалиммъ.

Мы всѣ было смутились; до такой степени появленіе ея было неожиданно. Подъ вліяніемъ разказа Шамрао, мы не видали ни какъ, ни откуда она явилась; и еслибъ она выросла изъ-подъ земли, то этотъ фактъ не засталъ бы насъ болѣе неприготовленными и удивилъ бы не болѣе чѣмъ удивила насъ ея поразительная личность. Нараянъ вытаращилъ на

* Родъ балаайки съ тремя тоастыми струнами изъ человѣческихъ—какъ говорятъ—жиль, на которыхъ водать смычкомъ изъ бамбука.

нее свои большіе черные глаза, а Бабу смущенно щекнула языкомъ...

Вообразите себѣ трехъаршинный ростъ, обтянутый коричневымъ сафьяномъ скелетъ на костлявыхъ плечахъ котораго посажена крошечная мертвая головка восьмилѣтняго ребенка! Глаза, глубоко впашіе и вмѣстѣ съ тѣмъ такіе огромные, до такой степени пронизывающіе васъ насквозь своимъ дьявольскимъ жгучимъ пламенемъ что вы чувствуете подъ этимъ взглядомъ какъ вашъ мозгъ перестаетъ работать, мысли начинаютъ путаться, а кровь холодѣть въ жилахъ... Я здѣсь описываю свои личные чувства и описываю довольно слабо. Но и полковникъ, и У*** сильно побѣдѣли, а У*** такъ даже плачула.

Конечно, это впечатлѣніе далося не долѣе нѣсколькихъ секундъ: и когда ея мертвенно-пристальный и вмѣстѣ жгучій взглядъ оторвался отъ насъ чтобы переаестись на простертую предъ ней толпу, оно такъ же мгновенно изгладилось какъ и явилось. Но все наше вниманіе сосредоточивалось теперь на этомъ замѣчательномъ созданіи...

Триста лѣтъ? Почему и какъ кому это знать? Судя по ея наружности, ей можно было дать еъ такимъ же вѣроятіемъ или невѣроятіемъ и тысячу лѣтъ. Предъ нами стояла неподдѣльная, живая или скорѣе одаренная движеніемъ мумія; до того высохшая что она казалась какъ бы застывшею съ самаго сотворенія міра. Ни время, ни невзгоды жизни, ни самыя стихіи не могли ни коснуться, ни даже повліять болѣе на эту статую смерти. Всесокрушающая рука времени коснувшись ея въ свой предназначенный часъ сдѣлала свое дѣло и—остановилась. Она не могла продолжать онаго, ибо окончила его. Такою явилась предъ нашими глазами колдунья „Мертваго города“.

И со всѣмъ тѣмъ ни одного сѣдаго волоска! Длинныя, черныя какъ смоль, блестящія отъ кокосоваго масла и отсвѣчивающіе какимъ-то зеленоватымъ блескомъ волосы тяжело падали прямыми какъ стрѣлы густыми космами вдоль спины и до самыхъ коленъ... „Говорятъ, у локонниковъ... у вампировъ растутъ въ могиллахъ волосы и отрастаютъ ногти,“ мелькнуло у меня въ головѣ. И въ то же время къ величайшему моему стыду старалась разглядѣть ногти на рукахъ и ногахъ отвратительно страшной старухи... А она?

Она стояла попрежнему неподвижно, словно превратилась въ безобразнаго бронзоваго идола, и устремивъ свои углемъ

горящія глаза въ толпу, работливо лежащую въ лыки у ногъ ея. Въ одной рукѣ она держала небольшое мѣдное блюдо, на которомъ лежалъ большой кусокъ горячей камфоры, а въ другой горсть рису. Желтоватое блѣдное пламя, раздвѣляясь по вѣтру, почти касалось ея лица, лизало ей подбородокъ и освѣщало ея мертвенную голову; но она, казалось, не чувствовала и огня. Вокругъ ея морщинистой какъ грибокъ, тонкой какъ косточка шеи лежалъ тройной рядъ не то мѣдныхъ, не то золотыхъ медалльоновъ, а голову окружала такая же змѣя. На жалкомъ подобіи тѣла кусокъ шафраннаго цвѣта кисеи; вокругъ торчащихъ ребрь такой же...

Дѣвочки приподнявъ головы вдругъ завывали пронзительнымъ животнымъ воемъ, и ихъ примѣру послѣдовалъ и старикъ. Тогда вѣдьма, судорожно встряхнувъ головой и будто приподымаемая на пружинахъ, медленно начала свою заклинательную молитву.

— *Ангатти энѣ-ангатти!*.. * шелтавъ Шамрад, съ котораго лился крупный потъ.—Богиня... одна изъ семи сестеръ уже вселяется въ нее... Смотрите!..

Рекомендація была излишнею—мы смотрѣли во всѣ глаза.

Сперва медленно, судорожно и какъ-то неровно засеменила ногами колдунья; затѣмъ постепенно ея движенія стали плавнѣе; и вотъ, будто приоровившись къ выбиванью барабанной дробы, нагнувшись всѣмъ длиннымъ тѣломъ впередъ и угремъ извивая его во всѣ стороны, она помеслась съ невѣроятною быстротой вокругъ пылающаго костра... Сухой листъ погоняемый вихремъ несетса не быстрѣе. Беззвучно падаютъ на скалистую лочву ея босыя костлявыя ноги; черныя космы разлетаются какъ стая змѣй во всѣ стороны, хлещуть простирающихся къ ней руки больныхъ зрителей, извиваются словно живыя... Кого ни задѣнетъ черная рябь на головѣ этой фурии тотъ такъ и падаетъ на землю, рыча отъ счастья, благодаря богиню и считая себя излеченнымъ!.. То вѣдь не раздвѣвующіяся косы вѣдьмы хлестнули его, то сама *богиня*, одна изъ „семи“, дотронулась до избранныго!..

Быстрѣе, все быстрѣе летать дряхлыя ноги; молодыя, крѣпкія руки барабанщика еле поспѣваютъ за ними; а

* Буквально „входить въ челоуѣка“. Самое же выраженіе означаетъ что духъ, бѣзъ или какая другая левидиная сила начинаетъ входить въ избранное имъ тѣло.

старуха все мчится впередъ... Устрѣмивъ неподвижный, мертвенный взоръ свой, во что-то для всѣхъ невидимое, для нея одной присущее, она лишь по временамъ и на одно мгновеніе заглядываетъ въ лица стоящихъ, пронизывая ихъ насквозь этими взглядами; и на кого взглянетъ она, на того и бросаетъ зерна сухаго риса. Маленькая горсточка кажется нестоимую; словно въ морщинистой ладони спрятанъ мѣшокъ самого Фортуната. Но вотъ, она вдругъ останавливается будто вкопаная. Послѣ этой дившейся, по часамъ, ровно 12 минутъ бѣшеной скачки вокругъ костра, вы думаете она шатается, падаетъ?... Ни чуть. Ни малѣйшаго знака утомленія, ни капли лота на мертвенномъ лицѣ! Она остановилась лишь на двѣ секунды, дабы дать время богинѣ выскочить изъ нея. И вотъ, въ одинъ прыжекъ, не посрамившій бы и дикой кошки, она перескакиваетъ черезъ костеръ, и въ одинъ взмахъ ужь очутилась въ глубокомъ танкѣ, вонзѣ портика, по горло въ водѣ. Окунавшись одинъ разъ съ головой, гдѣ подъ водой ею овладѣваетъ другая сестра богиня, она снова выскакиваетъ изъ колодца и ждетъ—олицетворенное подобіе головы Медузы... Мальчикъ въ бѣлой одеждѣ подаетъ ей другое блюдечко, съ другимъ кускомъ зажженой камфоры. И вотъ она опять несется.

И снова, въ продолженіе уже 14 минутъ, по часамъ полковника, она мчится, и скачетъ, и прыгаетъ, послѣ чего окунается два раза съ головой въ колодецъ въ честь второй сестры. И такъ съ каждымъ новымъ „бѣснованіемъ“ она прибавляетъ по одному разу, пока дѣло не доходитъ до шести исчезновеній подъ водой.

До сихъ поръ мы еще не слышали ея голоса. Ея губы крѣпко сжаты, и она ихъ еще не разжимала. Теперь ровно полтора часа какъ она бѣгаетъ, мчися во весь опоръ; и ни разу не перевода духа. Во все это время она остановилась шесть разъ, всего на нѣсколько секундъ при каждомъ перерывѣ... „Сестры“ не мѣшчаютъ; онѣ знаютъ свое дѣло... На то онѣ и богини!

— Да что это, чортъ или женщина!... восклицаетъ въ полголоса полковникъ, въ то время какъ голова вѣдьмы исчезаетъ въ шестой разъ подъ водой.

— Будь я проклятъ, если знаю! ворчитъ У***, нервно держа себя за бороду.—Знаю только что зерно ея чертова риса ползло мнѣ въ горло и застряло тамъ... Я не могу его вылапнуть...

— Таше... пожалуста таше!... шепчетъ Шамрад.— Вы испортите все дѣло...

Я взглядываю на Нараяна и теряюсь въ догадкахъ... На его бронзовомъ, всегда столь спокойномъ, даже суровомъ лицѣ теперь лежитъ тѣнь глубокаго, неподдѣльнаго страданія. Его губы судорожно сжимаются; болѣзненно прищуренныя глаза свѣтятся сквозь черныя рѣсницы фосфорическимъ блескомъ глазъ дикаго звѣря; а зрачки, расширенныя какъ у человѣка подѣ вліаніемъ морфія и ловидному устремленныя на черныя лѣсъ предѣ нами, смотрятъ куда-то далеко въ невѣдомыя и быть-можетъ никѣмъ не виданныя страны... Чтѣ это съ нимъ? думается мнѣ; но я не успѣваю его спросить, потому что кодаунья, оставая за собою ручьи воды, снова пускается въ бѣшеную погоню за собственной тѣнью. Но на этотъ разъ она измѣняетъ программу. Она уже не бѣжитъ, а порывисто скачетъ. То пригнувшись къ землѣ, съ движеніемъ черной лавтеры, она подскакиваетъ къ одному большому и дотронувшись пальцемъ до лба дрожащаго локлонника, смѣется неслышнымъ смѣхомъ, скаля зубы какъ гіена; то отправаувъ какъ бы отъ собственной тѣни она кружится надъ нею, манитъ къ себѣ, заигрываетъ съ нею, являясь какою-то адскою каррикатурой Диворы въ ея „вадьсѣ съ тѣнью“. Потомъ выпрямившись въ одинъ прыжокъ—она уже опять у курацагаоса подѣ лортикомъ аатара, гдѣ она простирается предѣ нимъ, стучалась лбомъ о гранитный ломость; другой скачокъ, и она у остова чудовищагао сиватеріа, и ладаа предѣ нимъ ницѣ снова разбиваетъ камни лбомъ, съ глухимъ стуккомъ лустаго бочевка о мостовую. Последній прыжокъ, и она стоитъ выпрямившись во весь огромный ростъ на головѣ сиватеріа между его четырьмя рогами...

Съ чувствомъ ужаса и отвращенія который мы уже и не стараемся скрывать, мы всѣ быстро латимся назадъ, всѣ кромѣ Нараяна.

Онъ остается одинъ возлѣ чудовищной головы; сложивъ руки на груди, онъ смотритъ въ упоръ въ лицо страшной кодауньи...

Но чтѣ это? Кто это вдругъ заговорилъ такимъ глубокимъ, густымъ басомъ? То ея губы шевелятся, то изъ груди ужасной старухи вылетаютъ эти быстрыя отрывистыя фразы; а между тѣмъ голосъ звучитъ глухо, точно онъ вылетаетъ изъ подѣ земли...

— Тсс... тсс... снова шелчетъ Шамрад, дрожа всѣмъ тѣломъ.—Она пророчествуетъ!...

— Либо она... либо „дядя“... бурчитъ У***, скаля зубы и съ улыбкой которая должна казаться толстаку чисто демонскою въ эту торжественную минуту.

— Горе, горе... вамъ! гудитъ *голосъ*.—Горе вамъ, дѣти несчастивыхъ „Джаи“ и „Виджаи“, * насмѣшливыхъ, невѣрующихъ придверниковъ великаго Шивы, проклятыхъ восемьдесятю тысячами святыхъ мудрецовъ! Горе вамъ, невѣрующимъ въ богиню Кали и отвергающимъ насъ, ея семь божественныхъ сестеръ!... *Азуры*... плотоядные, желтоногіе коршуны!... Друзья притѣснителей нашей страны!... собаки, не гнушающіяся ѣсть изъ одного корыта съ погаными *балла-тажи*!...

— Ваша пророчица, какъ видно, пророчествуетъ заднимъ числомъ... произноситъ У***, философически закладывая руки въ карманы.—Это въ вашъ огородъ камешекъ, почтенный Шамрад...

— Гм!... Да кажется и въ нашъ съ вами, бурчитъ немножко сконфуженный полковникъ.

Злополучный Шамрад обливаема лѣтомъ ужаса и перебѣгаетъ подъ черною тѣнью лѣска, гдѣ мы пріютились, подалеже отъ вѣдьмы, отъ одного къ другому, увѣряя насъ что мы ошибаемся, что мы не довольно хорошо понимаемъ языкъ...

— Это она не объ васъ... повѣрьте, не объ васъ!... Это обо мнѣ, потому что я служу... она неумолима!...

— Ракшазасы!... Азуры!... осмѣлившіеся явиться предъ нами, богинями... въ *обуви*... стоять въ сапогахъ изъ кожи священнои коровы... будьте вы прокля...

Но ея проклятію не суждено было родиться въ сей міръ. Одно мгновеніе—и огромная фигура Нараяна навалившись плечомъ на сиватеріа, перевертываетъ его вверхъ дномъ, вмѣстѣ съ хоботомъ и бѣснующеюся на немъ Писоіей. Еще секунда—и намъ кажется будто вѣдьма летитъ по воздуху, съ помеломъ или безъ онаго, про то лучше знать Шамрад, по направленію къ портику; а какой-то плечистый съ бритою головою браминъ катится кубаремъ внизъ въ провалѣ... Не проходитъ и третьей секунды какъ мы приходимъ къ груст-

* Исторія этихъ *Ракшазовъ*, падшихъ духовъ, найдется даже. Она весьма интересна.

ному заключенію, правда, благодаря происшедшему общему смятенію, скорѣе по стуку тяжело захлопнувшейся двери подземелья, нежели чему другому, что представительница на землѣ „семи богинь“ обратилась въ постыдное бѣгство, скрылась навсегда отъ нашихъ любознательныхъ взоровъ въ своемъ неизменномъ царствѣ!... и что наконецъ ея густой, неземной и подземный голосъ, дѣйствительно голосъ—чьего-нибудь „дяди“!

О, Нараянъ!... Какъ перашливо, неаккуратно вращаются міры вокругъ насъ! Я начинаю серьезно оспаривать ихъ дѣйствительность. Съ этой минуты я начинаю глубоко вѣрить что все въ мірѣ иллюзія—одна *Майя*! Я дѣлаюсь Веданткой... Я сомнѣваюсь, наконецъ, найдется ли въ немъ что-либо объективнѣе индусской „вѣдмы“ вылетающей *изъ трубы*!

Проснувшаяся миссъ Б*** пожелала узнать что такое случилось. Ее разбудилъ шумъ многихъ голосовъ и топотъ ногъ убѣгающей толпы голыхъ людей по направленію къ ущелью. Всѣ они казалось бѣжали безъ оглядки, какъ бы боялись какой погони и казались очень испуганными...

Затѣмъ облечивъ себя разказомъ о своихъ впечатлѣніяхъ и посушивъ зубную клавиатуру при свѣтѣ звѣздъ между благосклонною улыбкой и звѣнкомъ, она снова безмятежно уснула.

На другое утро, на зарѣ, мы вѣжно прощались съ добродушнымъ Шамрад. Онъ уже успѣлъ придти въ себя послѣ такого пораженія и успокоиться отъ ночнаго потрясенія. Позорно-легкая побѣда Нараяна сильно смущала его. Послѣ подобной калитуляціи „семи богинь“, очистившихъ поле битвы при первомъ толчкѣ отъ простаго смертнаго, его вѣра была сильно поколеблена и въ „сестеръ“, и въ святую отшельницу. Вслѣдствіе этого, онъ горячо, хотя и немного сконфуженно, пожалъ намъ руки, и съ лучшими пожеланіями его и семейства, наши слоны, съ воссѣдавшими на мощныхъ ихъ спинахъ героями сего правдиваго повѣствованія, направили свои тяжелыя столы къ большой дорогѣ и Джабельтуру.

XVIII.

Путь нашего самопросвѣтительнаго паломничества по первоначальному плану лежалъ на Сѣверо-Западныхъ Провинціи, эти *status in statu* Англо-Индіи, гдѣ о вице-королѣ знаютъ, но стараются его игнорировать, приказанія его принимаются, но мало кто ихъ исполняетъ,—провинціи съ правительствомъ деспотическимъ, подозрительнымъ и неугомнымъ. Но о нихъ послѣ...

Чтобы снова попасть на Джабельпурскую линію съ которой мы сошли въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Насика, намъ приходилось возвращаться на Акбарпуръ, затѣмъ ѣхать по проселочнымъ дорогамъ на станцію Санавадъ, на желѣзную дорогу Холькара, соединяющуюся съ Большою Индійскою Пенинсулярною дорогою. Древнія пещеры Багхъ (Bagh) находились всего за пятьдесятъ миль отъ насъ, на востокѣ отъ Манду, и являлись сильнѣйшею приманкой. Мы колебались не сдѣлать ли намъ крюкъ и снова переѣхать Нербудду. У нашего бабѹ за Кандешомъ, какъ и вездѣ, оказывалось кумовство, которое здѣсь зовется „однокашничествомъ“, и мы напередъ могли знать что встрѣтимъ и въ Малъвѣ вездѣприсущихъ, услужливыхъ бенгальскихъ бабѹ разсылавшихся по землямъ индоставскимъ какъ у насъ разбѣяны Жиды по Россіи. Кстати же къ нашему „лолку“ прибылъ еще одинъ товарищъ.

Наканувѣ мы получили чрезъ странствующаго и богомольствующаго *санньязи* письмо отъ Суамиджа Дайанаанда. Въ Хардварѣ холера усиливалась съ каждымъ днемъ, и нашъ еще не знакомый намъ союзникъ снова откладывалъ наше съ нимъ свиданіе до конца мая въ Дера-Дѣнъ (Dehra-Dun), у подножія Гималаа, или же въ маящемъ туриста своею прохладною прелестью Сахарампурѣ, въ сорока миляхъ отъ послѣдняго. Странникъ вмѣстѣ съ письмомъ привезъ намъ отъ *суами* букетъ самыхъ странныхъ цвѣтовъ, о которыхъ, полагаю, въ Европѣ не имѣютъ и понятія. Они растутъ лишь въ извѣстной мѣстности, въ Гималайскихъ долинахъ, обладаютъ удивительною способностью измѣнять къ полудню цвѣтъ и засыхая по наружности не увядаютъ. Это прелестное растеніе (*Hibiscus mutabilis*) отъ зари до 10 часовъ утра распускаетъ цвѣтъ, представляющій ночью одинъ

клубокъ сжатыхъ зеленыхъ лелестковъ, и густо покрывается бѣлоснѣжными цвѣтами какъ большія бѣлая розы, но къ полудню розы начинаютъ алѣть: все болѣе и болѣе краснѣя, онѣ наконецъ къ четыремъ часамъ пополудни дѣлаются темнопурпуроваго цвѣта какъ піоны. Цвѣты эти посвящены *Азураму* * (родъ пери или ангеловъ въ индійской мѣологіи) и богу *Сурью* (солнцу). Последнее божество влюбленное съ сотворенія вселенной въ Азуру постоянно нащелтываетъ цвѣтку въ которомъ пріютилась его возлюбленная о своей пламенной любви. Но Азура дѣвственница и посвятила себя съ начала временъ служенію богинѣ чистоты, патронессѣ всей монашествующей братіи. Любовь Сурьи напрасна: Азура не слушаетъ его... Но цвѣтокъ краснѣетъ и теряетъ наружно свою дилейную чистоту подъ вливающимися въ него огненными стрѣлами влюбленнаго бога... Туземцы называютъ это растение *Lajalo* (скромницей).

Въ ту ночь мы кочевали въ долину на берегу ручья, разбивъ палатки подъ тѣнистою смоковницей. Нарочно свернувъ съ пути въ Бомбей чтобы повидаться съ нами и исполнить порученіе Суамиджа, санньязи сидѣлъ съ нами далеко за полночь, разказывая о своихъ странствованіяхъ и чудесахъ своей когда-то великой родины, о старомъ „львѣ“ Пенджаба Рунджитъ-Сингъ и его геройскихъ подвигахъ. Странные, загадочные субъекты встрѣчаются между этими паллигримами. Многие изъ нихъ чрезвычайно учены, говорятъ и читаютъ по-санскритски, видимо слѣдятъ за современною наукой и политическими событіями, и все-таки остаются вѣрными своимъ древнимъ философскимъ воззрѣніямъ. Обыкновенно совершенно нагіе, за исключеніемъ желтокроваваго куска опоясывающей имъ бедра кисеи (да и то по приказанію полиціи въ городахъ гдѣ живутъ Европейцы), они странствуютъ отъ пятнадцатилѣтняго возраста по дѣнь смерти, умирая почти всегда въ глубокой старости, не заботясь о завтрашнемъ днѣ и живя буквально какъ птицы небесныя и лиліи въ долину. До денегъ они не дотрогиваются, а живутъ подаваемъ и довольствуются горстью риса. Все мірское имущество ихъ

* Этихъ *Азуръ* не слѣдуетъ смѣшивать съ *Асурами* или „дьяволами“, которыхъ мѣологическая исторія Индіи называетъ первымъ вторгшимся въ страну непріятелемъ и которые, по всей вѣроятности, были древніе Ассиріане.

состоитъ изъ маленькой тыквенной бутылки для воды, четокъ, мѣдной чашки и посоха. Санньязи и суаи большею частью *сикки* изъ Пенджаба и монотеисты. Они презираютъ идолопоклонниковъ и ничего не имѣютъ съ ними общаго, хотя послѣдніе также часто величаютъ себя этими именами.

Но нашъ новый знакомый былъ уроженецъ Амритсара въ Пенджабѣ и воспитанъ въ „Золотомъ храмѣ“ чтó на *Амрита-Сарае* (озерѣ Безсмертія). Тамъ находится ихъ верховный *гуру*—учитель сикковъ, который никогда не выходитъ за предѣлы своего храма, гдѣ онъ сидитъ цѣлые дни изучая священное писаніе этой странной, воинственной секты—книгу *Адигранта* (*Adigrantha*). Сикки взираютъ на него какъ тибетскіе ламы взираютъ на своего далай-ламу. Какъ послѣдній есть воплощеніе Будды для ламъ, такъ амритсарскій маха-гуру—воплощеніе основателя секты для сикковъ, Нанака, хотя по ихъ понятіямъ Нанака никогда не былъ божествомъ, а только пророкомъ вдохновляемымъ духомъ единого Бога. Такимъ образомъ нашъ санньязи не былъ однимъ изъ вышеописанныхъ нагихъ пилигримовъ, но настоящимъ *акали*—однимъ изъ шестисотъ священниковъ-воиновъ представленныхъ къ „Золотому храму“ для божественнаго служенія и его охраны отъ нападенія жадныхъ мусульманъ. Звали его Рамъ-Рунджитъ-Дасъ, и его наружность вполне соответствовала принадлежащему ему титулу „Божьяго воина“, какъ себя величаютъ храбрые акалы. Его наружность была чрезвычайно замѣчательна и тилчяна, и онъ скорѣе походилъ на геркулесоподобнаго центуріона древнихъ римскихъ легионовъ, нежели на кроткаго служителя алтара, хотя бы и сиккского. *

Рамъ-Рунджитъ-Дасъ предсталъ предъ нами верхомъ на прекрасной лошади въ сопровожденіи другаго сикка, на почетительномъ разстояніи, повидимому послушника, либо слуги. Еще издали онъ былъ признаваъ нашими Индусами за акалы по совершенно отличному отъ другихъ туземцевъ костюму. На немъ была яркоголубая туника безрукавка—совершенно такого покроя какъ мы видимъ на изображеніяхъ римскихъ воиновъ; на его мускулистыхъ огромныхъ рукахъ были широкіе стальные браслеты и щитъ за спиной. На головѣ конической формы сивій тюрбанъ, а вокругъ стана вмѣсто пояса

* См. „Дурбаръ въ Лахорѣ“ *Русск. Вѣстн.* май, июль и июль 1881 года.

нѣсколько тяжелыхъ стальныхъ обручей, о которыхъ злые языки и враги сикковъ говорятъ что при случаѣ эти священные пояса становятся въ рукахъ опытнаго „Божьяго воина“ оласиѣе, будто бы, всякаго холоднаго оружія.

Кому не извѣстна исторія сикковъ, самой воинственной и храброй секры во всемъ Пенджабѣ? Слово „сиккъ“ (Sikh) означаетъ „ученикъ“. Основанное въ XV столѣтіи богатымъ и благороднымъ браминомъ Нанакомъ, новое ученіе такъ быстро прививалось къ сѣвернымъ воинамъ что въ 1539 году (годъ смерти основателя) ихъ насчитывали уже до ста тысячъ человекъ; а теперь эта секта, тѣсно связанная пламеннымъ религіознымъ мистицизмомъ и своими воинственными наклонностями, исповѣдуетъ свою вѣру по всему Пенджабу. Она основана на принципахъ теократическаго правленія, и ея тайные догматы почти неизвѣстны Европейцамъ, а Англичанамъ такъ и совершенно незнакомы. Ихъ ученіе, взгляды, обряды—все содержится и совершается въ величайшей тайнѣ. Знаютъ только одно: сикки строгіе монотеисты, не имѣютъ кастъ и не признаютъ ихъ, вѣдая все что и Европейцы, и—рѣдкое исключеніе между Индусами—*хоромятъ* покойниковъ. Второй томъ *Адигранты* учить: „боготворить Единого Бога, избѣгать суевѣрій, *помогать умершимъ* (?) вести строгую нравственную жизнь и *жить мечомъ*“. Одинъ изъ ихъ великихъ *гуру* (Говинда, сынъ махараджи), дабы сдѣлать ихъ вполнѣ отличными отъ мусульманъ и другихъ Индусовъ, ввелъ между ними обычай никогда не брить ни бороды, ни усовъ и носить длинные волосы. Послѣ многихъ отчаянныхъ сраженій, сикки, врагами коихъ являлись теперь Индусы столько же какъ и магометане, остались побѣдителями. Ихъ вождь, знаменитый Рунджитъ-Сингъ, установивъ собственное верховное владычество въ верхнемъ Пенджабѣ, заключилъ въ началѣ этого столѣтія трактатъ съ лордомъ Аукландомъ, и его владѣнія были признаны независимымъ государствомъ. Но послѣ смерти „старого льва“ снова возникли изъ-за его престола междоусобія между самими сикками. Махараджа Дулигъ-Сингъ (его побочный сынъ отъ лубличной танцовщицы) оказался до того слабымъ что допустилъ своихъ сикковъ, остававшихся дотолѣ вѣрными союзниками Англичанъ, попытаться отвоевать отъ нихъ весь Индостанъ, какъ когда-то они завоевывали пограничныя деревни и крѣпости въ Афганистанѣ. Попытка окончилась плачевно

какъ для буйныхъ сикковъ, такъ и для слабого Дуливи-Синга, который, чтобы спастись отъ своихъ солдатъ и заслужить прощенье отъ Англичанъ, принялъ христіанство и былъ тайно перевезенъ въ Шотландію. Его замѣнилъ Гулабъ-Сингъ. Вѣрный слову, и политической программѣ Рунджитъ-Синга, онъ отказался сдѣлаться измѣнникомъ, за что и получилъ въ награду предѣльную Кашмирскую долину отъ перелугавныхъ сикками Англичанъ, а сикки перешли въ неволю къ нимъ какъ и остальные Индусы.

Но еще остаются *куки*, вѣтвь отъ надломленнаго стараго дуба *сиккизма*. „Куки“—секта сикковъ и самый опасный элементъ въ подземномъ теченіи индійской народной ненависти. Эта новая секта была основана около 30 лѣтъ тому назадъ Балукъ-Рамомъ и образовалась возлѣ Аттока, въ Пенджабѣ, на восточномъ берегу Инда, гдѣ послѣдній, наполняясь водой изъ Кабульской рѣчки, впервые дѣлается судоходнымъ. Цѣль Балукъ-Рама была двойная: вернуть религію сикковъ къ ея первобытной чистотѣ и организовать вмѣстѣ съ тѣмъ тайное политическое общество, готовое въ данную минуту на все. Это братство, состоящее болѣе чѣмъ изъ 60.000 человекъ, связано самыми страшными клятвами и залогами: во первыхъ, никогда не выдавать своихъ тайнъ; а во вторыхъ, не отказываться ни отъ какого могущаго явиться со стороны начальниковъ приказанія. Въ самомъ Аттоктѣ, гдѣ съ жителями крѣпости еле насчитываютъ двѣ или три тысячи человекъ, ихъ мало. Насъ увѣряли будто „куки“ разсыяны по Индіи; несмотря ни на какія старанія, ихъ совершенно невозможно уличить въ чемъ-либо противозаконномъ, до такой степени ихъ общество хорошо организовано. Ихъ начальники также неизвѣстны.

Нашъ акали подарилъ намъ въ тотъ вечеръ, только не отъ суаи Дайянанда, а отъ себя, сткляночку изъ горнаго хрустала наполненную священной водой изъ Озера Безсмертія. Въ случаѣ глазной боли или другаго недуга, онъ совѣтовалъ намъ помочить ею больное мѣсто, увѣряя будто одной капли оной довольно для излѣченія самой упорной болѣзни. Вода въ стклянкѣ была необычайно чиста и прозрачна, отъ того ли что въ Амритсарскомъ *тулао* (резервуарѣ) воды, по причинѣ множества въ немъ родниковъ, постоянно перемѣняются или отъ чего другаго, но Озеро Безсмертія славится во всей Индіи необычайною прозрачностью и

чистотой своей воды, несмотря на то что сотни людей ежедневно окунаются въ немъ. Когда мы посѣтили это предестное озеро, или скорѣе бассейнъ во 150 кв. ярдовъ, то каждый камешекъ и малѣйшее на немъ пятнышко на довольно глубокомъ днѣ видѣлись словно чрезъ чистѣйшее стекло. Амрита Сарасъ—представшее изо всѣхъ мѣстъ сѣверной Индіи. Отраженіе „Золотаго храма“ въ водахъ озера представляетъ нѣчто волшебное, восхитительное. Одинъ Айвазовскій былъ бы въ состояніи передать эту картину на полотнѣ.

Итакъ намъ приходилось еще около семи недѣль колебать съ мѣста на мѣсто, на выборъ: по Бомбейскому ли президентству, по Сѣверо-Западнымъ Провинціямъ, или же по Раджистану. Чтò выбрать? Куда ѣхать? Предъ подобнымъ изобиліемъ интереснѣйшихъ мѣстностей мы колебались какъ извѣстное животное между двумя столбами. Мы такъ много слышали о дворцахъ Гайдерабада и Голконды, прямо перекосающихъ путешественника въ волшебную обстановку изъ *Тысячи и Одной Ночи* что серьезно стали бымо собираться повернуть нашихъ словъ къ Верхнему Синдху и ѣхать въ Гайдерабадъ, въ территорію Низама. Намъ хотѣлось посмотрѣть на этотъ „городъ льва“*, построенный въ 1589 году великолѣпнымъ Мухамедъ-Кули-Кутбъ-Шахомъ, которому все такъ пріѣлось на свѣтѣ что ему могла надобность даже Голконда съ ея волшебными замками и сокровищами. Гайдерабадъ славится своими зданіями, остатками прежняго величія; по словамъ Миръ-Абу-Талиба, хранителя царскихъ сокровищъ, Мухамедъ-Кули-Шахъ истратилъ на украшеніе города, въ первые годы своего 34лѣтняго царствованія, баснословную сумму въ 2.800.000 фунтовъ стерлинга на англійскія деньги, хотя самая работа сооруженій не стоила ему ни одного *писа*... Теперь, за исключеніемъ этихъ памятниковъ величія, Гайдерабадъ имѣетъ видъ кучи сора и навоза; но за то, по отзывамъ очевидцевъ, „Британская резиденція“ попрежнему славится въ немъ на всю страну, и не даромъ зовется Версалеиъ Индіи. Исторія этой резиденціи весьма куріозна и ясно характеризуетъ англо-индійскіе нравы.

* *Хайдаръ*—по-арабски левъ, а *абадъ*—поселеніе, жилище. Гайдерабадъ назывался прежде *Бхазнаваромъ* (счастливымъ городомъ), почитая свое имя отъ любимой наложницы шаха Мухамедъ-Кули, которую звали Бхагмати; но послѣ ея смерти измѣнили названіе.

Въ 1788 году, вѣроятно вообразивъ себя калифомъ—*anch'io son pittore* (резиденты суть настоящіе калифы)—Ирландецъ, полковникъ Кирклатрикъ, занимавшій въ тѣ дни эту выгодную при Низамѣ должность, задумалъ начать постройку настоящей резиденціи, конечно на счетъ гайдерабадскаго владетелина. Зданіе явилось однимъ изъ чудесъ свѣта. Оно соединяетъ волшебныя сады Семирамиды съ роскошью французскихъ дворцовъ временъ регентства. Двадцать двѣ ступени, каждая изъ цѣльнаго куска розоваго гранита громадныхъ размѣровъ въ ширину, украшенныя по обѣимъ сторонамъ колоссальными сфинксами, ведутъ къ портику, во всю ширину коего гигантскія коринскія колонны изъ чистаго бѣлаго мрамора возносятся до верхняго этажа главнаго зданія. Эти колонны на 8 вершковъ выше колоннъ знаменитой „Залы тысячи колоннъ“ Челамамбурскаго храма въ Мадрасской резиденціи. Полы изъ чернаго и бѣлаго мрамора; надъ всѣми дверями вѣданы гербы Ост-Индской Компаніи и Англіи; въ цѣлыхъ куски чистаго золота замѣняютъ бронзу львовъ. Если ведущая лодъ портикъ лѣстница справедливо считается „величайшею и роскошнѣйшею лѣстницей въ Индіи,“ то пріемной залѣ резиденціи можетъ позавидовать любая зала царскихъ дворцовъ Европы. Она занимаетъ фасадъ дворца во всю длину и по обѣимъ ея сторонамъ, какъ въ знаменитыхъ соборахъ, тянутся въ два ряда мраморныя колонны. Какъ въ Челамамбурѣ, гдѣ „зала тысячи колоннъ“ такъ названа вѣроятно потому что въ ней 936 колоннъ, такъ и зала резиденціи именуется „столонною залой“, ибо въ ней лишь по 32 колонны въ рядъ, итого 64, что и такъ весьма почетно. Но кромѣ колоннъ рѣзной мраморной и бронзовой работы; въ этой залѣ находятся ниши въ которыхъ поставлены статуи индусскихъ и греческихъ боговъ и богинь—произведенія лучшихъ того времени скульпторовъ Италіи. Всѣ портьеры изъ малиноваго шитаго золотомъ бархата; краснаго дерева съ цвѣрустаціями мебель покрыта такою же матеріей; 60 зеркалъ между окнами, цѣльныя, во всю стѣну, отъ потолка до полу, въ самыхъ дорогихъ образахъ, и три люстры которыми Индусы строившіе этотъ дворецъ одно время поклонялись какъ богамъ, были выписаны за баснословную цѣну изъ Франціи. Таковы главныя черты этого достойнаго Алладина дворца, въ которомъ нынѣ проживаютъ резиденты, обязанность коихъ—по извѣ-

стному благородному предлогу выбранному Англіей для присоединенія себѣ индійскихъ провинцій—стоять защитниками и посредниками между притѣсненнымъ народомъ и ихъ „не умѣющими управлять“ вліятельными князьями Индіи. Народъ, между тѣмъ, періодически умираетъ цѣлыми милліонами *съ голоду*, тогда какъ одно освѣщеніе Британской резиденціи въ пріемные вечера, по *официальнымъ отчетамъ*, обходится казнѣ въ 1.000 фунтовъ за одинъ вечеръ...

О, Тартюфъ! Не Великобританіей ли ты прозываешься?..

Но это еще пустяки въ сравненіи съ прошлымъ. Въ *Исторіи Гайдерабада* (Эдуарда Уэствика) читаемъ слѣдующее: „Въ то время какъ резиденты принимали мушкетъ, ихъ супруги увеселяли женскій полъ въ отдѣльномъ и столь же, если не болѣе великолѣпномъ дворцѣ, отстоящемъ въ нѣсколькихъ сажняхъ отъ главнаго и извѣстномъ подъ названіемъ „Рангъ Махалла“. Какъ и первый, онъ былъ построенъ полковникомъ Кирклатрикомъ, бывшимъ министромъ при дворѣ Низама. Вступивъ въ бракъ съ индійскою принцессой, онъ соорудилъ нарочно для нея эту очаровательную обитель. Обнесенный, по азіатскому обычаю, высокою стѣной, центръ сада украшенъ большимъ мраморнымъ бассейномъ со сценами изъ исторіи Рамааны выложенными мозаикой на стѣнахъ. Павильоны, галереи, террасы,—все въ этомъ саду украшено въ самомъ богатомъ вкусѣ восточной архитектуры, то-есть съ изобиліемъ мозаики, живописи, позолоты, слоновой кости и мрамора. На празднествахъ даваемыхъ мистриссъ Кирклатрикъ являлись „наотчи“ (профессіональныя танцовщицы) въ великолѣпныхъ одѣяніяхъ,—подарки „великодушнаго“ резидента. На нѣкоторыхъ изъ наотчей насчитывали болѣе чѣмъ на 30.000 фунтовъ стерлинговъ драгоценностей, и онѣ положительно сіяли съ головы до ногъ алмазами и другими камнями“...

Слава Остъ-Индской Компаніи во времена которой компанейскіе резиденты могли такъ „великодушничать“ насчетъ принцевъ уже поблекла: теперь ни резидентамъ, ни самимъ принцамъ ничего не осталось. Какъ древніе алхимики, Англичане расплавили, въ надеждѣ найти философскій камень политики, все золото Индостана; и даже самую Индію—„драгоценнѣйшій алмазъ въ коронѣ Англіи“—истодкли въ прахъ, растопили и обуглили. Счастливы еще будутъ они если Афганистанъ ограничится тѣмъ что вмѣсто ожидаемой „придачи“.

для ващаго блеска, къ ихъ обугленному „алмазу“ Индіи, онъ ихъ самихъ не истолчетъ въ мелкій порошокъ въ своей заколдованной стулѣ...

Разказы о чудесахъ Гайдерабадскихъ разжигали наше любопытство, и мы стремились увидѣть воочию эту волшебную страну. И Нараянъ, и бабѹ, оба нѣсколько разъ лобывали тамъ, а у Нараяна находились тамъ даже и родственники. Особенно прельщалъ онъ насъ своими разказами и описаніями, такъ какъ былъ знакомъ съ каждымъ уголкомъ центральной Индіи. Грустно отражалось въ его краснорѣчивыхъ сказаніяхъ все великое прошлое Индіи, великое еще такъ недавно—въ прошломъ столѣтіи, въ сравненіи съ ея горькимъ настоящимъ положеніемъ. Какъ низко упала эта красавица Востока, къ ногамъ которой стремились нѣкогда всѣ мудрецы Греціи и богатствамъ коей завидовали всѣ цари земные!.. Поправное во прахъ, забытое, все въ ней теперь гложеть, постепенно замираетъ и исчезаетъ, начиная отъ малѣйшаго національнаго порыва тотчасъ же подавляемаго ревнивою подозрительною Англіей и кончая когда-то роскошными, дѣвственными лѣсами... вынѣ падающими сотнями десятинъ, разомъ подъ топоромъ желѣзнодорожныхъ промышленниковъ...

Было нѣчто необычайно-лаживительное въ этихъ простыхъ разказахъ бѣднаго Индуса. Словно послѣднюю лѣсней лебедя звучала въ нихъ нота патриотизма, забытаго, сдержаннаго, но столь же ламеннаго какъ и любовь къ родивъ его славныхъ дѣдовъ, заставлявшая ихъ когда-то жертвовать не только богатствомъ и собственною жизнью, но даже жизнью всѣхъ имъ близкихъ — жень, дѣтей, во славу отечества подъ побѣдоноснымъ знаменемъ Сиваджи. Напрасно Англичане воображаютъ что своими строгими мѣрами и западнымъ воспитаніемъ, съ одной стороны, и отвратительнымъ подакиваніемъ и покровительствомъ цдоолоклонству, съ другой, они выбрали самую благоразумную систему управленія. Посредствомъ перваго они услѣшаю замѣняютъ, конечно, фальшивую, но все же искреннюю религію положительнымъ атеизмомъ; а вторымъ они только угождаютъ невѣжественнымъ массамъ, которыхъ имъ рѣшительно нечего бояться. Еслибы съ этой стороны существовала хотя малѣйшая оласность, то обезоруженные ими цдоолоклонники могли бы давно, безо всякихъ ружей и кияжаловъ, а одними бронзовыми и каменными

идолами, высылаемыми сюда ежегодно изъ Бирмиггама тысячами, побить ненавистныхъ имъ *Ферринги* и утопить ихъ въ морѣ. Опасность стало-быть является со стороны образованныхъ патріотовъ, самое святое чувство коихъ—любовь и преданность къ родинѣ—Англичане полираютъ ногами при всякомъ удобномъ случаѣ. Чѣмъ образованнѣе, развитѣе становится Индусъ, тѣмъ горше для него дѣлается сравненіе настоящаго съ тѣмъ что было. Приведемъ одинъ примѣръ изъ тысячей: Индусы болѣе всего гордятся своею прошлою цивилизаціей, величіемъ родины въ тѣ дни когда Европа еще была погружена чуть ли не во мракѣ каменнаго періода. По единодушному мнѣнію путешественниковъ и особенно антикваріевъ, интереснѣйшимъ зданіемъ въ Гайдерабадѣ считается „Чахаръ-Минаръ“, когда-то знаменитая коллегія въ Индіи, построенная султаномъ Мухамедъ-Кулиханомъ на развалинахъ еще древнѣйшей коллегіи. Она выстроена на перекресткѣ четырехъ главныхъ улицъ, на четырехъ аркахъ; подъ ними свободно проходятъ высоко навьюченные верблюды и слоны съ башнями. Надъ этими арками возвышается на нѣсколько ярусовъ само зданіе коллегіи; каждый ярусъ былъ предназначенъ особенному отдѣлу науки. Увы! прошли тѣ дни когда Индія изучала философію и астрономію у ногъ своихъ туземныхъ мудрецовъ. Теперь эти ярусы превращены Англичанами въ складочные магазины. Въ залѣ, гдѣ изучали астрономію и стояли куріозные инструменты средневѣковой эпохи, теперь сложены опиумъ; а залу философіи наполняютъ огромные ящики съ ликерами и запрященными какъ Кораномъ, такъ и браманами ромомъ и валиткомъ „вдови Клико“.

Мы совсѣмъ было собрались въ Гайдерабадъ когда наши чичероне и товарищи однимъ словомъ привели насъ въ ужасъ, разстроивъ разомъ всѣ наши планы. Дѣло въ томъ что въ продолженіе шести такъ-называемыхъ „жаркихъ“ мѣсяцевъ въ году, термометръ въ Гайдерабадѣ (въ Нижнемъ Синахѣ) стоитъ на 98° въ тѣни (по Фаренгейту), а температура воды въ Индѣ достигаетъ теплоты крови; въ Верхнемъ же Синахѣ, гдѣ чрезвычайная сухость воздуха вмѣстѣ съ бесплодностью песочнаго грунта дѣлають изъ климата этой страны вѣчто схожее съ прелестью температуры африканскихъ пустынь, термометръ беззащитно доходитъ до 130° въ тѣни (по Фаренгейту). Не да ромъ несчастные миссіонеры

испытываютъ здѣсь такую постоянную неудачу: понятно что среди населенія slokoino вращающагося при такомъ пекаѣ, самыя краснорѣчивыя Дантовскія „описанія ада“ не въ состояніи произвести на мѣстнаго жителя ничего кромѣ развѣ „прохлаждающаго“ впечатлѣнія.

Разсчитавъ что отправиться въ Бхагъ намъ дѣтъ препатствія, но что нечего и думать ѣхать теперь въ Синдхъ, мы усложнились. Затѣмъ мы рѣшили, общимъ совѣтомъ, покинуть всякую идею о заранѣ опредѣленномъ маршрутѣ и путешествовать на удачу, куда глаза глядятъ. Вслѣдствіе такого плана, мы отослали на другой же день нашихъ слоновъ, и не задолго до солнечнаго заката подѣвзжали уже въ *тонгазъ* къ сліянію Вагрея и Гирны, двухъ знаменитыхъ въ лѣтописяхъ индійской мѣологіи рѣчювокъ, блистающихъ чаще всего своимъ отсутствіемъ, особенно лѣтомъ. Предъ нами, словно притаившееся у противоположнаго берега чудовище, зѣла своими четырьмя отверстиями гора, будто моргая въ сумрачномъ туманѣ своими влажными, червыми глазами.. То были пресловутыя Бхагскія пещеры...

Мы могли бы тотчасъ же перебраться къ нимъ на паромъ, но на этотъ разъ благоразуміе взяло верхъ надъ приключательною перспективой ночи проводимой какъ въ Карли въ пещерахъ древнихъ отшельниковъ. Къ тому же наши Индусы и даже *тангаваллы* съ паромщиками отказались вѣотрѣвъ сопутствовать намъ. Первые—потому что даже днемъ опасно посѣщать пещеры, не пославъ туда предварительно людей съ факелами и вооруженныхъ *шикари* (охотниковъ). Эта часть Амджирскаго раджа изобилуетъ дикими звѣрами, особенно тиграми, которыхъ, какъ видно, наравнѣ съ бенгальскими бабѣ, можно встрѣтить всюду по Индіи. Вторые же протестовали потому что послѣ заката солнца ни одинъ Индусъ не согласится подойти на мило къ пещерамъ. Одни *белатти* со своими „глухими географическими повятіями“ видятъ въ рѣкахъ Вагрея и Гирны простыя рѣчки; въ сущности же то боги-супруги, Шива и Парвати; это вопервыхъ. А вовторыхъ, бхагскіе тигры не простые тигры, какъ думаютъ *саабы*, а слуги *садду*, святыхъ чудотвѣвъ уже много вѣковъ обитающихъ въ этихъ пещерахъ; они частенько даже и „оборотни“ этихъ самыхъ вѣковыхъ старцевъ, и никто изъ нихъ—ни боги, ни садду, ни оборотни, ни тигры не любить чтобъ ихъ тревожили ночью...

Нечего было дѣлать. Грустно взглянувъ по направленію пещеръ, мы снова поѣхали въ наши доломитовые экипажи и поехали даѣе. Бабу съ Нараяномъ рѣшили что мы перепочуемъ у нѣкогого „кума“ въ городкѣ Бхагъ, отъ котораго мы находились всего въ трехъ миляхъ.

Изумительны и непонятны, какъ и многое другое въ Индіи, географическія и топографическія распредѣленія несмѣтныхъ территоріальныхъ владѣній въ этой странѣ. Здѣсь политическія соображенія словно постоянно играютъ въ „кастетъ“ измѣняя, убавляя, прибавляя; у одного отымая, другому передавая. Что вчера принадлежало одному раджѣ или такуру, сегодня находится уже въ рукахъ другаго. Напримеръ: мы находились тогда въ раджѣ, или штатѣ, Амджира, въ Мальвѣ, и ѣхали въ Бхагъ-городокъ, который также принадлежитъ Мальвѣ и включенъ въ Амджирскій раджъ. Мальва (на словахъ) составляетъ независимое владѣніе Холькара, однакоже раджъ Амджирскій принадлежитъ не Тукуджи-Рао Холькару, а сыну независимаго раджи Амджирскаго, котораго Англичане въ 1857 году „по ошибкѣ“ повѣсили, а затѣмъ позабыли возвратить раджъ его наследникамъ. Городокъ Бхагъ и пещеры принадлежатъ, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, махараджѣ Синдіи Гваліорскому, который впрочемъ самъ не владѣетъ оными, а подарилъ Бхагъ съ его 9.000 рупій дохода одному бѣдному родственнику у котораго, между тѣмъ, отнялъ его одинъ Раджпутскій такуръ, да такъ и не отдаетъ. Бхагъ находится на дорогѣ изъ Гуджерата въ Мальву, въ самомъ такъ-называемомъ Уйделурскомъ ущельи, и поэтому ущелье составляетъ собственность Махарани Уйделурскаго. Построенный на вершинѣ заросшаго лѣсомъ холма, Бхагъ пока какъ спорная собственность не принадлежитъ никому, но за то маленькая крѣпость его, въ толстыя ворота которой мы скоро и въѣхали, составляетъ *частную* собственность вмѣстѣ съ находящимся въ немъ базаромъ нѣкогого „дхана“, то-есть вождя Бхима-лахскаго племени, по словамъ нашего бабу, „великаго вора и разбойника“, который вдобавокъ оказался его „кумомъ“..

— Да какъ же вы ведете насъ къ человѣку на котораго указываете какъ на вора и разбойника? робко осведомились мы.

— Онъ „воръ и разбойникъ“ въ *политическомъ* только смыслѣ. Иначе онъ превосходный человѣкъ и самый вѣрный

другъ. А безъ него мы и съ голоду умремъ: вѣдь базаръ его собственность, очень хладнокровно отвѣчалъ Бенгалецъ.

Кумъ оказался впрочемъ въ отсутствіи; насъ принялъ его родственникъ, и насколько мы повали, помощникъ *бхаміа* (начальника). Намъ отвели садъ, и едва мы успѣли разбить палатки какъ со всѣхъ сторонъ стали приносить намъ провизію. Каждый выходящій изъ палатки бросалъ на землю черезъ плечо бетель и мелкій сахаръ—приношеніе иностраннѣйшимъ духамъ которые де непремѣнно должны были намъ всюду сопутствовать. Наши Индусы просили насъ впрочемъ *не смѣяться*, говоря что это здѣсь въ глуши очень опасно.

Разсуждать съ этимъ народомъ оказалось напраснымъ. Мы были въ центральной Индіи, гдѣздѣ всѣхъ суевѣрній страны, и окрѣженные *Бхиллами* (Bhils). Вдоль всего горнаго хребта Виндіи, отъ Джама, на западъ „мертваго города“ и кругомъ всей Раджпутаны, страна густо заселена этимъ пламенемъ, самымъ храбрымъ, разбойничьимъ и суевѣрнымъ изъ всѣхъ полудикихъ племенъ Индіи. Нѣсколько словъ о нихъ окажутся можетъ-быть небезынтересными.

Ориенталисты увѣряютъ будто названіе „Бхилль“ происходитъ отъ санскритскаго корня *bhil* (отпадать, разлучаться); саръ Дж. Малькоамъ полагаетъ потому что Бхилли суть раскольники отпавшіе отъ браманской религіи и затѣмъ выгнанные изъ касты. Все это быть-можетъ и такъ; но ихъ племенные преданія говорятъ иное. Конечно здѣсь, какъ и вездѣ, къ исторіи примѣшана мифологія, и до ихъ родословнаго дѣрева приходится добираться чрезъ густую чащу вымысла. Проведшій съ нами вечеръ родственникъ отсутствующаго бхаміи разказалъ намъ слѣдующее:

Бхилли или *Билли*—потомки одного изъ сыновей *Махадевы* (бога Шивы) отъ прекрасной чужеземной женщины съ голубыми глазами и бѣлымъ лицомъ, которую богъ нечаянно встрѣтилъ за *каланани* (за черною водою, за морями) въ дѣсу. Изъ нѣсколькихъ родившихся отъ этого союза сыновей, одинъ, столь же замѣчательный своею красотой какъ и порочностью, убилъ любимаго быка Махадео и былъ за это изгнанъ родителемъ опять за *моря*, въ Джодпурскую пустыню. Загнанный въ самый южный ея уголокъ, онъ здѣсь женился, и вскорѣ его потомки переполнили страну. Они разсыпались по всему протяженію Виндійскаго хребта и

начали селиться на западной границѣ Мальвы и Кандеша, а позднѣе на лѣсистыхъ и дикихъ берегахъ рѣкъ Махи, Нармады и Талти. И всѣ они, наследовавъ красоту прародителя, наследовали вмѣстѣ съ голубыми глазами и свѣтлымъ цвѣтомъ лица разбойничьи наклонности и всю порочность его. „Мы воры и грабители“ (наивно говорилъ намъ родственникъ честнаго „кума“ бабѹ), потому что такъ приказалъ отецъ нашего прародителя—могучій Махадео-Шива. Пославъ его каяться въ пустыню, онъ (то-есть богъ) сказалъ ему: „Иди, окаянный, убійца невиннаго брата твоего, моего сына, быка * Нарди. Иди... и живи изгнанникомъ и разбойникомъ на страхъ братіямъ твоимъ“... Такъ какъ же мы осмѣлились бы послушаться приказаній нашего великаго бога? Наши малѣйшія дѣйствія совершаются сообразно съ распоряженіемъ нашихъ *бгамій*; а такъ какъ послѣдніе суть потомки Надирь-Синга, перваго *Баилалы* (плодъ отъ супружества Раджлута съ бхилльскою женщиной), то бхаміи и считаются нами прямыми посредниками между нашимъ народомъ и Махадео-Шивомъ“...

Такова власть надъ Бхиллами этихъ „посредниковъ“ что самыя ужасныя преступленія совершаются по одному ихъ слову. Само племя нашлось вынужденнымъ, дабы хоть сколько-нибудь обуздать ихъ безусловную власть, назначить родъ совѣтниковъ въ каждой деревнѣ; этихъ совѣтниковъ они называютъ *тарви*, иногда сдерживающихъ этихъ безумно-разбойничьихъ *джани* или лордовъ. Но ихъ честнее слово свято, а гостепріимство безгранично.

Исторія и лѣтописи Раджпутскихъ принцевъ Джодпура и Удделпура подтверждаютъ эту легенду о Бхилльской эмиграціи изъ ихъ первобытной пустыни, но откуда они явились туда, никто не знаетъ. Тоддъ положительно увѣряетъ что „Бхил-

* Странно что быкъ *Апис*, священное животное у Египтянъ, въ такой же почести и у послѣдователей Зороастра, какъ и у Индусовъ. Быкъ *Нарди*, созданіе Шивы, эмблема жизни въ природѣ—сынъ творческаго отца или оживотворяющій духъ его. Ормаздъ сотворяетъ быка, а Ариманъ убиваетъ его. Аммианъ Марцеллианъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій упоминаетъ о книгѣ въ которой разчиталъ *точный возрастъ* быка Аписа—ключъ въ тайнѣ міроздаіа и исчисленіямъ по цикламъ. Браманы тоже объясняютъ аллегорію о быкѣ Нарди—аллегоріей о продолженіи *убизми* на земномъ шарѣ.

ли“ аборигены Индіи, какъ Минны, Мерасы, Гоанды и тѣ племена что обитаютъ въ Нербудскихъ лѣсахъ. Только почему же, рядомъ почти съ африканскими тилами прочихъ холмовыхъ племень, Бхилли гораздо свѣтлѣе прочихъ и даже часто съ голубыми и сѣрыми глазами? Что всѣ эти аборигены довольствуются названіями *Бхомануптра* и *Венануптра*, то-есть „сыны земли“ и „дѣти лѣсовъ“, въ то время какъ Раджпуты, ихъ первые покорители, именуютъ себя *сурья-ванзами*, а Браманы *индунуптрами*—потомками солнца и луны, еще очень не многое доказываетъ. Въ настоящемъ случаѣ, мнѣ кажется, ихъ наружность, подтверждающая ихъ преданія, имѣетъ гораздо болѣе вѣса и значенія нежели филологія. Какъ весьма логично выразился Дг. Кларкъ,* „обративъ должное вниманіе на слѣды древнихъ суевѣрій народа, мы гораздо легче и вѣрнѣе доберемся до ихъ первобытныхъ правѣдовъ нежели научными наблюденіями надъ ихъ языкомъ; ибо суевѣрія ихъ привиты къ самому корню, а языкъ подверженъ всевозможнымъ измѣненіямъ.“

Но до сихъ поръ все то что мы знаемъ изъ исторіи этого народа сжато въ нѣсколькихъ словахъ вышеприведеннаго преданія, да въ самыхъ древнихъ лѣсняхъ ихъ бардовъ. Поселясь въ Раджистанѣ, эти барды или *бхаты* навѣщаютъ Бхиллей ежегодно, дабы не терять изъ виду подвиговъ своихъ соотчичей. Ихъ лѣсни—та же исторія, такъ какъ бхаты существуютъ въ ихъ племени съ незапамятныхъ временъ, восплѣвая эти подвиги для грядущихъ поколѣній, что составляетъ ихъ прямую и наследственную обязанность. Замѣтимъ кстату что нѣтъ во всей Индіи мало-мальски воинственнаго племени у котораго бы не было своихъ народныхъ бардовъ. А въ самыхъ древнихъ лѣсняхъ бхилльскихъ *бхатовъ* ихъ начало происходитъ „изъ-за морей“, то-есть гдѣ-нибудь въ Европѣ. Нѣкоторые ориенталисты, особенно Тоддъ, желаютъ доказать что Раджпуты покорившіе Бхиллей—пршельцы Скиѣны, а Бхилли—аборигены Индіи. Въ доказательство этого они приводятъ черты общія обоимъ народамъ, какъ напримѣръ: 1) поклоненіе оружію—мечу, колю, щиту и коню; 2) поклоненіе и жертвоприношеніе солнцу (которому Скиѣны, поклонявшіеся мечу какъ главному

* *Travels in Scandinavia*. Vol. 1, p. 33.

божеству, между прочимъ вовсе и не поклонялись); 3) страсть къ азартнымъ играмъ (которая у Китайцевъ и Японцевъ развита еще болѣе); 4) обычай пить кровь врага изъ черепа (что дѣлають и нѣкоторые краснокожіе аборигены Америки) и т. д. Конечно здѣсь не мѣсто входить въ научныя этнологическія диспуты, но все же невозможно не замѣтить какъ странно иногда разсуждаютъ ученые люди когда имъ приходится защищать излюбленную ими идею. Довольно вспомнить до какой степени исторія древнихъ Скиевъ запутана и темна сама по себѣ чтобъ убѣдиться какъ неосновательно дѣлать подобныя выводы основываясь лишь на слабыхъ историческихъ данныхъ которыя мы имѣемъ подъ рукою о тѣхъ народахъ коихъ обыкновенно включаютъ въ общее названіе Скиевъ. Что между обычаями древнихъ Скандинавовъ, поклонниковъ Одина (страна коихъ была дѣйствительно занята Скиемами за 500 лѣтъ до Р. Х.), и обычаями Раджпутовъ есть много поразительно общаго, это неопровержимо. Только такая тождественность даетъ по крайней мѣрѣ столько же если не болѣе права Раджпутамъ указывать на насъ какъ на „колонію ушедшихъ на западъ Сурьяванзей“, какъ и намъ увѣрять что Раджпуты „перекочевавшіе въ Индію Скиевы.“ * Скиевы Геродота и Скиевы Птолемея и римскихъ писателей—двѣ совершенно различныя народности. Первый называетъ Скиею страну отъ устья Дуная до Азовскаго моря (по Нибуру), до устья Дона (по Роудинсону); а Скиея Птолемея—страна исключительно азіятская, включающая всю сѣверную Азію отъ Волги до Серики (Китая). Къ тому же, эта Скиея была раздѣлена западною частью Гималаевъ, называемою римскими историками „Imaus“, на Скиею intra

* Наше презрѣніе къ Татарамъ уменьшилось бы на добрую долю, говоритъ Пикертонъ, еслибы мы только не забывали въ какомъ мы близкомъ съ ними родствѣ, что наши предки выходцы изъ сѣверной Азіи и что наши обычаи, законы и образъ жизни были первоначально одни и тѣ же что и у нихъ, словомъ, что мы не болѣе какъ колонія Татаръ... Кимвры, Кельты и Галлы, завладѣвшіе сѣверною частью Европы,—разныя имена одного и того же вышедшаго изъ Татариі народа. Кто были Готы, Гунны, Шведы, Вандалы, Франки какъ не рои одного улья? Хроники Швеціи указываютъ на Кашгаръ какъ на родину изъ которой вышли Шведы. Сходство между языками Саксовъ и Кипчаковъ поразительное; а кельтскій языкъ, существующій доселѣ въ Бретани и Вельсѣ, служитъ лучшимъ доказательствомъ того что ихъ жители потомки Татарскихъ націй.

Итави и на Скиюю extra Итави. При подобной неопредѣленности, быть-можетъ Раджпуты и дѣйствительно *азіатскіе Скиены*, а Скиены—*европейскіе Раджпуты*. Только вышшіе раджпутскіе воины никакъ не соответствуютъ описанію наружности Скиеновъ какое находимъ у Гиллократа: „Тѣла у этихъ людей (говоритъ отецъ медицины) толстыя, грубыя, приземистыя; суставы ихъ слабы и вялы, животы отвислые, волосъ на нихъ почти нѣтъ и каждый изъ нихъ походить на другаго“. Кто познакомившись съ воинами Раджистана, съ этими стройными, гигантскаго роста молодцами, съ длинными волосами и обросшими бородой лицами узнаетъ въ нихъ портреты Скиеновъ по Гиллократу? Къ тому же, Скиены—кто бы они ни были—*хоронили* своихъ покойниковъ, чего Раджпуты, если судить по ихъ древнѣйшимъ лѣтописямъ, никогда не дѣлали. Скиены были кочевымъ народомъ, и описаны Геродотомъ какъ „люди живущіе въ кибиткахъ и повозкахъ, и питающіеся кобыльимъ молокомъ“ (кумысомъ). Раджпуты же народъ ислочно въка осѣдлый, живущій въ городахъ и имѣющій свою исторію, по крайней мѣрѣ за нѣсколько сотъ лѣтъ до Р. X. (ранѣе время Геродота). И если они празднуютъ *Асвамедду* (жертвоприношеніе лошадей), то ужъ до „кобыльаго молока“ никогда не дотронутся и презираютъ Монголовъ. Геродотъ говоритъ что Скиены называвшіе себя Сколотами ненавидѣли болѣе всего чужеземцевъ и выгоняли ихъ изъ своихъ мѣстъ; а Раджпуты одинъ изъ гостепріимнѣйшихъ въ мірѣ народовъ... Наконецъ, исторія довольно ясно указываетъ намъ Скиеновъ въ войнѣ съ Даріемъ (516 лѣтъ до Р. X.), а въ тѣ времена Скиены еще сидятъ на своихъ мѣстахъ, возлѣ Дуная. Въ тѣ же времена Раджпуты уже были извѣстны въ Индіи и имѣли свое царство. Что же касается *Асвамедды* (жертвоприношенія лошадей солнцу), на которомъ Тоадъ основываетъ главное свое доказательство, напоминая что Скиены тоже приносили въ жертву лошадей, то этотъ обрядъ упоминается какъ въ *Ригъ-Ведѣ*, такъ и въ *Айтареѣ Браманахъ*. О послѣднемъ же сочиненіи Мартинъ Хаугъ говоритъ что по всемъ вѣроятіямъ оно уже существовало за 2.000—2.400 лѣтъ до Р. X.

Сознаюсь, отъ кума бабѹ до Скиеновъ и Раджпутовъ допотопныхъ временъ—отступление довольно долгое. Опасаясь усилить читателя, спѣшу вернуться къ пещерамъ.

Пока мѣстные *шхари*, подъ водительствомъ воинственнаго акаши, отправлялись вытравливать могущихъ находиться въ пещерахъ тигровъ и оборотней, нашъ Бхиль получилъ для насъ позволеніе присутствовать при совершавшейся въ городѣ свадебной церемоніи. Браманы выдавалъ замужъ дочь, и ее въ тотъ же день вѣнчали. Эти новыя для насъ церемоніи были такъ занимательны что день прошелъ незамѣтно. Когда мы вернулись домой, то было уже поздно ѣхать въ пещеры, и мы отложили поѣздку до слѣдующаго дня. Между тѣмъ опишу видѣнныя нами празднества, тѣмъ болѣе занимательныя что обряды сватовства, обрученія, свадьбы и т. д. не измѣнялись въ Индіи по крайней мѣрѣ за послѣднія два тысячелѣтія. Они совершаются по предписанію Ману и безъ малѣйшей вариациі на древнюю тему. Въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ Индія какъ бы кристаллизовалась, и кто видѣлъ бракъ Индусовъ въ 1879 году, знаетъ его навѣрное и въ древней Аріавартѣ за 1.000 лѣтъ до настоящей эры.

XIX.

За нѣсколько дней до отъѣзда нашего изъ Бомбея, мы прочитали въ одной мѣстной газетѣ объявленіе о двухъ свадьбахъ: свадьба богатой наслѣдницы, браманки; другая—въ семействѣ огнепоклонниковъ.

Объявленіе о первой гласило такъ:

„Въ семействѣ Бимбая Мавланкара, и прочее, готовятся къ радостному событію. Нашъ почетный членъ, не въ примѣръ другимъ менѣе счастливымъ браманамъ его касты, нашелъ жениха для своей внучки въ богатомъ семействѣ однокастниковъ въ Гуджератѣ. Маленькой Рамабай уже исполнилось *пять лѣтъ*, а ея женцу *семь*. Свадьба назначена чрезъ два мѣсяца и обѣщаетъ быть блестящею.“

Второе объявленіе касалось совершившагося факта, и появилось въ одной парсійской газетѣ весьма сильно напирющей на *реформу* и жестоко бичующей своихъ соотчичей за ихъ „отвратительные, устарѣлые обычаи“ и, между прочимъ, за равный бракъ. Она справедливо осмѣивала какой-то *Гуджератскій Листокъ*, въ напыщенныхъ выраженіяхъ описывавшій брачную церемонію въ Пунаѣ... Тамъ счастливый женихъ (которому уже минулъ *пятый* годъ) „прижималъ къ

сердцу вручаемую ему тещей *краснѣющую* невѣсту *деуаъ съ половиной лтъ*!... Обычные отвѣты брачной пары оказались до того неясными что священнику гебровъ (мобѣду) вмѣсто жениха и невѣсты пришлось обращаться уже къ родителямъ съ обычными при церемоніи вопросами: „берешь ли ты его себѣ законнымъ мужемъ, о дщерь Заратусты (Зороастра)! и готовъ ли ты быть ея супругомъ, о сынъ Ормазда!...“ „Брачныя приготовленія оказались вполнѣ успѣшными“, говоритъ сатирическая газета, „женихъ былъ выведенъ за руку во всей молодцоватости своей *togae virilis* и высокаго, въ видѣ сахарной головы, тюрбана, а невѣста, вынесенная на рукахъ, угощала присутствующихъ, вмѣсто улыбокъ, страшнѣйшимъ ревомъ, среди котораго она совершенно забывала о носовомъ платкѣ и вспоминала, ловидимому, лишь о сокѣ, требуя ее себѣ среди неистоваго крика и почти задыхаясь подъ тяжестью фамильныхъ брилліантовъ...“ То былъ парсійскій бракъ, „съ барометрической вѣрностью характеризующій ходъ прогресса нашего быстро развивающагося народа,“ добавляетъ газета.

Прочитавъ это, мы, конечно, много смѣялись, хотя не совсемъ вѣра чтобы бы даже въ Индіи могли совершаться столь ранніе браки. Мы слыхивали о *десятилтннихъ супругахъ*, но о *деуалтннихъ невѣстахъ* приходилось слышать впервые. Въ Багхѣ мы убѣдились какъ неизмѣрима браманская изобрѣтательность: не даромъ они въ древности постановили законъ о запрещеніи кому бы то ни было, за исключеніемъ священнодѣйствующихъ брамановъ, изучать санскритскій языкъ и особенно читать Веды. *Шудра* и даже высококастный *Ваизія* предавались, во времена оны, позорной смерти за такое преступленіе. Весь секретъ въ томъ что Веды запрещаютъ вступать въ бракъ женщинамъ ранѣе 15—20 лѣтъ, а мужчинамъ до 25 или даже 30лѣтняго возраста. Распорядившись чтобы всякая религіозная церемонія прежде всего наполняла карманы брамановъ, эти тунсады перековеркали свое древнее писаніе на собственный ладъ и обременивъ постелевно Индусовъ безконечнымъ каталогомъ обрядовъ, постановленій, несуществующихъ праздыковъ и глупѣйшихъ церемоній, и дабы притомъ не быть пойманными въ живомъ толкованіи священныхъ книгъ, хитро придумали вмѣнить въ кощунство чтеніе оныхъ всякому кто только не принадлежалъ къ ихъ лагерю. Между прочими „преступными

выдумками“ (какъ икъ называется Оуами Дайавадатъ), вотъ одно изъ постановленій извлеченное изъ браманскихъ книгъ идущихъ діаметрально въ разрѣзъ съ Ведами: По всей центральной Индіи празднуется такъ-называемый „брачный сезонъ“, Kudwa Kupbis, земледѣльческой касты, къ коей принадлежатъ всѣ земледары. Сезонъ этотъ празднуется лишь одинъ*разъ въ двѣнадцать дѣтъ, но за то онъ является полемъ обильнѣйшей жатвы для господъ брамановъ. Всѣ матери какъ взрослые (то-есть десятилѣтнихъ) ребятъ, такъ и младенцевъ еще въ пеленкахъ и даже еще *не родившихся* дѣтей, обязаны совѣщаться съ богиней *Матой*, хранительницей новобрачныхъ,—конечно, чрезъ ея оракуловъ, брамановъ. *Мата*—покровительница всѣхъ четырехъ родовъ брака между Индусами: „брака отроковъ, брака дѣтей, брака младенцевъ и брака *eo chrest*.“ Послѣдній самый занимательный, хотя бы въ силу своей азартности и полной зависимости отъ савлой судьбы.

Вмѣсто *будущихъ* плодовъ, *стичаются между собою матери*, то-есть тѣ который находятся въ интересномъ положеніи. Много повтому любопытныхъ эпизодовъ является среди этихъ матримоніальныхъ пародій; но національный инстинктъ Индусовъ не смущается никакимъ необыкновеннымъ казусомъ. Они остаются безматежно и спокойно вѣрующими, выказывая лишь изрѣдка и то при самыхъ исключительныхъ случаяхъ открытый антагонизмъ противъ браманскихъ учрежденій. Ихъ вѣра скорѣе вѣковой страхъ предъ непогрѣшимостью „избранниковъ боговъ“, нѣчто внушающее къ нимъ, среди невольнаго смѣха, и невольное уваженіе. А браманъ, какъ давно извѣстно, не ударить лицомъ въ грязь ни предъ какимъ афронтомъ насмѣшливой и савлой судьбы. Если, на примѣръ, у обѣихъ *обетчаныхъ одна съ другою матерей* родятся мальчики, или оба новорожденные окажутся дѣвочками,—на то воля *Матей*: богиня значитъ пожелала чтобы вмѣсто сулруговъ родились два брата или двѣ сестры, и эти дѣти, если они вырастутъ, признаются законными наследниками *обѣихъ матерей*. Въ такихъ случаяхъ, по приказанію богини, браманъ расторгаетъ брачныя узы, ему снова платять, а конецъ дѣлу. Но если дѣти родятся двухъ половъ, то уже брака расторгнуть ни что и ни кто не можетъ: ни уродство, ни хроническія болѣзни, ни даже полное юродство одного изъ сулруговъ...

Чтобы не возвращаться къ этому предмету, замѣтимъ здѣсь кѣтати о нѣкоторыхъ господствующихъ въ Индіи обычаяхъ. Кромѣ случаевъ посвященія младенца съ первыхъ же дней его рожденія въ одинъ изъ классовъ монашествующей братіи, или же посвященія ребенка одному изъ боговъ Тримурти еще въ утробѣ матери, ни одинъ Индусъ не имѣетъ права оставаться холостымъ. Религія предписываетъ ему бракъ ради сына, на которомъ лежитъ обязанность вводить покойнаго отца, посредствомъ нѣкоторыхъ *необходимыхъ* заклинательныхъ молитвъ, въ *сваргу* (рай). Даже каста *брамачарій*,— члены коей даютъ обѣтъ безбрачія, хотя и остаются въ міру и возвращаются въ мірскихъ дѣлахъ представляя единственныя въ странѣ экземпляры *сѣтскихъ* холостяковъ,— обязана усыновлять себѣ мальчиковъ. Всѣ же остальные Индуосы пребываютъ во бракѣ до *сорокалѣтняго* возраста; послѣ чего получаютъ право, съ согласія жены и семейства, удалиться въ джонглы и, ради спасенія души, дѣлаться аскетами. Если въ семьѣ родится уродъ, то и это не препятствуетъ ему жениться; онъ только долженъ подобрать себѣ такую же калѣку-жену. Если выборъ его падетъ на дѣвушку изъ собственной касты, то она непременно должна быть калѣкой, подъ условіемъ представлять увѣче другого рода. Если женихъ напримѣръ слѣплой, то невѣста обязана быть или горбатою или хромою и т. д., лишь бы не слѣпою, и наоборотъ. Но если кандидатъ въ мужья имѣетъ предразсудки и предпочитаетъ здоровую и красивую жену, то онъ долженъ совершить *mésalliance*: въ этомъ случаѣ онъ не можетъ добыть себѣ невѣсту въ собственной кастѣ, а обязанъ въ іерархіи кастъ спуститься одною ступенью ниже и искать себѣ пары внѣ своего круга; его же кругъ и не признаетъ, и не приметъ несчастную *parvenue*. Всѣ такіа исключенія, впрочемъ, зависятъ отъ вдохновляемаго богами семейнаго брамана (*гуру*): Это по части мужчинъ. Но чтѣ за странная невѣроятна-несправедливая участь выпала во всѣхъ жизненныхъ условіяхъ на долю несчастной женщины Индіи! Жизнь *честной* и особенно богомольной, вѣрующей женщины не чтѣ иное какъ длинный рядъ роковыхъ для нея событій. Чѣмъ выше она стоитъ по рожденію и своему общественному положенію, тѣмъ горше ея судьба. Однѣ *набтчи*—танцовки, посвященныя богамъ и служація при храмахъ (должность наследственная), свободны, счастливы и живутъ въ великомъ

почетъ. Онѣ *весталки* и дочери весталокъ; какъ ни странно послѣднее выраженіе. Вглядѣвъ Инусовъ, особенно въ вопросахъ о нравственности, самобытный и во всякомъ случаѣ „анти-западный“, если можно такъ выразиться. Никто не относится строже этого народа къ женской чести и цѣломудрію; но ихъ брамавы перехитрили даже римскихъ верховныхъ жрецовъ и авгуровъ. У древнихъ Римлянъ Реа-Сильвіа, напри- мѣръ, мать Ромула и Рема, несмотря на то что въ ея фахъ рас участвовалъ богъ Марсъ, была, по обычаю весталокъ, погребена за этотъ проступокъ живою, и Нума съ Тиверіемъ, какъ извѣстно, тщательно позаботились дабы цѣломудріе ихъ жрицъ не сдѣлалось чисто номинальнымъ. Но „весталки“ береговъ Индуса и Ганга понимаютъ дѣло иначе нежели его понимали на Тибрѣ. Одно тѣсное знакомство *наотчей* съ богами (коихъ брамавы замѣняютъ по прокуратурѣ) очищаетъ *наотчей* ото всѣхъ плотскихъ грѣховъ, содѣлывая ихъ въ одно и то же время безукоризненными и безлорочными. *Наотча* не *можетъ* быть „падшею женщиною“ какъ другія смертныя, несмотря на кучу „божественныхъ музыкантовъ“ свующихъ въ лагодахъ въ видѣ маленькихъ весталокъ и ихъ братьевъ. Никакая между тѣмъ римская матрона, даже сама цѣломудренная Лукреція, не была въ такомъ почетѣ за свои добродѣтели какъ осыпанная драгоценностями-красавица *наотча*. Это уваженіе къ „любимцамъ боговъ“ особенно проявляется въ чисто туземныхъ центральнхъ городахъ Индіи, гдѣ народъ сохранилъ всю свою слѣпую вѣру въ непогрѣшимость брамановъ.

Не такова участь бѣдной *честной* женщины въ Индостанѣ. *Наотчи* всѣ грамотныя и получаютъ самое высокое по туземнымъ понятіямъ образованіе. Онѣ читаютъ и пишутъ по-санскритски, изучили лучшую литературу древней Индіи и ея шесть главныхъ философій, изъ коихъ въ особенности музыку, пѣніе и танцы. Но кромѣ этихъ „богорожденных“ храмовыхъ жрицъ, есть еще *публичныя наотчи*, профессиональныя танцовки, которыя какъ египетскія „алмеи“ доступны и не однимъ богамъ; и эти тоже болѣе или менѣе всѣ грамотныя. Поэтому замужнія женщины, боясь малѣйшаго приравненія къ послѣднимъ, не желаютъ учиться ничему такому чему учатся эти презираемыя, незнакомыя съ богами существа. Если браманка богата, она проводитъ въ одуряющемъ бездѣйствіи всю свою жизнь; если бѣдна—еще

луче: все ея земное существованіе сосредоточивается въ одиобравнѣйшемъ соблюденіи механически совершаемыхъ обрядовъ. Нѣтъ для нея ни прошлаго, ни будущаго; одно по часамъ заведенное, вѣками установленное, монотонное настоящее. И это еще при счастья, пока жизнь ея идетъ гладко и безъ семейныхъ утратъ. О замужествѣ же по любви или по свободному выбору не можетъ быть и рѣчи. Выборъ для нея жениха, ограниченный собственною кастой, иногда чрезвычайно затруднителенъ и во всякомъ случаѣ разорителенъ, потому что здѣсь жену не продаютъ, а покупаютъ ей право выйти замужъ. Вслѣдствіе этого рожденіе дѣвочки не радость, а горе, особенно въ небогатомъ семействѣ. Она *должна* быть выдана замужъ не позже семи, восьми лѣтъ, потому что девятилѣтняя дѣвочка считается здѣсь уже „старою дѣвкою“, и привося лишь безчестіе роднымъ, навлекать на себя насмѣшки всѣхъ своихъ болѣе счастливыхъ сверстницъ.

Если когда-либо Англичане сдѣлали что хорошее въ Индіи, то это безъ сомнѣнія въ тѣ дни когда они успѣли по-давить, если не совершенно искоренить, ужасный обычай *дѣтубійства*. Убіеніе дѣвочекъ почти во всеобщемъ употребленіи въ этой странѣ; оно особенно практиковалось въ центральной Индіи и болѣе всего свирѣпствовало между племенемъ Джадеджа, нѣкогда столь могущественнымъ въ Синдхѣ, а нынѣ сдѣлавшимся разбойничьимъ племенемъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, они первые и ввели его. Въ древности этотъ звѣрскій обычай — отдѣлываться отъ дочерей изъ-за страха обязательнаго выдаванія ихъ замужъ — не былъ извѣстенъ Аріицамъ. Даже въ старинной браманской литературѣ мы видимъ что во времена преобладанія чистокровныхъ Аріицевъ женщина пользовалась одинаковыми съ мужчиной правами. Она имѣла голосъ въ государственныхъ совѣтахъ, была свободна въ выборѣ супруга, какъ и властна предпочесть безбрачіе замужней жизни. Много знаменитыхъ женскихъ именъ играютъ первенствующія роли въ хроникахъ древней земли Аріицевъ и перешли въ потомство, какъ имена женщинъ-поэтовъ, астрономовъ, философовъ и даже мудрецовъ и законодиковъ.

Но съ набѣгомъ Персовъ въ VII столѣтіи нашей эры, а затѣмъ фанатическихъ, разбойничьихъ магометанъ, все измѣнилось: женщина стала рабой, и брамань воспользовались

этимъ дабы еще болѣе закрѣпить ее. Въ городахъ доля женщинъ-Индіанокъ еще печальнѣе нежели судьба поселенки. Вглядѣвъ на одну такую бесконечную канитель церемоній и обрядовъ.

Церемоніи предшествующія предложенію и свадьбѣ чрезвычайно многочисленны и сложны. Ихъ раздѣляютъ на три главныхъ группы: церемоніи до свадьбы, во время бракосочетанія и послѣ брака. Въ одной первой группѣ одиннадцать необходимыхъ обрядовъ: сватовство, сравненіе двухъ горосколовъ, жертвоприношеніе козла, назначеніе счастливаго по звѣздамъ дня, приглашеніе гостей, постройка алтара, закупка священныя горшковъ для хозяйства, жертвоприношеніе семейнымъ богамъ и наконецъ взаимныя подарки. Все это совершается съ разными обрядами и религіозными церемоніями. Какъ только дочь достигла четырехлѣтняго возраста, отецъ и мать посылаютъ за домашнимъ *гуру*-браманомъ, вручаютъ ему только-что святый астрологомъ касты (должность весьма важная) горосколы дѣвочки и посылаютъ къ такому-то, у кого есть сынъ въ лѣтахъ. Предупрежденный заранѣе отецъ мальчика беретъ горосколы и положивъ его предъ семейными богами въ кумирнѣ отвѣчаетъ: „Соглашаюсь на *пандиграхамъ*... Да поможетъ намъ Рудра (Всевышній)! * Затѣмъ спросивъ: Когда же *лагна* (соединеніе)? свать откланивается. Черезъ нѣсколько дней отецъ вручаетъ своему семейному жрецу горосколы невесты и жениха-сына, которые относятся къ главному астрологу. Найдеть онъ оба благоприятными—ладно; скажетъ что нѣтъ, и сватовству конецъ; отецъ жениха отсылаетъ тогда резолюцію астролога къ родителямъ дѣвочки, и дѣло предается забвенію. Въ благоприятномъ же случаѣ отецъ и браманъ тутъ же кончаютъ *сдѣлку*. Браманъ подаетъ отду кокосовый орѣхъ и пригоршню сахару, и послѣ этого уже нельзя измѣнить обшанія, иначе *vendetta* Индусовъ затянется на цѣлыя поколѣнія. Приносится въ жертву козель, и молодые обручены, а затѣмъ астрологомъ назначается день свадьбы.

Всѣ эти церемоніи были уже давно совершены въ семействѣ къ которому мы, въ Багхѣ, отправились на свадьбу. Эти обряды считаются особенно священными, и насъ вѣроятно не допустили бы присутствовать при совершеніи ихъ.

* „*Пандиграхамъ*“ санскритское слово означающее: „рука въ руку“.

Но мы ихъ увидѣли позднѣе въ Бенаресѣ; благодаря хода-тайству бабу. Принесеніе въ жертву бѣднаго козла чрезвычай-но интересно; передаю его въ подробности.

Ребенокъ мужскаго пола посылается приглашать нѣ-сколько замужнихъ женщинъ „старухъ“ (отъ 20 до 25 лѣтъ) пожаловать на поклоненіе домашнимъ *ларамъ* (богинь-по-кровительницъ того дома) и духамъ. Каждое семейство выбираетъ себѣ свою особую богиню, что при 383 мил-ліонахъ боговъ и богинь не составляетъ особеннаго затрудненія. Вечеромъ приносятъ юнаго козла, и всѣ ложат-ся вокругъ него спать. Рано утромъ приемная зала въ ниж-немъ этажѣ посылается коровьимъ навозомъ, любимѣйшимъ индусскими богинями ешмамомъ, а посрединѣ комнаты на-черчивается мѣломъ квадратъ въ который на высокомъ ал-тарѣ становится идолъ богини. Затѣмъ приводятъ козла, и старѣйшій въ домѣ муштина, взявъ животное за рога, воста-вляетъ его кланяться идолу. Послѣ этого, со свадебными гим-нами, „старуха“ и молодыя женщины начинаютъ обвивать козлу ноги, осыпая ему затѣмъ голову краснымъ порош-комъ (причемъ будущая жертва сильно боится), дымятъ ему зажженною лампой вокругъ носа для отогнанія отъ него злыхъ духовъ, и наконецъ отходятъ въ сторону. Тогда стар-ѣйшій старецъ беретъ бамбуковую вѣллку, посылаетъ въ нее рису и предательски ставитъ ее предъ козломъ. Взявъ между тѣмъ въ руки облаженный мечъ, старецъ становится по правую его сторону, и въ то время какъ ничего не подо-зрѣвающая жертва съ большимъ аллетитомъ привимаются за рисъ, онъ ловкимъ ударомъ меча отобкаетъ козлу голову, и держа ее въ правой рукѣ орошаетъ богиню горячею кала-ющею изъ нея кровью... Всѣ принимаются пить хоромъ, и обрученіе совершено.

Церемоніи съ астрологами, обильна подарковъ и т. д., слишкомъ длинны чтобъ ихъ описывать. Довольно замѣ-тить что астрологъ играетъ въ нихъ двойную роль авгура и нотариуса. Послѣ общаго воззванія къ *Ганешу* (богу съ хо-ботомъ) контракты лишуются на изъянѣ гороскоповъ; къ нимъ прикладываются печати, записываются счастливыя созвѣздія жениха и невесты и преподается общее благосло-веніе. Перехожу прямо къ брачной церемоніи, которой мы были очевидцами въ Багхѣ.

Невѣста было на видѣ лѣтъ десять, жениху не болѣе четырнадцати. Невѣста сидѣла на высококомъ мѣстѣ въ бархатной шитой золотомъ юпкѣ, вся въ цвѣтахъ и золотыхъ украшеніяхъ. Въ ея маленькомъ носу было продѣто огромное золотое кольцо съ какимъ-то сіяющимъ камнемъ который совсѣмъ ей оттягивалъ носдрю. Физиономія у ней была очень плачевная; по временамъ она косилась на насъ изподлобья. Женихъ, здоровый, толстый мальчикъ въ ларчевомъ кафтанѣ и шалкѣ Индры (т.-е. тюрбанѣ сдѣланномъ на подобіе многоярусной лагоды), сидѣлъ на конѣ верхомъ, окруженный цѣлою кучей родственниковъ. Сооружаемый для этого случая предъ ступенями дома алтарь уже былъ готовъ. Онъ строится по размѣру и длинѣ руки невѣсты, считая три раза отъ плеча до среднего пальца, и сдѣланъ изъ выбѣленнаго глиной кирпича. Сорокъ шесть глиняныхъ горшковъ, выбѣленныхъ и выкрашенныхъ красными, желтыми и зелеными полосами (цвѣта Тримурти), возвышались двумя пирамидами по обѣимъ сторонамъ посаженнаго на алтарь „бога браковъ“, а цѣлая толпа замужнихъ дѣвочекъ толкла въ семи большихъ ступкахъ желтый имбирь. Когда онъ былъ готовъ, то вся эта партія амазонокъ бросилась на жениха, стащила его съ лошади и раздѣвъ дѣвага стала обмазывать его размоченымъ въ водѣ имбиремъ; лишь только онъ обоихъ на солнцѣ, его снова стали одѣвать съ лѣсами. Пока однѣ его одѣвали, другія дѣвочки, вооружась каждая листомъ свернутаго въ трубку лотоса, калали ему на голову воду—приношеніе водянымъ богамъ.

Намъ объяснили что въ продолженіе всей прошлой ночи совершались въ домахъ жениха и невѣсты послѣдніе обряды церемоній начатыхъ еще за нѣсколько недѣль до свадьбы: воззваніе къ *Ганешу*, ко брачному богу, къ стихійнымъ божествамъ—богу огня, воды, воздуха, земли; къ богинѣ ослы и другихъ немочей; къ духамъ пращуровъ и планетъ; ко злымъ духамъ, добрымъ духамъ и къ духамъ домашнимъ... Но вдругъ раздалась музыка... О боги! что это за адская симфонія! Раздирающіе слухъ звуки тамъ-тама, тибетскіе барабаны, сингалезскія дудки, китайскія трубы, литавры, гонги оглушали насъ со, всѣхъ сторонъ, пробуждая въ душѣ ненависть къ человѣчеству и его дьявольскимъ изобретеніямъ. „De tous les bruits du monde celui de la musique est le plus désagréable“.. вспомнилось мнѣ. Къ счастью, агонія

длилась не долго, и на выручку намъ явилось оригинальное и все-таки болѣе сносное лѣвнѣ брамамовъ и *маотчей*. Свадьба была богатая; и „весталки“ явились въ полной формѣ. Минута затишья, сдержаннаго шелота... и вотъ одна изъ нихъ, высокая, красивая дѣвушка, съ глазами занимающими половину лба, стала молча перебѣгать отъ одного къ другому гостю и каждаго поочередно мазать рукой по лицу, оставляя на немъ слѣды сапидальнаго и шафранаго порошка. Она подскользнула и къ намъ, безшумно лорхая по пыльной дорогѣ своими босыми, разукрашенными золотыми кольцами ногами. Прежде чѣмъ мы успѣли оломниться, она уже мазула и меня, и полковника, и миссъ Б*** по носу, заставивъ послѣднюю громко чихнуть и затѣмъ на цѣлыя десять минутъ обтираться и брюзгливо ворчать...

Бабу и Мульджи, съ улыбками великодушія на лицахъ, любезно подставили свои физиономіи къ полной шафрана ручкѣ. Одинъ лишь Нараянъ, въ ту самую минуту какъ поведившая на него все время своими огненными очами весталка, ставъ на самые кончики своихъ проворныхъ ногъ, собиралась совершить надъ нимъ *гулалъ-пекнѣ*—быстро отшатнулась и нахмурилась подубернулася къ ней сливой, получивъ всю дозу порошка въ плечо. Весталка, въ свою очередь, грозно нахмурилась, но затаивъ досаду, только сверкнула на него глазами и подлетѣла къ Рамъ-Рунджитъ-Дасу. Но съ этой стороны ей еще менѣе посчастливилось: оскорбленный въ своемъ монотеизмѣ и цѣломудріи, „божій воинъ“ такъ безцеремонно оттолкнулъ весталку что она отлетѣла на посуду брачнаго бога, чуть не перебивъ ее всю. Въ толпѣ послышался сильный ропотъ, и мы уже приготовлялись было на изгнаніе за грѣхи буйнаго Сукка, когда разомъ грянули опять всѣ барабаны и процессія тронулась. Впереди всѣхъ ѣхали на позолоченной повозкѣ и на украшенныхъ отъ роговъ до хвоста цвѣтами водахъ трубачи и барабанщики; за ними слѣдовалъ другой оркестръ лѣвшихъ дудочниковъ; за этими третій—верховыхъ дующихъ во всю мочь въ *гонги*. За ними, по двѣ въ рядъ, шли разукрашенные лерьями и цвѣтами, въ богатыхъ поповахъ, лошади съ родственниками молодыхъ. Далѣе отрядъ *Бахилей* въ полномъ обезоруженіи, такъ какъ Англичане только-что отняли у нихъ всѣ боевые снаряды, кромѣ лука и стрѣлъ. Всѣ они словно страдали флюсомъ, подвязанные до самаго носа своими бѣлыми

пассерти. За ними шли духовные брамавы, съ курительными свѣчами въ рукахъ, окруженные своимъ летучимъ батальономъ всталокъ, выдѣлывавшихъ во всю дорогу гласады и ла; за этими свѣтскіе брамавы „дважды рожденные“ и, наконецъ, юный женихъ верхомъ на красивомъ конѣ, но обѣ стороны него шли по два воина съ хвостами *ма* (тибетскій быкъ) въ рукахъ для отмахиванія мухъ, а за ихъ спинами еще по два человека съ серебряными вѣерами; группа жениха замыкалась голымъ браманомъ на ослѣ, державшимъ надъ женихомъ огромный изъ красного шелка китайскій зонтикъ. За всѣмъ этимъ ловозка на водахъ, нагруженная считанною тысячею кокосовъ и сотнею бамбуковыхъ навизанныхъ на красной веревкѣ корзиночекъ. Покровительствующій бракамъ богъ вѣхалъ въ грустномъ одиночествѣ на спинѣ слона, котораго *магутъ* велъ за украшенную гирляндами цѣль. За хвостомъ слона скромно шла наша партія, которая и замыкала процессію...

Безконечно длились обряды по дорогѣ; невыразимо странно казались намъ торжественныя „мантры“ распѣваемые предъ каждымъ деревомъ, возлѣ лагодъ, предъ танками, кустами и наконецъ предъ священною коровой. Когда мы вернулись къ дому невесты было уже около четырехъ часовъ полудни, а мы пришли въ шесть утра... Миссъ Б*** спала отъ усталости и жары на всемъ ходу; лыкій Сиккъ давно ушелъ домой, захвативъ съ собою У*** и Мульджи, котораго полковникъ, въ воспоминаніе своего угрюмаго президента Гранта, прозвалъ „молчаливымъ генераломъ“. Нашъ уважаемый предводитель обливался въ два ручья лѣтомъ, и даже невозмутимый Нараянъ, позѣвывая, обмахивался вѣеромъ. Одинъ бабу, послѣ девятичасовой прогулки съ непокрытою головою подъ лалющимъ апрѣльскимъ солнцемъ Индіи, казался свѣжѣ чѣмъ когда-либо: ни одной капельки испарины на темнобронзовомъ, гладкомъ какъ атласъ лицѣ! Онъ скалил свои бѣлые зубы и балагурилъ, декламируя стихи изъ *Бриллиантовой Свадьбы* Стедмана...

Началась послѣдняя брачная церемонія, послѣ которой для женщины закрывается весь міръ, но предъ которою мы открыли глаза и уши и принялись наблюдать внимательнѣе прежняго. Вотъ поставили жениха и невесту у алтаря. Соединивъ имъ руки длинною травой *кусъ-куса*, браманъ обвелъ ихъ три раза вокругъ алтаря. Затѣмъ имъ развязали руки,

и жрецъ снова прогнусилъ мантру. Когда оны кончили, женихъ-мальчикъ, схвативъ свою миниатюрную невѣсту на руки, слова трижды обошелъ съ нею вѣкругъ алтаря; а потомъ еще три раза, идя на этотъ разъ впереди невѣсты, которая слѣдовала за нимъ какъ локорная жена. Когда все совершилось, юнаго мужа посадили на высокое сидѣнiе у дверей дома, а новобрачная, взявъ въ руки тазъ съ водой, простерлась у ногъ будущаго повелителя, разуда его и обмывъ ему обѣ ноги *обтерла цѣль распущенными своими волосами*. Обычай, какъ мы замѣтили, дѣйствительно древнiй. По правую руку жениха сидѣла его мать; поклоняясь ей низко въ ноги, невѣста совершила ту же операцiю и надъ свекровью, послѣ чего удалилась въ домъ; за нею вышла изъ тоалы ея мать и повторила надъ зятемъ и его матерью такое же омовенiе, но уже безъ обтиранiя волосами. Бракъ свершился. Загребши снова барабаны да тамъ-тамы, и полуоглохшия мы наконецъ уѣхали домой. Въ палаткѣ мы нашли *акаши*, проповѣдовавшаго У*** и молчаливому генералу религiю „Намака“ и всѣ душеслассительныя выгоды „сиккаизма“, въ сравненiи съ религiей „чертополоклонниковъ“ (какъ оны называлъ брамамовъ). Нашъ прiятель былъ правъ: самъ сатана въ свои гениальнѣйшия минуты не могъ бы придумать ничего болѣе несправедливаго, болѣе утонченно-жестокаго чѣмъ то что придумали эти „дважды рожденные“ адскiе плуты въ отношенiи къ женщинамъ. *Полная, безусловная грижданская смерть* ожидаетъ послѣднюю въ случаѣ ея вдовства, овдовѣи она хотя пятилѣтнюю, даже двухлѣтнюю дѣвочкой, наконецъ, и въ томъ случаѣ если она только прошла чрезъ обрядъ обрученiя, при которомъ, какъ мы видѣли, она и не присутствуетъ, а фигурируетъ жертвой одинъ козель. Мушца же не только по праву можетъ имѣть нѣсколько женъ, хотя будь сказано къ чести Индусовъ,—за исключенiемъ распутныхъ, прiученныхъ резидентами и олекунами-Англичанами къ пьянству и другимъ прелестямъ западной цивилизацiи принцевъ и махараджей,—мы еще не слыхивали о такомъ примѣрѣ чтобъ у Индуса было *болѣе одной* жены. Въ случаѣ же вдовства мужчина обязанъ вступить во второй и третiй бракъ. Но для женщины нѣтъ такого закона. Для нея вторичный бракъ считается величайшимъ грѣхомъ, неслыханнымъ позоромъ. Въ то самое время когда я пишу эти строки затѣянная агитаторами и противниками брамамовъ реформа въ Бомбей, бракъ вдовъ, потрясетъ

всю ортодоксальную Индію до самаго ея основанія. Вотъ ужъ сапшкомъ десять лѣтъ какъ этотъ вопросъ былъ поднятъ Мульджи Такерсингомъ и другими реформаторами—и до сихъ поръ однакоже имъ все-таки пользовались всего три, четыре человека. Борьба между ними идетъ не на животъ, а на смерть, борьба глухая, подземная, тѣмъ не менѣе свирѣлая и упорная. А пока вотъ что ожидаетъ всякую вдову: тотчасъ по сожженіи трупа мужа, вдовѣ брѣютъ голову навсегда. Ей не дозволено носить ни одного украшения; ея браслеты, перстни, ожерелья, все это ломается въ куски и вмѣстѣ съ волосами сожигается съ трупомъ мужа. Всю жизнь она должна ходить съ ногъ до головы въ *бѣломъ*, если она осталась вдовою до 25лѣтняго возраста, или же въ *красномъ*, если она старѣе. Храмы, религиозныя церемоніи, общество закрываются предъ нею навсегда. Она не смѣетъ говорить ни съ кѣмъ изъ родныхъ и даже ѣсть съ ними. Она спитъ, ѣсть и работаетъ отдѣльно; соприкосновеніе съ нею считается нечистымъ въ продолженіе семи лѣтъ. Если вдова встрѣтится первою на дорогѣ человѣку выходящему утромъ изъ дому по дѣлу, то онъ возвращается домой и откладываетъ дѣло до другаго дня, такъ какъ встрѣча со вдовой самая дурная примѣта. Уличенные въ живомъ истолкованіи Ведъ, съ преступною цѣлью жечь вдовъ дабы завладѣть ихъ имуществомъ, поставленные въ невозможность продолжать этотъ жестокій обычай, брамамы возобновили рѣдко приводимое въ исполненіе древнее постановленіе,—и то касающееся лишь *богатыхъ* вдовъ отказывающихся отъ самосожженія въ послѣднюю роковую минуту,—и примѣнили оное ко всемъ вдовамъ поголовно. Безсильные противъ британскаго закона, они мстятъ невиннымъ и постигнутымъ несчастіемъ женщинамъ.

Любопытна исторія уличенія брамановъ профессоромъ Уильсономъ въ фальсификаціи текста Ведъ и подлогѣ. Въ продолженіе долгихъ вѣковъ брамамы жестоко сожигали злополучныхъ вдовъ, слагая всю отвѣтственность на нѣкій *гилъ* Ригъ-Веды и опираясь на строгое исполненіе законовъ Ману—истолкователя ихъ откровенія. Ману считается „непогрѣшимымъ“ толкователемъ Ведъ. И вотъ, когда впервые Британское правительство пожелало возстать противъ сожженія вдовъ, вся страна, отъ Гималая до Коморина, подъ вліяніемъ брамановъ поднялась и грозно протестовала. Англичане, говорили они, „обѣщали свято сохранять систему

невмѣстательства въ дѣла ихъ религіи, и обязаны сдерживать слово“. Никогда Индія не была такъ близка къ революціи какъ въ тѣ дни. Увидѣвъ что дѣло плохо, Британцы спасовали; но Уильсонъ, лучшій санскритистъ того времени, не считалъ еще дѣло проиграннымъ. Онъ рылся въ самыхъ древнихъ рукописяхъ, пока не убѣдился что нигдѣ въ гимнахъ Ведъ нѣтъ такого постановленія, хотя въ законѣ Ману, непогрѣшимаго толкователя „откровенія“, оно будто бы находилось во всей ясности и такъ и было переведено Кольбрукомъ и другими ориенталистами. Дѣло становилось затруднительнымъ. Стараться доказать что истолкованіе Ману неправильно—равнялось, въ виду народнаго фанатизма, толченію воды. Уильсонъ сталъ изучать Ману, сравнивая текстъ Ведъ съ текстомъ законодателя. И вотъ что онъ нашелъ наконецъ: *Ригъ-Веда* повелѣваетъ браману класть вдову, до зажженія костра, рядомъ съ трупомъ мужа, а по совершеніи нѣкоторыхъ обрядовъ *свести съ костра* и громко пролѣтъ надъ нею слѣдующій стихъ изъ *Григья-Сутры*:

Вставай, о женщина! вернися въ міръ живыхъ;
Заснувъ у трупа, просылайся снова;
Довольно времени была ты вѣрною женой
Тому кто сдѣлалъ тебя матерью его дѣтей.

Затѣмъ присутствовавшія при сожженіи покойника женщины мазали себѣ глаза „коллиріемъ“, и браманъ обращался опять къ нимъ со слѣдующимъ стихомъ:

Приблизьтесь, женщины замужнія, не вдовы,
Съ мужьями добрыми несѣте гъ * и масао.
Пусть первыми ест матери восходятъ на алтарь
Въ одеждахъ праздничныхъ и цѣлыхъ украшеньяхъ и т. д.

Именно предпоследній стихъ и былъ искаженъ браманами самымъ тонкимъ, хитрымъ образомъ. Въ оригиналѣ стихъ читается такъ:

„А роханту гагайо іѳнимъ аге“... **

буквально: „первыми—матери стунайте въ утробу алтаря“, (уепит' аге, то-есть *емутр* алтаря). Измѣнивъ лишь одну букву послѣдняго слова „аге“, которое они передѣляли въ

* Гъ—растопавшее масао.

** Съ профессора Уильсона *Burning of the Hindu widows* и Макса Мюллера *Comparative mythology*, 1856.

„агни“ (огонь), браманы получили право посылать въ продолженіе долгихъ вѣковъ несчастныхъ малабарскихъ вдовъ въ *yonim agnih*—въ „утробу огня“, на костеръ. Трудно бы найти на Бѣломъ свѣтѣ подобную адскую поддѣлку.

И не только Веды никогда не дозволяли сожиганія вдовъ, но есть даже мѣсто въ *Taittiri - Аршукъ* (Яжуръ - Веда), гдѣ меньшій братъ покойника, его ученикъ или даже, за неимѣніемъ родственниковъ, довѣренный другъ, въ то время какъ готовится зажечь огонь на кострѣ,—обращается ко вдовѣ и говоритъ ей слѣдующее: „Встань, женщина, не ложись болѣе возлѣ безжизненнаго трупа; возвратись въ міръ живыхъ, подальше отъ умершаго супруга, и сдѣлайся женой того кто держитъ тебя за руку и желаетъ вступить съ тобою въ бракъ.“ Этотъ стихъ доказываетъ что во времена ведическаго періода существовалъ для вдовъ *историчный* бракъ, тѣмъ болѣе что въ нѣсколькихъ мѣстахъ древнихъ рукописей врученныхъ намъ суами Дайанандомъ мы нашли повелѣніе вдовамъ „собирать кости и золу мужа въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ по его смерти и въ заключеніе исполнять надъ покойникомъ извѣстные обряды“..

Не смотря однако на полную улику, на произведенный открытіемъ Уильсона скандалъ и на то что браманы предъ двойнымъ авторитетомъ Ведъ и Ману принуждены были въ свою очередь спасовать, вѣковой обычай оказался столь сильнымъ что нѣкоторые *сунра* (набожныя Индуки) до сихъ поръ сожигаютъ себя когда могутъ. Не далѣе какъ въ позпрошломъ году, по смерти главнаго министра въ Непалѣ Юнгъ Бахадура, четыре его жены настояли на самосожженіи. Непалъ—неподвластенъ Британіи, и Англо-Индійское правительство не имѣло права вмѣшаться.

XX.

Въ четыре часа утра мы уже переѣзжали Варрей и Гарну, или правильнѣе (*comme souleir locale*) Шуву и Парнатта. Вѣроятно по примѣру смертныхъ супруговъ, „бегн“ въ это утро ссорились, такъ какъ очень ужъ они вдвоемъ бурлили, и нашъ ларомъ, зацѣпившись за что-то на днѣ рѣки, чуть не перевернулъ насъ всѣхъ въ холодныя объятія Махадео и его сварливой половины.

Подобно всѣмъ пещернымъ храмамъ въ Индіи, вырытымъ, какъ я подозреваю, аскетами съ цѣлю искушать человеческое терпѣніе, и эти кельи находятся на вершинѣ почти отвѣсной горы. Присматривая въ соображеніе что такая неприступность ихъ нисколько не мѣшаетъ даже простымъ тиграмъ, не говоря уже объ „оборотняхъ“, залѣзать туда и даже селиться въ нихъ, остается думать что подобный родъ архитектуры былъ дѣйствительно избранъ лишь съ цѣлю вводить слабыхъ смертныхъ во грѣхъ. Семьдесятъ двѣ вырубленные въ скалѣ ступени, заросшія мхомъ и колючками, съ глубокими выбоинами, которыя громко свидѣтельствовали о несметныхъ милліонахъ ногъ пилигримовъ выбивавшихъ ихъ въ продолженіе двухъ тысячъ лѣтъ, — таковъ для начала парадный входъ въ Багхскія пещеры. Прибавьте къ предметамъ подобнаго подъяема множество просачивающихся сквозь ступени горныхъ ручьевъ, и никто не удивится что мы въ то утро положительно изнемогали подъ бременемъ жизни и археологическихъ затрудненій. Бабу, который снявъ туфли скакалъ по колючкамъ съ такою же легкостью какъ есабъ у него вмѣсто человеческихъ подошвъ были копыта, поспѣивался надъ „слабыми Европейцами“ и только еще болѣе бѣсилъ насъ...

Но взобравшись на вершину горы мы перестали ронгаться, почувствовать съ перваго взгляда что будемъ вполнѣ вознаграждены за всю нашу усталость. Едва мы взошли на небольшую, разстланную подъ далѣко нависшею надъ ней бурюю скалою площадку, какъ предъ нами открылась черезъ прямоугольное отверстіе, футовъ въ шесть шириной, цѣлая анфилада темныхъ пещеръ. Мы были поражены мрачнымъ величіемъ этого давно покинутаго храма. Не терпя времени на подробный осмотръ потолка надъ площадкой, очевидно служившею когда-то верандой, надъ портикомъ съ его торчащими сверху какъ большіе черные зубы отломками того что некогда было колоннами, и не останавливаясь даже осмотрѣть двѣ комнаты по обѣимъ сторонамъ древней веранды, одну съ разбитымъ иломомъ какой-то плоскоокой богини, другую съ Ганешей, — мы приказали зажечь факелы и вошли внутрь первой залы... На насъ пахнуло могильною сыростью. При первомъ словѣ всѣ понизили голосъ до едва слышнаго шепота: глухо завывшее, протяжное и долго замиравшее потомъ эхо заставило насъ всѣхъ непре-

ятно вздрогнуть. Съ робкимъ гортаннымъ восклицаніемъ: „Девы!... Девы!...“ наши факельщики мгновенно бросились лицомъ на землю, и несмотря на сердитый протестъ Нараяна и особенно „божьяго воина“, тутъ же начали творить *пуджу** голосу невидимой, обитавшей въ этихъ пещерахъ богини.. Единственный проникавшій во храмъ свѣтъ входилъ въ отверстіе двери, погружая въ еще болѣе глубокій мракъ почти двѣ трети зала. Эта зала, или средній храмъ, очень велика, 84 квадрат. фута и 16 футовъ высоты. Двадцать четыре массивныя колонны составляютъ квадратъ, по шести возлѣ каждой стѣны, включая угольные столбы, и четыре средніе, которые поддерживаютъ въ центрѣ потолокъ скалы, слишкомъ переслоенный чтобы, какъ въ Карли и Элефантъ, выдержать на такомъ большомъ пространствѣ чрезмѣрную тяжесть горы. Базы колоннъ состоятъ каждая изъ плинтуса и двухъ полукруглыхъ фризозъ. У четырехъ среднихъ столбовъ круглые стержни, со спиральными краями, которые суживаясь къ верху постепенно измѣняются изъ 16-ти въ 8-угольныя полосы, переходя подъ подставками въ квадратныя, и представляя такимъ образомъ нечто чрезвычайно оригинальное и изящное. Другія колонны—двѣ переднія и двѣ заднія—почти квадратныя до первой трети своей высоты. Затѣмъ и эти начинаютъ постепенно округляться, переходя въ 8- и 12-угольныя полосы со спиральными краями, а еще выше въ 12- и 24-угольныя, оканчиваясь подъ карнизомъ пышными орнаментаціями напеминающими коринтскій стиль. У***, извѣстный архитекторъ по профессіи и опытный художникъ, увѣрялъ насъ что оригинальнѣе этихъ колоннъ онъ ничего не видѣлъ. Какіе употреблялись инструменты туземными зодчими на созиданіе ледяныхъ, въ дѣльныхъ скалахъ, работъ, онъ и ума приложить не могъ. Какъ и во всѣ пещерныя храмы Индіи, исторія которыхъ теряется во мракѣ неизвѣстности, и эти приписаны ориенталистомъ Орскиномъ буддистамъ, хотя и здѣсь преданіе относитъ ихъ къ работамъ индуистическихъ братьевъ Панду.

Но не говоря уже о томъ что вся индійская палеографія въ каждой вновь открываемой древней надписи своей протестуетъ противъ такого самовольнаго заключенія, есть еще много другихъ причинъ сомнѣваться въ правильности

* Церемонія поклоненія.

воззрѣній на этотъ счетъ большей части англійскихъ ориенталистовъ. Мы выскажемъ пока одну. Положимъ что показанія брамавовъ неправильны, и что буддисты, какъ то желали доказать Стивенсонъ и другіе, проповѣдывали свою религію, строили вихары и пользовались одинаковыми правами съ другими сектантами въ Индіи еще въ началѣ VI вѣка нашей эры. Но, съ другой стороны, эти же члены Азіатскаго Общества давно рѣшили что религія Будды, затѣявшаго свою реформу именно *противъ идолопоклонства*, исказилась „не ранѣе V столѣтія“. До того времени не было и не могло быть ни одного браманскаго идола въ чисто буддистскихъ храмахъ, какъ это уже и доказано. Какимъ же образомъ, спрашивается, въ пещерныхъ храмахъ Карли, Насика, Беннери и т. д. (Карли построены, по единодушному мнѣнію антикваріевъ, между III и I вѣкомъ до-христіанской эры, никакъ не позже 95 года до Р. X., а пещеры Насика въ первомъ или во второмъ вѣкѣ нашей эры) находится такая бездна браманскихъ идоловъ вышедшихъ изъ-подъ рѣзца зодчихъ *одновременно* со стѣнами зданій? Почти всѣ они изсѣчены въ стѣнахъ и составляютъ существенную часть самихъ пещерныхъ храмовъ. Развѣ въ первые два вѣка до и послѣ нашей эры буддистъ осмѣлился бы изображать столь противныхъ духу ученія Будды идоловъ? „Найденныя въ Насикѣ надписи (отвѣчаютъ намъ антикваріи) доказываютъ, напимѣръ, что славный монаръхъ А'ндкры, Готамишутра, покеривъ царя Цейлонскаго, выгнавъ Скиеовъ, Грековъ и Персовъ, основалъ въ одно и то же время госпиталь для больныхъ и немощныхъ, школу для стрельбы изъ лука, коллегію для изученія буддизма и другую коллегію для брамановъ, представляя такимъ образомъ интереснѣйшую картину чело-вѣколюбиваго, отличавшагося вѣротерпимостью и либеральнаго правителя. Эта надпись вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ: 1) что буддисты жили съ браманами въ *дружбѣ* (!?) до своего изгнанія изъ Индіи и пользовались одинаковыми съ ними правами, и 2) что постепенно переменяя у брамановъ ихъ политическія воззрѣнія, они снова вернулись къ бывшей своей вѣрѣ, только прибавивъ Будду къ идоламъ и проч.“—Но вѣдь это же случилось не ранѣе V столѣтія? говорите вы.—Никакъ не ранѣе.—А пещерные храмы, наполненные сверху до низу браманскими идолами строились, по вашему же опредѣленію, между III вѣкомъ до Р. X. и II по Р. X.?—Конечно, въ

этомъ мы единодушно соглашаемся.—Но какъ же вы *оглашаете* такое противорѣчіе между двумя *фактами*?—А мы (говорятъ они) даже и труда такого на себя не беремъ: мы авторитеты опредѣляющіе и постановляющіе *безапелляціонно*, а объяснять какія-либо кажущіяся несообразности представляемъ другимъ...

Cum grano salis, однако. Объяснять себѣ или другимъ они даютъ намъ право; но если объясненія хоть немного разойдутся съ ихъ „непогрѣшимыми“ заключеніями, на объясняющаго тотчасъ же кладется клеймо невѣжества, и критика его выставляется на позоръ всему свѣту какъ оскорбляющаго науку игноранта. *Et c'est ainsi qu'on écrit l'histoire!* (особенно въ Индіи). Вѣроятно такъ же будетъ поступлено и съ этими скромными замѣтками. Нѣкоторые русскіе археологи востанутъ противъ приводимаго нами мнѣнія (т.-е. мнѣнія туземныхъ археологовъ), ибо оно діаметрально расходится съ мнѣніемъ Фергюсона и другихъ великихъ европейскіхъ оракуловъ о циклопскихъ постройкахъ архаическихъ временъ. Но чтобы разомъ доказать чего стоить мнѣніе хотя Фергюсона, этого блестящаго маяка британскихъ архитекторовъ, приведу еще одинъ примѣръ. Этотъ великій зодчій, но очень посредственный археологъ, объявлялъ въ началѣ своей ученой карьеры, какъ объявляетъ и теперь, что „пещерные храмы Кеннари выстроены *est do одного* отъ V до X столѣтія“. Такъ и порѣшили было. Но вдругъ Др. Бёрдъ, во время своихъ раскопокъ въ этихъ пещерахъ, находитъ въ одномъ изъ ламатниковъ сооружаемыхъ буддистами въ ихъ храмахъ, известамъ подъ названіемъ *toris*, мѣдную доску съ надписью. На загер-тость надписи нельзя было пожаловаться: въ ней на санскритскомъ языкѣ говорилось яснѣе дня что этотъ *toris* былъ приношеніемъ сдѣланнымъ *старому* храму въ началѣ 245 года (по астрономической эрѣ Индусовъ). Это лѣтосчисленіе, говорятъ Принсепъ и Др. Стивенсонъ, совпадаетъ со 189 годомъ христіанской эры и неопровержимо рѣшаетъ вопросъ если не о годѣ самой постройки, то о годѣ приношенія, когда эта пещера уже считалась *старымъ храмомъ*, по выраженію надписи. На это Фергюсонъ, нисколько не конфузаясь, отвѣчаетъ что *для него* древнія надписи въ вопросахъ о хронологіи ровно *ничего не доказываютъ*, ибо могутъ и *врать*, и что онъ, Фергюсонъ, „основываетъ свои соображенія и опредѣленіе древности развалинъ *не на надписяхъ*, а на

извѣстныхъ имъ самимъ открытыхъ архитектурныхъ канонахъ или уставахъ.“

Въ настоящее время между имъ и докторомъ правъ—извѣстнымъ бабу Раджендра-Лалъ-Митрой изъ Калькутты, признаваемъ въ Лондонѣ ученѣйшимъ археологомъ и антикваріемъ въ Индіи, * идетъ война. Раджендра-Лалъ отвѣчаетъ ему что „каноны“ извлеченные почтеннымъ англійскимъ архитекторомъ изъ глубины его умозрительнаго знанія никакъ не могутъ примѣняться къ такимъ древнимъ и часто неизвѣстнаго стиля архитектуры храмамъ какъ такъ-называемые „пещерные храмы“ Индіи. Послѣ этого даже и мой мало значащій голосъ имѣеть нѣкоторое право заявить что и къ голосу нѣкоторыхъ „авторитетовъ“ можно примѣнить пословицу: *vox et praeterea nihil*. А теперь, подкрѣпившись этимъ слабымъ пораженіемъ противниковъ, замѣчу отъ себя что теорія гласящая будто буддисты вернулись къ идолопоклонству и поэтому всѣ храмы—буддистскіе, противорѣчатъ исторіи обѣихъ сторонъ—буддистовъ какъ и брамановъ. Послѣдніе именно потому и стали притѣснять и выгонять изъ Индіи первыхъ что тѣ шли *противъ идолопоклонства*. Какъ уже показано выше, тѣ изъ нихъ которые отпали отъ реформаціи чистаго, хотя быть-можетъ на первый взглядъ и атеистическаго ученія Гаутамы Сиддарты, остались въ Индіи; но они мало-помалу смѣшались съ Джаинами, а затѣмъ и совсѣмъ присоединились къ нимъ. И не эти раскольники V вѣка, конечно, строили храмы за 300 и 200 лѣтъ до Р. X.; не буддисты переходили въ брамаизмъ, а послѣдніе слѣдовали сотнями тысячъ за Буддой. Такъ почему же не предположить скорѣе что если среди сотней браманскихъ боговъ мы находимъ изрѣдка между ними, въ одномъ и томъ же храмѣ, фигуру Будды **, что храмъ этотъ не буддистскій, а древній браманскій, къ которому полуобращенные въ буддизмъ строители прибавили статую Будды—одного лишняго бога, а не наоборотъ, что совершенно не логично? Къ тому же, хотя мы много-

* Членъ - корреспондентъ Азіатскаго Общества; членъ Теософическаго Общества восточной секціи и пр. пр.

** Всѣ фигуры Гуатамы Будды рѣзко отличаются отъ идоловъ своимъ неизмѣняемымъ положеніемъ: правая рука поднята и обращена ладонью наружу, представляя Буда благословляющаго двумя пальцами народъ.

кратко осматривали почти всё главные, такъ - называемыя буддистскія „вихары“ Индіи, мы не встрѣчали еще ни одного изображенія Будды которое не могло бы быть прибавлено по зданіе, все равно—годъ или тысячу лѣтъ послѣ построенія самаго храма. Мало довѣряя собственнымъ заключеніямъ, мы ѣздили съ У***, извѣстнымъ и опытнымъ архитекторомъ, и всюду, въ какомъ бы то ни было изъ храмовъ, находили браманскихъ идоловъ составляющихъ одно цѣлое со зданіемъ, а статуи Будды почти всегда *придѣланныя*, какъ напримѣръ, въ *Чаиты - Грижа* кеанерійскихъ храмовъ. Изъ тридцати или сорока пещеръ Эллары, наполненныхъ идолами, есть только одна — храмъ *Три Локъ* или „трехъ мировъ“, которая вмѣсто идоловъ содержитъ въ себѣ статуи Будды и Аванды, его любимаго ученика. Тутъ есть прямой поводъ предположить что то буддистская вихара. Интересно будетъ узнать мнѣніе профессора Минаева объ этихъ пещерахъ, послѣ его поѣздки въ Индію.

А теперь вернусь къ разказу.

Прямо противъ входа дверь ведетъ въ другую залу, продолговатую, съ двумя шестиугольными колоннами и съ нишами по бокамъ, въ которыхъ стоятъ довольно хорошо сохранившіяся статуи: богами въ 10 футовъ вышины и нѣсколько боговъ въ 9 футовъ. За этою — входъ въ комнату съ алтаремъ. Это правильный шестиугольникъ въ три фута между углами, подъ высѣченнымъ изъ цѣльной скалы куполомъ. Сюда не впускался, какъ и нынѣ не впускается, никто кромѣ посвященныхъ въ таинства *адитума*. Кругомъ — кельи бывшихъ жрецовъ; ихъ около двадцати. Осмотрѣвъ алтарь, мы было уже собирались идти далѣе какъ полковникъ, взявъ изъ рукъ одного изъ слугъ факель, отправился съ двумя другими осматривать эти боковыя комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ раздался его голосъ, громко звавшій насъ изъ второй кельи надѣяно. Онъ нашелъ секретный ходъ и кричалъ онъ намъ: „Пойдемте далѣе... надо увѣриться куда онъ ведетъ!“

— Въ берлогу одного изъ „оборотней“... Смотрите въ оба полковникъ... берегитесь тигровъ!.. прокричалъ за насъ въ отвѣтъ бабу.

Но по дорогѣ къ „открытіямъ“ нашего президента было не легко остановить. Мы пошли на его зовъ.

Онъ дѣйствительно сдѣлалъ открытіе; и мы войдя въ келью увидали самое неожиданное зрѣлище... У противоположной входу стѣны стояли неподвижно, словно превратась въ каменные каріатиды, два факельщика, а изъ самой стѣны невысокой комнаты и футовъ пять надъ поломъ торчали двѣ ноги одѣтыя въ бѣлые панталоны. Туловища не было; оно исчезло, и еслибы не сильное дряганіе вышесказанныхъ ногъ, то можно было бы подумать что обитающая въ пещерѣ злая „дѣва“, разрубивъ туловище полковника пополамъ, мгновенно испарила верхнюю часть, а ноги приклеила, какъ трофей своего могущества, подъ потолокъ!..

— Куда это вы залѣзли, господинъ президентъ? завопили мы всѣ въ одинъ голосъ.

Вмѣсто отвѣта, ноги задрагали еще сильнѣе прежняго и затѣмъ исчезли въ стѣнѣ; послѣ чего снова раздался голосъ долетающій до насъ словно изъ трубы.

— Комната... лотаенная келья!.. Лѣзьте всѣ за мною... цѣлый рядъ комнатъ!.. Мой факель потухъ!.. несите свѣчки... факелы!..

Но лѣзть за нимъ и нести факелы оказывалось легче на словахъ нежели на дѣлѣ. Факельщики наотрѣвъ отказались лѣзть и чуть было не разбѣжались со страха. Миссъ Б*** безразлично поглядывала на заколоченую стѣну и на свой туалетъ; а У*** помѣстился на отвалившемся кускѣ колонны и рѣшилъ что не пойдетъ, а закуритъ сигару и, окруженный отрядомъ трусливыхъ факельщиковъ, станетъ насъ ожидать. Въ стѣнѣ было нѣсколько выступовъ, очевидно высѣченыхъ поздне пещеры, а на полу валялся большой, какъ бы нарочно высѣченный въ неправильную форму камень, соответствующій своею формою дырѣ въ стѣнѣ. Бабу на своемъ живописномъ языкѣ тотчасъ же указалъ намъ на него какъ на бывшую „затычку“ лотаеннаго хода. По тщательномъ осмотрѣ мы убѣдились въ очевидномъ намѣреніи каменщика-строителя сдѣлать его похожимъ и даже ничѣмъ не отличающимся отъ прочихъ неровностей грубо обтесанной стѣны. Къ тому же, мы нашли на немъ нѣчто въ родѣ стержня, на которомъ его вѣроятно и поворачивали когда являлась надобность открывать этотъ входъ.

Первымъ полѣзъ въ дыру, продолговатую, фута въ три вышины, но не болѣе двухъ въ ширину—нашъ мускулистый „воишь божіи“, а такъ какъ дыра когда онъ сталъ на кусокъ колонны приходилась почти на срединѣ груди этого

пенджабскаго Еруслава Лазаревича, то онъ и влѣзъ довольно легко. За нимъ, съ ловкостью обезьяны, спрыгнулъ бабу, и втащивъ факель освѣтилъ всю комнату. Затѣмъ, съ помощью Акаки, который втаскивалъ меня сверху за руки, и Нараяна помогавшаго снизу—меня благополучно, хотя и съ усиліемъ, перегрузили черезъ отверстіе въ которомъ я впрочемъ изрядно застряла, сильно оцарапавъ при этомъ о стѣны руки. Какъ ни тяжелы археологическія разслѣдованія при латы пудахъ брѣннаго тѣла, я однакоже чувствовала что съ двумя такими геркулесами какъ Рамъ-Рувджитъ-Дасъ и Нараянъ смѣло могла бы отправиться хоть на самыя вершины Гималаевъ. Последними полѣзли миссъ Б***, которая чуть было не проглотила горсть свалившихся ей въ вѣчно открытый ротъ пыли и камешковъ, а за нею Мульджи. Но У***, который предпочелъ на этотъ разъ чистоту своихъ бѣлыхъ панталонъ осмотру святынь незаламатной древности, остался внизу съ людьми...

Тайная келья оказалась комнатою въ двѣнадцать квадратныхъ футовъ; а прямо противъ зѣвшей на полу дыры, на противоположной стѣнѣ, только тоже подъ потолкомъ, находилось другое точно такое же отверстіе, хотя „затычки“ отъ онаго мы не нашли. Келья была совершенно пустая, если не считать черныхъ пауковъ, похожихъ по величинѣ на крабовъ. При нашемъ появленіи и особенно при ослабляющемъ ихъ вѣроятно свѣтѣ, между ними произошла паника: они забѣгали сотнями по стѣнамъ, висли на воздухѣ и падали намъ на головы. Первымъ движеніемъ миссъ Б*** было убивать ихъ, но на этотъ разъ всѣ четыре Индуса сильно и единодушно протестовали противъ такого намѣренія. Англичанка обидѣлась и вскипятилась.

— Я думала что вы реформаторъ, презрительно замѣтила она Мульджи,—а вы выказываете предрасудки не хуже идолопоклонника...

— Я прежде всего Индусъ, гордо отвѣтилъ „молчаливый гемералъ“.—А Индусы испоконъ вѣка считаютъ грѣхомъ предъ природою и собственною совѣстью лишать жизни инстинктивно убѣгающее предъ силой человѣка, даже и опасное животное, не только что такое безвредное насекомое какъ паукъ.

— Ужь не боитесь ли вы будущаго переселенія въ чернаго паука? фыркнула она.

— Нѣтъ... но въ случаѣ необходимости, все-таки желалъ бы лучше трансмигрировать въ лаука нежели въ Англичанина, обрѣзалъ онъ.

Мы всѣ расхохотались, всѣ, кромѣ патріотической старой дѣвы. На этотъ разъ она сильно разсердилась и тотчасъ же, подъ предлогомъ головокруженія, спустилась назадъ въ дыру. Все наше общество начинало ею тяготиться, и ея никто не удерживалъ.

Что касается насъ, то мы полѣзли во второе отверстіе подъ водительствомъ на этотъ разъ Нараяна. Онъ бывалъ здѣсь и прежде, и по этому поводу разказалъ намъ весьма странную исторію. Онъ увѣрялъ, и весьма серьезно, будто такіа комнаты тянутся одна за другою до самой вершины горы. Затѣмъ онъ поворачиваютъ въ сторону, спускаясь внизъ до огромнаго подземнаго жилища—цѣлый пещерный дворецъ гдѣ по временамъ живутъ раджь-йоги. Желая удалиться на время отъ свѣта и провести нѣсколько дней въ уединеніи, раджь-йоги находятъ его тамъ, въ подземномъ жилищѣ. Нашъ президентъ какъ-то сбоку, странно покосился чрезъ очки на Нараяна, но промолчалъ. Индусы не противорѣчили.

Вторая келья была во всемъ подобна первой и имѣла такое же отверстіе. Чрезъ него мы пролѣзли въ третью, гдѣ и сѣли отдохнуть. Здѣсь я почувствовала что мнѣ становится трудно дышать; но принявъ это просто за отдышку, дѣйствіе усталости, ничего не сказала товарищамъ, и мы полѣзли въ четвертую келью. Только отверстіе въ эту было до двухъ третей завалено мелкими камнями и землею, и намъ пришлось минутъ двадцать откапывать его прежде чѣмъ мы могли пролѣзть далѣе. Какъ намъ сказалъ Нараянъ, комнаты всѣ шли въ гору; полъ одной находился на уровнѣ съ потолкомъ предыдущей. Четвертая келья была въ развалинахъ, но двѣ повалившіяся колонки составляли какъ бы ступени къ отверстію пятой кельи и казалось представляли менѣ затрудненія. Но тутъ полковникъ, остановивъ занесшаго уже было ногу Нараяна, лаконически замѣтилъ что теперь пришло время держать совѣтъ. „Выкурить трубку совѣщанія“, сказалъ онъ, употребляя выраженіе краснокожихъ Индійцевъ.

— Если Нараянъ говорить правду, то вѣдь такъ мы можемъ путешествовать изъ одного отверстія въ другое до завтрашняго дня?

— Я сказалъ правду, какъ-то торжественно отвѣчалъ Нараянъ,—но съ тѣхъ поръ какъ я былъ здѣсь, мнѣ говорили будто вѣсколько отверстій уже завалено, а именно въ слѣдующей за этою кельѣ.

— Ну, стало-быть нечего и думать идти далѣе. Но кто же завалилъ ихъ? Или просто они отъ времени обрушились?...

— Нѣтъ... ихъ завалили нарочно... *они*...

— Кто они? Оборотни что ли?...

— Полковникъ, промолвилъ съ усиленіемъ Индуся, и даже при постепенномъ слабнющемъ свѣтѣ факеловъ можно было замѣтить какъ задрожали у него губы, а онъ самъ поблѣднѣлъ,—полковникъ... Я говорю серьезно, и не шучу.

— Да и я не шучу. Кто же это *они*?

— *Братъя... Радъжъ-юги*; нѣкоторые изъ нихъ живутъ не далеко отсюда...

Полковникъ откашлялся, поправилъ очки и, помолчавъ немного, съ замѣтнымъ неудовольствіемъ въ голосѣ наконецъ протворилъ:

— Послушайте, мой милый Нараянъ, не думаю чтобы вашею цѣлью могло быть желаніе морочить насъ... Но неужели вы хотите насъ заставить повѣрить или сами вѣрите чтобы кто-либо въ мірѣ, даже спасающійся въ джонглахъ аскетъ, могъ жить въ мѣстахъ куда не заходятъ даже тигры и откуда сами летучія мыши ретируются, за недостаткомъ воздуха? Посмотрите на огонь факеловъ... Еще такіа двѣ комнаты—и мы задохнемся!

Дѣйствительно наши факелы совсѣмъ потукали, и мнѣ становилось чрезвычайно трудно дышать. Мушкетеры тяжело переводили духъ, а Акали громко сонѣли.

— И однакоже, я говорю святую истину, далѣе живутъ *они*... Я самъ былъ тамъ.

Полковникъ задумался и стоялъ въ видной нерѣшимости предъ входомъ.

— Вернемтесь назадъ! неожиданно заоралъ Акали.—У меня кровь идетъ изъ носу.

Въ эту самую минуту со мной произошло нечто столь же неожиданное какъ и странное для меня тогда: я почувствовала какъ вдругъ у меня сильно закружилась голова, и я почти въ безпамятствѣ скорѣе упала нежели опустилась на обломокъ колонны, прямо подъ отверстіемъ въ лютую келью. Еще секунда, и несмотря на тулую, но сильную какъ удары молота боль въ вискахъ, мною стало овладѣвать невыразимое

чувство отраднаго, чуднаго спокойствія; я смутно сознавала что то былъ уже не грозащій, а дѣйствительный обморокъ; что чрезъ нѣсколько секундъ, если меня не вынесутъ на воздухъ, я должна буду умереть. И однакоже, хотя я не могла уже пошевеливать ни однимъ пальцемъ, ни произнести ни одного звука, я не испытывала ни малѣйшей агоніи, ни покрывъ страха въ душѣ: одно только аналитическое, но невыразимо пріятное чувство уюта, покое, затишь всѣхъ чувствъ кромѣ слуха. На минуту я должно-быть совсѣмъ потеряла сознание, но помню какъ предъ тѣмъ гауло внимательно прислушивалась къ мертвенному вокругъ меня молчанію. Неужто это смерть? разъ неясно мелькнуло у меня въ головѣ. Затѣмъ мнѣ показалось будто меня стали обѣивать сверху чьи-то мощныя крылья: „Добрыя, добрыя крылья, ласковыя, добрыя крылья“... словно выбиваемыя малятикомъ отчеканивались у меня эти слова въ мозгу, и я idiotически внутренно засмѣялась имъ. Потомъ я стала отдѣляться отъ колонны и стала скорѣе чѣмъ чувствовала что падаю въ какую-то бѣдну, все выше и выше, и выше, среди глухаго отдаваемого грома. Но вдругъ раздался громкій голосъ: я его не слухомъ услышала, а словно почувствовала... Въ немъ было что-то ослепительное, что-то разомъ задержавшее меня въ моемъ беспомощномъ паденіи и остановившее его. То былъ давно извѣстный, хорошо знакомый мнѣ голосъ пріятельскій который въ эту минуту я не имѣла силъ. Среди грома голосъ этотъ сердито раздался издалека, какъ будто изъ самаго поднебесья, и прокричалъ на языкѣ хинди: *Duṣīnī Tūlārē y aṁkā kā kālā māṁ?* (Безумцы! какая нужда была вамъ сюда заходить?) замолкъ...

.....

Какъ меня протанцали затѣмъ черезъ пять узкихъ отверстій, останется для меня навѣки тайной... Я припла въ себя уже внизу на верандѣ, гдѣ духъ со всѣхъ сторонъ ивертъ, такъ же скоро какъ и повалилась наверху, въ наполненной гнилымъ воздухомъ кельѣ. Когда я совсѣмъ оправилась, то прежде всего мнѣ бросилась въ глаза нагибающаяся надо мною высокая, мощная фигура, вся съ головы до ногъ въ бѣломъ, и черная, какъ смола, раджпутская борода. Но лишь только я узнала обладателя бороды, какъ разомъ изъявила свою искреннюю радость, спросивъ его тутъ же „откуда вы взялись?“ То былъ нашъ другъ, Такуръ-Тулабъ-

Даль-Сингъ, который, обѣщавъ встрѣтить насъ въ Северо-Западныхъ провинціяхъ, теперь являлся намъ какъ будто спавшій съ неба или выросшій изъ-подъ земли—въ Багхъ!

Дѣйствительно можно было полюбозытствовать и спросить у него откуда и какъ это онъ пожаловалъ къ намъ, тѣмъ болѣе что не меня одну поразило его присутствіе. Но мой несчастный обморокъ и плачевное состояніе прочихъ исследователей подземелья дѣлали всякіе вопросы на первое время почти невозможными. Съ одной стороны, миссъ Б*** насильно закулоривала моимъ носомъ свою стклянку съ кашатыравымъ спиртомъ; съ другой, „божій воинъ“—весь въ крови, какъ будто и на самомъ дѣлѣ только-что сражался съ Афганцами; даже Мульджи съ сильною головною бѣлью. Одинъ локонникъ, да Нараянъ отдѣлались легкимъ головокруженіемъ. Что же касается бабу, то его никакіе углекислые газы, кажется, не въ состояніи были доконать, а также какъ и свирѣпыя солнечныя лучи, убивавшіе другихъ наковаль. безвредно скользили по этой неуязвимой бенгальской оболочкѣ. Ему только очень хотѣлось есть... Наконецъ, изъ запутанныхъ восклицаній, междометій и объясненій, мнѣ удалось узнать слѣдующее:

Когда Нараянъ, первый замѣтивъ что я въ обморокѣ, бросился ко мнѣ и мигомъ оттащилъ назадъ къ отверстию, изъ верхней каельи раздався вдругъ неожиданно голосъ Такура и какъ громомъ поразилъ ихъ на мѣстѣ. Прежде чѣмъ они могли прійти въ себя отъ изумленія, Гулабъ-Сингъ выпрыгнулъ изъ верхняго отверстия съ фонаремъ въ рукахъ, и соскочивъ внизъ изъ слѣдующаго, кричалъ имъ чтобы они поскорѣе „подавали“ ему „бай“ * (сестру). Это „подаванье“ такого грузнаго предмета какъ моя тучная особа и представившаяся моему воображенію вся эта картина чрезвычайно разсѣяли меня тогда. Но миссъ Б*** сочла своимъ долгомъ своимъ обидѣться за меня, хотя на нее никто и не обратилъ вниманія. Сдавъ съ рукъ на руки полумертвую локлажку, она поспѣшно послѣдовала за Такуромъ; но Гулабъ-Сингъ, по ихъ разказамъ, все какъ-то умудрался, несмотря на затрудненіе причиняемое ему подобнымъ багажомъ, дѣйствовать и безъ ихъ помощи. По мѣрѣ того какъ

* Всѣ наши друзья—Индусы, какъ и буддисты, называютъ насъ здѣсь „братьями“ и „сестрами“.

они пролѣзали чрезъ верхнее отверстіе, онъ былъ уже у другаго нижняго, и сходя въ одну келью, они только успѣвали видѣть мелькомъ его развѣвающуюся бѣлую *садру* исчезающую изъ одного хода въ слѣдующій нижній. Аккуратный до педантизма, точный во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ, полковникъ никакъ не могъ сообразить какимъ это образомъ Такуръ могъ прелпроваждать такъ ловко почти бездыханное тѣло изъ одного конца отверстія въ другой! „Не могъ же онъ выбрасывать ее предъ собою изъ прохода внизъ; иначе она разбилась бы...“ разсуждалъ онъ. „Еще менѣе возможно думать чтобы сойдя внизъ первымъ, онъ затѣмъ протаскивалъ ее за собою. Непостижимо!...“ Мысль эта долго преслѣдовала полковника, пока не стала чѣмъ-то въ родѣ задачи: что появилось первымъ—лицо или яйцо? А Такуръ на всѣ вопросы только пожималъ плечами, отвѣчая что не помнитъ; что онъ просто выносилъ меня изъ келій какъ можно скорѣе и поступалъ какъ только умѣлъ; что вѣдь они всѣ шли вслѣдъ за нимъ и должны были видѣть; и, наконецъ, что въ подобныя минуты когда всякое мгновеніе дорого „люди не думаютъ, а дѣйствуютъ“, и тому подобное.

Но всѣ эти соображенія и трудность объяснить процедуру загадочнаго передвиженія явились лишь въ послѣдствіи, когда нашлось время думать и размышлять о случившемся. Теперь же никто ничего еще не зналъ о томъ какъ и откуда явился въ такую минуту нашъ Гулабъ-Сингъ. Сойдя внизъ они нашли меня лежащую на коврѣ на верандѣ, и Такура отдающаго приказанія двумъ слугамъ подѣхавшимъ изъ-за горы верхами, а миссъ Б*** въ „градіозномъ отчаяніи“ съ открытымъ ртомъ, таращившую изо всей мочи глаза на Гулабъ-Синга, котораго она, кажется, серьезно принимала за „материализованнаго духа“.

Между тѣмъ, объясненіе нашего друга было, на первый взглядъ, и просто, и весьма естественно. Онъ былъ въ Хардварѣ съ Суами, когда тотъ послалъ намъ письмо чтобы отложить нашъ пріѣздъ къ нему на время. Пріѣхавъ изъ Джабальпура въ Кандву, по Индорской желѣзной дорогѣ, онъ лобывалъ у Холькара по дѣламъ, и узнавъ что мы здѣсь, рѣшилъ присоединиться къ намъ ранѣе чѣмъ предполагалъ. Достигнувъ Багхи поздно вечеромъ, накакутъ, и не желая тревожить насъ ночью, узнавъ наконецъ что мы будемъ

въ пещерахъ утрожь, онь заранѣе прїѣхалъ встрѣтить насъ. Вотъ и вся тайна...

— Вся?.. воскликнулъ полковникъ.—Развѣ вы знали что мы залѣземъ въ кельи, когда забрались туда ожидать насъ?..

Нараянъ едва дышалъ и смотрѣлъ на Такура глазами дунатика. Тотъ даже и бровью не повелъ.

— Нѣтъ, не зналъ. А въ ожиданіи вашего прїѣзда зашелъ посмотрѣть въ кельи, которыя давно не видалъ. А тамъ замѣщкался и пропустилъ время...

— Такуръ-саибъ вѣроятно вдыхалъ въ себя свѣжій воздухъ въ кельяхъ... ввернулъ слово бабѣ, скаля зубы.

Нашъ президентъ ударилъ себя по лбу и даже привскочилъ.

— И въ самомъ дѣлѣ!.. Какъ же вы могли выдержать такъ долго?.. Да!.. Но откуда же вы прошли въ латую келью когда ходъ былъ заваленъ въ четвертую и намъ пришлось самимъ откапывать его?

— Есть и другіе ходы. Я прошелъ внутреннимъ, давно извѣстнымъ мнѣ путемъ, спокойно отвѣчалъ Гулабъ-Сиагъ, раскуривая *гургури*.— Не всѣ сдѣлуютъ по одной и той же дорогѣ, добавилъ онь медленно и какъ-то странно, и пристально взглянулъ въ глаза Нараяну, который согнулся и почти припадъ къ землѣ подъ этимъ огненнымъ взглядомъ.— Но пойдемте завтракать въ соседнюю пещеру, гдѣ все должно быть готово. Свѣжій воздухъ насъ всѣхъ поставитъ на ноги...

Выйдя изъ главной пещеры, въ 20 или 30 шагахъ на югъ отъ веранды, мы наткнулись на другую такую же пещеру, къ которой надо идти по узкому карнизу скалы. Въ эту *сигару* насъ Такуръ не пустилъ, боясь поддѣ нашего несчастнаго опыта съ кельями что у насъ сдѣлается головокруженіе. Мы сошли по развѣ уже пройденнымъ ступенямъ на берегъ рѣки, и повернувъ по направленію къ югу, обогнули гору, шаговъ на 200 отъ аѣтаницы, и оттуда поднялись въ „столовую“, по выраженію бабѣ. Въ качествѣ „интересной большой“, меня *понесли* по крутой тропицкѣ въ собственномъ складномъ стулѣ привезенномъ мною изъ Америки, никогда меня не покидавшемъ на дорогѣ, и благополучно высадили у портика третьей пещеры.

Этотъ храмъ, такой же величны какъ и первый, имѣетъ, несмотря на сильное разрушеніе, гораздо менѣ мрачный видъ. На потрлѣ его сохранились еще большіе куски

превосходной живописи водяными красками. Стѣны, полѣдѣвшія колонны, лотодокъ и даже всѣ внутреннія комнаты, которыя болѣе или менѣе освѣщены прорѣзанными въ гору вентиляторами, были нѣкогда покрыты тою глянцовитою штукатуркой секретъ которой знаютъ одни Мадрасцы, и которая придаетъ стѣнамъ видъ самаго чистаго мрамора. Когда мы вошли, предъ нами простерлись на землю четыре знакомые намъ еще съ Карла тѣлохранителя Такура. Ковры были разостланы и завтракъ готовъ. Всякій слѣдъ угара исчезъ, и мы усѣлись за столъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Разговоръ, конечно, тотчасъ же зашелъ о Хардварской *маллѣ*—о которой часто упоминалось въ прошломъ году, даже въ русскихъ газетахъ, и откуда нашъ неожиданный пріятель только-что пріѣхалъ. Свѣдѣнія сообщенныя намъ Гулабъ-Лалъ-Сингомъ оказались чрезвычайно интересными, такъ какъ онъ только за пять дней до того уѣхалъ съ этой гигантской религіозной ярмарки, подробности коей, переданныя имъ же, тотчасъ были записаны мною. Но чрезъ нѣсколько недѣль мы сами посѣтили Хардваръ.

Одно воспоминаніе объ этой чудной мѣстности (Хардваръ) вызываетъ въ моемъ воображеніи картину первобытнаго земнаго рая. Пишу о ней какъ очевидецъ.

Каждый двѣнадцатый годъ, называемый Индусами *кулмбга* (планета Юпитеръ входитъ въ то время въ созвѣздіе Водолея), приноситъ съ собою особенно благоприятный день который и назначается главными состоящими при лагодахъ астрологами днемъ открытія ярмарки. Сюда собираются богословы всѣхъ сектъ и пилигримы со всей Индіи, отъ принцевъ и махараджей до послѣдняго факира включительно. Первые ведутъ диспуты; каждый представитель и ораторъ старается доказать превосходство своей религіи или философіи надъ другими. Послѣдніе стекаются чтобъ окунуться въ Гангесъ у самаго его источника; для этой операціи также назначается благоприятный по звѣздамъ часъ. Говоря о Гангесѣ, слѣдуетъ исправить здѣсь маленькую ошибку; имя священнѣйшей рѣки Индійцевъ немного перековеркано европейскими географами. Это обстоятельство еще разъ доказываетъ какъ мало наши ученые (почти до прошлаго десятилѣтія) понимали характеръ религіи Индусовъ и ихъ традицій; любѣдители же страны—неученые Англо-Индійцы—такъ и до сихъ

поръ ничѣмъ подобнымъ не интересуются, находя малѣйшее вниманіе къ „неграмъ“ и shocking и not respectable.

Этой рѣкѣ слѣдовало бы называться или—*Гангеса* или же *Ганга*, какъ ее зовутъ туземцы, а никакъ ужь не „Гангестъ“ (въ мужскомъ родѣ). „Ганга“ священна въ глазахъ Индуса, ибо она величайшая у нихъ богиня-кормилица всей страны и дочь стараго *Гимасата* (Гималаа) изъ сердца коего она вытекаетъ для спасенія народовъ. Поэтому ее и боготворятъ; построенный у ея источниковъ городъ Хэрдваръ считается туземцами не менѣе священнымъ.

Хэрдваръ (пишется *Гери-двара* — ворота бога-солнца или Кришны) часто называется *Гангадвара* или ворота Ганги, и столь же извѣстенъ подъ именемъ *Купель*, въ воспоминаніе аскета Купелы (скорѣе Калилы?), который долго жилъ здѣсь и спасался, оставивъ по себѣ множество чудесныхъ традицій. Городъ расположенъ въ предѣстѣвншей, цвѣтущей долинѣ, у южнаго подножія Севаликкаго хребта, между двумя почти сталкивающимися горными цѣлами. Въ этой долинѣ, возвышающейся на 1.024 фута надъ уровнемъ моря, сѣверная природа Гималаа борется съ тропическою растительностью долины, и въ этихъ усиліяхъ превзойти другъ друга онѣ совокутно создали одинъ изъ самыхъ восхитительныхъ уголковъ Индіи. Самъ городокъ—собраніе древнихъ, невозможно-фантастической архитектуры замкообразныхъ башенокъ, вихаръ, маленькихъ, ярко расписанныхъ, похожихъ на ягрушки деревянныхъ крѣпостей, лагодъ съ бойницами и висячими рѣзными балкончиками, и все это при такомъ изобиліи алоевъ, розъ, далій и пышныхъ кактусовъ въ цвѣту что съ перваго взгляда не отличишь окна отъ двери. Гранитные фундаменты многихъ домовъ стоятъ на самомъ руслѣ рѣки и четыре мѣсяца въ году находятся до лодовины подъ водой, а за этою горстью разбросанныхъ строеній, выше, на скатѣ холма, сгучились бѣлоснѣжные высокіе храмы. Нѣкоторые изъ нихъ приземистые и толстые съ широкими боками и раззолоченными кулолами; другіе съ величественными, многоярусными башнями; третьи съ высокими стройными острыми крышами, которыя скорѣе походять на шлицы колоколенъ чѣмъ на куполъ. Странной, прихотливой, выгдѣ не виданной архитектуры храмы эти, словно нечаянно свалившіеся со свѣжныхъ вершинъ ледяной обители горныхъ духовъ (которыми такъ полны

гималайскія предавіа), лугаво заглядывають, пріютавшись подъ родною снью горы, черезъ голову маленькаго городка въ чистыя холодныя струи Ганги. Здсь рѣка еще не осквернена грязью и грѣхами милліоновъ ея поклонниковъ. Подержавъ ихъ въ своихъ ледяныхъ объятіяхъ, чистая дэва горъ уноситъ свои свѣтлыя, прозрачныя какъ хрусталь волны, черезъ пылающія равнины Индостана, и только за 348 миль оттуда, возлѣ Кауулпура, ея воды мутатся и темнѣють, пока наконецъ у Бенареса не превращаются въ какой-то гороховый съ перцемъ супъ...

— Почему же, спрашивали мы разъ въ этомъ городѣ брамана увѣрившаго насъ что Индусы самый чистоплотный въ мірѣ народъ,—почему же въ полянахъ гдѣ никто или не моется или моются мало, вода Ганги чистая и прозрачная, а въ Бенаресѣ, особенно къ вечеру, рѣка катитъ волны жидкой грязи вмѣсто воды?

— О, саабы, саабы, съ грустью отвѣчалъ намъ старикъ,—то не грязь съ тѣлъ благочестивыхъ ея поклонниковъ уноситъ богиня (*devi*), какъ вы думаете; то даже не великія ссымаемая ею прегрѣшенія... То, шелиулъ онъ намъ, осторожно похижая голову и оглядываясь во всѣ стороны,—вѣками затаяныя страданія, жгучая боль униженія и угнетенія, а гдавжое, чувство отчаянія и постыднаго безсилія противъ узурпаторовъ родины такъ мутать священныя волны... Всѣ эти чувства ежедневно изливаясь изъ переполненныхъ ими милліоновъ сердець Индійцевъ давно измѣнили воду, превративъ ее въ черную желчь. Они отравили ее!.. Да и какъ же нашей богинѣ не жалѣть о насъ?.. Конечно она вся почернѣла, но это отъ горя за дѣтей ея. Неужели же вы еще не поняли этого?..

Да!.. „великою скорбью народною переполнилась ваша земля...“ могли бы мы согласиться съ бѣднымъ браманомъ; но эта скорбь, какъ мы ей ни симпатизируемъ, видно улетучивается у источниковъ Ганги. Тихо журча съ прибрежными камышами о чудесахъ видѣнныхъ ею на своемъ пути черезъ родныя Гималаи къ лиману у Бенгальскаго залива, Ганга пробѣгаетъ у ногъ Хѣрдвара и безмятежно катитъ свои аквамаринового цвѣта волны, чистая и незалатанная...

Не даромъ Индусы видятъ въ красавицѣ-рѣкѣ самую великую и безпорочную изъ своихъ богинь, особенно въ посвященномъ богу Кришнѣ *Геридварѣ*. Тамъ у нихъ, кромѣ

повторяющейся чрезъ каждыя двѣнадцать лѣтъ „меллы“; толятся ежегодно пилигримы у „Харика-Паири“ (лѣстницы Вишну) въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Кто первый бросился въ воду въ назначенный день, часъ и минуту, тотъ не только смыслъ всѣ свои грѣхи, но и исцѣлилъ всѣ недуги тѣла. Это первенство, вслѣдствіе дурно устроенной узкой лѣстницы, пилигримы до 1819 года покупали цѣной многихъ жизней, пока, наконецъ, Остъ-Индская Компанія не сжалась надъ ними и не велѣла сломать *святыни*, замѣнивъ ее другою лѣстницей въ шестьдесятъ ступеней и ста футовъ ширины. * Дѣло въ томъ что воды Ганги получаютъ цѣлебное свойство лишь въ продолженіе одного мѣсяца, да и то въ первую минуту извѣстнаго, назначаемаго астрологами благоприятнаго часа, который иногда приходится въ полночь **. Можно себѣ вообразить что происходитъ въ объявленный часъ куланья при стеченіи слишкомъ двухмилліонной толпы! Въ 1819 году 430 человекъ были задавлены до смерти. Но много разъ и послѣ сооруженія нынѣшней лѣстницы Остъ-Индскою Компаніею, богиня Ганга уносила на дѣвственной груди своей изувѣченныя трупы ея обожателей. О нихъ никто не жалѣлъ, всѣ напротивъ завидовали имъ: убитый во время подобнаго очищенія Индусъ всегда отправляется прямо въ *сваргу* (рай). Въ 1760 году, въ послѣдній день ярмарки, въ священныи день *Пурби*, двѣ враждующія секты нищенствующихъ монаховъ (*самьязи* и *байраги*),

* Какъ, несмотря на Уоренъ Гастингсовъ и другихъ грабителей, должна быть дорога покойная „Компанія“ сердцу Индуса въ сравненіи съ настоящимъ правительствомъ—можно видѣть изъ слѣдующаго: Остъ-Индская Компанія давала огромныя субсидіи главнымъ храмамъ брамановъ; и вслѣдствіе любезничая съ Индусами, старалась поддѣлаться къ нимъ. А имперское правительство не только прекратило всѣ субсидіи, но даже затѣло въ этомъ году, подъ предлогомъ уменьшенія толпы въ Хѣрдварѣ, взимать съ нищихъ пилигримовъ плату у входа въ городъ, какъ въ Элефантѣ. Только оно очень сконфузилось. Народа нахлынуло не менѣе *деуахъ* съ *половиною милліоновъ*, а входной платы оно получило только отъ 230.000 пилигримовъ. (См. *Pioneer* „Официальный отчетъ о Хѣрдварской меллѣ“. 19 февраля 1880.)

** Этотъ мѣсяцъ приходится по исчисленію браманской хронологіи между днями 12 марта и 10 апрѣля, и называется мѣсяцемъ *Чаитра*.

доссорившись, дали другъ другу „регулярное сраженіе“, въ которомъ послѣдніе были побѣждены, а убитыхъ оказалось 18.000 человекъ. „А въ 1796 году“, гордо вспоминалъ воинственный *Акал*: „пидигримы изъ Пенджаба, Сикки, желая наказать за дерзость *гроссаймовъ*, убили около 500 этихъ язычниковъ: мой родной дѣдъ участвовалъ при этомъ.“

Такъ какъ эти цифры подтверждены въ официальныхъ донесеніяхъ (см. *Gazeteer of India*, 1862), то мы и не нашли нужнымъ заподозрить нашего пріятеля Сикка въ преувеличеніи.

Въ 1879 году не было ни задавленныхъ, ни убитыхъ, за то явилась страшная холера, которая къ счастью не распространилась даже половины дороги до Сахарампура. Мы проклинали ее, такъ какъ она намъ мѣшала ѣхать тотчасъ же въ Хёрдваръ. Но дѣлать было нечего, и намъ оставалось лишь смириться предъ необходимостью. До счастливаго дня когда мы увидимъ стараго Гимавата мы довольствовались разспросами о немъ.

Послѣ завтрака мы простились съ „божьимъ воиномъ“, который отправлялся по дорогѣ въ Бомбей. Почтенный Сиккъ крѣпко пожалъ намъ всѣмъ руки, и приподнявъ правую руку ладонью впередъ, съ серьезнымъ и важнымъ видомъ давалъ намъ всѣмъ поочередно свое пастырское благословеніе по обычаю послѣдователей Намака. Но когда онъ дошелъ до полулежавшаго на землѣ Такура, облокотившагося на сѣдло вмѣсто подушки, съ нимъ произошла рѣзкая перемѣна. Она была до того рѣзка и очевидна что всѣмъ намъ бросилась въ глаза: до того времени онъ быстро переходилъ отъ одного къ другому, пожимая каждому руки и затѣмъ благословляя; но когда его взглядъ опустился на разсѣянно глядѣвшаго на приготовленія къ отъѣзду Гулабъ-Синга, то онъ внезапно остановился, и важное, немного горделивое выраженіе его лица мигомъ перешло во что-то словно униженное и сконфуженное. Затѣмъ вмѣсто обычнаго „намасте“ (кланяюсь вамъ) нашъ *Акал* совершенно неожиданно для насъ простерся предъ Такуромъ на землю. Благоговѣнно, словно предъ своимъ амритсирскимъ гуру отчетливо прошепталъ онъ: *Алли адня, садду саубъ, аширватъ*... * и такъ и замеръ на землѣ...

* „Поведайвай саугою... святой саубъ... благослови раба.“

Мы были такъ поражены этою выходкой что сами какъ будто чего-то сконфузились; но ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на спокойномъ и безстрашномъ лицѣ таинственнаго Раджлута. Онъ медленно отвелъ глаза отъ рѣки и перевелъ ихъ на лежащаго предъ нимъ Акалцъ; а затѣмъ просто, не проронивъ ни одного слова, слегка дотронулся до его головы указательнымъ пальцемъ, и вставъ замѣтилъ что и намъ пора ѣхать...

Во всю дорогу онъ слѣдовалъ за нашимъ тихо ѣхавшимъ по глубокому песку экипажемъ верхомъ и разказывалъ о мѣстныхъ преданіяхъ Хёрдвара и Раджистана, сложившихся съ незапамятныхъ временъ въ народѣ эпическихъ легендахъ и о великихъ дѣяніяхъ *Гери-Кули* *, привнецъ богатырей расы *Гери* (Солнца). Это имя „Гери-Куля“ заставляетъ серьезно предполагать многихъ ориенталистовъ что кто-нибудь изъ этой фамиліи эмигрировалъ въ Египеть, въ темныя доисторическія времена первыхъ Фараоновскихъ династій, откуда древніе Греки и переняли вмѣстѣ съ именемъ и преданіа, сложивъ такимъ образомъ свои легенды о богѣ-солнцѣ *Гери-Кулестъ*. Древніе Египтяне боготворили сфинкса подъ именемъ „Гери-мукха“—или *Солнца на небосклонѣ*. На той горной дѣлѣ что обрамляетъ Кашмиръ, къ сѣверу находится, какъ извѣстно, громадная, похожая на голову вершина (13,000 футовъ надъ уровнемъ моря) и называется *Геримукхъ*. Имя это встрѣчается въ древнѣйшихъ Пуранахъ. Почему гг. филологи не позаимуются этимъ страннымъ совпаденіемъ имени и легенды? Кажется, почва богатая... На Гималайскомъ „Геримукхѣ“ находится священное озеро „Ганга-баль“ (мѣсто Ганги) и народное повѣрье указываетъ на гигантскую голову какъ на голову „Гери“—бога *солнца на закатѣ*. Неужели это простая случайность? Смѣю думать что въ этомъ совпаденіи именъ не болѣе найдется игры случая чѣмъ въ томъ фактѣ что Египеть какъ и Индія отдавалъ божественныя почести *коровѣ* и *быку*, что въ землѣ Фараоновъ древніе Египтяне выказывали такое же отвращеніе и религиозный ужасъ къ убіенію скота, то-есть коровъ и быковъ, какъ и современные Индусы...

* „Гери-Кули“ буквально: изъ фамиліи или семейства Солнца. Кула по-санскритски: фамиліа, прозвище. Раджпутскіе принцы, особенно Махарани Уйдепурскіе, чрезвычайно гордятся своимъ астрономическимъ происхожденіемъ.

Вечеромъ насъ завезли въ какую-то кругомъ обрамленную лѣсомъ гаухую лоцину, изъ которой мы выѣхали на берегъ огромнаго озера. Здѣсь снова приключилось съ нами нѣчто на первый взглядъ совсѣмъ обыкновенное, но въ сущности весьма загадочное. Мы вышли изъ акилажей; у берега густо заросшаго тростникомъ (не по нашимъ русскимъ понятіямъ „тростникомъ“, а тростникомъ скорѣе соответствующимъ Гюлаиверовскимъ описаніямъ Бробдигнагской природы) стоялъ большой, новыи привязанный къ тростнику ларомъ. Около ларома не было никого, и берегъ казался совершенно пустыннымъ. Оставалось еще часа полтора, два до солнечнаго заката. Въ то время какъ наши люди съ тѣлохранителями и слугами Такура выкладывали изъ таратайки наши узелки и поклажу и переносили ихъ на ларомъ, мы усѣлись на какой-то развалинѣ у самой воды, любуясь великолѣпнымъ озеромъ. У*** собирался срисовывать видъ, который былъ дѣйствительно прелестенъ.

— Не торопитесь снимать эту мѣстность, остановилъ его Гудабъ-Сингъ. — Черезъ полчаса мы будемъ на островкѣ, гдѣ виды гораздо красивѣе этого. Тамъ мы можемъ провести ночь и даже все завтрашнее утро.

— Боюсь, темно будетъ черезъ часъ... А завтра намъ придется рано выѣхать, говорилъ У***, открывая ащикъ съ красками.

— Нѣтъ... можемъ оставаться и до трехъ часовъ пополудни... До станціи желѣзной дороги всего три часа, а поѣздъ въ Джѣбельлуръ отходитъ только въ восемь часовъ вечера. Къ тому же, сегодня вечеромъ вы увидите и услышите на островѣ страннѣйшій и чрезвычайно интересный натуральный феноменъ: я угощу васъ концертомъ... добавилъ онъ съ привычною ему загадочною улыбкой.

Мы всѣ наострили уши.

— Да на какой же это мы ѣдемъ островъ? подлюбопытствовалъ долковникъ. — Развѣ мы ночуемъ не здѣсь у берега, гдѣ такъ прохладно, и гдѣ...

— Лѣсъ такъ полонъ игривыми леопардами, а тростникъ скрываетъ змѣй, хотѣли вы сказать, перебилъ его осклабясь бабу. — Вонъ, взгляните направо, возлѣ миссъ Б***, подѣ тростникомъ! Полюбуйтесь счастливымъ семействомъ въ пустынѣ: отецъ, мать, дяди, тетки, дѣти, началъ онъ громко считать; — я даже подозреваю въ этой компаніи тещу...

Миссъ Б*** взглянула по направленію тростника и заголосивъ такъ что весь лѣсъ застоналъ ей въ отвѣтъ, опростетью бросилась какъ къ спасительному ковчегу — къ *тонги*. Въ трехъ шагахъ отъ нея, сверкая блестящею чешуей въ лучахъ заходящаго солнца, играло штукъ сорокъ змѣй и змѣенышей. Они кувыркались, свивались, развивались, перелетаясь хвостами, представляя картину полнаго и невинаго счастья. Такуръ присѣлъ было на камень вовлѣ У***, который уже собирался начинать рисунокъ, но тутъ бросилъ его и сталъ смотрѣть на опасную группу змѣй, хладнокровно покуривая свой неугасимый *эргэри* (раджпутскій кальянъ).

— Крикомъ вы только заранѣе привлечете сюда изъ лѣса уже собирающихся на ночной водоной звѣрей, немного насмѣшаво замѣтилъ овъ миссъ Б***, которая лугливо высовывала изъ *тонги* свое блѣдное, искаженное ужасомъ лицо. — Боятся никому изъ васъ рѣшительно нечего. Не трогайте звѣря, и овъ васъ оставитъ въ покоѣ и даже убѣжитъ отъ васъ скорѣе чѣмъ вы отъ него...

Съ этими словами овъ слегка махнулъ чубукомъ по направленію семейной группы. Какъ громомъ пораженная, вся эта живая масса мгновенно осталась недвижимою, а въ слѣдующую затѣмъ секунду исчезла съ громкимъ шипѣньемъ и шуршаньемъ въ тростникѣ.

— Да это чистый месмеризмъ!.. воскликнулъ полковникъ не пророчившій ни одного жеста Раджлута, и сверкая глазами изъ-подъ очковъ. — Какъ вы это сдѣлали, Гулабъ-Сингъ? Какъ научиться этому искусству?..

— Какъ сдѣлаалъ? просто спугнулъ ихъ движеніемъ чубука, какъ вы видѣли. Что же касается „искусства“, то въ этомъ дѣйствиіи рѣшительно нѣтъ никакого „месмеризма“, если подѣ этимъ современнымъ и довольно моднымъ, кажется, словомъ вы подразумѣваете то что мы, дикіе Индусы, называемъ *вашикаранъ видья*, то-есть наука очаровывать людей и звѣрей силою воды. Змѣи убѣжали потому что испугались направленного противъ нихъ движенія...

— Но вѣдь вы не отвергаете что изучали это древнее искусство и имѣете этотъ даръ?

— Нѣтъ, не отвергаю. Всякій Индусъ моей секты обязанъ изучать вмѣстѣ съ другими тайнами, передаваемыми намъ нашими предками, тайны физиологіи и психологіи. Но что жъ въ этомъ? Боюсь, мой дорогой полковникъ, что вы вообще

слишкомъ склонны смотрѣть на мои малѣйшія дѣйствія сквозь призму мистаизма, добавалъ онъ улыбаясь. — Эте вамъ Нараянъ видно наговорилъ про меня; не такъ ли?..

И онъ ласково, хотя съ такимъ же загадочнымъ выраженіемъ опустили взоръ на сидѣвшаго у его ногъ и рѣдко слухавшаго съ него глаза Деккана. Колосецъ потупился и молчалъ.

— Да, тихо но весьма проницески отвѣтилъ за него принявшійся за рисовальный аппаратъ У***; — Нараянъ видитъ въ васъ нѣчто болѣе своего бывшаго бога Шивы и весьма немногимъ менѣе Парабрама... Повѣрите ли?.. Онъ насъ серіозно увѣрялъ въ Насикѣ будто „радъж-йога“, въ томъ числѣ и вы (хотя, признаюсь, еще до сихъ поръ я не понимаю что такое именно „радъж-йога“), могутъ кого и что угодно, и одною силою воли, *заставить*, напримѣръ, видѣть не то что у тѣхъ дѣйствительно предъ глазами и что видать и въ другіе, а то чего совсѣмъ нѣтъ и не было, и что находится лишь въ воображеніи магнетизера или „радъж-йога“... Ха, ха, ха!.. онъ называлъ это, сколько помню, *майя*, иллюзіей.

— И что жь?.. Вы, конечно, довольно посмѣялись надъ нашимъ Нараяномъ? также спокойно осведомился Такуръ, смотря въ темнозеленую глубь озера.

— Гм! да... немножко, разсѣянно признался У***, который очинивъ карандашъ и разложивъ на колѣняхъ палку внимательно началъ всматриваться въ даль, выбирая самое эффектное для рисунка мѣсто.—Я, признаюсь, скептикъ въ подобныхъ дѣлахъ, добавилъ онъ.

— А зная У***, вмѣшался полковникъ,—я скажу что какъ Др. Карлентеръ онъ не повѣрилъ бы такому феномену, да же еслибъ испыталъ его въ самомъ себѣ...

— Нѣтъ... да, впрочемъ правда. Я дѣйствительно, кажется, и тогда не повѣрилъ бы, и скажу почему. Еслибъ я увидалъ предъ собою не существующее или скорѣе существующее лишь для одного меня, то какъ бы эти предметы ни были для меня лично объективны, прежде чѣмъ принять галлюцинацію за нѣчто вещественное, кажется ужь въ силу одной-простой логики я былъ бы прежде всего обязанъ скорѣе залозорить самого себя, увѣриться что я еще не осшелъ съ ума, чѣмъ позволять себѣ вѣрить что то что я одинъ вижу, не только есть дѣйствительность, но что эти картины

суть рефлексія мысли управляемой волей другого человѣка, — человѣка который, такимъ образомъ, временно управляетъ и моимъ олтическимъ нервомъ и мозгомъ... Чтò за чепуха!.. неужели кто-нибудь въ состояніи меня увѣрить что есть на свѣтѣ такой магнетизеръ или радъ-фогъ который бы заставилъ... ну хоть бы *меня* видѣть то чтò ему заблагоразсудится, а не то чтò я самъ вижу и знаю что и другіе видятъ?

— И однакоже есть люди вполнѣ вѣрующіе, ибо они убѣдились что такой даръ возможенъ, небрежно замѣтилъ Такуръ.

— Чтò жь что есть?.. Есть, кромѣ такихъ, еще и двадцать милліоновъ спиритовъ вѣрующихъ въ матеріализацію *духовъ!* только не включайте *меня* въ ихъ число.

— Но вы вѣрите однако въ существованіе животнаго магнетизма?

— Конечно вѣрю... до извѣстной степени. Если человѣкъ въ ослѣ или другой прилипчивой болѣзни можетъ заразить здороваго человѣка, то стало-быть и здоровый можетъ передать больному избытокъ своего здоровья и вылѣчить его. Но между чисто фізіологическимъ магнетизмомъ и вліяніемъ одной особы на другую—бездна; переступать же эту бездну, въ силу одной саѣлой вѣры, не считаю нужнымъ...

— Но развѣ такъ трудно убѣдиться въ томъ что то что вы видите, или по крайней мѣрѣ думаете что видите въ минуту галлюцинаціи, есть только отраженіе картины созданной съ этою цѣлю въ мысли того кто испытываетъ надъ вами свою власть?..

— Позволяю себѣ думать что для удостовѣренія въ подобномъ явленіи необходимо прежде всего получить даръ распознавать чужія мысли и, вслѣдствіе этого, получить возможность безошибочной провѣрки оныхъ. Я не обладаю такимъ даромъ...

— Могутъ найтись и другія средства убѣдиться въ возможности явленія. Напримѣръ, если предъ вами представляется картина мѣстности дѣйствительно существующей, но отдаленной и вамъ совершенно незнакомой, хотя не только извѣстной магнетизеру, но даже той самой о которой онъ заранѣе условился со скелтиками—что именно *эту*, а не *другую* мѣстность вы увидите и опишете. Затѣмъ, вы ее дѣйствительно и аккуратно описываете... Развѣ это не доказательство?

— Быть-можетъ, во время трамса, приладка эмплепси или сомнамбулизма подобная передача впечатлѣній и возможна. Не спорю, хотя самъ сильно сомнѣваюсь. Но въ одномъ, по крайней мѣрѣ, я вполне увѣренъ и всегда поручусь за это: на совершенно здороваго человѣка, вполне въ нормальныхъ условіяхъ, магнетизмъ неспособенъ имѣть ни малѣйшаго вліянія. Медіумы и ясновидяціе провѣрбially болѣзненны. Желалъ бы я посмотрѣть какой магнетизеръ или „раджъ-погъ“ повліялъ бы на *жюль*?

— Ну, У*** мой милый, не хвастайте! вмѣшался дотогѣ молчавшій полковникъ.

— Никакого тутъ нѣтъ хвастовства. Я просто ручаюсь за себя потому что лучшіе европейскіе магнетизеры пробовали свою власть надо мною, и каждый разъ проваливались. Поэтому, вызываю всѣхъ магнетизеровъ живыхъ и мертвыхъ какъ и всѣхъ индусскихъ раджъ-поговъ въ прибавку, попробовать чары своихъ токовъ надо *жюль*... Все сказки...

У*** начиналъ горячиться, а Такуръ замаялъ разговоръ, перейдя на другіе предметы.

Но тутъ позволю себѣ необходимое отступленіе.

Кромѣ миссъ Б***, никто изъ нашего общества туристовъ не былъ ни спиритомъ, ни спиритуалистомъ, менѣе всѣхъ У***. Мы давно перестали вѣрить въ проказы духовъ усопшихъ, хотя и допускали многія изъ медіумическихъ явленій, только совсѣмъ на другихъ основаніяхъ чѣмъ то дѣлаютъ спириты. Отвергая вмѣшательство и даже всякое присутствіе „духовъ“ при извѣстныхъ *столоверченіяхъ* и другихъ явленіяхъ, мы однако—особенно съ тѣхъ поръ какъ живемъ въ Индіи—вѣруемъ въ „духъ“ живаго человѣка, въ его могущество и прирожденныя ему, хотя до сихъ поръ и *тай-нья* (за весьма рѣдкими исключеніями), *заглотивъ* способности; вѣруемъ что во плоти, при извѣстномъ образѣ жизни, духъ—божественная искра—какъ бы потухаетъ въ человѣкѣ, если оная не раздувается; наоборотъ, человѣкъ можетъ развить въ себѣ силу духа, совершая затѣмъ гораздо болѣе удивительныя для непосвященнаго зрителя феномены нежели разоблаченныя кикиморы спиритовъ. Если гимнастика способна не только удесатерять силу мускуловъ, придавая имъ чуть ли не сверхъестественную упругость и гибкость (какъ это мы видимъ въ знаменитыхъ акробатахъ), то почему же при извѣстномъ упражненіи не развиваться такъ и „духу“?

Мы вѣримъ также, ибо убѣдились, что эта тайна—неизвѣданная и отвергаемая нашими западными физиологами и даже психологами—хранится въ Индіи, гдѣ она наследственна и доврѣляется весьма немногимъ.

У*** былъ новичокъ въ Обществѣ и отвергалъ возможность такихъ явленій даже въ дѣлѣ месмеризма. Воспитаникъ Королевскаго Института Британскихъ Архитекторовъ, гдѣ онъ и кончилъ съ золотомъ медалью курсъ, онъ вышелъ оттуда скелтикомъ отвергающимъ все en dehors des mathématiques riges; повѣтому и неудивительно что онъ озлился за это приставанье къ нему со „сказками“...

Возвращаюсь къ разказу.

Бабѹ и *Мульдѹ* ушли торопить людей нагружать ларомъ: всѣ пріутихли и надъ нами какъ говорится „тихий ангелъ пролетѣлъ“. *Мицсъ* Б*** со страха и духоты уснула въ *тонгъ* и безмятежно покралывала; полковникъ, лежа спиной вверхъ, на самомъ берегу, кидалъ камешки въ воду; *Нараянъ*, погруженный по обыкновенію въ созерцаніе *Гулабъ-Синга*, сидѣлъ на пескѣ неподвижно, обхвативъ колѣна руками и молчалъ. У*** прилежно и торопливо рисовалъ, лишь изрѣдка подымая голову, и какъ-то странно хмурился вглядываясь въ другой берегъ, весь погруженный въ свою работу... *Такуръ* продолжалъ покуривать, а я, усѣвшись на своемъ складномъ стулѣ, внимательно наблюдаю за всѣмъ, не могла теперь оторвать глазъ отъ *Гулабъ-Синга*...

„Кто и что такое наконецъ этотъ загадочный *Индусъ*?“ думалось мнѣ. „Кто такой этотъ человекъ, соединяющій въ себѣ какъ бы двѣ совершенно отличныя одна отъ другой личности: одну—внѣшнюю, для глазъ, свѣта и Англичанъ, другую—внутреннюю, духовную, для близкихъ друзей? Но даже эти самые друзья его, развѣ они многимъ болѣе другихъ людей знаютъ что о немъ? И что они знаютъ наконецъ? Они видятъ въ немъ мало отличающагося отъ другихъ образованныхъ туземцевъ *Индуса*, развѣ только наружностью, да тѣмъ что онъ еще болѣе чѣмъ они презираетъ всѣ общественныя условія и требованія западной цивилизаціи... Вотъ и все. За исключеніемъ еще развѣ того что онъ хорошо извѣстенъ всѣмъ въ центральной Индіи; что его знаютъ за довольно богатаго человека, за *Такура*, то-есть за феодальнаго начальника *раджъ*—одного изъ сотней другихъ подобныхъ ему въ Индіи *раджъ*, или уѣздовъ. Затѣмъ онъ вполнѣ

преданный намъ другъ, который сдѣлался нашимъ покровителемъ въ дорогѣ и посредникомъ между нами и подозрительными, несообщительными Индійцами. Но кромѣ этого мы ровно ничего болѣе о немъ не знаемъ. Правда, вѣчто болѣе нежели другимъ извѣстно мнѣ. Но я клялась молчать и молчу; да и то что даже знаю я, до такой степени странно что все это скорѣе походить на сонъ нежели на дѣйствительность...

Давно, очень давно, двадцать семь слишкомъ лѣтъ тому назадъ, мы встрѣтились съ нимъ въ чужомъ домѣ, въ Англіи, куда онъ прѣвѣжалъ съ однимъ туземнымъ, развѣнчаннымъ принцемъ, и наше знакомство ограничилось двумя разговорами, которые хотя тогда и произвели на меня сильное впечатлѣніе своею неожиданною странностью, даже суровостью, но какъ и многое другое все это кануло съ годами въ Лету... Около семи лѣтъ тому назадъ, онъ написалъ мнѣ письмо въ Америку, припоминая разговоръ и данное обѣщаніе; и вотъ мы опять свидѣлись на его родинѣ—въ Индіи! И что жъ? Измѣнился онъ въ эти долгіе годы, постарѣлъ?... Нисколько. Я была молода тогда, и давно успѣла сдѣлаться старухой. Онъ же, явившись мнѣ впервые человекомъ лѣтъ 30, какъ бы застылъ на этихъ годахъ... Тогда его поразительная красота, особенно ростъ и сложеніе, были до того необычайны что заставили даже чопорную, сдержанную лондонскую печать заговорить о немъ. Журналисты, заражая отходящею Байроновскою поэзіей, наперерывъ воспѣвали „дикаго Раджлута“, даже тогда, когда на него сильно негодовали за то что онъ напрямикъ отказался предстать предъ королевскія очи, побрезгавъ великою честью для которой являлись изъ Индіи всѣ его соотечественники... Его прозвали тогда „Раджи Мизантропомъ“, а салонная болтовня „Принцемъ Джальмой-Самсономъ“, сочиняя о немъ всевозможныя сказки до самаго дня его отъѣзда.

Все это взятое вмѣстѣ разжигало во мнѣ мучительное любопытство, не давая мнѣ покоя и заставляя забывать все остальное.

Вотъ почему я теперь сидѣла предъ нимъ, вперивъ въ него глаза не хуже Нараяна. Я вглядывалась въ это замѣчательное лицо съ чувствомъ не то страха, не то необъяснимо благоговѣйнаго уваженія. Вспоминалось мнѣ и про таинственную смерть тигра въ Карли, и про спасенье собственной

моей жизни, за нѣсколько часовъ до того, въ Багхѣ, и про многое другое. Онъ явился къ намъ только въ утро того самаго дня, а сколько думъ расшевелило его присутствіе во мнѣ, сколько загадочнаго онъ уже привнесъ съ собою!.. Да что же это такое, наконецъ? чуть не вскрикнула я. Что это за существо, которое я встрѣтила столько лѣтъ тому назадъ, молодымъ и полнымъ жизни, и вотъ опять встрѣчаю такимъ же молодымъ и полнымъ жизни, но еще суровѣе, еще непонятнѣе? Неужели это братъ его, а можетъ и сынъ?—вдругъ мелькнуло въ головѣ. Нѣтъ, это онъ самъ: тотъ же старый шрамъ на лѣвомъ вискѣ, то же самое лицо. Но какъ и за четверть вѣка назадъ, ни одной морщинки на этихъ правильныхъ, прекрасныхъ чертахъ, ни одного сѣдаго волоса въ черной какъ вороново крыло густой гривѣ; то же выраженіе окаменѣлаго спокойствія въ минуты молчанія на темномъ, словно вылитомъ изъ желтой мѣди лицѣ... Что за странное выраженіе; какое спокойное, сфинксообразное лицо!..

— Сравненіе не совсѣмъ удачное, мой старый другъ! вдругъ какъ бы въ отвѣтъ на мою послѣднюю мысль раздался тихій, добродушно насмѣшливый голосъ Такура, заставивъ меня страшно вздрогнуть.—Оно уже потому неправильно, продолжалъ онъ,—что вдвойнѣ грѣшитъ противъ исторической точности. Во первыхъ, хотя Сфинксъ и крыматый левъ, во онъ въ то же время и женщина, а раджпутскіе Синги * хотя и львы, но никогда еще не имѣли чего-либо женственнаго въ своей природѣ. Къ тому же Сфинксъ—дочь Химеры, а иногда и Эхидны, и вы могли бы выбрать менѣе обидное, хотя и невѣрное сравненіе.

Словно пойманная на мѣстѣ преступленія, я ужасно сконфузилась, а онъ весело расхохотался. Но мнѣ отъ этого не легче.

— Знаете что? продолжалъ Гулабъ-Сингъ, уже серьезнѣе и вставая.—Не ломайте себѣ головы понапрасну: хотя въ тотъ день какъ загадка будетъ разгадана, раджпутскій Сфинксъ не бросится въ море, но, повѣрьте, и русскому Эдипу отъ этого ничего не прибавится. Все то что вы когда-нибудь можете узнать, вы уже знаете. А остальное—предоставьте судьбѣ!..

— Паромъ готовъ! Идите!.. кричали намъ съ берега Мульджи и бабѣ.

* Сингъ—левъ, на языкѣ Пенджаба.

— Я кончилъ, вдохнулъ У***, торопливо собирая ланку и краски.

— Дайте посмотрѣть, лѣзли къ нему проснувшаяся Б*** и подошедшій полковникъ.

Мы взглянули на свѣжій, еще мокрый рисунокъ, и остолбенѣли; вмѣсто озера съ его синѣющимъ въ бархатистой дали вечерняго тумана лѣсистымъ берегомъ, предъ нами являлось прелестное изображеніе морскаго вида. Густые оазисы стройныхъ пальмъ, разбросанные по изжелта-бѣлому взморью, заслоняли приземистый, похожій на крѣпость туземный бѣнглоу, съ каменными балконами и плоскою крышей. У дверей бѣнглоу—словъ, а на гребнѣ лѣвнящейся бѣлой волны — привязанная къ берегу туземная лодка.

— Да гдѣ же вы взяли *этотъ* видъ? недоумѣвалъ полковникъ.—Для того чтобы рисовать виды изъ головы не стоило и сидѣть на солнцѣ...

— Какъ изъ головы? отозвался возившійся съ ланкой У***.—Развѣ озеро не похоже?

— Какое тутъ озеро! Вы рисовали видно во снѣ.

Въ это время вокругъ полковника столпились всѣ наши спутники, и рисунокъ переходилъ изъ рукъ въ руки. И вотъ Нараянъ въ свою очередь ахнулъ и остановился въ полномъ изумленіи.

— Да это „Дайри-болъ“, помѣстье Такуръ-Сауба! провозгласилъ онъ.—Я узнаю его. Въ прошломъ году, во время голода я жилъ тамъ два мѣсяца.

Я первая поняла въ чемъ дѣло, но молчала. Уложивъ вещи, У*** подошелъ наконецъ, по своему обыкновенію, влоо и не торопясь, какъ будто сердясь на глупость зрителей не узнававшихъ въ морѣ озера:

— Полноте шутить и выдумывать; пора ѣхать. Отдайте мнѣ эскизъ... говорилъ онъ намъ.

Но получивъ его, онъ при первомъ взглядѣ страшно поблѣднѣлъ. Жаль было смотрѣть на его гауло-растерянную физиономію. Онъ поворачивалъ злополучный кусокъ брѣстола во всѣ стороны: вверхъ, внизъ, наизнанку и не могъ придти въ себя отъ изумленія. Затѣмъ онъ бросился какъ угорѣлый къ уложенной уже ланкѣ, и сорвавъ завязки, разметалъ въ одну секунду сотню эскизовъ и бумагъ, какъ бы лица чего-то... Не найдя желаемого, онъ снова принялся за рисунокъ, и вдругъ закрывъ лицо руками, обезсиленный и точно сраженный, опустился на лесокъ.

Мы всё молчали, изрѣдка переглядывались и даже забывавъ отвѣчать Такуру, стоявшему уже на паромѣ и звавшему насъ ѣхать.

— Послушайте У***, ласково заговорилъ съ нимъ добродушный полковникъ, словно обращаясь къ большому ребенку.— Скажите, вы помните что онъ рисовалъ этотъ видъ?..

Англичанинъ долго молчалъ; наконецъ произнесъ хриплымъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Да, помню все. Конечно я его рисовалъ, но рисовалъ съ натуры, *рисовалъ то что видѣлъ во все время предъ своими глазами.* Вотъ это-то и есть самое ужасное!*

— Но почему же такое „ужасное“? Просто временное вліяніе одной могучей воли надъ другою менѣе мощною. Вы просто находились подъ „біологическимъ вліяніемъ“, какъ говорятъ Дг. Карпентеръ и Круксъ.

— Вотъ это именно и страшитъ меня. Теперь припомню все. Больше часа я рисовалъ этотъ видъ: я его увидѣлъ съ первой минуты на противоположномъ берегу озера и видя его *во все время* не находилъ въ этомъ ничего страннаго. Я вполне сознавалъ или скорѣе воображалъ что рисую то что всё видѣлъ предъ собою. Я совершенно утратилъ воспоминаніе о берегѣ какъ я его видѣлъ за минуту до того и какъ я его снова вижу. Но какъ объяснить это? Великій Боже! неужели эти проклятые Индусы дѣйствительно обладаютъ тайной такого могущества? Полковникъ, я сойду съ ума если бы мнѣ пришлось вѣрить всему этому!..

— Но за то, шелнулъ ему Нараянъ съ блескомъ торжества въ пылающихъ глазахъ,—вы теперь не въ состояніи болѣе отвергать великую, древнюю науку *йогъ-видьи* моей родины!..

У*** не отвѣчалъ. Шатаясь слово пыльный онъ взомель на паромъ и избѣгая взгляда Такура, свѣлъ слиной ко вѣснѣ у края и погрузился въ созерцаніе воды.

— Ma chère, лодугромко шелнулъ возлѣ меня таинственный голосъ миссъ Б***.— Ma chère, mais Monsieur U*** devient vraiment un médium...

Въ минуты волненія, она всегда обращалась ко мнѣ на французскомъ языкѣ.

* У*** сохранялъ этотъ рисунокъ, но никогда не намекаетъ на его происхожденіе.

— Отставьте вы, ради Бога, отъ меня съ вашими глупостями. Какой тамъ медіумъ? Вы знаете что я не вѣрю въ духовъ...

Получивъ отпоръ съ моей стороны, она бросилась къ бабу, который къ удивленію всѣхъ молчалъ и прислонясь къ борту разсѣянно глядѣлъ вдаль...

— Но кто же, кромѣ отшедшихъ духовъ (*esprits desincarnés*), кромѣ души бывшаго артиста могъ нарисовать этотъ фантастическій видъ? вопрошала она, разинувъ ротъ.

— Чортъ! бракнулъ ей въ отвѣтъ бабу:—Развѣ ваши соотечественники не давно уже порѣшили что мы, Индусы, поклоняемся чертямъ? Ну вотъ одинъ изъ нашихъ боговъ и напустилъ мистери У*** туману.

Еслибы въ эту самую минуту паромъ управляемый людьми Такура (паромщиковъ вовсе не было) не подѣвжалъ къ острову, быть бы тутъ ссоръ между ними. Къ счастью, мы причалили, и Бенгалецъ выскочилъ на берегъ.

— *P est positivement mal-honnête, ce Nègre là*, прошептала разъяренная дѣва, пустивъ ему вслѣдъ пароянскою стрѣлой.

— Ну, мать моя, замѣтила я ей, выходя за прочими,—такіе *Негры* стоять одинъ десяти вашихъ Джонъ-Буллей...

XXI.

Островокъ былъ маленькій, весь поросшій высокою травой, и имѣлъ издали видъ плавающей среди голубаго озера пирамидальной корзинки зелени. За исключеніемъ нѣсколькихъ лучковъ широкихъ, тѣнистыхъ *манго* и смоковницъ, на которыхъ при нашемъ появленіи страшно засуетилась цѣлая колонія обезьянъ, онъ былъ повидимому необитаемъ. Въ этомъ дѣвственномъ лѣсу густѣйшей травы нигдѣ не было замѣтно и слѣда ноги человѣческой. Читая слово „травя“ и здѣсь не слѣдуетъ забывать что я говорю объ *индійской* травѣ, а не о европейскомъ подстриженномъ подъ гребенку газонѣ и даже не о *русской* травѣ: трава *подъ* которою мы стояли какъ букашки подъ молухомъ высоко развѣвала свои перистыя, разноцвѣтныя вершины не только надъ нашими головами, но даже и надъ бѣлыми *нэггери* Такура и Нараяна:

первый изъ конѣхъ стоялъ по общеупотребительному англійскому выраженію „шесть съ половиною футовъ въ чулкахъ“, а второй былъ равнѣ на вершкѣ ниже. Эта трава показалась намъ съ пароя тихо волнующимся моремъ черныхъ, бѣлыхъ, желтыхъ, голубыхъ, преимущественно же розовыхъ и зеленыхъ цвѣтовъ. Выйдя на берегъ, мы нашли что то былъ большею частью обыкновенно растущій отдѣльными группами бамбукъ, перемѣшанный съ гигантскою травой *сирки*, потрясающе разноцвѣтными перьями своихъ верхушекъ почти въ уровень съ манговыми и другими высокими деревьями.

Невозможно себѣ представить что-либо красивѣе и граціознѣе *сирки* и бамбука. Изолированные букеты бамбуковой травы, колоссальной, но все же не болѣе какъ травы, начинаютъ при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка развѣвать въ воздухѣ свои зеленыя головы, словно разукрашенныя страусовыми перьями. Отъ пяти часто до восьми верхковъ въ діаметрѣ у корня, каждый стволъ тростника вырастаетъ отъ 50 до 60 футовъ въ высоту, съ колѣнами на разстояніи двухъ, трехъ футовъ одно отъ другаго, каждое съ густою бахромой длинныхъ тонкихъ листьевъ. Отъ времени до времени, при каждомъ порывѣ вѣтра, слышался легкій металлическій шелестъ въ тростникѣ; но въ хлопотахъ устраиванья ночевки мы не обратили на это особаго вниманія.

Пока наши *кулы* и слуги возились, приготовляя намъ ужинъ и лалатку, да прочищали кругомъ дорогу, мы пошли познакомиться съ обезьянами. Уморительнѣе мы еще ничего не встрѣчали. Безъ преувеличенія ихъ было штукъ до 200. Собираясь на покой, макашки вели себя очень прилично: каждое семейство выбирало себѣ вѣтку и защищало ее отъ нападенія другихъ квартирантовъ на деревѣ, но защищало безъ сраженія, довольствуясь лишь угрожающими гримасами. Между ними было не мало матерей съ младенцами на рукахъ; нѣкоторыя изъ нихъ нянчили дѣтеныша нѣжно и осторожно, со всеми свойственными людямъ приемами; другія, выбирая вѣтку, перескакивали съ одного дерева на другое съ ребенкомъ ловишимъ на концѣ материнскаго хвоста; третьи бѣгали на четверенькахъ съ прицѣпленными къ животу наследниками, чего-то суетясь, о чемъ-то толкуя и поминутно оставаясь для перебранокъ,—картина ссорящихся на базарѣ кумушекъ животнаго царства. Холостаки предавались

вечернему увеселенію—гимнастикѣ на вѣткахъ на самомъ кончикѣ хвоста. Мы замѣтили одного раздѣлявшаго забаву между *scute perilleux* и надодданіемъ почтенному дѣду который важно сидѣлъ подъ деревомъ, обнявъ двухъ маленькихъ обезьянъ. Раскачиваясь онъ бросался на него со всего размаху, корчилъ рожи, кусалъ его за ухо и стрекоталъ во все горло... Мы переходили отъ одного дерева къ другому осторожно и тихо, боясь ихъ спугнуть. Но видно что много лѣтъ проведенныхъ съ факирами (которые очистили островъ только въ прошломъ году) приучили обезьянъ къ людямъ. То были священные обезьяны, какъ мы узнали, и онѣ не проявляли ни малѣйшаго страха при нашемъ приближеніи. Онѣ допускали насъ совсѣмъ близко, и принявъ привѣтствіе, а нѣкоторыя такъ и кусочекъ сахарнаго тростника, смотрѣли на насъ съ высоты своихъ древесныхъ трюмовъ спокойно, чолорно скрестивъ ручки и даже съ нѣкоторымъ важнымъ презрѣніемъ въ умныхъ, карихъ глазкахъ.

Но вотъ зашло солнце, и все мигомъ всполошилось на деревьяхъ. Насъ стали звать ужинать. *Бабу*, преобладающею страстью коего было (по понятіямъ ортодоксальныхъ Индусовъ) „покошумствовать“, залѣзъ на дерево, откуда перенимая всѣ позы и жесты своихъ сосѣдей, къ благочестивому ужасу нашихъ *кули*, отвѣчалъ на угрожающія гримасы обезьянъ еще безобразнѣйшими; затѣмъ онъ спрыгнулъ съ вѣтки и заторопилъ насъ „домой“.

Съ послѣднимъ, исчезнувшимъ за горизонтомъ золотымъ лучомъ вся окрестность будто разомъ подернулась свѣтло-фіолетовою прозрачною дымкой. Съ каждою минутой сгущались тропическія сумерки: постепенно, но быстро утрачивали онѣ свой мягкій, бархатистый колоритъ, дѣлались все темнѣе и темнѣе. Словно невидимый живописецъ накладывалъ на окружающіе насъ лѣса и воды одну тѣнь за другою, тихо, но непрерывно работая гигантскою кистью своею по чуднымъ декораціямъ на фонѣ нашего островка... Уже слабые фосфорические огоньки зажигались вокругъ насъ: блистая противъ черныхъ древесныхъ стволовъ и величественныхъ бамбуковъ, они исчезали на ярко перламутровыхъ серебрястыхъ просвѣтахъ вечерняго неба... Еще минуты двѣ-три, и тысячи этихъ волшебныхъ живыхъ искръ, предвѣстники царицы ночи, запылали, заиграли кругомъ, то вслыхивая, то потукая,

оыплась огненнымъ дождемъ на деревья, кружась въ воздухѣ надъ травой и надъ темнымъ озеромъ... А вотъ и сама ночь. Неслышно спустившись на землю, она вступаетъ въ свои верховныя права. Съ ея приближеніемъ все засыпаетъ, все успокоивается; подъ ея прохладнымъ дыханіемъ утихаетъ вся дѣятельность дня. Какъ нѣжная мать, она ублаживаетъ природу, бережно окутывая ее своимъ легкимъ, чернымъ покровомъ; а усыпивъ, стоитъ на сторожѣ надъ усталыми, дремлющими силами до первой зари...

Все спитъ въ природѣ; не спитъ въ этотъ торжественный вечерній часъ одинъ человекъ. Не спали и мы. Сидя вокругъ костра, мы разговаривали почти шепотомъ, словно боялись пробудить эту уснувшую природу. У*** и миссъ Б*** давно улеглись, да ихъ никто и не удерживалъ. А мы, то есть полковникъ, четыре Иадуса, да я, забывшись подъ эту латнадцатисаженную „травку“, не могли рѣшиться проспать такую чудную ночь. Къ тому же мы ожидали обѣщаннаго намъ Такуромъ „концерта“.

— Имѣйте терпѣніе, говорилъ намъ Гулабъ-Лалъ-Сингъ, — предъ восходомъ луны явятся и наши музыканты...

Мѣсяцъ восходилъ поздно, почти въ десять часовъ ночи. Предъ самымъ его появленіемъ, когда уже воды озера стали блѣднѣть на другомъ берегу, а небосклонъ замѣтно свѣтлѣлъ, постепенно переходя въ серебристо-молочный цвѣтъ, вдругъ засвѣжѣло и поднялся вѣтерокъ. Забурлили было уснувшія волны, зашлепались и зашуршали оны у подножія бамбуковъ и затрелетали кудрявыя вершины великановъ, зашелтали будто передавая другъ другу приказанія... Вдругъ, среди общаго молчанія, мы услышали тѣ же самые странные музыкальные звуки какіе подсаушали подѣвжая къ острову на паромѣ. Словно со всѣхъ сторонъ вокругъ насъ и даже надъ головами настраивались незримые духовые инструменты, звякали струны, пробовались флейты. Минуты чрезъ двѣ, съ новымъ порывомъ пробивающагося сквозь бамбукъ вѣтра, раздались по всему острову звуки какъ бы сотенъ Оловыхъ арфъ... И вотъ разомъ началась дикая, странная, неумолкающая симфонія!..

Она гудѣла по окружающимъ озеро лѣсамъ, наполняла воздухъ невыразимой мелодіей, очаровывала даже нашъ избалованный европейскій слухъ. Грустны, торжественны были ея

протяжныя ноты: оны то плавно звучали похороннымъ маршемъ, то вдругъ, перейдя въ дрожащую дробь, заливались трелью соловья, гудѣли словно сказочныя гусли-самогуды, и наконецъ, съ протяжнымъ вздохомъ, замирали... Здѣсь они наломцѣвали протяжный вой: заунывный, грустный, какъ осиротѣвшей волчицы, утратившей дѣтенышей; тамъ—оны звенѣли какъ турецкіе колокольчики, звучали веселою, быстрою тарантеллой; далѣе, раздавалась заунывная лѣсъя будто человѣческаго голоса, неслись плавныя звуки виолончели, заканчиваясь не то рыданіемъ, не то глухимъ хохотомъ... А всему этому вторило изъ лѣсу со всѣхъ четырехъ сторонъ насмѣшливое эхо, будто голосъ сотни аукающихъ лѣсныхъ внезапно разбуженныхъ въ своихъ зеленыхъ дубравахъ, откликающихся на призывъ этого дикаго музыкальнаго шабаша!..

Полковникъ и я переглядывались, обезумѣвъ отъ удивленія. „Что за предель!“ „Что за чертовщина!“.. раздались наконецъ въ унисонъ наши два восклицанія. Индусы посмѣивались и молчали; Такуръ покуривалъ свой *сэргэри* такъ же безмятежно какъ еслибъ оны внезапно оглохъ. Но вотъ послѣ минутнаго интервала и пока у насъ невольно мелькалъ въ головѣ вопросъ: ужъ не волшебство ли опять какое? невидимый оркестръ разыгрался, расходился лучше прежняго, и на минуту совершенно насъ было оглушилъ. Пошлись звуки, понеслись словно неустойчивою волной въ воздухѣ и снова приковали наше вниманіе. Ничего и никогда не слышали мы подобнаго этому неповторному для насъ диву... Слышите? Будто буря на морѣ, свистъ вѣтра въ снастяхъ, гулъ бѣшеныхъ, опрокидывающихъ другъ друга волкъ! Снѣжная въ глухой степи метель и выюга...

То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя!

А вотъ загремѣли величественныя ноты органа... Его могучіе звуки то сливаются, то расходятся въ пространствѣ, обрываются, перемѣшиваются, лугаются какъ фантастическая мелодія во время лихорадочнаго сна, музыкальное видѣніе вызванное завываніемъ и визгомъ вѣтра на дворѣ.

Но чрезъ нѣсколько минутъ эти вначалѣ чарующіе слышныя звуки начинаютъ будто можомъ рѣзать мозгъ. И вотъ намъ представляется будто пальцы незримыхъ артистовъ бряцаютъ уже не по невидимымъ струнамъ, дуютъ не въ

заколдованныя трубы, а скрипять по нашимъ собственнымъ вервамъ, вытягиваютъ жилы и затрудняютъ дыханіе...

— Ради Бога перестаньте, Такуръ! довольно, довольно!... вопить полковникъ, затыкая обѣими руками уши.—Гулабъ-Сингъ... прикажите имъ перестать!..

При этихъ словахъ трое Индусовъ покатываются со смѣху и даже сфинксообразное лицо Такуръ озаряется веселою улыбкой...

— Честное слово, вы меня, кажется, не шутя принимаете если не за великаго Парабраму, то по крайней мѣрѣ за какого-то генія, за Марута, владыку вѣтра и стихій, говоритъ онъ намъ весело смѣясь.—Да развѣ въ моей власти остановить вѣтеръ или мгновенно вырвать съ корнемъ весь этотъ бамбуковый лѣсъ?.. Просите чего-нибудь полегче!..

— Какъ остановить вѣтеръ? Какой бамбукъ?.. Развѣ мы это слышимъ не подъ психическимъ вліаніемъ?..

— Вы скоро помѣшаетесь на психологіи и электро-біологіи, мой дорогой полковникъ. Никакой тутъ нѣтъ психологіи, а просто естественный законъ акустики... Каждый изъ окружающихъ насъ бамбуковъ — а ихъ вѣдь нѣсколько тысячъ на островѣ — скрываетъ въ себѣ природный инструментъ, на которомъ нашъ всемірный артистъ, вѣтеръ, прилетаетъ пробовать свое искусство послѣ солнечнаго заката, особенно въ послѣднюю четверть луны.

— Гм! вѣтеръ?.. да.. Но вѣдь это начинаетъ переходить въ ужасный шумъ... Очень непріятно... Какъ бы этому помочь? освѣдомляется нашъ немного сконфуженный президентъ.

— Ужь право не знаю... Ничего, чрезъ лять минутъ вы къ нему привыкнете, отдыхая въ тѣ промежутки когда вѣтеръ минутами затихаетъ...

И вотъ мы узнаемъ что такихъ природныхъ оркестровъ много въ Индіи; что они хорошо извѣстны браманамъ, которые называютъ этотъ тростникъ *вина-деви* (гитарой боговъ) и, сплекулируя народнымъ суевѣріемъ, выдаютъ эти звуки за *божественныя* оракулы. Къ этой особенности тростника *

* На этотъ родъ бамбука постоянно нападаетъ маленькій жучокъ, который пробуравливаетъ въ очель скоромъ времени большія дыры въ совершенно лустомъ стволѣ тростника, гдѣ и задерживается вѣтеръ.

факиры и долопокломническихъ сектъ прибавили и собственное искусство. Вслѣдствіе этого островъ на которомъ мы находились считается особенно священнымъ.

— Завтра утромъ, говоритъ намъ Такуръ,—я вамъ покажу съ какимъ глубокимъ знаніемъ всѣхъ правилъ акустики наши факиры просверлили различныхъ величинъ дыры въ тростникахъ. Смотря по объему ствола, въ каждомъ колѣнѣ этихъ пустыхъ трубокъ они увеличиваютъ выдѣнные жуками отверстія, придавая имъ то круглую, то овальную форму. На эти усовершенствованные ими природные инструменты можно по справедливости смотрѣть какъ на превосходѣшіе образцы примѣненія механики къ акустикѣ. Впрочемъ удивляться тутъ нечему: наши древнѣшія самскритскія книги о музыкѣ подробно описываютъ эти законы, упоминая о многихъ выѣ не только забытыхъ, но даже совершенно неизвѣстныхъ намъ инструментахъ... А теперь, если это слишкомъ близкое сосѣдство распѣвающаго тростника безпокоитъ ваши нѣжныя уши, я васъ, пожааудь, поведу на поляну у берега—подальше отъ нашего оркестра. Послѣ полуночи вѣтеръ стихнетъ, и вы уснете спокойно... А пока пойдемте посмотрѣть какъ загораются „священные костры“. Какъ только окрестные жители слышатъ далекіе голоса „боговъ“ въ тростникахъ, они тотчасъ же начинаютъ сходиться цѣлыми деревнями на берегъ, зажигаютъ костры и совершаютъ „пуджу“ (поклоненіе острову).

— Но неужели же брамавы въ состояніи поддерживать такой очевидный обманъ? Вѣдь самый глупый человѣкъ, и тотъ долженъ наконецъ догадаться кѣмъ и какъ просверлены тростники и отъ чего происходятъ звуки!... освѣдомляется удивленный полковникъ.

— У васъ въ Америкѣ—быть-можетъ, но никакъ не у насъ въ Индіи. Покажите даже и полуобразованному туземцу какъ это сдѣлано, расскажите и объясните... На это онъ вамъ отвѣтитъ что онъ и безъ васъ знаетъ что эти дыры просверлены жукомъ и увеличены факиромъ. Но что же изъ этого? То не простой жучекъ сверлилъ, а *воплотившійся съ настѣлокъ съ этою улью одинъ изъ боговъ*, а факиръ, святой мученикъ, дѣйствовалъ по приказанію этого бога. Вотъ все чего вы отъ насъ добьетесь. Вѣками взвѣшійся въ массы народа фанатизмъ и суевѣріе сдѣлались какъ бы необходимою

частью его физиологическихъ потребностей. Искорените въ немъ это чувство, и у него откроются сами собою глаза, и онъ узритъ истину, но не прежде. Что же касается брамановъ, то счастлива была бы Индія еслибъ эти вѣковые плуты не дѣлали ничего худшаго... Пусть себѣ народъ поклоняется музѣ и духу гармоніи, это еще не страшно.

Въ Дехра-Девѣ (разказывалъ намъ *бабу*) такіе бамбуки посажены съ обѣихъ сторонъ центральной улицы и танутся болѣе чѣмъ на милю. За зданіями вѣтеръ не можетъ свободно дѣйствовать, и потому звуки слышатся лишь въ вечера когда онъ дуетъ съ востока, что бываетъ чрезвычайно рѣдко. Но въ прошломъ году, когда нашъ Суами Дайанандъ прибылъ на лѣтнюю кочевку и его осаждала каждый вечеръ толпа послѣдователей, бамбуки, какъ разъ послѣ его проповѣди въ которой онъ громилъ суевѣріе, вздумали распѣться. Въ это самое время утомленный продолжительною проповѣдью и немного нездоровый Суами опустился на коверъ и закрывъ глаза сидѣлъ неподвижно. Толпа вообразила тотчасъ же что душа Суами, покинувъ тѣло, вошла въ тростники и изъ нихъ ведетъ разговоръ съ богами. Многіе, желая изъяснить тѣмъ свое благоговѣніе учителю и вѣроятно доказать въ какой полнотѣ воспріали они его ученіе, бросились творить предъ налѣвавшимъ тростникомъ „пуджу“...

— И что жь Суами... что онъ сказалъ на это?...

— Ничего не сказалъ... Вы его видно еще не знаете. Не говоря ни слова, онъ вскочилъ и, сломавъ первую бамбуковую трость по дорогѣ, задалъ ея *пуджникамъ* такой „европейскій бакшишъ“ * по слухамъ что толпа мгновенно разбѣжалась. А Суами, безплощадно колотя по чемъ ни попало, гвался за ними цѣлую милю, затѣмъ плюнулъ и уѣхалъ далѣе. Онъ ужасный сидачъ, нашъ Суами, и разговаривать долго не станетъ, смѣялся *бабу*.

— Но вѣдь такимъ образомъ вмѣсто того чтобъ обратить ихъ на путь истины онъ только разговяетъ толпу? замѣтилъ полковникъ.

— Вотъ и выходитъ что вы нашъ народъ знаете такъ же

* Ударъ тростью здѣсь зовется народомъ „европейскій бакшишъ“ или „бамбуковый бакшишъ“; послѣднее слово въ повѣщѣнствѣ употребленіи въ Авіи.

мало какъ и вашего союзника Суами... Не успѣлъ онъ прибыть въ *Патми* (мѣстечко въ 35 или 40 миляхъ отъ Дехра-Дена) какъ толпа челоѣкъ въ 500 привалила депутаціей отъ города, кланаясь ему въ ноги и умолая вернуться. Между главными просителями были тѣ у кого вся спина оказалась въ синякахъ. Они привезли Суами назадъ съ самыми торжественными церемоніями, на словѣ, усылая всю дорогу цвѣтами... Онъ тотчасъ же устроилъ *самаджу* (общество), и въ этой „*Ари-Самаджѣ*“ Дехра-Дена теперь двѣсти членовъ, которые навсегда отказались отъ идолопоклонства и суевѣрія.

— А при мнѣ, разказывалъ Мульджи, — онъ въ Бенаресѣ два года тому назадъ разбилъ палкой до ста идоловъ на базарѣ и поколотилъ брамана. Последняго онъ вытащилъ изъ-за просверленной спины огромнаго идола Шивы, изъ-за которой тотъ велъ разговоръ за своего бога, требуя денегъ на новую одежду для Шивы...

— И не заплатилъ онъ за это?

— Браманы потребовалъ его въ судъ, но явилось столько заступниковъ за него что судья былъ принужденъ его оправдать, присудивъ лишь заплатить штрафъ за разбитыхъ идоловъ. Одно не хорошо: браманъ въ ту же ночь умеръ отъ холеры, и противники Суами громко кричали что онъ умеръ вслѣдствіе *джаду* (колдовства) Дайананда Сарасвати.

— А вы, Нараянъ, знаете что про суамиджи?... Принимаете ли вы его за своего „гуру?“ спросила я.

— У меня одинъ *гуру* и одинъ богъ, на землѣ, какъ и на небѣ, нехота отвѣтилъ Нараянъ,—и никогда не будетъ другаго....

— Кто же этотъ *гуру* и кто вашъ богъ?... тайна развѣ?...

— Такуръ Саибъ, конечно!... огоршилъ его бабу.—Оба у него свиваются во едино...

— Ты говоришь глупости, бабу, холодно замѣтилъ Гулабъ-Сингъ.—Я не признаю себя достойнымъ быть чѣмъ бы то ни было гуру, тѣмъ менѣе богомъ. Прошу тебя не кощунствовать. Но вотъ мы и пришли. Сядемъ здѣсь на берегу, добавилъ онъ, указывая на принесенные ковры и явно желая замаять разговоръ.

Мы пришли на небольшую поляну у озера, шаговъ за двѣсти, триста отъ бамбуковаго лѣса. Теперь звуки волшебнаго оркестра доносились до насъ слабо и урывками. Мы сидѣли противъ вѣтра, и они долетали лишь какъ полевые

гармоніи шелеть, совершенно уже валомивая тихое лѣніе Золовой арфы и не имѣя въ себѣ болѣе ничего неприятнаго или рѣзкаго. Напротивъ, эти звуки придавали еще болѣе поэтической колоритъ этой сценѣ.

Мы разстались на разостлаившихъ для насъ коврахъ, и отъ усталости, такъ какъ я была на ногахъ съ четырехъ часовъ утра, мною сильно овладѣвалъ сонъ. Мушкетеры продолжали разговаривать о Суахи и о „луджѣ“, а я крѣпко задумалась, и мало-по-малу, какъ это всегда случается, разговоръ сталъ долетать до меня лишь урывками...

— Проснитесь!... расталкивалъ меня полковникъ. — Вотъ Такуръ говоритъ что вамъ не слѣдуетъ засыпать подъ луннымъ свѣтомъ...

Совсѣмъ я не засыпала, хотя дѣйствительно сонъ сильно одолевалъ меня, а просто задумалась. Но я даже и не отвѣчала, до такой степени лѣнь овладѣваетъ человѣкомъ подъ подобнымъ небомъ...

— Да ради Бога, проснитесь же! надоѣдалъ мнѣ полковникъ. — Вы только взгляните на эту луну... на картину вокругъ насъ. Видали ли вы что-либо великолѣпнѣе этой ланорамы? Смотрите...

„Вотъ взошла луна златаа...“

завертѣлось у меня въ головѣ. Воистину то была „луна златая“. Въ эту минуту она испускала дѣлые потоки золотистаго свѣта, обливала каскадами волнующееся у нашихъ ногъ озеро, осыпала на огромное пространство золотомъ пылью каждую травку, каждую былинку и камешекъ. Ея желто-серебристый шаръ быстро скользя вверху по темноголубому, усыпанному мириадами огромныхъ, блестящихъ звѣздъ небу, сіяла надъ нашими головами. Сколько бы лунныхъ ночей ни пришлось видѣть въ Индіи, каждый разъ найдутся новыя и неожиданныя эффекты... Подобныхъ картинъ не описываютъ; ихъ невозможно изобразить ни на полотнѣ, ни словами; ихъ можно только *чувствовать*. Но что за невыразимое величіе и красота! Въ Европѣ, даже на югѣ, обыкновенно полная и яркая луна гаситъ вокругъ себя на большое пространство звѣзды, и наибольшія изъ нихъ меркнутъ въ ея сіяніи. Здѣсь совершенно напротивъ: словно громадная жемчужина осыпанная кругомъ бриллиантами кажетъ она на небесному, точно изъ синяго бархата своду. При этомъ лунномъ

сіяніи можно не только читать мелко написанное письмо, но и свободно различать всѣ тѣни окружающей зелени, что въ Европѣ невысказимо. Взгляните на деревья, на статуи лалымы съ ихъ раскинутыми вѣтеромъ верхушками во время полной луны! Съ самой минуты восхода мѣсяца его лучъ начинается ползти сверкающею серебряною чешуей по обращенной къ нему сторонѣ дерева отъ верхушки все ниже и ниже, пока не зальетъ всего растенія моремъ свѣта. Безо всякихъ метафоръ, вся поверхность листвы кажется всю ночь утоляющею подъ переливающимися дрожащими волнами серебра, въ то время какъ исподъ листьевъ является чернѣе и мягче чернаго бархата. Но горе неосторожному новичку, горе заглядывшемуся на луну съ непокрытою головою смертному! Опасно не только что уснуть, но даже и слишкомъ долго зазѣваться на цѣломудренную индійскую Діану. Припадки ладучей болѣзни, безуміе, часто смерть, вотъ наказанія посылаемыя ея коварными стрѣлами современному Актеону осмѣлившемуся лицезрѣть жестокою дочеръ Латовы въ ея полной красѣ. Оттого здѣсь ни днемъ; ни ночью, ни Европейцы, ни туземцы не снимаютъ на дворѣ своихъ *топи* и *пѣгѣри*. Даже нашъ бабу прохладившійся цѣлме дви съ непокрытою головою подъ солнцемъ надѣвалъ ночью во время луны бѣлую шалочку.

Огни, какъ намъ предсказалъ Такуръ, зажигались одинъ за другимъ на материкѣ, и давно уже мелькали вдали черные силуэты поклонниковъ. Ихъ дикія священныя лѣсны и громкіе возгласы — *Хэрри, Хэрри, Маха-део*, * — доносились до насъ съ того берега громко и отчетливо. А тростники, подъ напоромъ вѣтра, раскачивая свои стройные стволы, отвѣчали имъ вѣжными музыкальными фразами... Ставовилось жутко на душѣ, чувствовалось какое-то страшное ольянѣніе при этой обстановкѣ, и идоолопоклонство въ этихъ погрязшихъ въ вѣковомъ невѣжествѣ, не глубоко поэтическихъ страстныхъ натурахъ являлось менѣе отталкивающимъ, казалось понятнѣе. Индусъ — прирожденный мистикъ, а чарующая природа его страды содѣлаала изъ него яраго ламтеиста.

Гдѣ-то далеко въ лѣсу заиграла *альгуджа*, родъ индійской свирѣли, съ семью отвѣрстіями. При этихъ звукахъ мигомъ возбуждалось и встрепенулось цѣлое обезьянье семейство,

* *Хэрри* — одно изъ именъ Шивы, а „*Маха-део*“ — великій богъ.

славшее въ листья сосѣднаго дерева. Двѣ-три макушки тихо спустились на землю и стали оглядываться какъ бы поджидая кого...

— Это у васъ что же за Орфей чарующій и людей? осѣдомились мы.

— Факиръ рѣзко: *альгудуса* обыкновенно призываетъ священныя обезьяны къ лицѣ. Нѣкогда жившая на этомъ островѣ коммуна факировъ теперь переселилась въ старую лагуну, неподалеку отсюда въ лѣсу. Тамъ имъ болѣе поживы отъ прохожихъ; оттого они и бросили островъ...

— А можетъ отъ того что оглохли, выразила невинное мнѣніе проснувшаяся и подошедшая къ намъ между тѣмъ миссъ Б*.

— Кстати объ Орфее, спросилъ Такуръ, — извѣстно ли вамъ что лира этого греческаго героя-полубога была далеко не первою которая обладала способностью очаровывать и людей, и звѣрей, и даже самыя рѣки? Нѣкій китайскій „музыкальный артистъ“ (какъ ихъ зовутъ въ Англіи) *Кун*, * жившій за тысячу лѣтъ до предполагаемой учеными эры Орфея, выражается такъ: „когда я играю на моемъ *кинелъ*, то всѣ дикіе звѣри сбѣгаютъ, и очарованные моею мелодіей, строятся въ ряды предо мною“...

— Это вы гдѣ же читали?

— Могъ бы вычитать даже въ сочиненіяхъ вашихъ западныхъ ориенталистовъ, такъ какъ это свѣдѣніе находится и тамъ. Но собственно я нашелъ это въ древней санскритской рукописи (переводъ съ китайскаго) втораго столѣтія до вашей эры; оригиналъ же находится въ древнемъ сочиненіи, извѣстномъ подъ именемъ „Хранитель пяти главныхъ добродѣтелей“ — родъ хроники или трактата о музыкальномъ развитіи въ Китаѣ, написанный по приказанію императора Хоангъ-ти за нѣсколько сотъ лѣтъ до вашей эры.

— Да развѣ Китайцы когда что понимали въ музыкѣ? разсмѣялся полковникъ. — Я слышалъ и въ Калифорніи, и въ другихъ мѣстахъ заѣзжихъ артистовъ изъ Небесной Имперіи... Ихъ музыкальная какофонія способна съ ума свести челоуѣка на мѣстѣ...

— То же самое многіе изъ васъ, западныхъ музыкантовъ,

* Какая случайность! *Кун*—имя извѣстнаго петербургскаго музыканта; только ни звѣри, ни люди не пляшутъ подъ его музыку.

говорять и про нашу какъ древне-арійскую, такъ и современную музыку Индусовъ. Но вопервыхъ, понятія о мелодіи—вещь совершенно условная; а вовторыхъ, есть большая разница между знаніемъ музыкальной техники и примѣненіемъ этого знанія къ развитію мелодій доступныхъ всякому какъ образованному, такъ и необразованному уху. Въ техническомъ отношеніи музыкальная піеса можетъ быть превосходна, а сама мелодія являться вполнѣ непонятною и даже непріятною для непривыкшаго къ ней уха. Ваши самыя извѣстныя оперы, напримѣръ, кажутся намъ, Индусамъ, какимъ-то дикимъ хаосомъ, каскадомъ непріятно рѣзкихъ, перепутанныхъ звуковъ, въ которыхъ мы ровно ничего не смыслимъ, а только получаемъ, слушая ихъ, головную боль. Я бывалъ не разъ и въ Лондонской и въ Парижской оперѣ, слушалъ Россини и Мейербера; я желаю отдать себѣ отчетъ въ моихъ впечатлѣніяхъ и слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ. Признаюсь, я предпочитаю наши простые туземныя мелодіи всѣмъ произведеніямъ вашихъ лучшихъ художниковъ въ Европѣ. Первые мнѣ вполнѣ доступны, а вторыхъ я вовсе не понимаю, и онѣ также мало меня трогаютъ какъ и наши національныя напѣвы васъ. Но оставая всякіе „напѣвы“ въ сторонѣ, скажу вамъ что не только наши предки, но даже и предки Китайцевъ, конечно не уступаютъ вамъ, Европейцамъ, если не въ инструментальной техникѣ, то въ музыкальной „технологіи“ и особенно въ отвлеченныхъ понятіяхъ о музыкѣ.

— Арійскіе народы древности быть-можетъ и не уступаютъ намъ, но допустить то же самое въ Туранской расѣ Китайцевъ трудно, спорилъ нашъ президентъ.

— Но музыка природы была вездѣ первою ступенью къ музыкѣ искусства. Мы предпочитаемъ первую, и поэтому держимся ея вѣками. Наша музыкальная система есть величайшее искусство, если—извините этотъ кажущійся парадоксъ—избѣгать всего искусственнаго; то-есть она отвергаетъ въ своихъ мелодіяхъ всѣ звуки не входящіе въ реестръ *жизненныхъ* голосовъ въ природѣ. Китайцы именно этого-то и не дѣлаютъ. Китайская система, напримѣръ, содержитъ въ себѣ восемь главныхъ звуковъ служащихъ какъ бы камертономъ для всѣхъ другихъ происходящихъ отъ главнаго звука тоновъ, которые и классифицированы подъ именами ихъ родоначальниковъ. Эти восемь звуковъ суть: *металлъ, камень,*

шамъ, балбука, тѣва, глиняная посуда, коужа, дерево. Поэтому у нихъ являются: металлическіе, деревянные, глиняные, тыквенные, кожаные, каменные, бамбуковые и деревянные тоны. Такимъ образомъ и мелодія у нихъ не можетъ быть никакой, а выходитъ одинъ сумбуръ: ихъ музыка состоитъ изъ перелутанныхъ серій отдѣльныхъ нотъ. Ихъ императорскій гимнъ, напримѣръ, есть рядъ однихъ длинныхъ, безконечно вытягиваемыхъ звуковъ въ унисонъ. Но у насъ все своеобразно и самобытно; мы, Индусы, обязаны нашею музыкой одной живой природѣ, а не неодушевленнымъ предметамъ. Мы, въ высшемъ значеніи этого слова, пантеисты; поэтому и музыка наша, такъ-сказать, *пантеистическая*. Но вѣсть съ тѣмъ она и въ высшей степени научная. Съ самой колыбели человечества аріискіе народы, вышедшіе первыми изъ младенчества, стали прислушиваться къ голосамъ природы и нашли что обѣ, мелодія и гармонія, соединяются лишь въ одной нашей великой матери. Въ ней нѣтъ ни фальшивыхъ, ни искусственныхъ нотъ, и вотъ человекъ, вѣнецъ ея созданія, пожелалъ подражать ея звукамъ. Въ совокупности всѣ эти звуки (по единодушному показанію вашихъ же физиковъ) сливаются въ *одинъ тонъ*, который мы слышимъ, когда умѣемъ прислушиваться, въ неумолкаемомъ шелестѣ листья большихъ лѣсовъ, въ журчаніи водъ, въ ревѣ океана и бури, и даже въ отдаленномъ гулѣ большихъ городовъ. Этотъ тонъ—средній F, основной тонъ во всей природѣ. Въ нашихъ мелодіяхъ онъ намъ служитъ исходною точкой которую мы воспроизводимъ съ первой ноты и вкругъ которой группируются всѣ прочія. Замѣтивъ что верхнія, нижнія и среднія ноты имѣютъ каждая своего типическаго представителя въ животномъ царствѣ; что козель, лавинъ, быкъ, попугай, лягушка, тигръ, слонъ и т. д. имѣютъ, каждый изъ нихъ, свою особенную ноту, наши предки стали прислушиваться, и нашли что всякая изъ этихъ нотъ соотвѣтствуетъ одному изъ *семи главныхъ тоновъ*. Такъ была открыта и основана *октава*. На подраздѣленія же и размѣръ ихъ навели сложные звуки такъ же животныхъ.

— О вашей древней музыкѣ, отвѣтилъ полковникъ,—и о томъ, изобрѣли ли что въ музыкѣ ваши предки или нѣтъ я конечно ничего не знаю. Но признаюсь, слушая лѣтніе вашихъ современныхъ Индусовъ, я никакъ бы не могъ заподозрить ихъ въ знакомствѣ съ какою бы то ни было музыкой.

— Это потому что вы еще никогда не слышали настоящаго льва. Позжайте въ Пуу и посмотрите „Гайанъ-Самаджъ“ *, и только тогда мы возобновимъ этотъ разговоръ. До тѣхъ лоръ напрасно спорить...

— Музыка древнихъ Аріійцевъ, внезапно вмѣшался бабу за честь своей родины,—растеніе допотопное и почти исчезнувшее изъ Индіи, но все же достойное полагая вниманія и изученія. Это вполнѣ доказано теперь моимъ соотечественникомъ, раджей Сурендронафъ-Тагоромъ **, который, по признанію лучшихъ музыкальныхъ критиковъ Англіи, твердо установилъ права древней Индіи „считаться матерью музыкальной науки“. Каждая школа—итальянская, нѣмецкая и древне-арійская—родилась въ свой особенный періодъ, развивалась въ своемъ исключительномъ климатѣ и при совершенно различной обстановкѣ. И какъ всякая изъ этихъ школъ имѣетъ свою особенность, а для своихъ послѣдователей и прелесть, такъ и наша школа не представляетъ собою исключенія. Только въ то время какъ вы, Европейцы, приучены къ мелодіямъ запада и хорошо знакомы съ вашими школами, наша музыкальная система, какъ и многое что другое въ Индіи, вамъ еще совершенно неизвѣстна. Поэтому, осмѣливаюсь заявить что вы, полковникъ, и судить о ней не имѣете права...

— Не горячись, бабу. Всякій имѣетъ право если не судить, то спрашивать о незнакомомъ ему предметѣ, иначе онъ никогда и не узнаетъ истины... Еслибы, продолжалъ Такуръ,—музыка Индусовъ принадлежала (какъ говоритъ бабу) къ столь же мало отдаленной отъ насъ эпохѣ какъ и европейская, соединяя въ себѣ притомъ, какъ послѣдняя, всѣ выработанныя въ разные эпохи и различными музыкальными системами достоинства, то быть-можетъ знатоки и любили бы и лучше оцѣнили бы ее. Но наша музыка принадлежитъ къ доисторическимъ временамъ. За исключеніемъ равнѣ древнихъ Египтянъ (которые, если судить по двадцати-струнной арфѣ найденной Брюсомъ въ одной изъ Фивскихъ

* По всей Индіи устраиваются теперь музыкальныя общества для возрожденія національной древней музыки. Одно изъ нихъ Гайанъ-Самаджъ (*Gaian-Samaj*) въ Пууѣ.

** Раджа Сурендронафъ-Тагоръ—докторъ музыки, кавалеръ великаго множества почетныхъ орденовъ, между прочимъ, отъ короля Португальскаго и императора Австрійскаго, за свое сочиненіе „Музыка Аріійцевъ“.

гробницъ, были тоже посвящены въ музыкальныя таинства гармоніи), мы, Индусы, являемся единственнымъ знакомымъ съ музыкой народомъ въ тѣ еще времена когда всѣ другія націи на земномъ шарѣ боролись со стихіями за одно право своего существованія. Мы обладаемъ сотнями санскритскихъ рукописей о музыкѣ, никогда еще не переведенныхъ даже и на туземные языки. Въ глубокую древность этихъ трактатовъ (отъ 4.000 до 8.000 лѣтъ) мы Индусы, несмотря на всѣ отрицательные доводы вашихъ ориенталистовъ, вполне вѣримъ и будемъ упорствовать въ этой вѣрѣ, ибо мы ихъ читали и изучали, а европейскіе ученые ихъ пока и въ глаза не видали. Такихъ трактатовъ написанныхъ въ разные и самыя отдаленныя эпохи у насъ много, и всѣ они согласуются въ своихъ показаніяхъ доказывая намъ явнѣе для что въ *Индіи музыка была уже известна и приведена въ систему когда современныя цивилизованныя націи жили еще на западѣ Европы какъ дикія племена.* Но все это не даетъ намъ однако права требовать чтобы вамъ, Европейцамъ, нравились наша музыка къ которой не приучены ваши уши и духа коей вы не способны пока еще понять... Мы можемъ до нѣкоторой степени объяснить вамъ ея технику, дать вамъ нѣкоторое понятіе о ней какъ о наукѣ; но создать въ васъ то что Аріиды называли *Ракти*, или способность человеческой души воспринимать и очаровываться совокуhlenіями различныхъ звуковъ въ природѣ—альфа и омега нашей музыкальной системы—никто не можетъ, какъ не могутъ заставить и насъ уливаться мелодіями Беллини.

— Но почему же? горячился полковникъ:—и что это за тайная сила такая въ вашей музыкѣ которую способны понять одни вы, Азіаты? Если мы съ вами развѣдемся въ цвѣтѣ кожи, то вѣдь за то нашъ органическій механизмъ одинъ и тотъ же. Другими словами, та физиологическая конструкція костей, крови, нервъ, жилъ и мускуловъ изъ которой состоитъ Индусъ, имѣеть столько же частей связанныхъ одна съ другою по совершенно такому же плану или модели какъ и живой механизмъ известный подъ именемъ Американца, Англичанина или всякаго другаго Европейца. Оба являясь на свѣтѣ изъ одной и той же мастерской природы имѣють одно начало, какъ одинъ и тотъ же ковецъ; физиологически говоря, мы дулаикаты другъ друга...

— Физиологически — да, и даже психологически, еслабья

только не вмѣшивалось между нами воспитаніе которое, что ни говори, выворачиваетъ природу человѣка въ ту или другую сторону, измѣняя не только умственное, но и душевное направленіе его: въ цвѣтѣ случаевъ совершенно погашая въ немъ божественную искру, въ другихъ—раздувая и даже превращая ее въ неугасимый маякъ, служащій путеводною звѣздой его умственныхъ способностей на всю жизнь.

— Такъ. Но все же это едва ли можетъ имѣть такое сильное вліяніе на физиологію уха.

— Ошибаетесь опять. Если въ физическомъ или скорѣе въ физиологическомъ отношеніи разсматриваемый какъ человѣческая машина Индусъ ничѣмъ не развится отъ Европейца, то, вслѣдствіе совершенно своеобразнаго воспитанія, въ умственномъ и психическомъ, особенно въ психическомъ отношеніи, оба діаметрально отаичаются одинъ отъ другаго, представляя какъ бы два различные вида въ природѣ. Вспомните лишь насколько цвѣтъ лица, сложеніе, способность къ произрожденію, жизненность и всѣ наследственные качества чисто физическихъ отправленияхъ измѣняются со временемъ вслѣдствіе климатическихъ условій, лица и обиходной обстановки человѣка (новѣйшая научная маска вашихъ матеріалистовъ, если не ошибаюсь, для удобнѣйшаго игнорированія болѣе отвлеченныхъ тайвъ бытія), и вы получите отвѣтъ на вашъ вопросъ. Примѣните этотъ самый законъ постеленнаго перерожденія уже не къ физическому, а чисто психическому элементу въ человѣкѣ, и вы узрите тѣ же результаты. Измѣняя воспитаніе души, вы измѣняете ея способности. Тамъ гдѣ она прежде наслаждалась усматривая нѣчто вполнѣ недоступное иначе воспитанной душѣ, она уже не чувствуетъ ничего кромѣ скуки и предъ нею является одинъ хаосъ... Вы, напримѣръ, вѣрите, — и вѣрите лишь на основаніи доказаннаго вѣковымъ опытомъ,—что гимнастика, укрѣпляя мускулы, не только развиваетъ тѣло человѣческое, но и способна какъ бы переродить его; мы же, Индусы, идемъ одною ступенью выше: мы вѣримъ, вслѣдствіе тысячелѣтнихъ опытовъ и объективныхъ демонстрацій, что существуетъ гимнастика и для души какъ для тѣла. Это наша тайна, тайна униженныхъ, поработенныхъ одною животною силою Индусовъ, и проникнуть въ эту тайну мы не позволимъ никому, кромѣ горсти избранныхъ, но она можетъ быть доказана вамъ въ свое время...

Что постепенно одаряетъ глазъ морака зрѣніемъ орла, акробата ловкостью и силой обезьяны, бойца — желѣзными мускулами? Упражненіе и одинъ навыкъ, скажете вы. Такъ почему же не предположить такую же способность и въ душѣ человѣка какъ въ его тѣлѣ? Развѣ только потому что современная наука или совсѣмъ отвергаетъ душу, не допускаетъ и не признаетъ въ ней отдѣльной отъ тѣла личности?...

— Полно, Такуръ. Вы-то ужь должны бы знать что я вѣрю какъ въ душу, такъ и въ ея безсмертіе...

— Мы вѣримъ въ безсмертіе *духа*, а не души... Впрочемъ это неидетъ къ дѣлу. Итакъ, вы должны согласиться что упражненіемъ всякая дремающая въ душѣ человѣческой способность можетъ быть доведена до высшей точки своей силы и дѣятельности, равно какъ вслѣдствіе неупотребленія и отвычки каждая такая способность можетъ и заглохнуть, и даже окончательно исчезнуть. Природа такъ ревнива къ своимъ дарамъ что въ нашей власти систематически развивать или убивать въ нашихъ лотомкахъ—и даже въ продолженіе весьма немногихъ поколѣній—какой угодно физической или умственный даръ, просто вслѣдствіе одного упражненія или полнаго пренебреженія...

— Но вѣдь этимъ вы все-таки не объясняете мнѣ тайной прелести вашихъ національныхъ мелодій.

— Къ чему входить въ подробности когда вы сами должны видѣть что мое объясненіе есть общій ключъ къ разрѣшенію не только вашего вопроса, но и міриады другихъ задачъ? Ухо Индуса пріучено вѣками схватывать одинъ родъ комбинацій слуховыхъ волнъ или атмосферическихъ вибрацій, а ухо Европейца привыкло къ другому роду; поэтому гдѣ душа перваго наслаждается, тамъ душа послѣдняго не чувствуетъ ничего, а уши страдаютъ. Я могъ бы на этомъ и остановиться, такъ какъ объясненіе кажется столь же просто какъ оно и понятно; но желаю пробудить въ васъ нѣчто болѣе чувства удовлетвореннаго любопытства. То что я вамъ сказалъ разъясняетъ тайну лишь съ ея физиологической стороны. Оно является столь же понятнымъ какъ и фактъ что мы, Индусы, безнаказанно вдимъ на примѣръ каждый день цѣлыми горстами пряности, отъ одной крошки копъ у васъ могло бы сдѣлаться чуть не воспаленіе въ кишкахъ. Наши слуховые нервы, въ началѣ времени тождественные въ своихъ

способностяхъ съ вашими, переродились въко-
ваго упражненія и сдѣлались столь же отличными отъ ва-
шихъ какъ и цвѣтъ нашей кожи и наши желудки. Прибавь-
те къ этому что глазъ нашихъ кашмирскихъ ткачей, му-
щивъ и женщивъ, отличается способностью различать ровно
300 тѣнами болѣе нежели глазъ Европейца,—это по показа-
нью вашихъ ученѣйшихъ физиковъ и лионскихъ фабрикан-
товъ,—и всякій пойметъ какъ легко разъясненіе кажущейся
проблемы. Навыкъ, законъ наслѣдія, все что угодно... Но
вы, прибывъ изъ Америки изучать Индусовъ и ихъ рели-
гію, никогда не поймете послѣдней, если прежде не научи-
тесь знать какъ тѣсно, какъ почти неразрывно связаны всѣ
ваши науки не съ современнымъ, конечно, ортодоксальнымъ,
невѣжественнымъ браманизмомъ, а съ философіей нашей
первобытной религіи Ведъ.

— Но что же, напримѣръ, музыка имѣетъ общаго съ Ве-
дами?...

— Многое—почти все. Какъ то было у древнихъ Егип-
тявъ и Китайцевъ, такъ и у насъ: всѣ звуки въ природѣ, а
потому и музыка находилась въ прямой связи съ астроно-
міей и математикой, то-есть съ планетами, знаками зодіака,
съ солнечнымъ и луннымъ теченіемъ и съ числами; а осо-
бенно съ тѣмъ въ самомъ существованіи чего ваши ученые
еще не совсѣмъ увѣрены, съ *аказой* или эфиромъ простран-
ства. Ученіе о „музыкѣ сферъ“ родилось здѣсь, а не въ Гре-
ціи, или Италіи, куда его ввезъ Пифагоръ лишь по окончаніи
своихъ занятій съ гимнософистами Индіи. И конечно луч-
ше кого бы то ни было, и до, и послѣ него, зналъ этотъ ве-
ликій философъ—единственный изъ западныхъ мудрецовъ,
открывшій до Коперника и Галилея гелиоцентрическую си-
стему міру—насколько малѣйшій звукъ въ природѣ зави-
ситъ отъ *аказы* и ея соотношеній. Одна изъ четы-
рехъ Ведъ, „Самма Веда“, вся состоитъ изъ лѣній. Это—
собраніе гимновъ и *мантръ* лѣтыхъ во время жертвоприно-
шеній „богамъ“, то-есть стихійнымъ силамъ. Понятно что
при знакомствѣ съ естествознаніемъ (а наши древніе жрецы
если и не были знакомы съ естественными науками по но-
вѣйшимъ методамъ химіи и физики, за то знали много та-
кого до чего современные ученые еще не добрались), жрецы
подчасъ и заставляли стихійныхъ „боговъ“ или слѣзныя силы
природы отвѣчать ихъ молитвамъ различными знаменіями.

Въ этихъ *мантрахъ* каждый звукъ, малѣйшій переходъ разчитанъ и имѣеть свое значеніе; а имѣя причинность, долженъ имѣть конечно и свое дѣйствіе. „Ученіе о звукѣ, говоритъ профессоръ Лесли, есть безспорно самое неудовимое, тонкое и сложное изъ всей серіи физическихъ наукъ“. А если кто когда уловилъ въ полномъ совершенствѣ это ученіе, то конечно это древніе „риши“, наши философы и святые, оставившіе намъ въ наслѣдство Веды...

— Я теперь начинаю лучше понимать откуда взялось начало всѣхъ мифологическихъ сказокъ греческой древности, задумчиво проговорилъ полковникъ.—Басни о свирѣли бога Пана и его „сиринксѣ“, семи-тростниковой дудкѣ, о фавнахъ, сатирахъ и даже о лирѣ самого Орфея... Я знаю что древніе Греки имѣли мало понятія о гармоніи, и, конечно, не ихъ ритмическія декламации въ драмахъ (вѣроятно, никогда не доходившія даже до высоты современнаго, самаго простаго речитатива), поддерживаемыя слабою лирой да свирѣлю Пана, могли когда-либо внушить имъ мысль о всечарующей лирѣ Орфея. Я сильно начинаю склоняться ко мнѣнію многихъ изъ нашихъ извѣстныхъ филологовъ и ученыхъ. Подозрѣваю что Орфей, самое имя коего *ὄρφος* или *ὄρφνός*, то есть темнокожій, свидѣтельствуеетъ что даже между смуглыми Греками онъ считался еще смуглѣе ихъ самихъ,—выходецъ изъ Индіи. Такова было мнѣніе Лампріера и нѣсколькихъ другихъ...

— Ваше подозрѣніе быть-можетъ перейдетъ и въ дѣйствительность когда-нибудь. Нѣтъ никакого сомнѣнія что самый высокій и чистый изъ музыкальныхъ стилей древности принадлежитъ Индіи. У насъ всѣ наши легенды приписываютъ магическое вліяніе музыкѣ, какъ дару и наукѣ прямо ниспосланнымъ на землю богами. И хотя мы вообще приписываемъ всѣ искусства небесному откровенію, но музыка стоитъ во главѣ всѣхъ прочихъ. Изобрѣтеніе *сина*, инструмента въ родѣ вашей гитары, принадлежитъ Нарадѣ, сыну Браммы. Вы будете очень смѣяться если я вамъ скажу, напримеръ, что наши древніе *ундгатри* (лѣвчіе жрецы), обязанностью коихъ было служить при *адани* (жертвоприношеніи), знали кое-что изъ невѣдомыхъ тайвъ естества въ такомъ совершенствѣ что посредствомъ извѣстныхъ имъ комбинацій производили, безо всякаго фокуса, замѣтьте, явленія которыя во времена невѣжества принимались за проявленіе сверхъ-

естественной силы. Явленія производимыя „удгатри“ и „радждж-югами“ для посвященныхъ *исполнѣ естественныя*, сколько бы они ни казались чудесными непосвященнымъ.

— Но развѣ вы... совѣзмъ, такъ-таки совѣзмъ не вѣрите въ нашихъ духовъ? приставала къ нему миссъ Б***. Она сильно любивалась Такура.

— Если позволите, *совѣзмъ* не вѣрю.

— А... въ медиумовъ?...

— Еще менѣе, уважаемая леди. Но въ медиумизмъ, для котораго у насъ существуетъ исконовъ вѣка другое названіе— *бхута-дакъ*, въ буквальномъ переводѣ „постоялый дворъ для чертей“ *, вѣрю, какъ и во всякую другую психическую болѣзнь. О настоящихъ медиумахъ сожалею: стараюсь имъ помочь, когда могу; а шарлатановъ глубоко презираю, рѣдко пропуская случай изобличить такихъ...

Предо мною промелькнула сцена въ притонѣ вѣдьмы у „мертвого города“, катящійся съ горы пойманный браманъ-оракулъ и бѣгство старухи. Теперь для меня стало ясно то чего я прежде не понимала: Нараянъ дѣйствовалъ по приказанію Такура...

— Наши *анга-тигне*, продолжалъ послѣдній,—или „одержимыя“ этою невѣдомою для непосвященнаго „силой“, въ которой спириты видятъ духовъ, суевѣрные видятъ чорта, скептики—фокусъ и обманъ, а настоящіе ученые—не открытую, еще наукой силу природы, всегда почти слабыя женщины или дѣти. Вы стараетесь еще болѣе развивать въ такихъ ихъ страшную душевную болѣзнь, мы же ищемъ сласти ихъ отъ этой „силы“ о которой вы ничего не знаете и о которой поэтому не стоить теперь рассуждать... Мы, сыны Индіи, десять вѣковъ находимся въ неволѣ у разныхъ и часто не стоящихъ насъ народовъ... Но покорившія насъ націи покорили только наши тѣла, не насъ самихъ. ** Съ

* Слово „дакъ“—трактиръ, постоялый дворъ, а „бхута“ злая душа умершаго человека которой вслѣдствіе ея грѣховъ преграждена дорога въ *локшу*—небесную обитель—и которая присуждена скитаться на землѣ. Въ философіи Индусовъ нѣтъ „чертей“ или падшихъ ангеловъ.

** *Ведантинны* или послѣдователи философской системы *Санкарачарьи*, говоря о себѣ, рѣдко употребляютъ слово „я“, а говорятъ на примѣръ: „это тѣло пошло“, „эта рука взяла“ и т. д., во всемъ

нашими душами имъ никогда не справиться! *Маава-рупа* * настоящего Арии—свободна какъ самъ Брамъ; скажу болѣе: для насъ, въ нашей религи и философи онъ—нашъ духъ—и есть самъ Брами, выше котораго стоитъ одинъ невѣдомый, вездѣсущій и всемогущій духъ Парабрама. Нашей „маавы-рупы“ не покорить ни Англичавамъ, ни даже вашимъ „духамъ“. Ей никогда не быть рабой... А теперь пойдемте спать.

касающемся физическихъ или автоматическихъ дѣйствій человѣка. „Я“, „онъ“ употребляется ими лишь касательно умственныхъ отправленій. „Я думаю“, „я желаю идти“ и пр. Тѣло въ ихъ глазахъ—одна шелуха, наружная оболочка внутренняго, невидимаго человѣка, который и есть настоящій „я“.

* „Маава-рупа“ буквально—тѣло иллюзии или *Майя*, настоящій его; „Кама-рупа“—тѣло желанія или *воли*, произвольно создаваемое нашимъ сильнымъ желаніемъ (обладающимъ творческою силой по понятіямъ Индусовъ)—двойникъ нашъ, который и является тамъ куда желаніе посылаетъ его. При жизни такихъ внутреннихъ тѣлъ у человѣка де столько же сколько въ луковицѣ кожицъ—каждое нѣжнѣе и тоньше, и каждое носитъ свое особенное названіе, какъ обладающее полною независимостью отъ тѣла. Послѣ де смерти, когда земной жизненный принципъ умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, всѣ эти внутреннія тѣла соединяются во единое тѣло и, смотря по заслугамъ, либо поставлены на стоабовую дорогу къ *мокши*, на которой до окончательнаго освобожденія отъ оковъ матеріи бесчисленное множество „станцій“, и тогда такая душа зовется *дева* (божественною); или же она дѣлается *бхута*—злой душой, и мучится на землѣ между скитаніемъ въ невидимомъ мірѣ и трансмиграціей въ разныхъ нечистыхъ животныхъ. Въ первомъ случаѣ,—*дева* не станетъ сообщаться съ живыми. Единственная нить связывающая ее съ землей—загробная привязанность къ тѣмъ кого она любила и надъ кѣмъ она простираетъ свое влганіе и покровительство и послѣ смерти. *Любовь* переживаетъ всѣ другія земныя чувства, и *дева* можетъ являться любимымъ людямъ во снѣ, или иллюзіей (*Майя*) на секунду, и не иначе, такъ какъ тѣло *девы* начинаетъ постепенно, съ минуты освобожденія изъ земныхъ оковъ, измѣняться: съ каждымъ переходомъ изъ одной сферы въ другую она теряетъ кое-что изъ своей объективности, дѣлаясь все неуловимѣе. Она де рождается, живетъ и умираетъ въ каждой новой сферѣ или *локѣ*, которая становится все субъективнѣе и чище; а въ переходныхъ состояніяхъ она „дремлетъ въ акашѣ“—въ эфирѣ. Наконецъ, освобождаясь отъ послѣдняго земнаго помышленія и грѣха—она становится *ничьимъ* въ вещественномъ смыслѣ. Она потухаетъ какъ пламя, и слившись въ одно съ Пара-

XXXII.

Оставивъ Мальву и „независимую“ (?) территорію Холькара въ сторонѣ, мы скорѣ опять очутились въ чисто британскихъ владѣніяхъ, на желѣзной дорогѣ къ Джалельпuru и Аллахабаду. Въ первомъ городѣ мы останавливались, всего на

брамой живетъ въ вѣчности живнію духа, о которой ни наши матеріальныя концепціи, ни языкъ не въ состояніи создать себѣ представленія. Но „вѣчность“ Парабрамы не есть „вѣчность“ души. Последняя, по выраженію *Веданты*, есть вѣчность въ *вѣчности*. Насколько ни была бы живая души святою, но такъ какъ она имѣла свое начало и свой конецъ, то и заслуги, какъ и грѣхи ея, не могутъ награждаться или наказываться „вѣчностью Парабрамы“. Это было бы противно справедливости, „несоразмѣрно“—говоритъ философія *Веданты*. „Одинъ духъ живетъ въ вѣчности, не имѣетъ ни начала ни конца, ни окраинъ, ни границъ, ни центральной точки“. Дева живетъ въ Парабрамѣ, какъ калая воды въ океанѣ, до будущаго возрожденія міра изъ *пралайи* (периодически наступающей хаосъ, разрушеніе или скорѣе исчезновеніе всѣхъ міровъ изъ области объективности). Съ новымъ великимъ цикломъ—*маавіуэ*, она отдѣляется отъ „вѣчнаго“, притягиваемая живнію въ объективныхъ мірахъ, какъ калая воды притягивается солнцемъ и конкретируется по обратной дорогѣ на землю, изъ сферы въ сферу, пока снова не опустится въ грязь нашей планеты, и пройдя малый циклъ, снова не начнетъ подыматься на противоположной сторонѣ круга. Такъ она возвращается въ *вѣчности* Парабрамы, переходя отъ одной концепціональной меньшей вѣчности въ другую. Каждая изъ этихъ „человѣческихъ“, то-есть доступныхъ уму, вѣчностей состоитъ де изъ 4.320.000.000 лѣтъ объективной и столькожъ же субъективной жизни въ Парабрамѣ (гдѣ индивидуальность души, по ученію *Веданты*, вовсе не исчезаетъ, какъ то полагають нѣкоторые европейскіе ученые), то-есть всего 8.640.000.000 лѣтъ. Эта цифра достаточна, по ихъ понятіямъ, какъ для искупленія самыхъ ужасныхъ грѣховъ, такъ и для пожинанія плодовъ добрыхъ дѣлъ такого скоропреходящаго періода какъ жизнь человѣческая. Однѣ души *блуждаютъ*, когда въ нихъ угасаетъ послѣдняя искра раскаянія и желанія загладить грѣхи, *истаряются* подъ конецъ. Тогда ихъ божественный, неумирающій духъ, отдѣляясь отъ души навсегда, возвращается къ своему первоначальному источнику, душа разбивается на свои примордіальные атомы и *Ego* погружается во мракъ вѣчнаго безсознанія. Ея личность пропадаетъ. Такова философія *Веданты* касательно духовнаго человѣка. Поэтому Индусы и не вѣрятъ въ возвратъ духовъ на землю, кромѣ случаевъ *блуждаютъ*.

нѣсколько часовъ, взглянуть на знаменитыя „мраморныя скалы.“ Не желая потерять цѣлый день, мы отправились на лодкѣ, выѣхавъ въ два часа ночи, избѣгнувъ такимъ образомъ жары и совершивъ великолѣпную прогулку на рѣкѣ за десять миль отъ города.

Джабельпуръ (на территоріи Саугора и Нербудды, въ 222 миляхъ отъ Аллахабада), городъ находившійся когда-то на махратской, а теперь на британской землѣ, отнять Англичанами у Махратовъ въ 1817 году. Какъ и всегда, они получили его скорѣе хитростью нежели силой. Хотя они и хвастаются въ своей „исторіи Индіи“ будто въ день 19 декабря 1817 года генераль Гардеманъ, во главѣ только 1.000 человекъ Англичанъ, разбилъ на голову 10.000 войска Махратовъ—армію раджи Наглурскаго, убивъ у нихъ *семь тысячъ человекъ*, отнявъ девять лушекъ и захвативъ весь лагерь, тогда какъ у Англичанъ оказалось убитыхъ *всего два человека* и *десять раненыхъ*; * но преданіе разказываетъ дѣло иначе. Подъ предлогомъ переговоровъ, вожди Махратовъ были приглашены Англичанами на пиръ; офицеры подложили ихъ какимъ-то зельемъ, въ то время какъ солдаты совершали ту же операцію надъ рядовыми непріятеля. Такимъ образомъ они успѣли ихъ перебить полусонныхъ, и завладѣли городомъ. Эта исторія, за правдивость коей не поручусь, такъ какъ она является уже слишкомъ неправдоподобною и мерзкою, была намъ передана полукастрикомъ Португальцемъ (Eurasian), отецъ коего, по его словамъ, былъ очевидцемъ оной. Она была имъ разказана не въ видѣ охулки на Англичанъ, но съ нѣкоторою даже гордостью, какъ бы въ видѣ хвалебнаго гимна своимъ *компатриотамъ* „Европейцамъ“, которые, какъ я уже не разъ упоминала, презираютъ полукастриковъ еще сильнѣе нежели Индусовъ, а послѣдніе возвращаютъ имъ презрѣніе съ жидовскими процентами.

Окрестности Джабельпура прелестны и представляютъ величайшій интересъ для любителей естествознанія. Предъ геологомъ и минералогомъ здѣсь является обильнѣйшее поле для ученыхъ изысканій въ необыкновенномъ разнообразіи формацій горъ, доставляющихъ всевозможные роды гранита, а длинный рядъ скалистыхъ горъ способенъ удовлетворить

* См. исторію территорій приобретенныхъ Остъ-Индскою Компаніей *Ed. Thornton.*

сотню Кьюве, задавъ имъ работы на цѣлую жизнь. Известныя пещеры Джабельнур—настоящій костякъ допотопной Индіи: онѣ переполнены остовами чудовищныхъ, нынѣ вымершихъ звѣрей.

Но далеко въ сторонѣ отъ прочихъ хребтовъ и совершенно особнякомъ стоятъ „мраморныя скалы“—игра природы какихъ въ Индіи не мало. На довольно плоскомъ, поросшимъ густымъ кустарникомъ берегу Нербудды, ни съ того ни съ сего, какъ бородавка на гладкой щекѣ матери-природы, вдругъ вырастаетъ странной формы длинный рядъ бѣло-снѣжныхъ скалъ. Но какія это скалы!.. Бѣлая и чистая, словно отшлифованная въ калпривную форму свою рукой человеческою, онѣ прихотливо громоздятся одна на другой, скорѣе походя на колоссальныя прессъ-пальцы съ этажерки Титана нежели на скалы. Уже съ подорожи, при извилистыхъ поворотахъ рѣки, онѣ стали минутами появляться намъ, то выглядывая, то снова скрываясь, дрожа въ предразсвѣтномъ туманѣ какъ далекій обманчивый миражъ на небосклонѣ пустыни, пока наконецъ совсѣмъ не скрылись. Но вотъ предъ самымъ восходомъ солнца онѣ снова и совершенно неожиданно явились нашимъ очарованнымъ глазамъ, явились вдвойнѣ, на берегу и въ рѣкѣ. Подобно заколдованному замку, вызванному по маговенію волшебнаго жезла кудесника, онѣ вдругъ выросли словно изъ-подъ земли на зеленомъ берегу Нербудды, отражаясь какъ въ зеркалѣ во всей своей дѣйственной красѣ на спокойной поверхности лѣнивыхъ, сонныхъ водъ рукава рѣки, вѣя на насъ и тѣнью, и прохладою... А какъ дорого каждое мгновеніе предразсвѣтной прохлады въ Индіи—знаютъ лишь тѣ кто лобывался, да пожилъ въ этой огненной странѣ.

Увы! какъ ни рано отправились мы въ путь, но по приѣздѣ къ скаламъ намъ не долго пришлось наслаждаться ихъ прохладою. Едва успѣли мы причалить къ волшебному берегу, предполагая среди этой поэтической обстановки прозаически напиться чаю, какъ взошло солнце и разомъ стало словно стрѣлять своими огненными лучами и по лодкѣ, и по нашимъ злополучнымъ головамъ; преслѣдуя насъ изъ угла въ уголъ, оно наконецъ выгнало насъ даже изъ-подъ нависшей надъ водою скалы. Изъ снѣжно-бѣлыхъ мраморныхъ красавицъ превратились въ золотисто-пурпуровыхъ, осылая рѣку огненными брызгами, раскалая прибрежный песокъ и

ослѣпая намъ глаза... Не даромъ преданіе указываетъ, а народъ видитъ въ нихъ не то жилище, не то превращеніе самой *Кали*, самой жестокой изъ богинь индійскаго пантеона. Въ теченіе уже многихъ *тэговъ* злобная супруга Шивы ведетъ ожесточенную войну со своимъ благовѣрнымъ, который подъ видомъ „Трикутшвары“ (трехголоваго Линги) предъявляетъ незаконныя права на скалы и рѣку, патронессой коихъ состоитъ его богиня, Кали.

Потому-то, вѣроятно, каждый разъ какъ дерзновенная рука ни въ чемъ неповинныхъ, работающихъ въ правительственныхыхъ каменоломняхъ кули (Индійцевъ) отсѣчетъ кусокъ бѣлаго бедра богини, тотчасъ раздаются откуда-то словно подземные крики. И вотъ злополучный каменщикъ дрожитъ и колеблется между боязнью надсмотрщика и ожиданіемъ мести кровожаднаго божества. Кали, патронесса не только скалъ, но и *эксъ-тэговъ*—удавителей, которые еще недавно наводили ужасъ на всѣхъ одинокихъ путниковъ. Много безкровныхъ жертвъ принесли эти *тэги* на мраморномъ алтарѣ Кали; страна изобилуетъ ледяными кровью разказами объ ихъ страшныхъ подвигахъ, совершенныхъ будто бы въ честь богини. Эти разказы, еще слишкомъ свѣжіе въ памяти людской чтобы перейти въ разукрашенныя легенды, совершенно правдивы, тѣмъ болѣе что они вполне подтверждаются официальными документами судебныхъ и слѣдственныхъ комиссій.

Если Англія когда-нибудь оставитъ этотъ край (а она сдѣлаетъ это не прежде чѣмъ кость будетъ совершенно обглодана), то между немногими оказанными ею странѣ услугами на первомъ планѣ должно будетъ поставитъ полное искорененіе *тэгияма*. Подъ этимъ названіемъ, какъ всѣ еще вѣроятно помнятъ, практиковался въ продолженіе болѣе 200 лѣтъ самый хитрый и ужасный родъ челоуѣкоубійства въ Индіи. Какъ дознались наконецъ въ сороковыхъ годахъ, то было разбойничество ради грабежа. Извращенныя попятія о значеніи Кали являлись лишь ловкимъ предлогомъ: въ этомъ случаѣ богиня служила злодѣямъ одною ширмой. Иначе какимъ же образомъ объяснить присутствіе столькихъ мусульманъ въ средѣ ея поклонниковъ - Индусовъ? Большинство между „рыцарями *румала*“ или священнаго платка, коимъ удавливали жертвъ, явились въ день расправы магометане; самыми знаменитыми между ихъ вождями были не Индійцы, а сыны пророка, какъ напримѣръ Ахмедъ, такъ

что въ числѣ послѣднихъ тридцати семи переловленныхъ полиціей *тѣговъ* находились *двадцать два* мусульманина. Помянуто что религія послѣднихъ, не имѣя ничего общаго съ богами Индіи, не играла въ этомъ случаѣ никакой роли: побудительною причиною былъ попросту грабѣжъ. Правда, окончательный обрядъ посвященія въ *тѣгизмъ* * былъ совершаемъ въ лѣсахъ предъ ужаснымъ, покрытымъ чотками изъ человѣческихъ череповъ идоломъ Бавани. ** До того времени *тѣгъ* проходилъ курсъ ученія, состоявшій въ преподаваніи особенно труднаго приема набрасывать на шею невѣдущей своей судьбы и заранѣе отмѣченной жертвы румаль и душилъ человѣка такъ чтобъ онъ умеръ мгновенно, не испустивъ и малѣйшаго стога. Въ этомъ обрядѣ посвященія, роль которую приписывали богинѣ обозначалась извѣстными символами, въ родѣ тѣхъ которые во всеобщемъ употребленіи у франмасоновъ: какъ напримѣръ, обнаженный кинжалъ, черепъ и даже воскрешаемый „гросмейстеромъ“ ложи трулъ убитаго Гирана Абифа, „сына вдовы“. Каки служила не болѣе какъ сценическою обстановкой для другихъ цѣлей. *Тѣгизмъ* былъ тѣмъ же франмасонствомъ, съ особенными знаками взаимнаго распознаванія, паролемъ и своимъ неловкатымъ нелосвященному жаргономъ—только съ преступною цѣлью; между тѣмъ франмасонство въ нашъ вѣкъ есть совершенно безвредное (кромѣ развѣ для кармаговъ самихъ масоновъ) время прелрожденіе. Какъ масонскія „ложи“ принимаютъ безразлично атеистовъ и христіанъ, такъ и тѣги принимали воровъ и разбойниковъ всѣхъ націй, и даже говорятъ будто между ними бывали Англичане и Португальцы.

Бѣдный, поэтически Шива, несчастная Бавани! Какую гнусную роль изобрѣло для нихъ народное невѣжество, олицетворивъ эти глубоко философскіе, полные поэзіи и познанія природы, тилы! Шива, въ своемъ первобытномъ значеніи—въ одно и то же время всеокушающая и всевозмещающая сила природы. Тріада Индусовъ—аллегорическое представленіе главныхъ стихій: огня, земли и воды. Всѣ трое: Брама, Вишну и Шива, въ своихъ различныхъ фазисахъ, попеременно изображаютъ эти стихіи; но Шива богъ огня

* Слово „тѣгъ“ (thag) означаетъ просто воръ или разбойникъ.

** Другое имя той же богини: тѣга звали ее *Бавани*.

гораздо болѣе чѣмъ Вишну: онъ сожигаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очищаетъ, возрождая какъ фениксъ изъ пепла новыя, полныя свѣжей жизни формы. Шива-*Сункара* разрушитель и Шива-*Ракиака*—возродитель. Онъ представляется съ пламенемъ на лѣвой ладони и съ жезломъ умерщвленія и вмѣстѣ воскресенія (*Судайютамэ*) въ правой рукѣ. Его поклонники носятъ на лбу, между бровями, его знакъ: три параллельныя горизонтально проведенныя линіи, и рисуютъ его распушеною въ водѣ золой (остатки перегорѣвшихъ въ огнѣ веществъ), называемою у нихъ *субутси* (очищенное вещество). Цвѣтъ кожи Шивы желто-розовый, переходящій въ пламенно-красный, а его шея, голова и руки обвиты змѣями—эмблемами вѣчности и постояннаго возрожденія. „Какъ змѣя вылѣзаетъ изъ старой кожи и является въ новой, такъ и человѣкъ умирая появляется въ другомъ, болѣе чистомъ тѣлѣ“, говорятъ *Пураны*... Въ свою очередь, жена, Кали—аллегорическое представленіе земли Шивы—оплодотворяемой пламенемъ солнца... Если поклонники ея позволили убѣдить себя въ томъ что она должна любить человѣческія жертвы, то это только потому что земля любитъ де органическую тѣнь удобряющую ее и помогающую ей возрождать изъ стараго отжившаго пепла новыя и свѣжія силы. Шиваиты, сожигая своихъ покойниковъ, ставятъ у головы костра Шиву; но собравъ пепелъ и разсыпая оный по водѣ и землѣ, они призываютъ увѣчанную черелами Кали, дабы богиня приняла въ нѣдра свои очищенный священнымъ огнемъ пепелъ и развила въ немъ новыя зародыши жизни. Но какой истины не исказить подъ конецъ грубое суевѣріе невѣжества! И вотъ такимъ-то образомъ извращенная эмблема попала въ руки разбойниковъ—тѣговъ. Но, по ихъ понятіямъ, богиня требуя человѣческихъ жертвъ, въ то же время ненавидитъ кровь: они рѣшили убивать—не пачкая рукъ.

Мы посѣтили одного древняго старика, бывшаго тѣга. Отбывъ свой срокъ на Андаманской каторгѣ, онъ вслѣдствіе искреннихъ сознаний и какихъ-то услугъ правительству былъ прощенъ. Вернувшись въ родную деревню, онъ теперь безмятежно кончаетъ дни занимаясь веревочнымъ мастерствомъ, профессія выбранная имъ вѣроятно въ силу пріятныхъ воспоминаній объ удачѣ юности. Онъ посвящалъ насъ въ искусство „тѣгизма“, сперва въ теоріи, а затѣмъ любезно предложилъ, если мы купимъ ему барана, показать намъ

свою ловкость и на практикѣ. Онъ желалъ доказать намъ, говорилъ онъ, какъ легко, мѣнѣ чѣмъ въ три секунды, отправить на тотъ свѣтъ живое существо: вся тайна искусства заключается въ ловкой и быстрой игрѣ суставами пальцевъ правой руки. Чуть бывало раздастся условный и роковой крикъ совы (птица посвященная Бавани-Кали), будь тамъ хоть двадцать ловко замазанныхъ въ западню лутяиковъ—за каждымъ изъ нихъ стоялъ уже тѣгъ. Одна секунда, и *ружаль* уже на шеѣ жертвы, а привычные желѣзные пальцы тѣга крѣпко держатъ оба конца „священнаго платка“; еще мгновение—суставы пальцевъ, сдавливая шейную кость, совершали извѣстный артистическій поворотъ—и жертва падала бездыханною! Ни стога, ни крика... Тѣга поражали съ быстротой молніи. Задушеннаго тотчасъ же уносили въ заранѣ приготовленную въ лѣсу, часто подъ русломъ ручьевъ или временно высыхающихъ рѣкъ, глубокую яму и зарывали ее. Слѣдъ такъ и простывалъ. А тридцать лѣтъ тому назадъ, когда еще не было ни настоящихъ желѣзныхъ дорогъ, ни системы управленія вывѣшней, кто зналъ или безпокоился объ исчезновеніи отправившагося въ путь мусульманина, либо Индуса, кромѣ развѣ самыхъ близкихъ къ нему людей? Къ тому же, страна наполнена тиграми, какъ видно предначиненными судьбой отвѣчать за свои и за чужіе грѣхи. Кто бы ни исчезъ, бывало все одинъ отвѣтъ: „тигры съѣли!“

То была удивительно искусно организованная система! Ловкіе сообщники, брамавы, рыскали по всей Индіи, заѣзжая преимущественно въ большіе города, разспрашивая и разузнавая на базарахъ—этихъ общественныхъ клубахъ азіатскихъ народовъ—когда и куда кто отправляется въ путь; стращали лутяиковъ тѣгами и совѣтовали ѣхать съ такой или другой партіей—переодѣтыхъ тѣговъ конечно. Услѣвъ заманить несчастныхъ, они предупреждали разбойниковъ и получали за эту комиссію смотря по заработку. Долго эти неуловимыя, невидимыя шайки, разсѣяныя по всей странѣ и работающія партіями отъ 10 до 60 человекъ, гуляли на волѣ, но наконецъ лопались. Слѣдствіе открыло ужасныя, отвратительныя тайны: къ этимъ шайкамъ принадлежали богатые бандиры, брамавы-жрецы, мелкопомѣстные раджи и даже нѣсколько англійскихъ на государственной службѣ чиновниковъ. За эту услугу Остъ-Индская Компанія во истину заслуживаетъ народной благодарности въ Индіи.

Барана мы старому разбойнику не купили, а денегъ ему дали. Изъ благодарности онъ предложилъ было подковнику показать, на собственной его американской шеѣ, всѣ преличительныя ощущенія *румалля*, обѣщая конечно избавить его отъ послѣдней, знаменитой „подвертки“. Но нашъ президентъ великодушно отказался...

На обратномъ пути мы остановились возлѣ „Муддунъ-Махала“ — другаго безпричиннаго куріоза: это домъ построенный неизвѣстно кѣмъ и для чего, на огромномъ округленномъ валуѣ. Этотъ камень (должно-быть съ родни *кроммеламъ* кельтійскихъ друидовъ) при малѣйшемъ къ нему прикосновеніи *качается со остъ стороны*, вмѣстѣ съ домою и тѣми кто въ него полюбобитствуютъ залѣзть. Мы конечно полюбобитствовали, и только благодаря бдительности ходившихъ за нами какъ нѣжныя няньки Нараяна, бабу, да Такура, сохранили въ цѣлости наши носы...

Удивительный народъ эти туземцы! Не думаю чтобы нашла въ природѣ такая штука на которой бы они не могли усидѣть съ величайшимъ комфортомъ, только предварительно и слегка побалаансировавъ. Вспрыгнетъ Индусъ на колышекъ, на желѣзную перекладину немногимъ толще телеграфной проволоки, подогнетъ подъ нее всѣ десять пальцевъ цѣлкихъ и длинныхъ какъ у обезьянъ ногъ, присядетъ на корточки, да и сидитъ себѣ по цѣлымъ часамъ...

— Саламъ, Саабъ! говорю я разъ сидѣвшему на подобіе вороны на какой-то жердочкѣ, у взморья, почтенному нагому старичку.—Что покойно тебѣ сидѣть, дяденька?... И не боишься свалиться?...

— Зачѣмъ валиться?... серьезно отвѣчалъ „дяденька“, сплунувъ въ сторону кровавый фонтанъ разжеваннаго бетеля.—Вѣдь я не дышу, Мэмъ Саабъ!...

— Какъ не дышешь? Да развѣ можетъ человекъ не дышать? вопрошала я, немного ошеломленная такимъ свѣдѣніемъ.

— Нѣтъ... не дышу телерь. А вотъ минуту черезъ пять какъ стану снова набирать воздухъ въ легкія, такъ тогда и полпридержусь рукой за столбъ... А затѣмъ я снова стану сидѣть спокойно и не дыша...

На этомъ необычайномъ физиологическомъ заявленіи мы съ нимъ тогда и расстались. Ничего не добились мы болѣе отъ почтеннаго старичка, а только ушли съ внутреннимъ

убвжденіемъ что онъ могъ бы зарабатывать большія деньги на любомъ театрѣ Европы какъ акробатъ. Но этотъ случай разомъ перелуталъ всѣ наши „научныя“ соображенія.

Мы недавно слышали что *юги* и другіе практиканты *гунта-сидхи* (тайной священной науки) въ Индіи славятся тѣмъ что открыли секретъ не дышать отъ 21 до 43 минутъ сразу и—все-таки не умирать! Нѣкоторые изъ нихъ, годами ежедневной, постоянной практики, приобрѣтаютъ такъ-сказать свойство *гибертизаціи*: впадаютъ какъ нѣкоторыя животныя въ спячку и, оставаясь въ такомъ положеніи безъ дыханія и даже малѣйшихъ признаковъ жизни, позволяютъ зарывать себя въ землю на нѣсколько недѣль, даже мѣсяцевъ, а затѣмъ—оживаютъ!... Мы наконецъ сами увидали подобную штуку; но во дни куріознаго отвѣта полученнаго мною отъ старика мы были знакомы съ этимъ явленіемъ только по книгамъ и разказамъ очевидцевъ—лущественниковъ, да нѣкоторыхъ изъ нашихъ туземныхъ знакомыхъ. Правда, по показанію одного англійскаго хирурга Котола (*Coathope*), долго не вѣрившаго этой способности прекращать на время дыханіе, но наконецъ сдавшася, какъ онъ выражается, „предъ фактомъ“,—однѣй такой, лично ему извѣстный *югъ* могъ оставаться безъ дыханія отъ семи до двѣнадцати минутъ. А вѣдь физиологія положительно учитъ что даже у здоровыхъ арабскихъ и сивгалезскихъ водолазовъ удушеніе наступаетъ не позднѣе какъ черезъ полторы, много двѣ минуты полнаго пребыванія тѣла подъ водой. Затѣмъ, хотя нѣкоторые изъ насъ вѣрили въ существованіе природныхъ, но затаянныхъ въ человѣкѣ силъ, вызываемыхъ только вслѣдствіе особеннаго „режима“, о которыхъ наука, имѣвшая доселѣ чрезвычайно поверхностное знакомство съ *югами* и индійскими „заклинателями“, знать еще не могла; другіе, какъ миссъ Б***, вѣрили въ спиритизмъ, а третьи, какъ У***, не вѣрили ни во что;—но всѣ мы какъ вѣрующіе, такъ и невѣрующіе протестовали противъ такого страннаго заявленія. Неужели же намъ вѣрить въ подобныя глупости? разсуждали мы. До сихъ поръ мы наивно воображали что только однѣй осетръ съ К^о догадался, съ цѣлью удобѣвшаго выплыванія на поверхность воды, дѣлаться относительно легче наглатываясь сколько возможно болѣе воздуха и наполняя имъ не только брюхо, но въ добавокъ и плавательный пузырь. Осетру это возможно, но человѣку! Да если, поло-

жизнь, и для человека существуетъ въ исключительныхъ случаяхъ такая возможность дѣлать воздушные заласы, то все же это рѣдко и трудно приобретаемый даръ: употребляетъ же его для сидѣнія на жердахъ по-птичьи—просто ни съ чѣмъ несообразная глупость.. Мы рѣшили что старецъ прихвастнулъ, вѣроятно чтобы посмѣяться надъ „бѣлыми саабами“. Но необходимый процессъ для такого оригинальнаго сидѣнія, какъ мы узнали позднѣе, онъ описалъ вѣрно.

Въ тѣ дни, однако, мы даже немного обижались подобными объясненіями, принимая ихъ за насмѣшку. Но вотъ опять, и на этотъ разъ въ Джабельлурфъ, намъ пришлось увидать явленіе еще „лучше.“ Проходя по берегу рѣки, вдоль такъ-называемой „факирской аллеи“, Такуръ намъ предложилъ завернуть во дворъ лагоды. Это мѣсто священно, и Европейцевъ туда не пускаютъ какъ и мусульманъ. Но Гулабъ-Сингъ поговорилъ съ главнымъ браманомъ, и мы вошли. Дворъ былъ половъ поклонниковъ и аскетовъ, и между прочими мы замѣтили трехъ, совершенно голыхъ и весьма древнихъ факировъ. Черные, сморщенные, худые какъ скелеты, съ сѣдыми какъ лунь шиньфонами на головахъ, они сидѣли или скорѣе стояли въ самыхъ, какъ намъ показалось, *невозможныхъ* позахъ. Одинъ изъ нихъ, опираясь *буквально одною правою ладонью въ землю*, стоялъ перпендикулярно вытянувшись головой внизъ и ногами вверхъ: тѣло его было такъ же неподвижно какъ еслибы вмѣсто живаго человека онъ былъ сухимъ древеснымъ сучкомъ. Голова не касалась земли, но приподымаясь немного вверхъ въ самомъ ненормальномъ положеніи, закатывая глаза, таращила ихъ прямо на солнце. Не знаю, правду ли или нѣтъ говорили словоохотливые, подошедшіе къ нашей компаніи городскіе обыватели, увѣрявшіе будто этотъ аскетъ проводить въ подобной позѣ всѣ дни жизни своей отъ полудня до солнечнаго заката. Но знаю одно: мы провели съ факирами ровно *часъ и двадцать минутъ*, и во все это время факиръ не пошевельнулъ ни однимъ мускуломъ!..

Другой стоялъ на одной ногѣ, на кругломъ, верхка въ три въ діаметрѣ камешкѣ, называемомъ ими „священнымъ камнемъ Шивы,“ поджавъ другую ногу подъ животомъ и выгнувъ все тѣло назадъ дугой; онъ тоже таращилъ глаза на полуденное солнце. Обѣ руки были сложены ладонями вмѣстѣ и воздвигались какъ бы въ молитвѣ... Онъ казался

приклеиваемъ къ своему камешку. Почти невозможно было вообразить себѣ какимъ способомъ человекъ могъ дойти до такой эквилибристики...

Наконецъ, третій сидѣлъ поджавъ подъ себя ноги; но какъ онъ могъ сидѣть—было столь же непонятно. Сѣдалищемъ ему служилъ каменный *лингамъ*, вышиной съ уличную тумбу, но толщиной не болѣе окружности камешка Шивы, то есть вершка въ три, много четыре въ діаметрѣ. Руки сидѣшаго были переплетены пальцами за шею, а ногти глубоко вросли въ верхнія части рукъ.

— Этотъ никогда не измѣняетъ позы, говорили намъ.— Онъ сидитъ въ этомъ положеніи уже лѣтъ семь...

— Но какъ же онъ ѣсть? спрашивали мы въ недоумѣніи.

Ему приносили ѣсть—или скорѣе пить—молока, разъ въ 48 часовъ, изъ лагоды, вливая оное ему въ горло посредствомъ бамбука. Его ученики (всякій такой аскетъ имѣетъ своихъ добровольныхъ слугъ, кандидатовъ на святость) снимаютъ его въ полночь и полощутъ въ тактъ; а обмывъ, *ставятъ* назадъ на тумбу, какъ неодушевленную вещь, ибо онъ болѣе не разгибается.

— Ну, а эти? спрашивали мы, указывая на двухъ другихъ.—Вѣдь они должны постоянно ладать? Малѣйшій толчокъ долженъ опрокинуть ихъ?..

— Попробуйте... посоветовалъ намъ Такуръ:—пока человекъ находится въ состояніи *саммади* (религіозный трансъ) его можно разбить, разломать на куски какъ глинянаго идола, но сдвинуть съ мѣста его нельзя...

Дотрогиваться до аскета во время трансъ считается Индусами за святотатство; но видно Такуръ былъ хорошо знакомъ съ исключеніями „не въ примѣръ прочимъ“. Онъ опять вступилъ въ переговоры съ нахмуреннымъ сопровождавшимъ насъ браманомъ, и окончивъ быстрое совѣщаніе, объявилъ что изъ насъ никому не дозволяется трогать факира, но что онъ получилъ позволеніе, и покажетъ намъ то что еще болѣе удивитъ насъ. Съ этими словами приблизясь къ факиру на камешекъ и, осторожно взявъ его за костлявыя бедра обѣими руками, онъ приподнялъ его и поставилъ на землю немного въ сторонѣ. Въ тѣлѣ аскета не пошевелился ни одинъ суставъ, словно вмѣсто живаго человека то была бронзовая или каменная статуя. Затѣмъ онъ поднялъ камешекъ и показалъ намъ его, прося однакоже не дотроги-

ваться—дабы не оскорбить присутствующихъ. Камень былъ, какъ уже сказано, круглый, плосковатый и довольно неровный. Лежа на землѣ, онъ раскачивался при одномъ прикосновеніи пальца...

— Вы видите насколько не солиденъ этотъ избранный факиромъ льдесталь? И, однакоже, подъ тяжестью аскета камень остается неподвижнымъ, какъ бы вросая въ землѣю.

И взявъ снова факира на руки, онъ переставилъ его на прежнее мѣсто. Тотъ, несмотря на законъ тяготѣнія которое по всей очевидности должно было увлечь его далеко перегибающееся назадъ дугой туловище и голову, какъ будто мгновенно и вмѣстѣ съ камнемъ приросъ къ землѣ, не изменивъ положенія ни на одну линію. Какъ это они умудряются достигать такого искусства, про то знаютъ лишь, они одни. Я заявляю фактъ, а объяснять ничего не берусь.

У воротъ лагоды мы снова надѣли нашу обувь, которую намъ велѣли снять у входа, и вышли изъ этого *святимища* вѣковыхъ тайнъ смущенные болѣе чѣмъ до входа въ него. Въ „Аллеѣ факировъ“ мы нашли ожидающихъ насъ Нараяна, Мульджи и Бабу, которыхъ не влустила съ нами. Всѣ трое давно вырвались изъ желѣзныхъ когтей касты и открыто шли и шли съ нами, за каковое преступленіе ихъ и считали „отлученными“, презирая гораздо болѣе нежели самихъ Европейцевъ. Ихъ присутствіе въ лагодѣ осквернило бы навсегда ея святость, тогда какъ оскверненіе внесенное нами было лишь временное: оно испарялось какъ капля грязной воды подъ лучомъ солнца, въ смрадѣ зажженного по выходѣ нашемъ коровьяго навоза—этого обычнаго у брамановъ „*оуміама очищенія*“.

Индія страна неожиданностей; даже для обыкновеннаго наблюдателя все въ ней съ точки зрѣнія Европейца происходитъ шиворотъ на выворотъ: отъ мотанья головой которое всюду понимается какъ жестъ *отрицанія*, а здѣсь означаетъ полное *утвержденіе*, до обязанности хозяина выпроваживать самаго пріятнаго гостя, который, иначе, просидитъ цѣлую недѣлю на своемъ мѣстѣ и пожалуй даже умретъ съ голоду, но не уйдетъ безъ приглашенія,—все здѣсь противорѣчитъ нашимъ западнымъ идеямъ. Спрашивать, напримѣръ, о здоровѣ жены, даже если она и знакома съ вами, или сколько у человѣка дѣтей, и есть ли у него сестры,—верхъ оскорбленія. Здѣсь, когда вы находите что гостю время уходить, вы

кролите его розовою водою, и повѣсивъ ему на шею гирлянду цвѣтовъ, любезно указываете на дверь приговаривая: „Телеръ я прощаюсь съ вами... Заходите опять!“ Странный, оригинальный народъ вообще; но еще страннѣе и непонятнѣе ихъ религія... За исключеніемъ нѣкоторыхъ отвратительныхъ обрядовъ извѣстныхъ сектъ, да злоупотребленій со стороны брамановъ, религія Индусовъ должно-быть имѣеть въ себѣ нѣчто глубоко и непонятно привлекательное, если она способна свращать съ пути истины даже Англичанъ. Вотъ что, напримѣръ, случилось здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ:

Появилась одна интересная и чрезвычайно ученая, хотя по содержанію своему переворачивающая вверхъ дномъ всю современную науку, брошюра. Она была написана по-англійски и напечатана въ небольшомъ изданіи полковнымъ докторомъ медицины и хирургіи Н. С. Полемъ въ Бенаресѣ. Слава Поля какъ ученаго спеціалиста по физиологіи была велика между его соотечественниками Англичанами: онъ одно время считался авторитетомъ въ медицинскомъ мірѣ. Брошюра трактовала о видѣнныхъ докторомъ между аскетами примѣрахъ „спячки“, продолжавшейся въ одномъ случаѣ восемь мѣсяцевъ, о *саммади* и другихъ явленіяхъ производимыхъ *іогами*. Появившись подъ заглавіемъ „Трактатъ о философіи *Іогъ-Види*“, эта брошюра разомъ взбудоражила представителей европейской медицины въ Индіи и возбудила яростную полемику между англо-индійскими и туземными журналистами. Др. Поль провелъ 35 лѣтъ въ изученіи невѣроятныхъ, но для него совершенно несомнѣнныхъ фактовъ „іогизма“. До *радждъ-іоговъ* онъ никогда не могъ добраться, и съ большимъ прямушіемъ и видимымъ сожалѣніемъ сознается въ этомъ; но онъ вошелъ въ дружбу съ факирами и *свѣтскими* іогами, то-есть тѣми которые не скрываютъ своего сана и иной разъ соглашаются сдѣлать и Европейца свидѣтелемъ нѣкоторыхъ феноменовъ. Др. Поль не только описалъ самые странные свершавшіеся на его глазахъ факты, но даже и объяснилъ ихъ. *Левитация*, напримѣръ, нѣчто идущее совершенно въ разрѣзъ съ признанными законами тяготѣнія и противъ чего такъ возставалъ астрономъ Бабине, объясняется имъ научно. Но главное что помогло ему проникнуть въ нѣкоторыя, считавшіяся доселѣ непонимаемыми, тайны, это его горячая

дружба съ капитаномъ Сеймуромъ. Послѣдній, лѣтъ 25 тому назадъ, произвелъ въ Индіи, особенно въ арміи, безпримѣрный скандалъ: капитанъ Сеймуръ, богатый и образованный человекъ, принявъ браманскую вѣру и пошелъ въ *юги*! Его конечно объявили сумашедшимъ и поймавъ насильно отправили въ Англію. Сеймуръ бѣжалъ изъ Англіи и снова явился въ Индію, въ одеждѣ *самьязи*. Его схватили во второй разъ, посадили на пароходъ, привезли въ Лондонъ и заперли въ домѣ умалишенныхъ. Черезъ три дня, несмотря на заморы и часовыхъ, онъ исчезъ изъ заведенія. Его потомъ снова встрѣтили знакомые въ Бенаресѣ, а губернаторъ получилъ отъ него письмо изъ Гималайскихъ горъ. Въ письмѣ онъ объявлялъ что никогда не былъ сумашедшимъ, не взирая на то что былъ посаженъ въ больницю; онъ совѣтовалъ генералу не мѣшаться болѣе въ его частныя дѣла и говорилъ что никогда уже не вернется въ цивилизованное общество. „Я *югъ* (писалъ онъ) и надѣюсь умереть не ранѣе какъ достигнувъ цѣли моей жизни: сдѣлаться *радъжъ-югомъ*“. Генералъ не ловялъ, но махнулъ рукой. Съ тѣхъ поръ никто изъ Европейцевъ уже не видалъ его, никто кромѣ Др. Поля, который, говорятъ, переписывался съ нимъ до самой своей смерти и даже два раза ѣздилъ въ Гималаи—*ботанизировать*. Главный инспекторъ медицинскаго департамента, взирая на сочиненіе Поля какъ „на прямую лощечиную науку въ лицѣ физиологій и патологій“, приказалъ скулить по дорогой цѣнѣ отъ частныхъ лицъ всѣ вышедшіе экземпляры и принести ихъ въ жертву этой наукѣ предавъ публичному сожженію. Брошюра вслѣдствіе этого стала рѣдкостью. Изъ нѣсколькихъ спасенныхъ книгъ, одна находится въ библиотекѣ махараджи Бенаресскаго, а одинъ экземпляръ Такуръ подарилъ мнѣ.

Поѣздъ въ Аллахабадъ отправлялся въ 8 часовъ вечера, и намъ приходилось провести всю ночь и до 6 часовъ утра въ дорогѣ. Хотя у насъ былъ свой десятиместный вагонъ I класса, въ которомъ не было мѣста для постороннихъ лицъ, однако, по разнымъ причинамъ, я была увѣрена что не усну во всю ночь. Поэтому заранѣе запасшись свѣчами для ручнаго фонаря, я приготовлялась преступить желѣзнодорожный законъ и читать всю ночь интересовавшую меня брошюру Др. Поля. Часа за полтора до отъѣзда мы отправились всѣ гуртомъ отобѣдать за общимъ столомъ въ *Refreshment*

Roost, то-есть въ буфетъ дебаркадера. Наше появленіе произвело видимое впечатлѣніе: мы занимали съ четырьмя Индусами весь край стола за которымъ находилось человекъ пятьдесятъ первоклассныхъ пассажировъ таращившихъ на насъ удивленные, полные нескрываемого презрѣнія, глаза. Европейцы братающиеся съ Индусами!.. Индусы обѣдающие съ Европейцами!.. Сдержанный шепотъ сталъ переходить въ громкія восклицанія, и одна важная леди даже не вытерпѣла: встала изъ-за стола и ушла. Еслибы не внушительное присутствие несомнѣнно роднаго типа: Англичанъ У*** да миссъ Б***, и полковника котораго всѣ принимали за англійскаго офицера, навѣрно случился бы скандалъ. Къ Такуру подошли два Англичанина и пожавъ ему руку—тоже рѣдкое происшествіе—отвели его въ сторону какъ будто для дѣла, но въ сущности для удовлетворенія любопытства: они оказались его старыми знакомыми. На другихъ Индусовъ никто не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Здѣсь мы узнали въ первый разъ что за нами слѣдитъ полиція. Такуръ, указавъ на розоваго, съ длинными бѣлокурыми усами калитана въ бѣломъ кителѣ, быстро шепнулъ мнѣ: „остерегайтесь“... То былъ агентъ тайной полиціи изъ политическаго департамента, посланный вслѣдъ за нами изъ Бомбея. Услыхавъ это пріятное для насъ извѣстіе, полковникъ расхохотался на всю залу, что еще болѣе взволновало кушавшихъ Альбионцевъ. Мы узнали позднее что всѣ слуги отеля *обязаны* шпіонить. Но въ Индіи обычай—водить за собой всюду собственныхъ слугъ, даже на званые обѣды: поэтому и за нашими стульями торчало по одному Индусу, а за Такуромъ находились его четыре щитовосца и двое слугъ. Непріятель былъ такимъ образомъ совершенно отрѣзанъ этою арміею голоногихъ защитниковъ, и отельнымъ шпіонамъ оставалось мало шансовъ подслушать наши разговоры; да намъ къ тому же и нечего было скрывать. Но признаюсь на меня это извѣстіе подѣйствовало очень скверно. Наконецъ, этотъ непріятный обѣдъ кончился. Устроившись на ночь въ вагонѣ, я принялась за свою брошюру...

Между прочими интересными вещами, Др. Поль обстоятельно и весьма научно объясняетъ тайну періодически прекращаемаго *йогами* дыханія и нѣкоторыхъ другихъ, повидимому совершенно невозможныхъ феноменовъ, которые онъ наблюдалъ неоднократно собственными глазами. Его теорія „дыханія“ вкратцѣ слѣдующая:

Йоги открыли тайну и приобрѣли способность замелеона присваивать себѣ поочередно всѣ видимыя или кажущіяся условія полноты и худобы. Это животное, какъ извѣстно, наполнивъ легкія воздухомъ, то является весьма толстымъ, то вдругъ, освободясь отъ наполняющаго его воздуха, чрезвычайно щедушнымъ. Многія изъ пресмыкающихся получаютъ, этимъ же способомъ надуванія тѣла, возможность, по мѣрѣ являющейся надобности, переплывать большія рѣки, а посредствомъ остающагося, по окисленію крови, излишка воздуха, приобретаютъ чрезмѣрную живость вообще, какъ на сушѣ такъ и на водѣ. Способность заласаться большимъ количествомъ воздуха нежели то необходимо есть характеристическая черта всѣхъ животныхъ подвергающихся *гибернаціи* или *спячкѣ*. Древніе Индусы-философы, подмѣтивъ эту способность, воспользовались ею и усовершенствовали ее. Приѣмъ употребляемый *йогами*, извѣстный подъ именемъ „баштрика кумбхарка“, состоитъ въ слѣдующемъ:

Йоги желающіе приобрѣсть этотъ даръ удаляются въ подземныя пещеры, гдѣ атмосфера однообразнѣе и влажнѣе нежели на земной поверхности, и гдѣ, поѣтому, и позывъ на пищу гораздо слабѣе. Аллетитъ челоуѣка пропорціоналенъ количеству углекислоты выдыхаемоѣ въ извѣстный промежутокъ времени. Поѣтому *йоги* никогда не употребляютъ соли, а живутъ однимъ молокомъ, питааясь имъ разъ въ сутки по ночамъ, а дни проводятъ въ полукаталептическомъ состояніи. Двигаются они весьма медленно дабы какъ можно рѣже дышать: движеніе увеличиваетъ количество выдыхаемоѣ углекислоты; и вотъ философія *йоговъ* предписываетъ имъ *избѣгать движенія*.

Количество выдыхаемоѣ углекислоты увеличивается при громкомъ и оживленномъ разговорѣ и уменьшается при тихомъ: *йоги* учатъ говорить медленно и тихо, и часто заставляютъ давать обѣтъ молчанія. При *физическомъ* трудѣ количество углекислаго газа также возрастаетъ, а при *умственномъ* оно убываетъ: поѣтому *йоги* проводятъ жизнь въ созерцаніи и размышленіи. *Йоги* практикуютъ два рода методовъ: *наджазанна* и *сиддхазанна*, для возможно болѣе рѣдкаго дыханія. Вотъ что говорить „Шика-Дева“: *

* Извѣстный *йогъ* и чудодѣй II столѣтія до Р. X.

„Скрести объ ноги; выпрями крѣпко спину и шею, положи ладони на колѣни, задержи ротъ и начни сильно выдыхать воздухъ черезъ объ ноздри. Затѣмъ вдыхай и выдыхай съ возможною быстротой, пока не почувствуешь дурноты: тогда начни вдыхать въ себя воздухъ черезъ правую ноздрю, и наполнишь онаѣмъ легкія, тотчасъ же останови дыханіе и старайся смотрѣть на кончикъ носа. Затѣмъ выдыхай воздухъ черезъ лѣвую ноздрю, послѣ этого вдыхай снова черезъ правую. Останови опять дыханіе; прекратишь его начинай снова весь процессъ черезъ правую ноздрю“, и проч.

„Получивъ даръ практиковать вышеупомянутыя созерцательныя позиціи въ продолженіе двухъ часовъ кряду“, говоритъ Поль, „йоги начинаютъ практиковать *пранаяму* — степень самопроизвольнаго столбняка (*trance*), характеризуемаго обильною испариной, дрожаніемъ всѣхъ членовъ и чувствомъ необычайной легкости во всемъ организмѣ. Затѣмъ йоги практикуютъ *пратнахару* — степень самопроизвольнаго транса въ коемъ происходитъ полное бездѣйствіе (*suspension*) всѣхъ пяти чувствъ. За этою степенью йоги изучаютъ процессъ *дхараны* — степень произвольнаго столбняка въ которомъ не только ихъ физическія чувства, но даже и всѣ умственныя способности замираютъ: человекъ погружается въ полную каталепсію ума и тѣла. Этотъ столь обильный физическимъ страданіемъ и требующій самой твердой рѣшимости пріемъ доводитъ йоговъ до *дхьяны* — состоянія „полнаго невыразимаго блаженства“. По ихъ словамъ, они плаваютъ въ океанѣ вѣчнаго свѣта или электричества аказы (*Ананта Джйоти*, на который они и указываютъ какъ на „Душу Вселенной“). Въ состояніи *дхьяны* йоговъ дѣлается ясновидящимъ. *Дхьяна* йоговъ — то же что *турія - авастха* ведантистовъ, къ которымъ принадлежатъ *раддхъ-йоги*.

„*Самадди* — послѣдняя степень (продолжаетъ Поль). Въ этомъ состояніи йоговъ, подобно летучей мыши, ежу, сурку пріобрѣтаетъ даръ переносить отсутствіе атмосферическаго воздуха и лишеніе пищи и воды. Я лично наблюдалъ, въ продолженіе 25 лѣтъ, три случая *самадди*: первый случай въ Калькуттѣ, второй въ Джессельмирѣ, а третій въ Пенджабѣ. Всѣ три йога погрузились въ состояніе кажущейся смерти, герметически затыкая языкомъ своимъ горловое отверстіе. Какимъ образомъ Пенджабскій факиръ (о которомъ пишетъ Dr. Макъ - Грегоръ, ручаясь за

достоверность случая коего онъ былъ самъ очевидцемъ) могъ прожить безъ пищи 40 дней и ночей, зрытый въ стеклянномъ ящикѣ въ землю, это удивляло много ученыхъ людей въ Европѣ; но я видѣлъ случаи еще страннѣе. На основаніи *лагимы* и *гаримы* (запаса воздуха въ легкихъ, на маверъ хамелеона), одинъ мадрасскій браманъ въ моемъ присутствіи дѣржался на воздухѣ пять разъ отъ 4¹/₂ до 12 минутъ... Но все это лишь физическіе феномены производимые *хатти-югами*. Каждый изъ нихъ подлежитъ изслѣдованію естественныхъ или физическихъ наукъ, и всегда интересовалъ меня гораздо менѣе феноменовъ изъ области психологіи. И со всѣмъ этимъ мнѣ въ этомъ отношеніи не посчастливилось въ Индіи. Изъ числа трехъ встрѣченныхъ мною въ теченіе 35лѣтней моей карьеры въ Индіи *радужъ-юговъ*, ни одинъ не рѣшился открыть мнѣ малѣйшей изъ приписываемыхъ имъ великихъ тайнъ природы, не взирая на ихъ ко мнѣ расположеніе. Одинъ напрямикъ отказался отъ приписываемаго ему могущества; другой откровенно сознался что обладаетъ такимъ могуществомъ и даже не разъ доказывалъ мнѣ оное на дѣлѣ, но отказался ото всякаго по этому поводу объясненія. Наконецъ, третій согласился кое-что объяснить мнѣ если я ему поклонюсь никогда и никому не объявлять того что отъ него узнаю, даже и на смертномъ одрѣ. Такъ какъ въ этомъ случаѣ моею единственною цѣлью было желаніе просвѣтити погрязшій въ невѣжествѣ и атеизмѣ міръ, то, признаюсь, я отказался. А даръ *радужъ-юговъ* несравненно интереснѣе и въ тысячу разъ важнѣе для міра нежели феномены *хатти-юговъ*. Этотъ даръ чисто психическій: *радужъ-юги* къ знанію *хатти-юговъ* присоединяють всю скѣлу умственныхъ феноменовъ. Приписываемые имъ дары, по крайней мѣрѣ въ священныя книги, слѣдующіе: 1) даръ пророчества и предвидѣнія грядущихъ событій; 2) пониманіе всѣхъ незнакомыхъ имъ языковъ; 3) цѣленіе недуговъ; 4) искусство читать чужія мысли; 5) слышать разговоры и все происходящее за нѣсколько тысячъ миль; 6) пониманіе языка звѣрей и птицъ; 7) *прокамія*—способность останавливать руку времени, сохраняя юношескую наружность въ продолженіе долгаго, почти невѣроятнаго періода времени; 8) способность оставлять собственное тѣло и переходить въ другое; 9) *вазитва*—даръ укрощать и даже убивать самыхъ дикихъ звѣрей *однимъ взглядомъ*; и наконецъ, самое ужасное—месмерическая

сила вполнѣ подчиняющая себя людей и однимъ дѣйствиємъ воли заставляющая ихъ бессознательно повиноваться невыраженнымъ приказаніямъ іоговъ.“

Нѣсколько изъ уломянутыхъ феноменовъ Поль видѣлъ и убѣдился въ ихъ объективной реальности; дѣйствительности же другихъ,—„видѣвъ такъ много столь же непоятнато“, по его словамъ, если не вѣрить, то и не отрицаетъ. Но за то онъ вполнѣ ручается, это за то, что іогъ можетъ по желанію прекращать и задерживать дыханіе до 43 минутъ и 12 секундъ...

О наука!.. Неужели и ты, какъ все прочее, одна суета суетъ? Физиологія, въ лицѣ Дг. Лефевра и цитующаго его другаго доктора медицины, члена Королевскаго Общества и въ добавокъ вице-президента Королевскаго Общества Медиковъ, ученаго Суэна Тейлора, увѣряетъ насъ что „еще ни одинъ живой водолазъ, кто бы онъ ни былъ, не выдерживалъ полнога затопленія тѣла болѣе *двухъ минутъ сряду*“. А самъ авторъ добавляетъ что пока человѣкъ не рыба, совершенно немислимо чтобъ онъ могъ выдержать въ водѣ даже *полминутую долге**.

Стало-быть тутъ разсуждать нечего: наука рѣшила, и не намъ легковѣрнымъ профанамъ противорѣчить ей. Но несомнѣнно что въ Европѣ ровно ничего еще не знаютъ ни о пріемахъ іоговъ, ни о средствахъ употребляемыхъ съ самыхъ древнихъ временъ философами Индіи для постепеннаго такъ-сказать „перерожденія“ всего человѣческаго организма. Стало-быть, въ этомъ по крайней мѣрѣ случаѣ, все что наши ученые физиологи имѣютъ право заявить ограничивается приблизительно слѣдующимъ: „Явленія жизни которыя мы изучали, изслѣдуя ихъ подъ *извѣстными* намъ, такъ-называемыми нормальными и ненормальными условіями, мы изучили хорошо и вполнѣ ручаемся за правильность нашихъ выводовъ...“ Однако почему бы, кажется, имъ тутъ же не прибавить: „Но, не имѣя претензіи увѣрять міръ въ нашемъ полномъ знакомствѣ со всѣми неизвѣстными какъ и извѣстными силами природы, существующими или же могущими развиться при неизвѣстныхъ еще намъ условіяхъ, мы не имѣемъ поѣтому и права преграждать кому-либо стремленія

* The Principles and Practices of medical jurisprudence by A. Swains-Taylor, M. D F. R. S. etc. Vol II, 1873, p. 5.

къ болѣе смѣлымъ изслѣдованіямъ въ области до которой мы сами по великой нашей осторожности (а подчасъ и нравственной трусости) еще не дошли, стремленія къ открытію вышшихъ, хотя и рѣдкихъ явленій въ человѣческой природѣ. Не осмѣливаясь утверждать будто человѣческій организмъ совершенно неспособенъ къ развитію въ немъ трансцендентальныхъ способностей проявляющихся лишь при особенныхъ, часто и неизвѣстныхъ еще наукѣ условіяхъ, мы не желаемъ и ограничивать нашихъ изслѣдователей одними нашими научными открытіями...“

Произнеся столь благородную и вмѣстѣ скромную рѣчь, гг. физиологи (не исключая и нашего зубастаго Dr. Карпентера) разомъ заслужили бы благодарность потомства. Ихъ ученые коллеги, не опасаясь болѣе прослыть (не взирая на всѣ предшествующія великія ихъ заслуги въ наукѣ) за невѣряемыхъ, влвшихъ въ дѣтство, легковѣрныхъ субъектовъ, принялись бы изслѣдывать всѣ таковыя явленія серьезно и безпристрастно, а не „подъ шумокъ“, какъ это дѣлается теперь цѣлыми, изъ боязни чтобъ ихъ не накрыли на мѣстѣ преступленія. Всѣ феномены „спиритизма“ перешли бы тогда изъ области матеріализующихся „тещей“ и „бабушекъ“, да бабьяго гадавія, въ область чисто психо-физиологическихъ наукъ, и пресловутые „духи“ по всей вѣроятности испарались бы. Неглѣпный же и ужь конечно „не отъ міра сего“ духъ сталъ бы и болѣе доступнымъ, и болѣе понятнымъ человѣчеству. Оно лишь тогда уяснило бы себѣ гармонію цѣлаго, усмотрѣвъ какъ тѣсно, неразрывно связанъ міръ видимый съ міромъ невидимымъ. Но, какъ весьма глубоко выразился одинъ изъ уважаемыхъ русскихъ ученыхъ, профессоръ Бутлеровъ, „все это подлежитъ знанію, увеличеніе же массы знанія можетъ только обогащать, а не упразднять науку. Нужно чтобъ это совершилось въ силу строгаго наблюденія, изученія, провѣрки опытомъ, чтобы пришли къ нему руководясь *положительными научными методами*, также какъ приходятъ къ признанію каждаго явленія природы. Мы зовемъ не къ слѣпому вѣроятію, по примѣру давно прошедшихъ лѣтъ, а къ знанію; не къ отреченію отъ науки, а къ расширенію ея области...“

Тогда и Геккель съ эволюціонистами, и Алфредъ Россель Уоллесъ со спиритуалистами, оба изъявили бы полное удовольствіе. Ибо что же въ самомъ дѣлѣ мѣшаетъ человѣку

имѣть два принципа въ своемъ началѣ: одинъ чисто-духовный, другой чисто-животный принципъ? Право, не подобаетъ даже и вамъ, великіе ученые, стараться остановить „вліяніе Плеядъ“, предлагая себѣ въ путеводители хотя бы даже „*Актуру* съ сыновьями“. Неужели никогда не случилось вамъ примѣнить къ вашей собственной умственной гордости вопросы нѣкогда предлагавшіеся „голосомъ изъ вихря“ много-страдальному Іову? Хотя вы и умудрились поймать *левиа-сана* въ лучивѣ морской, продернувъ ему крючокъ въ носъ, но все же, говоря словами Книги Іова, „развѣ вы присутствовали при построеніи основъ міра сего, и отверзались ли когда предъ вами врата смерти“ чтобы такъ увѣренно утверждать что *здесь*, а не *тамъ*... „обитель вѣчнаго свѣта“?...

— Алахабадъ!... Алла-ха-бадъ!... раздался крикъ кондукторовъ. Было шесть часовъ утра когда нашъ поѣздъ шія и раскачиваясь, съ грохотомъ подошелъ къ великолѣпному дебаркадеру Остѣ-Индской желѣзной дороги, и разомъ разсѣялъ мои думы. Всѣ мои слутники проснулись и засуетились, всѣ кромѣ Такура, который имѣлъ обыкновеніе исчезать на станціяхъ, словно проваливаться сквозь землю. Но мы уже свыклись съ его оригинальными выходками и даже не осѣдомились о немъ. На станціи насъ ожидалъ профессоръ санскритскаго языка—ландитъ Сѣндеръ Лалль-Баттачарія, въ домъ коего мы всѣ и были приглашены. Красивый, дородный мушкетеръ, съ мускулистыми голыми ногами, гордо драпирующійся въ красную расшитую золотомъ кашмировую шаль, и съ яркимъ *пѣггери* на длинныхъ черныхъ волосахъ; таковъ былъ нашъ хозяинъ. Здѣсь тилъ совершенно измѣняется. Не видать болѣе бритыхъ махратскихъ головъ, увѣчаныхъ шлемообразными тюрбанами. Длинные волосы, черныя бороды и дорогія шали вакинутыя на подобіе римскихъ тогъ, да шарфы на головахъ безо всякой опредѣленной формы бенаресскихъ ландитовъ перемѣшивались съ черными кафтанами à la François I простоволосыхъ Бабу и бѣлыми палочками сѣверныхъ Индусовъ. На дебаркадерѣ сповалъ капитанъ-шпіонъ, принимавшій насъ въ свою очередь за *русскими* шпіоновъ и воображавшій вѣроятно что надѣвъ синіе очки онъ сталъ неузнаваемъ. Но мы не обратили на него вниманія и тотчасъ же уѣхали въ приготовленныхъ коляскахъ домой.

Въ самомъ центрѣ туземнаго или „чернаго“ * Аллахабада, среди лабиринта улицъ, переулковъ и садовъ находится домъ пандита Сѣндеръ-Лалла-Баттачарип, куда онъ насъ всѣхъ и пригласилъ. Было всего восемь часовъ утра. Домъ исчезалъ въ роскошной зелени густыхъ тиковыхъ деревьевъ, и лучъ солнца, казалось, никогда не добирался до внутреннихъ обширныхъ и темныхъ комнатъ. Со всѣмъ этимъ, намъ разомъ стало невыносимо жарко. Въ началѣ апрѣля, до полудня, стояла 120градусная (по Фаренгейту) жара въ тѣни! Зной въ Северо-Западныхъ провинціяхъ, какъ и въ Раджистанѣ, совершенно отличенъ отъ жары бомбейской: въ центральной Индіи лоть льется градомъ съ человѣка, въ этой влажной горячей атмосферѣ чувствуешь себя словно въ русской банѣ; но въ Аллахабадѣ испарины не бываетъ, и этотъ городъ кажется созданнымъ самою природою для всемірской сушильни, начиная отъ муміелодобныхъ аскетовъ усвивающихся берега Ганги и Джумны и кончая саженымъ, испелеляющимъ при малѣйшемъ прикосновеніи руки ковылемъ. Тамъ восемь мѣсяцевъ въ году стоитъ сухой, какъ бы огненный жаръ, сожигающій вамъ всѣ внутренности, обжигающій съ каждымъ вдыханіемъ горло, иссушающій человѣка какъ палачій вътеръ пустыни до мозга костей его; во время такой жары остается лишь сидѣть не шевелясь и избѣгать всякаго движенія. Всѣ двери и окна на верандѣ и самыя веранды заставлены ставнями изъ сильно пахучей травы *кѣсъ-кѣсса*, обильно поливаемыми снаружи каждыя пять или десять минутъ водою. Комнаты затемнены до захода солнца, и заниматься чѣмъ-либо днемъ невыносимо Европейцу. ** Тотчасъ по пріѣздѣ мы усѣлись на коврахъ, и полулежа на мягкихъ подушкахъ изъ пальмоваго листа, боялись пошевелиться. Минутами вътерокъ, прорываясь сквозь мокрую ткань *кѣсъ-кѣсса*, вѣялъ намъ въ лицо ароматическою прохладою, а

* Всѣ города Индіи гдѣ только живутъ Англичане дѣлятся на *черный* и на *бѣлый* городъ. Въ послѣднемъ Индусамъ жить не дозволяется.

** До такой степени пропикнуты Англичане мертвою буквой формалистики своихъ національных вѣковыхъ обычаевъ что съ самыхъ первыхъ временъ своего устройства въ Индію до 1869 года они даже и не подумали, сообразуясь съ каиматическими

панки *, раскачиваясь безостановочно надъ нашими головами, разсѣкали душный воздухъ, дозволяя намъ хоть минутами вдыхать вмѣсто раскаленной атмосферы глотки искусственного воздуха...

Мы провели три дня въ Аллахабадѣ. Ровно въ три часа ночи мы отправлялись осматривать городъ и окрестности, и возвращались къ семи часамъ утра завтракать; затѣмъ бросались въ общей темной залѣ на ковры, подъ панки, и спали до четырехъ часовъ пополудни. Напившись чаю „со льдомъ“, отправлялись снова рыскать, изучая древности и являясь домой только въ десятомъ часу вечера *обѣдать*. Ночью мы не спали, а сидели *дышать* въ саду до зари...

Городъ расположенъ на юго-восточной окраинѣ *Дѣаба*— „земли двухъ рѣкъ“, на песчаномъ, образовавшемся вслѣдствіе сліянія Ганги и Джумны мысѣ. Джумна вытекаетъ изъ группы горъ „Джумнатри“, изъ источника просачивающагося сквозь увѣчанныя вѣчными снѣгами скалы на высотѣ

условіями, приноровить къ послѣднимъ хотя внѣшнюю обстановку судопроизводства: судьи и адвокаты принуждены были сидѣть въ этой палящей атмосферѣ, въ огромныхъ налудренныхъ парикахъ! Наконецъ, однажды лѣтомъ 1869 года, главный судья въ Аллахабадѣ, чувствуя что съ нимъ дѣлается обморокъ, порывисто сбросилъ съ себя парикъ... Въ одну секунду всѣ другіе парики полетѣли вслѣдъ за судейскимъ. При этомъ не было произнесено ни слова. Зная что измѣненіе вѣковыхъ порядковъ немислимо, они какъ бы сговорясь молчали и до сихъ поръ молчатъ. Законъ о парикахъ не отмѣненъ; но входя въ залу суда, при открытіи засѣданія, всѣ безмолвно снимаютъ парики, и за давностью нововведеніе дѣлается въ свою очередь закономъ.

* *Панка*—общій вѣтеръ. Ихъ устраиваютъ въ каждой комнатѣ, особенно въ спальняхъ, иначе можно задохнуться. Это толстая, стеганная на ватѣ полотнища, растянутая во всю ширину комнаты подъ потолокомъ, иногда въ нѣсколько рядовъ; они приводятся въ движеніе веревками продѣваемыми сквозь стѣну на веревку. За стѣной сидятъ день и ночь *панкагалли* (кули), которые смѣняются каждые два часа и неустанно раскачиваютъ эти *панки*. Писать невозможно во время ихъ движенія: все летаетъ по комнатѣ; панки производятъ постоянный ураганъ въ миниатюрѣ, и иногда во время испарихи сильно простужаютъ.

10.849 футовъ надъ моремъ. Здѣсь, въ Аллахабадѣ, обѣ рѣки почти одинаковой ширины, но Ганга глубже и ея воды здоровѣе водъ Джумвы. Дружно текутъ онѣ по общему руслу, сливаясь, но не смѣшиваясь, такъ что волны послѣдней протягиваются синею лентой по желтымъ водамъ Ганги. Туземцы зовутъ это мѣсто *Три-вени* (три рѣки), такъ какъ тамъ же течетъ подземная рѣка Сарасвати—потерянная бѣглянка, внезапно исчезающая изъ Сирхиндской пустыни. Оросивъ корни священнаго древа растущаго въ подземныхъ пещерахъ (въ „Катакомбахъ Форта“), она внезапно прорывается на свѣтъ Божій изъ-подъ башни Аллахабадской крѣпости и словно пристыженная такимъ поведеніемъ, быстро утекаетъ въ сторону; затѣмъ образовавъ островокъ, она соединяется со своими двумя сестрами уже далеко за городомъ. Легенда, въ одной изъ древнѣйшихъ книгъ *Пуранъ* *, разказывая біографію рѣки, увѣряетъ что то дѣйствительно красящая отъ стыда, вслѣдствіе собственной неосторожности, *Сарасвати*, супруга Браммы и „богиня знанія и тайныхъ наукъ“. Въ одинъ прекрасный день, она, медленно прогуливаясь въ пустынѣ съ книгой въ рукѣ, до того углубилась въ свое чтеніе что и не замѣтила какъ ее съ шумомъ и гикомъ окружила толпа демоновъ. Устыдясь своей олошности, богиня тутъ же погрузилась въ песчаныя нѣдра пустыни и, исчезнувъ съ земной поверхности, вынырнула лишь въ Праягъ (древнее названіе Аллахабада), гдѣ и потекла возлѣ своихъ болѣе свѣтскихъ сестеръ.

„Бѣлый городъ“ (мѣстопребываніе Европейцевъ) расположенъ вдали и въ сторонѣ отъ „Чернаго“ города туземцевъ. Онъ состоитъ изъ огромныхъ, широкихъ, пересѣкающихъ другъ друга аллей, съ великолѣпнѣйшими деревьями, по которымъ прыгаетъ множество бѣлокъ. Въ большихъ, совершенно закрытыхъ садовыми стѣнами дворахъ расположены бѣглоу Англичанъ, похожіе скорѣе на богатые загородныя виллы чѣмъ на городскія жилища. „Бѣлый городъ“ такимъ образомъ вовсе и не городъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ прекрасныхъ площадей, Аллахабадъ просто гигантскій паркъ, имѣющій

* *Пурана* значитъ само по себѣ „древнія“ или „старинныя“. Это собраніе самыхъ древнихъ религиозныхъ легендъ страны, весьма почитаемое туземцами.

32 мили въ окружности, симметрически устроенный на разстояніи четверти мили одна отъ другой загородными дачами. Здѣсь чопорная колонія Британцевъ, вздыхая по своей туманной родинѣ, старается создать вокругъ себя искусственный Лондонъ. Здѣсь этикетъ царствуетъ неумолимымъ деспотомъ. Дамы, съ утра затянутыя въ корсетъ, проводятъ время дѣлая другъ другу церемонные визиты; два раза въ недѣлю назначена великосвѣтская „луджа“—официальный приемъ. Церемоніальные обѣды между коротко знакомыми называются обѣдами „запросто“; но на эти дружескія трапезы мушкетеры являются во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, а дамы въ бальныхъ платьяхъ и брилліантахъ. И все это при 120° тепла!.. Обѣдаютъ въ 8 часовъ, разѣвзаются около десяти вечера, такъ какъ здѣсь всѣ встаютъ въ 5 часовъ утра. Жизнь интеллектуальная во всѣхъ отношеніяхъ... Во время нашего перваго визита въ Аллахабадъ никто изъ насъ не счелъ нужнымъ оставить свою карточку у здѣшней богини-патронессы провинцій—леди Кулеръ; поэтому на нашу партію стали взирать еще съ бѣльшимъ подозрѣніемъ. Кто же кромѣ „русскихъ шпионовъ“ осмѣлился бы выказать такое неуваженіе къ представительницѣ въ Северо-Западныхъ провинціяхъ самой императрицы Индійской?..

Въ первый день мы отправились (получивъ на то съ большимъ затрудненіемъ позволеніе отъ начальства) осматривать крѣпость. Въроатно опасаясь чтобы мы не сняли плана крѣпости, Англичане отправили вслѣдъ за нами съ полдюжины шпионовъ: за нами какъ тѣни слѣдовали полицейскіе (мусульмане), а вдали выглядывалъ нашъ пріятель—бѣлокуро-розовый шпионъ *en chef*, капитанъ Ленгъ. Онъ могъ бы и не беспокоиться: предъ этими останками древней, вѣкогда величественной Праяги, столицы Индіи браманской, затѣмъ будистской и наконецъ мусульманской, — мы всецѣло углубились въ прошлое и совершенно забыли о настоящемъ...

Праяга-Аллахабадъ, одно изъ самыхъ древнихъ мѣстъ Индіи, тѣсно связанное съ ея прошлою туманною исторіей. Здѣсь, Риши періода Ведъ—великіе патриархи Индіи, вдохновляемые поэзіей, впервые складывали свои браманскія толкованія. Одушевляемые ревнивымъ религіознымъ усердіемъ, по своимъ послѣдствіямъ всегда для потомства опаснымъ, або тщательно оберегая отъ нескромнаго ока непонятныя

невѣжественнымъ массамъ философскія истины, оно отстраняетъ отъ нихъ народъ, предоставляя ему довольствоваться собственными умозрѣніями,—Риши эти были первыми свѣтелями злокачественныхъ сѣменъ азычества въ Индіи. Скрывая подъ поэтическою оболочкою аллегорій и эмблемъ абстрактныя, ими одними въ безпредѣльномъ міросозерцаніи узнѣваемые качества Божества, они, въ своихъ стараніяхъ содѣлать эти отвлеченныя качества доступными массамъ не профанируя ихъ, превратили вскорѣ каждый атрибутъ въ отдѣльнаго бога и богиню. Вслѣдствіе этого народъ и „создѣлалъ себѣ кумиры“. И сталъ онъ съ тѣхъ поръ прозрѣвать истину во лжи, и одинъ обманъ—въ истинѣ; послѣдняя же осталась всецѣло въ ревнивыхъ рукахъ древняго и ученаго духовенства. Такъ было въ древности въ Египтѣ, такъ было въ Греціи, въ Халдеѣ, вездѣ. Недаромъ Сарасвати, богиня тайныхъ наукъ природы, глубоко скрывается въ своемъ подземномъ теченіи отъ глазъ демоновъ матеріализма: она является лишь тѣмъ кто неутомимо и неуклонно преслѣдуетъ ее, докалываясь до чистыхъ источниковъ ея живой воды; на землѣ же и предъ очами легковѣрныхъ массъ она развѣзжается на чванливомъ павлинѣ, стоглазый хвостъ коего распущенъ на солнцѣ, а глаза слѣлы къ сіянію дня... И только первыхъ, жаждущихъ ея ученія она голубить и лопитъ, утоляя палящую жажду своихъ вѣрныхъ поклонниковъ, успокоивая ихъ вѣчное стремленіе къ невѣдомому и для всѣхъ прочихъ недосыгаемому. Но увы! прямыхъ наслѣдниковъ Ришей Индіи и іерофантовъ древняго Египта мало; а недостойнымъ, якобы „посвященнымъ“ има—легионъ.

Преданіи Раджистана указываютъ на Праягу какъ на древнѣйшую крѣпость Раджпутовъ. Здѣсь, арійскіе кшатріи, съ чисто военнымъ инстинктомъ, соорудили укрѣпленіе которое и упрочило за ними всѣ ихъ послѣдующія завоеванія въ верхнихъ долинахъ Джумны и Ганги, и въ продолженіе долгихъ вѣковъ держало въ трепетѣ всю нижнюю Бенгалію. Во времена Македонской имперіи, Праяга стояла на этомъ самомъ мѣстѣ, при слияніи двухъ рѣкъ. „Празу—потомки Пуру изъ Пуруяги (Праяги)—принимали посла Селевка, Мегасеена, отправленнаго заключать договоръ съ Сандрокотомъ (Sandrocottus), царемъ Празіи, въ его древней столицѣ“, гласитъ старинная лѣтопись Джессальмерской княжеской фамиліи Яду.

Болѣе тысячи лѣтъ послѣ этого происшествія, въ VI столѣтіи, уломивается исторіей пиръ данный Шиладитъей (Syalditya) * китайскому путешественнику и набожному буддисту Хвень Тхсангу. Въ тѣ дни буддизмъ, изгнавшій было всѣхъ боговъ изъ Индіи, уже находилась въ полномъ уладкѣ, и векорѣ за пиромъ послѣдовало всеобщее возрожденіе современнаго брамаизма или скорѣе индуизма. Но съ самыхъ дней періода Ведъ и до вышеупомянутой эпохи, когда благочестивый китайскій путешественникъ олакивалъ быстрое ладеніе буддизма, Праага никогда не переставала быть священнѣйшимъ послѣ Бенареса мѣстомъ Индіи, „полемъ счастья“, гдѣ мѣдная лелта вдовицы въ видѣ подаянной милостыни считалась дѣломъ столь же благимъ какъ и принесеніе въ жертву цѣлаго *лакка* ** золотомъ. Знаменитый обелискъ или лабъ (lath) царя Азоки, который воздвигнулъ его за 250 лѣтъ до Р. X., стоитъ доселѣ посреди крѣлости. Тамъ же, шагахъ въ двухстахъ отъ него, чернѣетъ входъ въ подземныя пещеры, въ одной изъ коихъ растетъ толстое дерево, скорѣе лень, съ нѣсколькими высохшими вѣтвями. „Эти вѣтви цвѣтутъ лишь одинъ разъ въ годъ, въ праздникъ Вишну“, увѣряютъ индусскіе авгуры.

Когда мы подѣзжали къ гласису крѣлости, намъ указали на грудѣ камней. На этомъ мѣстѣ стояла нѣкогда знаменитая во всей Индіи мечеть *Джама-Мастѣидъ*, выстроенная еще при шахѣ Джаганѣ. Насильно отнявъ ее у мусульманъ, безо всякой къ тому причины, Англичане обратили ее сперва въ казармы, потомъ отдали подъ лавку маркитанта, а по уходѣ полка совершенно срыли ее вслѣдствіе какихъ-то таинственныхъ стратегическихъ соображеній. „Самымъ постыднымъ, незаслуженнымъ образомъ мы лишили нашихъ магометанскихъ подданныхъ дорогой имъ святыни, не предложивъ имъ за нее даже и одной руліи вознагражденія“, пишетъ полковникъ Кинъ въ своемъ сочиненіи *Могольская имперія*. Аллахабадъ сдѣланъ столицей Сѣверо-Западныхъ провинцій лишь по усмиренію мятежа 1857 года. Онъ сталъ резиденціей властей послѣ того какъ ихъ перерѣзали въ Агрѣ.

* Придерживаясь фонетической системы, пишу имена такъ какъ они выговариваются, а не пишутся.

** *Лакка*—100.000 рупій.

Далѣе, на сѣверъ отъ крѣпости, лежатъ развалины такъ-называемаго *старого „бѣлаго города“*. Тамъ 5 іюня 1857 года вспыхнулъ мятежъ между силами бго Бевгаальскаго туземной пѣхоты полка. Услыхавъ крики и дикія угрозы, завтракавшіе въ то время въ общей столовой офицеры выскочили на плацъ-парадъ. Ихъ тутъ же всѣхъ перестрѣляли, кажется, 23 человекъ. Затѣмъ мятежники разграбили полковую казну, ворвались въ острогъ и выпустили изъ него всѣхъ преступниковъ, сожгли всѣ дома въ „бѣломъ городѣ“ и зарѣзали около 100 Европейцевъ. Остальные успѣли спастись въ крѣпость, гдѣ 400 человекъ всегда вѣрныхъ своему слову Сикковъ защищали ихъ противъ своихъ же и спасли гарнизонъ, женщинъ и дѣтей отъ вѣрной смерти. Признавая Сикковъ самымъ храбрымъ народомъ Индіи (за исключеніемъ Раджпутовъ), Англичане, въ благодарность вѣроятна, всечески стараются съ тѣхъ поръ обезоружить ихъ, да только не смѣютъ. Они никакъ не могутъ помириться съ идеей что есть кто-нибудь честнѣе ихъ самихъ и что есть народы чтущіе свое честное слово...

Аллахабадскій фортъ и укрѣпленный въ немъ замокъ построены великимъ императоромъ Акбаромъ, около 1575 года нашей эры, на развалинахъ древняго города буддистскихъ Индусовъ. Какъ выше сказано, Праяга древнѣйшая столица Лунной (или *Салаванзи*) династіи Кшатрій. Отъ архитектурныхъ красотъ временъ Акбара, отъ высокихъ башенъ, величественнаго купола надъ ажурной работы галлереей, отъ аркадъ и расписныхъ стѣнъ и балкончиковъ видѣнныхъ и описанныхъ еще Геберомъ, ото всего того чѣмъ елисколъ такъ восхищался едва шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ—ровно ничего не осталось. Рука истиннаго вандала—Англичанина на службѣ Остъ-Индской Компаніи—снесла балконы, залѣпила, замазала и сравняла мавританскую рѣзбу на стѣнахъ внутреннихъ и наружныхъ, и скрыла все это подъ безобразнѣйшимъ слоємъ простой штукатурки. Въ крѣпости остался одинъ лишь все искупающій предметъ, простоявшая уже слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ колонна Азоки.

Есть колонны величественнѣе, выше и красивѣе этой, хотя бы въ Египтѣ, но нѣтъ ни одной интереснѣе для археолога и для филолога. Надписи на ней предъ терпѣливымъ криптографомъ и языковѣдомъ открываютъ цѣлую панораму древняго, столь мало еще извѣстнаго намъ міра. По

этимъ надписямъ мы можемъ изучать самыя задушевныя мысли царственныхъ зодчихъ, слѣдить за постепеннымъ измѣненіемъ цѣей и понятій и въ продолженіи слишкомъ двадцати вѣковъ присутствовать при борьбѣ народовъ различныхъ исповѣданій, отъ начала исторіи сражавшихся брать противъ брата и заливавшихъ земной шаръ своею кровью—каждый во имя того что для него самого казалось святою истиной, а для его брата—грѣшнымъ заблужденіемъ.

Высота этой колонны всего 42 фута, исключая подножіе; форма ея коническая, постепенно суживающаяся къ верхушкѣ: три фута четыре вершка въ диаметръ у фундамента и два съ верхкомъ у заостреннаго конца. Три изъ многочисленныхъ надписей принадлежатъ тремъ различнымъ эпохамъ, царямъ: Азокѣ, Самудра-Гултѣ и Джахангиру, то-есть буддисту, полу-браманисту и мусульманину. Азока воздвигъ ее съ цѣлю увѣковѣчить указы издавныя имъ въ видахъ распространенія буддизма. Самудра Гулта воспользовался ею во II вѣкѣ нашей эры чтобы начертать на колоннѣ роспись своихъ обширныхъ владѣній въ Индіи простиравшихся отъ Непала къ Деккану и отъ Гуджерата до Ассама. Наконецъ улавшая и забытая было колонна очищена отъ вѣковаго сора и восстановлена на прежнемъ мѣстѣ Могульскимъ императоромъ Джахангиромъ, повелѣвшимъ начертать на ней годъ своего восшествія на престолъ (1605). Кромѣ этихъ надписей на ней находятся сотни другихъ: имена вельможъ, пилигримовъ, обращенныхъ въ буддизмъ брамановъ и разныхъ путешественниковъ, начиная отъ I вѣка христіанства до прошлаго столѣтія.

Надписи Царя Азоки рѣзко отличаются отъ другихъ надписей на колоннѣ, во первыхъ, тѣмъ что частыя повторенія ихъ находятся и на другихъ памятникахъ и, во вторыхъ, тѣмъ что всѣ онѣ начинаются стереотипною фразой: „*Девана мапія Піадази ладжа хевалъ-ахі...*“ или „Возлюбленный боговъ-раджей Піадази царь...“ По исторіи, царь этотъ—Девана Піадази—наслѣдовалъ престолъ своего отца въ Цейлонѣ 236 лѣтъ послѣ рожденія Гаутамы (Будды). Пламенный буддистъ, онъ уговорилъ царя Индійскаго Дхармазоку, отца нашего царя Азоки, такого же ревностнаго буддиста какъ и самъ онъ, послать своего втораго сына Махинду и дочь Сангамитту, въ обществѣ другихъ монаховъ и монахинь, ладомниками по Индіи для

проповѣданія буддизма. По словамъ Махавалзы, * рвеніе къ новому ученію до такой степени овладѣло старымъ царемъ и его сыновьями что даже главная и любимая супруга Дхармазоки, царица *Амула*, отправилась по совѣту царя проповѣдывать религію истины, вмѣстѣ со своими подданными *бикшу* (нищенствующими монахами), и наконецъ сама поступила въ *бикшуми* (монахини). Азока, взирая вѣроятно на царя Пиадазу какъ на апостола Будды, постоянно приводитъ его имя въ надписяхъ: „Такъ глаголетъ царь Деванамалія Пиадазу...“—родъ сакраментальной вступительной фразы при каждомъ параграфѣ.

Привожу нѣсколько извлеченій изъ самымъ замѣчательныхъ между этими надписями на колоннѣ:

„...На 27 году моего помазанія ** (sic) я повелѣлъ дабы сей религіозный указъ былъ издавъ письменно. Сознаюсь и каюсь предъ моими... (*народами?*) въ доселѣ гнѣздившихся въ сердцѣ моемъ прегрѣшеніяхъ. Мысль о религіи и любовь къ религіи должны (*съ этого времени*) постоянно увеличиваться... и мои народы, какъ и *гриваста* (духовенство), словомъ, всѣ смертные, стануть отъ этого неразрывно связанными ею (*религіей*), и побѣдивъ въ себѣ земныя страсти и грѣхи, достигнуть всѣ они великой мудрости. Ибо въ одной религіи пребываетъ истинная мудрость. Въ религіи главное достоинство; а религія вся состоитъ изъ достохвальныхъ дѣлъ: поддержанія отъ дурныхъ поступковъ, милосердія, кротости, любви къ ближнему, нравственной чистоты и цѣломудрія. Для меня все сіе составляетъ помазаніе посвященія. *** Къ неумущимъ и скорбящимъ, къ двуногимъ и четвероногимъ, къ птицѣ небесной и твари движущейся въ водахъ, отнесаюсь тогда (со времени посвященія?) обильныя дѣянія мои... Для

* Типонг—переводчикъ съ языка Паали этой безусловно древнѣйшей изъ всѣхъ рукописей Цейлона.—„Исторіи буддизма, Махавалзы“.

** Для провѣрки прошу сравнить мой переводъ съ переводомъ въ журналѣ *Asiatic Society*. (Vol. 6, part 2. 1837 года.) Разница небольшая.

*** *Журналъ Азіатскаго Общества* тоже переводитъ: „anointment of consecration“. Буддистскій первосвященникъ въ Цейлонѣ, Сумангага, объясняетъ мнѣ въ письмѣ эту фразу тѣмъ что Пиадазу первый приказалъ съюва помазать себя при принятіи буддизма во имя этихъ главныхъ семи добродѣтелей.

сего самаго и провозглашенъ сей указъ. Да внимають оному всѣ. Да пребудеть онъ въ полной силѣ въ вѣка грядущіе, и всякій кто только послѣдуетъ оному долженъ будетъ несомнѣнно достигъ вѣчнаго блаженства и соединиться съ *Сугатой* (Буддою)“...

Далѣе слѣдуетъ перечень девяти грѣховъ. Эти девять грѣховъ извѣстны подъ названіемъ *азинаве*, и по ученію Гаутамы Будды ихъ слѣдуетъ избѣгать: „гнѣвъ, жестокосердіе, воровство, гордость, зависть, уныніе, лъянство, прелюбодѣяніе, убійство.“ На западной сторонѣ колонны начертаны разныя правила объ отношеніяхъ аскетовъ къ прихожанамъ и „всеобщемъ во имя Будды отлученіи наказаній и прощеніи преступникамъ въ спеціальныя три дня“. Въ какіе дни именно, не сказано. На южной сторонѣ находится наименованіе звѣрей и птицъ которыхъ грѣхъ лишать жизни; затѣмъ, самая интересная, какъ проливающая яркій свѣтъ на жизнь этого царственнаго апостола буддизма, надпись въ которой говорится слѣдующее:

„...На двѣнадцатомъ году моего помазанія былъ по моему повелѣнію издавъ ради удовольствія и пользы народовъ указъ. Истребивъ *сей* (указъ?) и взирая на мою бывшую религію (идолопоклонство) какъ на великій грѣхъ, я нынѣ, ради блага всего міра, возвѣщаю о семъ событіи (то-есть объ отмѣнѣ закона). Въ то же время, я молюсь различными молитвами за тѣхъ кто разнится со мною въ моей вѣрѣ, дабы они всѣ, послѣдовавъ моему примѣру, содѣлались достойными достигъ вѣчнаго спасенія... Но какимъ образомъ дѣйствовать дабы религія истины и свѣта постоянно распространялась среди человечества? Истинно говорю, лишь посредствомъ обращенія въ оную всѣхъ низкородившихъ (въ вѣ касты), убогихъ и немощныхъ можетъ наша религія содѣлаться всеобщей... А если вслѣдствіе обращенія таковыхъ (низкородившихъ) возрастетъ она, то насколько быстрѣе распространится наша религія чрезъ обращеніе въ нее высокородившихъ, тѣхъ между коими пребываетъ *има Божіе*... * Истинно сія есть религія (то-есть буддизмъ) и ею одною умножаются добродѣтели“.

*Присутствіе имени *Бога* въ буддистской надписи послужило сакриптологамъ обильнымъ матеріаломъ для диспутовъ: „Буддисты—атеисты; они не вѣруютъ ни въ Бога, ни въ безсмертіе души человеческой“, говорятъ многіе. „Это выраженіе Пиадаци: *вспоминаніе прежней религіи*—неправильное выраженіе“. Позволяю себѣ

Въ этомъ случаѣ „има Божіе“ есть синонимъ „Нирваны“, смыслъ коей (не взирая на Бюрнуфа, Бартеlemi - Сентъ-Илера и К^о и даже на профессора Макса Мюллера) постоянно ускользала отъ санскритологовъ и толкователей буддизма. Никто еще до сей поры не понималъ его правильно, а судили и редили о немъ по одной *жертвой букет*.

Противъ этихъ разнородныхъ теорій возстаютъ самыя ученые буддистскіе священники Цейлона, Бирмы и Сіама. Въ Бога какъ въ личность отдѣльную отъ вселенной, какъ въ вѣчно индивидуальное, буддисты дѣйствительно не вѣрятъ. Но ихъ *Summam bodhi*, или *Нирвана*, то же что *Мокша* брамановъ. Это—окончательное соединеніе безконечно малой и, въ раздѣленіи, ограниченной *частицы* съ безпредѣльнымъ и безграничнымъ *цѣлымъ*; это вѣчная сознательная жизнь души въ квинтъ-эссенціи божественнаго духа; душа же есть временно отдѣленная искра привлекаемая и вновь погружающаяся въ безбрежный океанъ пламени *Мировой Души*—первобытный источникъ *всего*. Но такое окончательное поглощеніе индивидуальной, очищенной ото всего земнаго и грѣховнаго души „душою вселенной“ (*anima mundi*) еще не означаетъ исчезновенія или „полнаго истребленія“ души человѣческой. Объясняя намъ эту теорію, молодой Сингалезецъ Даммаладжоти, весьма ученый монахъ, раздавилъ наполненный ртутью стеклянный шарикъ и рассыпавъ его на блюдечкѣ сталъ раскачивать. Капли живаго серебра отдѣлялись, рассыпались и едва дотронувшись другъ до друга снова сливались вмѣстѣ. „Вотъ Нирвана и души“, сказалъ онъ намъ.

— Такъ почему же считается столь труднымъ достигъ Нирваны? спросилъ кто-то изъ насъ.—При существующемъ взаимномъ притяженіи всякая душа, уже въ силу одной своей

высказать полную увѣренность въ томъ что это мнѣніе совершенно ошибочно. Буддистъ если онъ только образованъ и знакомъ съ *Сутрами*, чистою философіей Будды, вѣруетъ какъ въ божество—правда, безличное,—такъ и въ загробную жизнь. Мое убѣжденіе основано не на собственномъ умозрѣніи, а на пятнадцатилѣтней постоянной перепискѣ съ учеными буддистами Цейлона и Бирмы, членами Теософическаго Общества. Вина не буддизма если до сей поры наши ученые не могли понять ни его тонкой метафизики, ни отвѣчальностей послѣдней.

однородности съ *мировою душой*, должна, разъ освободившись отъ оковъ земныхъ, слиться съ Нирваной.

— Конечно; но это взаимное протяженіе существуетъ лишь при совершенной чистотѣ частицы. Взгляните что случится теперь!..

И, посылавъ другое блюдечко пепломъ и пылью, оны обкатали шарики ртути въ этой грязи, замѣсивъ ее вдобавокъ каплей масла... Живые доголѣ крупинки, подъ толстымъ слоемъ грязи, лежали теперь на днѣ блюдечка неподвижно. Напрасно было прикатывать ихъ къ главной каплѣ чистой ртути—оны не сливались уже съ родною каплей...

— Вотъ послѣдствіе земной грязи, появивъ намъ Даммаладжоти.— Пока душа не очищена отъ послѣдняго земнаго атома—не попасть ей въ Нирвану, не жить жизнью вѣчною, среди божественной эссенціи...

— Стало-быть, вы вѣруете въ загробную жизнь?

Даммаладжоти засмѣялся—и какъ казалось немного презрительно.

— Вѣримъ, конечно, но стараемся избѣгать продолжительности оной, какъ величайшаго, хотя и справедливаго несчастья, какъ наказанія за наши грѣхи. Жить—значитъ чувствовать и страдать; не жить, но находиться въ Нирванѣ—есть синонимъ вѣчнаго блаженства...

— Но вѣдь такъ выходитъ что вы добываетесь *уничтоженія* души?..

— Нисколько; мы только добиваемся уничтоженія страданія нераздѣльнаго съ частною жизнью; мы ищемъ достигнуть безусловнаго блаженства въ соединеніи съ верховною міровою душой. Одно цѣлое безконечно и совершенно; въ раздробленіи своемъ каждая частица дѣлается и колючею, и полвою несовершенствъ и изъяна...

Дальнѣйшее поясненіе предоставляется метафизикамъ. Моя цѣль доказать одно: наши величайшіе авторитеты играютъ пока философій буддизма въ потемкахъ. Вотъ доказательство. Въ первомъ томѣ своихъ лекцій: *Щетка изъ нѣмецкой мастерской* (1857 года, стр. 276 и слѣд.), профессоръ Максъ Мюллеръ, въ гнѣвномъ отвѣтѣ противнику, въ статьѣ „О значеніи Нирваны“, на основаніи того что слово *Нирвана* означаетъ вѣчто исчезающее, потухающее какъ пламя догорѣвшей свѣчи, старается доказать что одно это выраженіе уже безусловно разъясняетъ вѣру буддистовъ. „Они вѣрятъ

въ уничтоженіе индивидуальной души, говоритъ онъ, и добиваются лишь одного: *перестать когда-нибудь существовать*“. Въ этой статьѣ М. Мюллера, Будда является не то „атеистомъ“, не то „эгоистомъ“ (въ метафизическомъ смыслѣ слова). „Онъ училъ о блаженствѣ—погрузиться на вѣки въ то что есть ничто кромѣ самого себя.“* Но къ великому удивленію и даже огорченію своихъ послѣдователей, уже свыкшихся было авер *le mot d'ordre* именитаго учителя что всѣ-моль буддисты „атеисты и нигилисты“, почтенный филологъ вдругъ совершаетъ неожиданный *volte-face*. Въ 1869 году, на публичной лекціи въ Килѣ, на одномъ изъ митинговъ „ассоціаціи Берлинскихъ филологовъ“, Максъ Мюллеръ предъ огромнымъ собраніемъ публики объявляетъ свое „давно де уже выраженное мнѣніе“ что *атеизмъ не имѣетъ ничего общаго съ ученіемъ Будды* и что подожительно большая ошибка думать будто *Нирвана* значитъ *уничтоженіе индивидуальной души*.**

Кто же послѣ этого не согласится съ нами что „великіе ученые“ весьма часто злоупотребляютъ своимъ авторитетомъ? А профессоръ Максъ Мюллеръ въ 1857 году былъ такимъ же авторитетомъ по части филологіи и древнихъ религій какъ и въ 1869 году. Чтобы догматически утверждать что древніе вѣрили такъ, а не иначе, слѣдуетъ прежде всего выикнуть въ глубину мысли этихъ древнихъ, понимать не только ихъ языкъ, но и своеобразную метафизику; достигнуть же этого возможно только путемъ сравненій между *всѣми* древними философіями, такъ какъ будущи изолированы одна отъ другой философіи эти являются совершенно непонятными... „Да такъ (пожалуй скажутъ намъ) поступаютъ и наши языковѣды съ профессоромъ М. Мюллеромъ во главѣ.“ Да, но къ несчастію они до сихъ поръ услѣшивъ сравнивали лишь одну мертвую букву; животворящій же духъ въ этой туманной, спертой атмосферѣ современнаго матеріализма постоянно ускользалъ отъ нихъ... Одно лишь тщательное изученіе *Шутры* (*Sûtras*)—рѣчи Гаутамы Будды (книга I *Трипитаки* или „Трехъ корзинъ“), а затѣмъ III книги этого же сочиненія „Система метафизики“ Казіалы,

* Nothing but itself, говоритъ профессоръ.

** См. *Trubner's American and Oriental Literary Record* (October 16, 1869).

друга и ученика Будды (сочиненіе проливающее свѣтъ на ученіе Будды и какъ бы дополняющее его), способно освѣтить эти потемки, извѣстныя подъ названіемъ буддизма, или „Философіи Будды“. Въ *Шутрагъ* дѣйствительность объективнаго міра называется обманомъ чувствъ; дѣйствительность формы и всякаго вещества выставляется опасною иллюзіей; даже дѣйствительность самого индивидуа или я отвергается. Но то именно противъ существованія чего возстаютъ все наши современные матеріалисты, то что они стараются стереть съ лица земли, утѣряя что все это одиѣ лишь бредни, ни на чемъ не основанныя умозрѣнія, то *шутры* и признають „единственною дѣйствительностью въ мірѣ иллюзію“, а „метафизика Казіалы“ объясняетъ почему именно оно такъ. Эта дѣйствительность—*духовное я* человека, Его вполне отдѣльное и отличное отъ матеріи, хотя бы самой сублимированной. Одна *причинность* есть дѣйствительность, ибо эта причинность безъ начала какъ и безъ конца, не имѣетъ ни прошлаго, ни будущаго, но всегда существуетъ въ настоящемъ; а все ея дѣйствія суть одни лишь временныя и второстепенныя явленія, „блескъ молніи въ океанѣ электричества“. Все проходитъ, все измѣняется въ своей объективной формѣ, и поддаваясь раздѣленію времени и исчисленію все есть иллюзія; но *причинность* всего безгранична какъ и безконечна, и не можетъ быть исчислена; стало-быть она-то и есть *дѣйствительность*.

Нирвана *ничто*, потому что она *все*. Парабрама—безъ сознанія и воли, ибо Парабрама есть *абсолютное* „міровое сознаніе“ и *безусловная воля*. Безконечная, безначальная и безпричинная *монада* Пифагора—*первопричинность* всего; по сотвореніи *тріады*, „обитающая во мракѣ и молчаніи“ *монада* возвращается въ свою невидимую и неосязаемую обитель. И однакоже, по Проклу, она и есть „вѣчный Богъ“ и вся вселенная тяготѣетъ вокругъ *монады*. Еврейскіе каббалисты также указываютъ на своего *Энъ-Зофа* какъ на вѣчно безсознательное и не обладающее волей, ибо *Энъ* или *Айнъ-зофъ* есть *самопричинность*, а слово *Айнъ* въ буквальный переводъ означаетъ отрицаніе послѣдующаго слова—*ничего*. „Духъ не имѣетъ образа, и поэтому о немъ нельзя говорить что онъ *существуетъ*“, учить книга буддистовъ *Праджна Парамита* (Совершенство мудрости).

— Что такое Нирвана? спрашиваетъ царь Милинда *аргата* (святаго) Нагазена.—Почему плоды *четыреехъ* путей добродѣтели приводятъ къ Нирванѣ? Въ чемъ состоитъ причинность ея существованія?

— Путь ведущій къ Нирванѣ можетъ быть указанъ, но причинность ея представленія никому неизвѣстна, отвѣчаетъ мудрецъ.

— Почему?

— Потому что она и есть сама причинность. То что составляетъ Нирвану—вѣвъ всякаго исчисленія... это есть тайна недосыгаемая *онъ ея самой*... умомъ человѣческимъ. Ея ни глазъ не видитъ, ни ухо не слышитъ, ни носъ не обоняетъ, ни языкъ не вкушаетъ, ни тѣло не чувствуетъ.

— Стало-быть Нирвана не существуетъ, о, Нагазена?

Великій царь! она *не существуетъ*, но Нирвана *есть*...

Пора однако вернуться къ міру „иллюзіи“ и снова занять-ся колонной Азоки...

XXIV.

У такихъ памятниковъ, какъ колонна!Азоки, обыкновенно находятся старые лилалы (*Ficus religiosa*), прямые потомки *Боддрума* („древо познанія“) столь излюбленнаго, по преданіямъ, основателемъ буддизма. Находилось такое дерево когда-то и у колонны, но его ужъ болѣе нѣтъ: оно было срублено Англичанами, безо всякой къ тому причины, какъ и всегда. За то въ пещерѣ показываютъ *Акуай Батъ* („неумирающій баніанъ“). Хвентъ Тхсангъ видѣлъ его въ началѣ VII столѣтія; но въ тѣ дни дерево уже перешло изъ рукъ буддистовъ, а катакомбы, послѣ вѣковаго молчанія, снова огласились кайками шиваитовъ и олять стали театромъ *кхававыхъ* обрядовъ бога-разрушителя. Во дни буддистскаго пилигрима, баніанъ былъ огромнымъ деревомъ съ далеко раскинувшимися зелеными вѣтвями, и стоялъ у входа въ главную пещеру подземнаго храма. А теперь отъ него уцѣлѣлъ лишь старшій, почернѣвшій лень, съ нѣсколькими сухими вѣтками, стоящій въ четвертой залѣ подземелья. Брамивы увѣрали насъ что дерево было пересажено сюда самимъ богомъ Шивомъ: отломавъ верхнюю половину ствола, онъ раздѣлилъ его на двѣ части—одну посадилъ будто бы въ Гайѣ, а другую въ Джагернатѣ.

Мы спустились въ подземныя пещеры по скользкой, поросшей мхомъ каменной лѣстницѣ. Гордо потрясая бритою головою, голый браминъ шелъ впереди насъ, освѣщая намъ дорогу смраднымъ факеломъ, а по обѣимъ сторонамъ ступеней неподвижно сидѣли и стояли въ разныхъ позахъ факиры, съ вчесаными по годамъ и закрученными въ шиньоны длинными волосами, грязные, отвратительные. Настоящіе аскеты никогда не сидятъ въ людныхъ мѣстахъ, но пребываютъ или въ уединеніи лѣсовъ, или же въ далеко сокрытыхъ отъ равнодушныхъ глазъ дворахъ храмовъ, какъ напр. въ Джабельлурѣ. Посреди первой залы, низкой и съ колоннами, стоялъ громадный, украшенный вѣнками великолѣпныхъ розъ *мига*; по сторонамъ—ниши съ разставленными въ нихъ идолами и ихъ живописными изображеніями. Каменные идолы были покрыты сыростью, и крупныя капли просачивающейся воды, слѣды подземной рѣки Сарасвати, орошали почернѣвшія стѣны. При слабо-мерцающемъ свѣтѣ факела невозможно было различить надписи. Такъ какъ всѣ уцѣлѣвшіе отрывки переведены, то мы и не особенно интересовались ими. Есть сильное подозрѣніе что эти подземныя залы находились еще въ VII столѣтіи на одномъ уровнѣ съ землей; но частью вслѣдствіе сырости, частью по причинѣ вѣнками накопившагося слоя мусора, онѣ осѣли и теперь находятся подъ землей. „Безсмертное дерево“ *Акуай-Батъ* уломинается какъ Хвень Тхсангомъ такъ и историками Решидъ-Уддиномъ и Абу-Риханомъ, которые и указываютъ на него какъ на древнѣйшее дерево въ Индіи.

Мы прошли залъ двадцать, но кромѣ „дерева“ ничего интереснаго не видали. За нимъ въ стѣнѣ зияетъ большое отверстіе ведущее, по словамъ брамана, до Бенареса. „Всѣ святые“, говорилъ онъ, отправлялись этимъ ходомъ молиться во священный городъ. По дорогѣ они „бесѣдовали съ Сарасвати...“

Тайному ходу мы предпочли мостъ черезъ Джумну, и перѣбрали по немъ на другой берегъ рѣки. Этотъ мостъ одивъ изъ великихъ подвиговъ англо-индійскаго инженернаго искусства. Мостъ въ два яруса перекинутый черезъ широчайшее мѣсто, надъ самымъ сліаніемъ двухъ рѣкъ, имѣетъ 3.331 футъ длины по прямой линіи. Экипажи и пѣшеходы проѣзжаютъ и переходятъ по нижнему, а поѣздъ желѣзной дороги проходить по верхнему ярусу. Мы попали какъ разъ подъ поѣздъ и чуть было не оглохли.

Недалеко отъ вокзала желѣзной дороги возвышаются старинныя ворота со сводомъ, ведущія въ прелестный, отлично содержимый садъ. Наружныя стѣны густо покрыты ползучими растеніями и великолѣпными розами. Въ *Кушру-Багъ* (садъ Кушру) находятся могила и памятникъ принца этого имени, его матери *Шахъ-Бегумы* и многихъ другихъ историческихъ лицъ. Кушру былъ внукъ великаго царя Акбара и сынъ Раджпутки, дочери махараджи Амберскаго, славившейся на всю Индію своею красотой и колдовствомъ,—послѣднее быть-можетъ потому что она обворожила сына Акбара, Салима, мусульманина, и прогнавъ другихъ его женъ была всю жизнь его единственною женой. Какъ бы то ни было, но къ Кушру-Багу, послѣ заката солнечнаго, не подойдетъ на полверсты ни мусульманинъ, ни Индусъ. Все потомство Акбара съ самимъ царемъ (хотя онъ похороненъ въ Агрѣ) собирается по ночамъ держать загробный *дурбаръ*...

Удивительно страшна исторія всего этого царственнаго семейства, начиная съ самого императора Акбара. Потомокъ Парсовъ, которыхъ ни въ какія времена исламиты-завоеватели не успѣвали вполнѣ омусульманить, Акбаръ былъ мѣнѣе чѣмъ номинально магометаниномъ. Судя по его біографіи, онъ даже ненавидѣлъ религію Пророка; сдѣлавшись императоромъ Индіи, онъ постоянно старался ослабить вліяніе магометанства и ввести хотя нѣкоторые изъ главныхъ элементовъ огнелоконичества. Имена выбранныя имъ для внуковъ доказываютъ это. Кушру или „Хозрой“ („Красивое лицо“) древнее имя Ахеменидскихъ царей Персіи, то же что и „Кіаксаръ“ или „Ціаксаръ“ классиковъ-Грековъ и „Ассуръ“ Библии. Это столь любимое послѣдователями Зороастра имя стало наслѣдственнымъ у потомковъ Акбара. Салимъ въ послѣдствіи императоръ съ титуломъ Джахангира, былъ начальникомъ Аллахабадскаго форта при послѣднихъ годахъ жизни Акбара. Страстно привязанный къ женѣ, принцессѣ Амберской, и сыну своему отъ нея Кушру, онъ находился вполнѣ подъ вліяніемъ ея брата (по усыновленію), знаменитаго въ исторіи раджпутскаго раджи Манъ-Синга. Послѣдній задумалъ возвести на престолъ своего племянника Кушру помимо Салима. Послѣдовало ужасное кровопролитіе, во время котораго Салимъ, съ помощью другаго сына (отъ наложницы) Кхурама, завладѣлъ трономъ. Тогда *Шахъ-Бегумъ*, жена его и мать Кушру, наложивъ страшное проклятіе на

мужа и всѣхъ потомковъ его, отравилась. Кхурама, царствовавшій въ Декканѣ, зарѣзалъ въ послѣдствіи брата Кушру въ 1616. Проклятіе состояло въ томъ что разорвавъ надъ головой императора нитку жемчуга, Шахъ-Бегумъ воскликнула: „Да превратится каждое зерно въ годъ страданія, слезъ и смерти!.. да погибнетъ послѣдній изъ потомковъ твоихъ чрезъ столько лѣтъ, сколько падаетъ зеренъ въ эту минуту на твою проклятую голову“!.. Жемчуга оказалось 252 зерна. Это было въ 1605, и ровно черезъ 252 года, въ 1857 году, погибли разстрѣленные въ Дельхи Англичанами послѣдніе два принца этой фамиліи, какъ разказываютъ, вымазанные палачами до экзекуціи свинымъ саломъ. А послѣдній императоръ Дельхи, Абу-Зафаръ, поэтъ, лѣсни коего славятся по всей Индіи, прозванный индійскимъ Хафизомъ, отправлялся въ тотъ же годъ въ изгнаніе и каторгу на мысъ Доброй Надежды, гдѣ онъ и умеръ, конечно не своею смертію. Не мудрено что народное суевѣріе населило могилы Шахъ-Бегумы и ея сына ужасными призраками.

Могилу Кушру, котораго отецъ и братъ отдѣлавшись отъ него возвели въ мученика, великолѣпное мраморное зданіе съ куполомъ налминающимъ Таджъ-Махаль въ Агрѣ. Сама могила подъ землею, а кенотафъ, высокій и изящный памятникъ, покрытъ стихами. Далѣе четырехъугольное въ два яруса, странной архитектуры строеніе, мавзолей Шахъ-Бегумы колдуны. Напротивъ—домъ и памятникъ „Тамболи-Бегумъ, то-есть *Истамбули-бегумъ*, христіанской принцессы вывезенной изъ Константинополя и задушенной ея соперницей. Все это густо покрыто розанами и кипарисами, а тѣмъ оуя дорожки сада сливуть прохладѣйшимъ мѣстомъ въ Аллахабадѣ.

На другое утро мы отправились осматривать „Ложе Ханума“, на берегу Ганги и другіе куріозы Аллахабада. „Ложе“ это оказалось открытою, четырехъугольною и вымощенною гранитомъ комнатою, вырытою футовъ на двадцать въ землѣ. Надъ ней возвышается куполъ на четырехъ гранитныхъ столбахъ, на 10 футовъ надъ поверхностью земли, и безъ стѣнъ, дабы удобнѣе было толпѣ заглядывать со всѣхъ четырехъ сторонъ внизъ, любясь на спящаго бога-обезьяну. Нѣсколько широкихъ, мрачныхъ ступеней ведутъ внизъ, но по нимъ спускаются лишь одни охраняющіе покой цола — брамавы. Любопытнѣе всего, даже самого цола,

огромная и многорѣчивая надпись отъ муниципалитета на трехъ языкахъ: англійскомъ, хинди и урду (языкъ магометанъ). Эта надпись строго запрещаетъ христіанамъ и особенно мусульманамъ „совершать надъ этою святыней Индусовъ *ka-kia*-либо кощунства; какъ-то: бросать камни въ святилище, подходить къ нему въ салогахъ, громко смѣяться, дѣлать непристойныя, способныя огорчить чувства поклонниковъ бога замѣчанія или же изъяснять *гадливость (equivatishness)*.“ (Я перевожу этотъ отрывокъ слово въ слово.) Не взирая на запрещеніе, на угрозы штрафомъ и даже тюрьмой, мы, давъ дежурному браману одну рупію, преспокойно подошли къ самымъ колоннамъ, не снявъ даже обуви. Мы заглянули внизъ: идолъ громадныхъ размѣровъ, футовъ въ 20 величины, ярко-краснаго цвѣта и съ короной на обезьяней головѣ, почивалъ на спинѣ, растолыривъ приподнятыя колѣна, свернувъ хвостъ калачикомъ и положивъ щеку на ладонь лѣвой руки, когда какъ другая держала скилетръ. Надъ его носомъ болталась лампада, и онъ былъ весь усыянъ цвѣтами. Полюбопытствовалъ узнать изъ какого матеріала сдѣланъ идолъ, и получивъ отвѣтъ отъ брамана что онъ „сдѣланъ изъ *ничего*“, но есть притомъ „живое тѣло бога“, мы не удовольствовались такимъ загадочнымъ отвѣтомъ. Какъ быть? Съ перваго дня какъ Хануманъ заснулъ въ своей ямѣ, никто кромѣ посвященныхъ брамановъ никогда не сходилъ внизъ. Бросить въ спящее божество камешкомъ и судить по звуку—преступленіе предусмотрѣнное муниципалитетомъ, могущее повлечь за собою штрафъ во 100 рупій. Тутъ-то нашъ президентъ, какъ истый изобрѣтательный Яки, явился на высотѣ дилеммы вынувъ горсть мѣдныхъ и мелкихъ серебряныхъ монетъ, опустивъ руку за перила, онъ, въ видѣ эксперимента, но какъ будто нечаянно выронилъ *анну* (3 колѣйки) на животъ богу, все время не спуская глазъ съ зорко слѣдившаго за нимъ брамана, который тотчасъ же хитро освѣдомился не принесть ли ее назадъ „сабу“?—Нѣтъ, отвѣтилъ президентъ,—все что упадетъ внизъ пусть останется приношеніемъ Хануману. Ободренный этимъ, полковникъ бросилъ другую монету, уже цѣлая. Полавъ прямо въ носъ божеству, но безъ ожидаемаго звука, онъ сталъ затѣмъ кидать все сильнѣе и чаще, пока, наконецъ, послѣ ладеміа съ дюжины монетъ, одна не звякнула какъ бы ударясь о нѣчто металлическое. Когда онъ остановился, довольный этимъ

открытіемъ, браманъ предложилъ ему бросить еще нѣсколько монетъ въ рыло Хануману, умиленно повторяя что подобная игра весьма пріятна *дѣву*...

Отъ Ханумана мы пошли поклониться „бабѣ Сандасси“. Во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, слѣдуетъ замѣтить что *баба* Сандасси не русская „баба“, а индусскій „дѣдъ“, и даже судя по его возрасту, весьма почтенный. Увѣряютъ будто ему 250 лѣтъ, а самъ онъ говоритъ что родился такъ давно что забылъ когда именно. Какъ бы то ни было, но „баба“ этотъ лицо историческое и весьма уважаемое даже Англичанами, которые, къ удивленію народовъ Индіи, оказались хоть разъ благодарными за оказанныя имъ услуги. Правда, ихъ благодарность ограничилась тѣмъ что они пока не стрѣляли еще „бабой“ изъ пушки, ни разу не повѣсили его и даже не засадили въ тюрьму; но вѣдь и это ужъ чего-нибудь да стоитъ въ Индіи. Они даже подарили ему квадратный камень въ полтора ярда длины и ширины, на которомъ онъ сидитъ не вставая уже ровно 53 года; и тотъ же муниципалитетъ великодушно снабдилъ его дощечкой съ надписью. Дѣло въ томъ что память о „бабѣ-дѣдѣ“ у Бритавцевъ тѣсно связана съ памятью о мятежѣ. Въ тѣ тяжелые для нихъ дни онъ многимъ Европейцамъ спасъ жизнь, пряча ихъ въ пустое отверстіе подъ камнемъ съ котораго онъ не сходитъ и въ которомъ скрываетъ свои талисманы и лѣкарства. Два раза его самого чуть не убили; но онъ не выдалъ прячущихся...

Баба Пенджабецъ и Сиккъ—послѣдователь Нанаки. Неполучеку отъ стѣнъ форта, на палящемъ берегу Гангеса сидитъ онъ въ вынѣ совершенно слѣпой и бѣлый какъ лунь старецъ. Гордо дралируя голое тѣло въ кусокъ бѣлой кисеи, онъ со своими серебристо-бѣлыми длинными волосами въ тихіе, безвѣтренные дни проходить скорѣе на мраморное изваяніе чѣмъ на живое существо. Вотъ что слово въ слово написано на великодушно прибитой городскимъ начальствомъ дощечкѣ, шагахъ въ шести отъ дѣда:

„Баба Сандасси, родомъ изъ Пенджаба. Человѣкъ испытанный и строгой честности, неспособный къ обману. Оказавъ много услугъ правительству. Сидитъ на семь камней съ 5 июля 1827 года. Ослабъ въ 1839 году лишившись зрѣнія вслѣдствіе постоянного сидѣнія на солнцѣ и отраженія лучей въ водѣ. Прохожимъ запрещается тревожить его. Желающіе съ нимъ бесѣдовать обязаны снимать башмаки

и садеги. По приказанію Алахабадскаго муниципалитета, октября, 1858 года.“

Снявъ обувь, мы подошли къ старику и привѣтствовали его словами: „да пребудетъ раджа Нанакъ съ благословеніемъ божиимъ во *сваргъ!* (раю)“. Такуръ, котораго слѣпецъ къ удивленію нашему узналъ еще за десять шаговъ и громко привѣтствовалъ благословеніемъ, тотчасъ же вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Мы узнали что слѣпой Сиккъ встаетъ и встаетъ съ мѣста лишь разъ въ сутки, въ глухую полночь: при помощи своихъ учениковъ, онъ сначала погружается въ священныя воды Ганги, а затѣмъ, омывшись, сѣдаетъ горсть рису на молокъ, и надѣвъ на плечи новый кусокъ кисеи, снова садится на мѣсто до слѣдующей полуночи. Подъ лалащимъ солнцемъ, подъ грозой и дождемъ мусуна сидитъ такимъ образомъ голый старецъ день и ночь, съ непокрытою головою, не имѣя даже и куска кисеи между теменемъ и небомъ. По увѣренію учениковъ его, онъ никогда не спитъ; по крайней мѣрѣ никогда и никто изъ нихъ не видалъ его лежащимъ; а если онъ и спитъ (чего ученики его впрочемъ не допускали), то спитъ съ открытыми глазами и сида, не имѣя возлѣ себя и жерди на что бы облокотиться. Куски кисеи, которые онъ никогда не носитъ на плечахъ болѣе одного дня, продаются иногда за большія деньги жителямъ крѣпко вѣрующимъ въ ихъ цѣлебное свойство послѣ того какъ они лобыли цѣлыя сутки на тѣлѣ Сикка. Вырученныя деньги постулаютъ въ сиротское заведеніе которое Сиккъ содержитъ единственно на собственный счетъ; въ это заведеніе принимаются безразлично дѣти всякаго вѣроисповѣданія; ихъ бываетъ иногда до 300. Тутъ постулаютъ и всѣ другія привошенія деньгами и вещами щедро расточаемыя на аскета, потребности коего состоятъ ежедневно въ рисѣ, молокъ, да въ пяти аршинахъ бѣлой кисеи. Часто послѣ продолжительнаго самосозерцанія онъ обращается къ тому или другому изъ учениковъ и посылаетъ его иногда за нѣсколько миль въ лѣса за извѣстными предметами, какъ-то: за корнемъ какого-либо растенія, за цвѣткомъ или камешкомъ, снабжая его при этомъ подробнѣйшими инструкціями. Такъ одинъ разъ, когда жена коллѣктора, заболѣвъ злокачественнымъ вередомъ на ногѣ, со-всѣмъ уже умирала и англійскіе врачи собирались было рѣзать ей ногу, угрожая въ противномъ случаѣ гангреной и

смертью, большая въ отчаяніи прислала мужа посоветоваться съ „дѣдомъ“. Супругъ былъ атеистъ и скелтикъ, и Сикку вѣрилъ не болѣе чѣмъ своему пастору. Однако лошелъ, отправясь къ нему, какъ новый Никодимъ—ночью. Не успѣвъ овъ даже начать объясненія въ чемъ дѣло, какъ „дѣдъ“ прервалъ его, посылая назадъ домой: „Твоей „мэмъ-саабъ“ сдѣлалось хуже, ты долженъ тотчасъ же слѣзнуть къ ней (говоришь слѣпой) и дать ей нюхать цѣлую ночь до утра вотъ эту траву; а рано утромъ на другой день ты получишь отъ меня (Сикка) мазь которая и вылѣчитъ ногу твоей жены.“

Озадаченный коллекторъ взялъ траву, какой-то сухой, вы, моченный тутъ же въ Гангъ лучекъ, и вернувшись нашелъ весь домъ въ смятеніи: его жена умирала, если уже не умерла. Забывъ весь скелтицизмъ, коллекторъ поднесъ ей подъ носъ траву и коллекторша очнулась, а къ утру спокойно уснула. Между тѣмъ „дѣдъ“ подозвалъ старшаго ученика (который и разказывалъ намъ это происшествіе), приказалъ ему перейти въ бродъ рукавъ Джумны, войти въ лѣсъ, направо, слѣдуя по третьей тропинкѣ, сосчитать двадцать три манговыхъ дерева и подъ двадцать четвертымъ къ югу и у самаго края дерева *искать*. Тамъ, верхка на два подъ землей, въ покинутомъ муравейникѣ, овъ найдетъ тигровый коготь, который и долженъ принести. Ученикъ отправился и, сдѣлавъ все какъ было приказано, принесъ коготь учителю. Сиккъ велѣлъ сперва обуглить коготь на огнѣ, затѣмъ истолочь въ мелкій порошокъ и прибавивъ разныхъ травъ, сдѣлалъ изъ него мазь и послалъ къ коллектору съ инструкціями. Черезъ недѣлю „мэмъ-саабъ“ пришла сама благодарить слѣлаго старика.. *

Всѣ съ кѣмъ мы только ни говорили о Сиккѣ, отзывались о немъ съ величайшимъ уваженіемъ, а Индусы и даже мусульмане—съ благоговѣйнымъ страхомъ.

XXV.

Народы Индіи не дѣлаютъ ничего въ половину: они или величайшіе фанатики, или же безусловные атеисты. Ихъ любовь какъ и ненависть безгранична, и когда Индусъ называлъ васъ безъ принужденія „братомъ“ или „другомъ“, то это не

* Это происшествіе намъ было подтверждено сестрой коллекторши, Черезъ три дня рака, не поддававшаяся никакимъ извѣстнымъ наука лѣкарствамъ, зажила совершенно.

лустая фраза. Всѣ наши спутники были „реформаторами“ (какъ ихъ здѣсь называютъ) и давно порвали всѣ связи съ браманами и сектами, но за то всѣ до одного были мистики, вѣрующіе въ высшее духовное развитіе человѣка, убѣжденные что такое развитіе способно поставить послѣдняго почти на уровень съ божествомъ, если только онъ того достоинъ. Но вмѣстѣ съ грубыми фанатиками и образованными, въ высшей степени экзальтированными (подобно Нараяну) мистиками къ толпѣ „свободныхъ мыслителей“ (какъ они себя величаютъ) съ каждымъ годомъ изъ рядовъ учащейся молодежи прибавляются новобранцы школы Чарлза Брэдло и Луса. За послѣднее десятилѣтіе подъ „благодѣтельнымъ“ вліяніемъ (скорѣе чисто англійскаго нежели западнаго) воспитанія происходитъ нѣчто феноменальное: все учащееся въ городскихъ школахъ и коллегіяхъ юное поколѣніе выпускается изъ оныхъ безвозвратно атеистическимъ. Исключенія чрезвычайно рѣдки.

Политика Англіи—никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не мѣшается въ чисто религіозные вопросы завоеванной страны. Можно, конечно, подозрѣвать что такое правило является слѣдствіемъ скорѣе трусливости чѣмъ либерализма правительства; но въ одномъ отношеніи оно оказывается весьма разумнымъ: оно до нѣкоторой степени служитъ „бальзамомъ“ для наболѣвшихъ политическихъ ранъ страны. Подъ разными вариантами англо-индійскія газеты, съ *Pioneer* во главѣ, постоянно напоминаютъ читателямъ что „Британское правительство совершенно неспособно когда-либо ввести элементъ религіознаго ханжества въ область своей твердо обрисованной политики.“

Слѣдуя золотому правилу, а также быть-можетъ и для того чтобы не оскорбить „христіанскихъ чувствъ“ своихъ савонниковъ, всѣ мѣста президентовъ, директоровъ и „принципаловъ“ туземныхъ коллегій отдаются тщательно выбираемымъ съ этою цѣлью, отъявленнымъ матеріалистамъ. Такъ какъ по своему серіозному и отвѣтственному значенію такіа должности всегда и важны и доходны, то понятво что ихъ приберегаютъ единственно для Англичанъ; туземцу, будь онъ въ тысячу разъ ученѣе своего принципала, такое положеніе недоступно.

Съ другой стороны, миссіонерамъ разныхъ сектъ, имя коимъ здѣсь легіонъ, не дозволяется входъ въ коллегіи. Вслѣд-

ствіе вышесказанной политики они возвращаются въ самыхъ лодкахъ общества, между паріями и недопускаемыми въ браманскія секты *мангами*. Въ постоянной борьбѣ и ссорахъ между собою, они, дабы насолить другъ другу, буквально *покупаютъ* обращенныхъ: паріи и манги, всѣ до единого или чертолокловники или безо всякой религіи, обратятся за деньги, а часто и изъ-за куска хлѣба во что угодно. Можно навѣрное сказать что нѣтъ ни одного обращеннаго въ христіанство Индуса, который бы не былъ воромъ, мошенникомъ, горькимъ пьяницей, а подъ часъ и убійцей. Миссіонерство въ Индіи—величайшая профанація христіанства. Ни одно европейское семейство ни за какія блага не найметъ въ услуженіе *обращенныхъ*. Миссіонеры открываютъ свои собственныя школы, но эти школы какъ и результаты оныхъ—одна только фарсъ. Падкіе на даровое ученіе, Индусы посылаютъ къ *падри* своихъ дѣтей только отъ пяти до семи, много до восьмилѣтняго возраста; послѣ этого, едва выучившихся читать дѣтей обыкновенно женятъ или выдаютъ замужъ; разъ вступившихъ въ брачное состояніе, юныхъ супруговъ конечно трудно заманить назадъ въ школы. Надежды на добровольное обращеніе разлетаются въ прахъ...

Еще безотраднѣе постановка этого дѣла у католиковъ. Основанная на собственныя средства, богатая іезуитская коллегія Св. Ксаверія въ Бомбей, вмѣсто того чтобы просвѣщать народъ, разсѣивать мракъ невѣжества и поучать юныхъ язычниковъ, окончательно сбиваетъ ихъ только съ толку. Воспитанники пресловутой коллегіи выходятъ изъ нея, правда, съ лоднѣйшимъ презрѣніемъ къ вѣрѣ и обычаямъ своихъ предковъ—обыкновенная система и хорошо извѣстная уловка сыновъ Лойолы; но за то они питаютъ еще сильнѣйшую, если возможно, ненависть къ римско-католической, если не къ христіанской вѣрѣ вообще. Не находя возможности прибѣгать въ Англійской Индіи къ столь издавленнымъ ими насильственнымъ обращеніямъ, отцы іезуиты являются здѣсь подъ такою циническою, отвратительною оболочкой, такъ грубо извращаютъ и безъ того шаткія понятія туземныхъ мальчиковъ о правдѣ и чести что подъ ихъ якобы *христіанскимъ* управленіемъ въ итогѣ получаются еще худшіе результаты чѣмъ подъ вольнодумною дирекціей такихъ ученыхъ атеистовъ какъ „принципалы“ на-примѣръ Бомбейской и Лагорской коллегій. Въ прошломъ

году одинъ изъ нихъ постоянно внушалъ своимъ давно уже свихнувшимся на Гѣксли и Тиндалъ воспитанникамъ замѣнитое изреченіе профессора Клиффорда: „Если справедливо называть какую-нибудь доктрину безнравственною, то какъ на самую безнравственную справедливѣе всего указать на ту которая признаетъ что провидѣніе или судьба вѣкъ насъ самихъ можетъ преодолѣть человѣка“ * или, другими словами, признаетъ какую-либо силу выше силы самого человѣка. Критики полпрозорливѣе другихъ старались объяснить напираніе профессора на эту фразу политическою цѣлью. „Англичане (говорилъ мнѣ одинъ юноша, ядовито улыбаясь) задумали хитрую штуку; они видимо желаютъ внушить намъ идею что они, и только *они одни*—провидѣніе и всемогущая, всесокрушающая какъ и вновь созидающая длань, управляющая судьбами нашихъ народовъ. Отъ нашихъ боговъ какъ и отъ Бога *надри* намъ видимо ожидать нечего“...

Поэтому съ психологической точки зрѣнія Индія представляетъ необычайно интересное зрѣлище. За исключеніемъ горсти „реформаторовъ“, она раздѣляется на два враждебные другъ другу лагеря: *фанатиковъ* и *ультра-скептиковъ*. Первые, лолные религіознаго суевѣрія, видятъ божество во всемъ: въ тигрѣ, въ коровѣ и ея хвостѣ, въ деревѣ, воронѣ и во всякой гадинахъ; вторые, не менѣе лолные того что позволяю себѣ назвать *суевѣриемъ научнымъ*, отрицаютъ все кромѣ матеріи. То что ихъ предки считали за бессмертную душу, въ томъ „юная Индія“ видитъ лишь результатъ взаимодѣйствія, углерода, водорода, кислорода и азота; вѣчто существующее лишь вслѣдствіе комбинацій этихъ элементовъ и исчезающее съ исчезновеніемъ причинъ, то-есть газовъ. Человѣкъ—дита *космическаго газа*, „огненнаго облака“, вторяютъ они за Тиндалемъ; въ немъ „не только болѣе грубые образы бытія, не только восхитительный и чудный механизмъ человѣческаго тѣла, но даже самъ человѣческій разумъ, умъ, воля и всѣ ихъ явленія... вся наша философія, вся наша поэзія, вся наша наука и все наше искусство, Платонъ, Шекспиръ, Ньютонъ, Рафаэль—все это находилось въ немъ, въ сокровенномъ и потенціальномъ состояніи“... **

* *Fortnightly Review*, December 1874, p. 730.

** *Scientific use of the Imagination*, by prof. Tyndall.

„Чудны творенія твои, о, Тиндааль!“ хоромъ восклицаютъ юные Индусы, поклоняясь этому свѣтилѣ науки.

Но со всѣмъ этимъ объ партіи, какъ ортодоксальная, такъ и атеистическая, глухо враждебны своимъ правителямъ. Партія ярыхъ, до безумія экальтивированныхъ браманами *фанатиковъ*, само собою разумѣется, никогда не помирится въ душѣ съ правительствомъ, которое даетъ имъ въ собственной ихъ странѣ лишь отрицательныя преимущества надъ миссіонерами ненавистной имъ религіи. Лагерь *материалистовъ*, ежегодно подкрѣпляемый цѣлыми партіями блестяще кончившихъ курсъ Индусовъ, выброшенныхъ въ океанъ житейскій этими университетами и коллегіями буквально безъ лады и компаса, безъ надеждъ въ этой жизни,—вслѣдствіе устраняющей ихъ ото всякаго участія въ управленіи страной политики и безъ надеждъ на жизнь будущую, въ которую наши азіатскіе поклонники европейскихъ „апостоловъ разума“ стыдятся вѣровать (какъ то дѣлали ихъ „гаулые предки“). Имъ остается въ жизни—нуль. Поэтому мы ихъ и застаемъ въ послѣдней четверти XIX вѣка перифразирующими на всѣ лады извѣстное изреченіе эликурейцевъ: „Ставемъ вѣсть, пить и веселиться... ибо завтра—всѣ мы превратимся въ угольную кислоту, воду и амміакъ!“

Позволяя себѣ это предисловіе, я не отступаю отъ моего разказа. Я только желаю представить русскимъ читателямъ Индію такую какою ее сдѣлала Англія, и приготовить ихъ этимъ самымъ къ яснѣйшему пониманію разсужденія въ которое мы не разъ вступали съ учеными пандитами*. Узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, эти пандиты и туземные философы стали приходить къ намъ цѣлыми партіями; нѣкоторые изъ нихъ пріѣхали нарочно для свиданія съ нами изъ Бенареса. Всѣ они говорили превосходно по-англійски; всѣ, подобно нашему другу Шамрао, вчитались Молешота и Бюхнера, знали на память и, главное, понимали Герберта Спенсера, Луса и Джона Стюарта Милля; бредили Гѣксли и Тиндаалемъ, и поклонялись Дарвину въ лицѣ его пророка Геккеля.

Они не сумѣли, какъ нашъ наивный Шамрао, выбрать изъ этого ученаго сумбура наиболѣе подходящія къ древнимъ философіямъ своей родины идеи, отбросить все остальное и

* Пандитъ—ученая степенъ въ Индіи, соответствующая степеню доктора философіи.

остаться при собственномъ мнѣніи. Они не сохранили даже искры той неугасимой и несокрушимой вѣры которой не потушить никакимъ Бюхнерамъ: вѣры въ верховную силу и загробную жизнь. Какъ ни искажаема подъ часть эта вѣра, какъ ни смѣшонъ лорой бѣднѣйшій, недоучившійся и вмѣстѣ переучившійся какой-нибудь Шамрао, величающій свой вибригетъ изъ Ману и Геккеля „новѣйшею религіозною философіей“, но слушая ученыхъ бредаи аллахабадскихъ и бенаресскихъ пандитовъ, мы не разъ въ душѣ дѣлали сравненіе, и конечно не въ пользу послѣднихъ.

Вернувшись отъ Бабы Сандасси, мы нашли у профессора Батачаріи огромное общество пандитовъ. Они просидѣли съ нами въ саду далеко за полночь. Мы пріѣхали изъ Америки изучать философію ихъ древнихъ и современныхъ религій, а они пришли тарашить съ неподдѣльнымъ изумленіемъ глаза на „западниковъ“ имѣющихъ глупость и безуміе предпочитать Калиду и Патанджали—Гёксли и Тиндалю, философію Ману и буддизмъ—позитивизму Огюста Конта. Отказавшись ото всякой вѣры, они однакоже не посмѣли отказать отъ касты и ея требованій. Стыдась носить даже затаенный образъ какого-либо божества въ глубинѣ сердца, они беззащитно выставляли половые символы Шивы и Вишну красною и бѣлою краской на лбахъ. Они смѣялись надо всѣмъ божественнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страшились людей и общественнаго мнѣнія. Не такъ ли зачастую бываетъ и у насъ въ Европѣ?..

Разговоръ конечно зашелъ объ ихъ древней философіи, о Рици, югахъ и аскетахъ. Пандиты вполнѣ распоясались и съ гордостью достойною лучшаго дѣла стали раскрывать предъ нами всѣ нравственныя язвы нанесенныя, а затѣмъ постоянно растравляемыя въ нихъ одною и тою же искусною рукой ихъ англійскихъ „принципаловъ“. Неужели насъ могли интересовать бредаи древнихъ метафизиковъ и богослововъ? спрашивали они. Кто же кромѣ ханжей, факировъ, да полоумныхъ аскетовъ можетъ еще видѣть какое-либо значеніе напр. въ тройномъ божествѣ? Баба Сандасси старый дуракъ, а факировъ лѣзущихъ для очищенія отъ грѣховъ въ Гангу и остающихся подъ водой, рискуя въ ней утопиться, пока они трижды не прочтутъ *мантры*, правительству слѣдовало бы засадить въ рабочій домъ...

Наши доводы и противорѣчія ужасно раздражали нѣкоторыхъ изъ нихъ. Одинъ статный Индусъ, драпированный въ бѣлую съ золотомъ шаль, съ золотыми кольцами на всѣхъ пальцахъ ногъ, огромнымъ знакомъ Вишну на лбу и въ золотомъ *pinse-nez* (!) обратился наконецъ ко мнѣ уже съ прямымъ вопросомъ: „Неужели я, проживъ такъ долго въ Америкѣ, родинѣ Томаса Пена, вѣрю еще въ какое-либо божество?“

— Признаюсь вѣрю, и вовсе не каюсь въ такой невѣжественной слабости, послѣдовалъ мой отвѣтъ.

— И въ „душу“ человѣка? переспросилъ онъ со сдержанною усмѣшкой.

— Да, и въ душу; и какъ ни удивительно, даже въ *безсмертный* духъ...

Юный магистръ, нервно загнувъ кольцами на ногахъ, обратился съ новымъ вопросомъ, довольно на этотъ разъ оригинальнымъ:

— Стало-быть, по вашему, Гѣксли шарлатанъ и глупецъ? Въ свою очередь мнѣ пришлось вытаращить глаза.

— Это почему же?... осведомилась я у *pinse-nez*.

— Потому что или онъ, признанный всѣми авторитетъ, знаетъ о чемъ онъ говоритъ, или же онъ шарлатанъ, разсуждающій о томъ чего не понимаетъ...

— Гѣксли, сказала я,—какъ натуралиста, физиолога и ученаго не только признаю, но и преклоняюсь предъ его знаменемъ, уважая въ немъ одинъ изъ величайшихъ авторитетовъ нашего времени, то-есть во всемъ касающемся чисто физическихъ наукъ; но какъ о философѣ имѣю о немъ весьма невысокое мнѣнiе.

— Но вѣдь противъ логическихъ выводовъ основанныхъ на *фактахъ* трудно идти... Вы читали его статью въ *Fortnightly Review* объ „автоматизмѣ человѣка“?

— Кажется, читала... и кой-что заломила изъ его удивительныхъ софизмовъ... Но чтѣ жь о ней?

— Вотъ чтѣ. Профессоръ въ ней *неоспоримо* доказалъ что человѣкъ не болѣе какъ сознательный и сознающій себя *автоматъ* *, добавляя къ этому въ своихъ *Lay Sermons* что человѣкъ—„хитрѣйшiй изъ часовыхъ приборовъ природы“ **, но не болѣе.

* *Fortnightly Review*. November. 1874, p. 577.

** *Lay Sermons*, p. 164.

Мнѣ немного начиналъ надѣяться этотъ споръ; я взглянула на Гулабъ-Лалль-Синга. Тотъ сидѣлъ нахмуривъ брови, не мѣшаясь до этого времени въ разговоръ. Зная его презрѣніе къ современному матеріализму, мнѣ захотѣлось втянуть и его въ споръ. Какъ бы помаявъ мою мысль, онъ тутъ же послѣшилъ мнѣ на помощь.

— Позвольте мнѣ отвѣчать вамъ за нашу гостью, ладить саубъ. Я прочелъ упоминаемую вами статью очень недавно, и у меня можетъ-быть сохранились свѣжѣе въ памяти ученые софизмы Гѣксли; я готовъ привести вамъ самыя рѣзкіе изъ нихъ. Дѣйствительно, Гѣксли называетъ человѣка „автоматомъ“ и „часовымъ приборомъ природы“... Но дѣло не въ самомъ выраженіи, а въ томъ, успѣлъ ли онъ доказать то что говоритъ? Я говорю и докажу что не только не успѣлъ, но что онъ самымъ ребяческимъ образомъ противорѣчить своимъ словамъ...

„Pince-nez“ просто подскочилъ при такомъ кощунствѣ противъ науки. Какъ? гдѣ?... великій Гѣксли противорѣчить себѣ?... Укажите и объясните...

— Если позволите, объясню и укажу, и право это не будетъ стоить большого труда. Вы забываете что сокрушивъ достоинство человѣка элитетомъ „автомата“, быть-можетъ изъ сожалѣнія къ недозрѣвшей до его великихъ идей публикѣ, къ маленькимъ слабостямъ меньшей и *не ученой* братіи, то-есть тѣхъ которые (говоря языкомъ Герберта Спенсера) „не послѣваютъ за современнымъ быстрымъ движеніемъ завоевателей на почвѣ естественной исторіи и поэтому отстаютъ отъ физическихъ наукъ“—Гѣксли тутъ же снисходительно добавляетъ нѣчто весьма странное. Называя человѣка „автоматомъ“, онъ между тѣмъ великодушно допускаетъ что эта машина „одарена до известной степени свободною волей, такъ какъ во многихъ случаяхъ человѣкъ способенъ поступать согласно съ собственными желаніями...“ * Не такъ ли, если помните?...

— Кажется такъ... смущенно заявляетъ pince-nez.

— А если такъ, то мы должны думать что эта оговорка является лишь ради общаго предразсудка, и подносится профессоромъ публикѣ въ видѣ сахара на горькой пилюль; потому что вѣдь иначе выходитъ что нашъ Гѣксли, величайшій

* *Fortnightly Review*, *ibid*, стр. 577.

изъ современныхъ ученыхъ, просто противорѣчить самъ себѣ... И однако даже и вы должны согласиться что человѣкъ одаренъ свободною волей?...

— Конечно. Но въ чемъ же вы видите тутъ такое великое противорѣчіе?...

— Неужели же вамъ не совершенно ясно что этимъ добавленіемъ, этою ловидимому простою оговоркой Гѣксли, въ родѣ японскаго самоубійцы, самъ накладываетъ на себя какъ и на свою теорію руки, и что такъ ловко придуманное имъ выраженіе „автоматъ“ является черезъ эту несчастную для него оговорку чисто нелѣпостью?... Сперва, по его увѣренію, человѣкъ въ буквальномъ смыслѣ, и не менѣе лягушки и кролика, есть не что иное какъ не обладающій никакою собственною волей „автоматъ“; затѣмъ допускается что этотъ автоматъ въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ поступать по собственному усмотрѣнію, и наконецъ что его „воля должна приниматься во вниманіе какъ условіе вліяющее на теченіе дѣлъ.“ (*Physical Basis of Life.*) Въ итогъ получается то что человѣкъ остается, послѣ этого ученаго объясненія, тѣмъ же чѣмъ всегда былъ, то есть *мыслимымъ и одареннымъ свободною волей существомъ*. Этотъ одаренный свободною волей „автоматъ“ является интересною и конечно неожиданныю новостью въ области физическихъ наукъ, какъ замѣтилъ его оппонентъ Др. Эламъ. Потому что вѣдь ни скептику, ни вѣрующему, никогда не можетъ придти въ голову что свободная воля есть что-либо иное кромѣ простаго свойства поступать по собственной волѣ!... Такимъ образомъ „автоматъ“ разсылается въ прахъ, и мы видимъ что Гѣксли не дурно было бы поучиться логикѣ у нашего Канады и другихъ философовъ которыхъ вы такъ презираете.

— Прекрасно... положимъ что въ этомъ вы правы... бормоталъ огорошенный магистръ.—Но вотъ возьмемъ другой примѣръ... Тиндалъ, который говоритъ существенно то же самое: „Матерія и только одна матерія содержитъ въ себѣ всѣ обѣщанія, все могущество земаго бытія!“ объявляя оны въ 1874 году предъ отборнѣйшею и ученѣйшею публикой въ мірѣ, на Бельфастскомъ собраніи. Это счастливое выраженіе: „In matter I discern the promise and potency of all terrestrial life“, вызвавъ на Тиндала злобу всѣхъ отсталыхъ фантазеровъ, облетѣло теперь весь свѣтъ... оно сдѣлалось настоящимъ лозунгомъ физики!...

— Но только совершенно напрасно привело въ трепеть ужаса весь вѣрующій міръ—можете добавить. Подобно Гѣкслю, Тиндалъ въ другой лекціи самъ опровергаетъ свое „счастливое выраженіе“. Не угодно ли вамъ заглянуть въ его *Scientific Materialism*, отвѣтъ на критику (Dr. Мартино) этого самаго, поднявшаго міръ на дыбы, выраженія. Тамъ онъ совершенно ясно сознается въ томъ что наше „внутреннее сознание“ (*consciousness*) принадлежитъ „совершенно къ другому классу явленій, соотношеніе коего съ физическою наукою *нельзя*“ (?) и тутъ же, раздѣляя явленія природы уже на два, а не на одинъ классъ, почтенный материалистъ начинаетъ разсуждать о той (между обоими классами) безднѣ, перешагнуть которую невозможно и которая такъ и „останется навѣки *непродолимою* въ умственномъ смыслѣ... (*intellectually impassable*)...“ Увы! гдѣ же оно теперь? Куда дѣвалось это пресловутое всемогущество его матеріи?...

Пандиты переглядывались. Видно было что наша коса на камень. Слышать какъ двухъ такихъ патриарховъ науки, каковы Гѣксль и Тиндалъ, обвиняютъ въ томъ что они сами еще не знаютъ того чему желаютъ учить другихъ, и не быть въ состояніи заступиться за этихъ пророковъ положительныхъ наукъ, и грустно и обидно. Наша партія торжествовала...

— А теперь, продолжалъ Такуръ,—позвольте и мнѣ, въ мою очередь, цитировать слова другаго не менѣе ученаго и столь же извѣстнаго какъ и тѣ два ученые натуралиста—въ подтвержденіе шаткости ихъ теорій. Вспомните что говоритъ Дюбуа-Реймонъ о явленіи сознанія: „Совершенно и на вѣки остается недостижимымъ чтобы данное количество атомовъ углерода, водорода, азота и кислорода могли являться наука иначе какъ безусловно пассивными (*indifferent*) къ своему положенію и движеніямъ и это—въ прошломъ, настоящемъ какъ и въ будущемъ“. Эти слова, въ добавокъ, цитируются самимъ же Тиндалемъ. * И къ нимъ уже въ собственныхъ словахъ онъ добавляетъ слѣдующее: „Непрерывность (*continuity*) между молекулярными процессами и явленіями сознанія... *скала* на которой материализму суждено неминуемо разбиваться при каждой его претензіи считаться полною философіей человѣческаго мышленія“... И несмотря на такое полное сознаніе въ одной статьѣ, онъ, въ другой

* *Fortnightly Review*, November 1875, p. 585.

статья „О научномъ матеріализмѣ“ (стр. 419), не заливаясь разсуждаетъ объ „отношеніяхъ физики къ сознанию“ какъ о чемъ-то „неизмѣнномъ“ и положительномъ...

— Въ этомъ его поддерживаютъ всѣ другіе авторитеты науки... уже робко ввернули слово ландиты, — и Вирховъ тоже...

— Далеко не всѣ, перебилъ локонникъ спорщиковъ, — а только нѣкоторые, да и тѣ въ умѣренномъ числѣ.

— И право, требуется не болѣе самаго поверхностнаго знакомства съ физиологіей и патологіей, добавилъ Гулабъ-Лалль-Сингъ, — чтобы придти къ убѣжденію что не только „неизмѣннаго“, но даже и исключительнаго отношенія очень мало найдется между чистою физикою и даже физиологіей, а не только что между чисто психическими явленіями... Что же касается Вирхова, то онъ, отдѣлавъ *Антропогенію* Геккеля, въ то же время (хотя и косвенно) отдѣлалъ и тѣхъ кто такъ горячо поддерживали это сочиненіе при его появленіи.

— Очень жаль, буркнулъ ландитъ въ ринсе-пез, — потому что въ такомъ случаѣ Вирховъ идетъ противъ авторитета одного изъ величайшихъ мыслителей своей родины, именно противъ Бюхнера. А вѣдь самъ же Бюхнеръ говоритъ въ *Kraft und Stoff* (стр. XXVII. Предисловіе): „натуралисты всѣ давно доказали что за исключеніемъ силъ физической, химической и механической, нѣтъ другихъ силъ въ природѣ.“

— Не сомнѣваюсь что Бюхнеръ это говоритъ, какъ и въ томъ что у васъ отличная память, наемѣшливо отвѣтилъ Такуръ.— Да то ли еще онъ говоритъ! Вотъ, напримѣръ, онъ какъ бы повторяетъ слова нашего Ману: „Матерія—начало всего существующаго; всѣ естественныя и умственные силы природы присущи ей (стр. 32). Природа всезарождающая и всепожирающая есть собственное начало и конецъ, рожденіе и смерть. Она произвела человѣка собственнымъ могуществомъ и беретъ его къ себѣ назадъ...“ (стр. 88). Но Ману, говоря то же самое,* однимъ простымъ заявленіемъ что все

* „Изъ собственной его (Брамы) эссенціи ступаетъ мировая эфиръ—материализация его воли, видимая и невидимая, осязаемая и неосязаемая матерія, разлагающаяся по его духовенію на огонь, воду, землю и воздухъ. Изъ паровъ земныхъ (дыханіе Брамы) зараж-

видимое зараждается отъ *невидимой*, но *сознательной* силы, стоитъ въ отношеніи логики какъ и философіи стократъ выше всѣхъ Бюхверовъ прошлыхъ и будущихъ. Что нѣкоторые естествоиспытатели и такъ-называемые философы *упрямятъ* насъ будто кромѣ этой тройной матеріальной силы нѣтъ другихъ силъ въ природѣ, то это всякому извѣстно. Но чтобы они когда-либо *доказали* свои гипотезы прямымъ подтвержденіемъ науки, это я положительно отвергаю...

— Но неужели же намъ въ XIX столѣтіи предпочитать Бюхверу и Гѣкслю—Ману?

— Если Ману въ сущности учить тому же что и западные современные ученые, такъ почему бы и нѣтъ? Вы не можете не согласиться что Ману *предупреждаетъ* въ своемъ ученіи почти все то что проповѣдаютъ теперь свѣту гг. эволюционисты—„апостолы разума“, выдавая свои теории за нѣчто совершенно новое. Если же Ману услѣдуетъ еще и въ томъ на чемъ обрываются эти апостолы матеріи и повтому отрицаютъ оное, то-есть если онъ логически доказываетъ необходимость связи между духомъ и матеріей и устами Патанджали * подтверждаетъ эту связь экспериментальными демонстраціями надъ самою двойкою природою человѣка—этого высшаго тайника духа и матеріи,—то я положительно утверждаю что Ману стоитъ несравненно выше современной науки, по крайней мѣрѣ во всемъ касающемся какъ чисто духовной природы, такъ и физиологіи человѣка.

даются всѣ твари и вещества органическія и неорганическія, изъ сѣмени брошеннаго въ землю, оплодотвореннаго божественнымъ духомъ и зародившагося изъ его собственнаго безконечнаго и безначальнаго вещества—всемірнаго сѣмени.“ (Шлока, XV)... „Давъ міру время развиться по законамъ перерожденія (эволюціи) верховный властелинъ, оплодотворяющій послѣ каждой *празайи* (периодическаго міроваго разрушенія, или правильнѣе, исчезновенія міра изъ объективнаго въ субъективный) лучезарное ядро природы, по окончаніи своихъ перерожденій (трансформаций) снова погружается въ душу вселенной—Парабраму“ (Ману, книга 1).

Брама—міровое воплощеніе Парабрамы, богъ въ образѣ природы. Невидимый и безо всякаго образа духъ оживотворяетъ лишь лучезарное чрево (ядро), изъ котораго и появляется двулопый Брама, или творческая сила Парабрамы, при началѣ каждаго новаго цикла.

* Патанджали—основатель системы *йогизма* и психологическаго развитія человѣка посредствомъ постепеннаго измѣненія его физической природы.

— Вы намъ, кажется, совѣтуете вернуться къ идолопоклонству? послѣдовалъ пролическій вопросъ.

— Нисколько. Наши древніе философы никогда не учили насъ поклоняться идоламъ. Къ тому же и совѣтовать вамъ это было бы напрасно, когда вы и безъ того воздаете честь Вишну и Шивѣ и другимъ богамъ, до сихъ поръ еще не стеревъ ихъ знаковъ съ вашего лица... Если ужъ вы рѣшили разъ откинуть всѣ обычаи старины, то почему же вы не разстанетесь и съ этими языческими знаками?

— Это... это обычай касты... и не имѣть ничего общаго съ вѣрой въ идоловъ, бормотали переконфуженные пандиты.

— Какъ не имѣть? Неужели вы забыли или никогда и не знали что касты, по ученію брамановъ, основаны самими богами; что боги первые подчиняются кастѣ, и лица идоловъ украшаются ежедневно каждое знаками своей особенной секты? неумолимо преслѣдовалъ ихъ Такуръ.

— Но вѣдь и наши лучшіе философы, спорили пандиты, — вѣроятно носили эти знаки... Если мы вѣримъ Дарвина и Геккелю, то быть-можетъ лишь потому что эти ученые доплавляютъ и окончателно развиваютъ матеріалистическія воззрѣнія Капила и Ману. *Санкія* Капила, напимѣръ, не менѣе атеистическая философія нежели Геккелевская *Антропогенія*.

— Вы вѣроятно забыли ученіе Капила... Тамъ гдѣ Геккель видитъ силу и творчество въ одной матеріи, Капила считаетъ невыслимымъ что-либо приписывать *пракритъ* * безъ содѣйствія *пуруши* **. Онъ сравниваетъ ихъ: „пракритъ“ съ человѣкомъ со здоровыми ногами, но безглазаго и безголоваго, а „пурушу“ — съ существомъ съ глазами и мозгомъ, но безъ ногъ и движенія. Для того чтобы міръ могъ развиваться и произвести наконецъ человѣка, *пуруша* (духъ) долженъ былъ сѣсть на шею безголовой *пракриты* (матеріи), и только тогда она стала одарена сознаниемъ жизни и мысли, а *пуруша* получилъ способность двигаться ея ногами и заявить о своемъ существованіи. Если *пуруша* безсиленъ въ своихъ заявленіяхъ и есть какъ бы одна не существующая

* *Пракрита* — пластическая матерія, природа въ своемъ хаотическомъ и неясномъ состояніи.

** *Пуруша* — духъ неосознаемый и не проявляющійся въ природѣ иначе какъ чрезъ пракриту или матерію которую онъ оживляетъ.

абстракція безъ помощи объективной формы *пракритъ*, то послѣдняя и того хуже. Безъ содѣйствія духа и его оживотворяющаго вліанія она лишь куча безжизненнаго навоза...

— Мы слышали что васъ также занимаетъ и древній зооэстрианиззмъ, пристававъ ко мнѣ другой пандитъ.—Какое ваше мнѣніе о солнцѣ какъ о божествѣ—о *Сурью*?

— Лучше, по-моему, вѣрить даже въ *Сурью* нежели ни во что. Солнце которое насъ грѣетъ и кормитъ давая жизнь всей земной природѣ куда лучше Бюхнера и членовъ Королевскаго Общества, предъ которыми вы творите какъ предъ какими-то божествами „луджу“...

— Но если вѣрить въ *Сурью*, такъ почему же разомъ не вернуться къ вѣрѣ во всѣ тридцать три милліона нашихъ древнихъ боговъ — въ Кали, Кришну и даже Ханумана?..

— Да я вамъ вовсе и не совѣтую вѣрить въ того или другаго, защищалась я.—Я говорю сравнительно, и повторяю что по моему лучше вѣрить *даже* въ Ханумана чѣмъ, на примѣръ, въ *Bathybius Haeskelii* или въ миопческаго безхвостаго антропоида, котораго Геккель намъ жадуеъ въ предки...

— Онъ доказываетъ то что говоритъ... Геккель начинаетъ эволюцію бытія съ первыхъ атомовъ и логически развиваетъ постепенную трансформацию отъ первородной протоплазмы...

— Такъ лускай и развиваетъ на здоровье. А по-моему *мукусъ* и всѣ протоплазмы гг. Окена и Геккеля ничуть не умнѣе первобытной тины и чудовищъ которыми Берозій заселяетъ эту тину въ своей древней сказкѣ о сотвореніи міра...

Пандиты наконецъ ушли, унося съ собою полное убѣжденіе въ томъ что мы невѣжественные ретрограды.

— Ну, хороша же ваша ученая „юная Индія“! говорилъ полковникъ.—У меня положительно разболѣлась голова отъ ихъ бредней...

— За это благодарите Англичанъ, отвѣчалъ Такуръ;—а съ насъ несправедливо взыскивать за чужіе грѣхи.

XXVI.

Мы снова въ темныхъ, душныхъ вагонахъ. Черезъ пять минутъ поѣздъ съ оглушающимъ грохотомъ промчитъ насъ черезъ длинный мостъ на Джумпѣ, а черезъ шесть часовъ мы будемъ въ Каунпурѣ, гдѣ Англо-Индія перевернула самую кровавую страницу своей исторіи. Насъ провожаютъ наши голоногіе друзья ландиты въ шитыхъ золотомъ шалахъ; къ нимъ присоединились нѣсколько бенгальскихъ бабѣ, въ бѣлосѣбныхъ кисейныхъ тогахъ и всѣ до одного простоволосые. Вдали мелькаетъ „оберъ-шлюнгъ“; мы видимъ какъ онъ садится въ сосѣдній съ нами вагонъ, въ сопровожденіи большой корзинки наполненной бутылками водки и содовой воды и ащика со льдомъ. Такуръ уѣхалъ съ Нараяномъ на кануръ приготовить для насъ такое мѣсто куда еще „никогда не ступала нога Англичанина—и не ступитъ“ (говорилъ онъ). А пока мы должны удовольствоваться этимъ обѣщаніемъ и даже не спрашивать его объ этомъ, особенно въ присутствіи мистера У*** и миссъ Б***, которые хотя теософы и наши друзья, но все же Англичане. Можно положительно сказать что въ Индіи никто изъ этой націи не будетъ произведенъ во святые....

Всѣ окна вагона съ темнозелеными стеклами, иваче пассажиры могли бы ослабнуть. Когда ихъ спускаютъ, то на ихъ мѣсто поднимаются подвижныя ставни изъ кускуса на шалахъ. Вдѣланныя по обѣ стороны оконныхъ рамъ въ стѣнахъ вагона гидравлическія машины, при каждомъ поворотѣ колеса поѣзда обливаютъ ставни водой, отчего они вертятся какъ вентиляторы въ форточкахъ и якобы пропускаютъ разсѣаемый поѣздомъ прохладный воздухъ. Но увы! не отъѣхали мы и двухъ миль какъ пощупавъ ставень рукой, я чуть-было не обожгла себѣ пальцы: вода на солнцѣ сдѣлалась совершенно горячею. Въ прошломъ году, въ іюнѣ (разказывалъ намъ за нѣсколько минутъ до отъѣзда содержатель Келлеровскаго ресторана на Аллахабадскомъ вокзалѣ, Французъ Монкутье), съ полуденнымъ поѣздомъ пріѣхало семейство одного полковника. Когда пассажиры стали выходить на платформу, то изъ вагона полковника выскочили два мальчика крича и плача... Въ вагонѣ неподвижно лежали

полковникъ—мертвецки пьяный и жена его, болѣзненная женщина лѣтъ двадцати двухъ,—мертвая. Доктора рѣшили что смерть приключилась вслѣдствіе апоплексіи отъ жары. У самого Монкутье умерли въ одинъ день его два сына (двѣнадцати и четырнадцати лѣтъ) выбѣжавъ только на нѣсколько минутъ на солнце. Бѣдный Французъ со слезами разказывалъ намъ про смерть своихъ сыновей, суетясь въ то же время за прилавкомъ, гдѣ онъ втридорога продалъ намъ папирсы, постоянно притомъ предлагая намъ *un verre d'absinthe ou de vermouth*. — „Ah, le gredin de pays! повторялъ онъ захлебываясь слезами при воспоминаніи о дѣтяхъ: *Un vrai enfer, quoi!... Et puis, pas un de ces cochons d'Anglais qui sache un mot de français. Oh, que je voudrais donc voir un jour les Russes ici!*“...

Мы засмѣялись, но сочли за лучшее не принимать участія въ его опасныхъ пожеланіяхъ. Обернувшись, мы увидали за слиной нашего бѣлокураго шпіона, которому лакей наливалъ „прохладительное“ питье изъ бутылки рома. На этотъ разъ бѣдный Монкутье должно-быть сръзлся въ своихъ свѣдѣніяхъ о не говорящихъ по-французски Англичанахъ. Возвращаясь въ Бомбей едва чрезъ мѣсяць послѣ того, мы уже не застали Француза за прилавкомъ, подрядчикъ Келлеръ смѣшилъ его и усадъ на другую и дальнюю станцію за „болтовню“.

Наканунѣ отъѣзда Такуръ принесъ намъ пучокъ свѣжихъ листьевъ и предложилъ попробовать ихъ. Вкусомъ они напоминали щавель, оставляя рту прохладное какъ послѣмяты ощущеніе. Онъ взялъ съ насъ формальное обѣщаніе держать по маленькому кусочку этихъ листьевъ во рту во все время переѣзда до Канпура и вообще днемъ во время жары. „Пока вы ихъ будете жевать какъ бетель, жара не будетъ имѣть на васъ вреднаго вліанія (сказалъ онъ намъ), и вамъ подчасъ даже будетъ слишкомъ прохладно“. И дѣйствительно, мы съ тѣхъ поръ будто не чувствовали зноя. Но намъ не удалось уговорить У*** держать эту траву во рту, а миссъ Б*** постоянно ее выплевывала, и оба чуть было не заболѣли. Искренно сожалею что не имѣю права ни описать этого растенія, ни послать его въ Россію для изслѣдованія: Индусы странный народъ, и даже самъ Такуръ, лучшій и благороднѣйшій изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ Индусовъ и нашъ преданнѣйшій другъ, не свободенъ отъ этихъ странностей.

Онъ какъ будто скрываетъ познанія своей родины, особенно такія на которыя современная наука взираетъ какъ на нѣчто сказочное. На наши вопросы: почему бы ему не обогатить и западную науку лишнимъ открытіемъ, столь полезнымъ въ этой знойной странѣ, онъ какъ-то загадочно улыбнулся, замѣтивъ что эта трава растетъ только въ Индіи, да и то встрѣчается весьма рѣдко, и что всѣхъ де не спасешь. „Наука на Западѣ богата и безъ нашихъ крохъ, и вы, которые у насъ все взяли, оставьте намъ хоть эти крохи“, добавилъ онъ.

Каунпуръ—мѣсто безо всякой исторіи, и пока Англичане не избрали его въ 1777 году передовымъ постомъ для своихъ гарнизоновъ въ Индіи, оно оставалось въ полной неизвѣстности. Станція желѣзной дороги находится за городомъ, и мы уже собирались взять двѣ раззолоченныя *гары* на волахъ, когда слуга Такура объявилъ намъ что его *маха саабъ* (великій господинъ) выслалъ намъ европейскій экипажъ. Это былъ обитый арколунцовымъ бархатомъ, четырехмѣстный ландо, съ двумя висѣвшими позади какъ двѣ крупныя капли крови *саусахи*, въ красныхъ съ золотомъ кафтанахъ и такихъ же тюрбанахъ, и съ четырьмя такими же саусами въ ливреяхъ, долговыми и быстроногими скороходами, бѣжавшими впереди ландо. Прибавьте къ этому четырехъ конныхъ Раджпутовъ, тѣлохранителей Гулабъ-Лалль-Синга, и вы поймете почему полковникъ, садясь въ карету, замѣтилъ: „Перенесись мы какимъ-либо волшебствомъ въ Нью-Йоркъ, насъ навѣрно приняли бы за продающихъ зубной элексиръ и магическіе порошки пріѣзжихъ шарлатановъ“. Но мы были въ Индіи, и народъ встрѣчаясь съ нами чуть не бросался на землю предъ такимъ яркимъ величіемъ.

Первое бросившееся намъ въ глаза строеніе была лустая, изъ темнокраснаго кирпича, огромная церковь безъ оконъ и дверей, съ высокою остроконечною колокольней. Это зданіе въ продолженіе слишкомъ трехъ недѣль служило слабою крѣпостью перерѣзанному въ послѣдствіи гарнизону, засѣвшему въ немъ по открытіи мятежа 6 іюня 1857 года.

Что было первою причиною этого кроваваго мятежа? Европа читаетъ реляціи Англичанъ и воображаетъ что читаетъ исторію. Ей даже и въ голову не приходитъ спросить, есть ли между многими исторіями бунта хоть одна написанная вѣрно и безпристрастно. Индусовъ никогда и никто не спра-

шивалъ сколько въ показаніяхъ ихъ завоевателей истины, которая изъ двухъ сторонъ виновна въ большихъ преступленіяхъ и кто совершилъ болѣе звѣрскихъ жестокостей: образованный ли, гуманный Европеецъ, или дикій, доведенный до изступленія Азіятецъ? По этому поводу мы собирали *факты* не отъ одного, а отъ многихъ, отнюдь не сговоривавшихся между собою людей. Ихъ показанія въ главныхъ чертахъ согласуются вполнѣ, поэтому мы и вѣримъ имъ болѣе нежели всѣмъ „исторіямъ“ мятежа 1857 года взятымъ вмѣстѣ. „Смазаные свиннымъ саломъ патроны“, причина бунта *мусульманъ*, и „ремни“ изъ коровьей кожи возмущившіе *Индусовъ*—не что иное какъ послѣдняя, переполнившая сосудъ горечи капля...

За нѣсколько времени до мятежа, въ Битхлурѣ, большомъ мѣстечкѣ на правомъ берегу Ганги, въ 12 миляхъ отъ Каулпура, проживалъ Индусъ изъ стариннаго и гордаго рода, по имени Дундху Пунтъ, болѣе извѣстный подъ прозвищемъ Нана-Сауба. Онъ былъ усыновленнымъ наслѣдникомъ послѣдняго „лейшва“ (царственнаго главы Махратской конфедераціи) Баджи-Рао и по смерти послѣдняго получилъ въ наслѣдство всѣ его помѣстья, сокровища и имѣнія. Нѣкоторые Англичане, подобросовѣстнѣе, сознаются въ томъ что этотъ молодой человекъ, двоюродный братъ махараджи Синдїи, имѣлъ полное право ненавидѣть правительство. Въ своемъ официальномъ рапортѣ полковникъ Шереръ пишетъ, напри- мѣръ, слѣдующую многозначительную фразу: „Этотъ человекъ имѣлъ къ намъ претензію на которую мы, Бритты, съ обычнымъ всѣмъ преуспѣвающимъ господамъ несимпатическимъ обхожденіемъ, не обратили никакого вниманія.“ Усыновленный въ 1832 году, еще ребенкомъ, Нана-Саубъ выросъ въ полной увѣренности что онъ наслѣдуетъ титулъ и положеніе „лейшвы“—честь въ сущности, благодаря Англичанамъ, болѣе номинальная чѣмъ дѣйствительная, но все же льстившая самолюбію того кто имѣлъ на нее право. За пять лѣтъ до бунта, старый Баджи-Рао умеръ, а вслѣдъ за его смертью тогдашнее правительство лорда Дальгузи тотчасъ же и безо всякаго повода объявило что званіе „лейшвы“ упразднено и что принцъ Дундху наслѣдуетъ лишь частныя помѣстья и собственность отца. Вслѣдствіе этого, получаемый старымъ раджей пенсіонъ былъ прекращенъ; арміи приказано не отдавать чести наслѣднику, и даже нѣсколько старыхъ,

давно негодныхъ артиллерійскихъ орудій, великодушно оставленныхъ свергнутому съ престола принцу, которыми бѣдный узникъ тѣшился на старости лѣтъ, отняты у Нана-Сауба. Въ продолженіе четырехъ слишкомъ лѣтъ юный принцъ разорялся въ напрасныхъ усиліяхъ заставить директоровъ Компаніи отмѣнить несправедливое рѣшеніе. Въмѣсто того чтобы твердо, но ласково обратить его вниманіе на тщетность его хлопотъ, дирекція показала ему на дверь грозя отнять у него даже его частное наслѣдіе. Между тѣмъ у Нана-Сауба были двѣ сестры, двѣнадцати и тринадцати лѣтъ; старшая красавица, и обѣ замужемъ. Потѣхавъ однажды съ кормилицей и слугами на богомолье, онѣ подверглись нападению пьяныхъ офицеровъ, которые ворвались въ передній дворъ пещернаго храма, когда тѣ только что сошли раздѣтыя въ священныи танкъ, и... обезчестили обѣихъ. Единогласное показаніе увѣряетъ будто Нана-Саубъ убилъ обѣихъ дѣвочекъ собственною рукою и *по илтъ же неотступной просьбѣ*; а убивъ вылилъ ло калѣ крови каждой и покаялся на ней отмстить женамъ и дочерамъ Англичавъ, или же умереть самому. У Нана-Сауба былъ довѣренный и любимый имъ другъ, Индусъ насильно обращенный въ мусульманство, который, бѣжавъ изъ Хайдерабада и получивъ пріютъ и защиту у Нана-Сауба, вернулся къ индійской вѣрѣ. Англичанамъ Индусъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Азимъ-муллы-хана. Этотъ Азимъ былъ правою рукою и секретаремъ Нана-Сауба. Въ началѣ 1855 года, Азимъ былъ посланъ своимъ господиномъ въ Англію искать защиты въ парламентѣ. Теперь Англичане представляютъ его какимъ-то низкимъ лакеемъ и поставщикомъ для гарема Нана-Сауба, хотя послѣдній по смерти отца былъ посвященъ въ званіе *брамачаріи*, то-есть свѣтскаго монаха, и не только никакого гарема, но и жены не имѣлъ. Англичане въ своихъ „исторіяхъ“ жалуются на Азима, называя его „тигромъ въ человѣческомъ образѣ“, обвиняютъ его въ томъ что онъ будто бы шпионилъ за ними подъ Севастополемъ и, провѣдавъ объ ихъ слабостяхъ, превеличилъ де оныя въ глазахъ своихъ соотечественниковъ, которые повтому и осмѣлились взбунтоваться; наконецъ, Азимъ-мула-ханъ вошелъ будто бы „въ заговоръ со врагами Великобританіи въ Турціи и даже тайкомъ ѣздилъ въ Россію“. Но во дни пребыванія Азимъ-муллы въ Англію, его живелисные костюмы, брилліанты, шали и драгоценности

очаровывали не однихъ сходившихъ по немъ съ ума англійскихъ леда, но даже важныхъ самовниковъ. Онъ былъ принятъ въ высшемъ обществѣ Лондона и Брайтона, всѣ газеты расхваливали изящество его манеръ и образованія... Какъ же теперь называть его „подлымъ лакеемъ“? Нѣсколько знатныхъ леда уже собирались исполнить данное ему въ Лондонѣ обѣщаніе—навѣстить его господина, принца Наву въ его помѣстьѣ Битхлуръ, когда преждевременно вспыхнулъ давно подготовленный мятежь, и планы Нана-Сауба рушились.

Можно навѣрное сказать что Нана-Саубомъ, какъ и всѣми главными заговорщиками, гораздо болѣе руководило чувство мести и ненависти къ Англичанамъ чѣмъ надежда на политическій переворотъ. Конечно, еслибы планы Нана-Сауба удалась, то въ Индіи снова водворилась бы Могульская и Махратская имперія. Но чувство ненасытной мести, страстное желаніе обезчестить Англію въ лицѣ ея знатнѣйшихъ женъ и дочерей, обезчестить такъ чтобы (по словамъ передававшаго намъ эти подробности) „безчестіе это сдѣлалось историческимъ, и преданіе страны восплѣвало бы справедливую месть Махратскаго принца до будущей *праляти*“, было главнымъ и первымъ его побужденіемъ. Такъ ловко сыгралъ свою роль Азимъ-мулла-ханъ что не менѣе 14 знатнѣйшихъ дамъ при Лондонскомъ дворѣ (какъ сказано выше), очарованная этимъ азіатскимъ дипломатомъ, готовы были добровольно посѣтитъ договеще сторожившаго ихъ звѣра, и ихъ пріѣздъ въ Битхлуръ долженъ былъ послужить сигналомъ къ общему возстанію. Слѣлая судьба—*кис.метъ*—спасла конечно ихъ, но не спасла ихъ англо-индійскихъ сестеръ.

Девизомъ Нана-Сауба сдѣлалось изреченіе любящей богины Виргилія. И дѣйствительно, онъ, по выраженію его біографовъ, „выдвинулъ весь адъ“, создавъ вдобавокъ всѣхъ демоновъ восточной мести къ своимъ услугамъ...

Насоливъ ему со всѣхъ сторонъ, лишивъ его сначала сестеръ, а затѣмъ званія, почестей, пенсіи, Англичане съ довѣрчивостью невинности и чистой совѣсти, вслѣдствіе нѣсколькихъ ловко придуманныхъ и заданныхъ имъ Нана-Саубомъ пировъ, вообразили себѣ что наследникъ „лейшвы“ ихъ величайшій другъ. Ежедневно ожидая что силаи-его полка послѣдуютъ примѣру своихъ товарищей и взбунтуются, генераль Уиллеръ еще 26 мая вызвалъ Нана-Сауба изъ Битх-

пура „помощь ему усложкоить силаевъ и предупредить мятежъ“. Нана явился немедленно и привелъ съ собою двѣсти изъ своихъ пятисотъ вооруженныхъ тѣлохранителей и три или четыре оставшіяся у него пушки. Его назначили охранять казначейство, и онъ поселился въ собственномъ домѣ въ Навабгуджѣ. Ему были извѣстны всѣ переговоры между гражданскими и военными властями, и онъ, вмѣстѣ съ Англичанами, приготовлялъ „убѣжище“ женщинамъ и дѣтямъ...

Когда 6 іюня взбунтовались силаи и вмѣсто того чтобы по обыкновенію своему перерѣзать офицеровъ, разграбили полковую кассу, а затѣмъ отправились по дорогѣ къ Дельхи, желая присоединиться къ корпусу главныхъ матежниковъ, то Англичане, укѣрлившись въ церкви и провіантскихъ баракахъ, великодушна передали въ руки клявшагося имъ въ „вѣчной дружбѣ“ Нана-Саиба арсеналъ, пороховой магазинъ, паркъ и все что оставалось отъ казны, поручая своему „вѣрному союзнику“ защищать ихъ отъ народа. Тогда Нана, сбросивъ наконецъ маску, вернулъ силаевъ съ дороги, и на другой же день, то-есть 7 іюня, открылъ было по своимъ „друзьямъ“ огонь, но тотчасъ же опять прекратилъ его: адская мысль озарила Махрата. Смерть мгновенная и не дающая времени страдать—не наказаніе. Какъ кошка съ мышью принялся онъ играть со своими лѣвниками: онъ зналъ сколько было въ баракахъ провіанту и началъ морить ихъ голодомъ... Черезъ двѣ недѣли изъ 250 человекъ вошедшихъ въ укѣрленіе гарнизона оставалось только 150, а изъ 380 женщинъ и дѣтей на половину меньше. Трупы гнили почти на поверхности земли, предъ глазами пережившихъ. То была долгая, страшная агонія...

Наконецъ Нана рѣшился покомчить съ ними. 26 іюня онъ послалъ имъ сказать что если они довернутся ему, то онъ спасетъ оставшихся въ живыхъ. Гарнизонъ, предпочитая окорую расправу мукамъ голодной смерти, согласился. Тогда лишенный престола принцъ велѣлъ заготовить лодки, обѣщая своимъ лѣвникамъ выгрузить ихъ въ Аллахабадъ, и на утро 27го часть ихъ была размѣщена на тридцати баркасахъ. Какъ только они были размѣщены, лодочники зажгли соломенные навѣсы лодокъ, а силаи стали стрѣлять въ лѣвниковъ. Изъ тридцати лодокъ только двѣ успѣли потушить огонь и отплыть на средину рѣки, которая въ томъ мѣстѣ имѣетъ цѣлую милю ширины. Одна изъ этихъ двухъ лодокъ

пробитая ядрами скоро потонула, другая спаслась какимъ-то чудомъ; но изъ 28 человѣкъ только четверо пережили это утро, ползравшись въ тростникъ. Не утонувшихъ вытаскили и привели обратно на берегъ. Во все это самъ Нана не вмѣшивался. Говорятъ будто утромъ того дня онъ объявилъ что предоставляет лѣвниковъ въ руки судьбы и народа: кто спасется—благо тому, а кому погибнуть—того даже и самъ онъ спасти не въ состояніи; притомъ онъ добавилъ чтобы ни одинъ „бѣлый“ который избѣгаетъ смерти больше не попадался ему въ руки, а то будетъ казненъ. Всѣхъ спасшихся изъ воды мушкетеры перестрѣляли; а женщинъ и дѣтей посадили въ другое зданіе называемое „Савади Котти“, не далеко отъ вокзала, и оставили дней на десять въ живыхъ. Быть-можетъ Нана и даровалъ бы имъ жизнь, но случилось слѣдующее: 10 іюля, проѣзжая мимо Битхлуря съ сильною партіей обоего пола бѣглецовъ изъ Фатсагара, полковникъ Смитъ былъ замѣченъ на рѣкѣ часовыми. Лодку схватили, и человѣкъ саишкомъ пятьдесятъ, включая женщинъ и дѣтей, были взяты въ лѣвъ. На утро ихъ логнали, по ужасной жарѣ, лѣшкомъ, въ Каунлуръ и представили Нана-Саибу. Въмѣсто того чтобы молчать и локорясь своей участи ждать жизни или смерти, Англичане (по разказамъ) стали страшно оскорблять Нана-Саибу, называя его, между прочимъ, „незаконнымъ сыномъ“—оскорбленіе влекущее за собою у гордыхъ брамановъ смерть. Тогда мушкетеры повели на плацъ-парадъ и разстрѣляли, а женщинъ и дѣтей присоединили къ прежнимъ лѣвникамъ. Весь этотъ страшный періодъ покрытъ мракомъ таинственности. Вообще никто изъ лѣвниковъ не остался въ живыхъ чтобы разказать что именно происходило, но должно - быть произошло нѣчто ужасное, неслышанное...

Вѣроятно, еслибы Нана - Саибу посчастливилось, онъ не казнилъ бы ни женщинъ, ни дѣтей, которыхъ, какъ извѣстно, онъ оставилъ въ живыхъ до послѣдней минуты своей власти. Но 15 іюля, при Аундѣ, онъ проигралъ сраженіе и долженъ былъ скрыться. Въ минуту безумнаго бѣшенства, въ послѣднюю ночь своей власти и пребыванія въ Каунлурѣ, онъ отступилъ, говорятъ, за своихъ сестеръ: онъ впустилъ толпу оплошенныхъ опіумомъ и баголь сипаевъ (мусульманъ и Индусовъ) въ домъ гдѣ содержались европейскія женщины, за нѣсколько часовъ до ихъ смертной казни. Разказываютъ также

что четверо мушницъ, судья Торнгилль, полковникъ Смитъ и двое другихъ, были нарочно оставлены въ живыхъ дабы сдѣлать ихъ свидѣтелями этого національнаго безчестья. На зарѣ мушницъ вытащили на улицу и зарѣзали, а также 250 женщинъ и дѣтей. Тѣла ихъ бросили въ глубокій и знаменитый съ тѣхъ поръ „колодезь“.

Продолжать повѣствованіе напрасно, ибо вся Европа знаетъ остальное. Добавлю лишь нѣкоторыя подробности о которыхъ она никогда не слыхала. Когда Каулпуромъ снова овладѣли Англичане и въ немъ водворилась тишина (что случилось вечеромъ того же дня), Нана-Саиба уже тамъ не было: онъ исчезъ безслѣдно. Какъ извѣстно, Англичане долго показывали въ желѣзной клеткѣ узника, котораго, за неимѣніемъ оригинала, хотѣли выдать за принца Дундуху, но принужденны были наконецъ выпустить этого человѣка, такъ какъ вся Индія хохотала надъ этимъ. Между тѣмъ, Нана-Саибъ, говорятъ, живъ, и до сихъ поръ есть люди еще не потерявшіе надежды увидѣть его въ Индіи. О лѣтвицахъ же коллекторъ, полковникъ Шереръ, разказываетъ слѣдующее:

„Подѣбхавъ къ дому убійства и рѣзни, мы нашли въ немъ на шесть вершковъ глубины залежейся крови... Мы заглянули въ колодезь, и предъ нами мелькнула вся ужасная истина: спастись было уже некого. Предъ нашими глазами открылась та ужасающая картина при одной мысли о которой еще теперь въ далекой Англій осиротѣвшія сердца обливаются кровью... Колодезь былъ глубокъ, но узокъ; заглянувъ въ него, мы нашли его наполненнымъ до краевъ мертвыми и совершенно нагими тѣлами.“ Всѣхъ труловъ насчитали 253.“

Вотъ что разказываетъ Англичанинъ и очевидецъ. Но онъ умалчиваетъ о томъ какъ на другое утро стогнали жителей Каулпура и разстрѣливали *каждаго десятаго* человѣка; умалчиваетъ о томъ что схвативъ между ними нѣсколько сотенъ людей (вѣроятно большею частью невинныхъ) ихъ заставляли *слизывать запекшуюся въ комнатахъ кровь*; умалчиваетъ о томъ что эту кровь *слизывали*, не вставая, человѣкъ до лятисотъ въ продолженіе сорока восьми часовъ, что двѣ трети изъ нихъ умерли отъ рвоты, а остальную треть Англичане добила прикладами; умалчиваетъ наконецъ о томъ что не нѣсколькими десятками матаежниковъ заряжали лупки (какъ увѣряютъ англійскіе разказы), а что такою смертью погибло ихъ *нѣсколько тысячъ*.

Лордъ Каннингъ приказалъ всѣ *большіе* трупы, не трогая ихъ, оставить въ колодецѣ и засыпать землей и известью. Площадь превратили въ садъ, а надъ колодецемъ построили знаменитый „Memorial monument“, памятникъ 1857 года.

Прямо съ желѣзной дороги мы поѣхали въ этотъ садъ. Садъ тѣнастъ, наполненъ кипарисами, плакучими ивами и другими превосходными растеніями и цвѣтами; но ни архитектура часовни, ни стѣны сада, ни самый памятникъ надъ колодецемъ не соответствуютъ ни великому трагическому событію, ни суммамъ пожертвованнымъ на исполненіе задуманной Каннингомъ идеи. Статуя представляетъ какого-то вульгарнаго на видъ ангела, съ распростертыми ладонями вверхъ руками, точно ему холодно и онъ ихъ грѣетъ надъ камнемъ. Статуя работы барона Марокетта и по его идеѣ представляетъ „Ангела милосердія“. Но почему эта поза именно *милосердія*, а не чего-либо другаго, опредѣлить трудно. Статуя помѣщена внутри гранитной, четырехугольной ограды съ чугунною рѣшеткой на гребяѣ; съ фасада мраморныя ступени ведутъ къ калиткѣ вдѣланной въ этой рѣшеткѣ, что еще смѣшнѣе, такъ какъ въ зданіи безъ крыши, казалось бы, и калиткѣ дѣлать нечего, тѣмъ болѣе что она словно виситъ между небомъ и землей. Желаящему приблизиться къ подножію статуи приходится снова спускаться по такимъ же ступенямъ внизъ, внутрь ограды; и только тогда, очутясь въ квадратной ямѣ съ памятникомъ по ередней, прямо противъ пьедестала, „прохожіи“ можетъ остановиться, но далеко не удивиться. Предъ нимъ, по розовому полю, бѣлыми рельефными буквами красуется вокругъ всего подножія легенда мятежа. Легенда эта—чистый куріозъ. Она есть какъ бы соединеніе всѣхъ отборнѣйшихъ, *непечатныхъ* ругательствъ и проклятій азычвиковъ... Ограбленный, выгнанный изъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній принцъ Дуаду-Пунтъ (Нана-Саибъ) предается въ ней „огню вѣчному“ какъ „рабъ презрѣнный и мятежный, осмѣлившійся взбунтоваться противъ законныхъ владѣльцовъ *избраннаго Богомъ народа*“. Англичане—„избранный Богомъ народъ“! Вся симпатія, все глубокое сожалѣніе къ столь незаслуженному страданію, къ этимъ погибшимъ мученической смертью несчастнымъ дѣтамъ и матерямъ,—все это исчезаетъ при чтеніи непристойно ругательной, до приторности высокомерной, налицевой эпитафіи. Мученической прахъ покоящійся подъ нею

забывается; остается предъ глазами лишь высокомерная надпись, изъ которой такъ и бьетъ въ носъ фарисейство гордыхъ и жестокихъ отцовъ, братьевъ, сыновей! Во всемъ саду между многими десятками надгробныхъ надписей ни одной, положительно ни одной изъ Новаго Завѣта. Духъ древне-израильской нетерпимости, мстительности, духъ заповѣди: „око за око, зубъ за зубъ“ деспотически царствуетъ въ этомъ саду смерти и луританства. Но ужь если такъ, то соболѣзнуя о вѣловинныхъ мертвыхъ, нельзя въ этой ужасной трагедіи не видѣть справедливаго „закона возмездія“: „что посеешь, то и пожнешь“, слышалось мнѣ въ шелестѣ каждой плакучей ивы надъ каждою могилой, въ далекомъ журчаньи ручья. Велики и ужасны прегрѣшенія Нана-Сауба. Но кто осмѣлился утверждать что его поступками не руководили кровавыя слезы и стоны двухсотмилліоннаго населенія, народа полпиряемаго ногами завоевателя, народа оплеваннаго, издыхающаго съ голоду сотнями тысячъ въ продолженіе послѣдняго долгаго вѣка? И повѣрятъ ли христіане-читатели что чья-то рука начертила на множествѣ надгробныхъ памятниковъ слѣдующее, столь подходящее къ святинѣ мѣста размышленіе: „Оправдана гордость расы кричащей во слѣдъ каждому Азіятцу: *Nic niger est, hunc tu, Romane, caveto*“.

Полковникъ, гуманнѣйшій изъ либераловъ, проливавшій когда-то кровь за освобожденіе настоящихъ *негровъ* (за „Хамово племя“, какъ ихъ въ то время называли въ Америкѣ проповѣдники), просто выходилъ изъ себя. Мы наткнулись наконецъ на памятникъ какому-то убитому сержанту съ надгробною надписью: „О Господи! Ты далъ мнѣ нечестивыхъ азычниковъ въ наслѣдіе, такъ сокруши же ихъ, разсѣй съ лица земли, и да погибнуть *проклятые* Филистимляне; а Ты, Господи, прославь *свой* народъ!“ Всѣ эти надписи, въ своемъ валусковомъ смиреніи, казались мнѣ до того гнусно іезуитскими, до того полными затаеннаго лицемѣрія что я послѣшно отошла въ сторону и стала звать нашихъ спутниковъ Англичанъ вонъ изъ сада. Я положительно чувствовала что еще минута—и я не выдержу: выскажу предъ сторожемъ свое мнѣніе объ Англичанахъ, о живыхъ какъ и о мертвыхъ, и валущусь вдобавокъ на „бѣлокүраго шпіона“ слѣдовавшаго за нами какъ неотвязная тѣнь. Мы уже были подготовлены къ раздраженію съ первой минуты нашего

приближенія къ памятнику: пропустивъ насъ, Европейцевъ, намъ объявили что наши друзья бабѣ и муляжи должны оставаться въ саду *за воротами*, которыя имъ и захопнули подъ носомъ. Въ отвѣтъ на наши протесты старый сторожъ молча указалъ намъ прибитую къ воротамъ доску. На ней большими буквами объявлялось запрещеніе „Индусамъ, язычникамъ какъ и магометанамъ, приближаться къ оградѣ“.

Миссъ Б*** проливала горькія слезы и сморкалась надъ каждымъ памятникомъ. Съ большимъ трудомъ мы оттащили ее отъ двухъ перелетевшихъ надъ двойною могилой мраморныхъ любовниковъ, „духъ“ коихъ, по ея убѣжденію, „витаѣтъ въ эту минуту“ надъ ея *топи* и размокнувъ отъ слезъ вуалю. Она ужасно огорчилась и даже обидилась когда я ей сказала что, по-моему, ничего здѣсь не витаѣтъ кромѣ „духа чванства да британскаго высокомернаго фарисейства“...

— Ma chère, всхлинула Англичанка, — vous n'avez vraiment pas de coeur...

— Быть-можетъ, отвѣчала я, — но у меня за то есть то чего у васъ видимо нѣтъ: j'ai du nez...

И мы вернулись къ нашимъ Индусамъ.

XXVII.

Миляхъ въ четырехъ отъ Каунпура, на скалистомъ, правомъ берегу Гангеса, въ темномъ и почти дремучемъ лѣсу, находятся замѣчательныя руины. То остатки нѣсколькихъ огромныхъ древнихъ городовъ, построенныхъ одинъ на развалинахъ другаго. Отъ послѣдняго остались одни лишь колоссальныя куски стѣнъ, бойницъ, храмовъ, да развалины когда-то величественныхъ дворцовъ, отъ которыхъ тамъ и самъ уцѣлѣло по одной, много по двѣ комнаты, скорѣе стѣны бывшихъ покоевъ. Надъ этими стѣнами бѣдные поселенцы начали устраивать крыши изъ лисья и садиться въ нихъ, пока мало-по-малу не превратили древняго города Джаджмѣу въ деревню. Но развалины тянутся на много миль, а новое поселеніе скуцилось кое-какъ, оставивъ прочія руины въ полное владѣніе обезьянамъ. Объ этихъ городахъ исторія (Англичанъ) умалчиваетъ, отвергая преданія летописей Индіи что Джаджмѣу стоитъ на мѣстѣ родной сестры и соперницы своей, Асгарты—города солнца. Асгарта, по словамъ древней

лѣтописи въ Пуранахъ, построена сынами солнца, два вѣка спустя по взятіи царемъ Рамою острова Ланки, то-есть за 5.000 лѣтъ до Р. Х. по лѣточисленію Брамавовъ. А прошлое Джаджмоу, нѣсколько разъ разореннаго набѣгами изъ-за Гималайскихъ горъ, совершенно неизвѣстно европейскимъ историкамъ. Разъ только упоминается этотъ таинственный, нынѣ „не помнящій родства“ городъ,—это въ автобіографіи Бабера (Загиръ-Эддинъ-Магомета), Могульского императора, жившаго въ началѣ XVI вѣка. * Въ одной изъ его многочисленныхъ кампаній противъ Афганцевъ, послѣдніе искали убѣжища и пожелаали укрѣпиться въ древнемъ городѣ Джаджмоу—лишить султана. Но Хумайюнь, его сынъ, разбилъ ихъ. Такимъ образомъ, эти развалины одно изъ многихъ мѣстъ совершенно неизвѣстныхъ Англичанамъ, ни въ прошломъ своемъ, ни, добавимъ, въ настоящемъ.

Дорога къ Джаджмоу—ужасная. Мы ѣхали на слонахъ, и только благодаря твердой поступи этихъ умныхъ животныхъ, не полетѣли нѣсколько разъ въ глубокіе овраги, какъ и не повисли новыми Авессаломами за волосы на вѣткахъ. Тихо и осторожно ступали слоны по карнизамъ обрывовъ, оставаясь предъ каждымъ низко висающимъ сучкомъ и раздробивъ его на щелки хоботомъ прежде чѣмъ сдѣлать хоть шагъ далѣе. Собственно имъ, слонамъ, вѣтки и не мѣшали: но они уже такъ приучены, и относятся къ вѣдокамъ необычайно ловяливо. Мы ѣхали мила три по скаламъ и лѣсу, прежде чѣмъ доѣхали до первыхъ развалинь, и почти все время по узкимъ тропинкамъ, по которымъ не проѣхать даже и туземной скорлупѣ на быкахъ, называемой „ѣлкой“. Наконецъ, мы стали проходить предъ жилыми зданіями, изъ одного оврага въ другой, изъ ямы въ провалы, и окончательно попалъ на что-то въ родѣ широкой тропы, оглянулись вокругъ. И оглянувшись—ошѣмѣли! Ни одного человеческого существа кругомъ, но за то не было той развалины, куска стѣны или повалившейся колонны, на которой

* Императоръ Баберъ, литературная знаменитость въ Индіи, племянникъ Самаркандскаго султана и прямой потомокъ Тамерлана; онъ завоевалъ Кабулъ въ 1504; затѣмъ, въ 1519 завоевалъ Пенджабъ, а въ 1526—Делли. Онъ первый устроилъ сообщеніе и почту между Агрой и Кабуломъ и написалъ свою біографію или *мемуары*, знаменитые въ Индіи изобиліемъ историческихъ свѣдѣній.

бы не возсѣдало нѣскольکو десятковъ обезьянъ. Ихъ было безъ преувеличенія нѣскольکو тысячъ. Жители жалуются что онѣ воруютъ у нихъ послѣднюю провизію; что какъ далеко ни припрятать просо или кукурузу, или какую-либо зелень,—эти лѣсные „дакоиты“ непременно украдутъ ее ночью. И однакоже, ни въ одну изъ нихъ туземецъ не осмѣлится бросить камнемъ: то священныя, какъ и всюду, обезьяны, „дева-саабы“, или въ буквальномъ переводѣ „господа-боги“. Жители умираютъ съ голоду, за то мартышки жирѣютъ.

У самой опушки лѣса протекаетъ Гангесъ и на правомъ его берегу еще доселѣ видѣются гигантскіе остатки мраморныхъ ступеней, ширина коихъ какъ бы предназначалась, во времена оны, для великановъ. Весь песчаный берегъ на протяженіи многихъ миль, весь лѣсъ, покрыты глубоко осѣвшими въ землю обломками колоннъ, разбитыми рѣзной работы пьедесталами, идолами и барельефами. Рисункъ рѣзбы, архитектурные остатки, самый размѣръ развалинъ представляютъ нѣчто грандіозное, неожиданное даже для тѣхъ кто побывалъ въ Пальмирѣ и въ египетскомъ Мемфисѣ. Непонятно почему эти развалины никѣмъ еще не описаны, тѣмъ болѣе что онѣ подъ самыми стѣнами Каулура. Въ пространномъ сочиненіи *О территорияхъ приобретенныхъ Остъ-Индскою компаніей* сказано о нихъ всего два слова. „Джаджмৌ—бывшій городъ, нынѣ деревня, съ пустымъ развалившимся базаромъ. Какъ говорятъ мѣстныя лѣтописи, онъ построенъ на развалинахъ двухъ городовъ. Разстояніе отъ Калькутты 620 миль, шир. 26° 26', долг. 80° 28'“. Вотъ и все! И однакоже, подъ Джаджмৌ похороненъ древнѣйшій городъ древней Индіи... Для прямаго доказательства его древности достаточно слѣдующаго примѣра. Не много лѣтъ тому назадъ, во время сильнаго урагана, нѣскольکو толстыхъ и старыхъ баньяновъ были сломлены грозой, а нѣкоторые такъ и совсѣмъ вырваны съ корнями. На концахъ послѣднихъ были найдены куски изваяннаго мрамора, въ которыхъ корни совсѣмъ вросли. Стали копать глубже, и ярда на четыре подъ землею найдены вершины развалинъ громаднхъ зданій. Но дѣло теперь не столько въ этихъ зданіяхъ какъ въ томъ сколько вѣковъ потребовалось, вопервыхъ, для такого наноса на берегахъ Гангеса чтобъ уровень земли пришелся наконецъ не только въ уровень зданій (нѣкоторыя изъ нихъ въ 300 ф.

высоты), но чтобъ онъ даже покрылъ ихъ на четыре яра земли; а вотъ въ то время, сколько промежуточнаго времени прошло между этимъ событіемъ и временемъ когда рыцѣ 1.200 лѣтніе баньяны стали пускать корни въ эту наносную землю? По концентрическимъ кругамъ стволовъ * было доказано что этимъ баньянамъ не менѣ двѣнадцати вѣковъ, а есть въ лѣсу деревья старѣе и этихъ. Особенно одна группа этихъ *Ficus indica* поразила насъ своимъ ростомъ, развѣ немногимъ менѣ знаменитаго баньяна на берегу Нербудды, возлѣ Броча и называемаго въ народѣ „Кабиръ-Баръ“. Это послѣднее дерево—историческое. Ему было 700 лѣтъ уже тогда когда Александръ Македонскій отдыхалъ подъ тѣнью его со всею своею арміей. Теперь оно состоитъ изъ 356 толстыхъ стволовъ и около 3.000 меньшихъ, а еще 200 лѣтъ тому назадъ другая семитысячная армія отдыхала подъ его сѣнью.

Мы кочевали въ лѣсу цѣлые три дня. Такуру были извѣстны всѣ закоулки и тропаки, и онъ сдержалъ свое слово. Онъ повелъ насъ туда куда дѣйствительно не заходила еще нога Англичанина: въ темное подземелье на глубину 140 саишкѣмъ футовъ подъ землей. Мы отправились туда до зари, когда еще всѣ спали. Такуръ кромѣ насъ взялъ съ собою лишь одного Нараяна, да довѣреннаго слугу, стараго, сѣдаго Раджлута который сопровождалъ насъ отъ самаго Бомбея. У* и миссъ Б* оставались въ Джаджмѣу съ Бабу и Мульджи, и даже не знали когда и куда мы ушли. Это подземное путешествіе осталось для меня, какъ и для полковника, самымъ интереснымъ событіемъ нашего путешествія — вѣроятно вслѣдствіе его необычайной таинственности...

Болѣе часу намъ пришлось идти лѣсною чащей, спугивая еле продравшихъ глаза обезьянъ, кидавшихъ въ насъ непечатными продуктами. Словно стая лѣсныхъ демоновъ карликовъ, они цолкали на насъ зубами, сверкая хитрыми глаз-

* Какъ извѣстно, лѣсныя деревья увеличиваются въ объемъ слоями нарастающими снаружи, и каждый новый слой образуетъ родъ кольца вокругъ дерева, такъ что считая ихъ можно придти къ довольно вѣрному заключенію о лѣтахъ онаго. Адамсонъ назвалъ баобабъ возлѣ Горен которому между 5 и 6.000 лѣтъ. Гумбольтъ, говоря о немъ, называетъ его древнѣйшимъ въ мірѣ деревомъ. Въ объемъ нѣкоторые баобабы имѣютъ отъ 90 до 100 футовъ.

ками изъ-за каждаго куста. Наконецъ мы вступили въ узкое, заросшее кустарниками ущелье—не то природное, не то искусственное, разбирать было некогда. Впереди шелъ Такуръ, за нимъ я, за мною Нараянъ, потомъ полковникъ со слугою Раджпутомъ въ замкѣ. Пробираясь гуськомъ, мы шли въ глубокомъ молчаніи, такъ какъ луть становился труденъ и было не до разговоровъ. Наконецъ мы стали слускаться по крутымъ извистымъ ступенькамъ, у подошвы коихъ вышли на маленькую поляну. Направо, у одиокой скалы стояла лачуга въ которую мы и вошли. Если не свѣтло было въ лѣсу такъ какъ не совсѣмъ еще разсвѣло, то въ этой мазанкѣ, освѣщенной густыми бавьянами и прислоненной въ упоръ къ скалѣ, которая такимъ образомъ служила ей заднею стѣной, царилла полная темнота. Раджпутъ высѣкъ огня и зажегъ глухой фонарь который и подалъ Такуру. Тогда, взявъ въ одну руку фонарь, а другою мою руку, послѣдній прошелъ со мною, какъ мнѣ показалось, въ этой египетской темнотѣ прямо сквозь стѣну. Новость ли необычнаго положенія или просто слѣдствіе постоянно возбужденныхъ нервовъ, но признаюсь, при вступленіи въ эту неизвѣстную остальному міру подземную область, меня стало сильно коробить: однако любопытство и стыдъ превозмогли, и я молча послѣдовала за нимъ. Фонарь слабо освѣщаль нашъ путь, бросая рѣзкую полосу свѣта лишь подъ самыя ноги; кругомъ царилла непроницаемая мгла, а меня неудержимо увлекала впередъ мощная, одѣтая вся въ бѣломъ фигура гиганта, лицо котораго мнѣ казалось теперь темнѣе самой ночи... Онъ быстро и не колеблясь шелъ впередъ. Всѣ молчали, и даже наши шаги беззвучно падали на ровный, мягкій грунтъ прохода, словно мы ступали по толстому ковру. Не взирая однако ни на торжественность шествія, ни на Радклифовскую обстановку, полковникъ и тутъ не утерпѣлъ чтобы не лобалагурить. „Великолѣпная темная камера для вызыванія духовъ... Жаль что между нами нѣтъ медиума!“ неожиданно раздались труняція слова. Несмотря на выраженіе шутливости, звукъ его голоса въ этой злобѣщей тишинѣ заставилъ меня, да кажется и его самого, сильно вздрогнуть. Какъ-то глухо, словно надорванный, и вмѣстѣ съ тѣмъ протяжно прозвучаль онъ, словно сверху, и повесся далеко, далеко впередъ пробуждая по дорогѣ сонное эхо...

Вдругъ Такуръ остановился, крѣпко сжавъ мнѣ руку.

— Что это?.. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ и серьезно... *трусите?* неожиданно спросилъ онъ меня, презрительно подчеркивая послѣднее слово.— Рука ваша дрожитъ какъ въ лихорадкѣ!..

Я почувствовала какъ вся кровь мнѣ хлынула въ лицо при этой *заслуженной* обидѣ; но сдѣлала то что всякій другой сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ: внутренно „поднялась на дыбы“ и попробовала оправдаться.

— Я не трушу... да и бояться мнѣ нечего... пробормотала я, чувствуя въ темнотѣ вперяемый въ меня взглядъ Гулабъ Синга.— Я просто устала...

— Жен-щи-на..., тихо и какъ бы про себя прошепталъ съ какою-то свисходятельною горечью въ голосъ Такуръ, но пошелъ тише.

Не имѣя въ рукахъ достаточно вѣскихъ доказательствъ противнаго, и не отрицая этого новаго какъ мнѣ самой, такъ и моему полу оскорбленія, я проглотила оное и смолчала. Такъ шли мы съ четверть часа, если не долѣе, по ровной, немного локатой и мягкой дорогѣ и, какъ мнѣ казалось, необыкновенно высокому проходу, мой старый пріятель не выпуская моей руки, полковникъ уже начиная громко лыхтѣть, а я внутренно злясь на собственную слабость и поспрамленіе. Но вотъ наконецъ Такуръ снова остановился и высоко поднявъ фонарь, разомъ открылъ всѣ его глухія стѣнки. Предъ нами явилась гладкая и ровная стѣна изъ скалы. Ни одной трещины не было видно на ней.

— Вотъ взгляните, обратился Гулабъ Сингъ къ полковнику,— и убѣдитесь какія чудеса совершали наши механики предки, незнакомые, по мнѣнію Европейцевъ, съ науками. Держу пари на что угодно что явись сюда всѣ лучшіе механики Запада, имъ никогда не открыть секрета этой... двери! Я вамъ теперь хочу доказать что это — дверь, а не скала...

Нашъ любознательный президентъ, получившій когда-то медаль за лучшее сочиненіе о механикѣ, въ Ранселаровскомъ (Rensselaer) Технологическомъ Институтѣ Трои (Нью-Йоркѣ), сталъ зорко изслѣдовать стѣну. Его старанія увѣнчались полнымъ *fiasko*. Ни постукиванье, ни ощупыванье владія въ ни къ чему не привели. Между тѣмъ, пользуясь полнымъ свѣтомъ открытаго фонаря, я разглядѣла мѣстность. Родъ полукруглой комнаты, со скалистыми стѣнами

и теряющимся на огромной высотѣ потолкомъ; грунтъ словно усыпанъ чернымъ порошкомъ.

— Если вѣрите мнѣ на-слово, замѣтилъ наконецъ Такуръ, терпѣливо сѣдившій за изслѣдованіями полковника,—то я могу васъ увѣрить что этотъ ходъ прорытъ и устроенъ много тысячъ лѣтъ тому назадъ. Какъ видите, добавилъ онъ, дотрогиваясь и напирая плечомъ на уголъ скалы,—„сыны Солнца“ были хорошо знакомы съ закономъ рычага и подъема, а также и съ правилами центра тяжести еще до Архимеда. Иначе какъ бы они могли придумать вотъ это?..

И когда онъ наперъ сильнѣе и повернулъ какой-то незамѣтный въ стѣнѣ штифтъ, предъ нимъ неслышно и тихо образовалось отверстіе фута въ два шириной и во весь его ростъ въ высоту,—точно одна изъ новомодныхъ дверей въ американскихъ домахъ вся до замка ускользящая въ стѣну. Но здѣсь дверной ручки не было; не видно было и продолбленной дверной стѣны...

Мы всѣ вошли, и Такуръ снова неудовимымъ движеніемъ и давленіемъ на *что-то* задвинулъ стѣну. Не взирая на любезитство полковника и его безконечные разспросы, онъ отказался выдать секретъ прохода. „Довольно того что я доказываю вамъ что эти тайные подземные ходы существуютъ уже много тысячъ лѣтъ въ Индіи“, говорилъ онъ намъ, „и еще болѣе тысячъ народа нашли здѣсь въ разные времена спасеніе черезъ тѣхъ кто посвященъ въ тайну ихъ существованія. Теперь такихъ уже не много осталось“, добавилъ онъ, какъ мнѣ слышалось, съ нотой грусти въ голосѣ.— „И не успѣли они сласти противъ ея воли одну изъ храбрѣйшихъ, благороднѣйшихъ женщинъ Индіи, послѣднюю изъ великихъ героинь нашей „матери!“... * Чрезъ нѣсколько минутъ мы сядемъ отдохнуть, и тогда я вамъ разкажу эпизодъ изъ послѣдняго мятежа. Въ Европѣ онъ почти, если не совсемъ, неизвѣстенъ“...

Теперь мы шли по широкому, высокому корридору со сводомъ. По всей вѣроятности послѣдній сообщался, такъ или иначе, съ поверхностью земли, ибо воздухъ въ подземельѣ, хотя и немного сырой былъ однакоже чистый, не взирая на его 140 футовъ глубины подъ землей. Впрочемъ, дорога шла все время локато, немного подъ гору, и только къ концу

* Говора о родинѣ, Индусы всегда называютъ Индію „матерью“.

третьяго корридора изъ пещеры—которую тотчасъ опишу—шла незамѣтно въ гору. Очевидно, часть этихъ проходовъ была уже подземельемъ въ то время когда Асгарта еще находилась въ числѣ другихъ городовъ, процвѣтая на земной поверхности. По обѣимъ сторонамъ корридора намъ попадались бездверныя отверстія, продолговатыя квадраты, ведущіе въ другіе боковые ходы; но Такуръ насъ туда не водилъ, замѣтивъ только что они ведутъ въ жилья, то-есть иногда *занимаемыя* покои. Что подземелье посѣщалось еще весьма недавно, въ этомъ мнѣ служила порукой находка стараго измятаго конверта, съ какими-то іероглифическими знаками, но совершенно современнаго покроя, и съ клеємъ подъ запечатанною стороною. Весь этотъ проходъ, то-есть корридоры, насколько мы могли судить, длиною верстѣ въ пять или шесть. Пройдя милы три, считая отъ лотаенной двери, то-есть почти на серединѣ между двумя ходами, мы очутились въ природной и огромной пещерѣ, съ небольшимъ озеромъ въ центрѣ и искусственными вырубленными изъ скалъ скамьями кругомъ бассейна. Въ водѣ, посреди озерка, стоялъ высокій гранитный столбъ, съ пирамидальною верхушкой и толстою заржавленною цѣпью обмотанною вокругъ него. Уже идя по корридору, мы замѣчали что временами темнота почти разсвѣивалась и слабый, словно сумерочный свѣтъ оварялъ насъ въ такія минуты сверху; въ пещерѣ же—вѣроятно самая низкая мѣстность подземелья—было темно какъ въ Гизехской пирамидѣ. Но тутъ Такуръ приготовилъ намъ сюрпризъ. Онъ далъ старому Раджлуту приказаніе на непонятномъ для насъ діалектѣ, и тотъ, словно снабженный глазами кошки, тотчасъ отправился куда-то въ темнотѣ, лошарилъ въ углу и тутъ же началъ закигать одинъ за другимъ факелы, вставляя ихъ въ придѣланныя къ стѣнамъ желѣзные кольца. Скоро вся пещера освѣтилась яркимъ блескомъ. Тогда, уставшіе и крѣпко проголодавшіеся, мы размѣстились на окраинѣ озера и принялись за корзину съ провизіей.

А теперь постараюсь вкратцѣ разказать исторію какъ пещеры, такъ и обѣщанный Такуромъ эпизодъ изъ мятежа 1857 года. Послѣдній принадлежитъ прямо исторіи, хотя Англичане и старались исказить оный какъ исказили и даже *скрыли* многіе изъ фактовъ этой позорной для нихъ эпохи.

Услыхавъ о немъ впервые отъ Гулабъ-Лалль-Синга, мы въ послѣдствіи узнали касающіяся этого случая интересныя подробности отъ многихъ старыхъ Индусовъ, изъ коихъ нѣкоторые были даже очевидцами въ этомъ дѣлѣ; а въ одномъ случаѣ и отъ Англичанина, стараго англо-индускаго офицера.

О древнемъ городѣ Асгартѣ и его печальномъ концѣ *Пураны* разказываютъ слѣдующую легенду. Судаса-Раши былъ священнымъ главой духовенства „браматмой“, * а его братъ Агасти — маханъ - кшатрией (великимъ царемъ - воиномъ) Асгарты. Въ отсутствіе обоихъ, царствомъ управляла махарани (великая царица), бывшая нѣкогда *кумарикой* (Дѣвой Солнца) во храмѣ *Сурья-Нари* (Солнца-Природы). Ея красота плѣнила царя; и вотъ въ самый моментъ ея приношенія себя въ жертву на алтарѣ огня (то-есть религіознаго самосожженія), онъ, воспользовавшись древнимъ обычаемъ дававшимъ право царямъ спасать индійскихъ весталокъ отъ смерти, потребовалъ ее себѣ въ жены. До него уже разъявился другой претендентъ на ея руку, царь Гиммавата, но она отказалась отъ предложенія предпочитая смерть въ пламенныхъ объятіяхъ супруга-бога, священнаго огня. Оскорбленный за гималайскій царь поклялся отомстить. Много лѣтъ спустя, когда Агасти-царь былъ на войнѣ въ Ланкѣ (Цейлонѣ) его побѣжденный соперникъ, воспользовавшись его отсутствіемъ съ войсками, сдѣлалъ набѣгъ на Асгарту. Царица защищала свой городъ съ храбростью отчаянія; но наконецъ онъ былъ взятъ приступомъ. Тогда, собравъ всѣхъ „дѣвъ Сурьи“ изъ храмовъ, женъ и дочерей своихъ подданныхъ и собственныхъ дѣтей, всего 69.000 женщинъ, включая *кумарикъ*, царица залепаясь въ громадныхъ подземельяхъ храма Сурьи-Нари, и приказавъ построить священные костры вдоль всего подземелья, сожглась на нихъ вмѣстѣ съ другими женщинами и всѣми сокровищами города, предоставляя въ распоряженіе побѣдителей лишь пустыя зданія.

Вернулся царь и найдя на мѣстѣ дворца, царицы и дѣтей лишь пепелъ, бросился догонять побѣдовосную армію. Настигнувъ ее, онъ разбилъ ее совершенно и захвативъ вмѣстѣ съ царемъ ея 11.000 плѣнныхъ, вернулся къ развалинамъ Асгарты. Здѣсь онъ заставилъ плѣнныхъ выстроить на

* „Душа Брами“, высшій духовный санъ.

пепелищъ погибшаго новый и еще болѣе богатый городъ, и затѣмъ, когда онъ былъ оконченъ, соорудить посреди города, предъ храмомъ Нарі, костеръ способный вмѣстить въ себѣ 11.000 человекъ. На немъ и Гиммаватскій царь, и его воины, среди проклятій и поруганій со стороны всего народа Асгарты, были сожжены живыми въ отмщенье за погибшую царицу.

По преданію и древнимъ дѣтописямъ, уже пройденное нами подземелье какъ и то которое намъ оставалось пройти, по другую сторону пещеръ, есть то самое подземелье храма въ которомъ сожглась царица. Этотъ мягкій грунтъ, пріятный мною за черный и мельчайшій песокъ, есть пепель 69.000 женщинъ и *кумарикъ*, то-есть дѣвственницъ!

Это—легенда; а теперь слѣдуетъ быть. Всего двадцать два года прошло съ того времени, и въ Пунаѣ, какъ и въ Гвальиорѣ всѣ подробности этой эпической трагедіи еще свѣжи въ памяти людской.

По дорогѣ отъ Агры къ Сагору расположена территория Джанши (Jhansi). Теперь она находится въ британской провинціи Бунделькунда, но въ 1854 году принадлежала независимымъ лейшвамъ Махратскимъ. Раджъ Джанши состоитъ изъ двухъ частей раздѣленныхъ лишь одною узкою полосой земли, принадлежащею къ территории туземнаго раджи или такура Техри. Къ сѣверу западная часть Джамши обрамлена Гвальиоромъ и Дутгеей, къ востоку—Техри, къ югу и къ западу—снова Гвальиоромъ. Въ 1832 году, по статистикѣ Остъ-Индской Компаніи въ этомъ раджѣ было 956 деревень и 286.000 населенія разбросаннаго на пространствѣ 2.922 квадрат. миль. Давало оно круглымъ счетомъ 28 *лакъ* рупій доходу*. Часть владѣнія Урзхскаго раджи изъ фамиліи принцевъ Бунделлы, она была имъ уступлена еще при Сиваджи лейшвамъ, которые и посылали туда управлять своихъ *субадаровъ* (губернаторовъ). Въ 1804 году Англичане заключили съ однимъ изъ нихъ, въ качествѣ данника лейшвы, оборонительный союзъ; а въ 1817, когда друзья и союзники отняли по своему обыкновенію у лейшвы всѣ права, и онъ *уступилъ* (!!) имъ между прочимъ и право владѣнія Бунделькундомъ, Компанія заключила съ субадаромъ Джамши другой договоръ, по которому она признавала его независимымъ раджей „съ правомъ передачи наслѣдія дѣтямъ, а если не будетъ тако-

* 2.800.000 рупій.

выхъ—ближайшимъ наслѣдникамъ“ за плату Компаніи 74.000 рупій въ годъ. Въ 1832 году, принцъ Рамъ-Рамчундъ-Рао былъ формально признанъ раджей. Но въ 1838 онъ умеръ безъ прямого наслѣдника мужскаго пола, оставивъ престолъ внучкѣ, недѣльному ребенку его дочери, съ тѣмъ чтобы выбранный для нея мужъ наслѣдовалъ престолъ. Но Компанія, не взирая на договоръ и не только противъ желанія народа, а даже и противъ самаго закона о престолонаслѣдіи въ Индіи,—закона запрещающаго прокаженнымъ царствовать,—выбрала дядю умершаго раджи Ругоната-Рао. Прокаженный, полубезумный и болѣзненный раджа умеръ три года спустя. Компанія только этого и ждала. Подъ тѣмъ предлогомъ что изъ туземцевъ никто не умѣетъ управлять своимъ домомъ и дѣлая видъ все время что они ищутъ приличнаго для Джамши наслѣдника, Англичане, назначивъ пенсію Лакшми-Бай, замужней внучкѣ (прямой наслѣдницѣ) и ея мужу Гунгадару-Рао, овладѣли раджемъ въ 1843 году. Въ 1854 году, за три года до мятежа, Гунгадуръ Рао, мужъ Лакшми-Бай умеръ, оставивъ вдову и сына, который имѣлъ всѣ права на престолъ прадѣда и матери. Но Англичане объявили ребенка *незаконнымъ* сыномъ и даже отняли у Лакшми-Бай пенсію. Ей было тогда 16 лѣтъ. Ее-то Такуръ и назвалъ величайшею героинею современной Индіи.

Махарани Лакшми-Бай была двоюродною сестрой какъ Махараджи Синдіи Гвальѣорскаго, такъ и Наны-Сауба. При самомъ началѣ возстанія, когда послѣдній сбросилъ маску, она открыто приняла его сторону и, успѣвъ собрать двадцатидвухтысячную армію въ Джамши, приготовилась поддерживать Нану-Сауба до конца. Говорятъ будто Нана-Саубъ успѣлъ привлечь на свою сторону не только войско Гвальѣора, но и самого Синдію. Но на слѣдствіи Махараджа влохвъ оправдался, гдѣ и доказалъ что обвиненіе шло отъ его враговъ. Получивъ извѣстіе что войско Синдіи готово, по соглашенію съ Наной-Саубомъ, Махарани во главѣ своей арміи направилась на Гвальѣоръ, столицу Синдіи, гдѣ ожидала по прибытіи своемъ найти ворота крѣлости отпертыми, а войско и народъ приготовленными объявить свою независимость. По предварительному соглашенію, эта индійская Иоанна д'Аркъ должна была, вступивъ въ Гвальѣоръ, завладѣть городомъ во имя Наны-Сауба, а затѣмъ уже, при счастливомъ окончаніи дѣла, возвратитъ Синдіи его владѣнія. Но

вышло иначе. „Деванъ“ (первый министр), на котораго надеялись что онъ все приготовить и предупредить народъ какъ и армію, оказался измѣнникомъ общему дѣлу. Махараджи Синдїи тогда не было дома—онъ былъ съ Англичанами. Въмѣсто того чтобъ отпереть ворота города Лакшми-Бай и ея армію, „деванъ“ залерся и послалъ предупредить Англичанъ, угрожая все время своимъ солдатамъ местию махараджи и его союзниковъ Компаніи. Солдаты колебались и, услыхавъ ночью условленные знаки, не знали что имъ дѣлать. Между тѣмъ „царица Джамши“*, видя что ей не отпераютъ воротъ и подозрѣвая измѣну, ворвалась въ городъ съ другой стороны, взявъ его положительно приступомъ. Разказываютъ будто ей отперли другой, потайной ходъ.

Тогда началось царство ужаса и продолжалось въ городѣ цѣлую недѣлю, пока не послѣли на помощь Англичане. Лакшми-Бай перерѣзала большую часть арміи Синдїи, умерщвляя всякаго кто только колебался присоединиться къ ней. Деванъ успѣлъ скрыться.** Когда англійская армія прибыла на помощь Гвальйору, нѣкій *Браджачаріа* одѣтый въ платъ *санньязи* (аскета) предложилъ ей спастись, увѣряя ее напередъ что иначе она погибнетъ. Онъ умолялъ ее послѣдовать за нимъ съ сыномъ въ окрестности Кауалура, гдѣ въ подземельѣ Джаджмоу она найдетъ друзей и полную безопасность. Но Лакшми-Бай гордо отвергла предложеніе, увѣряя его что смерти не боится и предпочитаетъ ее даже жизни, въ виду униженія ея родины. Тогда началась возлѣ городскихъ воротъ и въ крѣпости, которую наша героиня не успѣла взять, памятная на долгіе годы въ странѣ битва. Махарани сама повела своихъ солдатъ на бой, верхомъ на бѣшеной лошади. На минуту произошла въ ихъ рядахъ паника, и большая часть непривыкшихъ къ регулярной службѣ новобранцевъ бросились бѣжать. Одна, съ горстью приверженцевъ, она защищала свою позицію, съ мужествомъ отчаянной рѣшимости, въ продолженіе трехъ часовъ, противъ непріятеля втрое ея сильнѣе. Замѣтивъ наконецъ что ея силы слабѣютъ, она приказала своимъ приближеннымъ тутъ же воздвигнуть костеръ и приготовить все необходимое, дабы зажечь его тотчасъ же какъ раздастся ея приказаніе. „Братья“

* Такъ зовутъ ее въ народѣ.

** Онъ еще живъ и получаетъ отъ Англичанъ огромную пенсію.

воскликнула она, по словам очевидца, „клянусь тѣвню въсѣхъ лавшихъ въ честномъ бою предковъ моихъ умереть прежде нежели коснется одной нитки моего *sari* рука *bellati*. Поклонитесь и вы, коли мнѣ суждено здѣсь пасть, сжечь мое тѣло, не позволяя врагу прикоснуться даже и до праха его!“ Всѣ поклонились, и Лакшми-Бай ринулась верхомъ въ самую густую толпу сражающихся. Говорятъ будто еще и въ эту торжественную минуту тотъ же таинственный аскетъ снова предложилъ ей спасенье, но она снова отвергла его. Все увеличивающая народная молва увѣряетъ будто она собственноручно убила *нѣсколько сотъ* Англичанъ! Но что она убила многихъ такъ же вѣрно какъ и то что Англичане тщательно скрываютъ это постыдное для нихъ событіе. Наконецъ ея лошадь, чего-то испугавшись, рванулась такъ бѣшено что Махарани выпустила поводья изъ рукъ. Въ нѣсколько скачковъ обезумѣвшій конь отвесъ ее назадъ подъ городскія стѣны, гдѣ сраженный непріятельскою пулей лань, сбросивъ съ себя наѣздицу. Махарани не была однако убита. Она была въ полной памяти и только обѣ ноги ея, вѣроятно, были сломаны. Ее посадили у стѣны, и она продолжала отдавать приказанія. Но замѣтивъ что нѣсколько Англичанъ, видя ея паденіе, слѣшили къ ней съ цѣлью овладѣть ею и уже перерѣзывали ея приближеннымъ дорогу къ костру, она мигомъ рѣшилась и отдала послѣднее приказаніе. Пока часть ея вѣрныхъ товарищей удерживала приближеніе непріятеля, другая, положивъ Махарани на сѣно и наваливъ на нее цѣлую кучу соломы и хвороста, мгновенно зажгла ее. Затѣмъ и они кинулись отражать наступленіе Англичанъ, позволяя имъ рубить и рѣзать себя одного за другимъ, лишь бы дать огню время довершить свою работу, а Махарани превратиться въ пепелъ...

— Этотъ благородный пепелъ, вполне достойный смѣшаться на вѣки съ пепломъ царицы Асгарты, покоится здѣсь, и его ужъ никто и никогда не потревожитъ, такъ кончилъ нашъ собесѣдникъ.

Мы вышли изъ пещеры другимъ корридоромъ, и этотъ узкій проходъ повелъ насъ въ гору. Дорога шла отлого; ноги также утопали, какъ и въ первомъ, словно въ мягкомъ коврѣ. Наконецъ, круто повернувъ вправо, она привела насъ къ такой же глухой стѣнѣ какъ и первая. Единственная между двумя разница состояла въ томъ что запиравшая отверстіе

скала, вмѣсто того чтобъ уходить въ боковую стѣну, при открытіи опускалась внизъ, оставляя низкую фута въ полтора стѣнку, которую намъ и пришлось перешагнуть. За этою стѣной, въ небольшой пещерѣ находится глубокій колодезь. Здѣсь кругомъ насъ, на 16 миль въ квадратъ, погребены развалины давно усолшараго города Асарты.

Чтобы выбраться снова на землю, намъ пришлось всходить три раза сряду по безчисленнымъ ступенямъ. Еще нѣчто въ родѣ двери—камень между двумя скалами, поворачивающійся на чемъ-то неизвѣстномъ мѣстѣ,—и мы снова въ какой-то пещерѣ; свѣтъ, хотя и слабый, ослабляетъ насъ послѣ восьми часовъ темноты. Выйдя на чистый воздухъ, мы почувствовали какъ долженъ чувствовать себя человѣкъ вышедшій изъ прохладнаго погреба и залѣзшій въ духовую печь. Жара стояла невыносимая. Все спало въ лѣсу и, кромѣ неумолкаемой трескотни кузнечиковъ, не слышно было ни шороха. Даже обезьяны дремали въ листьяхъ... Былъ полдень, и намъ приходилось, подъ страхомъ аполексіи, выжидать въ тѣни пока не спадетъ полуденный зной. Шагахъ въ десяти стоялъ старый, разрушенный храмъ, отъ котораго остался одинъ *гопаралъ*, ворота съ комнатою или двумя внутри зданія. Тамъ мы скрылись отъ этого ужаснаго, невыносимаго зноя, спугнувъ по дорогѣ сотни разноцвѣтныхъ полугаевъ, сверкавшихъ словно подвижная радуга предъ нами своими блестящими крыльями на солнцѣ... Мы вернулись на кочевку къ вечернему чаю.

Говорить подробнѣе о подземномъ путешествіи не приходится по многимъ причинамъ, изъ коихъ главная та что эта мѣстность совершенно никому неизвѣстна; да и многое изъ видѣннаго и слышаннаго нами такъ странно что вѣроятно у меня не достало бы и словъ для болѣе точнаго описанія. Есть и другія подземелья, напримѣръ въ Амберѣ, возлѣ Джейпура, въ которыхъ не былъ еще кромѣ насъ ни одинъ Европеецъ; также подземный, ведущій далеко подъ море ходъ изъ Элефанты, гдѣ, забравшись мили на двѣ въ его глубину, мы чуть было не задохлись, вмѣстѣ съ сопрождавшими насъ Парсами. Но про эти ходы извѣстно и Англичанамъ, хотя никто изъ послѣднихъ еще не посѣщалъ ихъ. Про подземелья же въ Джаджмѣ, къ удивленію своему, сколько я ни спрашивала Англичанъ, никто ничего не знаетъ. Не даромъ нашъ другъ, Такуръ, взявшій съ насъ честное слово,

никогда не намекать о дорогѣ ведущей къ нимъ, такъ сло-
коевъ насчетъ ихъ открытія Англичанами. Индусы—народъ
скрытый и загадочный вообще; * а изъ всѣхъ Индусовъ
Такуръ загадочнѣе всѣхъ ихъ взятыхъ вмѣстѣ. Недавно, со-
бираясь описывать эту поѣздку, спрашиваю его:

— Вы ничего не имѣете противъ моего описанія для рус-
ской публки вашего подземелья въ Джаджмѳу?

— Ровно ничего, говоритъ,—коли надѣетесь на свою память.

— Въ памяти я увѣренъ. Но вы говорили что Англича-
намъ самое даже существованіе этого мѣста неизвѣстно? А
если они, которые съ жадностію читаютъ всѣ русскія газе-
ты, немедленно перевода все сколько-нибудь касающееся
Индіи и вообще Азіи, прочтутъ мое описаніе да примутъ
къ свѣдѣнію?

— Что жъ изъ этого? Пусть принимаютъ.

— А если пойдутъ искать, да и отыщутъ его?

Гулабъ-Сингъ какъ-то странно прищурился и посмотрѣлъ
на меня не то пытливо, не то немного презрительно.

— Что же въ моихъ словахъ такого страннаго? Кажется
предположеніе весьма естественное?

— Весьма... подчеркнул Такуръ,—только съ точки зрѣнія
Европейцевъ, а не съ нашей. Извиняясь заранѣе въ смѣло-
сти, осмѣливаюсь предположить что я быть-можетъ немного
болѣе васъ изучилъ не только Англичанъ, но и человѣче-
скую природу вообще. А изучивъ ее, скажу вамъ напередъ

* Они до того загадочны что, при всѣхъ стараніяхъ полиціи во-
обще и тайной полиціи въ особенности, Англичане до сей поры не
могутъ сообразить слѣдующаго: „какъ могли во время мятежа 1857
года, безъ телеграфовъ и желѣзной дороги, передаваться съ такою
быстротой новости съ одного конца Индіи на другой? Едва что
случалось въ Калькуттѣ, какъ за 2.000 миль оттуда гдѣ-нибудь на
сѣверѣ Индіи, черезъ нѣсколько часовъ уже знали на базарѣ объ
этомъ, а Англичане узнавали только чрезъ медѣлю. Сэръ-Джонъ Кей,
въ своемъ сочиненіи *Sepoy War 1857—8*, въ подробной исторіи о
мятежѣ, замѣчаетъ этотъ странный „необъяснимый для правитель-
ства фактъ“. „Когда былъ вырѣзанъ нашъ штабъ въ Аллахабадѣ,
пишетъ капитанъ Морель, я былъ въ то время въ Мадрасѣ. На
другое утро, 8 іюня, является ко мнѣ знакомый браманъ и разка-
зываетъ о случившейся катастрофѣ. Не вѣра, я бѣгу въ домъ гу-
бернатора. Тамъ ничего не знаютъ. Мы офиціально узнали объ
этомъ лишь чрезъ шесть дней!“ (*A few Days in 1857 in India*).

слѣдующее: девять шансовъ изъ десяти что, прочитавъ это описаніе, всякій Англичанинъ приметъ вашъ разказъ за сочиненную вами сказку. Они народъ слишкомъ гордый и чванный чтобы допустить что есть такіа мѣста въ ихъ владѣніяхъ о которыхъ они еще никогда не слыхали и куда не ставили еще своихъ часовыхъ...

— Ну, а если билетъ вынется какъ нарочно съ *десятымъ* номеромъ... что тогда?

— Тогда они пойдутъ на поиски и—ничего не отыщутъ.

— Да какъ же вы можете такъ навѣрное ручаться?.. Вѣдь подземелье существуетъ... Не исчезло же оно съ лица земли?..

— Именно потому что оно существуетъ въ действительности, они и не найдутъ его. Вотъ еслибы вы выдумали его, то они наши бы его непременно, еслибы даже имъ пришлось для того прорыть его самимъ... Они бы сдѣлали это, хоть бы для того чтобы задать намъ, туземцамъ, остротку и вмѣстѣ показать дома—вотъ какіе мы въ Индіи тонкіе молодцы: ничто не ускользаетъ отъ нашего всевидящаго ока!.. Вѣдь сочиняли же они подложныя политическія корреспонденціи и ловили мнимыхъ политическихъ преступниковъ, подкупая для этого воровъ изъ острога; и все это только для того чтобъ оправдать ими же сочиненные и посланные самимъ себѣ доносы...

— Последнее предположеніе. Они, то-есть всѣ власти и ихъ шпіоны, знаютъ что вы были съ нами въ Каунлурѣ и Джаджмѳу... Вѣдь я опишу дѣло какъ оно было... Если они пристанутъ къ вамъ показать имъ гдѣ это подземелье,—извините меня,—если они вздумаютъ *заставить васъ* открыть имъ эту тайну... что вы тогда станете дѣлать?..

Такуръ засмѣялся тѣмъ тихимъ, неслышнымъ смѣхомъ отъ котораго меня всегда бросало и въ жаръ, и въ холодъ.

— Успокойтесь, этого никогда быть не можетъ. Но въ случаѣ еслибы они вздумали „приставать“, то предупреждаю васъ напередъ что *вы*, а не *я* увидите себя въ фальшивомъ положеніи. Повѣрьте что я даже и слова не вымолвлю въ такомъ случаѣ, а предоставляю защиту коллектору моего округа и всѣмъ знающимъ меня жителямъ. А коллекторъ мистеръ В. донесетъ что *съ 15 марта по 3 іюня 1879 я не выѣзжалъ изъ своего „раджы“ и что онъ посѣщалъ меня два раза съ недѣлю*, а жители, между прочимъ, всѣ Англичане, подтвердятъ это...

Съ этими словами онъ всталъ и, сбѣвъ на свою лошадь, простился и уѣхалъ, бросивъ мнѣ на прощаніе слѣдующее немного насмѣшливое замѣчаніе.

— Почему вы знаете... быть-можетъ у меня есть братъ *близнецъ*, о которомъ міру также мало извѣстно какъ и о подземельѣ?.. Вотъ запишите и это; не то и ваши земляки примутъ васъ, вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ Теософическимъ Обществомъ, за дополненное изданіе барона Мюнхгаузена.

И навѣрное примутъ.

Подобное событіе уже разъ случилось съ Такуромъ. Его всѣ видѣли въ Пунѣ, гдѣ онъ открыто показывался въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Когда же его захотѣли замѣшать въ одно политическое дѣло, коллекторъ, магистратъ и два *миссіонера* показали что Гулабъ-Лалъ-Сингъ не выѣзжалъ изъ своего помѣстья болѣе шести мѣсяцевъ. Заявляю *фактъ*, отказываясь, какъ и всегда, объяснить оный. Еще не прошло и года какъ оно случилось.

XXVІІІ.

И вотъ мы въ Дельи—великомъ градѣ Могуловъ. Если другіе города и мѣста Индіи держали насъ, словно очарованныхъ, подъ вліяніемъ волшебнаго сна съ его мимолетными грезами о всемъ чтѣ когда-либо являлось прелестнаго въ архитектурѣ, то Дельи осталася навѣки запечатлѣннымъ въ нашихъ воспоминаніяхъ какъ воплощеніе на видѣ несокрушимаго и все же любѣжденнаго гиганта, уснувшаго Сампсона оставившаго свои густыя пряди въ рукахъ предательской Далиаы. Нигдѣ, во всей разоренной Индіи, не найдете вы столькихъ свидѣтельствъ о могуществѣ мусульманской имперіи, нигдѣ не почувствуете себя столь вынужденными съ благоговѣніемъ преклониться предъ памятью великихъ мастеровъ создавшихъ „Надиръ-Шахъ Москъ“, башню Кутабъ, дворецъ Делійскій, а главное, *Тадусъ Махалъ* въ Агрѣ.

Дельи вынырнулъ предъ нами изъ-за пригорка, за нѣскольکو минутъ до солнечнаго заката, и мигомъ вызвалъ во мнѣ воспоминаніе о золото-жемчужной столицѣ Магометова раа, по разказамъ Пророка. Во время одной изъ своихъ духовныхъ экскурсій въ эту вновь открытую имъ небесную область, поэтъ-пророкъ имѣлъ случай видѣть и подробно описать намъ одного ангела, нижняя половина тѣла коего

состояла изъ пламени, а верхняя изъ прозрачнаго льда: оба враждебные другъ другу элемента превосходно уживались нисколько не вреда другъ другу. При первомъ взглядѣ на древнюю столицу Шахъ-Джегана мнѣ припомнился образъ этого ангела. Предположивъ что Магометъ пророчески узрѣлъ Дельи въ далекомъ будущемъ и при такомъ солнечномъ закатѣ, его „огне-ледяной“ ангелъ является лишь восточною и весьма вѣрною метафорой этого города. Забитая багрово-золотистымъ пламенемъ заходящаго солнца, вся нижняя часть дворцовъ, мечетей, минаретовъ Дельи, построенная безъ исключенія изъ краснаго песчаника, казалась громаднымъ горящимъ костромъ, изъ вѣдръ котораго высоко воздымалась теряясь въ прозрачной и уже потухающей синеви вечерняго воздуха верхняя часть строевой — глыбы ослѣпительной бѣлизны мраморныхъ кулоловъ, минаретовъ, башень... А надо всѣмъ этимъ, словно тѣловище и голова „ангела“, водруженная на скалистомъ пригоркѣ, столь высокою что платформа, на коей она построена стоитъ на 30 слишкомъ футовъ надъ уровнемъ самыхъ высокихъ крышъ Дельи — возвышалась Джумма-Мусжидъ, главная мечеть города. Съ ея лѣсомъ башень, стѣнныхъ зубцовъ и минаретовъ, надъ полосатою изъ чернаго и бѣлаго мрамора головой о трехъ кулолахъ, эта мечеть — самая замѣчательная по своей оригинальности, если не по красотѣ въ Индіи *. Зрѣлище было величественное и вырвало у всѣхъ насъ единодушный крикъ удивленія.

Древній городъ, на развалинахъ коего Шахъ-Джеганъ выстроилъ въ XVII столѣтїи Дельи, назывался въ исторїи Индіи Индрапрештой, а затѣмъ Индерлутомъ. Основателемъ онаго былъ царь Юдиштира, смерть котораго по древнимъ лѣтописямъ брамановъ послѣдовала въ 3101 году до Рождества Христова. До христіанской эры исторія этой столицы покрыта непроницаемымъ мракомъ, среди котораго изрѣдка являются бѣглые проблески событїй, историческая вѣрность коихъ подтверждается исторїей другихъ народовъ.

* Джумма Мусжидъ была заложена и начата Шахъ-Джегаломъ на четвертомъ году его царствованія (въ 1633) и окончена на десяткомъ. Она стоила около 100.000 фунт. стерл. на англійскія деньги за одинъ матеріалъ, такъ какъ постройка ея и рабочіе были конечно даровые.

Лѣтопись Индрапуты отъ самаго ея основанія и до конца существуетъ ковечно; но она въ рукахъ брамановъ и скрывается ими, какъ и многое другое, подъ тѣмъ предлогомъ что пока будетъ продолжаться *Кали-югъ* (черный періодъ) Арийцы не должны открывать своей исторіи „бѣлымъ“ врагамъ. А такъ какъ до конца этого и до начала будущаго „Сатви-юга“ остается ждать 42.721 годъ, то до тѣхъ поръ наши ученые ориенталисты успѣютъ и состарѣться, и не нашему поколѣнію будутъ открыты великія тайны древней исторіи Индіи. Европейскіе ученые мстятъ за это браманамъ, отвергая ихъ показанія и историческую достовѣрность даже того немногаго что туземные историографы соглашались имъ повѣдать... А что помимо ихъ извѣстно и принято всѣми—можетъ быть разказано въ нѣсколькихъ словахъ. Даже это представляетъ необычайный интересъ, благодаря словно сказочнымъ событіямъ...

Пропустивъ цѣлыя столѣтія, мы находимъ Индерлуть выбираемый столицей своей царемъ Ануггаломъ за нѣсколько сотъ лѣтъ до Рождества Христова. За этимъ опять длинный антрактъ. Браманы не пускаютъ профановъ за кулисы, но разказываютъ друзьямъ и врагамъ о необычайныхъ богатствахъ и цивилизаціи этой столицы сѣверо-западной Индіи и переводятъ цѣлыя страницы изъ древнихъ рукописей.

Около 980 года нашей эры раджа Индерлутскій является членомъ и союзникомъ туземной конфедераціи, сперва побѣжденной Пенджабскимъ раджей Себектегиномъ, а затѣмъ—Махмудомъ изъ Гѣзни въ 1008 году. Наконецъ, и лишь по вторженіи въ Индію Магометъ-Шахабъ-Удина Гхорскаго, въ 1191 году, мы находимъ Индерлуть одною изъ четырехъ великихъ державъ Индіи, переименованною въ 1193 году Шахабъ-Удиномъ въ имперію Дельи. Мусульманскій историкъ Феришта увѣряетъ будто султанъ Гхорскій отнялъ эту имперію у Притви-Раджи, раджлутскаго принца, который, несмотря на кавалерію изъ 300.000 всадниковъ и 3.000 слоновъ, проигралъ сраженіе. Но эти „историческія“ яко бы событія до того залутаны и неясны что въ лѣтописяхъ Аджира говорится, напротивъ, что не Притви-Раджа палъ, а сей послѣдній побѣдилъ Магометъ-Шахабъ-Удина и, отрѣзавъ ему голову, сдѣлалъ изъ нея чучело, которое и сохранилось многія столѣтія въ оружейной раджлутскихъ царей. Но за то тѣ же лѣтописи повѣствуютъ что нѣсколько лѣтъ спустя,

вслѣдствіе ссоры между конфедератами, Кутбъ-О-Динъ, генералъ гхорскій, дѣйствительно побѣдилъ защитниковъ Индерпута и затѣмъ основалъ въ немъ независимую магометанскую династію, извѣстную между восточными историками подъ именемъ Дельи, или „рабыни Гхорскихъ султановъ“. Съ тѣхъ поръ эту несчастную имперію перекидывали изъ рукъ въ руки какъ мячикъ. Въ 1288 году, Кхильджи, „племя искателей приключеній“ изъ Афганистана (по словамъ той же лѣтописи), зарѣзавъ владѣтеля Дельи Кейкобада, передали страну своему предводителю Джелалъ-Удину и основали династію Кхильджи, правившую до 1321 и пресѣкшуюся съ убіеніемъ султана Мобарика. За этимъ имперія перешла въ руки Гхейясъ-Удина Тоглука, основавшаго Тоглукскую династію. Потомъ ворвался въ Индію Тамерланъ и, проникнувъ въ 1398 году въ Дельи, ознаменовалъ свой подвигъ тѣмъ что перерѣзалъ 100.000 лѣнныхъ Индусовъ. „Высокія башни“ были построены изъ головъ убитыхъ и тѣла ихъ преданы хищнымъ птицамъ“, говоритъ историкъ. Промелькнувъ всеразрушающею грозой по всему горизонту Индіи, Тамерланъ тотчасъ же бросилъ Дельи, предавъ страну забвенію. Въ продолженіе 50 лѣтъ въ городѣ, гдѣ не осталось по его уходѣ ни одного живаго существа, царствовало гробовое молчаніе, тишина смерти и таѣнія... Только въ 1450 году, Бехлалъ, глава Патавовъ (Афганское племя Лоди), снова завладѣлъ покинутымъ городомъ и страной. Его внукъ Ибрагимъ былъ побѣжденъ и убитъ въ сраженіи при Панипутѣ знаменитымъ въ исторіи султаномъ Баберомъ, въ 1526 году. Съ тѣхъ поръ водворилась и царствовала послѣдняя династія Бабера, называемая ладшахами, а городъ переименовался затѣмъ, въ честь своего послѣдняго основателя, изъ Дельи въ Шах-джегабадъ. Но не знала и эта злополучная династія покоя. Сынъ Бабера, султанъ Хумайанъ, былъ побѣжденъ въ 1540 году и изгнанъ изъ Индіи Ширъ-Ханомъ Патанскимъ и только благодаря помощи Персіи вернулъ свое царство въ 1554. Одинъ императоръ Акбаръ, сумѣвшій возвести свое Индійское царство на высшую точку могущества тѣмъ что могъ одно время выставить 4.400.000 солдатъ, * удержалъ для себя и потомства великую имперію Дельи, дававшую

* См. исторію Эльфинстона, со словъ историка Абулфазла.

ему 37.724.615 ф. ст. ежегоднаго дохода, до 1707 года. Съ этого времени до 1803, то-есть въ продолженіе болѣе столѣтій, эта несчастная страна была театромъ постоянныхъ войнъ. Великіе могулы ея подвергались всевозможнымъ злоупотчїямъ. Поочереды Патаны и Сикки, Науабы, Махраты и Раджпуты дѣлали набѣги, выкалывали царямъ глаза, сожигали ихъ живыми и то захватывали, то снова теряли Дельи. Наконецъ сердобольная Остъ-Индская Компанія, сжалась надъ несчастными, пожелала спасти эту династію *даже противъ воли ея*. Съ достохвальнымъ и безпримѣрнымъ въ исторіи самоотверженіемъ, генералъ Лэкъ отправился въ 1803 году подъ стѣны Дельи. Тамъ, воспользовавшись не то довѣрчивостію, не то олошностію нѣкоего авантюриста Француза Луи Бурксена, главнокомандующаго Махратской арміи, онъ съ большимъ безпристрастіемъ потопилъ въ рѣкѣ Джумбѣ какъ осаждавшихъ городъ Французовъ, Махратовъ и Патанъ, такъ и защищаемыхъ имъ Могуловъ, на помощь коимъ онъ якобы явился; а затѣмъ, овладѣвъ городомъ, навѣки прибралъ его къ рукамъ. Съ тѣхъ поръ бѣдныя Баберяне попали „изъ огня да въ полымя.“ Насталъ для нихъ великій *dies irae* и даялся онъ до 1857 года, когда, вслѣдствіе мятежа, послѣдній изъ номинальныхъ „великихъ могуловъ“ Магометъ-Бахадуръ отправился наконецъ изъ мѣста изгнанія и заключенія на землѣ.. въ высшія райскія сферы своего Пророка. Такъ мы по крайней мѣрѣ надѣемся, ради бѣдлага, разжалованнаго Могула. Онъ довольно выстрадалъ дабы получить хоть эту одну изъ столькихъ обѣщанныхъ ему привилегій.

Ничто не можетъ сравниться съ прелестью не только завѣтныхъ уголковъ и историческихъ памятниковъ полуразрушеннаго Дельи, но и вообще окрестностей и даже городского вала. Эти еще грозныя на видъ стѣны, освѣяемая густою бахромою акацій и финиковыхъ лалемъ, краснорѣчиво напоминають туристу о прежнемъ ихъ величїи и о тѣхъ славныхъ рыцарскихъ временахъ когда на укрѣпленныхъ валахъ прохаживались часовые непобѣдимыхъ султановъ—Акбара и Аарунгузаба. Теперь, обрамленные траурною тѣнью темной *самбадоры*, остались одни разбросанные по гласису минареты могилъ, гробницы да одинокіе памятники на вѣки уснувшихъ героевъ... И долго не забыть намъ увывой, таинственной долины Кутаба! По этой долинѣ, растя-

гиваясь непрерывною полосой въ семь миль ширины и болѣе чѣмъ на тридцать миль въ длину, вдоль берега Джумны, разбросаны развалины не одного, а *нѣсколькихъ* древнихъ и новѣйшихъ городовъ. Это цѣлая эпопея изъ гранита и мрамора, элическая поэма славнаго прошлаго безчетныхъ поколѣній героевъ!.. Отъ самаго сада Шахлимара, у городскихъ воротъ, почти до подороги къ Агрѣ, вся долина устлана развалинами циклолическихъ построекъ и разрушающимися зданіями болѣе современной эпохи: когда-то грозныхъ крѣпостей царей Раджпутскихъ; дворцовъ, мраморныя стѣны коихъ точно изваяны руками фей; изразцовыхъ башень, гранитныхъ бастіоновъ и странной, невиданной формы зданій. Вотъ обширныя (какъ цѣлые храмы гробницы) съ гигантскими воротами и входными арками, словно пятимилионная армія Ксеркса хоронила съ военными почестями каждаго покойника; разваленныя обелиски—остатки массивной Патавской архитектуры; уцѣлѣвшія комааты отъ царскихъ дворцовъ (нынѣ превращенныхъ въ хижины, въ даровыя квартиры ларій), стѣны коихъ сооружены изъ кирлича покрытаго сплошь драгоценною эмалью и прелестнѣйшею мозаикой; древніе золоченые куполы, изъ трещинъ коихъ лыныростали цѣлыя лѣса кактусовъ; куски стѣнъ сквозныхъ какъ дорогое венеціанское кружево и развалины старинныхъ языческихъ храмовъ, посвященныхъ неизвѣстнымъ богамъ, съ жертвенниками живопись на коихъ доселѣ еще представляетъ ослѣпительно яркіе цвѣта и свѣжесть будто вчера намазанныхъ красокъ!.. Что ни шагъ, то новая руина; куда ни взглянешь—опрокинутыя стѣны, улавшія статуи, разбитыя колонны... И среди этого чуднаго, диковиннаго міра какъ бы животрепещущихъ развалинъ царить и день и ночь мертвенная тишина. Что за дикая сцена запустѣнія! Когда мы очутились въ этой мѣстности, намъ почудилось будто мы попали въ сказочное царство „спящей красавицы“...

Недавно еще, не болѣе четверти вѣка тому назадъ, эта долина отъ города и до самой башни Кутабъ-Минара (выговаривается впрочемъ *Катъ-Минара*), стоящей за 9 миль отъ ближайшихъ къ ней городскихъ воротъ, была обителью роскоши, наслажденія и могущества. Она еще была устлана загородными дачами богатыхъ вельможъ и придворныхъ Великаго Могула. А нынѣ она превратилась въ обитель полнаго тлѣнія и не даромъ зовется въ народѣ Долиною Смерти. Ея избѣгаетъ какъ лѣшеходъ, такъ и всадникъ: одни

туристы рискуютъ еще вступать на проклятую почву. Ея когда-то великолѣпные чертоги повалились, мозаичныя стѣны потрескались и стонутъ задыхаясь въ объятіяхъ дикаго кактуса. Только благодаря цѣлкимъ вѣтвямъ этого растенія онѣ еще не совершенно рухнули, но стоятъ словно приговоренныя къ смерти мученики... Здѣсь каждый императоръ могучихъ династій Патановъ, Раджпутовъ и Могуловъ увѣковѣчилъ себя какимъ-либо памятникомъ. Можно сѣдовать по какому угодно направленію на 25 миль кругомъ и все еще не видать предъ собою конца этому необычайному, диковинному міру развалинъ!..

Пять дней мы бродили по нимъ. Уходя изъ дома съ разсвѣтомъ, мы и завтракали и обѣдали среди этой обстановки прошлыхъ вѣковъ, возвращаясь только къ вечеру. Какимъ-то грустнымъ, тоскливымъ чувствомъ сжимается сердце при входѣ въ эту пустынную долину, гробницу столыкихъ поколѣній! Все кругомъ тихо, мертвенно, безмолвно... Ни малѣйшаго звука не доносится даже съ далекихъ городскихъ стѣнъ, гдѣ угрюмо торчатъ среди памятниковъ и минаретовъ тяжелые англійскіе бастионы и гдѣ, сѣдя за нами, точно вражьи глаза, чернаютъ на каждомъ изъ нихъ по девяти лушекъ направленныхъ на проходящихъ. Изрѣдка лишь что-то шарахнется подъ ногами, и встревоженный непривычными людскими шагами дикобразъ, взъерошивъ иглы во все стороны и фыркающая какъ испуганная кошка, откатывается клубкомъ въ сторону; пролетитъ стая лавлиновъ, затемняя на секунду дорогу и блестя дождемъ разноцвѣтныхъ искръ; лаявъ лугливо выгланеть изъ-за темной зелени алая, да проскользнетъ въ травѣ проворная ящерица, сверкая радужною спиной на солнцѣ. Кругомъ ни единого отголоска. Развѣ только отъ времени до времени, среди этого тяжелого безмолвія, раздастся еле различаемый ухомъ шорохъ, а вслѣдъ за нимъ легкій стукъ какъ бы оторвавшася камешка: то рука неумолимаго времени непрестанно производитъ работу разрушенія надъ „Долиною Смерти“, отрывая кирпичъ за кирпичемъ, камень за камнемъ отъ мозаичныхъ стѣнъ древнихъ чертоговъ: словно крупныя мраморныя слезы роняютъ онѣ на свои красныя какъ алая кровь подножія. И падаютъ онѣ вѣкъ за вѣкомъ, пока наконецъ и чертоги, и самыя стѣны не превратятся во прахъ...

Да, палъ гордый Дельи, но палъ какъ падаютъ одни гиганты: какъ палъ Сампсонъ жертвой измѣны и собственной

довѣрчивости. Онъ уснулъ въ объятіяхъ Далилы, которую ужь столько лѣтъ онъ хвалилъ и озодачивалъ и въ честь которой онъ имѣлъ глулость вѣрить. Поэтому, вѣрная своему „историческому призванію“, Остъ-Индская Компания и поступила какъ настоящая Далила. Она не только потворствовала ему въ его сластолюбіи, но сама увлекала его на пути бѣшенаго разврата. Въ послѣдніе годы своей *самостоятельной* жизни, подъ крылышкомъ Далилы, Дельи перецеголялъ древній Римъ въ раслутствѣ и извѣженности... И вотъ, воспользовавшись его временною слабостью, Далила окарнала бозпомощнаго великана, а затѣмъ, выколовъ ему глаза, предала въ руки Филлистимлявъ. А ужь какъ казалось любили они другъ друга! Какая нѣжная дружба связывала Англию-Далилу и Индо-Могульского красавца! До какой степени первая кокетничала съ послѣднимъ, можно судить изъ слѣдующаго примѣра. Полковникъ Скиннеръ, герой времени Остъ-Индской Компаніи, прожилъ безвыѣздно сорокъ лѣтъ въ Индіи. Поселясь въ Дельи, онъ тотчасъ же забылъ всякую разницу между религіями, преобразовался въ настоящаго мусульманина, жейдѣся на нѣсколькихъ женахъ и, только-что отказавъ въ выдачѣ небольшой казенной суммы на постройку христіанской церкви, соорудилъ съ огромными издержками, якобы на *собственный счетъ*, богатую мечеть, а затѣмъ и храмъ для Индусовъ. Сооруженіе церкви въ Дельи, пишетъ онъ въ доносеніи, „справедливо оскорбило бы чувство Великаго Могула и его народа“. Кромѣ того, намъ показывали въ Дельи десятка два мечетей и языческихъ храмовъ, въ которыхъ находились богатые бронзовые колокола, серебряные идолы и художественной отдѣлки дорогія люстры и лампы и даже жертвенники съ именами жертвователей. Всѣ эти предметы до одного были „благодарственные дары“ и добровольныя приношенія вслѣдствіе *обътовъ* „за избавленіе отъ тяжкихъ болѣзней“ и другихъ невгодъ, *поднесенные Англичанами идоламъ и Магомету!!*. Имена жертвователей всѣ европейскія.

Но теперь все это измѣнилось. Лицемѣріе болѣе не у мѣста, и вмѣсто лукулловскихъ празднествъ и кокетничанья, Альбионъ-Далила наступила на Дельи, какъ и на всѣхъ сосѣдей его, тяжелою ступней своею—и мусульманскій городъ задохся. Великій Могуль исчезъ; исчезли и всѣ извѣженные вельможи его. *Les apparences sont sauvées*, а больше ничего и не требуется. Могулы *не умѣли* управлять народомъ, какъ

не умѣли и науáбы Аудскіе и *какъ не умѣетъ нынѣ злополучный Тейбо*—король Бурмы*. Филантропія Англіи не дозволила ей, какъ и никогда не дозволить, хладнокровно видѣть какъ страдаетъ подъ гнетомъ деспотическаго управленія чей бы то ни было народъ. Вѣдь она Богомъ посланная спасительница азіятскихъ народовъ, другъ страдающаго человѣчества.

По дорогѣ ведущей къ долинѣ Кутаба, на старомъ памятникѣ, у древней крѣпости Ферозъ-Шаха, я начертила карандашомъ извѣстный стихъ Данта, надпись надъ воротами ада, какъ нельзя лучше подходящій къ унылой долинѣ и ведущему къ ней пути...

Per me si va nella città dolente,
Per me si va nell' eterno dolore,
Per me si va tra la perduta gente... **

Едва отошли мы на нѣсколько шаговъ, какъ я обернулась и предо мною мелькнули желтые усы и румяное лицо нашего высокоблагороднаго шпіона, капитана Л. Онъ стоялъ предъ памятникомъ съ начертаннымъ на немъ стихомъ и чесалъ въ затрудненіи затылокъ. Затѣмъ вынулъ карандашъ и бумагу и тщательно списалъ мою надпись: Данте будетъ еще разъ прочитанъ лордомъ Литтономъ, а быть-можетъ и самимъ Беконсфильдомъ...

Какой-то путешественникъ выразился о гробницахъ магометанскихъ вельможъ въ Индіи слѣдующихъ образомъ: „Если вы желаете получить вѣрную идею о нихъ, то представьте

* Не разъ приходилось намъ разговаривать на счетъ взводимыхъ англійскими журналами на короля Бирманскаго „преступленій“ и „ужасовъ“ съ тою только что вернувшимся отсюда буддистскими монахами. На наши вопросы всѣ до одного утверди что ничего подобнаго не слышали. Эти буддисты—миролюбивые англійскіе подданные съ острова Цейлона; чрезвычайно довольные управленіемъ ихъ страной и даже весьма преданные Англичанамъ, что послѣ деспотическихъ, кровожадныхъ и особенно фанатичныхъ Голландцевъ и Португальцевъ и весьма похвально. Но эти буддисты газетъ не читаютъ и поѣтому не могли вникнуть въ хитрую политику своихъ правителей, девизомъ которой слѣдовало избрать извѣстную французскую пословицу: „*Quand on veut tuer son chien on dit qu'il est enragé.*“

** Мой путь ведетъ во градъ мученья,
Мой путь ведетъ на вѣчное страданье,
Мой путь ведетъ средь проклятыхъ людей.

себѣ лондонскую церковь Св. Павла превратившуюся въ мраморъ и перенесенную въ огромный садъ со всеми пресловутыми воротами стараго Йорка вмѣсто калитки, или же цѣлую массу куполовъ, покрытыхъ инкрустациями изъ черепицъ, разрисованныхъ вощаными красками невозможныхъ и самыхъ блестящихъ металлическихъ оттѣнковъ—зеленыхъ, голубыхъ, золотистыхъ, бронзово-фіолетовыхъ... и все это собраніе куполовъ на высокихъ, граціозныхъ пилястрахъ и аркахъ, дѣйствиительно-прекрасныхъ и столь же совершенныхъ какъ и въ тотъ день когда они вышли изъ-подъ рѣзца скульптора"... А подобныя зданія буквально ислещряютъ окрестности Дельи. Работа на нѣкоторыхъ изъ такихъ гробницъ до того ажурная и изящная что при заходѣ солнца мраморныя стѣны сквозятъ какъ алебастровый абажуръ на лампѣ...

Подивясь „посоху Ферозъ-Шаха“ (огромный изъ краснаго песчаника столбъ, который, несмотря на то что при паденіи ушелъ на двѣ трети своей величины въ землю, все еще имѣетъ 37 фут. длины и десять въ объемѣ на заостренномъ концѣ), мы отправились къ памятнику султана Хамайюна, видъ котораго такъ часто красуется на многознаменитыхъ дѣйскихъ брошкахъ. Онъ стоитъ на мраморной платформѣ въ 200 футовъ въ квадратъ, покоясь со всѣхъ четырехъ сторонъ на аркадахъ, къ которымъ ведутъ три высокіе яруса ступеней изъ гранита. Каждая арка четырехъ аркадъ служить навѣсомъ для нѣсколькихъ гробницъ; а высоко надъ ними возвышается императорскій мавзолей, величественное зданіе изъ краснаго камня, выложенное бѣлымъ мраморомъ. Стилъ архитектуры чисто сарадинскій. Внутри мавзолея круглая комната, посреди которой стоитъ мраморный саркофагъ. Съ плоской крыши памятника открывается чудный видъ на много миль кругомъ; мы принесли съ собою телескопъ и превосходно рассмотрѣли въ него, не теряя дорогогаго времени, памятникъ Низамъ-Уддину, святому прожившему долгую жизнь на навозѣ и покоящемуся послѣ смерти среди драгоценнаго мрамора и порфира; мавзолей принцессы Джаханары, дочери несчастнаго Шахъ-Джегана (о которой ниже съ цѣлою повѣстическою легендой относящеюся къ ней и ея памятнику) и послѣднее роскошное жилище Сафдаръ-Янга, великаго визира имперіи въ XVIII вѣкѣ и предка послѣдняго заполучнаго короля Аура. Цѣлые города мавзолеевъ и саркофаговъ изъ драгоценнѣйшаго

мрамора—вотъ все что осталось отъ нѣкогда богатѣйшей изъ мусульманскихъ имперій! „Эти бѣляющие вдали памятники“, говорилъ мнѣ недавно одинъ болѣе другихъ откровенный Англичанинъ судья, „положительно производятъ на меня какое-то нервное, непонятное чувство страха, когда я сижу одинъ по вечерамъ на балконѣ... Точно армія покойниковъ въ бѣлыхъ саванахъ, пришедшая требовать отчета въ судьбѣ своихъ потомковъ“...

Въ „Чанди-Чокъ“ красуется императорскій дворецъ, описанный епископомъ Геберомъ какъ одна изъ самыхъ величественныхъ царскихъ резиденцій когда-либо видѣнныхъ имъ, „далеко оставляющая за собою Кремль, но въ нѣкоторыхъ деталяхъ уступающая Виндзору.“ Наивное національное хвастовство! Въ нашихъ глазахъ, т.-е. во мнѣніи даже Англичанъ артистовъ и архитектора У., этотъ дворецъ далеко превосходитъ всѣ европейскіе дворцы, древніе и современныя, какъ своею оригинальною красотой, такъ и прочностью. Одна готическая арка въ центральномъ дворѣ большой башни, арка за которою слѣдуетъ длинное крыло со сводомъ, на подобіе крыла въ готическихъ соборахъ, приводитъ знатоковъ въ восторгъ. Арка за аркой тянутся подъ сводомъ, улобляя этотъ проходъ скорѣе длинному тоннелю нежели пристройкѣ... Въ самомъ центрѣ крыла—открытый восьмиугольный дворикъ изъ гранита, каждый вершокъ коего покрытъ инкрустациями мельчайшей, почти мозаичной работы цвѣтовъ и фруктовъ изъ разноцвѣтнаго мрамора и камней. „Девани-Хасъ“ (комната императорскаго совѣта), бѣлый мраморный лавильонъ подъ куполами изъ того же матеріала, съ арками и колоннами превосходящей рѣзбы и весь покрытый золотыми арабесками, цвѣтами изъ перламутра, сердолика, малахита и надписями изъ Корана персидскими буквами самой изящной работы. Богатая листва изъ чистаго серебра, нѣкогда украшавшая потолокъ, отобраена побѣдителями, и прелестный лавильонъ нынѣ служитъ резиденціей совамъ и летучимъ мышамъ. Въ этомъ же вкусѣ и восьмиугольный лавильонъ среди залущеннаго великолѣпнаго сада, и „Моти-Мѣсжидъ“—родная сестра другой „Моти-Мѣсжидъ“ (*Желчужной мечети*) въ Агрѣ—придворная калелла императоровъ; и даже „зала аудіенцій“, она же тронная зала великихъ могучевъ, съ престоломъ во глубинѣ, мозаика коего выложена въ видѣ павлинаго хвоста. Этотъ тронъ только недавно

очищенъ отъ голубиного навоза, густо покрывавшаго престольное сѣдалище...

Проѣхавъ мимо красивой мечети съ цѣлою роцею минаретовъ, заглядывающихъ цѣлый день въ прозрачныя воды залива рѣки, мы остановились возлѣ „Джуммы-Мѣсжидъ“, великой мечети. Ея громадный фундаментъ изъ краснаго песчаника составляетъ четырехугольникъ, а стѣны словно предназначены для крѣпости. На каждомъ углу этой террасы по башнѣ, мраморныя куполы коихъ покоятся на тонкихъ красныхъ колоннахъ. Съ трехъ сторонъ невѣроятна широкая мраморная ступени ведутъ къ тремъ главнымъ воротамъ. Это цѣлое путешествіе въ гору; крыши всего города находятся подъ ногами туриста на послѣдней ступени. Что касается центральныхъ, четвертыхъ воротъ, обращенныхъ къ востоку, то они считаются до того священными что къ нимъ не дозволено даже и близко подходить. Эти три воротъ ведутъ во дворъ—скверъ въ 450 футовъ съ открытыми аркадами, окруженный съ трехъ сторонъ колоннадами красныхъ столбовъ и съ большимъ мраморнымъ бассейномъ посрединѣ, наполняемымъ особеннымъ механизмомъ изъ нѣсколькихъ источниковъ въ долину. На западной сторонѣ, обращенной къ востоку, т.е. къ Меккѣ, возвышается мечеть—„Красавица востока“. Весь фасадъ покрытъ толстыми плитами изъ бѣлаго мрамора, а вдоль карниза разстилаются надписи—стихи изъ Корана, буквами изъ чернаго мрамора съ золотомъ въ четыре фута длины каждая. Три огромные бѣлые купола исполосованы такимъ же чернымъ мраморомъ, а высокіе минареты—краснымъ и бѣлымъ. Каждая изъ башенокъ являлась чудомъ изящества.

Была пятница и къ тому же какой-то праздникъ, и на дворѣ, способномъ вмѣстить 12.000 народа, толпились правоярныя. Наши Индусы не пошли съ нами, а остались внизу у знакомаго, одного изъ несмѣтныхъ кумовей Бабу. Мы же оставались въ самой мечети всего нѣсколько минутъ, такъ какъ къ великому афронту У. его и полковника заставили разуться и, по ихъ увѣренію, вслѣдствіе этой прогулки по холоднымъ мраморнымъ плитамъ оба схватили насморкъ. Полъ самой мечети представляетъ подобіе шахматной доски изъ бѣлыхъ и черныхъ плитъ...

Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ городской стѣны находится обсерваторія, громадная какъ и все остальное. Какъ и

нѣсколько другихъ обсерваторій и по тому же плану, она была выстроена знаменитымъ раджей Джейпурскимъ, Джей-Сингомъ, ученымъ астрономомъ и астрологомъ въ началѣ XVIII столѣтія, тѣмъ самымъ астрологомъ что по желанію императора Магометъ-шаха преобразовалъ мѣстный календарь. Кромѣ громаднхъ солнечныхъ часовъ, мы нашли на этомъ пространномъ какъ цѣлая площадь дворъ „азимутные круги“, какъ ихъ представилъ намъ Гулабъ Сингъ, какой-то удивительной формы столбы для измѣренія высотъ и тому подобныя ужасныя орудія астрономіи. Весь этотъ дворъ заваленъ и застроенъ кривыми стѣнами, каменными треугольниками со ступенями ведущими въ пустое пространство, странными геометрическими фигурами изъ гранита „для мѣстныхъ астрологовъ“, какъ мы узнали, и все это покрытое непонятными намъ знаками, ужасъ наводящими абракадабрами, цифрами, среди которыхъ одинъ Такуръ былъ какъ дома, а мы бѣдные профаны совершенно сконфузились и ушли домой съ головою болью...

„Кутбъ-Минаръ“, башня въ девяти миляхъ отъ города, считается высочайшею колонной въ нашемъ мірѣ, даже и теперь, когда она глубоко осѣла и верхнюю часть ее отбило молніей. Эта колонна, въ настоящее время 349 футовъ высоты, по мѣстнымъ преданіямъ служила придворнымъ магикамъ для ихъ пріятельскихъ совѣщаній съ „планетарными“ духами. Дѣйствительно, судя по высотѣ башни, можно съ достовѣрностью предположить что эти стихійные жители часто спотыкались объ оную и рвали себѣ крылья на ея острыхъ зубахъ. Быть-можетъ они для того и направили молнію чтобы сокрушить послѣдніе?... Отъ фундамента башня заостряется до верху, гдѣ, когда крышу еще не разгромило, умѣщались 12 маговъ, каждый съ 12 фоліантами „заклинаній“. Ея стѣны покрыты кувическими надписями и гигантскими буквами выдолбленными на нѣсколько футовъ глубины. Красная снизу до верху, высоко ларя подъ облаками, „Кутбъ-Минаръ“ кажется издали какимъ-то чудовищнымъ, кровавымъ восклицательнымъ знакомъ, поставленнымъ надъ „Долиною Смерти“...

Вокругъ башни жмутся сотни пилластровъ, арокъ и колоннъ. Каждый изъ этихъ обломковъ въ иномъ отъ прочихъ стилѣ и часто не въ мусульманскомъ, а во вкусѣ Индіи, что одно доказываетъ ихъ древность и сколько времени

должно было пройти между каждымъ стиломъ. Немного въ сторонѣ, расластавшись какъ грибокъ широко раскинутыми террасами, стоитъ особнякомъ и подъ куполомъ пирамидальное, состоящее изъ четырехъ ярусовъ, замѣчательное строеніе. То „коллегія Акбара“, знаменитая необычайною красотой своей рѣзьбы и построенная имъ для сходовъ „мудрецовъ“, нарочно приглашавшихся изъ всѣхъ странъ свѣта для „религіозныхъ диспутовъ“. * Совершенно сквозное въ нижней террасѣ, со стѣнами покрытыми живописью, мозаикой, барельефами съ инкрустаціями всякаго рода, нишами съ выпуклою работою на золотомъ фонѣ и безконечною вереницею геометрическихъ узоровъ и надписей, это зданіе какъ бы служить великолѣпнымъ преддверіемъ къ башнѣ-великану..

Пять дней прошли какъ одинъ день, и мы увѣжали въ тотъ вечеръ въ Агру, древнюю столицу Акбара. Прощаясь, быть-можетъ навсегда, съ долиной Кутаба, мы отправились отдохнуть въ послѣдній разъ подъ тѣнью гигантской башни. Никто не знаетъ когда, кѣмъ и для чего именно она была построена. Черные мраморные полы четырехъ олеясывающихъ ее балкончиковъ покрыты тѣми же странными знаками какъ и ступени ея внутренней витой лѣстницы. Ея четыре комнаты—одна въ каждомъ ярусѣ—ведутъ чрезъ низкую дверь на наружную галлерейку, и находились охотники подниматься по ней. Но мы отказались отъ подобнаго путешествія подъ облака: я по причинамъ о которыхъ изъ самолюбія умолчу, остальные просто изъ лѣни или скорѣе пресыщенія. Дѣйствительно, мы всѣ начинали чувствовать признаки болѣзни которую можно было бы назвать „индигестіей рупиѣ“. У насъ начинали являться по ночамъ кошмары въ видѣ башень, дворцовъ и храмовъ; видѣнія во время которыхъ быстроніе минареты гонялись за нами, а черные мраморные саркофаги отплясывали на насъ танецъ смерти... Но Такуръ отправился съ Нараяномъ-Криншару на верхъ, оставивъ насъ подъ покровительствомъ тезки послѣдняго, Бабѣ Нараяна Дасъ-Сена, а Бабѣ тотчасъ же началъ лугать миссъ Б. разказами

* Извѣстно что императоръ Акбаръ никогда не былъ *правосъ-рымъ* мусульманиномъ, но цѣлую жизнь отыскивая истину во всѣхъ религіяхъ постоянно колебался между христіанствомъ, мусульманствомъ и религіями парсовъ и брамановъ. Онъ былъ великій астро-логъ своего времени.

о привидѣніяхъ и духахъ лосѣщающихъ Кутбъ-Минарскую башню.

Вѣроятно и нашъ махратскій Геркулесъ увидалъ въ таинственной башнѣ нѣчто очень страшное; потому что когда оба сошли чрезъ полчаса внизъ, Такуръ казался серьезнѣе и суровѣе нежели когда-либо, а смуглыя щеки Нараяна совсѣмъ сдѣлались землянаго цвѣта и губы его нервно дрожали.

— Смотрите, шелгулъ въ полголоса миссъ Б. неудержимый Бенгалець,—смотрите, бьюсь объ закладъ что Такуръ-Саабъ вызывалъ для Нараяна одного изъ своихъ предковъ... на бѣдныя лица нѣтъ!...

Что-то глубоко-страдальческое и вмѣстѣ съ тѣмъ злобѣщее блеснуло въ черныхъ глазахъ брамина... Но онъ тотчасъ же опустилъ глаза и сдѣлавъ видимое надъ собою усиліе смолчалъ...

Я хотѣла вмѣшаться и разомъ остановить неумѣстныя подразниванія Бабу, но Такуръ предупредилъ меня. Не लेकरъ разговора, онъ незамѣтно отвелъ наши мысли отъ этого щекотливаго предмета, давъ имъ совершенно другое направленіе...

— Ты правъ, Бабу, задумчиво отвѣчалъ онъ, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на очевидную иронию Бенгальца,—нѣтъ во всей Индіи мѣстности болѣе подходящей къ вызванію памяти о событіяхъ великаго прошлаго *монгъ* раджпутскихъ предковъ чѣмъ эта башня!... Здѣсь, продолжалъ онъ указывая на Дельи,—полководцы и владѣтельные принцы Раджистана были въ концѣ XVII столѣтія въ послѣдній разъ лишены престола по праву принадлежащаго имъ царства, достоянія ихъ отцовъ... Здѣсь фанатическіе, жестокіе Могулы, водворясь на тронѣ завоеванномъ ими лишь хитростью, перевернули произвольно послѣднюю, кровавую страницу исторіи великой независимой Индіи!... Да! вдругъ произнесъ онъ, сверкая блестящими словно разгорающіеся угли глазами и какъ бы въ дотолѣ сдержанномъ, но тѣмъ болѣе ужасномъ порывѣ внутренняго бѣшенства,—да!... Одинъ развратъ да изнѣженость этой небомъ, проклятой расы широко раскрыли дверь европейскимъ завоевателямъ!... То Могулы, одни они, логубили нашу Индію! Не поселись это поколѣніе гаремовъ на нашей родинѣ, не было бы сегодня ни одного Англичанина на нашей землѣ!...

У* нахмурилъ брови и повернувшись къ стѣнѣ казался чрезвычайно занятымъ разсматриваніемъ куфическихъ надписей. Но миссъ Б. съ патріотическимъ жаромъ, достойнымъ лучшаго дѣла, оцѣтенилась какъ кошка и разомъ ринулась въ битву.

— О-о-о!... пророчески прогнусила старая дѣва на всѣ тоны національной дисгармоніи, — Гей-гей!... неужели вы хотите этимъ сказать что мы не сумѣли бы справиться даже и съ вами, Раджлутами?... Насъ, Англичанъ, еще *никто и никогда* не побѣждалъ; и мы никогда еще не уступали разъ полранной нами территоріи!...

Мнѣ сдѣлалось положительно страшно за эту глупую женщину. Ничего и никогда не случалось мнѣ видѣть въ человѣческихъ глазахъ подобнаго тому зловѣщему, мрачному огню который зажегся въ широко раскрытыхъ зрачкахъ гордаго Такура. Но онъ молчалъ и только глядѣлъ на нее. Такъ долженъ былъ глядѣть на будущую жертву свою Сфинксъ—до рѣшенія загадки...

Къ счастью, полковникъ нашелся и разомъ выручилъ насъ всѣхъ, учинивъ счастливую диверсію въ свою сторону.

— Васъ-то, Англичанъ, *никогда* не били? переспросилъ онъ, добродушно подсмѣиваясь.—Кромѣ насъ, Американцевъ, добавьте... Вспомните какія трелки мы, янки, задавали вамъ съ 1775 до 1783 года, когда мы на вѣки прогнали васъ съ нашихъ береговъ... А затѣмъ въ 1812, когда на одного Американца приходилось *восемь* убитыхъ Англичанъ!... Не слѣдуетъ, любезнѣйшая миссъ Б., не слѣдуетъ забывать исторію даже изъ патріотизма.

Полковникъ не ошибся въ своемъ великодушномъ разчетѣ. Этихъ простыхъ словъ оказалось достаточно чтобы навлечь на него бурю, окончившуюся, какъ и всегда, потокомъ истерическихъ слезъ. Англичанка дѣлалась намъ съ каждымъ днемъ противнѣе...

Неоднократно уже полковникъ въ качествѣ президента Теософическаго Общества собирался серьезно пригласить ее вернуться въ Бомбей, гдѣ среди болѣе родственной и симпатичной ей сферы разбогатѣвшихъ бакалейщиковъ и гордыхъ англійскихъ эксъ-саложекниковъ она могла бы себя чувствовать и спокойнѣе, и счастливѣе. Но я всегда протестовала. Какъ ни весело намъ было ея общество, но какъ Англичане, она и У. были намъ несомнѣнно полезны въ виду

глупѣйшихъ подозрѣній и преслѣдованія насъ тайною полиціей. А это шпіонство, неуклюжее и грубое, старавшееся да не умѣвшее оставаться тайнымъ, дѣлалось намъ день ото дня тяжелѣе. Присутствіе двухъ Англичанъ, и ярыхъ патріотовъ къ тому же, среди нашего кружка не только могло пригодиться въ послѣдствіи, но и выставяло Англо-Индійское правительство въ самомъ глупомъ видѣ...

По обыкновенію своему, Такуръ, проводивъ насъ до желѣзной дороги, простился и обѣщавъ встрѣтить насъ, *быть-можетъ*, въ Агрѣ, во всякомъ случаѣ въ Бертпурѣ. Мы разстались.

Въ дорогѣ Нараянъ былъ неузнаваемъ и находился какъ бы подъ гнетомъ невыносимаго бремени или печали. Бабу вертѣлся какъ бѣсъ предъ заутреней; Мульджи по обыкновенію молчалъ; У* дулся за свою соотечественницу, которая сушила во всю дорогу свои клыки на солнцѣ; полковникъ храпѣлъ въ углу кареты; а я думала, думала до одурѣнія... Что такое происходитъ между Такуромъ и Нараяномъ?.. Что это за тайна?.. Кто знаетъ!..

Какъ при нашемъ вѣздѣ въ Дельи, солнце и теперь садилось, утолая въ расплавленномъ золотѣ облаковъ, а далеко на горизонтѣ видѣлся величественный „Кутбъ-Минаръ“, уже до половины окутанный въ темнофіолетовыя ночныя тѣни; верхняя часть башни еще горѣла какъ огненный столбъ въ золотисто-оранжевомъ сіяніи заходящаго солнца...

Императоръ Акбаръ, Царь-Соломонъ Индіи, по великой премудрости своей, величайшій какъ и любимѣйшій изъ могульскихъ повелителей Индіи и единственный изъ нихъ память котораго дорога взравнѣ какъ магометанамъ, такъ и Индусамъ. Послѣдними онъ еще болѣе можетъ-быть любимъ, такъ какъ всегда выказывалъ пристрастіе къ нимъ. Акбаръ Великодѣльный, Благословенный, Акбаръ любимецъ боговъ и „Краса престола міра“, вотъ прилагательныя къ его имени. Между туземцами городъ Агра до сей поры носить его имя и называется въ народѣ *Акбарабадъ*. Числомъ женъ Акбаръ превзошелъ царя Соломона. Какое значеніе могутъ имѣть 800 законныхъ и 300 незаконныхъ супруговъ въ сравненіи съ 5.000 женъ Акбара? Туземная лѣтопись увѣряетъ будто императоръ обязанъ своимъ могуществомъ единственно этимъ дамамъ. Разъ рѣшась завладѣть всею Индіей, великій ладшахъ, дабы вдвойнѣ привязать къ

себѣ союзниковъ, женился поочередно на дочеряхъ каждаго изъ нихъ. Какъ только онъ узнавалъ что у такого-то раджи или сосѣдняго принца есть дочь или дочери, то посылалъ тотчасъ же предложеніе. А такому жениху какъ императоръ Акбаръ возможно ли было отказать? Такимъ образомъ, благодаря арміи тестей-союзниковъ, онъ заранѣе ограждалъ себя отъ войнъ, а государство отъ вторженій. Жены были довольны и счастливы, и никому изъ нихъ не было завидно. Каждая имѣла свою комнату во дворцѣ и свои особенныя права. Отъ этого фамильнаго дворца остались однѣ развалины.

Акбаръ считался четвертымъ въ поколѣніи пророка Магомета; поэтому ему много и прощалось правовѣрными, хотя онъ много грѣшилъ противъ вѣры. Особенно оскорблялъ ихъ императоръ своими сомнѣніями и вѣчною погоней за истиной: „какъ будто вся божественная истина не сосредоточилась въ нашемъ благословенномъ Пророкѣ!“ разсуждаетъ одинъ изъ его историковъ. Онъ имѣлъ страсть къ изученію философіи и питалъ глубокое благоговѣніе къ древнимъ рукописямъ, назначая огромныя преміи за самыя старыя лѣтописи „шести великихъ вѣръ Востока“: христіанской, магометанской, іудейской и вѣръ брамановъ, буддистовъ и парсовъ. Онъ почиталъ всѣ шесть и не принадлежалъ ни къ одной. * Говорятъ, будто послѣ него осталась кила автографныхъ рукописей и, чему еще трудаѣ вѣрится, будто онъ еще уцѣлѣли. Родившись въ 1542 году, онъ умеръ въ 1605, процарствовавъ около полу столѣтія. Не могу промолчать объ одной странной, переданной мнѣ исторіи—легендѣ быть-можетъ или просто вымышленной баснѣ. Но такъ какъ она находится въ тѣсной связи съ исторіей Россіи, совершенно совпадаетъ съ числами ея самыхъ круп-

* Акбаръ, хотя мусульманскіе его подданные смотрѣли на него какъ на святаго *чудотворца*, далеко не покровительствовалъ магометанской религіи; часто, нуждаясь въ деньгахъ, онъ очень хладнокровно обиралъ мечети и грабилъ ихъ казну въ пользу кавалеріи. Но и христіанскіе миссіонеры не были счастливы исламскихъ муллъ. Не только императоръ поклонялся солнцу и молился свѣтлу четыре раза въ день, но и требовалъ поклоненія самому себѣ какъ боже-ству. „Онъ изучалъ магію и окружалъ себя людьми предавшимися сатанѣ,—людьми которые именемъ и съ помощью нечистой силы творили разныя нечистыя чудеса“ (изъ записокъ миссіонеровъ Гоа) (*Murray's Discoveries*).

ныхъ историческихъ событій и называетъ одну извѣстную русскую княжескую фамилію, то передаю, какъ слышала, продавая за то за что сама купила.

Какъ и всѣ въ Индіи, Акбаръ сѣло вѣрилъ въ астрологию и магію. Еще будучи принцемъ онъ пристрастился къ одному бѣлолицему юношѣ, въ одно прекрасное утро таинственно приведенному къ нему во дворецъ. Затѣмъ юноша исчезъ, и одинъ принцъ зналъ кто и гдѣ онъ. Но, по востествіи Акбара на престолъ, тотъ снова явился и совершенно завладѣлъ императоромъ. Никто не зналъ его настоящаго имени и откуда являлся оба раза таинственный чужеземецъ, хотя при дворѣ, гдѣ толпились сотни иностранцевъ, „мудрецы съ Востока, Запада, Юга и Сѣвера“, никто не обратилъ сперва на юношу особеннаго вниманія; но вскорѣ завистники стали коситься на него и подкалываться подъ царскую милость. Разказывали будто юноша, презрѣнный рабъ, плѣнникъ съ далекаго Сѣвера, былъ подаренъ Акбару патавскимъ полководцемъ изъ Афганистана. Интрига противъ этого чужеземца достигла наконецъ того что жизнь его стала не въ безопасности. Императоръ испугался, и юноша въ одно прекрасное утро также таинственно и во второй разъ исчезъ какъ и появился. Устрастки ради и въ видѣ внушенія, Акбаръ притворился будто не знаетъ куда его фаворитъ пропалъ; приказалъ его врагамъ предстать предъ свои грозныя очи, и въ то утро нѣсколько головъ свалилось съ плечъ. Только чрезъ двѣнадцать лѣтъ, человекъ еще молодой и въ которомъ старожилы придворные, не смотря на перемѣну, скоро узнали пропавшаго юношу, снова появился при дворѣ. Но возмужалый, важный и сосредоточенный, онъ былъ представленъ самимъ императоромъ всѣмъ придворнымъ какъ ученый астрологъ и *гуру* (учитель), и дворъ повергся предъ чужеземцемъ во прахъ на этотъ разъ искренно и съ сердечнымъ трелетомъ, ибо слава молодого астролога предшествовала его появленію въ Агрѣ и о немъ говорили шепотомъ и со сдержаннымъ страхомъ. „Пандитъ Васишти Аджа́нубаху“ * изучалъ сокровенныя науки—„джаду“ и „йо́гъ-видью“ (то-есть черную и бѣлую магію), у самихъ *джинновъ* въ нѣдрахъ Гималая, возлѣ Бадринаеа, и самъ великій императоръ выбралъ его своимъ *гуру*. Великъ Аллахъ! Чуже-

* *Аджа́нубаху*—прозвище состоящее изъ двухъ санскритскихъ словъ: *Аджа́ну*—„даинья“ (до лядвей) и *баху*—„руку“.

земець обладаетъ перстнемъ самого Сулимена (Соломона), владыки всѣхъ *джумовъ* (духовъ). Правовѣрные, берегитесь оскорбить лавдита!

Хроника увѣряетъ будто лавдита Васишти Аджанубаху оставался при Акбарѣ до самой смерти послѣдшаго, а затѣмъ, хотя самъ уже былъ въ глубокой старости, неизвѣстно куда исчезъ. Уходя, онъ будто бы собралъ своихъ учениковъ и сказалъ имъ слѣдующія знаменательныя слова: „Васишти Аджанубаху уходитъ и скоро исчезнетъ изъ этого дряхлаго тѣла; но онъ не умретъ, а появится въ тѣлѣ друго Аджанубаху, болѣе великаго и славнаго, который положитъ конецъ Могульскому владычеству... * Аджанубаху II отомститъ за Аджанубаху I, *отечество коего было унижено и разграблено* ненавистными сынами же-пророка.“ Сказавъ эту святотатственную въ глазахъ учениковъ рѣчь—старый колдунъ исчезъ—„будь его имя проклято“, набожко добавляетъ мусульманскій авторъ. **

Прошу читателя держать въ памяти какъ подчеркнутую мною фразу, такъ и хронологію событій. Сдѣланное нами недавно открытіе бытъ-можетъ и ничего не значить, но совпаденія и имена многозначительны. Во всякомъ случаѣ оно представляетъ болѣе чѣмъ простой интересъ для *русскихъ* читателей. Легенда на счетъ лавдита Васишти что деревьевъ въ лѣсу дремучемъ; но я выбрала лишь эту, прямо относящуюся къ дѣлу. Что этотъ лавдитъ былъ Русскій, взятый мальчикомъ въ плѣвъ Татарами во время побѣды Іоанна Грознаго въ 1552 надъ Золотою Ордою, при Казани, то это не представляетъ для меня теперь ни малѣйшаго сомнѣнія. А что касается вопроса: кто именно таковъ былъ этотъ легендарный „лавдитъ“ и что онъ имѣлъ общаго съ княжескими русскими фамиліями, то предоставляю это на разрѣшеніе самихъ читателей. Наша лѣсня еще впереди, и самое странное изъ

* Сиваджи, герой и покоритель Могуловъ, основатель Махратской имперіи, родившійся во второй четверти XVII и вступившій на престолъ *пейшвы* въ 1664, получалъ прозвище „Аджанубаху“, такъ какъ имѣлъ очень длинныя руки. Преданіе утверждаетъ что Сиваджи былъ воплощеніемъ нѣкакого сильнаго и могущественнаго „чудодѣя съ далекаго сѣвера“. Онъ родился 17 лѣтъ спустя по смерти Акбара—кажется въ 1622 году.

** *Легенды о Могульской Имперіи*. Собраніе преданій переведенныхъ съ языковъ урду и махратскаго.

этой странной исторіи еще не сказано, хотя конечно одно имя *Аджуанубазу* ничего еще не значитъ. Это прозвище дается здѣсь вообще всѣмъ адептамъ „тайныхъ наукъ“. Народная молва увѣряетъ будто особа предназначенная судьбой сдѣлаться „владыкой тайныхъ силъ природы“ родится съ весьма длинными руками... Возвращаясь къ исторіи.

Во время взятія Дельи приступомъ въ 1857—58 году, когда Англичане ворвались наконецъ въ городъ, произошло слѣдующее историческое событіе: городъ былъ взятъ, но старый король исчезъ, и его нигдѣ не могли отыскать. Наконецъ, какъ и всегда при такихъ затрудненіяхъ, нашелся и между Могудами Юда-предатель. За мѣшокъ золота, да щедрыя обѣщанія прощенія и пенсіи, самъ тестъ наследнаго принца, мирза Эллахи-Буктъ, съ помощью нѣкаго Руджибъ-Али, „мувши“ (учителя), предалъ Великаго Могула въ руки авантюриста Ходсона, а вмѣстѣ съ нимъ и четырехъ принцевъ Делійскаго дома,—*шахзада*. Короля нашихъ спрятаннымъ тамъ гдѣ его бы никогда не открыли, и еслибы не это предательство, то онъ успѣлъ бы уйти за Гималаи. Разузнали что онъ уже успѣлъ передать нѣкоторый ящикъ съ драгоценностями и бумагами принцамъ, и капитанъ Ходсонъ—одно имя коего заставляетъ краснѣть отъ стыда не легко краснѣющую англійскую армію—бросился въ логово за принцами. Ихъ нашли спрятанными въ окрестностяхъ Дельи въ одномъ изъ тайниковъ гробницъ „Долины Смерти“. Живыми ихъ взять было трудно, такъ какъ всѣ они со всѣми сопутствующими имъ домочадцами приготовлялись взорвать себя на воздухъ, а Ходсонъ желалъ овладѣть и получить въ сохранности если не самихъ принцевъ, то находящіяся при нихъ драгоценности. Онъ пошелъ на хитрость. Обѣщая имъ отъ имени правительства прощеніе, дарованіе жизни и полное помилованіе, онъ ихъ уговорилъ сдаться и ихъ повезли въ городъ. Стоить лишь прочесть *Войну сипаевъ* сэръ-Джона Кея, * очевидца описываемыхъ имъ событій, чтобъ узнать въ подробности что затѣмъ произошло. Послѣ всѣхъ своихъ обѣщаній, подлецъ Ходсонъ приказалъ остановить паланкинъ принцевъ, а имъ самимъ выйти и стать предъ нимъ на серединѣ дороги, гдѣ онъ ихъ ожидалъ верхомъ. Предчувствуя предательство, принцы вышли одни, оставивъ одного изъ щито-

* *Sepoy War*, by Sir John Kay. Vol. II.

восцѣвъ съ ящико́мъ и небольшо́мъ дре́внимъ серебрянымъ ларчи́комъ у пала́нкина. Тогда, притворя́сь будто онъ жела́етъ съ ними перегово́рить, Ходсо́нъ началъ съ ними разгово́ръ, а между тѣ́мъ его солдаты, по условленному знаку, перерѣзали четырехъ привцевъ и ихъ свиту какъ барановъ. Затѣ́мъ онъ бросился къ пала́нкину; но ни ящика съ драгоценностями, ни ларчика, ни челове́ка оставленнаго тамъ уже не было. Во время сва́лки и этой ужасной рѣ́зни силай исчезъ, и о немъ никогда не слышали болѣе. Чтѣ́ стало́сь съ сокровищами—не беру́сь сказа́ть. Но ларчи́къ съ бумагами остави́лъ по себѣ слѣ́ды. По крайней мѣ́рѣ, по разказа́мъ, одинъ изъ свитковъ перга́мента находится у нѣ́коего воеводы Сѣ́веро-Запа́дныхъ провинцiй. Рукописи написа́ны частью по-персидски, частью на язы́кѣ хинди, и каждая бума́га носи́тъ на себѣ собственную печать импера́тора. Это за́мѣтки, записки, докумен́ты кои въ дѣ́ломъ составля́ютъ какъ бы записную кни́жку импера́тора Джелла́ль-Удди́на Акба́ра. Узнала же я о существова́нiи ихъ и содержа́нiи одного изъ перга́ментовъ слѣ́дующимъ курioзнымъ ма́веромъ. Одинъ изъ членовъ нашего Теософическаго Общества, близкiй родственни́къ обладающаго таинственнымъ сверткомъ, пожела́лъ узнать отъ меня нѣ́тъ ли въ числѣ русскихъ княжескихъ фами́лій имени и фами́лии „Васи́шти Аджáнубаху“.

— Нѣ́тъ, никогда не слы́хала, говорю.—Есть у насъ имя Васи́лий, но не Васи́шти, а про „Аджáнубаху“ не слы́хивала. Это чтѣ́ же за имя такое? *Аджáнубаху* въ перево́дѣ съ санскритскаго кажется „длинныя руки“ (*аджáну*—длинныя, *баху*—руки). Такъ прозывался Сиваджи, великiй вождь Махратовъ и основатель ихъ царства? О немъ чтѣ́ ли идетъ дѣ́ло?..

— Нѣ́тъ, говори́ть,—не совсѣ́мъ. Ну, а имя *Лонгима́нусъ* есть въ Росси́и?

— И того нѣ́тъ; а есть фами́лія Долгоруки́хъ, если буквально перевести съ латавскаго *Лонгима́нусъ* и санскритскаго *Аджáнубаху*.

— Ну вотъ и добра́лись, за́мѣчаетъ мнѣ́ мой собесѣ́дникъ,—теперь для меня все ясно...

— А для меня такъ стало еще темнѣ́е!..

Тогда я узнала отъ него легенду о лаядита́хъ Васи́штѣ и Акба́рѣ и только-что разказа́нный мною э́пизодъ при Дельи. Записки Акба́ра интере́совали его уже съ давнихъ поръ. Хорошо знако́мый съ язы́ками, онъ изучи́лъ за́мѣтки импера́тора и, зная о легендѣ астролога Васи́шти въ Агрѣ,

тогда же смекнулъ что одна изъ записей въ нихъ касается этого таинственнаго незнакомаго. На всѣ мои просьбы показать мнѣ бумаги, онъ долженъ былъ отказать мнѣ, такъ какъ онѣ хранятся въ тайникѣ извѣстномъ одному ихъ обладателю, старшему брату его. Но тутъ же обѣщавъ перевести слово въ слово акбаровскую записку, которую онъ списалъ для себя. Онъ сдержалъ слово. Вотъ она какъ была написана, по лѣтосчисленію мусульманъ, въ 938 году эгиры.

Перевожу съ англійскаго перевода сдѣланнаго изъ разбросанныхъ замѣтокъ въ документахъ Акбара.

Замѣтка 1я. „Въ началѣ полнолунія, мѣсяца Морана 935 года (1557) приведемъ былъ изъ Гхѣзни Патаномъ Асафъ-Ханомъ, отъ „уламама“ (?), молодой *Московецъ*. Взятъ и поработенъ въ Килчакъ-Ханатѣ (Золотая орда) при *деревнѣ* Казани (?), въ тѣ дни когда шейтанъ въ образѣ московскаго царя, говорятъ, разбилъ хановъ... Зовутъ молодаго Москва въ переводѣ на нашъ языкъ *гинди* (то-есть санскритскій) Косръ Васиштá Аджанубаху, * также—*Донгиманусъ* на языкѣ Португаловъ *падри* (миссіонеровъ). Онъ сынъ стараго Косра (князя) убитаго въ Килчакъ-Ханатѣ... Васишта говорить такъ: „Языкъ свой, московскій, знаю; также языки Ирана и Патана. Учился астрологіи и *мудрости* въ Галавѣ (при Каспійскомъ морѣ). Оттуда повезли меня опять въ Иранъ, гдѣ служилъ царю Тамасту. Падшахъ разсердился за дурной совѣтъ и подарилъ меня Асафъ-Хану. Хочу учиться премудрости *суфій* и *самавовъ*... (вѣроятно шамановъ или шамановъ, буддистовъ)... и хочу получить *шастъ* (цѣль, но въ этомъ смыслѣ талисманъ) съ Великимъ Именемъ на немъ“... „Пусть учится“. А далѣе: „Отосланъ въ Кашмиръ“.

Замѣтка 2я. ... „Вернулся для совѣщаній, получилъ *Аллагу Акбаръ*. ** Васишти отыскалъ Великое имя Хэ *** и посвѣщаетъ Суфиевъ благословенной Рабіи.“ ****

* А съ этого въ переводѣ на русскій языкъ—князь (косръ) Васишта (или Васишій) Данилыя Руки или *Долгорукій!!?*

** Символическій девизъ Акбара, вырѣзанный на талисманѣ и который Акбаръ жаловалъ лишь признаннымъ магикамъ и астрологамъ для ношенія оваго на тюрбанѣ, какъ знакъ ихъ достоинства.

*** Хэ, *Неи*, въ переводѣ—Онъ, то-есть Богъ.

**** *Рабія* была основательницей мистической секты *суфи* и жила въ первомъ столѣтіи эгиры. Поэтъ персидскій Хафизъ принадлежалъ къ этому братству.

А въ 968 году, рукой, повидимому, самого императора, написано: „Великъ Васимта Аджанубаху!.. Въ его рукахъ и луна, и солнце. Онъ сбросилъ *таклидъ* (ошейникъ) обманчивыхъ религій и нашелъ истинную мудрость суфи, выраженную въ слѣдующей станціи:

„Какъ лампа, такъ и свѣтъ ея—одно,
Одни гаушцы лишь вратъ въ кумиръ и его браманъ
Отличные другъ отъ друга два предмета“... *

.....
Такъ кончаются эти выписки. Кто такой былъ Васимта Аджанубаху, останется вѣроятно на вѣки неразгаданною проблемой. Если то былъ одинъ изъ князей Долгорукихъ, взятый въ плѣнъ Татарами при Иоаннѣ Грозномъ, то вѣдь должнъ же это событіе быть упомянутымъ гдѣ-нибудь въ лѣтописяхъ этой фамиліи, если не въ исторіи? Но что онъ былъ Русскимъ—это мнѣ доказано тѣмъ что въ одной „странной на неизвѣстномъ языкѣ строчкѣ“, по выраженію нашего друга, *срисованной* имъ съ пергамента, я увидѣла и узнала подпись имени „князя Василя“; она начертана старинными церковными буквами и неумѣлымъ почеркомъ, какъ писали наши прадѣды триста лѣтъ тому назадъ, и подпись очень неясная; но какъ слово *кнез*, такъ и имя *Василій* могутъ быть сразу прочтены каждымъ Русскимъ.

Изумительны тайны твои, о сѣдая, молчаливая древность! И чѣмъ болѣе изучаемъ мы ее въ Индіи, тѣмъ тверже поселяется во мнѣ непреодолимое убѣжденіе что какъ Русскіе въ частности, такъ и до-историческая Россія, Болгарія и вообще всѣ славянскіе народы тѣснѣе связаны съ Аравартой нежели то извѣстно исторіи или даже подозрѣваемо современными ориенталистами.

Не разъ приходилось мнѣ на этихъ страницахъ категорически заявлять что я не имѣю ни малѣйшаго притязанія соперничать съ учеными этнологами и филологами; но, не смотря на ихъ авторитетныя заключенія, все же не могу удержаться чтобы не противорѣчить имъ на каждомъ шагѣ, замѣчая какъ

* Пантеистическая идея суфіевъ и ведантистовъ объ единствѣ всего міра. Вселенная составляетъ одно; формы и образы міровъ физическаго какъ и отвлеченнаго—однѣ волны того же океана. Богъ во вселенной и вселенная въ Богѣ. Въ нѣтъ ничего, даже хаоса.

часто и насколько их выводы, столь повидимому логическіе и блестящіе въ Индіи, дѣлаются слабыми и неправдоподобными для того кто изучаетъ страну на мѣстѣ и принимаетъ въ соображеніе не только мѣстныя преданія, но и гармоническое сочетаніе послѣднихъ въ отдаленнѣйшихъ другъ отъ друга пунктахъ страны. Вполнѣ сознаю что поступаю въ этомъ случаѣ въ противность строгимъ научнымъ принципамъ и выработанному новѣйшимъ языковѣднѣемъ методу; знаю что, наостряя уши при однихъ фонетическихъ сходствахъ между языками, помимо всякихъ другихъ соображеній, грѣшу противъ основныхъ правилъ этимологіи, установленныхъ строгими языковѣдами и безропотно принимаемыхъ въ Европѣ послѣдователями ихъ школъ. Профессоръ Максъ Мюллеръ имѣетъ полное право смотрѣть на меня съ презрительною насмѣшкой и даже называть мой слухъ „дикимъ“, а теоріи *unwissenschaftlich*; и все-таки не взирая на этотъ жестокій урокъ (впрочемъ счастливо пережитый мною), каждый разъ когда мнѣ приходится въ бесѣдахъ нашихъ съ ландитами присутствовать при разговорѣ на санскритскомъ языкѣ или услышать изъ устъ нашего уважаемаго друга и союзника Суами Дайанагда * его

* Увы! „уважаемый другъ и союзникъ“ превратился съ тѣхъ поръ въ опаснаго недруга и непріятеля! Фанатизмъ и ханжество взяли свое. Въ противность первоначальной программѣ, Суами *требовали* чтобы „Братство человечества“—Теософическое Общество, прикомало членами однихъ лишь „Аріидцевъ“, то-есть особъ отрেকшихся отъ прежней вѣры и переходящихъ *безусловно* въ вѣру Индусовъ-Ведистовъ. Когда-то самъ „Ведантистъ“, онъ теперь сталъ гнать и преслѣдовать „Веданту“—самую очищенную и лучшую изъ древнихъ философій Индіи—и замѣнилъ ее всецѣло Ведами, съ ихъ мертвою буквою, объясняемою имъ на свой манеръ и по собственному произволу. Новый Лютеръ Востока въ началѣ, онъ мало-по-малу превратился въ Кальвина, а теперь быстро слѣдуетъ по дорогѣ избранной наследниками Лойды. Убѣдясь въ томъ что ни полковникъ О***, ни и никогда не согласимся сдѣлаться публично „Аріа-Самаджамъ“ и признать его одного за *непогрѣшимаго* папу, онъ воспылалъ гнѣвомъ, сталъ публично обзывать насъ „настиками“ (атеистами) и предавалъ анаемѣ „Такуръ“; заступаясь за насъ, объявляетъ его страдающимъ „безуміемъ властолюбія“. Такимъ образомъ Суами потерялъ около 45 человекъ Англичанъ и Американцевъ, признававшихъ его своимъ *учителемъ*, а наше общество выиграло человекъ 100 „Аріа-Самаджей“ перешедшихъ изъ его лагера въ нашъ.

частое воззваніе къ ученику: „Дехи ме агни“, то-есть *дай мнѣ огня*, то въ неученой простотѣ духа своего не могу воздержаться чтобы не воскликнуть: да это совсѣмъ по-русски!.. Позволяя себѣ перефразировать нашу народную пословицу: „живи просто, проживешь лѣтъ со сто“, я ее тутъ же примѣняю къ дѣлу и слово „живи“ замѣняю словомъ „думай“. И думается мнѣ въ такія минуты что несравненно выше всѣхъ ученыхъ языковѣдовъ міра сего, съ точки простаго здраваго смысла, одна русская родственница моя, дама умная, образованная и весьма наблюдательная, хотя по-санскритски и неученая, которая недавно прислала мнѣ слѣдующее замѣчаніе въ письмѣ: „Ты, мать моя, пишешь она, заступайся за браманское *Тримурти* и фантазируй надъ сокровеннымъ смысломъ и началомъ онаго сколько тебѣ угодно; а что твое *Тримурти* въ русскомъ переводѣ выходитъ просто *три морды*, такъ это ужъ несомнѣнно.“ И она совершенно права, такъ какъ слово „мурти“ по-санскритски значитъ *лицо* и *идолъ*; а „Тримурти“ въ буквальномъ переводѣ *три лица*, тройной образъ Брамы, Вишну и Шивы. Поэтому я не могу согласиться даже и съ самимъ великимъ Максомъ Мюллеромъ и сразу повѣрить ему что „въ нѣмецкомъ языкѣ процветъ чисто санскритскихъ словъ гораздо болѣе нежели въ славянскомъ и русскомъ.“ Тѣмъ менѣе, такъ какъ въ дѣствѣ насъ заставляли спрягать нѣмецкій глаголъ *geben*, то мы чувствуемъ, помимо всякой филологіи, что повелительное наклоненіе „гибъ миръ фейеръ“ столько же напоминаетъ „Дехи ме агни“ какъ самъ почтенный профессоръ во фракѣ—тибетскаго Далай Ламу безъ онаго. Грузинскій языкъ, увѣряютъ насъ новѣйшія энциклопедіи по авторитету гг. языковѣдовъ, полонъ чисто санскритскихъ грамматическихъ формъ, а русскій—огромнымъ количествомъ скандинавскихъ, татарскихъ, финскихъ и другихъ неславянскихъ корней. Но вопросъ: не наполнился ли русскій языкъ этими „неславянскими корнями“ уже въ позднѣйшихъ періодахъ своего развитія и *только потому* что сами эти „не славянскіе корни“ языковъ скандинавскаго, татарскаго, финскаго и проч. (заранѣе извиняюсь за невѣжественную гипотезу у гг. *турано-и семитологовъ*) одни лишь діалекты или, какъ выражается профессоръ Максъ Мюллеръ, примитивныя дериваціи санскритскаго, если не въ его вполнѣ законченной совершенной формѣ, то по крайшей

мѣръ какъ первобытнаго языка двухъ третей человѣчества, такъ этотъ вопросъ едва ли когда былъ не только рѣшенъ, но даже и затронутъ гг. языковѣдами. Не слѣдуетъ забывать многозначительнаго факта что въ Россіи не существуетъ ровно никакихъ памятниковъ либо надписей могущихъ указать намъ на послѣдовательное развитіе русскаго языка.

Но все это мое личное мнѣніе, и читателямъ до него дѣла нѣтъ. Поэтому до поры до времени оставлю этотъ вопросъ въ сторонѣ и займусь настоящею Индіей, какою она является теперь.

Агра, какъ и разныя другіе города, построена на могилахъ многихъ предшественниковъ. Настоящій ея видъ, за исключеніемъ историческихъ великолѣпныхъ строеній и памятниковъ, большею частью могильскихъ, самый плачевный. Грязь, вонь и ужасная, судя по наружному виду жилищъ, нищета преобладаютъ въ мусульманскихъ кварталахъ. Индусы „потурчились“ и потеряли здѣсь всю свою оригинальность. Агра—преддверіе въ Раджистанъ, родъ лакейской въ которой „господа“ не живутъ, но чрезъ которую они только случайно проходятъ. Англичане, какъ и во всѣхъ другихъ городахъ, отдѣлясь китайскою стѣной казармъ и гордости отъ туземцевъ, живутъ совершенно особенно. У нихъ свой кварталъ, гдѣ не осмѣлится поселиться ни одинъ „негръ“, далеко отъ Джумны и Таджъ-Махала, стоящаго недалеко отъ *Моти-Масѣида*, извѣстной въ народѣ подъ поэтическимъ именемъ „жемчужной мечети“. Дѣйствительно, какъ *Масѣидъ*, такъ и *Таджъ* можно буквально и безо всякой восточной метафоры сравнить съ жемчужинами на кучѣ навоза...

Но что за драгоценная жемчужина послѣдній! Исчерпавъ всѣ потоки краснорѣчія въ описаніяхъ Дельи, мнѣ теперь приходится описывать это восьмое чудо свѣта, Таджъ Махаль, и я чувствую себя совершенно неспособною исполнить подобную задачу. Еслибы возможно было вызвать изъ таинственной области промелькнувшихъ на землѣ образовъ, о существованіи которой насъ учатъ алхимики и кабалисты, самыя поэтическія грезы Микель Анджео, то быть-можетъ не выдавшій Таджа въ дѣйствительности успѣлъ бы создать себѣ подходящій къ нему образъ. Онъ представилъ бы себѣ этотъ величественный мавзолей, громадный словно готическій соборъ, законченный какъ драгоценный царскій вѣнецъ:

его четыре жемчужно-бѣлые купола по угламъ квадрата, среди коихъ, возвышаясь надъ ними на 50 футовъ, сверкаетъ центральный куполъ увѣнчанный двумя золотыми шарами и золотымъ полумѣсяцемъ * и сіяя словно перлъ на мягкой синевѣ неба... Далеко ото всякаго другаго зданія, окруженный прелестнѣйшимъ садомъ, Таджъ Махаль стоитъ одинъ въ своей невыразимой красотѣ на берегу голубой Джумны, отражающей его чистый, горделивый обликъ... Это зданіе до такой степени совершенно въ своихъ архитектурныхъ размѣрахъ, очаровательно и закончено въ исполненіи малѣйшихъ деталей, и вмѣстѣ съ тѣмъ величественно въ своей простотѣ что не знаешь чему болѣе удивляться, плану ли, работѣ или же матеріалу!..

Этотъ матеріалъ—массы самаго дорогаго бѣлаго мрамора, изрѣдка перемежаннаго съ чернымъ и желтымъ, перламутра, мозаики, яшмы, агата, изумрудовъ, аквамарина, жемчуга и сотни другихъ камней. Но бѣлый мраморъ преобладаетъ. Во всемъ зданіи, отъ верхушки купола до послѣдняго верхка фундамента, *нѣтъ ни одного гвоздя*, ни атома стекла или какого-либо дерева. Даже водосточныя трубы мраморныя; а стѣны до того отшлифованы что, отражая на блестящей поверхности своей неувидимыя тѣни небесъ и зелени, онѣ напоминаютъ скорѣе чистѣйшій перламутръ нежели мраморъ. Мы еле могли повѣрить что Таджъ—работа смертныхъ, и были вполне готовы проглотить мѣстную легенду увѣряющую правотѣрныхъ будто неутѣшный халифъ былъ вознесенъ во время она нѣкіимъ святымъ дервишемъ въ райскую обитель Магомета, гдѣ самъ Аллахъ повелѣлъ архангелу Гавріилу снять для него планъ одной изъ своихъ обителей. По этому плану и былъ выстроенъ Таджъ-Махаль надъ тѣломъ обожаемой супругомъ Мумтазы, известной подъ названіемъ *Арзумундъ-Бану*—, вѣнца Серала“... **

Когда подѣвжаешь со стороны Джумны, первый бросающійся въ глаза предметъ—массивный четырехугольникъ изъ

* Этотъ куполъ 70 ф. въ діаметрѣ и 260 вышины отъ фундамента нижней террасы.

** Исторія Индіи до того сбивчива и неточна что одни историки увѣряютъ что Мумтаза была родная внучка Акбара, а другіе что она была лишь женой его внука Шахъ-Джегана, отца знаменитаго Аурунгзеба. Но послѣднее теперь уже не подлежитъ сомнѣнію.

ослѣпительно бѣлаго мрамора въ 964 фута отъ востока къ западу и въ 229 футовъ отъ юга къ сѣверу. То платформа, пьедесталъ по истинѣ достойный такого памятника. Самый низъ подножія—изъ краснаго песчаника, но почти терается въ прибрежной зелени кустовъ. По обѣимъ сторонамъ по одной мечети, тоже изъ песчаника, съ накладными узорами изъ чернаго и бѣлаго мрамора и тремя бѣлыми куполами на каждой. Но эти мечети какъ бы не принадлежать къ памятнику, а словно поставлены двумя безсмысленными часовыми возлѣ него. На первой платформѣ и на террасѣ, въ 400 ф. въ квадратъ и въ 60 ф. высоты, тоже изъ бѣлаго мрамора, возвышается мавзолей; по ея четыремъ угламъ, блестя на солнцѣ какъ четыре ледяныя башни, стоятъ высокіе, необычайно изящныя минареты, во 150 ф. вышины каждый, изъ того же матеріала и подъ такими же куполами. Императорскій мавзолей съ саркофагами внутри стоитъ на сѣверной сторонѣ четырехугольника. Ко главному строенію ведутъ великолѣпныя ворота со сводомъ, красныя стѣны коего сплошь покрыты изреченіями изъ Корана, накладной работы изъ чернаго мрамора; затѣмъ—садъ, разбитый на четырехугольные скверы, съ фонтанами въ мраморныхъ бассейнахъ, окруженные лартерами самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ, полный вѣковыхъ кипарисовъ, темная зелень коихъ превосходно гармонируетъ съ общимъ видомъ бѣлаго зданія. Прямо предъ входомъ длинная тѣнистая аллея замыкается широкою мраморною лѣстницей, въ два яруса, ведущею на верхнюю платформу, полъ которой состоитъ изъ громадныхъ бѣлыхъ мраморныхъ плитъ, обведенныхъ траурною каймой изъ чернаго мрамора.

Взойдя на эту верхнюю площадку, въ сорока шагахъ отъ васъ, вы видите самый мавзолей, и просто замираете... Чувствуешь себя точно во снѣ: словно предъ вашими глазами внезапно предстало видѣніе изъ другаго, лучшаго, болѣе чистаго міра, и вы стараетесь оломниться, увѣрить себя что вы наяву и что предъ вами дѣйствительность, а не фантазія вашего воображенія, грѣза изъ *Тысячи и Одной Ночи!*.. Видѣла я соборы и Св. Петра въ Римѣ, и Кельвскій, и Страсбургскій; наглядѣлась до сыта на всѣ лучшія произведенія извѣстѣйшихъ италянскихъ художниковъ. Но никогда ни одинъ памятникъ, ни одно изваяніе, ни одна картина и никакаго храмъ не производили на меня такого впечатлѣнія

какъ это зданіе, задуманное весьма нелюбимыми мною магометанами, исполненное кто знаетъ кѣмъ. Говорятъ будто въ продолженіе 22 лѣтъ 20.000 мастеровыхъ непрерывно работали надъ этимъ мавзолеемъ и что, не считая даровыхъ рабочихъ и такого же матеріала, онъ стоилъ три милліона фунтовъ стерлинговъ. Корреспондентъ лондонской газеты *Illustrated News*, извѣстный въ журнальномъ мірѣ Симсонъ, живописецъ, архитекторъ и археологъ, возвращаясь въ прошломъ году изъ Кабула въ Англію, говорилъ мнѣ что онъ не взялся бы выстроить такого памятника за всѣ бывшія сокровища Голконды. „Такихъ исполнителей нѣтъ болѣе въ нашемъ холодномъ, всеотрицающемъ вѣкѣ“, рассуждалъ современный артистъ. „Для одной отдѣлки этой мраморной глыбы потребовались бы Фидіасъ и Беввенуто Челлини съ Микель-Анджело имъ въ подмогу!..“ Мнѣніе это висколько не преувеличено.

Предъ вами мраморный фасадъ величественнаго въ своей изящной простотѣ храма. Стѣны совершенно бѣлыя и гладкія. Только подъ стрельчатую арку, надъ широкимъ портикомъ, извиваются затѣливыя, сквозныя, словно окаменѣлое кружево, украшенія изъ того же матеріала, представляющія цвѣты, фрукты и арабески; да надъ карнизомъ купола и вдоль боковыхъ стѣнъ тянутся узкимъ бордюромъ изреченія изъ Корана огромными золотыми буквами. Изъ-подъ портика входъ прямо во внутренность огромной залы въ мавзолей, окруженной корридорами и боковыми придѣлами. Тѣ же ослабительной близимы стѣны съ ламелями покрытыми мозаикой—гирлянды прелестнѣйшихъ цвѣтовъ изъ драгоценныхъ камней. Нѣкоторые изъ нихъ такъ натуральны, артистъ такъ вѣрно копировалъ природу, что рука невольно приближается къ нимъ какъ бы желая удостовѣриться что то дѣло одного искусства. Вѣтки бѣлаго жасмина изъ перламутра перевиваются съ краснымъ гранатовымъ цвѣткомъ изъ сердолика и деликатными усиками виноградной лозы и жимолости; а нѣжныя олеандры выглядываютъ изъ роскошной зелени листвы. Все это выложено по бѣлому мрамору не микроскопическою мозаикой Флорентинцевъ, а восточною мозаикой Индіи, то-есть кусками такой величины и формы что они не портятъ цѣльности драгоценнаго камня. Каждый листикъ, каждый лепестокъ—отдѣльный изумрудъ, яхонтъ, жемчужина или топазъ; и насчитываешь иногда

такихъ камней до ста штукъ для одной вѣточки цвѣтовъ, а подобныхъ этой вѣткѣ—сотни на панеляхъ и рѣшеткахъ! Таинственный полумракъ царилъ въ этой обители смерти, и мы съ перваго взгляда не различили сколько сокровищъ погребено вмѣстѣ съ царскою четой. Привнесенные факелы, ярко освѣтивъ панели, разомъ зажгли миллионы драгоценныхъ искръ, вырывая у насъ невольные крики удивленія.

Потолокъ подъ куполомъ, освѣщаемый дневнымъ свѣтомъ изъ рѣшетчатыхъ стрѣльчатыхъ оконъ, вырѣзанныхъ въ цѣльномъ мраморѣ стѣнъ, густо покрытъ такими же цвѣтами и фруктами изъ разноцвѣтныхъ камней; только вмѣсто гладкой поверхности, мозаика выложена на мраморныхъ украшеніяхъ рельефомъ, такъ что издали дѣйствительно скорѣе напоминаетъ собою цвѣтущую бесѣдку изъ живыхъ растений нежели бездушный камень. Разъ увидѣвъ Таджъ, туристъ уже готовъ прочесть безъ улыбки краснорѣчивый отзывъ нѣкагого набожнаго мѣстнаго историка, окаячивающаго свое описаніе мавзолея слѣдующимъ наивнымъ заявленіемъ: „Нѣтъ никакого сомнѣнія что планъ этого перла Востока, которымъ мы, мусульмане Индіи, такъ справедливо гордимся, былъ съ самаго своего начала предназначенъ великимъ Пророкомъ дабы внушить правовѣрнымъ правильное понятіе о благословенныхъ райскихъ обителяхъ.“

Прямо подъ сводомъ купола стоятъ два кенотафа, окруженные сквозною мраморною, какъ и всѣ остальные, рѣшеткой въ шесть футовъ вышины, сверху до низу выложенною по узорамъ такими же драгоценными цвѣтами и съ бордюромъ напоминающимъ цвѣты лиліи. Рѣзная работа до того мелка и изящна что, не взирая на толщину рѣшетки (въ нѣсколько дюймовъ), она представляетъ совершенное подобіе кружева. Гробницы, коихъ четыре, хотя царскихъ покойниковъ всего два * (красавица Мумтази Махаль, да ея вѣрный по гробъ и за гробомъ супругъ, халифъ Шахъ-Джеганъ), сдѣланы каждая изъ куска цѣльнаго бѣлаго мрамора. Два кенотафа въ верхней залѣ—образцы изящной простоты и рѣзко отдѣляются отъ покрытой драгоценностями рѣшетки. Изъ портика мы спустились по широкимъ стуле-

* Два саркофага съ тѣлами стоятъ въ нижней погребальной залѣ, устроенной въ нижнемъ этажѣ подъ двумя платформами; а надъ ними, въ залѣ мавзолея, въ верхнемъ зданіи, два пустые кенотафа.

нямъ въ погребальную залу, гдѣ стоятъ рядомъ два другіе саркофага. Гробница императрицы изобилуетъ арабесками, мозаикой, драгоценными камнями и стихами изъ Корана. Гробница халифа немного выше первой, но проще. Какъ и верхніе, оба саркофага ограждены рѣшеткой необычайно сквозной работы, но безъ мозаики. Потолокъ со сводомъ, какъ и верхній, но безъ украшеній, а зала восьмиугольная. День и ночь серебряныя и золотыя лампы освѣщаютъ эту темную залу, а по латаницамъ получаютъ обильныя привошенія правовѣрныхъ своему „халифу“, привошенія поладающія, конечно, въ карманъ муллы, такъ какъ о ремонтѣ мавзолея и его сохранности заботится правительство.

Осмотрѣвъ весь мавзолей, мы взобрались по витой лѣстницѣ на сѣверный минаретъ и сидѣли часа два, отдыхая въ немъ. Невозможно было оторваться отъ этой чудной картины. Съ минаретовъ окрестности Агры на много миль кругомъ открываются какъ на ладони. Разбросанныя по обимъ берегамъ извивающейся серебристою лентой Джуммы видѣются великіе памятники династіи Тимура—крѣпости, дворцы, мечети, башни... Городъ съ этой высоты теряетъ свой грязный видъ и тонетъ въ зелени кустовъ и деревьевъ. Описывать что-либо въ Агрѣ послѣ *Таджа* было бы вѣльпостью. *Моти Масжидъ*—„жемчужная мечеть“, красотой коей такъ восхищаются, прелестна быть-можетъ и замѣчательна какъ архитектурное произведеніе; но оно способно остановить надолго вниманіе лишь того кто не видалъ мавзолея. Колонны, кулолы и бѣлый мраморъ, глыбы послѣдняго водружаемыя на платформахъ изъ краснаго песчаника,—вотъ описаніе въ двухъ словахъ дворцовъ и прочихъ мечетей Агры.

Поселясь въ двухъ шагахъ отъ Таджъ-Махала, мы посѣщали его ежедневно и можно сказать сдѣлали нашу гостиную и пріемную изъ тѣнистаго прохладнаго сада. Сидя тамъ, мы слушали мѣстныхъ легенды и дышали свободнѣе чѣмъ въ душномъ *дакъ-бѣаглоу*, * устроенномъ правительствомъ въ одномъ изъ древнихъ мавзолеевъ и мечети возлѣ воротъ Таджа. Въ этой же мечети, надъ погребальною залой, устроена

* Даровой заѣзжей домъ, гдѣ за ночлегъ ничего не платится, но конечно взимается плата за содержаніе по весьма дешевымъ цѣнамъ, въ случаѣ если прѣзжіе не имѣютъ съ собою повара и слугъ.

Англичанами „съ весьма сомнительною деликатностью и тактом“, по выраженію Гордона Кемминга, „танцевальная зала для пикников“!!

„Вообразите, каковы были бы чувства у насъ, христіанъ, добавляетъ авторъ, еслибы покорившіе насъ Ново-Зеландцы вздумали отлясывать свой военный тавецъ въ *нашихъ* мавзолеяхъ или скорѣе въ нашихъ весьма неромантическихъ кладбищенскихъ часовняхъ!“

Воздерживалась отъ комментаріевъ сама, нарочю привожу эту критику ихъ же соотечественника, дабы показать Англичанамъ что не одни Русскіе, въ каждомъ изъ коихъ имъ грезится шпіонъ, замѣчаютъ, выставляя на судъ свѣта, ихъ отвратительный эгоизмъ и не деликатность къ чувствамъ порабоженыхъ націй. Не Россія, а сами они навлекаютъ справедливую ненависть азіатскихъ народовъ подобными опасными выходками.

Говорятъ что послѣ смерти его многолюбимой Мумтазы, идола души его, бѣдный халифъ впалъ въ глубокую меланхолію. Но вотъ явился святой дервишъ и направилъ его мысли къ сооруженію умершей такого памятника который удивилъ бы весь міръ, обѣщая ему для этого покровительство Пророка. Дервишъ сдержалъ слово. По первоначальному плану, халифъ готовился выстроить и для себя совершенно подобный этому мавзолею на противоположномъ берегу Джумны, соединивъ оба памятника мостомъ изъ бѣлаго мрамора. Но задолго еще до окончанія Таджа императоръ заболѣлъ и самъ очутился у преддверія смерти. Тогда его четыре сына, дѣти Мамтавы, не дожидаясь его смерти, затѣяли войну за престолъ. Аурунгзебъ остался побѣдителемъ въ этомъ почти тельномъ сынѣннѣмъ турнирѣ и залеръ какъ трехъ братьевъ, такъ и собственнаго сына въ Гвальйорскую крѣпость—родъ Бастиліи Индіи, куда не рѣдко попадали ближайшіе родственники могольскихъ халифовъ. А отца—бѣднаго, овдовѣвшаго Шахъ-Джегана—онъ заключилъ въ старую крѣпость Агры, гдѣ сверженный императоръ прожилъ семь лѣтъ и гдѣ онъ и умеръ, утѣшаясь лишь тѣмъ что постоянно глядѣлъ изъ окна на мавзолей возлюбленной подруги жизни своей и горя лишь о прекращеніи работъ... На свое заключеніе, впрочемъ, ему слѣдовало бы взирать какъ на нѣчто весьма естественное и въ природѣ вещей. Ни одинъ еще императоръ, за исключеніемъ Акбара, не овладѣвалъ Могольскимъ

престоломъ безъ кровопролитія и заключенія всѣхъ мѣшавшихъ ему претендентовъ въ вѣчную тюрьму. Шахъ-Джеганъ самъ взомель на престолъ лишь по трупу роднаго брата, котораго съ сердечнымъ прискорбiемъ вынужденъ былъ собственноручно зарѣзать; ибо таковъ ужь *кисметъ*; отецъ же его, Джахангиръ, сынъ Акбара, посадилъ на колъ не менѣе 800 родственниковъ изъ дома Тимура прежде чѣмъ спокойно усѣлся на родительскомъ тронѣ.

По смерти узника-отца Аурунгзебъ, какъ истый магометанинъ и почтительный сынъ, отдалъ всякую честь переставшему быть опаснымъ родителю. Онъ похоронилъ его возлѣ „Вънца Серала“ и окончилъ мавзолей на деньги перерѣзанныхъ для этого случая богатыхъ вельможъ. Онъ даже пошелъ далѣе отца въ бѣшеныхъ издержкахъ: соорудилъ предъ настоящими воротами въ садъ другія ворота изъ *чистаго серебра* съ цѣлыми главами Корана, вычеканенными на нихъ и украшенными какъ кубокъ Беввенуто Челлини. Лѣтописи португальскихъ миссионеровъ изъ Гоа, въ своихъ описанiяхъ этихъ воротъ, увѣряютъ будто бы надъ ними работалъ чортъ, окончивъ ихъ въ одну ночь; но въ этомъ благочестивые отцы быть-можетъ и ошибаются... Также была придѣлана по приказанiю императора внутренняя, кинь исчезнувшая калитка изъ *цѣльнаго куска агата* такой красоты и цѣнности что, по словамъ тѣхъ же правдивыхъ историковъ, „она явилась изъ фабрикъ преисподней“. Но если такъ, то судьба этихъ двухъ драгоценностей только послужила къ оправданiю пословицы гласящей что „чортъ ничего не даритъ, а лишь занимаетъ“. Едва четверть столѣтiя спустя, торжествующiе Махраты увезли ворота и переплавили ихъ на рупii, а изъ калитки сдѣлали ширму для Шивы, во храмѣ Гвальфорскаго махараджи. Куда эта калитка дѣвалась—теперь никто не знаетъ. Полагаютъ что ее въ свою очередь увезъ махараджа Бергпурскiй и зарылъ гдѣ-то въ волшебныхъ садахъ Дига. Но онъ умеръ скоростижно, и тайна мѣстоанхожденiя калитки умерла вмѣстѣ съ нимъ.

До сихъ поръ въ Агрѣ ходятъ въ народѣ мрачныя преданiя и сказанiя о „тайномъ“ (еще болѣе нежели о явномъ) могуществѣ Акбара. Императоръ былъ не только великимъ государственнымъ мужемъ и полководцемъ, но и посвященъ въ темную науку некромантiи и магiи. Умирая онъ предсказалъ что величiе рода его падеть въ четвертомъ отъ него

поколѣнн, въ лицѣ его правнука, обѣщавъ явиться предъ тѣмъ царствующему императору... и сдержавъ слово. Вотъ какъ это случилось.

Великій халифъ явился Аурунгзебу „великолѣпному“ въ построенной имъ самимъ и вывѣ какъ и во времена оныя знаменитой крѣлости Агрѣ, извѣстной подъ именемъ Акбаровскаго форта. То было въ 1680хъ годахъ. „Великолѣпный“ возсѣдалъ въ одно прекрасное утро на тронѣ, въ „залѣ аудіенцій“, гдѣ мѣкогда предокъ его судилъ и праваго, и виноватаго, помимо всякаго свода законовъ. Исторія умалчиваетъ о томъ въ какомъ онъ находился настроеніи духа и въ какомъ состояніи находились вообще всѣ его придворные. Вѣроятно же всего что подобно другому правовѣрному хану, халифъ „сидѣлъ лотуля взоръ, янтарь въ устахъ его дымился“... За послѣднее десятилѣтіе Моголовъ крѣлко колотили Махраты, и бѣдные правовѣрные очень этимъ огорчались, тѣмъ болѣе что Махраты дѣйствовали подъ предводительствомъ непобѣдимаго Сиваджи—декканскаго Ильи Муромца. Аджанубаху II, по пророчеству ладдита Васишти, угрожалъ захватить въ свои „длинные руки“ всѣ дотолѣ покоренныя императоромъ государства Индіи * и отмстить за *родину* Аджанубаху I. Вдругъ Аурунгзебъ (буквально „краса престола“) затрясся какъ осиновый листъ и вскочивъ, молча и съ полными ужаса глазами, указавъ придворнымъ въ уголъ. Придворные ничего въ углу не увидали, но всѣ слышали какъ раздался чей-то дряхлый, но громкій голосъ и слова: „горе... горе великому дому Тимура! Пришелъ конецъ его величію!“.. Императоръ повалился безъ чувствъ. Онъ клялся что видѣлъ тѣмъ своего предка Акбара, который и повторилъ это ужасное пророчество уже разъ произнесенное имъ, по преданію, на смертномъ одрѣ...

Съ той минуты все царство пошло вверхъ дномъ и разорилось во прахъ. Аурунгзебъ умеръ въ 1707, а съ „красою престола“ исчезло и все величіе его династіи.

* Аурунгзебъ, называя себя горделивымъ презвищемъ „покорителя всеяемной“, всегда приказывалъ носить предъ собою золотой глобусъ въ видѣ символа... Но дабы смиренно показать міру что онъ пока завоевалъ еще всего три четверти всеяемной, онъ имѣлъ обыкновеніе отрывать уголъ ото всякаго листа употребляемаго имъ для корреспонденціи.

Мы не вѣрили въ это происшествіе; но посѣтивъ „залу аудіенцій“ и увидавъ тотъ самый уголокъ въ которомъ Акбаръ являлся своему правнуку, привуждены были сдаться предъ очевидностью.

Въ городѣ Агрѣ, въ Акбаровской крѣпости находилась оружейная, которою Силаи воспользовались въ 1857 дабы перерѣзать всѣхъ Англичанъ. Теперь оружейную перенесли въ „залу аудіенцій“ и сдѣлали изъ нея крѣпость въ крѣпости, держа оружіе подъ 77 замками. Въ моемъ скромномъ мнѣніи, лучше бы Англичане не плясали на мавзолеяхъ калифовъ и вообще бы менѣе безобразничали, что и оказалось бы наипрочнѣйшею предосторожностью.

Крѣпость тянется на цѣлую милю по берегу рѣки, и ея стѣны въ 85 футовъ высоты и необычайной толщины способны вселить страхъ въ души осаждающихъ оную... но только тѣхъ кто явился бы безъ новѣйшей усовершенствованной артиллеріи. Съ помощью послѣдней эта цитадель, хотя и укрѣпленная еще болѣе за послѣднее двадцатилѣтіе, такъ же оказалась бы неспособною выдержать штурмъ какъ и въ 1803, когда лордъ Лэкъ съ небольшимъ количествомъ древнихъ пушекъ принудилъ къ капитуляціи въ первый же день осады засѣвшихъ въ ней 6.000 Махратовъ. Между сокровищами „оружейной“, куда насъ впрочемъ на этотъ разъ не пустили, находятся двѣ половины великолѣпныхъ рѣзныхъ воротъ въ 12 футовъ вышины съ богатѣйшею мозаичною выкладкой и украшенныя гербами изъ чистаго серебра. Съ этими воротами, у которыхъ своя исторія, произошла необычайная и никѣмъ еще не разгаданная метаморфоза. Они были изъ сандаловаго дерева, наполняли ароматомъ окрестности и когда-то составляли, по исторіи, часть украшеній браманской великой пагоды въ Сумнаѣ; но въ 997 году были унесены оттуда афганскимъ султаномъ Махмудомъ, который въ томъ же году разорилъ, предавъ мечу и огню, весь Гуджератъ, съ цѣлію наказать язычниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наградить самого себя добычей. Эти сандаловыя ворота считались *chef d'oeuvre* туземной рѣзбы; они были до того драгоценны и почитаемы народами Индіи что Махмудъ приказалъ ихъ съ большими издержками перевезти въ Газны, гдѣ имъ въ послѣдствіи сдѣлали честь, поставивъ ихъ у входа въ мавзолей самого султана. Это присутствіе столь священнаго въ глазахъ Индусовъ предмета на

мусульманскомъ кладбищѣ, разчитанное на то чтобы напоминать народу о верховной власти Могуловъ, стояло каменомъ въ горлѣ у брамановъ. Много разъ порывались они отнять силой, а не то такъ и украсть священныя ворота, но все было напрасно. Много жизней уже стоили они и все-таки оставались на прежнемъ мѣстѣ. Такъ прошло 800 лѣтъ, когда лордъ Элленборо, являсь побѣдителемъ въ Газни, увидалъ знаменитое яблоко раздора. Услыхавъ же исторію воротъ, онъ захотѣлъ въ свою очередь показать Могуламъ что уже болѣе не они, а Англичане хозяева въ Индіи, и съ этою цѣлью приказалъ перевезти ихъ въ Агру. Эта перевозка совершилась съ величайшими затрудненіями и стоила много денегъ и проклятій со стороны англійскихъ солдатъ. Но за то Индусы торжествовали. „Ворота Сумнаэскаго храма сдѣлались вдвойнѣ историческими, говорить *Руководитель къ достопримѣчательностямъ Агры*, они служатъ памятникомъ побѣды лорда Элленборо и его прокламаціи въ концѣ Кабульской войны, и вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ еще одно рѣдкое произведеніе искусства, прибавленное нами (то-есть Англичанами) къ столькимъ другимъ сокровищамъ.“

Но вотъ является, вслѣдъ за другими ахающими отъ восхищенія посѣтителями, полюбоваться воротами и мистеръ Симсонъ, о которомъ упоминалось выше, аккуратный и весьма прозорливый Шотландецъ. Критически осмотрѣвъ ихъ, къ великому ужасу Англичанъ, онъ вдругъ положительно объявляетъ что ворота—подмѣнены!.. На воротахъ взятыхъ султаномъ Махмудомъ, по всѣмъ древнимъ описаніямъ, представлены чуть ли не всѣ 33 милліона боговъ Индіи: на этихъ же рѣзба чисто въ магометанскомъ вкусѣ. Бросаются, мечутся во всѣ стороны, и наконецъ получается изъ Калькутты приказъ осмотрѣть ихъ въ микроскопъ. Увы! послѣдній анализъ доказываетъ самымъ положительнымъ образомъ что эти доставленныя съ такими издержками ворота, взглянуть на которыя прѣзжали изъ-за тридцать земель, даже не сандальныя, а просто сосновыя!.. Случись это открытіе нѣсколькими годами позже, можно было бы побиться объ закладъ что англійская печать обвинила бы въ покражѣ Россію!.. Теперь бѣдныя ворота стоятъ въ углу, въ пыли и забытыя.

„Великій храмъ“ Сумнаэа, индійскаго Озириса, бога предъ судомъ коего являются души умершихъ и отъ котораго

зависитъ ихъ будущій образъ по закону метемпсихоза, одинъ изъ огромнѣйшихъ и богатѣйшихъ въ Индіи. Онъ находится въ Гуджератѣ, на берегу Индійскаго Океана. Во времена Махмуда при этой лагодѣ состояло 2.000 жрецовъ, 500 танцовщицъ (нотчей), 300 священныхъ свирѣльщикова и 300 брадобрѣевъ. Узнавъ о его богатствѣ, султанъ рѣшился заглянуть въ него и подѣлиться добычей съ богомъ. Войдя во храмъ, онъ увидѣлъ себя въ пространной залѣ со сводомъ поддерживаемымъ 56 серебряными колоннами и съ золотыми богами по стѣнамъ. Приказавъ солдатамъ уложить божковъ въ обозъ, Махмудъ подошелъ къ великому идолу Сумнааа и безъ разговоровъ отбилъ ему носъ. Тогда брамавы лоладали ему въ ноги и молили пощадить ихъ великое божество, предлагая ему за милость столь громадную сумму денегъ что его визирь совѣтовалъ ему принять предложеніе. Но султанъ былъ строгій магометанинъ и отвергъ предложеніе, за чтѣ и былъ вознагражденъ Пророкомъ. Когда Сумнааа разбила на куски, то внутри его нашли несметное сокровище, состоящее изъ жемчуга и брилліантовъ, на сумму вдесятеро большую той чтѣ предлагали брамавы. Такимъ образомъ добродѣтель еще разъ восторжествовала на землѣ.

Самый дворецъ гдѣ былъ заключенъ Шахъ-Джеганъ—уже въ развалинахъ, но отъ него мы прошли въ *зѣнану* (гаремъ) черезъ дворъ, гдѣ Тавернье видѣлъ въ свое время ванну въ 40 футовъ длины и 25 ширины изъ сѣраго мрамора. Всѣ стѣны безсметныхъ комнатъ покрыты тысячами выуклыхъ зеркалъ на персидскій манеръ; и здѣсь олять все изъ бѣлаго мрамора—крыши, колонны, столбы, стѣны... Отдѣльные прелестные лавильоны висятъ словно кружевные звѣзды на своихъ красныхъ пьедесталахъ, окруженные сквозными балкончиками, покрытые вьющимися растеніями. Всѣ эти чудеса архитектуры, гдѣ люди жили, любили и страдали, все это нынѣ пусто, заброшено и словно заснуло непробуднымъ сномъ... Одни зеленые полугаи прерываютъ торжественное молчаніе этой нежилой части крѣпости, пробуждая лѣтнее эхо; да голубокрылыя птички вьютъ гнѣзда въ углубленіи панелей, каждый отдѣльный кусокъ коихъ можетъ служить образцомъ рѣщику. Ночью, при лунномъ свѣтѣ, это мѣсто представляетъ нѣчто волшебное. Словно воевода-морозъ пролетѣлъ надъ королевствомъ спящей царевны и покрылъ всѣ зданія узорчатымъ инеемъ... Эта

волшебная ажурная работа скорѣе походить на миниатюрную рѣзьбу по слоновои кости, нежели на что-либо знакомое намъ въ произведеніяхъ европейскихъ мраморщиковъ.

Тутъ же, въ крѣпости, черезъ стѣну отъ Таджъ-Махала, „Моти Масжидъ“, мечеть выстроенная Шахъ-Джеганомъ во время его семилѣтняго заключенія. Прежде всего другаго осмотрѣнный мавзолей помѣшалъ намъ отдать должную справедливость „жемчужной мечети“. Но она, поистинѣ, драгоценнѣйшая жемчужина межъ всѣми мечетями. Совершенная по архитектурной формѣ, въ высшей степени поэтическая по обстановкѣ, бѣлая какъ вновь вылавшій свѣтъ, безъ малѣйшей примѣси другаго цвѣта, она къ тому же останавливаетъ вниманіе и заслуживаетъ симпатію посѣтителей уже вслѣдствіе своей печальной легенды. Говорятъ, будто идея построить эту прелестную мечеть принадлежить Джеханари, любимой дочери султана-узника. Видя страданіе отца и его безутѣшную печаль, принцесса, которая настояла чтобы раздѣлать съ нимъ его заключеніе, придумала и уговорила его заняться этою работою, которая одна могла, по ея мнѣнію, разсѣять его меланхолю. Увѣраютъ, будто соглашаясь свергнутый султанъ воскликнулъ въ глубокой сердечной горести своей: „Да будетъ по твоему, дочь моя; а да назовется будущая святая мечеть „Жемчужиной“... Ибо, какъ настоящая жемчужина, обязанная своимъ зародышемъ, развитіемъ и красотой внутри раковины страданіямъ и мукамъ жилицы оной, такъ и Моти Масжидъ да будетъ обязана своимъ существованіемъ неслыханному горю испытываемому несчастнымъ отцомъ жестокаго Аурунгзеба!“ И вотъ задуманная мечеть, дѣла горькихъ часовъ заключенія, вдругъ появилась, казавъ у подножія Таджъ Махала словно застывшая слеза „ангела судьбы“, обязаннаго внести въ книгу раскаянія все земное горе и страданіе.

Въ послѣдствіи мы видѣли въ Дельѣ послѣднее жилище, могилу преданной дочери султана—Джеханари: по внѣшнему своему виду—горделивый бѣлый мраморный саркофагъ со скульптурными украшеніями и мозаикой какъ и все прочее; но внутри мавзолея зеленый, свѣжій садикъ, съ незатѣпливымъ партеромъ и цвѣтами, которые ежедневно и съ величайшимъ тщаніемъ поливаетъ старый сгорбленный Могуль, ставшій полуидіотомъ послѣ пережитыхъ имъ ужасовъ Дельи. Живая развалина среди мертвыхъ руинъ, этотъ старикъ, воплощеніе

неизмѣнной любви и преданности къ угасшему дому ладшаховъ—единственный и послѣдній потомокъ длиннаго ряда до вѣранныхъ слугъ султановъ, избѣжавшій общей участи только вслѣдствіе своей драхлости и ничтожества. Ему лѣтъ подь сто. Дрожа и шатаясь на костлявыхъ ногахъ, онъ насъ повелъ во внутрь, указавъ на стѣнѣ погребальной залы элитафію сочиненную самою Джаханаръ предъ раннею смертію и вырѣзанную по ея желанію на ея гробницѣ. Принцесса проситъ чтобъ одни цвѣты и трава указывали мѣсто гдѣ будетъ лежать ея прахъ... „Пусть одни цвѣты, сотворенные рукой Аллаха, смѣшиваются со тлѣющимъ остовомъ смертнаго пилигрима—Джаханари... Они лучшее украшеніе послѣдней обители освобожденнаго отъ земныхъ оковъ духа...“ говоритъ между прочимъ надпись. Мы дали нѣсколько монетъ могульскому Кащею и, вѣрныи до гроба слуга, спрятавъ ихъ въ высокой травѣ и поглаживая дрожащею рукой мраморъ саркофага, тутъ же сталъ шептать какъ бы обращаясь къ самой покойницѣ: „Я кулю тебѣ, Бегумъ-ханумъ, новые цвѣточки... я посажу тебѣ взаимнѣ погибшихъ, увядшихъ розъ свѣжія!...“ Въ Таджъ-Махалѣ, во время назойливыхъ попрошайничествъ жирнаго и часъ за часомъ богатѣющаго муллы, который не отставалъ отъ насъ, прося для своего халифа „еще одну, только одну рупію“, мнѣ влпомнилась эта сцена. Бѣдный, драхлый Кащей, вся догорающая жизнь коего сосредоточилась на могилѣ умершей за два вѣка до того принцессы, только потому что она была прабабкой его любимыхъ убитыхъ господъ, возникъ предо мною какъ послѣднее проявленіе въ нашемъ вѣкѣ горячей любви и преданности къ намъ вашей „меньшей братіи“...

Въ этой пространной крѣпости, въ отдѣленіи гарема на каждомъ шагу натыкаешься на замурованные комнаты, тайники и подземные ходы, задѣланные вѣка тому назадъ и нечаянно найденные Англичанами. Сколько кровавыхъ страшныхъ сценъ произошло внутри этой крѣпостной ограды! Сколько жертвъ, долгихъ мукъ и роковыхъ, на вѣки погребенныхъ тайнъ!... Англіійскіе солдаты находятъ здѣсь, говорятъ, въ состояніи хроническаго суевѣрнаго страха, не взирая на строгія наказанія. Какъ выразился въ разговорѣ съ У... одинъ сержантъ, Ирландецъ, „кому же пріятно ночевать изо дня въ день среди *язычниковъ* съ того свѣта... лоумиравшихъ некрещеными и покумавшихся со „старымъ Гарри“

(чортомъ). Тутъ и благословенный Св. Патрикъ ничего не поможетъ!“ Пройдя длинный рядъ корридоровъ, намъ показали мѣсто гдѣ англійскіе инженеры пробивъ глухую стѣну нашли въ ней расположенную надъ рѣкой келью; въ кельи три широко ухмыляющіеся скелета, молодаго человѣка и двухъ женщинъ, одной старой, другой молодой. Последняя была богато одѣта и вся покрыта дорогими камнями. Здѣсь ихъ замуровали оставивъ погибнуть голодною смертію; какъ бы изъ желанія довести ихъ предсмертныя муки до *non plus ultra* утонченной жестокости, посреди комнаты чернѣло отверстіе глубокаго колодца, съ журчащею внизу водой, задѣланное толстою желѣзною рѣшеткой... Въ одномъ изъ подземныхъ проходовъ была найдена почти бездонная пропасть, поперекъ жерла коей было вѣдано толстое бревно. На этомъ бревнѣ словно пучки сухой травы на веревкѣ висѣло около дюжины женскихъ скелетовъ!... Сколько такихъ молодыхъ жизней попадало съ этого бревна въ ужасную, черную пропасть, никто не знаетъ, развѣ одинъ ангелъ смерти. Но Азраилъ не выдаетъ таймъ своихъ, особенно намъ, невѣрнымъ, ибо по просьбѣ Магомета онъ болѣе не является въ видимой оболочкѣ... * Такимъ образомъ гаремная жизнь представляется чрезвычайно привлекательною, и намъ остается лишь позавидовать счастливымъ Зюлейкамъ...

Въ другомъ кварталѣ Агры, рабочіе рывшіе въ саду бассейна, недавно напали на слѣды обширнаго дворца и наконецъ нашли ходъ въ ояву изъ подземныхъ комнатъ извѣстныхъ подъ именемъ *тиксана* (прохладнаго покоя), гдѣ хозяйка проводятъ самые жаркіе часы дня. Здѣсь заинтересовала ихъ двойная стѣна; они проломали ее и нашли въ ней узкій корридоръ, гдѣ прикованные къ стѣнѣ стояли пять скелетовъ въ великолѣпныхъ одеждахъ. Трое изъ нихъ, какъ лишить, по видимому принадлежали къ высшей знати: молодой человѣкъ и по обѣимъ сторонамъ двѣ женщины съ длинными черными косами. Ихъ платья и вуали были вышиты золотомъ; на рукахъ и щиколкахъ золотые браслеты, а на шеяхъ драгоценныя цѣпи, нитки жемчуга и кольца съ талисманами.

* До Прорска, увѣряетъ насъ Корабль, онъ являлся за жертвами во плоти, и только по просьбѣ Магомета, пожелавшаго освободить человечество отъ ужаснаго зрѣлища, ангелъ является теперь невидимо и неслышно.

Послѣдніе, какъ видно, доказали свою чудотворную предохраняющую отъ бѣды силу... Всѣ эти драгоценности были проданы правительствомъ за двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ. Другіе два скелета принадлежали старухамъ, вѣроятно прислужницамъ.

Миляхъ въ девяти отъ городскихъ воротъ, на полянѣ, въ саду деревни Секундры, похороненъ самъ великій Акбаръ. Его мавзолей—второе изданіе его крѣпости, только въ уменьшенномъ видѣ. Онъ занимаетъ сорокъ десятинъ земли, стоитъ въ саду или скорѣе въ загороженномъ паркѣ, разбитомъ на вѣскольکو верстъ въ квадратѣ. Мавзолей находится на четырехъ постепенно уменьшающихся къ верху террасахъ, съ обычными минаретами увѣчанными куполами по угламъ. Всѣ куполы покрыты черепицами изъ мозаичной работы—зеленой и голубой съ золотомъ. Нелостижимо какъ ни краски, ни накладная работа не измѣнились ни на одну полутьню въ продолженіе цѣлыхъ трехъ вѣковъ, въ климатѣ гдѣ сырость и жара губятъ въ одинъ годъ самыя прочныя работы европейскіхъ мастеровъ.

На саркофагѣ вылежены золотомъ и персидскими буквами девяносто девять качествъ Аллаха. Кругомъ нижней террасы мавзолея съ трехъ сторонъ колонада съ безчисленнымъ множествомъ арокъ и колоннъ, покрытыхъ какъ зеленая страница изреченіями изъ Корана и позднѣйшими проклятіями невѣрнымъ; изреченія какъ и проклятія выложены чернымъ мраморомъ. Въ каждой амбразурѣ промежъ колоннъ окно, тоже столь обыкновенное въ архитектурѣ Индіи—окаменѣлое кружево. Какъ весьма справедливо выражается сестра Гордона Кэмминга, шотландскаго Нимрода современной Англии, эта кружевная работа изъ мрамора начинается лодъ конецъ казаться самымъ пустымъ дѣломъ. „И однакоже, добавляетъ она, еслибы мы только могли перенести одно изъ такихъ оконъ въ любой христіанскій соборъ, какая давка, сколько восклицаній восторга и удивленія вызвало бы оно у знатоковъ! Но здѣсь, въ Индіи, вѣдь это только работа этихъ презрѣнныхъ негровъ, а нашъ истый Британецъ даже и не потрудится взглянуть на нее!“

Таково мнѣніе Англичанки и—патріотки.

На другое утро мы разстались съ Агрой рано; такъ рано что даже еще заря не успѣла зарумянить бѣлоснѣжныя куполы Тадж-Махала... Намъ предстояло сдѣлать двадцать четыре

мили до завтрака приготовленнаго для насъ въ Футхелуръ Сикри—знаменитѣйшихъ развалинахъ сѣверо-западныхъ провинцій, гдѣ насъ ожидалъ нашъ другъ и покровитель—Такуръ. Гулабъ-Лалъ-Сингъ даже и не заглянулъ въ Агру—мѣсто которое онъ почему-то ненавидѣлъ, хотя онъ полубоѣщаль встрѣтить насъ тамъ. Но мы давно уже привыкли къ его своеобразнымъ дѣйствіямъ, къ его неожиданнымъ появленіямъ и такимъ же исчезновеніямъ, и никогда ни о чемъ его не спрашивали.

Въ это утро мы оставляли чисто британскую территорію и вступали на классическую землю Раджистана—хотя не совершенно свободную и независимую, но страну съ которой Англичанамъ приходится считаться. Въ Бѣртлуръ, напри- мѣръ, туземномъ владѣніи которое граничитъ съ Агрой, нѣтъ не только политическаго резидента, но даже ни одного Англичанина ни въ самомъ городѣ, ни въ окрестностяхъ. Англо-Индійское правительство и Бѣртлуръ своятся лишь политически. Раджистанъ—родина Такура, которою онъ такъ гордится и исторія коей прослѣжена англійскими ориенталистами за 600 лѣтъ до Ксеркса, а Тодомъ за 3.000 до Р. X.; то земля сказочныхъ и историческихъ героевъ, бѣшеной удали и рыцарскихъ чувствъ къ женскому полу, столь мало цѣнимому, презираемому и даже угнетенному во всей остальной Индіи... Здѣсь Гулабъ - Сингъ былъ у себя и готовился принимать насъ хозяиномъ. Намъ словно легче дышалось... Едва дребезжащіе, полуразваленные вагоны поѣзда идущаго до Джейлтура остановились у Футхелурской станціи, какъ у всѣхъ насъ, за исключеніемъ двухъ Англичанъ, вырвался крикъ облегченія. Въ одну секунду, какъ бы выросшіе изъ-подъ земли, щитоносцы Такура перенесли нашъ багажъ въ кареты присланныя девагомъ (министромъ) махараджи Бѣртлурскаго. „Его высочество въ Хардварѣ, на богомольи, но девагъ къ нашимъ услугамъ и приказалъ, простереться предъ американскими братьями - саибами“, проговорилъ высокій юный Раджлутъ съ длинными волосами и въ бѣломъ тюрбанѣ: „Кареты къ вашимъ услугамъ“.

А вотъ и Такуръ - Саибъ... верхомъ и съ полдюжиной плечистыхъ, бородастыхъ, длинно-кудрявыхъ оруженосцевъ, которыхъ мы еще не видали... Черный силуэтъ всадника ярко обрисовывается на безоблачномъ темносинемъ горизонтѣ, и громадная фигура напоминаетъ мнѣ конную статую Петра

Великаго. Мы всѣ довольны... Одна миссъ Б., съ обычнымъ тактомъ и обернувшись не то къ посланнику девана, не то къ лошадинымъ хвостамъ, восклицаетъ плачевнымъ голосомъ:

— Великое небо!.. Какія мрачныя, дикія окрестности!.. Говорятъ, Раджпуты ужасные разбойники... Не опасно ли намъ будетъ ѣхать во внутрь страны... однимъ?..

Я чувствую непреодолимое желаніе задушить безтактную дуру; но воздерживаюсь и, старая отъ стыда предъ Раджпутами, взглядываю на подѣхавшаго къ намъ Такура.

Гулабъ-Лалъ-Сингъ спокойно поглаживаетъ усы. Но въ разсѣянно устремленномъ на Англичанку взорѣ я улавливаю ту же быстро сверкнувшую молнію сдержаннаго гнѣва, скажу болѣе, ненависти какъ и въ Дельи. И этотъ гнѣвъ, и ненависть разомъ отражаются въ позеленѣвшемъ лицѣ Нараяна Кришнарао.

— Успокойтесь! раздается ровный, насмѣшливый голосъ нашего друга.—Вы забываете что Раджпутана имѣетъ честь быть подъ протекторатомъ Великобританіи... А ея прозорливость и отеческая бдительность безграничны, какъ и ея горячая заботливость о насъ, бѣдныхъ... разбойникахъ... Оглянитесь... ваше правительство ни на минуту не потеряетъ, ни васъ, ни насъ изъ виду.... такъ боится оно какъ бы мы не попали въ дурачьи руки!..

И онъ киваетъ по направленію желѣзнодорожной станціи. Тамъ на платформѣ суетится возлѣ своего багажа, ящика съ содой и водкой, златоусый шпіонъ въ бѣломъ кителѣ.

XXIII.

Быстро проходили дни и недѣли и еще быстрѣе передвигались мы съ мѣста на мѣсто; но несмотря на то что не теряли времени, мы не видали и двадцатой доли тѣхъ исторически знаменитыхъ мѣстъ которыми славится Индія. А жары становились, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ ужаснѣе. Въ началѣ мая они достигаютъ—вообще по всему Индостану—своей высшей точки; но Раджистанъ является въ этомъ смертельномъ мѣсяцѣ даже въ Индіи лѣткомъ, въ сравненіи съ которымъ самъ Алахабадъ способенъ обворожить своею прохладой. Въ то время какъ въ Петербургѣ и Москвѣ поля ея начинаютъ одѣваться молодою зеленью, а кусты сирени

еще стоять обнаженные, на палаткахъ равнинахъ Раджпутаны все уже испеклось, пережарилось, и поверхность земной коры какъ сухарь сапшкомъ долго оставленный въ духовой печи, пересохнувъ, начинаетъ рассыпаться прахомъ. Ея огромныя поляны, выгорѣлыя, печальныя, желто-бураго цвѣта, въ мѣстахъ гдѣ онѣ не столь густо заселены, напоминаютъ русскія степи: тотъ же сухой ковыль, то же частое марево на раскаленномъ горизонтѣ...

Словно высушенная до мозга костей старца, дремлетъ вокругъ насъ усталаая, угасающая природа Индіи, доживая подъ палатками стрѣлами свирѣлаго солнца „сезонъ жаровъ“. Весна, лѣто, зима и осень для туземца лишь звукъ безо всякаго значенія. У Индуса всего три времени года, и говоря о нихъ онъ различаетъ сезонъ „жаркій“, „холодный“ и „сезонъ дождей“. Черезъ три, четыре недѣли, на ярко-ахонтовомъ, девять мѣсяцевъ въ году безоблачномъ небѣ, покажутся первыя дождевыя облака... Загремитъ громъ, подымутся на Бенгальскихъ берегахъ циклоны и опустительныя бури. Погибнетъ нѣсколько человѣкъ, разрушатся нѣсколько зданій; но за то, прилетѣвъ съ юга, ураганъ принесетъ на мощныхъ крыльяхъ своихъ стоаъ желанный *муссонъ*, весь пропитанный ароматами Цейлона и Южной Индіи. И вотъ снова, въ два, три дня подъ проливнымъ дождемъ зацвѣтетъ вся Индія отъ Гиммалая до Коморина. Затопленныя равнины Раджистана превратятся въ моря, изъ глубины коихъ будутъ торчать лишь скалы Такуровъ съ ихъ полуразрушенными крѣпостями и замками. Эти скалы, разстѣянныя теперь словно безобразныя бородавки по лицу *Сурьявамзы*—„Земли Солнца“—обмоются и зацвѣтутъ, и снова все закукуетъ въ природѣ... Закукуетъ кукушка—лѣвецъ любви Индостана, птица посвященная Камъ, божку любви. Подымется паръ отъ земли—благоуханнѣйшій изъ всѣхъ ароматовъ природы въ помятыхъ Индуса—паръ отъ первого дождя, и начнутся свадьбы, пиры и веселье...

Но пока до дождя, „возлюбленной земли“, по словамъ греческаго поэта, Раджпутана могла намъ предложить не болѣе того что сама имѣла. Кругомъ все выжжено, и вѣчему ужъ болѣе выгорать. Миссъ Б*** права, первый взглядъ на окрестности не располагаетъ къ странѣ. Все мертво и безмолвно, и на голыхъ поляхъ не видно даже обычной фигуры

земледѣльца, бѣднаго чернаго скелета, копающагося на нихъ словно кротъ во всѣ остальные времена года... До первыхъ дождей ему нечего дѣлать въ полѣ. Въ подобный зной даже выносливый верблюдъ покорно ложится гдѣ попало: жвачка теряетъ для него всю прелесть, и по дѣлымъ днямъ онъ либо непробудно спитъ, либо тутъ же издыхаетъ. Все словно вымерло, застыло въ природѣ, и дѣятельность ея проявляется теперь въ одной смерти да тлѣннн... Въ такіе дни птицы падаютъ десятками мертвыя на сухую землю. Общее безмолвіе прерывается лишь длинною, жалобною трелью ястреба, гдѣ-то недвижно висащаго на воздушныхъ горячихъ струяхъ, да гдѣ-нибудь на бугоркѣ стая коршунѡвъ, окруживъ падаль, стоитъ не двигаясь повуря голову и не трогая лакомой пищи, довольствуется однѣми грезами. Смерть въ разнообразнѣйшихъ видахъ паритъ надъ головой Европейца. Она мигаетъ на него изъ дрожащихъ свѣтовыхъ волнъ, угрожая солнечнымъ ударомъ; тихо подкрадывается къ нему въ вагонѣ, судя „апоплексію отъ жары“, * причиняемую на желѣзной дорогѣ разсѣваемымъ быстротой движенія раскаленнымъ воздухомъ, дома—удушаивою температурой. Она ждетъ жертву въ каждомъ затемненномъ, сравнительно прохладномъ уголку, куда сырость поливаемыхъ ставенъ и дверей привлекаетъ ядовитыхъ тысячеможекъ, скорпионовъ, даже змѣй.

Смерть въ Индіи не пропуститъ ни одного случая: она лучшій союзникъ туземца и одна часто избавляетъ его отъ тирана. Она сторожитъ Англо-Индійца изъ-за каждаго угла; всѣ средства для нея хороши. Вѣчно лѣтующій Англичанинъ находитъ ее всюду: въ искусственной прохлаждѣ *панки*, осуществляющей въ Индіи *perpetuum mobile*,—подъ колыханіемъ коей онъ ѣстъ, спитъ, льетъ, ругается, дерется и отправляетъ служебныя обязанности,—какъ и въ каждомъ стаканѣ литья со льдомъ. Воспаленіе легкихъ и холера прекращаютъ его карьеру въ вѣсколько часовъ...

Все это намъ было извѣстно, и мы были предупреждены о раджпутанскомъ зноѣ. Но до тѣхъ поръ все намъ сходило съ рукъ, и безнаказанность сдѣлала насъ дерзкими. Въ Дельѣ Такуръ намъ сказалъ: „Не бойтесь; за васъ двухъ я ручаюсь, и если оба наши Англичанина послушаютъ моего совѣта, то поручусь и за нихъ“... И мы были совершенно спокойны.

* Въ Индіи врачи зовутъ этотъ родъ смерти *heat apoplexy*.

Все болѣе и болѣе—я говорю о полковникѣ и о себѣ— овладевалъ Такуръ нашею волей, всѣми нашими мыслями. А заручившись всѣмъ нашимъ умомъ и душой, раздраживъ наше любопытство до крайнихъ предѣловъ, заставивъ насъ чувствовать что по одному мановенію руки его мы готовы послѣдовать за нимъ безъ колебанія и метафоры—въ огонь и воду, овладевъ наконецъ окончательно нашею волей, онъ видимо не пожелалъ воспользоваться своими преимуществами... Всегда ровный и пріятливый со всѣми, онъ былъ съ нами быть-можетъ минутами ласковѣе, но также непроницаемо замкнуть на счетъ своихъ таинственныхъ несомнѣнныхъ познаній въ „тайной, наукѣ“ какъ и съ прочими. Что онъ зналъ о нашемъ страстномъ желаніи поучиться у него, получить объясненіе его необычайной, а для насъ *абсолютно* доказанной психологической силы — это также для меня несомнѣнно какъ и то что онъ, находясь въ эту минуту въ Тибетѣ, знаетъ, если только желаетъ знать, каждое слово изъ того что я пишу. Но зная это онъ молчалъ. Минутами мнѣ казалось что онъ будто изучаетъ насъ; желаетъ убѣдиться насколько онъ можетъ довѣриться намъ, и я боялась говорить о немъ даже съ полковникомъ. Принадлежа къ нашему „обществу“, онъ оставался простымъ членомъ, отказавшись даже отъ не разъ предлагаемаго ему званія „почетнаго члена общаго совѣта“. Одинъ изъ такихъ главныхъ совѣтниковъ Теософическаго Общества въ Лондонѣ, лордъ и графъ и, главное, человекъ признанный однимъ изъ ученѣйшихъ членовъ Королевскаго Общества, зная о немъ, писалъ въ прошломъ году другому члену совѣта нашего Общества, редактору главнаго журнала правительства: „Ради Бога, просите Такура отвѣтить мнѣ, есть ли для меня надежда достичь результатовъ которыхъ я тщетно ожидаю вотъ уже пятнадцать лѣтъ... Спиритизмъ измѣнически предалъ меня. Феномены его—фактъ; объясненія—*чушь*. Какъ возобновить прежнія сношенія съ тѣмъ съ кѣмъ я когда-то разговаривалъ такъ свободно за три тысячи миль, каждый изъ насъ въ своей комнатѣ?... Теперь все исчезло, онъ не слышитъ меня болѣе, даже *не чувствуетъ*... Почему?!...“ Когда я передала Такуру письмо по просьбѣ редактора, Гулабъ-Сингъ просилъ меня написать подъ его диктовку слѣдующее: „Милордъ,—Вы Англичанинъ и ваша всѣдневная жизнь вся проходитъ по англійскому шаблону. Честолюбіе и парламентъ

начали дѣло разрушенія, мясная пища и вино окончили оное... Для ассимиляціи духа человѣка со всемірною душой Парабрамы существуетъ лишь одна узкая и тернистая тропа, по которой вы не пойдете. Матеріальный человѣкъ убилъ въ васъ духовнаго. Вы одинъ можете воскресить послѣдняго и никто другой на это не способенъ...

Конечно, скептики и матеріалисты, какъ тѣ которые приписываютъ явленія спиритизма *нечистой силѣ*, такъ и другіе, убѣжденные что послѣ смерти отъ насъ ничего не остается, а будетъ, по выраженію Базарова, „долухъ расти“, ничему этому не повѣрятъ, а одни станутъ насъ съ такурами и лордами подымать на смѣхъ, другіе отрещиваться отъ насъ. Но къ этому намъ не привыкать стать. За то люди серьезные, ученые, опытные въ *медумическіяхъ* явленіяхъ, какъ профессора Бутлеровъ, Вагнеръ, Цельверъ, Уолласъ и другіе, которыхъ факты побѣдили и принудили признавать за факты, эти ученые, убѣдившіеся въ существованіи силы способной завязывать узлы на безконечной веревкѣ, повѣрятъ *реальности* странныхъ и необъяснимыхъ феноменовъ видѣнныхъ нами въ Индіи. Въ одномъ мы разоидемся съ ними: они вѣрятъ что невидимая сила работающая надъ превращеніями матеріи на спиритическихъ сеансахъ принадлежитъ *духамъ*: мы не вѣримъ въ активное вмѣшательство усопшихъ и приписываемъ эту силу лишь духу *живаго человѣка*. Кто изъ насъ правъ, кто ошибается, можетъ рѣшить только время. Прежде всего люди должны убѣдиться въ объективности этихъ спорныхъ явленій, а затѣмъ уже приниматься за объясненіе ихъ. Спиритизму болѣе всего повредила теорія вѣрующихъ въ него.

Все вышесказанное не отступленіе отъ моего разказа, а необходимое объясненіе тому что слѣдуетъ. *Письма изъ Пещеръ и Дѣбрей Индостана* не одно географическое и этнографическое описаніе Индіи со вплетенными въ оное фиктивными героями и героинями, а скорѣе дневникъ главныхъ членовъ Теософическаго Общества, съ которыми начали уже считаться и спиритизмъ, и матеріализмъ въ Европѣ, а главное нерашпливые ориенталисты.

Сковфуженные выходкой миссъ Б*** и сядясь въ экипажъ махраджи Бѣртлурскаго, мы ужаснулись еле коснувшись до него. То было огромное полуоткрытое лаudo времяъ Царя-Гороха, довольно удобное, впрочемъ, и способное легко

вмѣщать шесть и даже восемь человѣкъ. Но сидѣнье онаго въ ожиданіи нашего пріѣзда успѣло превратиться въ кресло на которомъ поджаривались когда-то жертвы инквизиціи... На подушкахъ и желѣзной обшивкѣ ладо можно было готовить яичницу, а отъ прикосновенія голой руки къ его стѣнкѣ у меня слѣзла кожа на ладони. Въ ужасѣ отдернувъ руку, я не рѣшалась садиться; и даже бравый полковникъ остановился въ смущеніи... Въ такой колесницѣ развѣзаетъ вѣроятно одинъ Вельзевулъ, князь ада!

— Вамъ нельзя будетъ ѣхать до вечера въ этой колескѣ, замѣтилъ Такуръ, хмурясь.—Придется провести день здѣсь по близости. Войдите въ буфетъ, пока я пошлю за крытою каретой...

Послѣдовало совѣщаніе. До волшебныхъ садовъ Дига поливаемыхъ 600 фонтами (исторически извѣстное наслѣдіе Бѣртлурскихъ махараджей) было 18 миль; до столицы штата 5; до мѣста завтрака 15. Поездъ опоздалъ, и было уже десять часовъ. Ѣхать въ самый полуденный жаръ, когда и теперь у насъ кружилась голова и темнѣло въ глазахъ, было бы безуміемъ. Всѣ, кромѣ Такура, даже Индусы поблѣднѣли, то-есть сдѣлались землянаго цвѣта, и обивались шарфами... Одинъ Бабу казался блаженствовалъ. Простоволосый какъ и всегда и подпрыгивая на переднемъ сидѣньѣ, на которомъ уже усѣлся съ ногами, онъ нырялъ въ волнахъ раскаленного воздуха какъ другой ныряетъ въ прохладныхъ струяхъ рѣки, увѣряя что вовсе еще не такъ жарко и что въ Бенгаліи такой день считается бы многими прохладнымъ.

Пока Такуръ отдавалъ приказаніе, и два оруженосца по скакали куда-то за каретой, миссъ Б***, совершенно изнемогая отъ жары и притираясь ко всему и всѣмъ, сочла своимъ долгомъ оскорбиться словами Бабу:

— C'est du persiflage, cela!... повторила она обмахиваясь въ волненіи.—Ему прохладно, когда мы всѣ умираемъ отъ жары!...

— Ну, а вамъ-то что до этого?... развѣ вы можете запретить человѣку чувствовать себя иначе нежели вы себя чувствуете? уговаривала я ее, предчувствуя новую между ними ссору.

— Но вѣдь это онъ нарочно!... Онъ смѣется надъ нами, громко ворчала старая дѣва.—Онъ, какъ и всѣ Индусы, ненавидитъ насъ, Англичанъ! Онъ радуется нашимъ страданіямъ!...

— Совершенно напрасно такъ думаете, поддразнивалъ ее Бабу изъ коляски.—Я вовсе не ненавижу нашихъ добрыхъ повелителей. Только когда имъ жарко, мнѣ всегда бываетъ прохладно и—*vise versa*... Садитесь возлѣ меня, и я васъ стану обмахивать вашимъ вѣеромъ... Вы знаете какъ я васъ.... уважаю!...

— Благодарю! вслыхнула она.—Сидите на солнцѣ, которое бессильно противъ однихъ подобныхъ вамъ... амфибій! обмолвилась она въ своей ярости.

— То-есть саламандръ, вы желали сказать? оскалилъ зубы Бабу.—Не ошибайтесь, *чандъ ка тукра* * Саабы!...

— Прошу васъ не учить меня, если я даже и ошиблась! взвизгнула она, блѣднѣя отъ бѣшенства.—Не вашей... расѣ учить васъ—Англичавъ!

— Я вамъ серьезно совѣтую быть осторожнѣе... при такой жарѣ, вмѣшался Такуръ слѣзая съ лошади и многозначительно подчеркивая послѣднія слова.—Малѣйшее волненіе можетъ оказаться гибельнымъ въ нашемъ климатѣ, котораго даже и англійская власть не сумѣла еще поработить.

И снова та же острая молвія сверкнула въ полузакрытыхъ глазахъ Раджлута, и мозги слегка дрогнули при тонѣ презрѣнія съ какимъ она произнесла слова „ваша раса“. Но разсвирѣлѣвшая островитянка уже закусила удила, и остановить ее не было возможности. Она стала жаловаться что ее завезли обманомъ въ страну гдѣ нѣтъ ни одного Англичавина чтобы заступиться за нее, гдѣ туземцы насмѣхаются надъ нею и оскорбляютъ въ ея лицѣ величіе всей націи, самой королевы. Она понесла такую чушь что озадаченные мы молча смотрѣли на нее какъ на ломѣшанную. У*** взялъ ее подъ руку и старался увести въ буфетъ. Онъ былъ страшно сконфуженъ; но, какъ Англичавинъ, онъ вѣроятно считалъ ниже своего достоинства вразумлять ее и такимъ образомъ хотя бы и косвенно оправдывать туземца въ ссорѣ съ дочерью „вышей расы“.

Этой потасовкѣ суждено было сдѣлаться послѣднею, и результаты ея явились самыя неожиданныя. Злополучный Бабу, невинная причина бури, желая примириться съ мисъ Б*** „ради спокойствія всего общества“, какъ онъ объяснилъ

* Въ переводѣ выйдетъ—*ладаль кусокъ лунны*, а на языкѣ хинди почтительное и лестное выраженіе.

намъ позже, вмѣсто того чтобы поправить испортилъ все дѣло.

Увлекаемая У***, миссъ Б*** уже направлялась къ станціи, а я, стоя подъ огромнымъ зонтомъ-багдаханомъ который былъ распущенъ надъ полковникомъ и мною, ожидала лишь получить оставленный въ каретѣ бинокль и сакъ, какъ вдругъ Нараянъ-Кришнарао-Мульджи и Бабу, словно сговорась, подошли къ полковнику и стали просить позволенія вернуться съ этимъ же поѣздомъ въ Агру, а затѣмъ домой. Нашъ почтенный президентъ замахалъ и руками и ногами. Онъ не разстанется съ ними... Эта ссора лутяки и забудется чрезъ часъ...

— Ни за что! Я скорѣе самъ вернусь съ вами! громко отвѣчалъ онъ.

При первыхъ словахъ разговора, Англичанка остановилась и наострила уши. Услыхавъ въ чемъ дѣло, она вырвала руку изъ-подъ руки У*** и подбѣжавъ затараторила о томъ что гг. Индусы—*those gentlemen Hindus* (насмѣшливо напирая на слово *gentlemen*)—предупреждаютъ ее въ томъ о чемъ она сама желала просить.

— Мы не можемъ долѣе пребывать въ гармоніи необходимой для пріятнаго путешествія, объявила она.—Пусть господиизъ президентъ выбираетъ теперь между членами Европейцами и *Азіатами!*

Я вся закипѣла злостью при этой новой дерзости и только что собиралась открыть ротъ чтобы дать ей заслуженный отпоръ, какъ вдругъ почувствовала на себѣ взглядъ Такура. Президентъ откашливался и поправлялъ очки—знакъ того что онъ собирался официально объявлять резолюцію. Пока онъ говорилъ, я не имѣла права вѣшиваться...

— Тутъ никакого не можетъ быть выбора, медленно началъ онъ, сильно разгнѣванный и выколачивая въ своемъ смущеніи горячую золу изъ трубки на подушки дадо его свѣтлости.—Всѣ члены вѣреннаго мнѣ въ Нью-Йоркѣ общества, *къ какой бы они расѣ или религіи ни принадлежали*, равно уважаемы мною и дороги Центральному Обществу. Отъ выбора поэтому я отказываюсь; а о правѣ своемъ рѣшать споры и недоразумѣнія между членами—заявляю. Я слышалъ каждое слово вашего... немного крупнаго разговора, и долженъ сознаться что не нахожу въ немъ ничего похожаго на ссору!... Почтенная миссъ Б*** вспыхнула и наговорила дерзо-

стей (налирая на слово *дерзость*) Бабу. Онъ промолчалъ и поступилъ какъ джентльменъ. Надѣюсь что миссъ Б*** теперь пойметъ что оскорбленъ *онъ*, а не *она*, а въ его лицѣ и прочіе члены-туземцы; надѣюсь что она присоединитъ къ моей и свою просьбу чтобъ они забыли эту пустую вспышку и попросить нашихъ добрыхъ, уважаемыхъ друзей не уѣзжать отъ насъ...

Миссъ Б*** вся затряслась отъ бѣшенства.

Стоя въ двухъ шагахъ отъ меня и облокотясь на сѣдло, Такуръ не спускалъ съ нея широко открытыхъ зрачковъ, блестящихъ въ эту минуту какимъ-то зловѣщимъ фосфорическимъ сіяніемъ. Нараянъ, опустивъ глаза и голову, молчалъ; но на сильно закушенной губѣ его выступила крутая капа крови...

— Какъ! мнѣ... *мнѣ* просить у *него* извиненія?.. прошилъла Англичанка. — Мнѣ... когда онъ...

— Не извиненія, а протянуть руку примиренія... васъ просятъ, перебилъ ее У**.

Онъ былъ бѣденъ и говорилъ съ видимымъ усиліемъ. Природная честность боролась въ немъ со врожденнымъ національнымъ чванствомъ, и къ сожалѣнію послѣднее побѣдило. На разгнѣванный взглядъ который метнула въ его сторону соотечественница онъ слохватился и добавилъ:

— Извиняясь за вмѣшательство, позволяю себѣ объяснить только что высказанное желаніе г. президента *не иначе* какъ въ переданномъ мною смыслѣ... Потому что... согласитесь... со всѣмъ тѣмъ что американскія идеи о приличіи диаметрально противоположны нашимъ (англійскимъ), не могу же я предположить ни на одну минуту такого абсурда чтобы даже г. президенту могла придти въ голову мысль предложить дамѣ... *англійской леди*... извиняться предъ... предъ... предъ мужчиной!.. докончилъ онъ заикаясь и очевидно замѣнивъ послѣднимъ словомъ терминъ который ему счастливо удалось проглотить.

— Вотъ тебѣ и „Братство человечества“, подумалось мнѣ.

— Почему же? возразилъ уже хладнокровно полковникъ. — Предполагайте... потому что именно такой „абсурдъ“ я и предложилъ...

— Да я-то и не думаю требовать, ни даже надѣяться на извиненія!.. вставилъ добродушно Бабу. — Я даже и до сей поры не понимаю чѣмъ я провинился предъ почтенною миссъ Б*** которую я всегда уважалъ, какъ мать...

Еслибы къ ногамъ сорокалѣтней дѣвы упала въ эту минуту молнія, то она не произвела бы такого страшнаго эффекта какъ это невинное, произнесенное въ полномъ простосердечіи двадцатилѣтнимъ мальчикомъ слово „мать“. Зная ея сильнѣйшую слабость, я положительно перепугалась, ожидая что она вцѣлится въ Бабу какъ дикая кошка. Такуръ молча бросилъ поводъ конюху и, сдѣлавъ шагъ впередъ, вперилъ еще болѣе пристально-внимательный взоръ въ бѣснуюся Англичанку.

Она вся лобаровѣла. Жилы на шеѣ вздулись какъ бичежки, и она взвизгнула почти съ лѣвой у рта:

— Какъ?.. *мать!*.. мать... Вы... меня.. вы!.. Знайте, сэръ, вдругъ добавила она величественно выпрямляя станъ,—что не какъ *мать* обязаны вы меня уважать, а какъ члена той *великой* націи которая держитъ... ваше пре... презрѣнное пле...

Такуръ вдругъ быстро протянулъ къ ней руку... Захлебываясь и бормоча несвязные звуки, она неожиданно грохнулась какъ скошенный смоль, хрила и въ судорогахъ, прямо въ объятія У*, на руки котораго Гулабъ-Сивгъ ловко перебросилъ ее падающее тѣло...

— Такъ и есть, какъ я ее предупреждалъ, тихо и спокойно произнесъ Такуръ наклонясь надъ сильно вздрагивавшимъ тѣломъ.—Солнечный ударъ; несите ее въ дамскую уборную!

Во всемъ Берплутѣ, да кажется и во всемъ королевствѣ Джатовъ, состоящемъ изъ 100.000 человекъ, нѣтъ ни одного европейскаго доктора, а есть одни туземные „*хакимы*“ (лѣкаря). Ѣхать куда-либо въ тотъ день было невысказано; и вотъ, отправивъ экипажи до другаго утра, мы перенесли несчастную Англичанку въ крошечную комнатку телеграфиста, на столь же крошечной желѣзнодорожной станціи, и старались привести ее въ чувство домашними средствами. Но на станціи не оказалось даже и льда—перваго лѣкарства противъ солнечнаго удара. Вспомнивъ о ящикѣ съ водкой и льдомъ слѣдовавшимъ по нашимъ пятамъ розоваго шпіона, мы командировали У* къ его соотечественнику изложить предъ нимъ наше затрудненіе и покорнѣе просить не уступить ли онъ для умирающей дамы-Англичанки малую толику изъ его запаса, пока намъ привезутъ изъ Агры. Шпіонъ выслушалъ очень учтиво и—отказалъ! Малый де кусокъ не поможетъ, и онъ самъ можетъ заболѣть здѣсь отъ жары... Тогда, оскорбленный миссъ Б*** Бабу пошелъ на

отчаянное средство и—явился ея и нашимъ спасителемъ. Онъ побѣждалъ съ Нараяномъ въ поле и принесъ цѣлую охапку травы подъ названіемъ *кузималъ*. Эта трава, имѣющая свойство крапивы, покрываетъ тѣло вслѣдствіе одного легкаго прикосновенія къ ней сылью и ужасными волдырями. Не говоря ни слова, онъ попросилъ меня надѣть перчатки и растирать ноги больной кузимахомъ. У самого у него лицо и руки мгновенно вздулись какъ лузырь, но онъ не обратилъ на это вниманія. Признаюсь, я исполнила возложенное на меня порученіе со злобнымъ рвеніемъ. Я почему-то надѣялась... *чувствовала* что Такуръ не допуститъ до такого трагическаго конца какимъ явилась бы смерть Англичанки во время нашего путешествія: а доставить ей непріятный, но благодѣтельный зудъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней мнѣ было весьма съ руки. Черезъ пять минутъ втиранія ноги Англичанки превратились въ кровавые волдыри, но за то сама она открыла глаза и имѣла удовольствіе замѣтить (по крайней мѣрѣ я надѣялась) какъ за ней ухаживаетъ „сынъ презрѣнной расы“. Но Бабу не ограничился этимъ: тогда какъ съ девяти часовъ вечера У***, ея соотечественникъ, подъ предлогомъ нездоровья и усталости, залегъ спать въ соседней комнатѣ, маленькій Бенгалець не оставлялъ ее ни на минуту. Одинъ онъ перебивалъ ей головныя примочки изо льда, который наконецъ подъ вечеръ и вслѣдствіе нашей телеграммы былъ присланъ изъ Агры, и ушелъ отъ нея лишь на другое утро когда съ первымъ поѣздомъ пріѣхалъ вслѣдъ за льдомъ и врачъ Англичанинъ.

Узнавъ о странномъ лѣкарствѣ Бабу, докторъ фыркнулъ себѣ что-то подъ носъ, но объявилъ что и *кузималъ* хорошъ какъ и всякое другое отвлекающее кровь отъ головы средство. Приказавъ везти пациентку назадъ въ Агру, а по выздоровленіи тотчасъ же назадъ въ Бомбей, онъ взялъ 50 рупій и отправился въ ожиданіи обратнаго поѣзда завтракать, попросивъ У***, en passant, чтобъ эти „дегры“ ему не мѣшали. У***, чувствуя что я гляжу на него, сильно покраснѣлъ, но обѣщавъ—не сдѣлавъ ни малѣйшаго замѣчанія. Онъ ѣхалъ съ нею, такъ какъ нельзя же было отпустить ее въ такомъ состояніи одну, а намъ невозможно было уѣхать не повидавшись со *суами* Дайдандомъ.

Но вернемся за нѣсколько часовъ назадъ. Накануѣ, подъ вечеръ послѣ катастрофы и когда больная уснула, четверо

насъ: Такуръ, полковникъ, Нараянъ и я, собрались вмѣстѣ за маленькимъ садикомъ станціи, у разбитыхъ для насъ палатокъ. Палатки принадлежали Такуру, появились въ вѣсколько минутъ, словно вызванныя волшебствомъ изъ-подъ земли и были весьма куріозны. Въ другое время ихъ внутреннее устройство, гдѣ находился кругомъ и коридорчикъ, и спальная, и гостиная, и даже комнатка для ванны, привлекали бы все вниманіе нашего любознательнаго президента, особенно ихъ вполнѣ восточная меблировка. Но въ настоящую минуту нашего разказа онъ былъ слишкомъ взволнованъ. Его занимала лишь одна мысль—объ отвѣтственности его положенія какъ президента Общества; мысль что компанія наша разстраивается, и одинъ изъ членовъ ея, какъ бы ни былъ онъ виноватъ, находится въ опасности. Неизвѣстность будущаго и искреннее огорченіе въ виду фактической невозможности помирить два столь противоположные элемента въ управляемомъ имъ и довѣренномъ ему Обществѣ, какъ чванлые Англичане и туземцы, которые какъ огонь и вода лишь шилъли при малѣйшемъ соприкосновеніи, все это не давало ему покоя. И онъ шагаль, бѣдный полковникъ, въ величайшемъ смущеніи прогуливаясь взадъ и впередъ предъ навѣсомъ средней палатки, гдѣ Такуръ, спокойный и безмятежный какъ и всегда, курилъ у дверей на коврѣ. Наконецъ онъ предался отчаянному монологу.

— Безспорно, разсуждалъ онъ,—миссъ Б*** ужасная, ужасная женщина! Эгоистка и вспыльчива какъ... какъ... мексиканская кобыла!.. срѣзалъ онъ не находя лучшаго сравненія.— Все это такъ. Къ тому же она Англичанка, напыщенная и накрахмаленная какъ ея собственныя юлки и готовая, какъ та лягушка въ баснѣ, ежеминутно долнуть отъ чувствъ собственного своего и національнаго величія!.. Она совсѣмъ дура, словомъ!.. Но все же она членъ нашего Общества!.. Не такъ ли? обратился онъ ко мнѣ.

— Только пока она останется „членомъ“ не будетъ толку въ этомъ Обществѣ, отвѣчала я.—Она и сама не исполняетъ уставовъ, да и другихъ сбиваетъ съ панталыка.

— Но все-таки она полезный членъ Общества, возразилъ онъ.—Полезный именно потому что она и Англичанка, и патриотка. У*** и она—оба служатъ намъ какъ бы оплотомъ... живымъ протестомъ такъ-сказать, ну хоть бы вонъ противъ того идиота въ бѣломъ кителѣ что пьетъ теперь на верандѣ

свой чуть ли не двадцатый *пегг* * сегодня и принимаетъ насъ за такихъ же шпионовъ какъ и онъ самъ... А теперь, умри она, ну что мы будемъ дѣлать?..

— Не волнуйтесь, полковникъ; она не умретъ, равнодушно замѣтилъ Такуръ.

— Нѣтъ!.. вы даете мнѣ въ томъ слово, мой дорогой Такуръ? воскликнулъ обрадованный Американецъ.

— Давать слово въ жизни или смерти больной особы не будучи врачомъ было бы слишкомъ дерзкимъ съ моей стороны, возразилъ Раджлутъ, смѣясь.—Но, судя по долголѣтнему опыту, если она пережила первые полчаса и къ солнечному удару не присоединятся симптомы другой какой болѣзни, то конечно главная опасность миновала...

— А... а вы... извините меня, мой дорогой, мой высокоуважаемый другъ, вы не найдете на нее другихъ такихъ симптомовъ?.. таинственно озираясь кругомъ и низко наклоняясь надъ ковромъ Такура переспросилъ полковникъ.

Я сидѣла наискось прислонясь къ столбу навѣса и молча слушала. При словахъ президента меня передернуло: они были вхомя собственнѣхъ моихъ невыраженныхъ и глубоко за-таенныхъ въ груди чувствъ, но тѣмъ не менѣе вѣрнымъ вхомя. Нараянъ съ потухшею *бири* ** въ зубахъ стоялъ возлѣ Гулабъ-Синга. По лицу Нараяна тоже пробѣжала черная тѣнь, и онъ быстро вскинулъ глазами на полковника. Въ этомъ взглядѣ ясно читался и гнѣвъ, и нѣмой укоръ дерзости вопрошающаго.

Въ глубокихъ и темныхъ какъ бездна загадочныхъ глазахъ Такура я не подмѣтила на этотъ разъ того жгучаго, молніеподобнаго свѣта, озарявшаго ихъ какъ зарница озаряетъ далекое небо, при нестерпимо глухихъ и оскорбительныхъ выходкахъ миссъ Б*** противъ всего туземнаго; я не нашла въ нихъ той острой искры которая, признаюсь, всегда пугала, будя во мнѣ смутное чувство какого-то сверхъестественнаго страха, чего я стыдилась, но побѣдить не могла. Въ эту минуту взоръ его оставался спокойнымъ и равнодушнымъ: только слегка насмѣшливая улыбка приподняла уголокъ рта...

— Выраженный иначе, вашъ вопросъ заключаетъ въ себѣ прямое обвиненіе въ томъ что „наслалъ на нее первоначальную болѣзнь я“?... спросилъ онъ смотря О*** въ глаза.

* *Пегг*—водка съ содой и льдомъ.

** *Бир* — туземная сигарка изъ зеленыхъ листьевъ дерева *дамго*.

Полковникъ покраснѣлъ до ушей, но не увидѣлся до безполезнаго отрицанія. Онъ прямо и смѣло взглянулъ своими подслѣловатыми, честными глазами въ лицо Такура и заплясавъ сознался:

— Да, я такъ понималъ это несчастное обстоятельство... Но вы напрасно называете это „обвиненіемъ“.

— Гм!.. нельзя однако сказать чтобы такое подозрѣніе было изъ весьма дѣстныхъ, помолчавъ но все улыбаясь промолвилъ Раджпутъ, глядя въ даль.—Мстить женщинѣ за невоздержность ея глулага языка почти смертью еще менѣе въ нравахъ *разбойничьяго* племени Раджистана нежелательно оно во вкусѣ образованныхъ Европейцевъ. Но я не въ правѣ винить васъ за такую мысль, коль скоро зная что вы составили себѣ какое-то утрировано высокое понятіе о моемъ... психологическомъ могуществѣ, я, тѣмъ не менѣе, предоставлялъ васъ собственнымъ вашимъ выводамъ и заключеніямъ... По своему, вы правы.

Американецъ поднялъ на него свои ясные, голубые глаза и задумчиво пощипывая бороду, покорно замѣтилъ:

— Мы пріѣхали въ Индію за 10.000 миль изучать психологию и все касающееся *духовнаго* человѣка... и... по вашему зову. Мы васъ выбрали нашимъ *гуру*, * а теперь, когда мы нашли въ васъ одною воплощеніе „тайной науки“, неужели теперь, вы отвернетесь отъ насъ?

Въ голосѣ нашего президента зазвучала очень грустная нотка. Такуръ быстро взглянулъ на него и помолчавъ отвѣчалъ уже совершенно спокойно и даже ласково:

— Я дѣйствительно посвященъ въ то что у насъ называютъ *гунтавидьей*—тайными науками...

— Вамъ извѣстны эти науки? Вы наконецъ рѣшаетесь сознаться въ этомъ хоть предъ нами—вашими невѣжественными, но всею душой вамъ преданными учениками?

— Я никогда этого не скрывалъ и не могъ бы даже еслибы хотѣлъ скрыть... Я *Брамачаріа*.** Но вѣдь подъ названіемъ „брамачаріа“ и словомъ „тайныя науки“ разумѣется цѣлѣю очень многое, и смыслъ ихъ весьма эластиченъ. Со славныхъ временъ *Риги* прошли тысячелѣтія, Индія пала и вырости-

* *Гуру*—учитель.

** Родъ свѣтскаго монаха, отъ рожденія посвященнаго безбрачію и обязаннаго изучать *сидд*—науку *ееурги* или бѣлой магіи и чудотворство.

лась, печально добавилъ онъ.—Теперь вы найдете во всѣхъ большихъ городахъ „брамачарій“ которые замѣняютъ недозволенную имъ кастой законную жену тайнымъ гаремомъ—*земаной*—и отдають въ ростъ деньги; часто встрѣтите шарлатановъ составляющихъ и продающихъ во имя „тайныхъ наукъ“ любовныя зелья! Неужели и за такими вы станете гоняться и отдавать имъ почести изъ-за одного имени?..

Я невольно взглянула на полковника, и мы оба сконфузились. До отъѣзда нашего изъ Бомбея къ намъ привели, съ большими предосторожностями и вслѣдствіе неотступныхъ просьбъ, нѣкоего *великаго*, по словамъ Мульджи и другихъ, „*саду*“ (святаго) и алхимика. „Святой“ анахоретъ издавалъ весьма неприятный запахъ и самыя разнохарактерныя звуки носомъ и ртомъ, но все это было отнесено полковникомъ на счетъ его полнаго отрѣшенія отъ всего земнаго и его святости. Забравъ отъ насъ, со включеніемъ „молчаливаго генерала“, нѣсколько сотъ рупій деньгами съ обѣщаніемъ превратить ихъ въ „жизненный элексиръ“ и порошокъ отъ всевозможныхъ золъ, и лублично получивъ отъ полковника всевозможныя знаки раболѣпнаго благоговѣнія (послѣднее, впрочемъ, къ великому и на этотъ разъ справедливому негодованію Англичанки), нашъ святой старецъ удалился въ свою никому неизвѣстную обитель—

En nous disant: „je reviendrais!..“

какъ въ *Фавориткѣ*. Мы еще ждемъ его...

— Чтò такое „тайныя науки“? продолжалъ Такуръ, отклоняя наше вниманіе отъ неприятнаго воспоминанія.— Для меня эти тайныя науки, какъ и для всякаго кто имъ посвятилъ всю жизнь, содержатъ въ себѣ ключъ ко всѣмъ тайникамъ природы и міровъ какъ видимаго, такъ и невидимаго. Но этотъ ключъ достается дороже нежели вы думаете. *Гупта Видья* обоюдоострое оружіе, и къ нему нельзя приступать не пожертвовавъ заранѣе жизнью—хуже—разумомъ, такъ какъ она одолеваетъ и убиваетъ каждаго кто не успѣетъ одолѣть ее самое. Баски древности основаны не на одной фантазіи. И въ нашей допотопной Ариавартѣ найдется сфинксъ какъ и въ Египтѣ, и на одного Эдила въ итогъ получаютъ тысячи жертвъ. Особенно она опасна для васъ, Европейцевъ и бѣлыхъ. Вотъ почему я колеблюсь предъ вашимъ страстнымъ во... неразумнымъ желаніемъ, дозволить вамъ даже начать періодъ испытанія...

— Такуръ! ради всего для васъ дорогаго!... воскликнулъ нашъ президентъ умоляющимъ голосомъ.—Прошу васъ во имя всего нашего общества, во имя науки и челоѳчества!... Вы знаете, я не трусь. Я не дорожу жизнью, и если хотя въ концѣ ея не блеснетъ для меня лучъ истины, то чѣмъ... скорѣе этотъ ковецъ... тѣмъ лучше!... Только наставьте меня разъ на путь истины—и клянусь никогда ей не измѣнить...

Такуръ отвѣчалъ не сейчасъ.

— Хорошо, вдругъ обрадовалъ онъ полковника. — Теперь, когда вы завтра вѣроятно будете освобождены отъ вашихъ двухъ Англичанъ, я могу васъ пригласить къ себѣ, въ Д*** помѣстіе. До вашей побѣдки къ Суами Дапананду остается еще двѣ недѣли... Разъ у меня, полковникъ, я васъ подвергну одному предварительному и небольшому испытанію. Останетесь вы побѣдителемъ хорошо, быть вамъ моимъ челоѳомъ на семь лѣтъ. А нѣтъ—ну, тогда все останется попрежнему. Согласны?...

— Съ радостью, съ радостью!... суетился нашъ развеселившійся президентъ.—И вы увидите, Такуръ, что я не ударю лицомъ въ грязь ни предъ какимъ испытаніемъ!..

По окончаніи разговора Такуръ попросилъ меня отправить къ миссъ Б*** узнать о ея состояніи. Всѣ трое, то-есть Гулабъ-Сингъ, полковникъ и Нараянъ заперлись затѣмъ одни въ палаткѣ. Когда я вернулась часа черезъ полтора, двое щитовосцевъ тихо шагали предъ запертымъ входомъ, а трое другихъ лежали неподвижно поперекъ входа. Проходя въ мою собственную палатку, я столкнулась въ темнотѣ, почти носъ къ носу, съ розовымъ шпіономъ, узнавъ его скорѣе по распространяемому имъ запаху водки нежели по платью и фигурѣ. Онъ очевидно подслушивалъ, и при моемъ появленіи быстро исчезъ въ темнотѣ...

Около часа спустя ко мнѣ кто-то постучался о перекладину входа. Я еще не ложилась, намѣреваясь зайти еще разъ къ злополучной миссъ Б***. Услышавъ стукъ, я было по привычкѣ уже открыла ротъ чтобы произнести обычное *Come in!* какъ вдругъ появились, будто изъ-подъ земли выросли, два рослые, мохнатые Раджлута у входа, гдѣ они и остановились какъ вкопанные, оба олираясь на винтовку и вопросительно смотря мнѣ въ глаза. Признаюсь, это внезапное появленіе меня и сконфузило, и озадачило. Ни они меня, ни я ихъ не понимала, и объясненія обоихъ! могли бы про-

длиться до утра еслибы не разгнѣванный голосъ нашего почтеннаго полковника раздавшійся уже съ другой стороны палатки.

— Чтѣ за чорты!... кричалъ онъ.—За леопарда они меня что ли привимають здѣсь что не подпускають и на три ядра къ палаткѣ!... Выйдите-ка на минуту, заголосилъ онъ еще громче, съ явнымъ намѣреніемъ быть услышаннымъ мною.—Посмотрите чтѣ они творять!... Да что они это держать васъ подъ арестомъ, или чтѣ?..

Быстрѣе молніи промелькнуло у меня въ головѣ опасеніе не замѣшая ли въ этомъ Англичанинъ-шпіонъ, котораго я еще за часъ до того встрѣтила почти у порога палатки. Идея была глупая, но не невѣроятная. Она впрочемъ тотчасъ же разсѣялась когда на зовъ полковника я быстро направилась ко входной и единственной двери. Не только меня пропустили совершенно безпрелатственно мои мохнатые Раджпуты, но даже, при приближеніи моемъ, оба распластались на подобіе каракатицъ на песокъ, въ знакъ покорности и благоговѣнія, такъ что мнѣ пришлось пройти чуть не по головамъ воиновъ. По выходѣ глазамъ моимъ предстала картина наломившая мнѣ характерные балеты на американскихъ сценахъ, представляющіе пляску „воиновъ“ (*war dance*) краснокожихъ Индійцевъ на „походѣ“. Три другіе Раджпута, такіе же мохнатые и вооруженные какъ и два первые, скрестивъ три сабли правою рукою, лѣвою противопоставляли свои три огромные носороговые щита наступательнымъ движеніямъ моего уважаемаго президента. И все это въ глубочайшемъ молчаніи и съ выраженіемъ самаго смиреннаго подобострастія на лицахъ, какъ и въ энергической мимикѣ. Сдѣлаеть ли Мръ О*** шагъ налѣво — и они прыгнуть въ тактъ подставляя щиты; скачекъ съ его стороны направо — и они предъ нимъ съ непреходимою стѣной щитовъ. Увидя меня, они мгновенно опустили свои доспѣхи и остановились какъ вкопанные.

Чрезвычайно обрадовавшись моему появленію, полковникъ замѣтилъ что онъ имѣеть сказать мнѣ нѣчто весьма важное, а ужъ затѣмъ приступить къ разъясненію страннаго поведенія Раджпутовъ и собирался уже войти въ палатку, какъ вдругъ его окликнулъ Нараянъ.

— Полковникъ-саабъ! тихо позвалъ онъ его,—погодите!.. Меня къ вамъ послалъ Такуръ-саабъ...

— Что такое!... Что случилось? вопрошалъ Мръ О*** недоумѣвая.

— *Мама Саабъ* (великій господинъ, *Monseigneur*) велитъ вамъ сказать чтобы вы лучше не заходили къ *Бай-саабъ*... Мы здѣсь въ Раджистанѣ, и у нихъ... совершенно другія понятія объ... этикетѣ нежели въ Европѣ и даже у насъ— въ центральной Индіи... Не ходите, иначе вы ихъ шокируете болѣе нежели я въ состоянїи выразить...

— Но почему же и кого это можетъ шокировать?... Затѣмъ, кто эти странные люди?...

— Эти люди присланные девакомъ махараджи Берглурскаго—тѣлохранители, почетная гвардія Мадамъ-Саабъ; отъѣчалъ Нараянъ. А шокированной почувствуетъ себя цѣлая страна. Какъ же можно входить въ *зенану* * послѣ заката солнечнаго?...

— Въ *зенану*?—да гдѣ же тутъ *зенана*?...

— На женскую половину... къ Мадамъ-Саабъ!

Полковникъ громко и продолжительно свиснулъ.

— *Гей-дей!* Да развѣ въ ея года женщины сидятъ еще въ *зенанахъ!*.. воскликнулъ онъ вытаращивъ глаза и непочтительно расхохотавшись. Засмѣялась и я такому откровенному замѣчанію.

— Дѣло не въ годахъ, Саабъ, серьезно замѣтилъ Нараянъ,— а въ уваженіи къ женскому полу. У Раджпутовъ чѣмъ старѣе женщина тѣмъ почтительнѣе съ нею обходятся...

— Ну коль нельзя, такъ и не войдемъ, добродушно согласился полковникъ.—А я было положительно заподозрилъ ихъ въ желаніи ограбить меня и совершенно не понималъ чего это они ляшутъ передо мною!.. Такъ пройдемтесь къ стациіи, я вамъ разкажу дорогой... да кстати узнаемъ и что наша старая Б*** подѣлываетъ... Знаете, добавилъ онъ радостнымъ шепотомъ, какъ скоро ушелъ Нараянъ,—что Такуръ допускаетъ меня къ „первому *искусу*“...

— Знаю; вѣдь это онъ еще при мнѣ вамъ обѣщаль, если счастливо пройдетъ предварительное испытаніе...

— Нѣтъ, это совсѣмъ другое... онъ позволяетъ мнѣ попробовать *Кжулбаки* и *Пураки*... когда бы я ни пожелалъ!

— Господи!... въ ужасѣ вслеснула я руками.—Да вѣдь это вы, значить, будете висѣть внизъ головой и не дыша по цѣ-

* *Зенана* — „гаремъ“, женская половина дома.

лымъ часамъ?... Да съ вами будетъ непременно ударъ!... Въ своемъ ли вы умѣ!...

— Почему же непременно ударъ? Все зависитъ отъ силы воли, а въ ней у меня недостатка никогда не было, немного обидѣвшись отвѣчалъ О***.

— Ну, какъ знаете... Только смотрите, не смѣется ли онъ надъ вами... Онъ только желаетъ вамъ доказать какъ совершенно неспособенъ Европеецъ къ подвигамъ индійскаго аскетизма...

Въ первый разъ со времени нашего знакомства, достойный Американецъ чуть не разбранился со мною за это замѣчаніе. „Вамъ какъ будто завидно!“ повторялъ онъ, не взирая на мое заявленіе что рѣшительно не вижу чему бы можно было завидовать въ подобномъ висячемъ положеніи летучей мыши; что повиснуть вѣдь всякій можетъ, была бы на то охота, а что онъ только наживетъ себѣ этимъ бѣду и всѣ надъ нимъ станутъ смѣяться. Ничто не помогло, и мои доводы не убѣдили его. Онъ пріѣхалъ де изучать „тайныя науки“ и—изучить ихъ.

— Да вы на что же рѣшились?... разсердилась я наконецъ.— Факиромъ разрисованнымъ коровымъ навозомъ желаете быть, или раджь-югомъ? Такъ вѣдь вы или забыли, или не знаете что первымъ настоящая *гунта-видья* столько же знакома какъ и вамъ, а настоящіе *раджь-юги*, такіе какъ Такуръ, внизъ головой и вверхъ ногами не висятъ и мозговъ себѣ вверхъ дномъ не перетрачиваютъ.

Послѣдній аргументъ видимо поразилъ его.

— Какъ?... Развѣ Такуръ не практиковался въ 86 позиціяхъ предписанныхъ „Югой“ Патаанджали?... *

— Очень это похоже на него который всегда говорить съ такимъ презрѣніемъ о юродствахъ „Хатти-Юговъ“, то-есть тѣхъ которые, слѣдуя мертвой буквѣ ученія Патаанджали, стоятъ по цѣлымъ днямъ на головѣ, врастаютъ ногтями ногъ въ землю или же висятъ продѣвъ за бедро и кожу сливы

* Эта система философіи аскетизма самая трудно понимаемая въ Индіи. Какъ халдейская кабала, по которой Симеонъ банк-лохай составилъ въ первомъ вѣкѣ еврейскую, или же нѣкоторые трактаты алхимиковъ, каждое существительное имя въ ней означаетъ по условленному ключу что-нибудь другое. Этотъ ключъ, по общепринятымъ понятіямъ, находится у однихъ *раджь-юговъ* и браманъ не имѣютъ и понятія о настоящемъ значеніи ея ученія.

железный крюкъ прикрѣпленный къ *чакрѣ*, * отвѣчала я, окончательно разошлась.

— Но какъ же онъ дозволяетъ мнѣ?

— Дозволяетъ чтобъ отвязаться отъ васъ, потому что вы пристааете къ нему слишкомъ, и онъ желаетъ васъ проучить въроатно... Не сердитесь, полковникъ; но гдѣ же вы когда-нибудь встрѣчали факира или даже простаго *байрага-госсейна* (нищенствующаго монаха) съ такимъ какъ у васъ брюшкомъ?

О*** снова обидѣлся, даже огорчился.

— Но я могу похудѣть; я только желаю ему показать *силу воли моей*, доказать что не одни Индусы достойны посвященія въ высшія „тайныя науки“.

— Не этими фокусами докажете вы это ему! Я его лучше васъ знаю... Полноте, не морочьте себя напрасными надеждами! Благодарите судьбу и за то что принадлежа оба къ ненавидимой и презираемой имъ „бѣлой расѣ“, видя лучше всякаго другаго нашу безусловную горячую къ нему преданность, а быть-можетъ еще болѣе за нашу искреннюю симпатію къ его народу и уваженіе къ родинѣ его нежели за первое, онъ дѣлаетъ такое неслыханное для насъ исключеніе. Не требуйте отъ него того чего онъ не можетъ, не смѣйте намъ дать и довольствуйтесь крохами которыя онъ намъ бросаетъ по дорогѣ.

— Но почему же, не отставая отъ меня полковникъ,— скажите почему Вѣдь есть же у него ученики?

— Есть, да не такіе какъ мы съ вами, дѣти гнилой цивилизаціи, наслѣдники всѣхъ пороковъ Залада. Вотъ посмотрите на Нараяна: бѣдный малый—мистикъ и фанатикъ по природѣ; онъ живетъ и дышетъ имъ однимъ и готовъ по одному мацовенію пальца его положить за Такура десять тысячъ жизней когда бѣ имѣлъ ихъ. А онъ никогда не будетъ у него принимать *челлой*, хотя онъ и природный Индусъ.

* „Чакра“ толстый шестъ съ четырьмя подвижными горизонтальными крыльями или перекладинами. На ней крутятся повиснувъ на *чакрѣ* за спину иногда до дюжины факировъ, часто истекая кровью. Правительство запретило публичную выставку *чакр* на религиозныхъ собраніяхъ народа, но *чакры* все-таки находятся внутри жертвенныхъ дворовъ храмовъ, куда Англичане не имѣютъ доступа. Факиры крутятся повиснувъ на *чакрѣ* какъ кусокъ сырой говядины на бамбукѣ, пока не сорвутся...

— Но какъ же вы можете знать! Развѣ онъ говорилъ?...

— Ничего не говорилъ, а знаю; хотя бы потому что лучше васъ понимаю Патанджалу и что я не въ первый разъ въ Индіи. Несчастный Нараянъ не можетъ сдѣлаться радѣж-йогомъ потому что онъ женатъ.

— Да вѣдь онъ женатъ еще пока номинально: его женѣ всего одиннадцать лѣтъ. Это только обрученіе.

— А развѣ Такуръ имѣетъ право разбить всю жизнь молодого, ни въ чемъ неповиннаго существа? Развѣ онъ такой человѣкъ? Вы забываете что брось теперь Нараянъ жему, она будетъ обезчещена до дня смерти. Не только она, но и всѣ ея родные и родственники до седьмого колѣна лишатся касты.... Ей обрѣютъ голову какъ вдовѣ и одно прикосновеніе ея будетъ нечистымъ. Ея несчастіе тотчасъ же отнесется къ тяжкимъ грѣхамъ въ одной изъ предыдущихъ ея жизней и послѣ смерти ее даже не сожгутъ, а бросятъ на сѣденье шакаламъ....

— Несчастный молодой человѣкъ!... съ сердечныхъ собо-лѣзнованіемъ воскликнулъ полковникъ, забывая на минуту свою досаду и насколько я уменьшила такимъ напоминаніемъ его собственные шансы къ успѣху.

— Но.... ему быть-можетъ еще улыбнется счастье... она быть-можетъ еще.... умереть? наивно добавилъ онъ.

— Бѣдная, маленькая *Авани-бай!** Какъ вамъ не стыдно надѣяться на ея смерть!...

— Да я вовсе и не надѣюсь этого... но вѣдь все можетъ случиться... и я вѣдь только изъ желанія ему добра...

Не успѣвъ онъ еще договорить послѣдняго слова какъ произошло нѣчто необыкновенное. Мы стояли на заднемъ дворѣ станицы подъ деревомъ и говорили почти шепотомъ, а латка Такура находилась по крайней мѣрѣ за двѣсти шаговъ оттуда. Вдругъ, словно изъ густой листвы мангового дерева, надъ нашими головами, раздался чистый, звучный голосъ Гулабъ-Синга въ отвѣтъ на эгоистическое замѣчаніе нашего президента, который такъ и замеръ на мѣстѣ....

— *Тому кто строитъ собственное свое счастье на несчастіи другаго — не быть никогда радѣж-йогомъ!*... явственно произнесъ голосъ.

* *Авани*—„океанъ“. *Бай*—„сестра“ слѣдуетъ послѣ каждого женскаго имени у Парсовъ какъ и у Индусовъ.

Начатыя почти надъ нашимъ ухомъ, послѣднія слова фразы какъ бы постепенно удаляясь прозвучали гдѣ-то далеко, и наконецъ слились съ жалобнымъ завываніемъ и хохотомъ голодныхъ шакаловъ въ полѣ.

Полковникъ любѣжалъ во всю прыть своихъ толстыхъ коротенькихъ ножекъ назадъ, въ палатку Такура, гдѣ и нашель его за ужиномъ съ Нараяномъ и двумя другими нашими Индусами. Такуръ допивалъ свою вечернюю порцію молока—единственная его пища (сколько мы успѣли замѣтить за всѣ долгія недѣли его пребыванія съ нами), и на вопросъ, не выходилъ ли онъ предъ тѣмъ изъ палатки, полковникъ получилъ отрицательный отвѣтъ ото всѣхъ присутствующихъ. Такуръ не сходилъ со своего ковра съ того самаго времени какъ мистеръ О*** пересталъ ломиться въ палатку „Бай-Саабъ“...

— Я глядѣлъ на него какъ подъ вліяніемъ минутнаго безумія, разказывалъ мнѣ затѣмъ полковникъ;—а онъ сидѣлъ такой же какъ и всегда, равнодушный и спокойный, вперивъ въ меня свои удивительные глаза, которыми онъ словно перебираетъ и пощипываетъ вамъ душу. до самаго ея дна!... И знаете, что онъ отвѣчалъ мнѣ на мое невольное восклицаніе что я *кажется* слышалъ его голосъ на дворѣ станціи? „Очень можетъ быть, мой дорогой полковникъ. Невидимые коридоры вѣчности и безграничнаго пространства *аказа** наполнены всѣми голосами природы—прошлаго и настоящаго. Весьма естественно если вы и наткнулись нечаянно на застывшую волну моего голоса и приведя ее въ движеніе пробудили въ одномъ изъ такихъ коридоровъ эхо... Помните, ни что не исчезаетъ безслѣдно въ природѣ; поэтому никогда не произносите, *даже не думайте* того чего бы вы не желали въ послѣдствіи найти запечатлѣннымъ на таблицахъ вѣчности“... Чортъ меня побери если я понимаю эту ходячую загадку которую мы всѣ зовемъ Такуромъ! Кто и что онъ такое?!...

На другой день мы уложили миссъ Б***, слабую, но уже бранчивую, въ вагонъ и отправили ее на попеченіи У*** и врача назадъ въ Агру. На прощальный привѣтъ бабу, который провозился съ нею и ухаживалъ за нею до утра, она

* *Аказа*—именно нашихъ ученыхъ и сверхъ того еще нѣчто передаваемое на нашемъ языкѣ и чему метафизика Запада не нашла еще подходящаго названія.

отвѣчала милостивымъ, но величавымъ и довольно холоднымъ наклоненіемъ головы. Изъ Индусовъ она никому не подала руки; но У***, устыдясь нашего присутствія, торопливо и будто прячась за спины зрителей пожалъ имъ всѣмъ руки, кромѣ Такура, который не присутствовалъ при проводахъ. Врачъ, приподнявъ предъ нами слегка шляпу и съ потухшею сигарой въ зубахъ, обратился было къ „молчаливому генералу“ съ приказаніемъ достать ему огня. Но онъ былъ тутъ же огорошенъ полковникомъ который, взявъ Мульджи подъ руку, крикнувъ во всю станцію: „Гей! кто тамъ! Пришлите сюда лакея!“ смѣло глядя въ глаза и врачу и появившемуся уже на платформѣ „шпіону“. Ко мнѣ миссъ Б*** упала со слезами въ весьма холодныя объятія и въ продолженіе двухъ минутъ утирала у меня на груди свой носъ.

Наконецъ послѣдній звонокъ освободилъ насъ отъ этого не симпатичнаго элемента, и мы всѣ вздохнули какъ будто у насъ свалилась тяжелая гора съ плечъ. Мы остались одни, съ глазу на глазъ съ нашими Индусами и англо-индійскимъ шпіономъ. Но онъ въ тотъ же день куда-то таинственно исчезъ, и его замѣнили до нашего возвращенія на британскую территорію, какъ мы узнали отъ Такура, шпіоны мусульмане.

Подъ вечеръ того же дня мы отправлялись въ столицу махараджи, гдѣ и ночевали впервые во дворцѣ независимаго принца Индіи. Но объ этомъ и о дальнѣйшихъ нашихъ приключеніяхъ сказка впереди.

РАДДА-БАЙ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ РУССКОМУ ВЪСТНИКУ.

ИЗЪ ПЕЩЕРЪ И ДЕБРЕЙ ИНДОСТАНА

ПИСЬМА НА РОДИНУ

РАДДА-БАЙ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1883.

ИЗЪ ПЕЩЕРЪ И ДЕБРЕЙ ИНДОСТАНА

ЧАСТЬ II.

Маленькое владѣніе, когда-то царство съ царьками и царицами, Бѣртпуръ знаменито лишь сврими Семирамидиными садами, своимъ Дигомъ. Раджа его чрезвычайно гордится своею независимостью предъ мѣтѣ счастливыми братьями, раджами другихъ владѣній Раджпутаны, забывая что онъ обязанъ ею собственно совершенно замкнутому географическому положенію своей территоріи. Въ Бѣртпурѣ нѣтъ ни резидента, ни даже какого-либо чиновника британскаго, по той простой причинѣ что сдавленный словно въ тискахъ между Агрой, Джейпуромъ и Альвуромъ, этотъ штатикъ походитъ на плѣнника окруженнаго замкнутымъ рядомъ солдатъ и поэтому освобожденнаго отъ лишняго часоваго, которому оставалось бы помѣститься на плечахъ или головѣ узника. Не взирая на такое положеніе, населеніе, то-есть высшіе классы (кшатрии, каста воиновъ), коихъ числомъ болѣе нежели низшихъ, съ гордостью достойною испанскихъ хидальго презираютъ Махратовъ и даже Раджпуртовъ, которыхъ теперь перестали бояться. Разоренные до тла Англичанами, они довольствуются малымъ и живутъ въ своемъ „Царствѣ Паваниковъ“

(названномъ такъ потому что на одной долигѣ Бхаратской насчитываютъ до 6.000 священныхъ лавиновъ) беззаботно и даже счастливо. Народъ дѣятельный и когда-то воинственный, они съ 1826 года, когда лордъ Лекъ разорилъ ихъ столицу взявъ ее приступомъ, погрузились гуртомъ въ состояніе какой-то спячки и буквально проводятъ всю жизнь въ религиозныхъ празднествахъ и жертвоприношеніяхъ богамъ. Бѣртпуръ—гнѣздо бардовъ и священнаго лѣсволѣнія въ которомъ прославляются съ утра до ночи доблестные подвиги боговъ и смертныхъ. Поэтому, изъ семисотъ тысячъ жителей, на пространствѣ какихъ-нибудь 77 миль въ длину и 50 въ ширину, четыреста тысячъ *браминствуютъ* ровно ничего не дѣлая, а триста тысячъ проводятъ всю жизнь таская воду изъ озеръ Дига и разнося оную на плечахъ для орошенія 1.978 квадратныхъ миль. Кромѣ этихъ озеръ, занимающихъ всего нѣсколько верстъ, во всемъ владѣніи не имѣется ни капли воды.

Раджа и 99% общаго числа жителей—Джаты. Это племя когда-то составлявшее огромное большинство населенія Раджистана — „aborigены лалящихъ равнинъ“ разстилающихся вдоль Индуса и его притоковъ. Тодъ увѣряетъ и доказываетъ *, по-своему, будто Джаты одного рода и племени съ Гетами, Массагетами и Ютами Ютландіи, а вслѣдствіе этого также съ англо-саксонскими покорителями Англии. Онъ находитъ даже между бѣлоголовымъ Ютландцемъ, его рыжимъ кузеномъ Джонъ-Булемъ и чернымъ какъ ликовый тузъ Джатомъ, „весьма сильное фамиліальное сходство“ въ нижней части челюсти (sic) и вѣроятно въ ушахъ. Мудренаго тутъ ничего нѣтъ. Подъ деслотическимъ раслоряженіемъ гг. филологовъ, этнологовъ и антропологовъ, нашей бѣдной матушкѣ природѣ, да и самому факту, остается лишь молчать.

Одно вѣрно: Джаты—одинъ изъ древнѣйшихъ народовъ Индіи, и хотя и „aborigены“ для пришедшихъ лоздѣе ихъ Раджлотовъ, но не аборигены, а такіе же пришельцы для настоящихъ аборигеновъ, племень разбѣянныхъ теперь по всей Индіи, скрывающихся въ неприступныхъ горныхъ ущельяхъ, въ лѣсахъ и джонглахъ. Ихъ преданія, какъ и сама

* См. *Journal Asiatique*, май, 1827.

исторія, или вѣрнѣе тѣ истрепавыя въ клочки страницы что у насъ ходятъ подъ именемъ исторіи, указываютъ на Джатовъ какъ на племя передовыя ксловіи коего пришли въ Индію изъ-за Гиммалая, вѣроятно изъ-за Оксуса (нынѣ Аму-Дарья), еще до времени Кира. Въ IV вѣкѣ исторія застааетъ Джатское царство въ Пенджабѣ, но не указываетъ на эпоху его основанія и не даетъ никакихъ свѣдѣній объ ихъ первомъ появленіи. Тогда желаетъ также доказать ихъ тождество съ *Азиями* Оксуса—племенемъ низвергнувшимъ Греческую имперію въ Бактріанѣ. Эти де *Азии* и есть родовое племя, вѣтвь коего, ворвавшись въ сѣверную Европу, поселилась между прочимъ и въ Ютландіи. Изъ всѣхъ племенъ живущихъ нынѣ въ Индіи, которымъ желаютъ навязать въ прародители Скивовъ, Джаты самое подходящее къ гипотезѣ. Наружность Скивовъ, какъ мы находимъ ее описанною Геродотомъ, рѣзко отпечатлѣлась на нихъ. Приземистые, плотные, волосатые, съ сильно развитыми мускулами, Джаты столько же подходятъ къ этому описанію сколько высокіе, стройные Раджпуты и Бхиллы отходятъ отъ онаго. Достаточно взглянуть на чисто греческіе профили Раджпутовъ чтобъ убѣдиться въ невозможности производить Скивовъ отъ нихъ. Это такъ же нелѣпо какъ сваливать въ общую „скиевскую яму“ и пенджабскихъ Сикковъ, колоссовъ съ орлицыными носами и чисто европейскимъ типомъ лица, только потому что до обращенія ихъ въ монотеизмъ они приносили въ жертву лошадей. Сикки и Раджпуты, по общему мнѣнію писателей ориенталистовъ, одинъ изъ красивѣйшихъ типовъ рода человѣческаго.

Огромная часть Раджистана перемѣшила въ себѣ теперь подъ „благодѣтельнымъ правленіемъ Англіи“ (стереотипное выраженіе) чистыхъ Раджпутовъ и Джатовъ, и ихъ такуры и земиндары пользуются одинаковыми правами, или, что бытъ-можетъ будетъ вѣрнѣе, одинаково не пользуются никакими правами, кромѣ правъ обыкновеннаго помѣщика и хозяина въ собственныхъ помѣстьяхъ. Но между такурами раджпутской и джатской крови мнѣніе народное, рѣдко ошибающееся, вырыло непроходимую бездну. Такуръ-Джаты — феодальный баронъ, грабящій по ночамъ. Такуръ-Раджпутъ—рыцарь, *un chevalier sans peur comme sans reproche* въ полномъ смыслѣ слова. Чтобъ усюкоить первыхъ и тѣмъ доставить себѣ вѣрныхъ союзниковъ, правительство хотя и воспре-

тило дневные грабежи *de jure*, но разрѣшило ихъ *de facto*, предоставивъ грабителямъ, какъ шейхамъ Бедуиновъ въ Палестинѣ и Сиріи, взимать контрибуцію съ проѣзжихъ каравановъ и путешественниковъ якобы гарантируя послѣднимъ полную безопасность отъ Бхиллей. Но раджлутскіе такуры не приняли ни одной изъ предлагаемыхъ имъ милостей. Владѣя и управляя почти самовластно горстью своихъ подданныхъ, они почти не выѣзжаютъ изъ предѣловъ своихъ деревень и даже часто изъ замка. Гордые и неукротимые, поставленные теперь въ невозможность воевать другъ съ другомъ, они повидимому покорились своей участи, но знаютъ лишь съ раджами которымъ, какъ вассалы, они обязаны платить дань людьми и деньгами. Съ Англичанами они не имѣютъ почти никакихъ прямыхъ сношеній, а ведутъ дѣла, въ случаѣ надобности, чрезъ министровъ своего сюзерена, махараджи.

Какъ и всюду, покорители „вышей расы“ явились тутъ Каинами въ отношеніи къ невиннымъ Авелямъ. Перетасовали они Индію, словно колоду картъ, такъ что тамъ дѣйствительно теперь „своя своихъ не познаша“. Жаль смотрѣть на этотъ, когда-то, при раджлутскихъ и даже при мусульманскихъ царяхъ процвѣтавшій уголокъ Бхаратры, нынѣ Бѣртлуръ, валяющійся въ лыли вѣковыхъ дворцовъ и храмовъ, словно обугленный кусокъ заплѣснѣвшаго сухаря. Еще въ началѣ настоящаго столѣтія великолѣпные водопроводы изъ неиссякаемыхъ Дигскихъ озеръ полосовали всю страну и Бѣртлуръ считался одною изъ главныхъ житницъ Индіи. Страна цвѣла и зеленѣла круглый годъ. Но вотъ, въ 1825 году, явились войска ненасытной Остъ-Индской Компаніи подъ водительствомъ лордовъ Лека и Комбермира. Городъ построенъ на низменности, и вода огромнаго, теперь несуществующаго и заваленнаго озера, *Моти-джели* (Жемчужное озеро), находясь на болѣе возвышенномъ уровнѣ, могла по усмотрѣнію и во всякое время быть выпускаема въ фортификаціонные рвы и затоплять ихъ, причемъ городъ становился неприступнымъ. Съ 1805 года Англичане четыре раза пытались взять Бѣртлуръ приступомъ и каждый разъ были отражаемы съ огромною потерей. Въ продолженіе двадцати лѣтъ были изданы въ ходъ всѣ военныя хитрости, на которыя столь горазды гуманныя Британцы, чтобы завладѣть Павлинымъ

царствомъ съ его соляными озерами и промыслами, дающими около 170.000 фунтовъ стерлинга годового дохода; но это удалось имъ лишь въ 1826 году. По разказамъ Девана и особенно стараго дядьки раджи отвѣтственность за погромъ города лежитъ на совѣсти бога Кришны—патрона онаго. Во время первой осады туземные солдаты служившіе въ британскихъ рядахъ клялись что видѣли Кришну надъ городомъ въ воздухѣ „одѣтаго въ желтое платье аскета и вооруженнаго своими специальными доспѣхами: лукомъ, булавою, конхой и свящебною трубою“ и въ слѣдствіе этого разбѣжались. Но въ 1826 году божество олошало... Суевѣріе Джатовъ можно сравнить развѣ только съ суевѣріемъ Дравидовъ южной Индіи; это какой-то волшебный, заколдованный міръ. Провести нѣсколько дней съ Джатами все равно что день и ночь читать сказки... Чтò ни шагъ, то калпще съ особенною своею легендой, на первомъ планѣ которой выступаютъ рыцари и боги съ богинями, всегда играющими въ нихъ роли добрыхъ и злыхъ волшебницъ, какъ въ сказкахъ *Перо*, гдѣ добродѣтель всегда торжествуетъ, а порокъ всегда бываетъ наказанъ...

— Видите эти разрушенныя стѣны крѣпостей? вонъ тамъ на валу, гдѣ растетъ это огромное дерево съ золотистыми цвѣтами? спрашиваетъ насъ посланникъ Девана.

Мы подѣзжали къ столицѣ Бѣртпура и предъ нами вышались горы мусора, развалины когда-то знаменитыхъ укрѣпленій, а за ними въ грязной и душной котловинѣ разстилася городъ—собраніе полуразрушенныхъ лачугъ. На плоскихъ террасахъ домовъ стояли безобразные идолы и межъ ними важно расхаживали павлины, сверкая въ лучахъ заходящаго солнца стоглазыми хвостами.

— Вижу... Чтò жъ въ этомъ деревѣ такого удивительнаго? прищурился полковникъ.

— Телерь ничего, отвѣчалъ вздыхая чиновникъ.—Но эти желтые какъ золото цвѣты, эти безчисленные грозды ароматныхъ чашечекъ, все это слезы Кришны... Увидѣвъ что Англичане перерѣзали дорогу нашимъ инженерамъ къ пруду и переходать городской ровъ, *девъ* (богъ) бросилъ въ отчаяніи булаву подъ ноги первому отряду и на этомъ мѣстѣ тотчасъ же выросло дерево. Затѣмъ на дерево закапали священныя слезы какъ частый дождь и изъ каждой капли выросъ цвѣтокъ.

— Чѣмъ плакать лучше бы богу было не плашать и тутъ же свернуть всему отряду шею, покощунствовалъ сквозь зубы бабу.

Юный Раджпутъ вѣзшій возаъ кареты верхомъ только вскинулъ глазами на бабу. Въ его черныхъ какъ смола глазахъ выражался вѣмой упрекъ.

— Вы Бенгалець и... вѣроятно *настика*? * срѣзалъ онъ его.

— И да, и нѣтъ, отвѣчалъ бабу, немного сконфуженный прямымъ вопросомъ, а еще болѣе устремленнымъ на него пристальнымъ взглядомъ Нараяна, — я изъ Бенгадіи, но принадлежу... или скорѣе принадлежалъ къ сектѣ Чарвака, къ Лааятикамъ. ** Но теперь, послѣшилъ онъ прибавить, — я теософъ и готовъ вѣрить во что прикажетъ намъ президентъ...

Мы разсмѣялись, стараясь обратить откровенное признаніе въ шутку. Повидимому оно произвело тяжелое впечатлѣніе на его религіозныхъ товарищей. Они вѣроятно не знали до сихъ поръ о принадлежности нашего вѣтренаго бабу къ этой столь презираемой прочими Индусами сектѣ. Къ счастью его, такуръ отсутствовалъ. Усадивъ насъ и отправивъ подъ охраной своихъ всадниковъ, онъ самъ по обыкновенію куда-то исчезъ.

Бѣртпуръ построенъ на развалинахъ, отъ которыхъ на земной поверхности не осталось теперь и праха древней столицы, основанной героемъ Бхаратомъ. Настоящей столицей минулъ всего одинъ вѣкъ. Среди развалинъ древнихъ бастіоновъ и башенъ, забытыхъ наглухо ползучими растениями, прячется, будто стыдась своей современной мизерной карукъ-

* *Настика*—атеистъ.

** Ученіе Чарвака основано на *Сутрѣ* (писаніи) Вархаластіи и короткомъ катехизисѣ Чарваки, Эпикура Индіи, извѣстномъ подъ названіемъ „Афоризмовъ Вархаластіи“. Послѣдователи оныхъ отвергаютъ всѣ *враньяны*—источники истиннаго познанія, признавая лишь *враньякишу* (познаніе посредствомъ однихъ чувствъ) и всего четыре *таттвы* (*Tattvas*, вѣчные принципы), то-есть четыре стихіи изъ совокупности коихъ вытекаетъ разумъ или скорѣе животный инстинктъ который только въ человѣкѣ превращается въ разумъ. Душа, учатъ они, не разлитая отъ тѣла, развивается и умираетъ съ нимъ. *Чарвака-Сутра* самая крайняя матеріалистическая школа Индіи.

ности, дворецъ Махараджи. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ башнями и удѣльшими куполами, на плоскихъ террасахъ старой крѣпости со многочисленными пробоинами, и представляетъ, по замѣчанію Фергѣссона, „страшную смѣсь всѣхъ стилей архитектуры“ отъ сараинскаго до джатскаго.

Миновавъ нѣсколько старинныхъ воротъ со сводами и полуразрушенными стѣнами, на обломкахъ коихъ часовые преспокойно спали или курили *чалумъ*, мы подѣхали ко дворцу. Махараджи не было, онъ отправился пилигримомъ со свитою въ Хардваръ. * Въ первый разъ по прїѣздѣ въ Индію мы вступали въ жилой дворецъ раджи и конечно ожидали увидѣть нѣчто волшебнаго прекраснаго. Разочарованіе было полное!...

Зданіе огромное, какъ и всѣ дворцы раджей, но угрюмое, законченное, со стѣнами покрытыми лѣвсеею, съ безконечнымъ рядомъ галлерей, верандъ, башенъ и башенокъ, лѣстницъ и корридоровъ. Внутри безконечныя ряды комнатъ, неизвѣстнаго назначенія, но отъ первой до послѣдней, отъ дурбарной „тронной“ залы до магійскаго чулана подъ крышею, каждая походила на кладовую продавца старой мебели. Всюду полы, безъ ковровъ, каменные, но весьма неровные, мелодметенные, вѣроятно со дня отъѣзда раджи, такъ какъ каждый шагъ подымалъ облака пыли, заставляя насъ чихать и откашливаться. Комнаты загроможденыя полуизношеннымъ хламомъ; ряды креселъ и дивановъ когда-то золоченыхъ, теперь же облѣзшихъ, всѣхъ сортовъ и эпохъ, обитые драгоценнымъ, но полинявшимъ штофомъ; по стѣнамъ дешевыя нѣмецкія часы съ кукушками (мы насчитали ихъ штукъ восемь въ одной комнатѣ), картинами съ механизмомъ движущихся лодокъ и музыкой рядомъ съ громадными, отъ потолка до полу, тысячными зеркалами; въ бібліотекѣ, изъ драгоценнаго хрустала и розоваго дерева съ великолѣпнѣйшею рѣзною работою, шесть, семь томовъ шестнадцатыхъ разрозненныхъ романовъ Джемса; да по-

* Въ Индіи всѣ большіе и малые раджи отправляются по крайней мѣрѣ разъ годъ на поклоненіе ко священнымъ мѣстамъ. Они обыкновенно совершаютъ хотя часть пути лѣшкомъ, одѣтые въ бѣдное платье пилигрима-аскета, босикомъ и раскрашенные знаками своей секты.

всюду разставленныя, словно на продажу, женскія трюмо, поверхность которыхъ вслѣдствіе многолѣтней сырости представляла географическія карты, перекашивая наши отраженія, словно корча намъ по дорогѣ рожи: вотъ что нашли мы во дворцѣ независимаго раджи!

Замѣтивъ должно-быть отсутствіе всякаго восторга на нашихъ откровенныхъ лицахъ, встрѣтившій насъ на крыльцѣ бородатый Джатъ, который взялся было показать намъ *царскіе* покои, желая заставить насъ вѣроятно измѣнить мнѣніе о великолѣпіи дворца, повелъ насъ въ какую-то *секретную*, угловую комнату, посѣщаемую, какъ онъ намъ сообщилъ весьма конфиденціально, всеми англійскими *бара-саабами* (большими господами) и весьма хвалимуую ими. Комната эта, которую онъ приказалъ старому дядькѣ отпереть какимъ-то особеннымъ ключомъ тоже съ секретомъ и въ добавокъ съ музыкой, оказалась кругомъ обвѣшеною картинами во французскомъ вкусѣ, самаго не позволительнаго содержанія. Подковникъ насилу удержался чтобы не обругать Джата, а Нараянъ, еле взглянувъ, опрометью бросился вонъ изъ комнаты, облегчивъ цѣломудренное сердце цѣлымъ потокомъ словъ, которыхъ мы не поняли, но которыя видимо произвели на бородатого наперсника угнетающее впечатлѣніе. Онъ сильно растерялся и послѣшилъ залереть „секретную“ комнату, пробормотавъ нѣчто въ родѣ извиненія. Мы только поняли одно: всѣ „баръ-саабы“ *беринги* и даже „мамъ-саабъ“, ихъ дамы, посѣщали этотъ *европейскій* „музей“ и всегда очень весело смѣялись. Вслѣдствіе такого пораженія, однако, бородачъ послѣшилъ ретироваться, оставивъ насъ на попеченіи стараго дядьки или воспитателя раджи.

Всюду та же грязь, пыль, безвкусица, запустѣніе и ветхость. Самъ махараджа не живетъ въ своихъ „царскихъ“ покояхъ. Они предназначены восхищать заѣзжихъ бѣлыхъ варваровъ. Самъ же онъ поселился уже давно въ *зенантъ*, въ терему, съ поддружиной женою. Къ сожалѣнію, въ Индіи примѣръ добродѣтели подданнымъ подаютъ не раджи и не принцы. Кромѣ послѣднихъ, туземцы отъ высшаго брамина до послѣдняго *кули* строгіе моногамисты; но за то ихъ властелины-махараджи всѣ до одного придерживаются многобрачія. Эти потеятаты такъ-сказать родились и живутъ внѣ касты, ибо большая часть изъ нихъ никогда

и не имѣла касты. Дѣдъ холькара Индорскаго родился простымъ пастухомъ; гваліоръ изъ семейства Синдіи — правнукъ лакея. Его прадѣдъ Ранаджи, первый Синдія, служилъ довѣреннымъ слугою въ 1714 году Пейшвѣ, который взялъ его изъ семьи простыхъ крестьянъ, а въ 1782 году побочный сынъ Ранаджи, Синдія, сдѣлался махараджей Гваліорскимъ. Гайквары Бародскіе, какъ самое ихъ названіе означаетъ, были сто лѣтъ тому назадъ логонщиками коровъ; а нынѣшній молодой гайкваръ, избранный правительствомъ по изгнаніи несчастнаго Мульрао *, обвиненнаго (и совершенно несправедливо) въ попыткѣ отравить полковника Фейра, политическаго резидента, — сынъ простаго кули, дальняго родственника Мульрао, и т. д. Одни мусульманскіе раджи происходятъ, если вѣрить имъ, всѣ до одного отъ Фатьмы, дочери пророка, а ихъ женская линія отъ Магометовой кобылы (sic), хотя способъ эволюціи отъ послѣдней еще не совсемъ уясненъ. За то махарана Удейпурскій, владѣтель Мейвара, въ Раджистанѣ, безъ преувеличенія и вовсе не ради краснаго словца, происходитъ чуть ли не отъ Адама. Во всякомъ случаѣ генеалогія этого царскаго дома объявлена Англійскимъ правительствомъ совершенно правильною и законною; а эта генеалогія указываетъ на Икшвака, сына Ману, великаго мнѣическаго законодателя Аріаварты, какъ на родоначальника сихъ махараней. Икшвакъ же родился за 2225 лѣтъ до Р. X. **. Можно любиться объ закладъ что не найдется во всей Европѣ рода стариннѣе этого. *Сурьяванъ* — потомки Солнца, имѣютъ неотъемлемое право презирать самыя древнія англійскія фамиліи опираясь на ими же признанную родословную. Въ свое время мы поговоримъ подробнѣе объ этихъ горделивыхъ останкахъ прошлаго и увы! невозвратимаго величія!

— *Old curiosity shop!*.. (bric-à-brac) пробормоталъ все еще сердитый полковникъ оглаadyваясь. — А гдѣ же Такуръ - саибъ? — врезално освѣдомился онъ. — Развѣ мы не увидимъ его болѣе сегодня? Нараянъ!.. Мульджи!.. не знаете ли гдѣ Такуръ?

* Онъ умеръ въ изгнаніи въ 1882 году, въ Мадрасѣ.

** См. *Asiatic Researches „Vansavali* — родословное дерево рода *Сурьяванъ* (потомки Солнца) изъ пещеры Раджистана.“

— *Маха-саибъ* (великій господинъ) никогда не входитъ во дворецъ бѣртпурскихъ владѣтелей, шелпнулъ намъ на ухо Нараянъ.—Онъ уѣхалъ впередъ въ Дигъ и ожидаетъ насъ завтра туда къ *чотта-лазри* (къ завтраку)...

— Ги! промычалъ президентъ, разглядывая китайскаго фарфороваго мандарина съ разбитымъ носомъ,—вечеръ значитъ пропалъ... А не знаете вы, любезный Нараянъ, почему это Такуръ-саибъ избѣгаетъ... жилища здѣшняго раджи?

Махратъ видимо смутился.

— Я не имѣю права, полковникъ, вмѣшиваться въ частныя дѣла и... обсуждать ихъ... особенно дѣйствія *маха-саиба*, отвѣчалъ онъ наконецъ заливаясь.

Но любопытство полковника было не изъ тѣхъ которое можно было остановить замѣчаніемъ. Онъ обратился къ старому воспитателю раджи, который плелся за нами окруженный привратниками со связками ключей. Вопросъ былъ повторенъ старику. Услышавъ его, древній Джать вдругъ смутился еще сильнѣе Нараяна.

Въ первую минуту онъ совершенно растерялся. Затѣмъ принялся подобострастно кланяться и увѣрять полковника что онъ, американскій саабъ,—„покровитель бѣдныхъ“ и „благодѣтель вдовъ и сиротъ“; послѣ чего хитро отвелъ прямой вопросъ, будто вдругъ спохватясь что солнце уже село и сейчасъ же стемнѣетъ. Кончилось тѣмъ что онъ вмѣсто отвѣта пригласилъ насъ въ назначенное для насъ помѣщеніе. Полковникъ съ тѣмъ и остался.

Насъ помѣстили въ огромномъ отдѣльномъ флигелѣ который сообщался съ главнымъ зданіемъ крытою террасой, прямо съ крыши нашего помѣщенія. Комнаты наши, хотя и менѣе загроможденныя мебелью, представляли все-таки невообразимый хаосъ. И здѣсь, какъ и во дворцѣ, оказалось сборище самыхъ разнохарактерныхъ украшеній. Пузатыя кресла съ прямыми, неудобными спинками, вывезенныя вѣроятно еще покойною Компаніей изъ Англіи, казались лгались и стонали какъ кровные Англичане „вышей расы“ отъ затѣливыхъ, чернаго дерева, рѣзныхъ стульевъ работы „нижней расы“. На провалившемся билліардѣ росла изъ глубокихъ, засоренныхъ землей и пылью щелей травка. Мраморные подзеркальники на золоченыхъ и хрустальныхъ ножкахъ съ растреснутыми плитами подпирала покосившіяся отъ времени

дорогія старинныя зеркала. Стѣны были сплошь покрыты портретами раджей, нарисанныхъ масляными красками и во весь ротъ; а рядомъ съ ними висѣли лубочныя картины дешеваго англійскаго фабричнаго произведенія, съ лордами и леди спортсменами, верхомъ на мажорныхъ лошадяхъ въ сопровожденіи бѣгущихъ за ними блѣдно-розовыхъ и зеленыхъ собакъ. Въ простѣвкѣ, между угломъ столовой, подъ такою же лубочною картиною изъ французскихъ нравовъ, представлявшей турниръ барышень на конькахъ, съ носами спрятанными въ муфтахъ, съ лудовыми икрами и въ голубыхъ ботинкахъ, валялись кой-какъ прислоненныя къ стѣнѣ дюжины двѣ картины такъ-называемой работы Дельи. На толстомъ пергаментѣ съ золотыми надписями на *урду*—явно легенды сюжетовъ—и стихами изъ Корана, онѣ изображали различныя историческія *дурбары* могольскихъ и индійскихъ раджей и властелиновъ. На одной изъ нихъ, въ квадратный ярдъ величины, было изображено до 80 человѣческихъ фигуръ. Всѣ онѣ раболѣбно, кромѣ фигурки въ синемъ мундирѣ, эполетахъ и съ красными усами, стояли со сложенными на груди руками и наклоненнымъ корпусомъ въ направленіи возсѣдающаго на тронѣ какого-то раджи. Пестрило въ глазахъ отъ одного взгляда на эту расписанную самыми яркими красками группу, но, какъ и всѣ восточныя произведенія, безъ тѣней и безъ грунта. Комната освѣщалась лишь одною большою висячею мѣдною лампой, и пламя фитиля, погруженнаго самымъ примитивнымъ манеромъ прямо въ кокосовое масло, раздуваемое во всѣ стороны сквознымъ вѣтромъ изъ всѣхъ безокопныхъ отверстій и ажурныхъ дверей, освѣщало предметы весьма неясно. Ни я, ни даже полковникъ не обратили тогда вниманія на эту картину полувыдвинутую изъ-за другихъ стоявшихъ вверхъ ногами изображеній дурбаровъ и охотъ.

Насъ видимо старались принимать и угощать по-европейски. Обѣденный столъ былъ найденъ во владѣнціи цѣлою колонію красныхъ муравьевъ; и такъ какъ оказалось невозможнымъ спровадить ихъ не убивъ нечаянно нѣсколькихъ, преступленіе предусмотрѣнное законами Мауу и на которое дядька Джатъ не рѣшался, то намъ притащили другой столъ. Мраморная съ великолѣпною мозаичною работою доска на трехъ золоченыхъ наддомкентахъ

ножкахъ тотчасъ же рухнула подъ тяжестью цѣлой груды тарелокъ, къ ужасу дядьки-воспитателя, усмотрѣвшаго въ этомъ паденіи явное предзнаменованіе чьей-нибудь неожиданной смерти. Къ нескрываемому отвращенію нашихъ Индусовъ, намъ принесли цѣлую корзину французскихъ винъ и ликёровъ, а къ неописанному изумленію стараго Джата-дядьки веселящія душу напитки были тотчасъ же съ позоромъ изгнаны полковникомъ. Воспитатель никакъ не могъ взять въ толкъ чтобы „саабы-феринги“ могли отказываться отъ вина и водки. Его удивленію не оказалось границъ когда къ довершенію эксцентричности, видимо показавшейся ему сумасбродствомъ, мы попросили его дать намъ поужинать по-туземному, на цѣновкѣ и съ листьями платановъ вмѣсто блюдъ и тарелокъ...

Было всего восемь часовъ вечера когда, окончивъ нашу трапезу на полу, въ сомнительно пріятномъ обществѣ двухъ громадныхъ сороконожекъ, которыя скрылись отъ нашего преслѣдованія въ приготовленной мнѣ спальнѣ, мы стали перетаскивать со всевозможными предосторожностями нѣсколько расшатанныхъ креселъ на веранду гдѣ наконецъ и устали, собираясь подышать послѣ злонаго дня вечернимъ воздухомъ. Къ нашей компаніи скоро присоединились два посѣтителя, помощникъ или секретарь Девана, проводившій насъ утромъ со станціи и толстѣйшій бенгальскій бабу, инспекторъ школъ махараджи, единственные въ Бѣртлурѣ люди говорившіе по-англійски. Любопытный полковникъ засыпалъ ихъ вопросами. Черезъ часъ мы знали не хуже ихъ всю подмоготвую махараджей Бѣртлурскихъ и Павлиньяго Царства.

Между прочими историческими свѣдѣніями, мы узнали что нынѣшній раджа, выдаваемый Англичанами за настоящаго, законнаго наследника трона, есть въ глазахъ своихъ подданныхъ узурпаторъ, хотя въ этомъ преступленіи виновенъ не онъ, а правительство. Въ 1825 году, по смерти Буддео Синга, *раджъ* долженъ былъ по закону перейти къ брату его, Дуржунъ-Салю, ибо, во первыхъ, сыновья раджей не могутъ быть ихъ наследниками и вступаютъ на престолъ только за неимѣніемъ братьевъ и племянниковъ (сыновою сестеръ, а не братьевъ), а вовторыхъ, у локойнаго раджи былъ всего одинъ сынъ, да и тотъ незаконный. Дуржунъ-Саль имѣлъ за себя огромную партію и законы Ману.

Но у Остъ-Индской компаніи были солдаты съ пушками и право хитрѣйшаго, если не сильнѣйшаго. Къ тому же какъ теперь, такъ и тогда, Джонъ-Буль настаивалъ на своемъ правѣ быть всемірнымъ защитникомъ слабого и невиннаго и, подъ предлогомъ протектората, проглатывать слабого и невиннаго вмѣстѣ съ его царствомъ. Непрошенные олекуны явились и тутъ. Ихъ политика состоитъ въ томъ чтобы допускать ко владѣнію только тѣхъ раджей которые воспитаны ими самими, по мудрому шаблону Меттерниха въ отношеніи къ Наполеону II, злополучному императорскому принцу. Подобно герцогу Рейхштадскому, всѣ эти индійскіе раджи гибнуть *à la* „Маркизь де-Садъ“ благодаря своимъ англійскимъ воспитателямъ, которые съ перваго же дня ведутъ ихъ незамѣтно на путь ранней гибели вслѣдствіе разврата и пьянства. *

Итакъ, не взирая на то что Дуржунъ-Салъ уже сидѣлъ по выбору народа на престолѣ, въ 1826 году явилась безо всякаго повода спасать малолѣтняго, незаконнорожденнаго принца армія въ 20.000 человекъ со 122 пушками. Армія эта была отражена съ великимъ урономъ, какъ разказываютъ, „самимъ богомъ Кришною и священными павлинами Сарасвати,“ кои ихъ двадцать тысячъ спустились на армію, причемъ каждый павлинъ сѣвъ на голову одному солдату принялся отчаянно выклеивать ему глаза. Англичанамъ не удалось тогда взять

* Молодой раджа Кучъ-Бехарскій, котораго я встрѣчаю каждое лѣто въ Симаѣ, въ Дарджилингѣ и на холмахъ миссурскихъ, сдѣлался теперь чистокровнымъ Англичаниномъ. Пьетъ шампанское бочками, одариваетъ всѣхъ *belles de la saison*—„Мемъ-саабъ“ и *Мисси-быби*,—которыя ему дѣлаютъ великую честь провальсировать съ нимъ, драгоценными браслетами, колье и брошками, разоряется на спортъ и кутежъ, дѣлая все это не только съ согласіемъ, но и съ одобреніемъ неотходящаго отъ него ни на шагъ воспитателя, полковника Х..... А ему лѣтъ еще и двадцати лѣтъ! Даже юныя дѣвицы не отыдаются принимать отъ него дорогие подарки. Помятно какой будетъ правитель Кучъ-Бехарскаго раджа. А сложить онъ себѣ голову или допьется до чортиковъ, благодушные отцы правители тотчасъ, подъ тѣмъ предлогомъ что они законные олекуны, сперва заберутъ все управленіе въ свои руки, а затѣмъ и *аннексируютъ* потихоньку его царство. Тепло и сыто, и приличія соблюдены!

приступомъ городъ. Но они вернулись черезъ мѣсяцъ и (перевожу со словъ Бѣртлурской хроники) „воспользовавшись тѣмъ что Кришна совершалъ въ то время *танасы*,*“ но вѣроятнѣе всего, благодаря быстротѣ дѣйствія, армія перерѣзала, какъ уже оказано выше, дорогу инженерамъ раджи ко слаботительному пруду, а затѣмъ перерѣзала и меловинныхъ жителей, по увѣренію разкащиковъ до 9.000. Послѣ этого, поймавъ удравшаго съ женами и двумя сыновьями раджу Дуржунъ-Саля, Англичане отправили злополучнаго принца въ Бенаресъ на вѣчное житіе, великодушно ассигновавъ ему на издержки 50 фунтовъ стерлинговъ (500 рублей) въ мѣсяцъ.

3 Раджа умеръ въ 1851 году, оставивъ двухъ сыновей и несчетное число внуковъ. Мизерная пенсія раздѣлилась между сыновьями и махарани-матерью. Потомки Бульдео Синга стали помаленьку вымирать, что было весьма съ руки правительству.

А теперь позволяю себѣ маленькое отступление и забѣгаю на минуту для ясности разказа впередъ.

Въ 1880 году, во время нашего пребыванія въ Бенаресѣ, мы познакомились съ единственнымъ оставшимся въ живыхъ внукомъ. Остальные всѣ перемерли съ голоду. На присланной намъ карточкѣ красовалось:

„Рао Кришна Дева Сурна Сингъ. Внукъ махараджи Бѣртлурскаго.“

Рао Кришна оказался весьма образованнымъ и красивымъ молодымъ человекомъ. Вдобавокъ къ этому мы тотчасъ же вспомнили тогда что онъ былъ героемъ очень таинственной, хотя и весьма неправдоподобной исторіи, разказанной намъ въ Бѣртлурѣ нашими двумя посѣтителеми, которую я теперь и передаю.

Его отецъ, сынъ изгнаннаго раджи, уже совсѣмъ умирая съ голоду (пенсію наконецъ прекратили, воспользовавшись возстаніемъ 1857 года), выучился фотографіи и питался тѣмъ что снималъ портреты съ пилигримовъ ко священнымъ берегамъ Гангеса и виды разныхъ храмовъ и калущъ. Платить за образованіе единственнаго сына онъ не имѣлъ средствъ,

* Религіозная *медитация*, предписанная всѣмъ богамъ какъ и людямъ: самопогруженіе въ Брамму, который сидитъ у каждаго смертнаго въ сердцѣ.

а правительство отказывалось помочь. Религіозный до фанатизма, онъ отправился въ одинъ прекрасный вечеръ, — въ день затменія луны, величайшаго у Индусовъ праздника, — во храмъ своего патрона Кришны. Не взирая на олошность *Аватара* Вишну, касательно столицы бывшего царства отца его, онъ не переставалъ приносить ему жертвы когда только могъ. Въ тотъ вечеръ у злополучнаго сына Махараджи было пусто въ кармаѣ и пусто въ желудкѣ. Перебирая четки, сидя на корточкахъ предъ идоломъ, онъ съ горя заснулъ. Какой-то ученый матеріалистъ и физиологъ выразилъ мнѣніе что видѣнія являются смертнымъ только вслѣдствіе туго набитаго желудка; но на сей разъ было исключеніе въ пользу голодающаго: юный богъ явился къ нему во снѣ и, указавъ на густое дерево въ саду занимаемой раджей лачуги, сказалъ ему: „Копай подъ этимъ деревомъ во время каждаго полнолінія, и доколѣ останешься вѣрнымъ мнѣ, будешь находить ежемѣсячно на южной сторонѣ онаго 1.000 серебряныхъ рупій“. Проснувшись и вспомянувъ что въ ту ночь было какъ разъ полнолініе, принцъ-фотографъ отправился во свояси и, вооружась заступомъ, сталъ копать. Кришна сдержалъ слово, и тысяча рупій были найдены. Тогда въ порывѣ благодарности принцъ далъ обѣтъ отправляться каждый годъ съ сыномъ на поклоненіе богу-любимцу *гопи* (пастушекъ), въ нѣкій извѣстный храмъ близъ Хардвара. На слѣдующій мѣсяцъ въ полнолініе — тотъ же результатъ: тысяча рупій подъ деревомъ. Единственному его сыну, Рао Кришнѣ (имя прибавленное къ прежнимъ отцемъ его, въ благодарность божественному патрону), было всего тогда восемь или девять лѣтъ. Каждый мѣсяцъ богъ Кришна клалъ мѣшокъ съ рупіями подъ дерево, и каждый годъ отецъ съ сыномъ отправлялись лѣшкомъ и босикомъ къ далекому храму, съ посохомъ въ рукѣ и въ полномъ костюмѣ индійскихъ аскетовъ, то-есть въ легкомъ и первобытномъ одѣяніи Адама.

А теперь прошу читателя приготовить къ вышеупомянутому невѣроятному разказу. Не взирая на все неправдоподобіе, среди двухсотъ пятидесяти милліоновъ туземнаго населенія Индіи подобныя разказы весьма обыкновенны и для туземцевъ не имѣютъ въ себѣ ничего невѣроятнаго.

Когда Рао Кришна минало четырнадцать лѣтъ, отецъ взялъ его по обыкновенію съ собою на ежегодное поклоненіе. Въ

тотъ годъ между пилигримами свирѣпствовала сильная холера, убивавшая жертву менѣе чѣмъ въ часъ, и они мерли какъ мухи по дорогѣ. На полянѣ у Деодорскаго лѣса заболѣлъ и нашъ юный Рао; отецъ съ ужасомъ и отчаяніемъ замѣтилъ что мальчикъ умираетъ. Замѣтили это и шедшіе съ ними другіе пилигримы и *санньязи*, и тотчасъ же, дабы не оскверниться прикосновеніемъ ко трупу при подаваемой помощи, разбѣжались... Осталась наблюдавшая издали группа богомольцевъ. Они-то и разнесли по Индіи совершившееся на ихъ глазахъ.

Мальчикъ умеръ, и отецъ оглашалъ весь лѣсъ воплями отчаянія и безвыходнаго горя. Онъ заклиналъ товарищей - пилигримовъ помочь ему хотя соорудить костеръ для сожженія трупа; наконецъ двое изъ нихъ рѣшились оскверниться и подошли. Мальчикъ лежалъ посинѣвшій и совсѣмъ мертвый, и надъ нимъ были совершены всѣ предписываемые Ману обряды. Прошло нѣсколько часовъ, костеръ былъ готовъ, и оставалось лишь положить на него мертвое тѣло, какъ вдругъ пилигримы увидали неизвестно откуда появившуюся новую и совершенно имъ незнакомую личность... То былъ старикъ аскетъ лѣтъ за сто. Тройной священныи шнурокъ черезъ плечо указывалъ что онъ браминъ, а знакъ на лбу черною и бѣлою краской что онъ принадлежитъ къ сектѣ Веданты называемой *Адвайти*. * Тихо и едва волоча ноги онъ подошелъ къ лежавшему въ сторонѣ трупу, и наклонясь надъ лицомъ умершаго, долго и не трогая тѣла вглядывался въ него. Отецъ и другіе пилигримы, видя тройной шнурокъ, не смѣли подойти ближе и молча глядѣли издали на нѣмую сцену. Впрочемъ, старикъ-отецъ былъ, какъ разказываютъ, до того убитъ горемъ что можетъ-быть и не обратилъ бы на него вниманія еслибы тутъ не произошло нѣчто весьма странное. Аскетъ, стоявшій до того неподвижно, сталъ мало - по - малу шататься и склоняться все ниже и ниже къ покойному. Еще секунды двѣ, три, и лаломники увидѣли какъ задрожало дрохлое тѣло, какъ подкосились ноги... Внезапно грохнувъ на землю, старецъ точно

* *Адвайти* (медуалисты) секта противная *двайталь* (дуалистамъ); они не признаютъ боговъ, а одного Парабраму, то-есть, мировую божественную эссенцію, которая по вездѣсущности своей неотлична отъ эссенціи духа человѣческаго.

подкошенный снопъ вытянулся рядомъ съ мертвымъ юношей и... въ ту же секунду, высоко вскинувъ руками, послѣдній свѣтъ и дико озираясь по сторонамъ сталъ, къ ужасу пилигримовъ, манить ихъ къ себѣ потихоньку рукой...

Когда прошла первая минута смятенія и ужаса, и отецъ съ воплемъ радости кинулся къ воскресшему сыну, подошли и другіе паломники: Осмотрѣвъ тѣло аскета, они его нашли окочевѣвшимъ и мертвымъ. Но страннѣе всего было то что онъ казался какъ бы умершимъ уже за нѣсколько до того часовъ. На тѣлѣ его видѣлись всѣ холерные признаки: черныя пятна, опухоль и скорченныя ноги, въ то время какъ съ тѣла юноши, еще за нѣсколько минутъ до того начинавшаго, какъ казалось, разлагаться, всѣ эти признаки исчезли, не оставивъ за собою и слѣда. Тѣло его было чисто и казалось совершенно здоровымъ. Слово старикъ и юноша ломѣвались организмами...

Нравоученіе и объясненіе: Все на свѣтѣ *майя*, иллюзія, и намъ не слѣдуетъ даже и смерти вѣрить. Индусы глубоко убѣждены въ тайномъ могуществѣ *мантръ* и *мантриковъ* (заклинательныхъ молитвъ и заклинателей), а также и въ способности аделтовъ тайныхъ наукъ безцеремонно переселяться въ случаѣ надобности въ тѣла другихъ людей, пользуясь глубокимъ сномъ, болѣзнію или даже смертью послѣднихъ. Поэтому они и объясняютъ случай съ Рао Кришной тѣмъ что старику аскету надоѣло жить въ своемъ дряхломъ и брѣнномъ тѣлѣ. Къ тому же онъ вѣроятно тронулся отчаяніемъ осиротѣвшаго отца. Вслѣдствіе сего двойнаго резона и увѣрясь въ смерти мальчика, почтенный аскетъ прочелъ *мантру*, вылезъ изъ собственной кожи и влѣзъ въ тѣло умершаго, котораго тѣмъ самымъ и оживилъ. При этомъ „всѣ выиграли, обѣ стороны остались довольны, и никто ничего не потерялъ“.

— Какъ никто не потерялъ? спорили мы съ разкащиками, — Мальчикъ-то сохранилъ одно живое тѣло, или, скорѣе, дряхлый старикъ приобрѣлъ себѣ новое... а вѣдь духовную личность свою, индивидуальность души безсмертной, Рао Кришна ужъ навѣрное потерялъ!

— Весьма ошибочное разсужденіе, отвѣчали намъ тогда какъ и позднѣе ведантисты. — Вѣра въ индивидуальность духа

нашего и его собственную личность есть самое сильное и изъ всѣхъ заблужденій самое опасное. Это по нашему ужасная *ересь*! Безсмертный духъ въ человѣкѣ не отличенъ отъ Всемирнаго Духа...

— Такъ по вашему и во мнѣ сидитъ Парабрама? спрашиваю я ихъ.

— Не онъ въ васъ, а такъ-сказать вы въ немъ имѣете вѣчное бытіе, и вашъ духъ (*атманъ*) ничѣмъ не отличается отъ духа другого человѣка... А душа, то-есть сѣдалище вашего личнаго, присущаго вамъ одной разума,—конечно ваша...

— Благодарю васъ хоть и за то... Такъ не все ли равно?

— Конечно, не все равно. Вѣдь душа (*манас*, или животная душа) не можетъ быть подобно духу бессмертною. Духъ есть часть божественнаго, несотвореннаго Парабрамы, безъ начала какъ и безъ конца, а разумъ имѣя начало долженъ имѣть и конецъ. *Манас* рождается, развивается и умираетъ. Вслѣдствіе этого онъ не можетъ быть бессмертнымъ. Примеръ: зачерпните рукой вѣскольکو капельъ воды изъ океана, сожгите ихъ въ горсти и пусть сдѣлаетъ то же вашъ сосѣдъ. Ваши руки—двѣ совершенно одна отъ другой отличныя руки; одна бѣлая, другая темно-коричневая; но за то онъ и не бессмертна, а рано ли поздно ли обратятся обѣ во прахъ, а вода въ обѣихъ горстахъ изъ одного безбрежнаго, безконечнаго океана—олицетвореніе въ нашемъ случаѣ Парабрамы, должна вернуться въ томъ или другомъ видѣ къ первоисточнику своему, къ единой *Параматмѣ* (высшая всемірная душа)... Появля?

— Ровно ничего не появля; но это ничего не значить. Вы вѣрьте себѣ на здоровье, а я еще подожду...

Такъ учили насъ наши Индусы-теософы, подтверждая намъ разказанную исторію. Впрочемъ, это ученіе однихъ ведантистовъ, послѣдователей Шанкарачаріи, величайшаго аделта и *юга* южной Индіи. Дваиты, Висиштадваиты и Брами отвергаютъ оное и вѣрятъ въ личность божественную, *Ишвара*, отдѣляя оную отъ души человѣческой.

Въ тѣ дни нашего перваго лутешествія мы еще не были знакомы ни съ этою доктриной, ни съ происшествіемъ, ни даже съ его героемъ, который первый отвергаетъ его истинность, хотя и хорошо помнитъ свою мнимую смерть. Мы отвесились къ разказу поэтому съ большимъ сомнѣніемъ и очень этимъ огорчили нашихъ друзей.

— Но вѣдь это вольнодумство, упрекали они насъ хоромъ.— Вѣдь такіе *факты* извѣстны по всей Индіи, и много, много было такихъ *исторически* извѣстныхъ случаевъ. Самъ великій Шанкарачарія, истолкователь Веданты, переселялся нѣсколько разъ при жизни въ тѣла раджей, дабы исправлять ихъ несправедливости и помогать народу. Припомните его полеміку съ богиней Сарасвати.

И чтобъ увѣрить насъ въ справедливости разказаннаго происшествія, они повторили намъ слѣдующее изъ жизнеописанія великаго *ачаріи* (учителя).

Въ Мадханѣ (VIII, 34) находится разказъ о томъ какъ онъ перехитрилъ Сарасвати, богиню тайныхъ наукъ и премудрости. Въ образѣ простой смертной, богиня какъ-то вступила въ ученый диспутъ съ Шанкарачаріей. Она желала ему доказать что есть вещи на свѣтѣ о которыхъ даже и онъ не знаетъ. Получивъ удовлетворительные отвѣты на вопросы по всевозможнымъ отраслямъ знанія, Сарасвати вдругъ поставила его въ туликъ, потребовавъ у него опредѣленіе *науки любви*, о которой Шанкарачарія какъ аскетъ и іоги съ восьмилѣтняго возраста конечно ничего не могъ знать. Тогда, дабы не посрамиться предъ свидѣтелями, Шанкарачарія просилъ отсрочки на одинъ мѣсяць. Богиня, увѣренная что ни одинъ обреченный на безбрачіе и цѣломудріе *самньязи* не въ состояніи ей отвѣтить на ея вопросъ, согласилась и заранѣе торжествовала побѣду. Но великій комментаторъ *упанишадъ* (*Upanisad*) * призвалъ на помощь *Джельяна Канду*. Эта *Канда* есть тайная наука или правильное пониманіе Ведъ, нѣчто доступное лишь весьма немногимъ избранныкамъ (*радѣжъ-богамъ*), тогда какъ *Карма-Канда* есть то ученіе Ведъ которое предоставлено повѣже-

* Упанишадъ, третье подраздѣленіе *Ведъ*, называется также *gahasya*, или мистическое ученіе. Слѣдуетъ имѣть каючъ къ тайному кодексу чтобы понять въ совершенствѣ эти глубоко метафизическія концепціи человѣческаго ума. Какъ справедливо замѣчено профессоръ Monier-Williams, упанишадъ суть единственная, религиозная школа достойная глубокихъ мыслителей Индіи. Это священныя книги всѣхъ образованныхъ туземцевъ. Упанишадъ истолкованныя Шанкарачаріей суть краеугольный камень *Веданты* (то-есть „завершеніе или конецъ всей земной науки“).

ственному большинству, неспособному воспринять истину въ наружнаго ритуализма и грубаго поклоненія формъ и мертвой буквѣ. И вотъ, съ помощью *Канды*, Шанкарачарія выигралъ дѣло. Онъ тотчасъ же отправился съ учениками на Востокъ Амриталуры, гдѣ только что скончался раджа Амарака и, вмѣшавшись въ толлу его горюющихъ придворныхъ, рѣшился на самое практическое въ этомъ случаѣ дѣло. Стоило лишь взглянуть на красивое тѣло покойника и на отчаяніе его 99 женъ дабы придти къ убѣжденію что раджи былъ адептъ въ *науку любви*. Поручивъ ученикамъ присмотрѣть за своимъ временно покидаемымъ тѣломъ, Шанкарачарія (или скорѣе его душа) выскользнувъ изъ „ножень“ * перешла въ безжизненные *ножны* раджи. Иллюзія воскресенія была полная. Въ одинъ мѣсяцъ Шанкара-раджа изучилъ „науку любви“ въ совершенствѣ и не только изучилъ, но и самъ написалъ превосходный трактатъ въ двухъ отдѣлахъ. Въ первомъ любовь имъ описывается въ самыхъ яркихъ краскахъ и привлекательность этой иллюзіи воспѣвается въ столь же пламенныхъ какъ и ученыхъ *словахъ* (стихахъ); во второмъ отдѣлѣ всѣ доводы, вся блестящая софистика перваго, все это сокрушается, разбирается во прахъ самимъ же авторомъ. Онъ уничтожаетъ доводы своей первой диссертациі и указываетъ на горькіе плоды поражаемые привлекательнымъ цвѣтомъ коварнаго „древа любви“... Подъ мудрымъ управленіемъ раджи Шанкары въ „ножняхъ“ раджи Амараки народъ блаженствовалъ; а хитрые брамины, знакомые съ *Джуньяной Кандой*, заподозривъ правду и желая воспользоваться во что бы то ни стало и какъ можно долѣе управленіемъ такого мудреца, ложи на хитрость. Дабы воспрепятствовать возвращенію въ собственное тѣло тому кто завладѣлъ тѣломъ покойнаго, по видимому воскресшаго царя, они издали тайный указъ повѣлывавшій приступить немедленно къ *созрѣванію всякаго нагодящагося на ихъ территории мертваго тѣла*. Такимъ образомъ и дѣйствуя тайно отъ царя, они разчитывали что погибнетъ и тѣло неизвѣстнаго имъ адепта, „раджь-іога“, который такъ кстати поселился въ трутѣ ихъ прежняго краси-

* *Kosha* (ножны), терминъ употребляемый ведантистами когда они говорятъ о тѣлѣ.

ваго, но глаулаго раджи. „Ножны“ Шанкарачаріи, хотя и подъ вѣрною охраной его учениковъ, были найдены, и отнятое тѣло брошено на приготовленный костеръ. Благодаря *Иогсвидль*, однако, Шанкарачарія тотчасъ почувствовалъ что съ его законными „ножнями“ что-то не ладао и тутъ же прозрѣлъ что его желаютъ насильно задержать въ тѣлѣ раджи. Тогда не медля онъ выскользнулъ изъ непринявшащей ему *коши*, и, предоставивъ пустую шелуху раджи на этотъ разъ неминуемой ея участи, вернулся въ собственное свое тѣло, которое нашель уже окруженное пламенемъ. Оно не сгорѣло только благодаря окружавшей оное, такъ сказать, кольчугѣ изъ нестараемаго хотя и *невидимаго* матеріала. Вернувшись въ Бенаресь, онъ поразилъ даже богиню тайной премудрости, Сарасвати, своими глубокими свѣдѣніями по части „науки любви“. Она объявила себя побѣжденною, а Шанкарачарію признала величайшимъ риши (мудрецомъ и святымъ).

Понятно что если самыя священныя для Индусовъ *шастры* и *пураны* (древнія преданія) и даже *упанишады*, считаемыя браминами божественнымъ откровеніемъ, полны такихъ разказовъ о перелѣзаніи души изъ одного тѣла въ другое, то было бы несправѣдливо обвинять Индусовъ, даже самыхъ образованныхъ, въ суевѣріи. Для нихъ вѣра въ подобныя чудеса естественна и священна, и я привела этотъ эпизодъ изъ жизни Шанкарачаріи, признаваемого лучшими ориенталистами нашего вѣка за одного изъ глубочайшихъ философовъ Индіи, какъ примѣръ оправдывающій въ туземцахъ вѣру въ то на что мы взираемъ какъ на глупое суевѣріе. Религіозныя чувства Индуса и Раджлута оскорбляются здѣсь на каждомъ шагѣ. Священный имъ *нипаль*, убѣжище чистыхъ духовъ, падаетъ ежедневно подъ толоромъ англійскаго плавтатора; а по павливу, птицѣ посвященной Кришнѣ, стрѣляютъ съ такою же равнодушною беззаботностію, подъ самымъ носомъ у туземца, какъ еслибы то была ворона. Англичане не понимаютъ, да и не хотятъ понять, что каждый такой ударъ толора и лули отзывается въ сердцѣ благочестиваго Индуса, расширяя съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе ту бездну ненависти въ душѣ беззащитнаго туземца, которую сами же Англичане собственноручно и выкопали въ ней. Насколько сознаютъ это Англичане, легко убѣдиться изъ ихъ собственныхъ признаній.

„Не разумно и не достойно философа и даже просто честнаго человѣка, говоритъ полковникъ Тоддъ, отнестись къ народнымъ повѣрьямъ такой глубокой древности презрительно только потому что нѣкоторыя изъ нихъ недоступны нашему разуму.“ „Чуждъ долженъ быть тотъ человѣкъ милосердію кто смѣется надъ ними; неостороженъ тотъ въ политикѣ кто не употребляетъ всякаго средства для предупрежденія такихъ оскорбленій вслѣдствіе невѣжества либо необдуманности. Это попросту—злоупотребленіе нашею силой, невеликодушное проявленіе силы надъ ихъ (туземцевъ) слабостью. Вспомнимъ кто такіе наследники этихъ древнихъ храмовъ, покровители священныхъ пилала и павилана: то дѣти *Сурьи* и *Чандры* (солнца и луны), потомки древнихъ мудрецовъ, наполняющіе въ настоящее время ряды вашей храброй арміи, внимательные, хотя и безотвѣтные наблюдатели всѣхъ нашихъ поступковъ: самые вѣрные, преданные и послушные изъ смертныхъ! Постараемся же сохранить ихъ послушаніе и преданность, уважая ихъ вѣру и не оскорбляя въ нихъ ежечасно чувства собственнаго достоинства и національной гордости... Спросимъ себя, положи руку на сердце, сдѣлали ли мы *тѣмъ кто завоевали для насъ почти всю Индію* * счастливые или же разорили ихъ, поправъ вдобавокъ подъ ногами все что есть только священнаго для нихъ.

* Какъ ли странно звучитъ такое признаніе, оно остается и останется фактомъ: „покорители Индіи“ не Англичане, а Индусы. Недавно доведенные до бѣшеннаго отчаянія Бенгалійцы, вслѣдствіе невыносимыхъ ежедневныхъ оскорбленій печатнымъ словомъ и дѣломъ, въ отвѣтъ газетѣ *Englishman* (Калькутта), напечатали брошюру, въ коей опровергаютъ пунктъ за пунктомъ *вообразимое* завоеваніе Индіи Англичанами и называютъ оное „хвостовствомъ“, доказывая это официальными рапортами и перепиской Англо-Индійскаго правительства съ *Foreign Office*. Брошюра вышла подъ названіемъ *Our Conquerors who are they?* („Наши завоеватели кто они такіе?“) Въ отвѣтъ на возгласы,—мы принадлежимъ къ высшей расѣ завоевателей и не позволимъ правительству подчинить насъ юрисдикціи людей принадлежащихъ къ *низшей*—авторъ брошюры пишетъ: „На это хвастливое *vain victis* которое намъ жужжитъ въ уши съ перваго дня отпора, биллю Ильберта, мы отвѣчаемъ разъ навсегда слѣдующее:—покорили Индію не вы, не ваши европейскіе солдаты, а наши силаи, Индусы—и мы бросаемъ вамъ перчатку, вызываемъ дѣлою

...„Для общаго блага, для обоюднаго счастья правителей и управляемыхъ, постараемся же поправить всѣ наши прошлыя ошибки... Торжественно заявляю здѣсь что я любилъ и люблю солдата Индуса. Я доказывалъ на что онъ способенъ когда разъ прива- жется къ начальнику. Въ 1817 году, тридцать два стрѣлака изъ моего ковова атаквали, разбили и разогнали лагерь непріятеля въ 1.500 человекъ, взявъ въ плѣны и убивъ втрое болѣе чѣмъ было ихъ самихъ. А что слышимъ мы изъ Индійскихъ Тер- мопилъ, Коригаума? 500 стрѣлковъ противъ 20.000 человекъ которыхъ они обратили въ бѣгство! Найдите мнѣ въ лѣто- писяхъ Наполеона что-либо великолѣпнѣе и достойнѣе удив- ленія... А много ли благодарности получили они, наши храб- рые силаи, и ихъ соотечественники взамѣнъ всего этого?“ *

А вотъ получили теперь и получаютъ ежедневно благо- дарность отъ 60.000 Англо-Индійцевъ, во главѣ коихъ стоятъ всѣ англійскія газеты Индіи, особенно *Englishman*. Въ 1857 году, неуваженіе и ежедневныя оскорбленія ихъ святыни вызвали мятежъ силаевъ. Въ 1883 году, то-есть въ настоя- щую минуту происходитъ, разрастаясь ежедневно съ большею силой, мятежъ бенгальскихъ бабу! Но послѣдствія перваго *митинга* англо-индійскихъ плантаторовъ и лавочниковъ—въ Калькуттской городской ратушѣ, послѣ того какъ имъ сдѣлался извѣстнымъ такъ-называемый *Pibert's bill*, не ограничились

націей опровергнуть насъ если можете!“ Затѣмъ авторъ перечисляетъ всѣ пункты завоеванныя для Ангаія Индусами,—отъ Пассаи до послѣд- няго мятежа, когда Ангаія была спасена Сиками. Онъ напоминаетъ Англо-Индійцамъ слова многихъ генераловъ, слова напечатанныя и теперь уже принадлежащія исторіи. Такъ лордъ Маклей сравниваетъ преданность Сипаевъ лорду Клейву съ преданностью 10го легіона Юлію Кесарю и старой гвардіи Наполеону; далѣе авторъ повторяетъ сдѣлан- ное тѣмъ же историкомъ сравненіе индусскихъ силаевъ съ солдата- ми Морица Саксонскаго и слова лорда Корнвальса порицающія ан- глійскихъ солдатъ, и произнесенную имъ похвалу Индусамъ: *Брига- да нашихъ силаевъ способна сдѣлать кого угодно императоромъ Индостана!* и т. д.“ (См. *Kaye's Life of Cornwallis* стр. 75).

Къ сожалѣнію, „Черный актъ“ (*The Black Act*) стѣснующій сво- боду печати отиѣненъ, и Англичане *volens volens* проглотили горькую правду.

* *History of Rajasthan*. Vol. 1. p. 74.

одними общими столкновениями и невинною перебранкой. Законное и весьма достойное уваженіе желаніе лорда Рилона, прозваннаго теперь „Бабу Рилонъ“, оказать наконецъ самую простую справедливость туземцамъ, предоставивъ ихъ образованнымъ, состоящимъ на коронной службѣ судьямъ, одинаковыя съ англійскими судьями права, вызвало неслыханную и никѣмъ не ожидавшую бурю со стороны *non-civilians*, то-есть вышеупомянутыхъ, не состоящихъ на гражданской и военной службѣ плантаторовъ и спекуляторовъ. За послѣдними, кто секретно, а кто и открыто, послѣдовали чиновники и офицеры. Посыпались градомъ на нихъ нелицеприятныя бабу такія оскорбленія и насмѣшки что надо быть положительно *Индусомъ* и имѣть терпѣніе самаго кроткаго мула чтобъ ежедневно и ежечасно глотать ихъ еле отвѣчая на нихъ, придерживаясь пока только оборонительной системы. Но ураганъ все усиливается. Онъ перешелъ сперва изъ Калькутты во всѣ города и мѣстечки Бенгаліи, а теперь нѣтъ того города и деревни которые не откликнулись бы на волю оскорбленныхъ бабу. Дѣло уже дошло до парламента. Въ газетѣ *Englishman*, за подписью (псевдонимъ) „Чау-Чи-Чфу“, появилось якобы объявленіе: „Требуются нѣсколькими евроло-азіатскими семействами большая партія водосововъ, парашниковъ, кучеровъ, *подметальщиковъ* и *мясниковъ* etc.; никто кромѣ бенгалскихъ бабу не получитъ этихъ мѣстъ. Объявители предпочитаютъ отставныхъ коллекторовъ, судей и коронныхъ адвокатовъ и т. д. въ этомъ родѣ.“ Тогда бѣшенство оскорбленныхъ бабу, да и всей націи, дошло до послѣднихъ предѣловъ, и они стали отвѣчать такими же оскорбленіями. Въ парламентѣ г. О’Доннелъ, одинъ изъ вожаковъ ирландской партіи, обратилъ вниманіе палаты на это страшное „незаслуженное оскорбленіе“; помощникъ секретаря г. Кроссъ, отвѣчалъ что онъ читалъ этотъ „безчестный ласквилъ“, что Англо-Индійскому правительству уже послана инструкція, и что *Englishman* будетъ вѣроятно привлеченъ къ суду за разжиганіе страстей посреди и безъ того уже взаимно враждебныхъ расъ. Не тутъ-то было, бѣдный „бабу“ Рилонъ, заваривъ кашу, самъ не знаетъ какъ ее теперь расхлебывать. Это внушеніе безо всякихъ послѣдствій только разожгло еще болѣе нашихъ бабу. Вотъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ какъ изданія ежедневныя,

еженедѣльные и ежемѣсячныя, наполнены только этимъ. Несчастнаго раджу Шива Пфасада, который осмѣлился сказать нѣсколько словъ въ вице-королевскомъ совѣтѣ противъ *билля*, сожгли и все еще жгутъ (*in effigie*, конечно, то-есть макетъ его) во всѣхъ городахъ Индіи. Всюду *митинги* „монстры“, протесты, адреса и пламенные слѣдцы. Стояъ и гулъ стоятъ столбомъ надъ Индіей. Туземная печать, въ первый разъ со дня ея существованія подвядаясь, какъ одинъ человекъ, а въ англо-индѣйскомъ лагерѣ подыались въ подмогу мужьямъ и братьямъ амазонки, *лэмъ-саабы* и *мисси-биби*. На шесть тысячъ собранныхъ подписей подъ ходатайствомъ англо-индѣйскаго прекраснаго (но презющаго) пола въ „дамскомъ адресѣ королеви“ *противъ билля*, туземки отвѣчаютъ „адресомъ“ къ ея величеству, за билль, за подписью 300.000 именъ. Овѣ протестуютъ въ то же время противъ систематическаго ряда оскорбленій подданнымъ ея величества.

Но все это лишь къ вопросу о *билль*. Во время самаго разгара дѣла о немъ вдругъ приключилась еще хуже оказія, о которой конечно всѣ наши читатели узнали уже изъ газетъ. Это дѣло выходитъ еще посерьознѣе, и чѣмъ оно кончится, одному Провидѣнію извѣстно. Изъ-за колѣбной свѣчи Москва сгорѣла, а изъ-за стараго каменнаго идола, *Шалиграма*, горятъ сердца неугасаемою ненавистью къ Англичанамъ у всѣхъ Индусовъ какъ вѣрующихъ, такъ и невѣрующихъ. Это оскорбленіе уже не политическаго, а чисто религіознаго характера, противъ котораго воспламенились даже такіе невѣрующіе *настики* какъ нашъ бабу. „Дѣло не въ идолѣ, говорятъ они, а въ оскорбленіи дѣлой націи.“ Судья высшей инстанціи, Норрисъ, разбирая какую-то ссору изъ-за владѣнія вышереченнымъ идоломъ, приказалъ его принести въ судебную камеру, какъ онъ теперь объясняетъ, съ согласія обѣихъ сторонъ. Но въ глазахъ всей націи такое дѣйствіе оказалось неслышаннымъ, нестерпимымъ. Туземныя газеты раздѣлили вниманіе между биллемъ и идоломъ. Возстали всѣ Пандиты, Брамичы, Шастры. * Грозно подвядаясь армія іоговъ, санньязи и всей монашествующей и нищенствующей братіи... Правительство услугалось не на

* Ученые браминны знающіе на память всѣ Шастры, Пураны и Ведаы.

шутку. Но если, по пословицѣ, Англичанину все сходитъ съ рукъ, то ужь у Англо-Индійца „самъ чортъ должно-быть дѣтей качаетъ“. Успокоились дая на два обѣщаніемъ не повторять подобнаго оскорбленія какъ вдругъ неожиданно грянулъ громъ въ третій разъ. Редакторъ журнала *Bengali* оскорбилъ де высшій судъ печатнымъ словомъ лордая дѣйствіе судьи Норриса и доказывая что онъ по закону не имѣлъ никакого права вызывать въ судъ почтеннаго идола и тѣмъ осквернять святыню. Норрисъ обидѣлся „за величіе и неприкосновенность суда“, какъ увѣряютъ англо-индійскія газеты и „захотѣлъ отмстить въ лицѣ образованнаго и вліятельнаго туземца всей Индіи“, по увѣренію туземныхъ передовиковъ, тутъ же выведшихъ судью на чистую воду, показавъ какъ онъ бросилъ шляпу вверхъ на митингъ противъ билля и ругалъ съ остальными туземцевъ. Редактора, бабу-Сурендро-Нвѣъ-Баннерджи, осудили на два мѣсяца въ тюрьму. Чтѣ произошло послѣ этого — и разказать невозможно. Бабу сдѣлался въ 24 часа героемъ буквально всей Индіи. Онъ „мученикъ за нашу мать Индію“, онъ „страдаетъ за цѣлый народъ и за трусость вошь“ прочихъ и т. д. и т. д. Изъ всѣхъ городовъ Индіи шлются адреса соболѣзнованія и собираются огромныя суммы для „мученика“. Приготавливаются *милліоны* подписей (буквально) для подачи въ парламентъ прошенія, и послано уже въ Лондонъ нѣсколько адвокатовъ и ораторовъ...

Чѣмъ все это кончится и какъ? Великій тотъ политикъ, скажу болѣе, пророкъ, кто сумѣетъ поднять въ этомъ случаѣ завѣсу будущаго. Все зависитъ отъ сердца Индіи, Калькутты; а вѣдь хотя и совѣстно и горько заклеимить однимъ почеркомъ пера цѣлую шестидесятимилліонную націю, но правда заставляетъ меня откровенно сказать что, за нѣсколькими исключеніями, бенгальскіе бабу не люди, не мущины, а какіе-то сдобные пироги на кокосовомъ маслѣ. Поднялись дрожжи, пришли во временное движеніе, а тамъ олять упадутъ и будутъ себѣ киснуть цѣлое еще столѣтіе...

Но, Боже мой, куда это я зашла, въ какой заблудилась дали! Трудно описывая прошлое не остановиться на настоящемъ, особенно когда дѣло идетъ о народѣ полномъ превосходныхъ, благородныхъ качествъ, съ сердцемъ незлобивымъ какъ у ребенка и съ головой мудреца, но за то сброд-

ливой и столь же испорченной телеръ какъ тотъ же ребенокъ не баловствомъ, а вслѣдствіе жестокихъ лобоевъ не-прошеной и нелюбимой мачихи... Перейду снова къ *суетіямъ* этого страннаго, совершенно исключительнаго народа.

Невозможно передать и части разказовъ школьнаго учителя и Джата о способности индусскихъ духовныхъ *Его* получать и отдавать взаимно визиты и хозяйничать въ чужихъ тѣлахъ. На это потребовалась бы особенная книга, съ приложеніемъ избранныхъ разказовъ изъ *Барона Мюнхаузена*. Впрочемъ, будучи упитана въ продолженіе четырехъ лѣтъ подобными повѣствованіями, съ указаніемъ при каждомъ на *факты*, то-есть *убивая людей съ чужими съ нихъ душами* (sic), послѣднее непочтительное замѣчаніе пишу быть-можетъ совсѣмъ не я, а только мои европейскія *ножны*. Иногда у меня идетъ голова кругомъ, мутится въ мозгу, и я перестаю даже сознать и перелутываю собственную личность. При такихъ необычайныхъ разказахъ я не рѣшалась заявлять о себѣ даже мысленно что я—точно я сама, а не (какъ въ одной изъ исторій Марка Туэна) мой собственный братъ близнецъ, утонувшій возлѣ меня въ ваннѣ... Мы просидѣли такимъ образомъ отъ восьми часовъ вечера далеко за полночь на верандѣ, слушая одинъ разказъ за другимъ, одинъ другаго необычайнѣе!...

Наконецъ, наши гости попросили позволенія уйти. Мы лишь тогда вспомнили что сами виноваты въ продолжительности ихъ визита: мы забыли попросить ихъ убраться! Въ Индіи, если хозяинъ не позаботится отпратить гостей вовремя (Европеецъ фразой: „надѣюсь что скоро снова зайдете“, а туземецъ предложивъ жвачку бетеля и оросивъ гостей розовою водою), то посѣтителю изъ учтивости готовы остаться у васъ цѣлую ночь. Это пренепріятная обязанность, и первое время она насъ сильно конфузила. Телеръ же мы попри-выкли и находимъ этотъ обычай даже весьма удобнымъ, тѣмъ болѣе что подобная деликатная задача не требуетъ здѣсь даже и Демьяновой ухи. Напротивъ, гости всегда сами несутъ приношеніе въ видѣ плодовъ, сладкихъ снадобьевъ и цвѣтовъ, а отъ угощенія убѣжали бы безъ оглядки: строгіе законы неумолимой касты не позволяютъ имъ дотронуться даже до стакана воды. Когда же подаютъ воду Европейцу въ домѣ Индуса, стаканъ, либо другая какая посуда, какъ навѣки

оскверненная, разбивается тутъ же въ дребезги. Учтивый Европеецъ всегда самъ разобьетъ ее.

Гости наши уже собирались уходить когда полковникъ, упрямый и задорный въ спорахъ, какъ истый Янки, смѣясь снова замѣтилъ Джату и школьному учителю:

— Благодарю васъ за посѣщеніе и доставленныя свѣдѣнія. Только ужъ извините, а мнѣ что-то все-таки не вѣрится чтобы душа живаго человѣка могла завладѣвать по одному желанію и калрису чужимъ тѣломъ.

— Да мы и не утверждаемъ что можетъ сдѣлать *всякая* душа, а только *маяви-рупа* (тѣло иллюзіи, *perisprit*) посвященнаго іоги.

— Въ могущество ихъ и тайную силу вполне вѣрю, перебилъ онъ уже серьезно.—Вѣрю потому что лично убѣдился во всемъ этомъ по пріѣздѣ въ Индію. Но чтобы душа, даже самаго сильнаго аделта, и будь у него семь ладѣй во лбу могла по усмотрѣнію переселяться въ другое тѣло,—не могу повѣрить! Вѣдь этакъ вы дѣлаете изъ нихъ чистыхъ оборотней!.. Этакъ пожалуй каждый іоги способенъ оборачиваться, какъ въ сказкахъ нашихъ краснокожихъ, въ крокодиловъ, кошекъ, лягушекъ... Это чортъ знаетъ что ужъ такое!..

— Не спорьте, полковникъ, замѣтилъ доселѣ молчавшій Нараянъ.—Не спорьте; вы не можете знать до чего можетъ доходить... *изъ* могущество, и до....

— Да вѣдь на все есть границы! перебилъ нашъ президентъ съ ноткой досады въ голосъ.—Ну вотъ, нашъ такуръ, напрімѣръ... Я вѣрю въ его науку, глубокія познанія и психическую силу, какъ вѣрю въ собственное существованіе... Неужели же мнѣ потому вѣрить и въ то что, воспользовавшись тѣломъ дохлой крысы, онъ способенъ лерелѣзть и въ нее?.. Тьфу, какая гадость!..

И онъ даже плюнулъ, причемъ я вспомнила почему-то У***, и его споръ съ такуромъ на берегу озера.

— Обращиваются въ крысъ и тигровъ одни *джаду*, колдуны, да тибетскіе *дугны* и шамары; почти гнѣвно воскликнулъ, сверкая глазами, Нараянъ.—Велікій Саабъ никогда не спизойдетъ до этого!.. Но еслибъ онъ и захотѣлъ такъ сдѣлать, то... конечно...

Тяжелый шумъ могучихъ крыльевъ, въ двухъ шагахъ отъ насъ, внезапно прервалъ Нараяна на полусловѣ. Онъ весь задрожалъ и устремилъ пристальный взглядъ въ уголъ веранды. Великодушный лавина, разбуженный вѣроятно громкими голосами спорщиковъ, слетѣлъ съ крыши и тяжело опустившись на землю стоялъ предъ Нараяномъ, чванливо раслустивъ лышый вѣеръ хвоста...

Полковникъ расхохотался во все горло.

— Ужь не думаете ли вы, мой бѣдный Нараянджи, что въ этомъ лавинѣ сидитъ нашъ такуръ?.. Пожалуй вы готовы увѣрить и себя и насъ что Гулабъ Сингъ нарочно оборотился въ лавина чтобъ остановить ваши нескромныя разоблаченія объ его могуществѣ!.. Ха, ха, ха!..

Нашъ президентъ катался со смѣху; но Нараянъ и не улыбнулся. Мы замѣтили съ удивленіемъ что даже бабу оставался серьезнымъ. Прочіе видимо напускали на себя видъ равнодушія и развязности которой не чувствовали. Одинъ толстый учитель солгавъ ослабляясь и стараясь уже вѣскольکو минутъ вернуть словцо. Наконецъ ему удалось воспользоваться минутнымъ затихшемъ, и онъ многозначительно откашлялся...

— Вотъ полковникъ саабъ, не вѣрить нашимъ разказамъ о переселеніи душъ изъ одного живаго тѣла въ другое... А вѣдь предъ нимъ находится, если вѣрить всей Индіи, живой, такъ сказать, примѣръ, громко заговорилъ онъ.—Спросите кого хотите, и всякій вамъ скажетъ что въ *молодомъ* такурѣ Гулабъ-Лалъ-Сингъ сидитъ душа стараго владѣтельнаго такура, дѣда его, и что онъ...

Полковникъ и я наострили уши и слушали, стараясь не пророчить одного слова. У меня занялось дыханіе...

— Докачивайте же!.. нетерпѣливо воскликнулъ нашъ президентъ, внезапно смолкшему и какъ бы что-то соображавшему учителю.

— И что такуръ... еще при жизни...

Но намъ видно не суждено было услышать конецъ этого интереснѣйшаго для насъ свидѣнія. На крышѣ, надъ нашими головами, внезапно раздались рѣзкіе крики лавъ и что-то свалилось съ ней къ ногамъ снова было присѣвшаго учителя, шлепнувшись съ глухимъ стукомъ о каменный помостъ. Въ полутемнотѣ, и прежде нежели мы могли разглядѣть

образъ этого новаго явленія, тучный ледагогъ подскокнлъ съ упругостью мячика на стулъ и тутъ же развалилъ его въ куски, чуть не развалясь самъ вмѣстѣ съ нимъ. Удержавшись какъ-то на ногахъ онъ отскочилъ въ сторону и заоралъ высокою, испуганною фистулою.

— Кобра, кобра!.. берегитесь... кобра!..

Нашъ маленькій бабу, вѣрившій столь же мало въ законы Ману запрещающіе убіеніе какого бы то ни было живаго существа, отъ тигра до клола включительно, какъ и въ оборотней, бросился тутъ же съ быстротою обезьяны на помощь своему соотечественнику. Вырвавъ у него изъ рукъ тонкую, бамбуковую трость, онъ схватилъ змѣю, вѣроятно болѣе насъ испуганную, одною рукою за хвостъ, а другою, вооруженною гибкою тростью, разомъ перебилъ ей спинной хребетъ, затѣмъ наступилъ ей толстымъ башмакомъ на голову и доканалъ хлыстомъ. Во рту у неприятной гадины мы нашли лавлиныя яйцо, которое намъ и объяснило какъ визитъ лавлина-оборотня, такъ и появленіе кобры. Забивъ ротъ яйцомъ, котораго кобра не могла сразу проглотить и, вѣроятно почувствовавъ себя безсильною предъ атакующими лавлинами, она со страху свалилась съ крыши.

Мы посмѣялись надъ суевѣріемъ Нараяна и Муъджи, и простясь съ гостями вошли въ нашу столовую. Воспользовавшись нашимъ отсутствіемъ, придворная челядь, пожелавшая вѣроятно заслужить на другое утро ожидаемый здѣсь даже царскими слугами *бакшишиз*, постаралась привести въ порядокъ комнаты. Главная уборка ихъ состояла въ томъ что билліардъ закрыли старымъ ситцевымъ и дыравымъ одѣяломъ, а картины Дельи поразставили по столамъ и окнамъ. Особенно бросалась въ глаза одна изъ нихъ, представленная къ висящему противъ входныхъ дверей зеркалу на стоящемъ подъ нимъ столѣ. Нашъ почтенный президентъ машинально подошелъ къ ней, и приподнявъ очки на лобъ, сталъ разсматривать многочисленныя фигуры изображеннаго дурбара, при свѣтѣ стоящей на столѣ большой лампы. Въ ожиданіи пока онъ окончитъ обзоръіе, я сѣла у окна сильно усталая и позевывая.

Все было тихо кругомъ. Бѣртнуръ спалъ, наши товарищи ушли, спали и лавлины на крышахъ, усложаясь послѣ произведенной тревоги. Не спали одни мы, да Нараянъ все еще

5
6
-

4
0
r
b
y
e
r
r
l
r
l

